

Греческие атлетические виды спорта и фестивали

Э. Норман Гардинер

Greek Athletic Sports and Festivals

By

E. Norman Gardiner, M.A.

The cover image was created by the transcriber
and is placed in the public domain.

1910

The Project Gutenberg eBook of Greek Athletic Sports and Festivals.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Греческие атлетические виды спорта и празднества

Автор: Э. Норман Гардинер

Дата выхода: 20 июля 2019 [eBook #59952]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером, Дэвидом Кингом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK GREEK ATHLETIC SPORTS AND FESTIVALS ***

Греческие атлетические виды спорта и фестивали

ГРЕЧЕСКИЕ АТЛЕТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СПОРТА И ФЕСТИВАЛИ

АВТОР: Э. НОРМАН ГАРДИНЕР, М.А.

ΜΗΔΕΝ ΑΓΑΝ

ΜΑΚΜΙΛΛΑΝ Ι ΚΟ, ΛΙΜΙΤΕΔ

ST. ΜΑΡΤΙΝΣ-ΣΤΡΙΤ, ΛΟΝΔΟΝ

1910

Φ. Ε. ΤΟΜΠΣΟΝΥ

В ЗНАК ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ЗА ВСЕ, ЧЕМ АВТОР, КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ МАРЛБУРЖЦЫ, ОБЯЗАН ЕГО УЧЕНИЮ, СОЧУВСТВИЮ И ДРУЖБЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я надеюсь, что настоящий том окажется интересным как для широкого читателя, так и для изучающего прошлое. И хотя на первый взгляд его тема может показаться чисто археологической, многие из проблем, с которыми он имеет дело, столь же реальны для нас сегодня, как и для греков. Место физической культуры и игр в образовании, место атлетики в нашей повседневной жизни и в жизни нашей страны - это вопросы, имеющие для всех нас современное значение, и при их рассмотрении мы не можем не почерпнуть что-то из атлетической истории нации, которой хотя бы на время удалось примирить соперничающие притязания тела и разума и увековечить этот результат в своем искусстве.

Это мое первое и, возможно, главное оправдание объема данного тома. Второе - это то, что на английском языке нет ни одной работы на эту тему, и даже в обширной литературе, которую создала Германия, нет ни одной работы такого же масштаба. *Gymnastik u. Agonistik* Й. Х. Краузе - шедевр эрудиции, точности и рассудительности. Но эта работа была опубликована в 1841 году, а с тех пор раскопки и прогресс археологии привели к появлению такой массы новых материалов, которые полностью изменили наш взгляд на прошлое. Раскопки в Олимпии впервые позволили нам проследить всю историю фестиваля и исторически рассмотреть греческую атлетику.

В первой части этой работы я попытался написать непрерывную историю греческой атлетики. Это амбициозная попытка, возможно, слишком амбициозная для человека, чья профессия оставляет ему мало времени для непрерывного изучения. Охваченный период включает в себя множество сложных и спорных проблем, которые невозможно полностью обсудить в рамках данной работы. Во всех этих случаях я попытался самостоятельно просеять доказательства и вынести независимое суждение. Многие детали могут быть неясными, а многие мои выводы, несомненно, могут быть подвергнуты критике. Тем не менее общий план истории ясен, и я смею думать, что она имеет более чем мимолетный интерес и значение.

Вторая часть носит более технический характер, хотя, возможно, понравится тем, кто активно интересуется легкой атлетикой. Она состоит из нескольких глав, каждая из которых полна сама по себе и посвящена деталям греческой атлетики. Многие из глав взяты из статей, опубликованных мной в "*Журнале эллинских исследований*". Главы о стадионе, гимнасии, ипподроме и боксе являются совершенно новыми. В первых двух из этих глав вы найдете последние результаты раскопок в Дельфах, Эпидавре, Приене и Пергаме, результаты, которые не так легко доступны английскому читателю.

Организация работы потребовала определенного количества повторений, а также введения отдельно и в историческом порядке некоторых деталей, которые было бы понятнее и, конечно, живописнее сгруппировать вместе. Но мне показалось, что стоит пожертвовать ясностью и эффективностью, чтобы выявить исторический аспект предмета, который полностью затушеван в большинстве наших учебников. Кроме того, я постарался четко разграничить то, что определено, и то, что предположительно. Слова "возможно" и "вероятно" повторяются, я слишком сознаю, с монотонным постоянством. Но там, где свидетельства слишком недостаточны или противоречивы, чтобы допустить уверенность, единственный безопасный и честный путь - признаться в невежестве и надеяться, что открытие какой-нибудь новой рукописи развеет наши сомнения. Пренебрежение этим различием между предположительным и достоверным стало плодотворным источником ошибок.

Большое значение придавалось свидетельствам современных памятников, и были приведены иллюстрации основных описанных памятников. При их выборе предпочтение отдавалось объектам из Британского музея, поскольку они, скорее всего, будут наиболее доступны для большинства читателей. В случае с вазами интерпретация часто зависит от композиции, поэтому по возможности воспроизводятся целые сцены, а не отдельные фигуры. К иллюстрациям, где это возможно, прилагаются музейные ссылки, а также указания на дату создания иллюстрируемых предметов. Литературные ссылки можно найти в списке иллюстраций.

Многие из иллюстраций были подготовлены специально для этой книги, и за них я обязан тщательной и превосходной работе мистера Эмери Уокера. Многие из них воспроизведены из моих статей и статей других авторов, опубликованных в "*Журнале эллинских исследований*", и, выражая благодарность Совету Эллинского общества за разрешение воспроизвести их, я хотел бы засвидетельствовать ценность библиотеки этого общества для тех, кто, подобно мне, не живет поблизости от большой библиотеки. Если бы не щедрые условия, которые это Общество предоставляет для заимствования книг, любая работа, которую я смог проделать, была бы почти невозможна.

В орфографии последовательность представляется недостижимой, и я в основном принял компромисс, рекомендованный в *Journal of Hellenic Studies*. В случае собственных существительных, названий мест, людей, зданий, праздников было принято латинское написание, в случае других греческих слов - греческое написание, за исключением тех случаев, когда латинская форма настолько привычна, что любая другая форма была бы педантичной. Названия месяцев рассматриваются как чисто греческие слова. Что касается *ei*, то *ei* сохраняется там, где оно встречается в основе слова, *e* обычно используется в окончаниях.

Невозможно перечислить здесь многих авторов, чьи работы я заложил. Многие из моих долгов признаны в примечаниях. Но я не могу не упомянуть троих - д-ра Й. Х. Краузе, о работе которого я уже говорил; д-ра Эрнста Курциуса, автора главы об истории Олимпии в большом труде, который он редактировал вместе с д-ром Адлером; и д-ра Юлиуса Ютнера, чьи "*Antike Turngeräthe*" и издание "*Gymnastike*" Филострата, опубликованные только в прошлом году, незаменимы для любого изучающего этот предмет. Доктору Ютнеру я также должен выразить свою благодарность за его щедрое разрешение использовать иллюстрации в его работе.

Среди многочисленных друзей, помогавших мне, я хотел бы особо поблагодарить профессора Э. А. Гарднера, мистера Г. Ф. Хилла и мистера Х. Б. Уолтерса за их постоянную готовность дать мне совет и воспользоваться своими специальными знаниями о греческой скульптуре, монетах и вазах. Многие иллюстрации скульптур взяты из "*Справочника по греческой скульптуре*" профессора Э. А. Гарднера, а монеты были специально отобраны для меня мистером Г. Ф. Хиллом. Не могу также не упомянуть Луиса Дайера, чья смерть произошла во время моей работы над ранней историей Олимпии. Он сам подготовил работу об Олимпии, на которую я надеялся сослаться в подтверждение своих взглядов. Его точные знания, его готовность поделиться своими знаниями, его энтузиазм и бескорыстное сочувствие сделали его смерть невосполнимой потерей для меня. Многие исправления были сделаны благодаря добросовестной заботе другого моего друга, Герберта Аудри, который занимался чтением моих гранков почти до самой своей смерти.

Вполне уместно, что эта книга вышла под эгидой профессора Перси Гарднера, поскольку именно он неосознанно стоял у ее истоков. Мой интерес к этой теме был впервые вызван

главой об Олимпии в его *"Новых главах из греческой истории"*, которую я прочитал по возвращении из круиза на "Аргонaute", в ходе которого я посетил Олимпию. Профессор Перси Гарднер прочитал книгу как в рукописи, так и в гранке, и многие улучшения связаны с его предложениями. Однако он ни в коей мере не несет ответственности за высказанные взгляды, а тем более за ошибки, которые я мог допустить.

Е. НОРМАН ГАРДИНЕР.

Эпсомский колледж,
Суррей.

СОДЕРЖАНИЕ

Список иллюстраций	xv
Список наиболее употребительных сокращений	xxv
ЧАСТЬ I	
ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ АТЛЕТИКИ И АТЛЕТИЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 393 ГОДА Н.Э.	
1. Вступление	1
2. Атлетика у Гомера	8
3. Возникновение атлетического праздника	27
4. Эпоха атлетических фестивалей, шестой век до н.э.	62
5. Эпоха атлетического идеала, 500-440 гг. до н.э.	86
6. Профессионализм и специализация, 440-338 гг. до н.э.	122
7. Упадок атлетики, 338-146 гг. до н.э.	146
8. Атлетика при римлянах	163
9. Олимпийский фестиваль	194

10. Пифийский, Истмийский и Немейский фестивали	208
11. Афинские атлетические фестивали	227
ЧАСТЬ II	
АТЛЕТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ГРЕКОВ	
12. Стадион	251
13. Гонки на ногах	270
14. Прыжки и алебарды	295
15. Бросок дискобола	313
16. Метание копья	338
17. Пятиборье	359
18. Борьба	372
19. Бокс	402
20. Панкратион	435
21. Ипподром	451
22. Гимнасий и Палаэстра	467
БИБЛИОГРАФИЯ	511
ИНДЕКС	519
УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ	531

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Боксер на стеатитовом пиксисе. Cnossus. (B.S.A. vii. p. 95)	10
2. Вооруженный бой на Клазоменах. Саркофаг в Британском музее. (Murray, <i>Sarcophagi in B.M.</i> , Pls. ii., iii.)	21
3. Погребальные игры на вазе Амфиарая. Берлин, 1655 год. (<i>Mon. d. I. X.</i> , Pls. iv., v.)	29
4. Погребальные игры на дипилонской вазе. Копенгаген. (<i>Arch. Zeit.</i> , 1885, Pl. viii.)	30
5. План Олимпии (по Дёрпфельду)	35
6. Статуя девушки-бегуны. Копия оригинала V века. Ватикан. (Helbig, <i>Führer</i> , 2nd Ed., 384.) (С фотографии Алинари).	49
7. Аполлон, найденный в Тенее. Мюнхен. (Э. А. Гарднер, <i>Греческая скульптура</i> , рис. 20)	87
8. Статуя работы аргивского скульптора. Дельфы. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 134; <i>Fouilles de Delphes</i> , ii. 1)	89
9. Аполлон из Шуазель-Гуффье. Британский музей.	91
10. Фигура с Е. фронтона храма в Эгине. Мюнхен. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 41)	92
11. Бронзовая статуэтка из Лигурио. Берлин. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 39)	93
12. Бронзовая статуэтка Хоплитодромоса. Тюбинген. (<i>Jahrb.</i> , 1886, Pl. ix.).	94
13. Дискоболос, после Мирона. (Фотография бронзового слепка, сделанного в Мюнхене)	96
14. Дорифорос, после Поликлета. Неаполь. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 74)	98
15. Диадумен из Вайсона, после Поликлета. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 75)	100
16. Бронзовая голова Эфебоса. Пятый век. Мюнхен, Глиптотека, 457. (По фотографии Брукмана)	102

17. Сцены в палестре. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 795. (<i>Arch. Zeit.</i> , 1878, Pl. xi.)	105
18. Бронзовый возница. Пятый век. Дельфы. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 138; <i>Fouilles de Delphes</i> , II. xlix. 1)	113
19. Апоксиомен. Рим, Ватикан. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 98)	123
20. Статуя Агиаса работы Лисиппа. Дельфы. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 141; <i>Fouilles de Delphes</i> , II. lxiii.)	125
21. Фарнезский Геракл работы Гликона. Неаполь. (<i>Греческая скульптура</i> , рис. 125)	147
22. Атлетика при римлянах. Мозаика, найденная в Тускулуме. Императорский период. (<i>Mon. d. I. VI.</i> , vii., Pl. 82)	177
23. Профессиональный боксер. Мозаика из терм Каракаллы. Рим, Латеран. (Г. Ф. Хилл, <i>Иллюстрации к классике</i> , рис. 400; Secchi, <i>Musaico Antoniniano</i>)	190
24. Серебряные статуэтки из Элиса в Британском музее. Пятый век, (а) голова нимфы Олимпии; (б) сидящая Победа с пальмой	194
25. Судья, венчающий победителя. Интерьер р.-ф. киликса. Париж, Национальная библиотека, 532. (<i>Arch. Zeit.</i> , 1853, lii. 3; Luynes, xlv.)	206
26. Филлоболия. Внутренняя часть р.-ф. киликса. Колл. Канино (Gerh. A. V. 274, 1)	206
27. Медные монеты Дельф, хранящиеся в Британском музее. Императорский период. (а) Призовой стол, на котором лежат ворон, пять яблок, ваза и корона. (б) Вставка Πύθια в короне из лавровых листьев. (<i>B.M. Coins</i> , Delphi, 39, 38)	208
28. Медная монета Коринфа, хранящаяся в Британском музее. Императорский период. Вставка Ἰσθμία в короне из сосновых листьев. (<i>B.M. Coins</i> , Corinth, 603)	214
29. 30. Серебряная ваза. Императорский период. Париж, Национальная библиотека. (Le Prévost, <i>Mém. sur la collection des Vases de Bernay</i> , Pls. viii., ix.)	220, 222
31. Медная монета Аргоса, хранящаяся в Британском музее. Императорский период. Вставка Νέμεα в короне из сельдерея. (<i>B.M. Coins</i> , Argos, 170)	223
32. Флейтисты. Маленькая панафинейская (?) амфора, в Британском музее, В. 188. VI век	231

33. Панафинейский фестиваль. Б.-ф. киликс, в Британском музее, В. 80. (<i>J.H.S. i., Pl. vii.</i>)	233
34. Апобаты. Вотивный рельеф. Эллинистический период. Афины, Музей Акрополя. (<i>В.С.Н. vii., Pl. xvii.</i>)	238
35. Хор Пирра. Памятник Атарбусу. IV век. Афины, Музей Акрополя. (Hill, <i>Illustrations to the Classics</i> , Fig. 417; Beulé, <i>L'Acropole d'Athènes</i> , ii., Pl. iv.)	240
36. Победоносная лодка на стеле Гельвидия. Императорский период. Афины, Национальный музей. (Еф. Арх., 1862, Pl. xxix.; von Sybel, <i>Katalog</i> , 3300)	241
37. Провозглашение победителя. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 144. VI век	243
38. Коронование победителя. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 138. VI век	244
39. Акробатическая сцена. Панафинейская (?) амфора из Камира. Париж, Национальная библиотека, 243. (Salzmann, <i>Nécropole de Cameiros</i> , Pl. lvii.)	245
40. Мраморное кресло судьи в Панафинях. (Стюарт и Реветт, <i>Древности Афин</i> , iii. 3, p. 20)	246
41. Часть стартовой линии в Олимпии. (<i>Олимпия</i> , Tafelb. i. 47)	253
42. Стадион в Эпидавре, юго-восточный угол, с изображением стартовых линий и прямоугольного конца. (По фотографии г-на Эмери Уокера)	255
43. План стадиона в Эпидавре. (Πρακτικά, 1902, Pl. i.)	258
44. План стадиона в Дельфах. (<i>В.С.Н.</i> , 1899, Pl. xiii.)	258
45. Стартовые линии в Дельфах. (С фотографии мистера Эмери Уокера)	260
46. Стадион в Дельфах	262
47. Начало гоплитодрома. Р.-ф. амфора. Лувр. (<i>J.H.S. xxiii. p. 270; Bull. Nap. nouv. sér. vi. 7</i>)	274
48. Бегун стартует. Р.-ф. kylix. Ранее находился в Неаполе. (<i>J.H.S. xxiii. p. 271; Dubois-Maisonneuve</i> , Pl. xxv.; Inghirami, <i>Mon. Etrusc. v. 2</i> , Pl. lxx.)	275

49. Бегун стартующий. Р.-ф. kylix. Чиузи. (Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Fig. 6)	276
50. Долиходромои. Панафинейская амфора. VI век. (<i>Mon. d. I. I.</i> , xxii. 7 b)	279
51. Долиходромой. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 609. Архонство Никерата, 333 г. до н. э. (Хилл, <i>Иллюстрации к классике</i> , рис. 390)	280
52. Стадиодромои. Панафинейская амфора. Мюнхен, 498. VI век. (<i>Mon. d. I. X.</i> , xlviii., l, m)	281
53. Стадиодромои. Панафинейская амфора. Четвертый век. (Стефани, <i>C. R. Atlas</i> , 1876, Pl. i.)	283
54. Хоплитодромои, боксеры, борцы. Р.-ф. киликс Евфрония. Париж, Национальная библиотека, 523. (Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Pl. xvi.; <i>J.H.S.</i> xxiii. p. 278.) Интерьер см. на рис. 115.	286
55. Hoplitodromoi; поворот. Р.-ф. kylix. Ранее находился в Берлине. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 278; <i>Jahrb.</i> , 1895, p. 190)	287
56. Hoplitodromoi. Р.-ф. киликс. Берлин, 2307. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 277; Gerh. A.V. 261)	288
57. Hoplitodromoi; финифть. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 818. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 285)	289
58. Hoplitodromoi. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 608. Архонство Пифодела, 336 г. до н. э. (<i>Mon. d. I. X.</i> , xlviii. e, 3)	290
59. Hoplitodromoi. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 1240 г. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 284)	292
60. Свинцовый недоуздок из Элевсиса. Афины, Национальный музей, 9075. (Еф. Арх., 1883, 190; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 1)	298
61. Фотография алебард в Британском музее, (a) Отливка каменной алебарды из Олимпии (Jüthner, рис. 9). (b) Известняковый недоуздок из Камира (<i>B.M. Guide to Greek and Roman Life</i> , Fig. 41). (c) Свинцовый недоуздок (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 182)	299
62. Каменный недоуздок из Коринфа. Афины, Национальный музей. (Еф. Арх., 1883, с. 103; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 8)	300
63. Прыгун и флейтист. Р.-ф. пелика. Британский музей, Е. 427. (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 185)	302

64. Прыгуны, akontistes, diskobolos, флейтист. Р.-ф. кратер. Копенгаген (?). (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 185; <i>Annali</i> , 1846, М.)	303
65. Прыгуны-практиканты и пайдотрибы. Р.-ф. киликс. Болонья. (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 186; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 16)	304
66. Прыгуны, дискоболы, пайдотрибаи. Р.-ф. kylix. Bourguignon Coll. (<i>Arch. Zeit.</i> , 1884, xvi.) Для интерьера см. рис. 80	305
67. Прыгун собирается приземлиться. Б.-ф. амфора. Британский музей, В. 48. (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 183, ii. p. 219; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 15)	306
68. Прыгун бегущий. Р.-ф. киликс. Чиуси. (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 188; Klein, <i>Euphronios</i> , p. 306)	307
69. Стоячий прыжок без алебард. Р.-ф. пелика, принадлежащая доктору Хаузеру. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 272; <i>Jahrb.</i> , 1895, p. 185)	309
70. Молодежь размахивает алебардами. Р.-ф. ойнохоэ. Британский музей, Е. 561. (<i>J.H.S.</i> xxiv. p. 192)	311
71. Дискобол, держащий каменный дискос. Б.-ф. амфора. Британский музей, В. 271. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl. i.) Реверс см. на рис. 141.	314
72. Бронзовый дискос, найденный в Эгине. Берлин. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 20)	315
73. Бронзовый дискос из Эксоиды. Британский музей, 3207	317
74. Обозначение броска дискоса. (a) Р.-ф. киликс. Чиуси. (b) Р.-ф. киликса из Хисхила. Вюрцбург, 357, А. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 11; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 27)	320
75. Стоящий дискобол. Ватикан. Копия оригинала пятого века. (По фотографии Андерсона)	321
76. Сцена на палаэстре; дискобол, аконтисты. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 6. (<i>J.H.S.</i> xxiii. p. 273)	323
77. Дискобол, флейтист. Б.-ф. келебе. Британский музей, В. 361. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 15)	324
78. Дискоболос. Р.-ф. кратер Амасиса. Корнето. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 16; Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Fig. 56 a)	324
79. Дискоболы и пайдотрибы. Р.-ф. пелика. Британский музей, Е. 395. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl.	325

iii.)	
80. Дискобол. Интерьер рис. 66	326
81. Бронзовая статуэтка дискобола. Пятый век. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 18; <i>Burlington Fine Arts Club</i> , 1903, Pl. 50)	326
82. Diskobolos, paidotribes. Б.-ф. лекифос. Британский музей, В. 576. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl. ii.)	328
83. Бронзовая статуэтка дискобола. Нью-Йорк. (<i>Bulletin of Metropolitan Museum of Art</i> , iii. p. 32)	329
84. Бронзовая статуэтка дискобола. Британский музей, 675. Пятый век. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 22)	330
85. Дискоболы. Р.-ф. киликс. Лувр. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 27; Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , lxiii. 2)	331
86. Монеты Коса в Британском музее с изображением дискоболов. Пятый век. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 30)	332
87. Дискоболос. Панафинейская амфора. Неаполь, Раса. Cum. 184. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 32; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 31)	333
88. Дискобол, флейтист, пайдотрибы, юноша, застегивающий аментум, скапанай. Б.-ф. гидрия. Британский музей, Е. 164. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 32; <i>B.C.H.</i> , 1899, p. 164)	334
89. Дискоболы. Р.-ф. киликс. Булонь, Муниципальный музей. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 33; <i>Le Musée</i> , ii. p. 281)	335
90. Дискоболы. Б.-ф. гидрия. Вена, 318. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 34)	336
91. Юноша застегивает аментум. Р.-ф. киликс. Вюрцбург, 432. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 37)	340
92. Различные способы крепления аментума. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 250)	341
93. Воин держит копье за аментум. Б.-ф. киликс. Британский музей, В. 380. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 252)	342
94. Воины, бросающие копья с аментами. Ваза Франсуа, Флоренция. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 253; Furtwängler, <i>Vasenmalerei</i> , Pl. xiii.)	343

95. Иллюстрации использования метательной веревки. (a, b) Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Рис. 47, 48. Реконструкция броска, (c) Деталь из <i>B.M. Vases</i> , В. 134. (d) Унеп из Новой Каледонии.	344
96. Сцена в Палаэстре; урок борьбы, подготовка к метанию копья. Р.-ф. псайкер. Bourguignon Coll. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 259; <i>Antike Denkmale</i> , ii. 20)	345
97. Аконтисты. Б.-ф. стамнос. Ватикан. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 261; <i>Mus. Greg.</i> II. xvii.)	346
98. Конные воины, метяющие копья с помощью аментов. Б.-ф. ваза. Афины, Музей Акрополя, 606 г. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 261; В. Graef. <i>Die antiken Vasen v. d. Acropolis</i> , Pl. xxxi.)	347
99. Diskobolos, akontistes, boxer fastening himantes. Р.-ф. амфора, в Британском музее, E. 256. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl. xix.)	348
100. Аконтистай. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 562 г. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 262; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 41)	349
101. Аконтистай. R.-f. kylix. Berlin, 3139 inv. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 263; Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Pl. xlv.)	350
102. Аконтисты. Р.-ф. киликс. Торлония, 270 (148). (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 264; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 49)	351
103. Akontistes, diskobolos, skapane. Р.-ф. амфора. Мюнхен, 408. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 265; Furtwängler, <i>Vasenmalerei</i> , xlv.)	353
104. Аконтисты. Р.-ф. киликс. Рим(?) (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 43)	354
105. Аконтисты. Р.-ф. киликс. Берлин, 2728. (<i>J.H.S.</i> xxvii. p. 268; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 42)	355
106. Метание копья верхом на лошади. Панафинейская амфора. Британский музей. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl. xx.)	357
107. Пентатлон. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 134. VI век. (<i>J.H.S.</i> xxvii. Pl. xviii.)	360
108. Пентатлон. Панафинейская амфора. Лейден. Шестой век. (<i>Arch. Zeit.</i> , 1881, ix.)	361
109. Борцовские типы на монетах, в Британском музее. (<i>J.H.S.</i> xxv. p. 271.) (a, b, c)	372

Аспендус, пятый и четвертый века; (d) Гераклея в Лукании, четвертый век; (е, f) Сиракузы, около 400 г. до н.э.; (g) Александрия, Антонин Пий

110. Один из пары мальчиков-борцов, обычно называемых дискоболами. Эллинистический период. Неаполь. (По фотографии Броги) 379
111. Борьба. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 603. Архонство Полицелуса, 367 г. до н. э. (*J.H.S.* xxv. p. 263) 381
112. Борьба Тесея и Церционы. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 84. (*J.H.S.* xxv. p. 264) 382
113. Группа борцов из б.-ф. амфоры. Британский музей. В. 295. См. рис. 143. (*J.H.S.* xxv. p. 270) 383
114. Летающая кобыла. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 94. (*J.H.S.* xxv. p. 268) 384
115. Летающая кобыла. Интерьер рис. 54 385
116. Борцовские группы. Призовая ваза. Р.-ф. кратер Андокида. Берлин, 2159. (*J.H.S.* xxv. p. 270; *American Journal of Archaeology*, 1896, p. 11) 386
117. Борьба. Р.-ф. кратер. Оксфорд, Ашмолинский музей, 288. (*J.H.S.* xxv. p. 274; *Каталог Ашмолинского музея*, Pl. xiii.) 387
118. Реверс рис. 143 388
119. Пелей и Аталанта. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 584. (*J.H.S.* xxv. p. 275; Gerh. A. V. 177) 389
120. Борьба, крест-накрест. Панафинейская амфора. Булонь, Муниципальный музей, 441. Шестой век. (*Le Musée*, ii. p. 275, рис. 15) 390
121. Группы борцов. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 1336 год. (*J.H.S.* xxv. Pl. xii.) 391
122. Группа борцов, пайдотрибы. Р.-ф. киликс. Филадельфия. (Перевод Пенсильванского университета, 1907, Pl. xxxv.) 392
123. Борцовские группы, brabeutes. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 495. (*J.H.S.* xxv. Pl. xii.) 393
124. Тесей и Церциона. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 48. (*J.H.S.* xxv. p. 285) 394

125. Тесей и Церциона. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 36. (<i>J.H.S.</i> xxv. p. 285)	394
126. Тесей и Церциона. Метопы Тесея. (<i>J.H.S.</i> xxv. p. 286; <i>Греческая скульптура</i> , рис. 66)	395
127. Бронзовая борцовская группа. Париж. (Clarac, 802, 2014; Reinach, <i>Musée de Saint-Germain-en-Laye</i> , 124)	396
128. Борьба, крест-накрест. Б.-ф. амфора. Ватикан. (<i>J.H.S.</i> xxv. p. 288; <i>Mus. Greg.</i> xvii. 1, а)	397
129. Бронзовая группа борцов. Британский музей. (<i>J.H.S.</i> xxv. Pl. xi.)	398
130. Бронзовая борцовская группа. Санкт-Петербург. (Stephani, <i>C.R.</i> , 1867, i. 1, 5; <i>J.H.S.</i> xxv. p. 290)	399
131. Бронзовая борцовская группа. Константинополь. (<i>J.H.S.</i> xxv. p. 291; <i>Jahrb.</i> , 1898, xi.)	400
132. Боксеры принимают присягу. Р.-ф. киликс. Британский музей, д. 63. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 54)	403
133. Сцены бокса. Р.-ф. киликса из Дуриса. Британский музей, Е. 39. (<i>J.H.S.</i> xxvi. Pl. xii.; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 53)	404
134. Интерьер рис. 151	406
135. Боксеры. Панафинейская амфора. Британский музей, Б. 607. Архонство Питиодола, 336 г. до н. э. (<i>Mon. d. I. X.</i> , xlviii. e, 2; Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 67)	407
136. Статуя сидящего боксера. Рим, Музей Терме. (С фотографии Андерсона)	408
137. Правая рука боксера из Сорренто. Неаполь. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 63)	409
138. Цестос из мозаики в термах Каракаллы. Рим, Латеран. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 74)	411
139. Боксеры (?) дерутся за приз. Бронзовая ситула. Ватш. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 61; <i>Mitth. d. Central. Comm.</i> , 1883, Pl. ii.)	412
140. Боксеры дерутся за треножник. Фрагмент б.-ф. ситула из Дафны. Британский музей, В. 124. (<i>Танис</i> , ii. 30)	413

141. Боксер подает сигнал о поражении. Б.-ф. амфора в Британском музее, В. 271. Реверс см. на рис. 71	416
142. Боксеры, бегуны, джемперы, в набедренной повязке. Б.-ф. стамнос. Париж, Национальная библиотека, 252. (De Ridder, <i>Catalogue des Vases peints</i> , i. p. 160)	418
143. Боксеры, борцы. Б.-ф. амфора Никосфена. Британский музей, В. 295. См. рис. 113, 118	420
144. Боксеры. Панафинейская амфора. Берлин, 1831. VI век. (Jüthner, <i>Ant. Turn.</i> Fig. 60)	422
145. Боксеры. Панафинейская амфора. Кампанская колла. VI век. (Stephani, <i>C.R.</i> , 1876, 109, 44)	423
146. Боксеры. Р.-ф. киликс Памфея. Корнето. (Marquardt, <i>Pentathlon</i> , Pl. i.; <i>Mon. d. I.</i> XI., xxiv.)	424
147. Боксеры. Панафинейская амфора. Лувр, ф. 278. Шестой век. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 222)	425
148. Боксеры. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 612. Четвертый век	427
149. Мраморная голова боксера, с ушами-лаптями. Ранее находилась у Фабретти. (Шрайбер, <i>Атлас</i> , xxiv. 8; Фабретти, <i>De Columna Trajani</i> , p. 267)	433
150. Боксеры, аконтисты, дискоболы, бегуны. Б.-ф. гидрия. Британский музей, В. 326. (Marquardt, <i>Pentathlon</i> , Pl. ii.)	433
151. Панкратион, бокс, гоплитодром. Р.-ф. kylix. Британский музей, Е. 78. (<i>J.H.S.</i> xxvi. Pl. xiii.)	436
152. Панкратион. Р.-ф. киликс. Балтимор. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 9; Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Pl. lxiv.)	437
153. Панкратион. Фрагмент р.-ф. киликса. Берлин. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 8; Hartwig, <i>Meisterschalen</i> , Fig. 12)	438
154. Панкратион. Панафинейская амфора. VI век. (<i>Mon. d. I.</i> I., xxii.)	439
155. Панкратион. Панафинейская амфора. Шестой век. (<i>Mon. d. I.</i> I. xxii.)	440

156. Геракл и Антей. Б.-ф. Гидрия, Мюнхен, 114. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 21; <i>Arch. Zeit.</i> , 1878, x.)	441
157. Панкратион. Панафинейская амфора из Киттоса. Британский музей, В. 604. Четвертый век. (<i>J.H.S.</i> xxvi. Pl. iii.)	442
158. Панкратион. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 610. Архонство Никета, 332 г. до н. э. (<i>J.H.S.</i> xxvi. Pl. iv.)	443
159. Панкратион. Панафинейская амфора. Ламбергский колл. (<i>J.H.S.</i> i. Pl. vi.)	444
160. Геракл и Тритон. Б.-ф. амфора. Британский музей, В. 223. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 15)	445
161. Геракл и Антей. Р.-ф. киликс. Афины. (<i>J.H.S.</i> x. Pl. i.; xxvi. p. 11)	446
162. Группы борьбы на греко-римских геммах в Британском музее. (<i>J.H.S.</i> xxvi. p. 10)	447
163. Мраморная группа панкратиастов. Дворец Уффици, Флоренция. (Фотография Броги)	449
164. План Апсиды на ипподроме в Олимпии. (После Венигера. <i>Клио</i> , 1909, с. 303)	453
165. Гонки на колесницах с четырьмя лошадьми. Панафинейская амфора, найденная в Спарте. VI век. (<i>B.S.A.</i> xiii. Pl. v.)	456
166. Гонки на колесницах с двумя лошадьми. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 132. Шестой век	458
167. Монеты Филиппа II Македонского в Британском музее, (a) серебряная тетрадрахма; победоносный жокей с пальмовой ветвью, (b) золотой статер; двуконная колесница	459
168. Серебряная тетрадрахма из Регия, в Британском музее. Начало V века. Колесница с мулом	460
169. Скачки. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 133. Шестой век	461
170. Серебряные статеры из Тарентума, в Британском музее. III век. (a) Конный факелоносец. (b) Апобаты, снимающие	462
171. Серебряные тетрадрахмы из Катаны, хранящиеся в Британском музее. V век. Колесница с четырьмя лошадьми	464

172. Серебряные декадрахмы Сицилии, хранящиеся в Британском музее. Колесница с четырьмя лошадьми, (a) Агригентум, 413-406 гг. до н. э. (b) Сиракузы, 400-360 гг. до н. э. 465
173. Сцены в гимнастическом зале. Боксеры, борцы, пайдотрибаи, дискоболы, аконтисты. Р.-ф. киликс. Колл. Канино (Gerh. A. V. 271) 473
174. Урок верховой езды в гимназии. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 515. (Арх. Цейт., 1885, xi.) 474
175. Сцены в аподитерионе гимназии. Р.-ф. киликс. Копенгаген. (Gerh. A. V. 281) 475
176. Сцена в аподитерионе. Р.-ф. кратер. Берлин, 2180. (Арх. Цейт., 1879, 4). 476
177. Бокс, массаж. Бронзовая циста. Ватикан. (Mus. Greg. i. 37) 477
178. Корикос. Небольшая р.-ф. амфора. Санкт-Петербург, Эрмитаж, 1611. (Annali, 1870, R.). 478
179. Korykos. Ficoroni cista. Музей Кирхнера, Рим. (Müller-Wieseler, *Denkmäl. d. alt. Kunst*, i. 61, 309) 479
180. Мужчины умываются у фонтана. Б.-ф. гидрия. Лейден, 7794 р. (Roulez, *Choix de vases peints du Musée de Leyde*, Pl. xix.) 480
181. Молодые люди умываются в общественном бассейне. Р.-ф. ваза (Tischbein, *Vases Hamilton*, i. 58). 481
182. Молодые люди, моющиеся у бассейна. Р.-ф. киликса. Британский музей, E. 83. (Gerh. A. V. 277; Tucker, *Life in Ancient Athens*, Fig. 36) 482
183. Стригиль в Британском музее, с надписью имени владельца Κέλων. V век. (B.M. *Bronzes*, 256) 483
184. План гимнасия в Дельфах. (B.C.H., 1899, Pl. xiii.) 484
185. План палестры в Олимпии. (Олимпия, Taf. lxxiii.) 487
186. Стела Диодора, гимнасиарха; изображены цистерна с маслом, корона, пальмы, votивные таблички и шапочка борца. Найдена в Прусе. Императорский период. (Berichte d. Sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften, 1873, Pl. i.; Schreiber, *Atlas*, xxi. 6) 490

187. План нижнего гимнасия, Приена. (<i>Приена</i> , рис. 271)	493
188. Ванная комната в гимназии, Приене. (<i>Приене</i> , рис. 278)	495
189. План гимнасия в Пергаме. (Упрощенно из <i>Ath. Mitth.</i> xxix. Pl. viii.; xxxiii. Pl. xviii.)	499
190. Стела с изображением победоносного экипажа. Афины. Эллинистический период. (<i>J.H.S.</i> xi. p. 149)	508

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ СОКРАЩЕНИЙ

<i>Arch. Zeit</i>	Archäologische Zeitung.
<i>Ath. Mitth.</i>	Mittheilungen des Deutschen Arch. Inst., Athenische Abtheilung.
<i>B.C.H.</i>	Bulletin de Correspondance hellénique.
<i>Berl. Vas.</i>	Furtwängler, Beschreibung der Vasensammlung zu Berlin.
<i>Бронзы Б.М.</i>	Каталог бронзы Британского музея.
<i>В.М.С.</i>	Каталог греческих монет Британского музея.
<i>В.М. Вазы</i>	Каталог ваз Британского музея, 1893 г. и др.
<i>B.S.A.</i>	Ежегодник Британской школы в Афинах.
<i>C.I.G.</i>	Corpus Inscriptionum Graecarum.
<i>C.R.</i>	Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions.
<i>Dar.-Sagl.</i>	Daremborg-Saglio, Dictionnaire des antiquités.
<i>Ditt. Syll.</i>	Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum.

Ἑφ. Ἀρχ.	Ἑφημερίς Ἀρχαιολογική.
Герхард, А. В.	Gerhard, Auserlesene Vasenbilder.
Греческая скульптура	Е. А. Гарднер, Справочник по греческой скульптуре.
I.G.	Inscriptions Graecae.
Jahrb.	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
J.H.S.	Журнал эллинских исследований.
Krause, Gym.	J. H. Krause, Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen.
Mon. d. I.	Monumenti dell' Istituto.
Ol.	Olympia. Die Ergebnisse der Ausgrabung.
Ol. Ins.	Die Inschriften von Olympia = Textb. v. of "Die Ergebnisse."
Ox. Pap.	Гренфелл и Хант, Оксиринхские папирусы.
Rev. Arch.	Revue Archéologique.
Röm. Mitth.	Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abtheilung.

ЧАСТЬ I ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ АТЛЕТИКИ И АТЛЕТИЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 393 ГОДА Н.Э.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Недавнее возрождение Олимпийских игр - яркое свидетельство того влияния, которое Древняя Греция по-прежнему оказывает на современный мир, и того важного места, которое атлетика занимала в жизни греков. Другие народы, возможно, уделяли такое же внимание физическому воспитанию молодежи; другие народы, возможно, так же любили спорт; другие народы, возможно, производили отдельных атлетов, отдельные выступления, равные или превосходящие греческие, но нигде мы не можем найти параллели с атлетическим идеалом, выраженным в искусстве и литературе Греции, или с необычайной жизненной силой ее атлетических фестивалей. Развитию этого идеала и истории атлетических праздников посвящены следующие главы.

Атлетический идеал Греции во многом обусловлен практическим характером греческой атлетики. Каждый грек должен был быть готов в любой момент выйти на поле боя, защищая очаг и дом, а в условиях древней войны его жизнь и свобода зависели от физической подготовки. Это особенно верно для ранней части греческой истории, но в большей или меньшей степени относится ко всему периоду, который мы рассматриваем. Греция никогда не была свободна от войн - войн между фракциями, войн государства против государства, войн против иностранных захватчиков - и в древней войне не было различий между комбатантами и некомбатантами. Каждый гражданин был солдатом, физическая форма была для него необходимостью, и атлетические упражнения были прекрасно рассчитаны для ее достижения. Бег и прыжки делали его активным и бодрым; метание диска и копья тренировало руку и глаз для использования оружия; борьба и бокс учили его защищаться в рукопашном бою.

Практическая ценность этих упражнений объясняет их важность в греческом образовании. Они составляли то, что греки называли "гимнастикой", а термин "атлетика" относился к соревнованиям. Гимнастика тренировала тело, как музыка тренирует ум. Не было никакого искусственного разделения, никакого антагонизма между ними, как это обезобразило большую часть нашего современного образования. Одно дополняло другое: вместе они составляли все греческое образование. Плохо тренированное тело было таким же признаком необразованного человека, как и незнание букв, а тренировка тела с помощью атлетических упражнений отличала грека от варвара. Тренировки начинались зачастую уже в семь лет, но не заканчивались в том возрасте, когда мальчики покидают школу. Грек не считал свое образование законченным в шестнадцать-семнадцать лет и продолжал тренировать тело и ум до среднего возраста или позже, ежедневно прибегая в гимнастический зал для упражнений и отдыха.

Музыка и гимнастика влияли друг на друга. Тонус и мужественная сила, которые давали атлетические упражнения, спасали грека от женственности и чувственности, к которым склонен артистический темперамент. В то же время облагораживающее влияние музыки спасало его от противоположных пороков - жестокости и филистерства. Грек перенес любовь художника к красоте в свой спорт. Простая сила и объем привлекали его в человеческом теле не больше, чем в искусстве. Многие упражнения он выполнял под музыку, а стилю исполнения уделял не меньше внимания, чем результату. Эта любовь к форме усовершенствовала даже его соревнования. Поэтому, несмотря на любовь к соревнованиям, грек не был рекордсменом. В этом заключается одно из главных отличий греческой атлетики от современной, в которой страсть к рекордам становится все более и более распространенной.

Грека не волновали рекорды, и он их не вел. Поэтому бесполезно пытаться сравнивать результаты греческих атлетов и современных. Но о том, какое влияние оказывали атлетические тренировки на телосложение нации в V веке, можно судить по искусству, которое они вдохновляли. Скульпторы этого периода изображали самые совершенные типы физического развития, силу в сочетании с грацией, которые когда-либо видел мир. Атлетическое искусство Греции - это самая благородная дань результатам греческого образования в его лучших проявлениях.

Еще одно различие между современной и греческой атлетикой проистекает из практического характера последней. Греки считали атлетику неотъемлемой частью своего образования и жизни, мы же обычно рассматриваем ее как отдых или игру, и только в последние годы осознали ее образовательную ценность. Поэтому в Англии атлетические игры в значительной степени вытеснили собственно атлетику. В некоторых отношениях игры имеют явное преимущество; их интерес более разнообразен, есть больше возможностей для комбинирования, и они, несомненно, превосходят их в качестве тренировки характера. С другой стороны, они не дают такого всестороннего развития, как атлетическая система греков. Во многих случаях польза от них достается только опытным игрокам. Они имеют тенденцию становиться слишком научными, и в этом случае требуют затрат времени и организации, что делает их недоступными для большинства мужчин после окончания школы.

Интерес, которого немного не хватает в чистой атлетике, в Греции обеспечивался бесчисленными соревнованиями. Любовь к соревнованиям была характерна для грека. Во всем, что бы он ни делал, он стремился превзойти своих товарищей, и соперничество между городами было таким же острым, как и между отдельными людьми. На столе, на который выставлялись призы в Олимпии, фигура Агона или Соревнования была изображена бок о бок с фигурой Ареса. Проводились состязания в музыке, поэзии, драме, декламации. В некоторых местах проводились конкурсы красоты среди мужчин, юношей или женщин. Мы слышали о соревнованиях по пьянству и бодрствованию. Самым странным из всех было состязание в поцелуях, которое проходило в Диоклее в Мегаре. Но ни одно соревнование не было столь многочисленным и популярным, как атлетические и конные состязания. Греки постоянно состязались или наблюдали за соревнованиями, но, как ни странно, среди всех зол, порождаемых чрезмерной конкуренцией, не было обнаружено пари.

Соревнования с давних пор ассоциировались с религиозными праздниками. Именно этой связи с религией греческая атлетика была обязана своей удивительной живучестью. Связь между спортом и религией берет начало в раннем обычае отмечать похороны вождя пиром и играми. Иногда гробница вождя становилась религиозным и политическим центром для соседних племен, где в его честь в определенные периоды проводился праздник. Некоторые из этих праздников сохраняли свой местный характер, другие постепенно расширяли свое влияние, пока не становились национальными местами встреч для всей греческой расы.

Эти панэллинские праздники играли важную роль в политике Греции. Они апеллировали к тем двум противоположным принципам, которые определяют всю историю Греции, - любви к автономии и гордости эллинизма. Независимые города-государства чувствовали себя конкурентами в лице своих граждан, судьбу которых они отождествляли со своей собственной. В то же время собрание граждан со всех концов греческого мира укрепляло в них сознание общего братства и сохраняло верность тем традициям религии и образования, которые отличали греков от варваров.

Уже достаточно сказано, чтобы показать важность атлетики во всей жизни греков, ее тесную связь с их образованием, искусством, религией и политикой. Именно в силу такого многогранного интереса эта тема заслуживает внимания всех, кто интересуется жизнью и мыслями Греции.

В то же время следует помнить, что описанный нами атлетический идеал был реализован лишь в течение короткого периода пятого века, под очищающим влиянием энтузиазма, вызванного войной с Персией. Даже тогда, возможно, он был реализован лишь частично. Мы не должны закрывать глаза на элемент преувеличения, присущий всем подобным идеалам. Еще до конца V века чрезмерное внимание к телесному совершенству и атлетическим успехам привело к специализации и профессионализму. С этого времени спорт, чрезмерно развитый и специализированный, все больше и больше становился монополией одного класса и, следовательно, перестал оживлять национальную жизнь. Старые игры, в которых все соревновались в дружеском и почетном соперничестве, уступили место профессиональным состязаниям, в которых победа слишком часто покупалась и продавалась, где неатлетическая толпа могла наслаждаться спортивным азартом по доверенности. И все же, несмотря на специализацию, профессионализм, коррупцию, несмотря на все превратности, через которые прошла Греция, атлетические фестивали выжили. Атлетический идеал, часто и надолго затуманенный, но никогда полностью не утраченный, время от времени появлялся вновь в разных частях греческого мира, пока, под покровительством Антонинов, панэллинские фестивали не вернули себе хотя бы подобие былой славы.

Необычайная жизнеспособность этих праздников придает интерес попытке проследить их историю. Эта история насчитывает около 1200 лет. Мы склонны ограничивать наши представления о греческой истории несколькими веками, входящими в программу наших университетов и школ, и забывать, что греческая история не заканчивается со смертью Александра или даже с потерей греческой независимости, но что под властью Рима жизнь Греции, ее институты и праздники продолжались, в значительной степени, без изменений, приобретая все большее влияние на ее завоевателей, пока весь римский мир не был эллинизирован, а с основанием Константинополя центр самой империи был перенесен на греческую землю. Для такого узкого представления об истории полезно проследить историю одной отрасли греческой деятельности от начала до конца. И нигде преемственность греческой жизни не прослеживается так четко, как в истории ее атлетических праздников. То, что мы можем это сделать, в первую очередь связано с раскопками в Олимпии под эгидой немецкого правительства, которые до сих пор продолжает доктор Дёрпфельд. Именно по этой причине в следующих главах история Олимпии составляет основу истории греческой атлетики.

История греческой атлетики имеет особый практический интерес в наши дни в связи с развитием атлетики, которое произошло за последние пятьдесят лет, и возрождением Олимпийских игр. В истории современной легкой атлетики и греческой есть поразительное сходство. Это движение началось в спортивных секциях наших государственных школ и университетов, быстро распространилось по всем англоязычным странам и теперь охватывает весь континент. Легкая атлетика у нас так же популярна, как и в Греции, и для нас, как и для греков, она стала великим инструментом добра. К сожалению, признаки чрезмерности сегодня проявляются не меньше, чем во времена Ксенофана и Еврипида. История странном образом повторяется. Мы видим тот же рост конкуренции, то же поклонение героям-спортсменам, ту же публичность и известность, придаваемую спорту несоразмерно его заслугам, ту же тенденцию к специализации и профессионализму. Спорт

слишком часто становится самоцелью. Поклонение героям-спортсменам побуждает людей посвящать лучшие годы своей жизни эгоистичным развлечениям и пренебрегать истинными интересами себя и своей страны. У нас это зло еще сильнее, потому что наши игры не имеют той практической ценности в качестве военной подготовки, которую имели греческие виды спорта. Еще более тягостным, чем эта трата времени и энергии, является интерес широкой публики к спортивным выступлениям других людей. Толпы людей, которые смотрят профессиональные футбольные матчи, еще большие толпы тех, кто думает и читает только об этом, колонки ежедневной прессы, посвященные отчетам о таких матчах, - это не доказательство атлетической нации, а скорее наоборот. Они лишь свидетельствуют о нездоровой любви к азарту и развлечениям и об отсутствии всех остальных интересов. О вреде профессионализма здесь не место говорить. Они хорошо известны любому, кто следил за историей бокса, борьбы или футбола. История футбола за последние два года выглядит злое. С одной стороны, мы видим, как ведущие любительские клубы восстают против тирании Футбольной ассоциации, действующей в интересах различных акционерных компаний, маскирующихся под футбольные клубы; с другой стороны, мы видим, как профессиональные игроки создают профсоюз, чтобы защитить себя от тирании этого же коммерциализма. Профсоюз регби мужественно боролся за чистоту игры и часто получал лишь скудное поощрение за свои усилия. К счастью, есть признаки того, что общественное мнение меняется и начинает ценить усилия любительских организаций, контролирующих различные виды спорта. Само существование этих органов доказывает, насколько реальна опасность. В этих условиях история упадка греческой легкой атлетики является наглядным уроком.

Сказанное выше, возможно, объясняет, почему возрождение Олимпийских игр не было воспринято в Англии с большим энтузиазмом. Организаторы этих игр вдохновлялись идеалами Древней Греции и хотели создать великую международную атлетическую встречу, которая стала бы для народов мира тем же, чем Олимпия была для Греции. Мы все должны сочувствовать их стремлениям. К сожалению, они, похоже, не осознали в полной мере урок греческой атлетики и не поняли опасность соревнований такого масштаба в более сложных условиях современной жизни. В Англии, где атлетика уже развилась до такой степени, которая неизвестна на континенте, мы начали осознавать опасность чрезмерного соперничества. Опыт последних лет научил нас, что международные соревнования не всегда способствуют дружбе и не всегда способствуют развитию любительского спорта. События последних Олимпийских игр и последующие выступления некоторых победителей этих игр, особенно прославленных героев так называемого марафонского бега, в значительной степени оправдали предчувствия тех, кто опасался, что одним из главных результатов таких соревнований станет рост профессионализма.

ГЛАВА II

АТЛЕТИКА В ГОМЕРЕ

Современные власти считают греческую цивилизацию результатом слияния двух рас - низкорослой, смуглой, высокохудожественной, принадлежащей к той евразийской расе, которая, похоже, в свое время населяла не только Эгейское море, но и все побережье Средиземного моря, и высокой, светловолосой, атлетичной расы, ветви которой путем

последовательных вторжений проникли в южные районы Европы, в то время как их основная масса распространилась по центральной Европе на запад вплоть до наших островов. Именно физической силе и неугомонной энергии последней расы греки обязаны своей колониальной активностью и любовью к спорту. И, возможно, не случайно эти же черты так ярко проявились в нашей собственной истории. Но если греки были обязаны атлетическим импульсом светловолосым захватчикам с севера, то развитие и устойчивость греческой атлетики во многом обусловлены артистическим темпераментом коренных жителей.

Практический характер греческих видов спорта указывает на то, что это была нация воинов. Гонки на колесницах и пешие гонки, бокс, борьба, метание камня и копья были таким же естественным результатом гомеровской цивилизации, как турнир и встреча лучников - условий борьбы в средние века или встреча стрелков в наши дни. Более того, мифы, которыми греческая фантазия наделила происхождение своих видов спорта, указывают на эпоху борьбы и завоеваний. Олимпия, как мы увидим, стояла на пути северных захватчиков, и в Олимпии учреждение игр связано с такими историями, как покорение Кроноса Зевсом, Эномая Пелопсом, Аугея Гераклом и возвращение Гераклидов - историями, которые явно возникли в борьбе соперничающих рас и религий. Греческая атлетика также была в основном, хотя и не полностью, продуктом Пелопоннеса. Три из четырех великих праздников проходили в Пелопоннесе, включая Олимпийский фестиваль, прообраз всех остальных; атлетическая школа скульптуры зародилась в Пелопоннесе, а физическая подготовка достигла своей высшей точки в Спарте. Именно в Пелопоннесе сильнее всего утвердились захватнические расы; светловолосые ахейцы стали хозяевами микенского мира, а их дорийские преемники сохранили свои черты в наибольшей чистоте в Спарте. Эти соображения оправдывают приписывание атлетического импульса северным захватчикам.

Рис. 1. Фрагмент стеатитовой пиксиды. Кносс.

Раскопки микенских и предмикенских мест дают некоторые свидетельства, в основном отрицательные, в пользу этой точки зрения. Цивилизация, обнаруженная при раскопках в Кноссе и других критских местах, является продуктом Эгейского моря, на который, возможно, повлияли Египет и Восток, но точно не материковая Греция, хотя ее собственное влияние, вероятно, было обширным. Критская цивилизация, как и египетская, кажется настолько обособленной, что едва ли попадает в нашу тему. В Египте, действительно, в гробницах Бени-Хасана мы находим изображение разнообразных атлетических видов спорта и игр, включая замечательную серию из более чем 300 борцовских групп, но даже Геродот не осмеливается приписывать египтянам греческую атлетику. В Кноссе любимым видом спорта, по-видимому, была травля быка.^[1] На фреске, обнаруженной доктором Эвансом, изображена девушка-тореадор в своеобразном ковбойском костюме, которую подбрасывает бык, а юноша, похоже, делает кувырок через спину животного в объятия девушки, стоящей за быком. Иногда на геммах юноша изображен "спрыгивающим сверху и хватающим быка за рога в ковбойской манере". Последняя сцена также была найдена на

фреске в Тирине, а похожий вид спорта, известный как ταυροκαταψία, сохранился в исторические времена в Фессалии.^[2] Эти чисто акробатические подвиги не имеют ничего атлетического, не более чем танцы, другое любимое зрелище минойцев, для которого, возможно, был предназначен квадратный театр, окруженный рядами сидений на северо-западе дворца. Действительно, такие сцены являются полной противоположностью атлетическим; история показывает, что народы, которые находят удовольствие в таких представлениях, перестали быть атлетическими, даже если они таковыми когда-либо и были. Единственная представленная форма настоящей атлетики - это бокс, который встречается на некоторых глиняных печатях, на стеатитовом рельефе (рис. 1) и в сочетании со сценой охоты на быка на стеатитовом ритоне, найденном в Агия Триада.^[3] Боксеры мускулисты и атлетически выглядят, их поза определенно энергична. По словам доктора Эванса, они носят что-то вроде перчатки или кестуса, но иллюстрации не позволяют нам определить его характер, и я не уверен, что подразумевалось какое-либо подобное покрытие. Как бы то ни было, минойский боксер имеет явно гладиаторский вид, что вполне гармонирует со сценами заманивания быков. Вероятно, мы не ошибемся, если предположим, что Минос, подобно восточным деспотам, держал свой собственный призовой ринг, а его придворные предпочитали быть зрителями чужих подвигов, а не принимать активное участие в спорте. Спорт и игры, конечно, существовали на Крите, как и во всех других странах, но на Крите нет никаких свидетельств того, из чего могла бы развиваться греческая атлетика. Неатлетический характер эгейского народа подтверждается абсолютным отсутствием чего-либо атлетического в Микенах и Тирине, если не считать сцен с быками. Этот факт, безусловно, подтверждает современное мнение о том, что микенская цивилизация была обусловлена в основном завоеванными жителями, а не ахейскими завоевателями, которые, как мы знаем из Гомера, были искусны во всех играх.

У Гомера мы сразу попадаем в атмосферу истинного спорта, спорта ради простой любви к физическим усилиям и борьбе. Борьба и бокс могут быть "мучительными", но как каждый спортсмен находит "трудную игру" самой приятной, так и борьба у Гомера - радость для юноши, который испытывает свои силы, радость для ветерана, который, наблюдая за ней, воскрешает в памяти победы своей молодости, и радость для поэта.^[4] Именно это чувство делает описание игр Патрокла вечным наслаждением для любого, кто когда-либо испытывал радость спорта, и почти оправдывает слова Шиллера, что тот, кто дожил до прочтения 23-й *Илиады*, жил не напрасно. Радость никогда не бывает такой же после. Даже у Пиндара она уже не беспредельна. С напряжением состязания вступают в действие другие чувства и мотивы, и что-то из героической вежливости теряется: бок о бок с радостью победы мы осознаем горечь поражения. У Гомера мы чувствуем только радость, радость молодости.

Описание игр в *"Илиаде"* мог написать только поэт, живший среди атлетически сложенного народа с давними атлетическими традициями, каковым и являются ахейцы. Спорт является частью воспитания каждого ахейского воина и отличает его от торговца. "Нет, поистине, чужеземец, - говорит Эвриалус Одиссею, - не похож ты на того, кто искусен в играх, которых много среди людей; скорее ты тот, кто приходит и уходит на корабле со скамьей, хозяин моряков-купцов, тот, кто помнит свой груз, или тот, кто отвечает за груз, отправляющийся в путь, и за жадно добытую прибыль; ты, кажется, не человек своих рук".

Эвриал - феакиец, а феакийцы, надо заметить, не ахейцы. Кто они такие, мы не знаем - то ли, как уверяет Виктор Берар, финикийцы, то ли ветвь того эгейского народа, чья чудесная цивилизация открылась нам в Кноссе, то ли творение мозга поэта. По Гомеру, они - загадочный народ, и здесь не место для попыток разгадать эту тайну. Ясно одно: они не настоящие ахейцы, и хотя поэт приписывает им многое из нравов ахейцев, включая их игры,

он с восхитительным юмором дает нам понять, что они не совсем настоящие. Их любовь к спорту предполагается и, соответственно, несколько преувеличивается. "Нет большей славы для человека, - говорит Лаодамас, - чем та, которой он добивается руками и ногами". Мы вряд ли можем представить себе подобные настроения у одного из героев *"Илиады"* или у Одиссея из *"Одиссеи"*. Феакиец, однако, несколько хвастлив и хочет выставить себя спортсменом перед незнакомцем, который уже не молод и которого он, конечно, не подозревает в том, что тот атлет. "Давайте испытаем, - говорит Алкиной, - разные игры, чтобы незнакомец, вернувшись домой, мог рассказать своим друзьям, как сильно мы превосходим всех людей в боксе и борьбе, прыжках и быстроте ног" - безобидное хвастовство и, по-видимому, безопасное. Но Одиссей, уязвленный их насмешками, поднимает дискос, больший, чем когда-либо бросали феакийцы, и швыряет его далеко за пределы их цели, а затем в гневе бросает вызов любому из феакийцев попробовать свои силы в боксе, или в борьбе, или в любом другом виде спорта, кроме бега, для которого он, после морского купания, не совсем приспособлен. Сразу же мелодия меняется, и Алкиной признается, что финикийцы все-таки не идеальные боксеры и борцы, но (безопасная похвальба после слов Одиссея!) быстрые бегуны и лучшие из моряков. И тут правда выходит наружу: "Дороги нам всегда пир, и арфа, и танцы, и смена одежд, и теплая ванна, и любовь, и сон!". Понятно, что феакийцы не спортсмены, как и ахейцы, и нам нет до них никакого дела; но меня можно простить за то, что я остановился на этой восхитительной сцене, потому что через все это мы можем проследить истину, что для поэта каждый воин - это спортсмен, человек своих рук, и что спортсмена не занимают "жадно добытые барыши".

Эта же сцена говорит нам о том, что спорт для ахейцев не в новинку. Одиссей, бросая вызов финикийцам, вспоминает доблесть своей юности, как в *"Илиаде"* престарелый Нестор вспоминает свои победы в играх, которые эпейцы устроили в Бупрасиуме на похоронах Амаринха. Но есть и более далекое прошлое, в котором состязались герои и боги. "В те времена были гиганты" - всегда тема для престарелого спортсмена, а Одиссей, хотя и не уступал всем своим современникам, признается, что с людьми древности он не стал бы соперничать, как Геракл и Эврит, "спорившие с бессмертными богами".

Но хотя ахейцы были атлетической расой с давней традицией атлетов, мы должны остерегаться распространенного заблуждения - приносить в Гомера идеи и механизмы более поздней греческой атлетики. Гомеровская традиция, несомненно, повлияла на греческую атлетику, но говорить о гомеровском гимнасиуме, гомеровском стадионе, гомеровском пятиборье или торжественно объяснять Гомера в свете этих институтов так же нелепо, как говорить о школе физической подготовки короля Артура или тире Робин Гуда. У гомеровского грека не было ни гимнастического зала, ни ипподрома, ни атлетических собраний. В его спорте не было ничего искусственного: он был естественным продуктом воинственной расы, частью повседневной жизни семьи. Это было воспитание мальчиков, отдых мужчин, и даже старшие принимали участие в обучении и поощрении младших. Ведь физическая сила и умение выполнять военные упражнения были необходимы вождю в эпоху, когда битвы выигрывались за счет индивидуальной доблести. Не было необходимости в сложных приготовлениях: двор служил для борцовского ринга, открытая местность - для скакового круга, а когда нужно было провести более масштабные спортивные состязания, подходящее место можно было быстро расчистить. И хотя здесь не было атлетических собраний, дружеские встречи для занятий спортом проводились в изобилии. По случаю любого собрания, будь то развлечение высокого гостя, жертвоприношение или последние обряды по ушедшему вождю, спорт был частью программы. Иногда предлагались призы - жертва или бычья шкура для пешего забега, женщина или треножник для заезда колесницы.

Особенно это было характерно для погребальных состязаний, когда призы были богатыми и многочисленными.

Ценность призов, по-видимому, должна была свидетельствовать о щедрости дарителя игр и выражать честь умершему, а не привлекать или вознаграждать участников. То, что это были скорее подарки, память об умерших, чем призы, ясно из того, что на играх Патрокла каждый участник получает приз, в одном случае даже без состязания. Иногда, как во времена турниров, важный вопрос мог решаться с помощью атлетического состязания. Такие случаи часто встречаются в легендах греков: у Гомера мы видим роковое состязание с луком Одиссея, с помощью которого Пенелопа предлагала решить вопрос между своими настойчивыми женихами. Но каков бы ни был повод, гомеровские игры полностью отличались от атлетического праздника или собрания. Это были импровизированные, почти частные развлечения, в которых принимали участие только приглашенные гости или, в случае похорон принца, соседние принцы или предводители войска. Когда Одиссей, переодетый нищим, попросил разрешения испытать лук, эта просьба была встречена бурным протестом женихов.

Из сказанного ясно, что гомеровские игры были в основном аристократическими: именно цари со скипетром и их семьи преуспевали во всех играх и только они участвовали в состязаниях, хотя, как мы увидим, простые воины тоже имели свои виды спорта.

При рассмотрении различных событий гомеровского спорта будет удобно следовать описанию погребальных игр Патрокла в *"Илиаде"*. Первыми по времени и по чести идут гонки на колесницах, самые аристократические из всех состязаний, монополия вождей, отправлявшихся на войну на колесницах. Слишком важное событие для случайных сборищ, оно было особенно связано с большими погребальными играми. Здесь, как мы уже заметили, предлагались богатые призы, а владение прекрасным табуном лошадей было источником значительной прибыли. Так, Агамемнон перечисляет среди даров, которыми он надеется умиротворить Ахилла, двенадцать "призовых" коней, которые уже принесли ему немалое состояние.

В *"Одиссее"* нет ни одного упоминания о гонках на колесницах; и это естественно, ведь Итака (где бы она ни находилась) не является землей, "где пасутся кони", и не обладает "широкими полями и луговыми землями". В *"Илиаде"* все иначе: равнины Фессалии и Аргоса, где жили Ахилл и Атреида, всегда славились своими лошадьми, а на равнине Трои греческие возницы находили широкие возможности. Интересно также отметить, что, кроме Трои, единственные другие гонки на колесницах, упоминаемые в *"Илиаде"*, проходят в просторном Элисе,^[8] который в гомеровские времена был землей эпеев, где владыки Итаки содержали конные заводы, а в исторические времена - местом проведения олимпийского праздника. Именно в Бупрасиуме в Элисе Нестор участвовал в погребальных играх Амаринха; а в прошлом его отец Нелей вступил в войну с Авгеем, потому что тот захватил четырех коней, которых он послал в Элису для участия в играх за треножник. Упоминание о четырех лошадях подозрительно, поскольку колесница, на которой мчались ахейские герои, была двуконной военной колесницей. Есть и другие причины считать этот отрывок поздней интерполяцией, сделанной после учреждения Олимпийских игр на колесницах.

Для состязаний на колесницах Ахилл предоставляет пять призов: "победителю - женщину, искусную в рукоделии, и треножник, второму - шестилетнюю кобылу в жеребятках, третьему - добротный котел, не тронутый огнем, четвертому - два таланта золота, пятому - урну с двумя ручками". На пять призов претендуют пять участников. Не стоит задерживаться на подробностях о состязаниях и их лошадях, а также на лекции об искусстве вождения,

которую престарелый Нестор читает своему сыну Антилоху. Критики жалуются, что она прерывает повествование; но бессвязная, прозаическая речь восхитительно характерна для болтливого старого спортсмена и так человечна! Суть ее, похоже, заключается в некоторых сведениях, которые он сообщает о поле; ведь это не обычная скаковая дорожка, как более поздние ипподромы. Это естественная трасса, выбранная по случаю, как в гонках "точка в точку", за исключением того, что в этом случае колесницы после объезда ворот возвращаются к месту старта. На такой дистанции местные знания бесценны. Точка, выбранная в качестве цели, представляет собой засохший пень с белым камнем по обе стороны от него - памятник какому-то умершему человеку или цель для гонки, установленная древними людьми, - а вокруг нее ровная площадка для езды. В этом месте, которое видно с самого начала, две дорожки встречаются - не обязательно параллельные, ведь колесницы не могут двигаться по прямой от точки к точке, а должны следовать по рельефу местности. Здесь Ахилл ставит судью, богоподобного Феникса, который "отмечает бег и говорит правду"; ведь хотя цель видна сразу, дорожка иногда теряется из виду, и, огибая ее, колесницы на время исчезают из виду. Дорога, как и греческие дороги в целом, не самая гладкая, а в одной части частично размыва потоком, так что двум колесницам просто негде проехать. Возможно, дорога в этой части, как это часто бывает, проходила по настоящему руслу зимнего потока.

Возницы бросают жребий, и колесницы выстраиваются в линию. Комментаторы серьезно спорят, означает ли греческое слово "в линию" или "в строю", как в ряду фургонов! Но нет такой темы, где комментаторы были бы так безудержны, как в атлетике, и нет такой атлетической нелепости, которую они не перекладывали бы на греков, которые, в конце концов, действительно немного разбирались в спорте. Нам не говорят, как заводили лошадей - мы должны спешить вместе с поэтом к финишу. Как Аполлон заставил Тидеида выронить свой кнут, а Афина вернула его ему, а затем заставила лошадей вождя сойти с дистанции и разбить его колесницу; как Антилох, когда они подошли к разбитой части дистанции, "надоел" Менелая и лишил его места; как зрители заспорили, какая колесница ведущая, и Идомей предложил поспорить с Аяасом на котел или треножник; как Антилох извинился за свою юношескую стремительность, и Менелай великодушно простил его; как каждый получил свой приз, даже тот, чья колесница была разбита, - все это известно каждому читателю Гомера; пересказывать это было бы кощунством. Особенно очаровательна сцена, в которой Ахилл вручает Нестору приз, оставшийся "в память о погребении Патрокла". Вспоминая свои юношеские победы в Бупрасиуме, старик упоминает, что в гонках на колесницах его победили два сына Актора, один из которых держал поводья, а другой бил кнутом. Здесь, очевидно, есть намек на более раннюю форму гонки на колесницах, где, как и на войне, вождя сопровождал его возница. Во времена Ахилла уже есть разница между спортом и реальностью.

Следующие два события - бокс и борьба - описываются как ἄλγεῖνός, "тяжелые" или "мучительные", эпитет, который, как уже отмечалось, кажется скорее рекомендательным, чем противоположным. Действительно, эти два вида спорта, которые всегда упоминаются вместе, уже занимали то положение, которое они занимали во времена Пиндара, и составляли главную часть атлетического образования ахейского вождя. Ведь бокс и борьба - это, по сути, упражнения на ловкость. Ребенок и дикарь бьют, пинают, рвут, царапают, кусают, и из этой примитивной грубой борьбы греки в более позднее время развили научный панкратион; только цивилизованный человек различает бокс и борьбу, использует кулак для нанесения ударов и ведет бой по правилам. У Гомера и борьба, и бокс уже являются искусствами, и хотя в грубой форме они были популярными видами спорта, наука о них, похоже, была монополией вождей, возможно, как и японское джиу-джитсу, ревностно

передававшееся от отца к сыну. Важность искусства самообороны в те беспокойные времена очевидна из многочисленных легенд о разбойниках и хулиганах, которые вызывали незнакомцев на поединок по борьбе или боксу, пока их карьера убийцы не была прервана Гераклом, Тесеем или Полидеусом, чьи победы позднее искусство и история представляли как триумф науки и эллинизма над грубой силой и варварством. Такую победу, как говорят, одержал сам Одиссей на Лесбосе над Филомелеидом, которого он мощно бросил, и все ахейцы ликовали.^[9] У Гомера Полидевк уже "боксер", а Одиссей "по многим советам" завоевывает славу и как боксер, и как борец.

За бокс Ахилл предлагает два приза. Эпей сразу же выходит вперед и претендует на первый приз. В его несколько грубоватом высокомерии и признании того, что, хотя он и превосходит всех в боксе, в реальной войне он не справляется, мы, возможно, видим предвестие более позднего профессионального боксера. Но насмешливая скромность не была характерна для греков, и поэтическая заклятая вражда не была уместна; кроме того, его хвастливость компенсируется его вежливостью в победе. Тем не менее, в контрасте между настоящей войной и спортом мы, кажется, видим суждение поэта о том, что атлетика - это отдых человека, а не его дело. Вызов Эпея принимает Эвриал, происходивший из боксерского рода, ведь его отец Мецистей в свое время победил всех кадмейцев при погребении Эдипода. Друзья помогают им подпоясаться и завязывают хорошо вырезанные ремни из воловьей шкуры. Набедренный пояс, как мы увидим, впоследствии был отменен, но ремешки оставались неизменными вплоть до V века, когда мы постоянно находим их изображение на вазах. Затем оба "подняли крепкие руки и упали. Благородный Эпей налетел на него и, когда тот оглянулся, ударил его по щеке, и тот не мог больше стоять, потому что его прекрасные конечности тут же подвели его, и как под зыбью северного ветра рыба выпрыгивает на покрытый путаницей берег, а затем черная волна скрывает ее, так и Эвриал отскочил от этого удара. Но великодушный Эпей взял его на руки и поставил в вертикальное положение, а его дорогие товарищи встали вокруг него и провели его сквозь кольцо на подводе, выплевывая сгустки крови, понутив голову, и уложили его в обмороке среди них". Описание совершенно четкое. Эпей навязал бой и, поймав противника, вывел его из строя ортодоксальным, или, как сказали бы некоторые пуристы, неортодоксальным, способом - размашистым апперкотом в челюсть.

Еще лучшее описание поединка с подобным финалом встречается в "Одиссее".^[10] Одиссей, вернувшись в свой дом под видом нищего, застаёт там профессионального нищего Ируса, который тут же затевает с ним ссору. Ухажеры, обрадованные и развеселенные перспективой драки между нищими, образуют вокруг них кольцо и подначивают их, обещая победителю хаггис, который готовится на костре. Но когда нищие раздеваются и подпоясываются лохмотьями, они видят, что ошиблись в одном из своих мужчин. Одиссей раздевается, как атлет, чистый и с крупными конечностями, и женихи изумляются. Ирус, несмотря на свою громадность, тоже изумляется и хотел бы удалиться. Но уже поздно: женихов не оторвать от их забавы, и начинается бой. Конечно же, это предreshенный исход, и Одиссей сам это знает. Он также знает, что может сделать; единственное, в чем он сомневается, так это в том, убьет ли он хвастуна прямо или легко прильет его к земле. Он решает выбрать последнее и избавляется от него самым артистичным образом. Ирус наносит неуклюжий удар левой рукой в правое плечо Одиссея, а Одиссей парирует его ударом по шее ниже уха, от которого тот теряет сознание. Подобные поединки, несомненно, случались часто, и немного науки должно было быть очень полезным приобретением. То, что ахейцы действительно владели этой наукой, ясно из двух поединков, описанных Гомером, хотя их наука скорее относится к нетрадиционному американскому типу и не нравится ярым приверженцам ортодоксальной английской школы.

За борьбу также предлагаются два приза: треножник стоимостью в двенадцать волов и "женщина, искусная во всех видах работ" стоимостью всего в четыре вола. За оба приза борются два соперника, не менее известные личности, чем Одиссей и Аякс, олицетворяющие соответственно ловкость и силу. Поединок проводится по определенным правилам, правилам так называемой "вертикальной борьбы", в которой целью было бросить противника, а борьба на земле не допускалась. Опясавшись, двое выходили "на середину ринга и сжимали друг друга в объятиях крепкими руками, как стропила высотного дома". Эта поза идентична той, которую сегодня принимают вестморлендские и камберлендские борцы. Затем началась борьба за более тесный захват, но когда после долгих попыток ни один из борцов не смог добиться преимущества, Аякс предложил вариант, при котором каждый по очереди должен позволить другому получить надежный захват и попытаться сбросить его, подняв с земли. Здесь нет и намека на несправедливость, но, несомненно, преимущество на стороне более тяжелого человека. Однако Одиссей оказался на высоте, и когда Аякс поднял его, не забыв о своем искусстве, он ударил его ногой за колено, на техническом языке "молотом", и таким образом повалил его на землю, тяжело упав на него. Поскольку оба борца упали вместе, схватка оказалась безрезультатной. Далее настал черед Одиссея: не в силах поднять с земли своего громоздкого противника, "он подставил свое колено под колено другого, и оба упали набок". Примененный прием, по-видимому, был "хенком" или "внутренним щелчком" современного борца. Но падение было так называемым "собачьим" и не дало результата. Они перешли к третьей схватке, когда Ахиллес положил конец состязанию и присудил каждому равный приз.

Тщетно пытаются объяснить этот вердикт тем, что в первой схватке победил Одиссей, а во второй - Аякс; объяснение, приведенное выше, основывается на простом предположении, что, когда оба борца падали, падение не засчитывалось. Если бы каждый из них выиграл по одной схватке, возбуждение было бы слишком сильным, чтобы прекратить соревнование, но две безрезультатные схватки, естественно, утомили зрителей.

Не стоит долго задерживаться и на скачках. В нем было три приза и три участника, среди которых, несмотря на недавние нагрузки, был и ветеран Одиссей. Трасса была такой же импровизированной, как и в гонках на колесницах: вокруг какой-то далекой отметки и обратно к месту старта, где земля была мокрой и скользкой от крови быков, зарезанных для жертвоприношения. Это была великая гонка. Аякс, сын Оэлея, лидировал, а Одиссей следовал за ним по пятам под одобрительные возгласы ахейцев. Когда они приблизились к финишу, Одиссей взмолился Афине, которая "сделала легкими его конечности, ноги и руки" - восхитительное описание рывка; но, не довольствуясь такой законной помощью, она заставила Аякса, как раз когда они достигли приза, поскользнуться в крови жертвы. Но у Гомера нет никакой злобы по поводу подобных инцидентов; побежденные соперники просто с юмором комментируют вмешательство богини, как современный спортсмен, не всегда с таким юмором, комментирует удачу своего противника. "Друзья, вы будете мне свидетелями, когда я скажу, что и здесь бессмертные благоволят старшим". То, что современные люди приписывают удаче, ахейцы, как и все древние, приписывали прямому действию богов: это уже более поздняя эпоха, которая превращает фортуны в богиню.

Из четырех оставшихся событий, по крайней мере, три - одиночный бой между Аяксом и Диомедом, метание соло и состязание с луком - даже самые консервативные критики признают позднейшей интерполяцией; четвертое событие - метание копья - обычно относят к более раннему рассказу об играх, хотя один из приводимых аргументов, что метание копья составляло часть гомеровского пятиборья, кажется необычайно слабым! В Гомере нет и намека на пятиборье - соревнование, состоящее из пяти состязаний, в которых состязались

одни и те же участники, и говорить о гомеровском пятиборье только потому, что Нестор упоминает пять состязаний на играх в Бупрасиуме, совершенно неисторично и вводит в заблуждение. Было бы правильнее утверждать, что метание копья, метание соло или дискаса и стрельба из лука идут вместе, потому что эти же три вида состязаний упоминаются вместе в 2-й *Илиаде*.^[11] Но здесь не место для подробностей гомеровской критики. Для нашей цели мы ничего не можем узнать из этого отрывка о гомеровском метании копья, по той простой причине, что соревнования так и не состоялись: Ахилл из вежливости к своему вождю без конкурса отдал первый приз Агамемнону.

Рис. 2. Сцена из саркофага из Клазомен в Британском музее.

Нет необходимости подробно рассматривать путанные и безжизненные описания этих событий, но о самих событиях следует сказать несколько слов. Бой между вооруженными людьми изображен на саркофаге VI века из Клазомен, хранящемся в Британском музее (рис. 2).^[12] Здесь, среди колесниц, находящихся на полном ходу или готовящихся к заезду, мы видим пары сражающихся воинов. Они вооружены шлемами, копьями и щитами, а между каждой парой стоит юноша, играющий на трубах, чтобы показать характер поединка. На обоих концах стоит столб с чашей для приза, а напротив столба - обнаженная фигура, уныло опирающаяся на посох, видимо, дух умершего человека, в честь которого проводились игры. Однако вооруженный бой был чужд духу греков; мы слышим о нем, правда, в более поздние времена в Мантинее и в Киринее, но он не нашел места ни в одном из великих греческих праздников.^[13] Вероятно, был связан исключительно с погребальными обрядами, заменяя собой человеческие жертвоприношения. В начале книги Ахилл убивает двенадцать троянских пленников на костре своего друга, а в конце - вооруженные воины сражаются в его честь. Одна сцена является лишь более поздним дублетом другой.

Описание соревнований по стрельбе из лука просто смехотворно. Первый приз получает тот, кто попадет в голубя, привязанного веревкой к вершине мачты, а второй - тот, кто совершит бесконечно более трудный подвиг - перерубит веревку. Выбор десяти двойных топоров для первого приза и десяти одинарных топоров для второго подозрительно наводит на мысль о более серьезном состязании с луком Одиссея в "*Одиссее*", где двенадцать наконечников топоров, за которые предстоит стрелять, являются частью сокровищ, которые Одиссей когда-то получил в качестве приза.^[14] В "*Одиссее*" лук занимает почетное место, но в "*Илиаде*", хотя несколько героев и славятся своим мастерством в стрельбе из лука, лук - это скорее оружие солдат, особенно троянцев, и к умению владеть им ахейцы, сражающиеся на своей колеснице, относятся с такой же неестественной неприязнью и презрением, не смешанным со страхом, как и рыцарство Франции в дни Азенкура.^[15]

К стрельбе из лука греческие гоплиты пятого века относились с таким же презрением, и хотя она была частью обучения афинских эфебов, она никогда не входила в значительной степени в греческий спорт. Однако дискос всегда и во всех местах был любимым упражнением. Одиссей, как мы видели, чтобы доказать свою силу феакийцам, метнул далеко за пределы их меток дискос, больший, чем когда-либо метали сами его хозяева.^[16] Слово дискос означает не что иное, как "предмет для метания", а предметом, брошенным

Одиссеем, был камень. Был ли известен поэту искусственный дискос более поздних времен, можно сомневаться, хотя слова "дискос" и "бросок дискоса" встречаются часто. В поздних гимназиях, несомненно, всегда имелся запас дискоболов разного веса и размера, подобно тому, как в наших гимназиях имеются гантели. Но мы вряд ли ожидали найти такой запас атлетического инвентаря на агоре феакийцев, расположенной у кораблей, где проходили эти импровизированные спортивные состязания после ужина. Более вероятно, что дискосы - это просто большие круглые камешки с морского берега, которые финикийские рыбаки использовали для хранения сетей и снастей, разложенных для просушки на агоре, и которые каждый посетитель морского побережья инстинктивно подбирает и бросает. Камень, кусок металла или ствол дерева служили для раннего человека естественным оружием во время войны и испытанием на прочность в мирное время. От таких простых форм произошли гиря, молот и кабер наших современных видов спорта. У Гомера камни все еще играли не последнюю роль в реальных военных действиях. Их используют даже герои. Диомед бросает в Энея "горсть, такую, что два человека, как сейчас, едва ли могли бы поднять", и таким же камнем, которым он орудует так же легко, как пастух размахивает руном, Гектор сам взламывает ворота ахейской стены.^[18] Но камни - это особенно оружие простых солдат, и когда вокруг тела Кебриона разгорается всеобщий бой, камни летят быстро.^[19] Естественно, что метание камня входит в число ахейских видов спорта. Исходя из использования термина *katwradíoio*,^[20] "брошенный с плеча", предполагается, что ахейцы бросали вес с плеча. Возможно, так оно и было; но "вихрь", с которым Одиссей бросил камень, и расстояние, на которое он его метнул, явно указывают на то, что он бросил его под руку.

Гиря, брошенная в поединке с Патроком, была не камнем, а некованой металлической массой, вероятно, содержимым одной из мартеновских печей средиземноморского мира. Эта "железная свинья", отнятая Ахиллом у Эетиона из Фив, - не только метаемая гиря, но и приз, причем, вопреки учтивому ахейскому обычаю, единственный приз, хотя соревнующихся четверо. "Пастух или пахарь победителя", - говорит Ахилл, - "не будет нуждаться в железе в течение пяти лет". Но, несмотря на свой вес, Полипоэт бросает его так же далеко, как пастух бросает *bola*^[21], "когда он проносится вихрем через стада коней". Слово *solos* встречается только в этом отрывке и у более поздних подражателей Гомера; отрывок, как уже было сказано, очень поздний, настолько поздний, что писатель, похоже, сознательно архаизирует его, и я полагаю, что, желая придать описанию примитивный вид, он заменил *solos* на *diskos* атлета, с которым он, несомненно, был знаком. Это слово, по-видимому, связано с семитским *sela* - скала, а в более ранние времена использовалось для обозначения железных свиней, производимых на острове Эльба и в других местах. У поздних авторов оно иногда является поэтическим синонимом дискоса.

Гонки на колесницах и атлетические состязания, такие как бокс, борьба и бег, были в основном спортом знати; но хотя последние превосходили простых солдат в метании копья, поднятии гири и стрельбе из лука, как и во всем остальном, в этих трех состязаниях присутствует явно народный элемент. Лук, копье и камень были всеобщим оружием, и поэтому, когда Ахилл дулся в своем шатре, его народ, как мы читаем, "развлекался дискосом, метанием копий и стрельбой из лука". Дискос и копье были также любимым развлечением ухажеров Пенелопы, которые, как мы можем предположить, не имели вкуса к более напряженным занятиям. На их популярный характер ясно указывает использование терминов "бросок дискоса" или "бросок копья" в качестве меры расстояния.^[22]

Прыжки, которые были важным событием в более позднем пятиборье, у Гомера упоминаются лишь как один из видов спорта, в котором преуспели проворные финикийцы. Среди них мы встречаем игру в мяч, любимое развлечение греков во все века. Не только Наусикаа и ее

девы развлекаются с мячом на берегу моря, но и все ее братья демонстрируют свое мастерство перед Одиссеем, и в обоих случаях игроки, перебрасывая мяч от одного к другому, двигаются в своеобразном ритмичном танце под звуки музыки так, что это восхитило бы сердце некоторых современных профессоров физической культуры.^[23] Танец и песня всегда были дороги грекам. У нас есть также намеки на акробатические представления, которые напоминают нам о критских сценах. На щите Ахилла было выткано "танцевальное место, подобное тому, которое когда-то в широком Кноссе Дедал выткал для Ариадны из прекрасных локонов... и среди танцующих, когда менестрель играл, кружились два кувырка." "Поистине, - говорит Патрокл Мериону, когда тот, сраженный камнем, падает с колесницы, - поистине и среди троянцев есть кувыркающиеся" Еще более наводит на мысль о цирке сравнение Аякса, мчащегося по равнине, с человеком, управляющим четырьмя конями и перепрыгивающим с коня на коня, когда они летят.^[26]

Происхождение гомеровских поэм нас здесь не касается. Независимо от того, рассматриваем ли мы их как произведение одного поэта или как созданные целым рядом поэтов, как современную картину микенской эпохи или как основанную на традиции, все согласны с тем, что описываемое состояние общества отделено большим промежутком времени от того, о котором мы имеем исторические сведения в Греции, и что, несмотря на небольшие расхождения, это описание в своих общих чертах соответствует. Игры - естественный продукт этого общества. Как в гомеровском полисе мы можем проследить элементы, из которых развились различные более поздние институты, и все же полис в целом отличается от всех более поздних разработок, так и в атлетике события те же, что и на более поздних фестивалях, но дух, пронизывающий их, чисто гомеровский и отделен большим интервалом от духа Олимпийских игр. Критики говорят нам, что главные отрывки, касающиеся спорта, сравнительно поздние, позже основания Олимпийских игр в 776 году до н. э. Если это так, то поэт, должно быть, внимательно следил за традициями гораздо более раннего времени. Иначе трудно объяснить контраст между гомеровскими и олимпийскими играми и отсутствие, за одним сомнительным исключением, каких-либо намеков на последние. Это молчание особенно примечательно, если вспомнить, какую большую роль в играх "*Илиады*" играли Нестор и Нелеиды, жившие в соседнем Пилосе, а также тесную связь Элиды и Итаки в "*Одиссее*".

Отличительный характер гомеровских игр можно выразить двумя словами: они аристократичны и спонтанны. Они спонтанны, как игра ребенка, естественный выход энергичной юности. Здесь нет организованного обучения, нет организованного соревнования, и спорт никогда не подменяет собой работу. Они аристократичны, потому что, хотя мужественные упражнения присущи всем людям, мастерство в них принадлежит, прежде всего, знати; и когда на похоронах вождя устраиваются спортивные состязания с размахом, в них участвуют только дворяне.

ГЛАВА III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АТЛЕТИЧЕСКОГО ПРАЗДНИКА

Атлетические состязания были неизвестны Гомеру: в исторические времена они связаны с религиозными праздниками, которые отмечались в определенные периоды в самых святых

местах Греции. Если рост атлетического праздника был обусловлен атлетическим духом расы, то его связь с религией можно проследить по тем играм, которыми отмечались похороны гомеровского вождя. Хотя происхождение великих праздников обросло массой поздних и противоречивых легенд, в которых трудно отличить правду от вымысла, нет никаких оснований для дискредитации универсальной традиции их погребального происхождения, подтвержденной как сохранившимися в ритуале праздников, так и свидетельствами самого раннего атлетического искусства, а также более поздними обычаями.^[27] Таким образом, можно предположить, что эти игры, первоначально отмечавшиеся во время похорон, как и другие погребальные обряды, имели тенденцию становиться периодическими и по мере того, как поклонение предкам перерастало в поклонение героям, становились частью культа героев, который, похоже, предшествовал во всей Греции поклонению олимпийским божествам. Когда последние вытеснили прежних героев, они переняли эти игры вместе со святилищами и праздниками старой религии.

Обычай отмечать похороны играми и состязаниями не ограничивается Грецией. Среди погребальных сцен, украшающих стены этрусских гробниц, мы видим изображения гонок на колесницах, скачек, бокса, борьбы и других атлетических видов спорта, а также состязаний более жестокого характера.^[28] От этрусков этот обычай перешел к римлянам, которые заимствовали у того же народа свои гладиаторские игры, которые также, возможно, имели погребальное происхождение. Погребальные игры встречаются в Черкесии, на Кавказе, у хиргизов и еще дальше - в Сиаме и Северной Америке.^[29] Но самый поучительный пример для нашей цели дают старые ирландские ярмарки, которые продолжались с языческих времен до начала прошлого века.^[30] Эти ярмарки, основанные в память об ушедшем вожде, проводились через определенные промежутки времени обычно по соседству с древним местом погребения. Так, трехгодичная ярмарка в Кармане, близ Уэксфорда, была учреждена во исполнение предсмертного завещания Гармана "как траурная ярмарка, чтобы вечно носить его имя". Эти ярмарки, длившиеся несколько дней, на которые съезжались люди всех сословий со всех концов Ирландии и даже из Шотландии, предоставляли возможность для ведения разнообразных дел, как государственных, так и частных. Издавались законы, проводились советы и суды, заключались и праздновались браки.

Конечно, были и всевозможные купли-продажи, но главным делом этих собраний было проведение спортивных состязаний и соревнований. Их было бесконечное множество: скачки, атлетические упражнения, игры, развлечения, специальные виды спорта для женщин, соревнования в музыке, в чтении стихов и сказок. Были представления и выступления жонглеров, клоунов, акробатов, циркачей, и за все давались призы, "за каждое искусство, которое только можно было продать, или наградить, или выставить, или послушать". Как и священный месяц олимпийского фестиваля, время ярмарок было "одним всеобщим перемирием", во время которого подавлялись все ссоры и раздоры, не допускалось никаких выдержек за долги, никакой мести, и должник мог безнаказанно развлекаться. "Язычники из гэлов", - говорит один старый писатель, - "праздновали ярмарку Кармана без нарушения закона, без преступления, без насилия, без бесчестия". С принятием христианства церковь взяла под контроль старые языческие ярмарки; языческие обряды были отменены, каждый день начинался с религиозной службы, а ярмарка завершалась грандиозной религиозной церемонией. Во всех деталях история этих ярмарок необычайно похожа на историю греческих атлетических праздников.

Рис. 3. Ваза Амфиарая. Берлин, 1655 год.

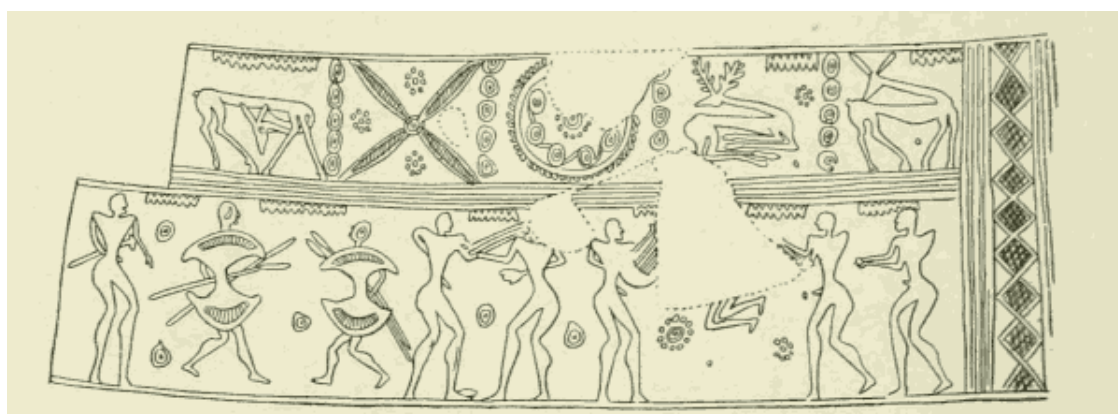

Рис. 4. Дипилонская ваза. Копенгаген.

В греческих землях повсеместно встречаются свидетельства существования погребальных игр во все периоды, от легендарных игр Пелиаса до тех, что праздновались в Фессалониках во времена Валериана или, возможно, в его честь.^[31] Игры Пелиаса и те, что праздновал Акаст в честь своего отца, были представлены соответственно на двух самых известных памятниках раннего декоративного искусства - ларце Кипсела в Гереуме в Олимпии и троне Аполлона в Амиклах. Оба произведения утрачены и известны нам только по описаниям Павсания, но о том, как были представлены игры Пелиаса, можно судить по аналогичной сцене на вазе VI века, вазе Амфиарая в Берлине (рис. 3).^[32] Еще более раннее изображение погребальных игр встречается на геометрической чаше из Акрополя, возможно, относящейся к VIII веку (рис. 4).^[33] На одной стороне изображены двое обнаженных мужчин, которые одной рукой держат друг друга за руки, а другой готовятся проткнуть друг друга мечами - возможно, это имитация поединка, а не реальный бой, но он, как и пирровы танцы, изображенные на другой стороне, может напоминать о более кровопролитных погребальных состязаниях. На реверсе два боксера стоят в центре между группой воинов и группой танцоров; вооруженный танцор вскакивает с земли под аккомпанемент четырехструнной лиры, а двое других держат, возможно, кастаньеты. Похожая сцена изображена на серебряной вазе из Этрурии, которая, по мнению Фуртвенглера, имеет

кипрское происхождение; о широком распространении погребальных игр свидетельствуют также уже описанный саркофаг из Клазомен и фрагмент вазы VI века, изготовленной в Наукратисе (рис. 140).^[34] Игры, изображенные на этих памятниках, очень похожи на те, что описаны у Гомера. В качестве призов обычно выступают треножники и чаши, которые стоят между участниками состязаний или на финише дистанции. Состязания не ограничивались атлетикой и гонками на колесницах. Гесиод рассказывает, что он присутствовал в Халкисе на играх, устроенных в честь Амфидама его сыновьями, и сам получил треножник в качестве приза за "гимн". В Дельфах также единственными состязаниями до шестого века были музыкальные.

Из периодических игр в память об умерших самым ранним примером, помимо больших праздников, являются Азанские игры в Аркадии, где, по словам Павсания, гонки на колесницах были самым древним состязанием.^[36] На Родосе праздник Гелиэи, по-видимому, возник на погребальных играх Тлеполема.^[37] В более исторические времена мы часто видим, что память о полководцах и государственных деятелях поддерживается играми, основанными в их честь их соотечественниками или теми, кому они принесли пользу. Мильтиада чествовали играми в Херсонесе, Леонида и Павсания - в Спарте, Брасидаса - в Амфиполе, Тимолеона - в Сиракузах, Мавсола - в Галикарнасе. Цари и тираны следовали этому примеру: Александр учредил игры в честь своего друга Гефестиона. В память о павших на войне государства часто устраивали атлетические праздники. Пифии были преобразованы Амфиктионами в погребальные состязания в честь павших в первой Священной войне, в память о которых победители получали венцы из лавра, срезанного в долине Темпе, а Элевтерии в Платее были учреждены победившими греками в память о тех, кто погиб в битве с персами. В Афинах также проводился праздник в Академии под руководством полемарха в память о гражданах, погибших за свою страну.^[38]

Происхождение погребальных игр - слишком сложный вопрос, чтобы обсуждать его здесь. Было предложено множество объяснений. Римские критики считали, что этрусские бои, из которых были заимствованы их собственные гладиаторские игры, первоначально были заменой человеческих жертвоприношений; это объяснение было предложено выше в связи с вооруженным поединком в играх Патрокла. Эта точка зрения получает некоторую поддержку благодаря появлению вооруженного поединка, реального или имитационного, и вооруженного танца Пирра, который, несомненно, был имитацией боя, на некоторых памятниках, изображающих погребальные игры, а также, возможно, благодаря тому, что в этих играх большое место занимает бокс, который можно рассматривать как дальнейшую модификацию более жестоких боев. Плутарх апологетически предполагает, что в ранние времена такие бои происходили даже в Олимпии,^[39] и пелопоннесские парни, как нам говорят, каждый год бились на могиле Пелопса до крови. Но значение последнего обряда сомнительно. Другая точка зрения связывает эти состязания с борьбой за престолонаследие, с которой нас знакомит *"Золотая ветвь"* доктора Фрейзера. В подтверждение этого можно привести знаменитые гонки на колесницах между Пелопсом и Эномаем за руку Гипподамии или такие более поздние мифы, как борцовский поединок, в котором Зевс отвоевал у Кроноса суверенитет над небесами. С идеей престолонаследия связаны заслуга и популярность, которые доставались наследникам благодаря великолепию игр, которыми они чествовали своего умершего предшественника. Дорогие призы, которые предлагались, несомненно, доставляли живым не меньшее удовольствие, чем мертвым. Сравнительно поздно возникла идея о том, что покойник каким-то образом присутствовал в качестве зрителя и наслаждался играми, проводимыми в его честь.^[40] Во всех этих мнениях, вероятно, есть доля истины, количество которой варьируется в разных местах; но какой бы ни была истина в любом из них или во всех применительно к грекам, они не дают адекватного

объяснения разнообразию и важности греческих погребальных игр, если не учитывать также сильную любовь к соревнованиям и сильный атлетический дух этой расы. Но каково бы ни было происхождение погребальных игр, не может быть никаких сомнений в том, что они адекватно объясняют тесную связь между атлетикой и религией; не опровергают эту точку зрения и сомнения в отношении конкретных погребальных легенд, которые позднее изобретение приложило к определенным фестивалям.

Атлетический праздник требовал для своего развития достаточно устоявшихся условий жизни, и в беспокойный период, который прошел между временем Нестора и первой Олимпиадой, прогресс был невозможен. Задолго до создания гомеровских поэм любовь к приключениям, усиленная, возможно, давлением с севера, побудила ахейцев и другие родственные племена покинуть материковую Грецию и найти себе новое пристанище на островах и восточных берегах Эгейского моря. За ними последовали другие племена, эолийцы, ионийцы, дорийцы, и на протяжении веков поток колонизации тек на восток, неся греческую цивилизацию во все уголки Эгейского моря. Эта цивилизация обрела новую жизнь благодаря контакту с Востоком. Там, в то время как сама Греция была парализована войнами и миграциями, росли и процветали великие города, великие не только материальным процветанием, но и искусством, литературой и наукой. Об истории этих городов мы, к сожалению, ничего не знаем; мы можем судить об их величии только по результатам, которые мы находим в седьмом и шестом веках, когда подъем Лидийской и Персидской империй впервые привел их к конфликту с этими державами. Но в одном мы можем быть уверены: греческие поселенцы принесли с собой любовь к спорту. Это должно быть истиной для всех, кто считает, что 23-я *Илиада* была написана в восточной части Эгейского моря; это подтверждается многочисленными победами, одержанными в Олимпии в более поздние времена атлетами из городов и островов Востока, и многочисленными атлетическими праздниками, существовавшими в тех краях в исторические времена.

Вероятно, в условиях оседлости и роскоши восточной жизни атлетический праздник возник очень рано,^[41] хотя в силу тех же условий атлетика так и не достигла на Востоке того положения, которое она занимала на Пелопоннесе, а атлетическое дело часто было вторичным по отношению к другим делам празднеств. По крайней мере, на это указывает история Делийского фестиваля. Древность этого праздника подтверждается гомеровским *гимном Аполлону*. В время, когда Олимпия была еще не более чем местным собранием, длиннорукие ионийцы уже стекались на остров Аполлона со своими детьми и женами. Даже с материковой части Греции приходили хоры с гимнами Аполлону. У нас сохранился фрагмент "Вакхиад" Эвмела из Коринфа, который, по словам Павсания, был написан для мессенского хора, отправленного на Делос в VIII веке.^[42] "Там, когда заказываются игры, они радуются, чтобы почтить Аполлона боксом, танцами и песнями". Картина в "*Гимне Аполлону*" полна радости и изящества: прекрасные корабли, стоящие у кромки воды, дорогие товары, разложенные на берегу, толпа длиннополых мужчин и прекрасных женщин, а на заднем плане - склоны горы Синт, на полпути к которой возвышается скалистая арка древнего святилища Аполлона. Это поистине прекрасная сцена, типичная, несомненно, для многих других праздников, где люди родственной расы собирались вместе для жертвоприношений и песен, для спорта и движения. Но в этом радостном празднике веселых делийцев мы чувствуем, что атлетика занимает лишь второстепенное место. За более серьезным делом - атлетикой - нужно отправляться на более суровые и напряженные праздники Пелопоннеса, прежде всего в Олимпию.

"Лучше всего вода и золото, как пламя костра в ночи, блистает среди владычного богатства; но если о призах на играх ты желаешь, душа моя, рассказать, то как ни одной яркой звезды,

более яркой, чем солнце, не ищи днем в пустой тверди, так и мы не найдем игр более великих, чем Олимпийские, о которых бы мы могли возвестить." Святость Олимпии и ее праздника восходит к временам, гораздо более ранним, чем приход дорийцев, возможно, любой греческой расы; но рост праздника относится к тому времени, когда после дорийского вторжения прекратились передвижения народов и земля стала оседлой, и его величие в значительной степени объясняется атлетическим идеалом и организаторским гением, характерными для этой расы. "Не последнюю роль в многочисленных долгах, которыми мы обязаны Гераклу, - говорит Лисий в своем *"Панегирике"*, - играет то, что, учредив Олимпийские игры, он восстановил мир и добрую волю в стране, раздираемой войнами и раздорами и опустошаемой мором". Павсаний использует аналогичную формулировку о восстановлении игр Ифитом и Ликургом, чьи действия другая традиция приписывает совету дельфийского оракула. Но хотя мы вряд ли можем приписать основателям игр, кем бы они ни были, такую дальновидную панэллинскую политику в столь ранний период, традиция основана на фактах: первая Олимпиада знаменует собой заселение Греции, а фестиваль способствует ее единству. Своим ростом, хотя и не происхождением, он обязан дорийцам.

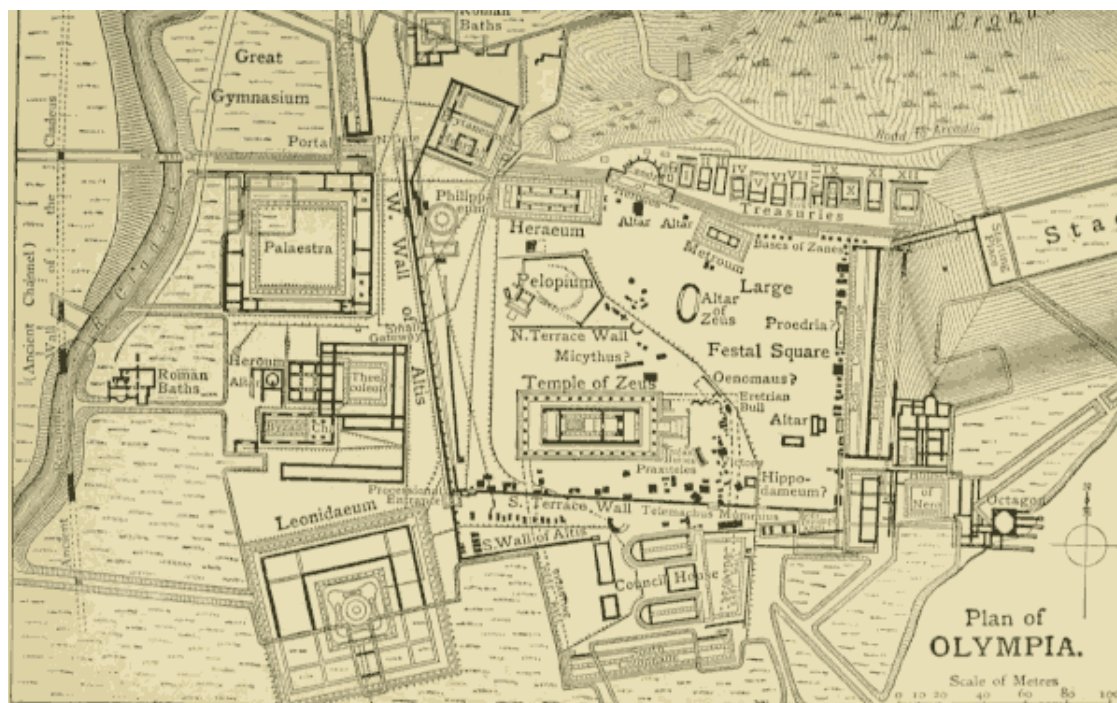

Рис. 5. План Олимпии.

Олимпия расположена примерно в десяти милях от моря на северном берегу Алфея, в том месте, где его долина выходит на широкую и плодородную равнину. Под углом, образованным этой рекой и ее притоком Кладеем, который стекает с Элисских гор между крутыми берегами, ранее затененными платанами, у подножия покрытого соснами холма Кроноса, находилась роща диких оливковых деревьев, привезенных туда, по преданию, Гераклом из страны гипербореев, священная роща, от которой Алтис получил свое название. Склоны соседних холмов были покрыты разнообразными деревьями, а в богатых зарослях цветущих кустарников укрывались кабаны, олени и другая дичь. Именно в Сциллусе, расположенном всего в нескольких милях от города, ветеран Ксенофонт провел свою старость в литературе и спорте. В былые времена растительность здесь была гораздо пышнее, чем сейчас; кроме оливковых рощ, здесь росли белые тополя, из которых только и можно было вырезать древесину для жертвоприношений Зевсу и Пелопсу, и даже пальмы.

Богатая, хорошо поливаемая равнина была покрыта виноградниками и посевами, а луга давали обильный выпас для лошадей и скота.^[44]

Современному путешественнику Олимпия кажется слишком удаленным местом для великих народных собраний; даже греку V века она должна была казаться стоящей в стороне от оживленных центров греческой жизни, и, возможно, именно эта удаленность в сочетании с ее древней святостью спасла Олимпию, как и Дельфы, от превращения в арену битвы между враждующими государствами Греции. Но так было не всегда. Плоские, богатые, аллювиальные равнины западного Пелопоннеса раньше не отставали от остальной Греции. Длинные, почти непрерывные изгибы песчаного берега не давали гавани для трирем более позднего времени. Но ранний мореплаватель или торговец с Востока, огибавший Грецию, не любил глубокие гавани, закрытые сушей; все, что ему было нужно, - это песчаный берег, где он мог бы причалить, укрыв свои корабли за удобным мысом, как в трифилийском Пилосе, или в открытом устье какой-нибудь реки, как Алфея. Поэтому нет причин сомневаться в традициях, связывающих критян и финикийцев с Олимпией.^[45] Береговая линия значительно продвинулась с тех времен, и небольшие лодки этих древних мореплавателей могли с полной безопасностью продвигаться вверх по реке через плоскую открытую равнину вплоть до Олимпии. Такая доступность Олимпии по морю имела еще более важные последствия в более поздний период, когда на фестиваль съезжались люди из больших колоний Италии и Сицилии. Возможно, Олимпия даже была связана с основанием этих колоний, ведь прибрежная дорога вокруг Элиса и берега Коринфского залива соединяла ее с Сикионом, Коринфом и Мегарой. Можно ли предположить, что, когда колонисты плыли по Коринфскому заливу, многие из них, прежде чем проститься с родными берегами, заходили в почтенную рощу Олимпии, чтобы посоветоваться с ее древним оракулом?

И снова Олимпия встала на пути ахейских племен, когда они двинулись на юг от своего первого поселения в Додоне. Говоря об ахейцах, мы условно используем это слово для обозначения додорийских греков Пелопоннеса, в отличие от первоначальных жителей и более поздних дорийцев. В *"Одиссее"* они расселились по островам, по морскому Плеврону и скалистому Калидону, по Элиде и Мессении. Связь между островами и Элисом, тогдашней землей эпейцев, была настолько тесной, что князья Итаки использовали его широкие равнины для разведения скота и лошадей. Узкие проливы не были препятствием для этого авантюрного народа, и на протяжении столетий до перехода Оксила, одноглазого этолийца из Наупакта, ахейцы и другие пересекали их большими или меньшими компаниями, пока не охватили весь Пелопоннес. Поэтому для ахейцев в Пелопоннесе Олимпия занимала такое же положение, как Додона в Северной Греции. Дорийцы, правда, похоже, потерпели неудачу в своей попытке следовать тем же путем; но легенда связывает с возвращением гераклидов вторжение их этолийских союзников под командованием Оксила, который лишил эпейских владык Элиды. Борьба между этими новыми и более ранними поселенцами за обладание Олимпией длилась веками, но при всех изменениях населения, хотя захватчики добавили много новых культов, суеверие, с которым все новые жители в те дни относились к богам и святилищам прежних жителей, сохранило старые культы в неприкосновенности, так что в зданиях и алтарях Олимпии, а также в ритуале ее праздников отчетливо видны все различные пласты ее истории.

Наконец, несмотря на удаленность от борьбы более поздней истории, ни одно место на Пелопоннесе не было более доступным для других частей. Помимо побережья, соединявшего его с Мессенией и Коринфским заливом, долины Алфея и его притоков обеспечивали естественную связь со всеми внутренними районами, и именно атлетическому характеру жителей Пелопоннеса в первую очередь была обязана

атлетическая слава фестиваля. Без этого местного таланта он никогда бы не привлек состязания из Северной Греции или колоний Запада, и никогда бы не приобрел своей особой святости, если бы не положение, которое он занимал в ранних миграциях.

Здесь нет необходимости обсуждать различные мифы, которые греческое воображение сплело о возникновении Олимпии, и те сложные проблемы, которые они поднимают. Два предположения можно считать вполне обоснованными. Во-первых, Олимпия была священным местом еще до прихода ахейцев на Пелопоннес. Во-вторых, начало игр было положено раньше дорийского вторжения, но, вероятно, позже прихода ахейцев.

Древность Олимпии подтверждается наличием в ней тех элементов первобытной религии, которые предшествовали поклонению олимпийским божествам. Алтарь Кроноса на вершине холма, носящего его имя, напоминал о более раннем, чем Зевс, суверенитете. Древний земной оракул предшествовал оракулу Зевса. О поклонении силам подземного мира в Олимпии, как и на остальной территории Пелопоннеса, имеется множество свидетельств; жрица Деметры Хамине, например, была освобождена от правила, которое не допускало женщин в Олимпию, и занимала почетное место на стадионе напротив мест элланодиков. В Гере, чье поклонение в Олимпии было более ранним, чем поклонение Зевсу, мы, вероятно, можем узнать эллинизированную форму великой богини-матери эгейского мира. Наконец, то, что Пелопс претендовал на первенство перед Зевсом, ясно из того, что атлеты приносили жертвы сначала Пелопсу, а затем Зевсу. На его могиле в Алтисе, первоначально представлявшей собой курган, а затем превращенной в святилище, ему поклонялись со всеми церемониями, полагающимися мертвым, и каждый год молодежь Пелопоннеса била себя по его могиле, пока не стекала кровь.^[46] Однако из этого не следует, что культ Пелопса был доахейским. Мы не можем четко провести границу между тем, что принадлежало ахейцам, и тем, что принадлежало коренным жителям. Не было никакого насильственного разрыва, а скорее постепенное слияние рас, в ходе которого ахейцы внесли свою лепту в более раннюю цивилизацию. Конечно, культ героев продолжался на протяжении всей греческой истории; в более поздние времена даже знаменитые атлеты были канонизированы.

Древние сочинения элейцев, по словам Павсания, приписывают учреждение игр идаевскому Гераклу, одному из критских куретов, которому был вверен младенец Зевс. Но у Пиндара и Вакхилида игры связаны с гробницей Пелопса. По преданию, Пелопс прибыл в Олимпию в качестве претендента на руку Гипподамии, отец которой Эномай вызвал всех ее ухажеров на гонки на колесницах и убил копьем всех, кого победил. Тринадцать женихов были убиты, когда пришел Пелопс и с помощью Миртила, возницы Эномая, который снял штыри с колес колесницы своего хозяина, убил его и завоевал его невесту и царство. Эта история, впоследствии изображенная на груди Кипсела и на фронте храма Зевса, была запечатлена на самых ранних памятниках Алтиса. Кроме гробницы самого Пелопса, здесь находился древний деревянный столб, считавшийся единственным остатком дома Эномая, в который ударила молния^[47], а также Гипподамий, очевидно, погребальный курган, обнесенный впоследствии стеной, где женщины Элиса каждый год приносили жертвы.

Именно у древней гробницы Пелопса, рассказывает Пиндар, Геракл, сын Зевса, вернувшись после победы над Авгеем, основал Олимпийские игры. Там "он отмерил священную рошу для Отца и, оградив Алтис, обозначил ее границы. Там он выделил лучшую добычу в жертву, принесенную на войне, принес жертву и установил праздник пятого года". "В пешем беге по прямой дороге первым был сын Ликимния Эон, из Нидеи он вел свое войско; в борьбе прославил Тегею Эхем; в боксе победил Дорикл, житель города Тиринса, а с четырехконной колесницей - Самос из Мантинеи, сын Галирротия; копьем Фрастор поразил цель; на

дистанции Эникей дальше всех метнул камень с круговым размахом, и вся компания воинов разразилась бурными аплодисментами."

Поэт возвел в ранг пелопоннесского праздника то, что могло быть не более чем местным сборищем, в котором участвовали соседние вожди, а введение Геракла, возможно, было изобретением элейцев; ведь, согласно Павсанию, именно Ифит первым побудил элейцев, или, как он должен был бы сказать, пизанцев, принести жертву Гераклу, которого они прежде считали своим врагом. И все же, вероятно, есть доля правды в связи игр с могилой Пелописа - традиция, которую мы находим и у великого соперника Пиндара, Вакхилида. Но кем был Пелопис? Был ли он богом, человеком или героем? Как и дельфийский оракул, задавший аналогичный вопрос о Ликурге, мы можем сомневаться. И все же, несмотря на мнение некоторых современных авторитетов, которые в большинстве героев легенд видят местных богов, пожалуй, безопаснее принять универсальную веру греков в то, что он был человеком, неким вождем, которому после смерти поклонялись как герою. Более того, традиция о его фригийском происхождении является сильным аргументом против мнения, что он был коренным доахейским богом Пелопоннеса, хотя это ни в коем случае не противоречит его связи с ахейцами, учитывая первоначальное родство последних с фригийцами. В любом случае Пелопис - дорийский, и победители в этих играх, согласно Пиндару, - дорийцы.

Существование игр в дорийские времена полностью согласуется с атлетическим характером ахейцев в Пелопоннесе, описанным Гомером; и если мы не находим у поэта упоминания об Олимпии, его молчание легко объяснить простым, местным характером праздника в это время. Следует помнить, что в погребальных играх северо-западного Пелопоннеса важную роль играли гонки на колесницах. Древность этого вида спорта в Олимпии подтверждается находкой ряда очень ранних votивных подношений, многие из которых представляют собой модели лошадей или колесниц, найденных в слое, который простирается ниже фундамента Гераклеи. Этот храм был основан, как утверждает, жителями Сцилла примерно через восемь лет после прихода Оксила; и даже если мы не можем зайти так далеко, как доктор Дёрпфельд, который относит его к десятому или одиннадцатому веку, нет никаких сомнений в его большой древности и в том, что сциллунтинцы были аркадского, а не дорийского происхождения.

До строительства Гераклеи мы должны представлять себе Олимпию как священную рощу, окруженную живой изгородью, перемежающуюся с открытыми пространствами, где стоял курган Пелописа и различные земляные алтари, такие как большой алтарь Зевса или шесть двойных алтарей, на которых приносили жертвы конкуренты. Туда прибегали жители, чтобы узнать будущее по древним земным оракулам, а может быть, как в Додоне, по шелесту листьев. Эти оракулы толковались определенными наследственными семьями, Иамидами и Клитидами, которые сохраняли свои привилегии даже тогда, когда преобладало дорийское влияние. В определенное время сюда стекались соседние племена, чтобы принять участие в играх, проводимых у гробницы Пелописа. Святилище и праздник Олимпии находились на территории Пизатов, племенной группы, состоявшей из девяти деревенских общин, расположенных по обе стороны долины Альфея и слабо связанных между собой общим поклонением герою Пелопису.^[49] Они получили свое название от деревни Пиза, возможно, из-за ее близости к Олимпии.

Пизаты были одной из многих подобных племенных групп, или амфикистий, на Пелопоннесе, в некоторых частях которого такая форма жизни продолжалась до пятого века или позже. Такими были группы из девяти городов, упомянутых в каталоге кораблей в *"Илиаде"*, девять аркадских городов, сгруппированных вокруг гробницы Эпита, девять пилийских городов царства Нестора, девять аргивских городов при Диомеде, девять

лакедемонских городов при Спарте. Такими были и кауконы, бродячее племя, герой которого Каукон в поздние времена, как предполагалось, был похоронен близ Лепреума; такими были эпейцы в Элисе; вытеснившие их элейцы сохранили эту форму правления до основания города-государства Элиса в V веке. Как и все подобные кланы, эти лиги были в высшей степени аристократичны: вожди почитались с суеверным благоговением, а центром племени часто была гробница какого-нибудь ушедшего героя-вождя. Городов, собственно говоря, на западе Пелопоннеса не было. Несколько сильных крепостей служили резиденциями для могущественных вождей и убежищем для их последователей в случае опасности, но большинство людей жили в не обнесенных стенами деревнях, как шотландские горцы. Их богатство состояло в основном из лошадей и скота, которые они обменивали у островитян или у критских или финикийских торговцев, высаживавшихся в Пилосе или плывших вверх по Альфею в Олимпию. В поисках пастбищ они кочевали зимой по низменным равнинам, а летом уходили в защищенные долины на возвышенностях. Постоянное давление новых людей заставляло их постоянно перемещаться то на юг, то на восток. Это перемещение племенных центров можно проследить на примере мест, носивших название Пилос. Поселившись первоначально в Элейском Пилосе, воротах нечистого мира, пилийцы, объединенные каким-то культом нечистого мира, были вынуждены перебраться сначала в Трифилийский Пилос, вероятно, Пилос Нестора, а позднее - в Мессенский Пилос. Об их набегах и угоне скота, вражде и расправах мы имеем яркое представление в *"Одиссее"*. Такова, как мы полагаем, была жизнь пизатов и их соседей, дорийских жителей Элиды, Трифилии, Аркадии и Мессении. Пизаты, возможно, занимали более прочное положение, чем остальные, благодаря суеверному почитанию, которое только и спасало богатую долину Олимпии от нападений, но в этих неустроенных условиях реальное развитие праздника было невозможно, хотя о престиже, который он уже приобрел, свидетельствует строительство Гереума сциллунтинцами.

Приход дорийцев принес порядок в Пелопоннес, но только после долгой и ожесточенной борьбы. Поселение Оксила и его этолийцев в Элисе сдержало поток миграции с северо-запада, а сила дорийцев предотвратила дальнейшую агрессию из других районов. Тем временем те из прежних жителей, кто сохранил свою независимость, были изгнаны в горы Аркадии и Ахейи или в Мессению. На юго-западе цивилизация, о которой мы имеем прославленное представление в царстве Нестора, продержалась, возможно, до окончательного завоевания страны спартанцами; в горах жители превратились в расу выносливых горцев и пастухов, любящих спорт и войну, цепко держащихся за свои древние обычаи и образ правления, но не сыгравших никакой роли в истории Греции, кроме как в качестве наемников на службе у более прогрессивных государств.

В долгую борьбу, предшествовавшую окончательному урегулированию, была вовлечена даже Олимпия. Элеяне - так мы можем назвать новых жителей Этолии - упорно пытались вырвать у пизанцев контроль над святилищем; но последние упорно отстаивали свои права, которые недавно были подтверждены строительством Гераклеи, и религиозное чувство было на их стороне. Тем не менее, престиж праздника пострадал настолько, что игры, как говорят, были заброшены и забыты. В конце концов, устав от непрекращающихся распри и последовавшего за ними мора, враждующие группировки, по совету, согласно одной из историй, дельфийского оракула, решили восстановить Олимпийские игры как средство возвращения доброй воли и единства на землю. Эта работа приписывается Ифиту, царю Элиды, потомку Оксила, Клеостену, царю Пизы, и Ликургу из Спарты. Постановление, регулирующее праздник, было выгравировано на дискосе, сохранившемся в храме Геры до времен Павсания, на котором имена Ифита и Ликурга были еще разборчивы во времена Аристотеля.^[50] Древность дискоса не вызывает сомнений, но можно сомневаться, что он был

современен описываемому событию. Более вероятно, что он датируется седьмым веком, когда Спарта, как мы увидим, принимала активное участие в играх. Введение Спарты и Ликурга в столь ранний период, конечно, подозрительно. Как бы то ни было, организация фестиваля Ифитом и Клеостеном может рассматриваться как первый определенный исторический факт в его истории.

С этого момента фестиваль проводился каждый четвертый год вплоть до его отмены императором Феодосием в конце IV века н. э. Он проходил во время второго или третьего полнолуния после летнего солнцестояния в элейские месяцы Аполлоний и Парфений, которые примерно соответствуют августу и сентябрю. На священный месяц (ἱερομηνία), в котором проходил праздник, священное перемирие (ἐκἐχευρία) объявлялось заранее переговорщиками Зевса (σπονδοφόροι). Во время этого перемирия на всей земле должен был царить мир, никому не разрешалось носить оружие на священной территории, а все участники состязаний, посольства и зрители, прибывающие в Олимпию, считались находящимися под защитой Зевса и неприкосновенными. Эффект этого перемирия, сначала чисто локальный, с ростом праздника распространялся на все государства, принимавшие в нем участие, пока его влияние не ощутил весь греческий мир. Любое нарушение перемирия, любая обида, причиненная паломникам Зевса, каралась крупным штрафом в пользу Зевса Олимпийского. Спартанцы во время Пелопоннесской войны, вступившие на священную территорию во время перемирия с оружием в руках, были приговорены к выплате штрафа в размере двух минаев за каждого гоплита; за отказ платить они были отлучены от церкви. Даже Александр снизошел до того, чтобы извиниться и возместить ущерб афинянину Фринону, который был схвачен и ограблен некоторыми из его наемников по пути в Олимпию.^[51]

По Ифитскому перемирию контроль над праздником был разделен между элейцами и пизанцами, и, вероятно, в ранние времена он был передан совместному совету, представлявшему различные деревенские общины. Совет, несомненно, существовал и в более поздние времена как последняя апелляционная инстанция, а тот факт, что самым ранним зданием при новом режиме было здание совета, часть которого датируется серединой шестого века, указывает на древность такого органа. Двойное управление было признано в назначении двух исполнительных чиновников, элланодиков. Царские пурпурные одежды, которые носили эти чиновники, указывают на то, что изначально они были царями соответствующих племен. Один из них, согласно элейской традиции единственный, всегда был потомком Оксила, но официальное положение Писаты сохранилось в более поздние времена в жреческих семьях Иамидов и Клитидов. Как и следовало ожидать, двойное управление не было гладким. Писаты, помня о своих древних правах и ревниво относясь к вмешательству элейцев, предпринимали неоднократные, но тщетные попытки вернуть себе единоличное управление. Но превосходящая мощь элейцев, поддерживаемая поначалу спартанцами, все больше и больше одерживала верх, пока вскоре после персидских войн элейцы не разорили мятежные города Трифилии, разрушили саму Пизу и отныне оставались единоличными хозяевами Олимпии, если не считать спазматических усилий пизанцев и аркадян в Ол. 104 (364 Г. ДО Н.Э.).

Приведенный выше взгляд на олимпийскую историю значительно отличается от ортодоксальной точки зрения, взятой у Павсания и Страбона и основанной на "древних писаниях элейцев". Этот жреческий вымысел можно резюмировать следующим образом. Игры, первоначально учрежденные Оксилем, были вновь основаны Ифитом и Ликургом и находились под управлением элейцев. В Ол. 8 пизанцы призвали Фидона, царя Аргоса, и с

его помощью оттеснили элейцев, но потеряли контроль над ними на следующей Олимпиаде. В Ол. 28 Элис, находясь в состоянии войны с Димеем, разрешил пизанцам праздновать игры. В Ол. 34 Панталеон, царь Пизы, праздновал игры во главе армии. Согласно одному из рассказов, пизанцы контролировали праздник в течение двадцати двух олимпиад подряд, с 30-й по 51-ю. Наконец, где-то между Ол. 48 и 52, элейцы победили мятежных пизанцев, разрушили Пизу, опустошили Трифилию и отныне бесспорно владели Олимпией, за исключением Ол. 104, который праздновали аркадяне и пизанцы. В результате эта Олимпиада, а также 8-я и 34-я были исключены из реестра и стали считаться Анолимпиадами. До Ол. 50 существовал только один Элланодик, потомок Оксила; в этот день был назначен второй, и оба были выбраны по жребию из всего числа элейцев.

Эта история, очевидно, является благочестивым мошенничеством, придуманным жрецами Элиса, чтобы оправдать свою узурпацию, утверждая, что они имели право на предшествующую власть, что опровергается всеми доказательствами и прямо отрицается Ксенофонтom.^[52] По той же причине роль Клеостена в перемирии с Ифитом опущена Павсанием, хотя, к счастью, сохранилась в другом рассказе. Можно лишь вкратце отметить некоторые несоответствия и нелепости в рассказе жреца. Элида представлена как власть над Олимпией, которая находится за ее пределами в Писатисе, независимом государстве со своим царем, и это независимое государство представлено как постоянно пытающееся узурпировать то, что ему принадлежит. История об Анолимпиадах опровергается тем, что в Олимпийском регистре, документе, по крайней мере, равном по ценности, эти Олимпиады были подсчитаны и указаны имена победителей. Роль, которую сыграл Фидон, связана со всеми неясностями, которые окружают этот самый манящий персонаж, но то, что великий тиран, когда бы он ни жил, пытался повысить свой престиж, захватив контроль над Олимпией, становится вероятным благодаря связи подобных тиранов с Олимпией и другими фестивалями. История о добавлении второго Элланодика в Ол. 50, в то самое время, когда Пиза, как говорят, была разрушена, является явной нелепостью. Две Элланодики представляют собой двойную монархию, а двойная монархия представляет собой союз рас. Если допустить, как сейчас принято считать, дорийское происхождение праздника, то первый элланодик должен был быть пизанцем, а второй должен был быть добавлен, когда Элис получил долю в правительстве. Более того, выбор двух должностных лиц по жребию - совершенно демократический институт - немыслим в Элисе, который в то время был олигархией олигархий, хотя он вполне мог быть введен, когда демократы Элиса получили власть. Наконец, дата окончательного разрушения Пизы, о которой Павсаний явно путается, опровергается прямым заявлением Геродота, который говорит о войне, в ходе которой она произошла, как "в мои дни" (ἐπ' ἐμέο).^[53] Более ранняя дата была поддержана ссылкой на надпись VI века в Олимпии, фиксирующую договор о взаимной обороне между Элидой и Гереей, по условиям которого любая из сторон, не оказавшая помощь другой, в случае необходимости обязана выплатить штраф в размере таланта серебра олимпийскому Зевсу.^[54] Возможно, слишком много внимания уделяется этой надписи, которая, вероятно, является одним из многих подобных местных договоров, запись которых исчезла. Более того, представляется весьма вероятным, что Герея, отнюдь не враждовавшая с Пизой, была членом ранней Пизанской лиги. Первоначальные претензии Пизы признаются всеми современными историками; все дальнейшие трудности исчезают при предположении о последующем двойном контроле, в котором Элис постепенно становилась доминирующим партнером, пока в пятом веке она полностью не вытеснила Пизу.

Правила для конкурентов можно проследить с самых ранних времен. В более поздние времена к состязаниям не допускались те, кто не имел чисто греческого происхождения с обеих сторон, или те, кто не выплатил штраф, положенный Зевсу Олимпийскому, или те, кто

подвергся ритуальному загрязнению в результате непредумышленного убийства, совершенного, как мы можем предположить, на священной территории. Эти ограничения берут свое начало в религиозном празднике, который формировал узы союза между соседними общинами и постепенно распространялся через священных перемирителей, пока не охватывал всю греческую расу. То, что эта местная или племенная исключительность переросла в панэллинскую, объясняется отчасти влиянием дорийцев, отчасти тесной связью колоний с Олимпией. В V веке Александр, сын Аминта, не допускался к состязаниям в Олимпии, пока не убедил элланодикийцев в своем греческом происхождении.

Аналогичным образом, недопущение женщин в Олимпию, несомненно, было связано с какими-то религиозными табу, а не с чувством скромности или приличия. Такое чувство не могло существовать в те времена. Конечно, ионийские женщины посещали праздник на Делосе, а спартанские девушки участвовали во всех атлетических упражнениях вместе с юношами. Павсаний в одном из отрывков говорит нам, что это ограничение не распространялось на незамужних девушек, но истинность его утверждения по меньшей мере сомнительна. Мы никогда не слышали, чтобы на фестивале присутствовали незамужние женщины, и Олимпия могла предоставить им мало или вообще не предоставить никаких условий. Единственное определенное исключение - случай жрицы Деметры, Чамины, и это исключение вполне соответствует идее древнего табу. В противном случае ни одной женщине не разрешалось пересекать Алфей в течение определенного количества дней. Наказанием за это была смерть: нарушительницу сбрасывали с Тифейской скалы. Зафиксирован лишь один случай нарушения этого правила. Феникс, представительница знаменитого семейства Диагоридов, желая увидеть, как ее сын Писирод участвует в соревнованиях по боксу среди юношей, отправилась с ним в Олимпию, переодевшись тренером. В своем восторге от его победы она перепрыгнула через барьер и таким образом раскрыла свой пол. Элланодики, однако, простили ее в знак уважения к ее отцу, братьям и сыну, все из которых были олимпийскими победителями, но приняли постановление, что отныне все тренеры должны появляться обнаженными.^[55]

И все же, хотя женщины лично были отстранены от участия в играх, им разрешалось пускать своих лошадей на гонки колесниц и даже устанавливать статуи в честь своих побед. В Олимпии у них тоже был свой праздник - Герей.^[56] Каждые четыре года шестнадцать женщин Элиса ткали для Геры пеплос и преподносили его богине. На празднике устраивались скачки для девиц разного возраста. Их дистанция составляла 500 футов, что на одну шестую меньше, чем на мужском стадионе. Девы бежали с волосами по спине, в короткой тунике, доходящей чуть ниже колена, и с обнаженным до груди правым плечом. Победительницы получали короны из оливок и долю телицы, приносимой в жертву Гере. Кроме того, они имели право устанавливать свои статуи в Герее. В Ватикане хранится копия статуи V века одной из этих девушек-победительниц, изображенной так, как ее описывает Павсаний (рис. 6). Кажется, что она находится в самом начале пути. К сожалению, руки статуи восстановлены, и мы не можем точно определить мотив. Считается, что Герей были учреждены Гипподамеей в благодарность за ее брак с Пелопсом. Об их реальном происхождении и истории мы, к сожалению, ничего не знаем. Согласно Курцию, Герей были прототипом Олимпии, а девичьи состязания проводились раньше, чем мужские, но это маловероятно. Плетение пеплоса, конечно, напоминает нам о подобной церемонии в Панафинях, а скачки для девиц предполагают дорийское влияние. Конечно, мы можем вряд ли считать дорийцев ответственными за исключение женщин из Олимпии, которое можно смело отнести к более ранней негреческой расе.

Рис. 6. Статуя девушки-бегуни. Ватикан. Копия оригинала пятого века. (По фотографии Алинари).

В ранние времена атлеты носили набедренную повязку, которую, как показали критские раскопки, носили во всем средиземноморском мире. Гомеровские греки подпоясывались для занятий спортом, и на некоторых из самых ранних атлетических ваз изображена набедренная повязка (рис. 128, 142). В целом, однако, греческие атлеты были абсолютно обнажены. Этот обычай приписывают случайности. Орсипп из Мегары, в Ол. 15, 720 г. до н. э., случайно или нарочно сбросил свою набедренную повязку во время бега. Полученное им при этом преимущество произвело такое впечатление, что с этого момента все бегуны отказались от набедренной повязки. Эта история была отмечена эпиграммой, написанной, возможно, Симонидом, которая была начертана на его могиле. Похоже, что эта практика была принята всеми атлетами лишь позднее, так как Фукидид утверждает, что отказ от набедренной повязки даже в Олимпии произошел незадолго до его собственного времени.^[57]

Первоначально призами были треножники и другие ценные предметы. Именно в Ол. 7 по совету дельфийского оракула была впервые введена корона из дикой оливы. Ветки, из которых делались короны, срезались со священных оливковых деревьев золотым серпом мальчиком, родители которого были живы. Отныне это был единственный приз, вручаемый в Олимпии. О наградах и почестях, которые оказывали соотечественники победителя, и о других деталях, связанных с играми, мы расскажем в другой главе. Наши знания недостаточно для описания фестиваля в этот ранний период.

Атлетические записи Олимпии датируются 776 годом до н. э., 28-й Олимпиадой с момента организации игр Ифитом. Эта Олимпиада, на которой Короеб из Элиса выиграл забег, считается первой Олимпиадой в Олимпийском реестре,^[58] и с этой даты мы имеем полный список победителей в этом забеге, скопированный Евсеем с работы Юлия Африкана, который довел реестр до 217 г. н. э. Первоначально реестр был составлен Гиппием из Элиса в конце пятого века. Он пересматривался и обновлялся различными авторами от Аристотеля и Филохора до Флегона Тралльского во времена Адриана и Юлия Африканского в III веке н. э. Список победителей был составлен в Олимпии Парабаллоном, олимпийским победителем и отцом мальчика-победителя Ластратида, дату которого Гайд относит к первой половине IV века до н. э. ([59]).^[59] Только в III веке до н. э. олимпийский реестр стал использоваться как средство отсчета дат, год датировался по номеру Олимпиады и имени победителя стадионов. Отсюда и сохранение Евсеем имен победителей этой гонки. Более ранние списки, как мы знаем из фрагментов Флегона и фрагмента, недавно найденного на папирусе из Оксиринха, содержали имена победителей в других состязаниях.

Ценность ранних частей реестра была поставлена под сомнение Махаффи, Бузольтом и Кёрте, которые, отталкиваясь от скептического замечания Плутарха о том, что Гиппиас не имел надежной основы для своей работы, утверждают, что не следует доверять записям, сделанным до VI века. Они доказывают, что реестр был несовершенен - вряд ли могло быть иначе; что задача по его составлению была трудной - такие люди, как Гиппиас и Аристотель, иначе не посвятили бы этому свое время. Но мы вряд ли можем поверить, что Гиппиас мог навязать критическому греческому миру конца пятого века чисто вымышленный список победителей или что Аристотель стал бы его пересматривать без каких-либо доказательств своей работы. Какого рода записи вели жрецы Олимпии и когда это началось, мы сказать не можем. Использование письменности в Олимпии для седьмого века подтверждается диском Ифита и постановлениями или *Фράтраи* элейцев в отношении священного перемирия. Официальный реестр афинских архонтов датируется 683 годом до н. э., если не

раньше, а недавние открытия относительно древности письменности на Крите заставляют нас с сомнением отрицать существование письменных записей в восьмом веке. Помимо официальных списков, должно быть, существовало множество местных списков победителей, семейных записей, генеалогий, а также надписей на памятниках. Из первых шестнадцати победителей в реестре, по крайней мере, четверо связаны Павсанием с памятниками или надписями, возможно, не современными тем, кого поминали, но ценными как свидетельство. Если вы установите памятник своему прадеду, он может оказаться очень важным для будущего антиквара при составлении вашей генеалогии. Большинство людей в наши дни не знают о своих прадедах или предпочитают забыть об их существовании; но в племенном обществе с глубоким уважением к рождению все обстоит совсем иначе, особенно в поэтической расе. Их единственная история - это история семьи и клана; семейные традиции и генеалогии помнятся и передаются с такой тщательностью и точностью, которая неизвестна нашей космополитической цивилизации. Именно из таких источников софист, должно быть, собирал материал для своего реестра в путешествиях, и хотя его список мог быть несовершенным и часто неточным, он все же достаточно точен, чтобы дать ценные указания на рост и развитие фестиваля.

В двух моментах мы можем с уверенностью отвергнуть свидетельства реестра и элевской традиции. По их словам, в период войн и смятения, предшествовавших Ифиту, игры были забыты. В течение многих олимпиад единственным состязанием были гонки на стадионе, но постепенно, по мере того как память о старых играх возвращалась к ним, добавлялись одно событие за другим. В Ол. 14 была добавлена двойная гонка (δίαιλος), в Ол. 15 - длинная гонка (δολῖχος), в Ол. 18 - пятиборье и борьба, в Ол. 23 - бокс, в Ол. 25 - гонки на колесницах с четверью лошадьми, в Ол. 33 - панкратион и конные скачки, в Ол. 37 первые состязания для мальчиков, пеший бег и борьба, в Ол. 38 пятиборье для мальчиков, которое, однако, не было повторено, в Ол. 41 бокс для мальчиков, в Ол. 65 - скачки в доспехах. После этой даты в разное время были введены различные состязания для лошадей и мулов, соревнования глашатаев и трубачей, а в Ол. 145 - панкратион для мальчиков.

Первая часть этого рассказа явно абсурдна, учитывая приведенные выше свидетельства о погребальных играх. Нет никаких сомнений в том, что в программу первой Олимпиады входили, по крайней мере, все описанные Пиндаром состязания: бег на ногах, дискобол, метание копья, бокс, борьба и гонки на колесницах. Если Олимпийские игры и развились из какого-то одного события, то, скорее всего, не из пешего бега, а из вооруженного поединка или гонки на колесницах. Вероятно, составитель датировал введение каждого нового события по первому случаю, в котором он нашел упоминание о нем. Это может объяснить количество первых соревнований, выигранных Спартой, государством, особенно хорошо известным Гиппиасу, где, как мы ожидаем, атлетические записи велись с особой тщательностью. С другой стороны, нет сомнений, что программа получила множество дополнений, вариаций бега на ногах, таких как двойной бег и длинный бег, сложных соревнований, таких как пятиборье и панкратион, особенно среди мальчиков, и нет веских причин сомневаться в дате таких дополнений.

С этой историей эволюции игр связано первенство, отдаваемое гонкам на стадионе, победитель которых давал свое имя Олимпиаде. Этот обычай, как мы видели, появился не ранее III века, и возник он не из-за чрезмерной важности этого события, а по той простой случайности, что оно стояло первым в программе, а также в списке победителей. Греческий спортсмен, несомненно, уже давно имел привычку отсчитывать годы, ссылаясь на победу какого-нибудь знаменитого атлета, особенно если он был соотечественником. Фукидид дважды приводит даты олимпийских побед, каждый раз - побед в панкратионе, состязании,

очень популярном в Афинах. В самой ранней надписи, использующей олимпиады для хронологии, также упоминается панкратион.^[60] Отсюда возникает подозрение в полноте списка победителей в стадных бегах. Возможно, ранние записи и традиции часто констатировали факт победы без упоминания события, в котором она была одержана, и составитель реестра, приняв свою теорию развития, предположил, что все такие победы были одержаны в пешем беге.

В 776 году до н. э. сама Олимпия еще мало изменилась. Единственным зданием был Герай, длинный, низкий, узкий храм, построенный первоначально из дерева. Одна из деревянных колонн еще стояла во времена Павсания. По мере того как деревянные столбы ветшали, их заменяли каменными. Поэтому столбы, многие из которых стоят до сих пор, различаются по размеру, материалу, рифлению и капителям: самые ранние по стилю относятся к седьмому или шестому веку, самые поздние - к римскому периоду. Храм был сокровищницей. Здесь хранился дискос Ифита, а в более поздний период - сундук Кипсела и стол из слоновой кости и золота, на который клали короны для победителей. Из всего богатства вотивных приношений и статуй, некогда украшавших этот храм, почти все погибли; но здесь, на том самом месте, которое описал Павсаний, немецкие раскопщики нашли Гермеса Праксителя, который представляет собой самый совершенный тип той физической красоты и гармоничного развития, которые породила греческая атлетика.

Количество алтарей, несомненно, увеличилось. Алтарь Зевса уже соперничал, если не затмевал, с более ранним алтарем Геры и гробницей Пелопса. Этот алтарь стоял на двойном эллиптическом основании из камня, нижнее основание которого составляло 125 футов, а верхнее - 32 фута в окружности. Сам алтарь был сложен из пепла жертв, которые раз в год приносили провидцы из Пританея, смешивали с водой из Алфея и клали на алтарь. Во времена Павсания его высота достигала 22 футов.

В Олимпии еще не было ипподрома. Скачки и игры, должно быть, проходили на открытом пространстве, простиравшемся от алтаря Зевса и гробницы Пелопса под склонами холма Кроноса, с которого, несомненно, смотрели зрители. Гонки, вероятно, заканчивались у алтаря, и там, под непосредственной защитой Зевса, победители короновались. По преданию Филострата,^[61] гонки возникли из факельных состязаний, в которых участники, стартовав с расстояния в одну стадию, мчались с зажженными факелами к алтарю; тот, кто прибывал первым и зажигал огонь, получал приз; В двойном забеге, или диаулосе, бегуны мчались от алтаря, чтобы созвать на жертвоприношение представителей греческих государств, а затем мчались обратно к алтарю; длинный забег возник из практики глашатаев, в чьи обязанности входило разносить объявления о войне в разные части Греции. Примеры таких церемониальных забегов мы найдем во многих частях Греции, но традиция, выводящая из них забеги на Олимпии, может быть отвергнута как позднейшее изобретение, которое, возможно, имело свое происхождение в том, что до строительства стадиона забеги заканчивались у алтаря. Конечно, во времена Пиндара там еще проводились бокс и подобные соревнования, и сомнительно, что они когда-либо были перенесены на стадион.

Первые полвека Олимпия оставалась местным праздником элейских и дорийских жителей Запада. Первым победителем стал Короеб из Элиды,^[62] чья гробница была установлена на границе между Элидой и Гереей, что символизировало перемирие между двумя расами. Однако элейцы не могли апеллировать к своим атлетическим рекордам в поддержку своих претензий. Из первых одиннадцати победителей только один был элейцем, в то время как старшая раса была представлена семью мессенцами, одним ахейцем из Дима и одним уроженцем Диспонтия, города близ устья Алфея, который принадлежал к Пизатанской лиге. Согласно скандальной традиции, приведенной Афинеем, Короеб был поваром, но скудные

записи, которыми мы располагаем об этих ранних победителях, доказывают, что игры все еще сохраняли свой аристократический характер, и эту традицию можно отбросить как выдумку врагов Элиды или антиатлетической партии более позднего времени.

После Ol. 11 до восстановления Мессении в IV веке в хрониках упоминается только одна мессенская победа. Гипенос, победивший в двойном забеге, введенном в Ol. 15, был пизанцем, хотя Элис пытался претендовать на него. За этими исключениями старый род исчезает, а элейцы слишком вялы или слишком заняты враждой с Аргосом, чтобы занять их место. Однако атлетическая сила старой расы вновь проявляется в других местах - в таких семьях, как Диагорида на Родосе, которые происходили от дочери мессенского патриота Аристомена, в таких колониях, как ахейский Кротон, в поздних успехах Аркадии в то время, когда атлетика стала достаточно прибыльной профессией, чтобы выманить из бедных домов этих выносливых горцев и пастухов. Возможно, длинная череда спартанских успехов чем-то обязана мессенцам, которых они покорили. Записи о древних успехах, несомненно, ревностно хранились теми, кто покинул свои дома, и мы вполне можем предположить, что именно из таких записей была составлена ранняя часть олимпийского реестра.

Затмение "домашних кругов", как мы можем их назвать, было частично связано с растущим значением фестиваля, частично с давлением Аргоса и Спарты. О роли, которую сыграл Аргос, мы знаем очень мало; известно лишь, что Фидон Аргосский, когда бы он ни жил, как и другие тираны, пытался использовать праздник для расширения своего владычества, что он выступал на стороне пизанцев и что между элейцами и аргивянами существовала вражда,^[63] что, возможно, объясняет полное отсутствие Аргоса в списке ранних победителей. Элис нашел естественного союзника в Спарте. Долины Евротаса и Алфея образуют прямой путь сообщения между Спартой и Олимпией, и контроль над этим маршрутом Спартой после завоевания Мессении давал ей естественное преимущество перед соперницей.

Влияние Олимпии распространилось сначала по северному побережью Пелопоннеса, а затем и в Спарте. Во второй половине столетия, Ol. 13-25, в списке победителей фигурируют Коринф, Мегара, Эпидавр, Сикион, Гипересия, Афины, Фивы, а еще дальше на восток - Смирна. Все эти места сообщаются с Олимпией через Коринфский залив. Знаменательно, что это распространение его влияния на восток совпадает с основанием первых греческих колоний в Италии и Сицилии. Коринфяне, пройдя вдоль северного побережья залива к Корсире, переправились через нее и основали Сиракузы в 734 году до н. э. Шесть лет спустя мегаряне основали новую Мегару у холмов Гибла, а еще через столетие обе Мегары объединились и колонизировали Селинус. Ахейцы, сделав ставку на Закинф, основали богатые города Сибарис и Кротон, а позже Метапонтум, и построили на Лацинийском мысе к югу от Кротона храм Геры, который стал центром поклонения для греков Италии. Даже восточные греки с островов приняли участие в этом движении. Гела была колонизирована переселенцами с Родоса и Крита. Все эти и многие другие колонии сыграли огромную роль в истории Олимпии, о важности которой мы можем судить не только по списку их побед, но и по остаткам так называемых сокровищниц, которые они там построили, и вряд ли будет прихотливым предположить, что их связь с Олимпией началась с того времени, когда поселенцы покидали берега Греции.

Победа Ономаста из Смирны в Ol. 23 не менее значима, чем победа Ономаста Смирнского в Ol. 23.^[64] Восточные деспоты посылали подношения в Дельфы; поэты с островов и из Малой Азии привезли в Грецию фригийскую и эольскую музыку; даже алфавит пришел с Востока. В Олимпии, когда друзья победителей устраивали вечерние пиры в их честь, они до времен Пиндара пели триумфальную песнь Геракла, сочиненную Архилохом Паросским.^[65] Смирна, в то время передовой город восточного побережья, была тесно связана с Пелопоннесом.

Поэт Мимнерм рассказывает, что его род сначала пришел из нелейского Пилоса в Колофон, а затем расправился с эолийскими жителями Смирны.^[66]

Первое появление Фив связано с введением гонок на колесницах в Ол. 25. Как мы уже видели, гонки на колесницах, похоже, были одним из самых ранних, если не самым ранним событием в Олимпии, и мы склонны подозревать, что новшество заключалось в замене четырехконной колесницы на более старую двуконную, которая была возрождена в Олимпии в более поздние времена.

Таким образом, мы видим, что уже через столетие после первой Олимпиады Олимпия стала центром, куда съезжались соперники не только из Пелопоннеса, но и из Афин, Фив и даже с Востока.

Длинный список спартанских успехов начинается в Ол. 15 (720 г. до н.э.), и продолжается до Ол. 50 (576 г. до н. э.), после чего они почти полностью прекращаются. На протяжении большей части этого периода превосходство Спарты неоспоримо. Частично это превосходство можно объяснить тщательными записями спортивных побед, которые велись в этом самом методичном государстве, в то время как записи других государств были менее тщательными и менее доступными для историка. Тем не менее, если полностью учесть несовершенство наших знаний о других государствах, спартанские успехи достаточно примечательны, а их внезапное прекращение - едва ли менее. Аристотель дал нам объяснение этих фактов.^[67] Спарта была первым греческим государством, которое ввело систематическую физическую и военную подготовку, что на некоторое время сделало ее непревзойденной в спорте и войне; когда другие государства последовали ее примеру, ее превосходство исчезло. Более того, в седьмом веке Спарта все еще была прогрессивным, просвещенным государством, любила поэзию и музыку, принимала энергичное участие во всех многообразных видах греческой жизни; только хорошие последствия ее системы были еще очевидны; ее железная власть еще не породила тот узкий дух исключительности, который был смертелен для прогресса.^[68] Поэтому участие спартанцев в Олимпийском фестивале не только подняло престиж фестиваля, но и придало атлетике новое значение и серьезность. До сих пор они были развлечением знати, отныне же должны были стать частью народного образования. Физическое воспитание в Греции во многом было обусловлено спартанским примером. В начале VI века Солон издает законы о палестрах и гимназиях, и можно предположить, что большинство крупных городов располагали этими учреждениями.

Спарте приписывают не менее пяти побед в соревнованиях, которые, как утверждается, были введены впервые - длинная гонка в Ол. 15, борьба и пятиборье в Ол. 18, борьба мальчиков в Ол. 37, и пятиборье мальчиков в Ол. 38. Последнее соревнование было отменено на следующей Олимпиаде из-за зависти элейцев к успехам спартанского мальчика Эвтелидаса. Возможно, различные соревнования для мальчиков были введены в интересах родных округов, которые были вытеснены возросшей конкуренцией извне, и если это так, то мы можем понять определенное чувство обиды за успех спартанцев, тем более что Эвтелидас выиграл борьбу среди мальчиков на той же Олимпиаде. Статуя в его честь в Олимпии была самой древней из всех статуй атлетов; похоже, что первоначально она стояла на месте, занимаемом храмом Зевса, а при строительстве храма была перенесена на юг.^[69] Особого внимания заслуживает Гиппостен, победитель в борьбе мальчиков в Ол. 37, который впоследствии одержал еще пять побед в борьбе в Олимпии и в честь которого в Спарте был построен храм. Его сын почти превзошел рекорд отца, одержав пять побед в борьбе.^[70] Другим не менее знаменитым атлетом был Хионис, одержавший четыре победы в беге на стадионе и три в двойном беге, помимо побед в других видах спорта, Олс. 28-31. Говорят, что вместе с Баттусом он участвовал в колонизации Киринеи, и его подвиги были позднее

отмечены его соотечественниками на каменных столбах в Спарте и Олимпии, где в его честь также была установлена статуя работы Мирона.

Между тем в период спартанского господства влияние Олимпии неуклонно распространялось, особенно среди колоний Запада. В Ol. 33 были добавлены два новых вида состязаний - скачки, в которых победил фессалиец из Краннона, и панкратион, сочетание бокса и борьбы, в котором победил Лигдамис из Сиракуз, имевший, как говорили, пропорции Геракла, а его нога, как и нога героя, была точно олимпийской. Различные соревнования для мальчиков были введены между Ol. 37 и Ol. 41, а в боксе для мальчиков первым победителем стал Сибарис. Кротон уже начал свою победную карьеру. Из Милета в Ol. 46 г. прибыл мальчик-бегун Полимнестор, который, будучи мальчиком-пастухом, как говорят, ловил зайцев с помощью быстроты ног; а из Самоса прибыл женоподобный Пифагор с длинными волосами и пурпурными одеждами. Отвергнутый в боксе для мальчиков как слабак, он участвовал в мужских соревнованиях и выиграл их. Прогресс колоний был столь стремительным, а их участие в олимпийском празднике - столь активным, что начиная с Ol. 50 они обогнали родину, и следующее столетие можно назвать колониальным периодом Олимпии. Первой попыткой греческого государства обеспечить себя жильем в Олимпии было строительство сокровищницы гелойцами в конце седьмого века. До конца шестого их примеру последовали Метапонтум, Селин, Сибарис, Византия и Кириная, единственными представителями Пелопоннеса были мегаряне. Ничто так ясно не указывает на преобладание колоний, как эта линия казначейств, или, скорее, общинных домов,^[71] стоящих на террасе у подножия холма Кроноса между Гереем и входом на более поздний стадион, и открывающих вид на Альтис, алтари и игры. Интересно, предавались ли спартанцы сетованиям по поводу упадка спартанской атлетики? Думаю, нет, ибо в этом замкнутом и молчаливом народе было слишком много гордости и скуки; к тому же атлетика для них была лишь средством достижения цели - подготовки граждан-воинов. Конечно, с этого момента они перестали фигурировать в списках победителей, поглощенные, возможно, более серьезными состязаниями и планами возвеличивания, или же отстраненные от праздника новым демократическим, панэллинским духом, привнесенным туда колониями, и не желающие терпеть поражение от рук выскочек.

Влияние колоний было огромным. Их соревнования дали новый импульс той волне атлетизма, которая достигла своего расцвета в шестом веке. Олимпия приобрела панэллинский характер, став местом встречи всех рассеянных представителей греческой расы, и тем самым способствовала сохранению и укреплению чувства единства, которое уже было вызвано к жизни общением с другими народами. Ни один иностранец не мог войти в Олимпию в качестве соперника, ни один варварский властитель не посылал подношений к ее святыням и не обращался к ее оракулам. На протяжении всей своей истории Олимпия оставалась чисто и исключительно эллинской. И снова колонии привели Олимпию в соответствие с демократическим духом эпохи и разрушили барьеры элейской и спартанской исключительности. Колонист получал допуск исключительно в силу своего греческого происхождения, и никакие различия по рангу, касте или богатству не были известны на Олимпийских играх. Спорт, особенно национальный, - великий нивелировщик социальных различий.

Политическое значение такого фестиваля, на который съезжались участники и зрители со всех концов греческого мира, не могло ускользнуть от внимания дальновидных и честолюбивых тиранов и вельмож седьмого века. Но святость места и новый демократический дух фестиваля оказались для них слишком сильны. Фидон из Аргоса пытался силой оружия стать хозяином Олимпии. Другие тираны пробовали более мирные

средства, стремясь завоевать популярность среди собравшихся толп и влияние на властителей Олимпии победами в гонках на колесницах или роскошными подношениями Зевсу Олимпийскому. В середине седьмого века Мирон Сицилийский одержал победу в гонках на колесницах и в честь своего успеха посвятил два сундука с сокровищами из цельной бронзы, один из которых весил 500 талантов. Впоследствии эти сундуки были помещены в сокровищницу сикионцев, построенную в V веке, возможно, на месте какого-то более древнего сооружения. При раскопках Олимпии был обнаружен массивный пол, предназначенный для того, чтобы выдержать вес этих сокровищниц. Его внук Клисфен, сам победитель, воспользовался праздником, чтобы объявить знаменитое состязание за руку своей дочери Агаристе, которое описывает Геродот. Кипсел из Коринфа также посвятил Олимпии золотую статую Зевса, сделанную в стиле ранних мастеров-металлистов из битых золотых пластин, склепанных вместе. Его сын Периандр победил в гонках на колесницах и подарил Олимпии знаменитый сундук Кипсела, в котором, по преданию, младенец Кипсел был спрятан своей матерью от убийц, посланных олигархами Коринфа, чтобы убить его. Из Афин прибыл потенциальный тиран Сайлон, победивший в состязании диаулов в Ол. 35; а в следующем поколении гонки на колесницах выиграл Алкмеон, сын того Мегакла, который как архонт был ответственен за смерть Кайлона и последующее загрязнение Алкмеонидов, и отец Мегакла, успешного жениха Агаристы. Однако, несмотря на их победы и подношения, ни один тиран не добился влияния в Олимпии, ни одно здание не носило имя тирана. Так называемые сокровищницы были общинными домами государств, и мегарская сокровищница, датируемая примерно этим временем, была создана, вероятно, не тираном Феагеном, а народом после его падения и до того, как их власть была ослаблена успехами Афин.

Таким образом, в начале VI века Олимпия заняла уникальное положение как национальный праздник Эллады. Состязания и зрители всех сословий съезжались туда со всех концов Греции. Священные перемирители провозглашали месяц мира во всем греческом мире, и в ответ города Азии и Сицилии соперничали друг с другом в пышности официальных посольств (θεσπίαι), отправленных представлять их на фестивале. Старый аристократический характер сохранился в гонках на колесницах и скачках, которые давали возможность тиранам и вельможам продемонстрировать свое богатство и власть. Атлетическая программа теперь была практически завершена, единственным важным нововведением более поздних времен стали скачки в полном вооружении, введенные в 520 году до н. э., и эта программа была по-настоящему демократичной. В атлетических состязаниях знатные и крестьяне встречались на равных. Аристократических предрассудков против этих народных состязаний еще не существовало; и хотя честь олимпийской короны была открыта для самого бедного гражданина греческого происхождения, престиж праздника был таков, что его жаждали даже самые высокие. Представительный характер Олимпии был обусловлен целым рядом причин. Географическое положение места, его древняя святость, атлетическая сила дорийских греков, дисциплина и тренировки спартанцев, восторженный патриотизм колоний, честолюбие тиранов, новый дух демократии - эти и другие причины способствовали результату, и важность этого результата была признана основанием в течение следующего полувека трех других панэллинских фестивалей в Дельфах, Немее и на Перешейке, а также многих других фестивалей, которые, как и Панафиней, стремились к панэллинскому достоинству, но так и не достигли его.

И все же, несмотря на рост фестиваля и развитие атлетики, внешний вид Алтиса и организация игр практически не изменились. Некоторые деревянные столбы Гераклеи, возможно, были заменены на каменные, но до сокровищниц, самые ранние из которых датируются концом седьмого века, не появилось ни одного нового здания. Игры по-

прежнему проходили возле алтаря, где перед каждой встречей можно было легко измерить и разметить дистанцию. Добавленные новые состязания были лишь вариациями тех, которые мы находим у Гомера. Популярность и соревновательность, несомненно, повысили стандарты игры, но атлетической подготовки еще не существовало. В городах, конечно, уже появлялись гимназии и палестры, но они были скорее образовательными, чем спортивными, и предназначались скорее для обучения и воспитания молодых людей как полезных солдат, чем для подготовки атлетов-чемпионов. Основная масса населения, ведущая жизнь под открытым небом, в которой значительное место занимали война, охота и игры, не нуждалась в тренировках. Таким образом, хотя атлетика и стала популярной, она по-прежнему сохраняла спонтанность и радость гомеровской эпохи: она по-прежнему была чистым отдыхом.

ГЛАВА IV

ЭПОХА АТЛЕТИЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ, ШЕСТОЙ ВЕК ДО Н.Э.

Шестой век - это век организованной атлетики. Возвышение Спарты и ее успехи в спорте и войне дали греческому миру наглядный урок ценности систематических тренировок, и отныне тренировка тела стала неотъемлемой частью греческого образования. Палаэстры и гимназии были основаны повсеместно, и Солон считал необходимым установить законы для их поведения. Изначально эти учреждения предназначались для обучения молодежи, но рост атлетических состязаний вскоре вызвал к жизни новую, специализированную форму обучения - подготовку участников к большим играм. Возникло искусство обучения, и во времена Пиндара преподаватели нового искусства не только собирали богатый урожай со своих учеников, но и получали почести, едва ли уступающие почестям самих победителей. Быстрое развитие Олимпийского фестиваля показало ценность атлетики как средства объединения греков по всему миру, и всеобщая тоска по единству, которому не суждено было осуществиться, нашла свое выражение в учреждении других фестивалей, образцом для которых послужила Олимпия.

В Дельфах, на Перешейке и в Немее уже давно существовали местные праздники и состязания.^[72] Дельфийский оракул уже приобрел панэллинское, почти космополитическое значение, соперничая с Олимпией. Пифийский праздник, как говорят, был основан в честь победы Аполлона над питоном. За смерть дракона Аполлон был осужден на девять лет изгнания, поэтому фестиваль проводился каждый девятый год, или, по нашему летоисчислению, раз в восемь лет. Позднее легенда утверждала, что в Дельфах уже проводились атлетические игры, и в качестве победителей в них назывались различные герои. Но кажется вероятным, что первоначальные состязания в Дельфах были чисто музыкальными, и в гимне Аполлону Дельфуса прямо называет Дельфы домом для бога на том основании, что там его алтарь не будет потревожен "вихрем прекрасных колесниц или звуком быстроногих коней". Врожденное честолюбие грека и его стремление превзойти своих собратьев находили выход во всевозможных состязаниях. Музыкальные состязания были особенно связаны с поклонением Аполлону на Делосе и в Спарте; в Дельфах приз давался за гимн Аполлону, исполненный под аккомпанемент кифары.

Таким праздник оставался до начала первой Священной войны. Причиной войны стало нечестивое поведение крисейцев, которые, владея равниной и гаванью Цирры, обогатились за счет дельфийцев и Аполлона, взимая непомерную пошлину с паломников, высаживавшихся в Цирре по пути к оракулу. Дельфийцы обратились к своим естественным защитникам, Амфиктионии в Фермопилах, которые сразу же объявили священную войну. Командовать экспедицией поручили фессалийцу Эврилоху, афиняне, по совету Солона, отправили отряд под командованием Алкмеона, а амбициозный тиран Сикиона Клисфен с радостью ухватился за возможность выступить в роли защитника греческой религии. Фестиваль был восстановлен и реорганизован в 590 году до н. э. Были добавлены новые музыкальные состязания: соло на флейте и песня в сопровождении флейты; атлетические и конные соревнования также были введены по образцу Олимпийских; но поскольку в Дельфах еще не было стадиона, игры проводились на равнине Криса внизу. Гонки на колесницах по тем или иным причинам были опущены, зато нашлось место двум дополнительным атлетическим состязаниям - бегу на длинные дистанции и бегу на диаулосах для мальчиков.

Однако война вспыхнула вновь и продолжалась шесть лет, в конце которых, в 582 году, фестиваль был окончательно реорганизован из трофеев Крисы в пентаэтерис и передан под контроль Амфиктионов. 582 год датируется как первая Пифиада, и с этого времени фестиваль проводился каждый четвертый год, в августе третьего года каждой Олимпиады. Ценные призы, которые предлагались издревле, были упразднены, а вместо них вручалась корона из лавровых листьев, сорванных в долине Темпе. Скучные подробности фестиваля и его истории, которыми мы располагаем, будут рассмотрены в одной из следующих глав. Пока же достаточно отметить один важный факт: гонки на колесницах, которые были отменены в 590 году, были введены в 582 году, и первым победителем стал сам Клисфен Сикионский. Равнины Сикиона были прекрасно приспособлены для разведения лошадей, и это занятие давало тиранам возможность увеличить и продемонстрировать свое богатство. Мирон уже одержал победу в гонках на колесницах в Олимпии, а его внук Клисфен, вскоре после своего пифийского успеха, добился такой же чести по случаю, когда он обратился к претендентам на руку Агаристы. В самом Сикионе он отметил свою роль в Священной войне великолепной колоннадой, построенной из трофеев Цирры, и в то же время он реорганизовал в качестве местной пифии древний праздник, связанный с аргивским героем Адрастом, память которого он с удовольствием оскорблял.^[73] Поэтому мы можем смело считать введение гонок на колесницах в Дельфах результатом влияния тирана, а перестройку фестиваля - частью его настойчивой панэллинской политики.

Почти в то же время, возможно, в том же году, 582 г. до н. э., был реорганизован Истмийский фестиваль. Этот праздник, который по своей древности превосходил даже Олимпийский, отмечался в святилище Посейдона, которое стояло в сосновой роще на юго-востоке перешейка, немного южнее восточного конца нынешнего Коринфского канала. Различные легенды о его происхождении прямо или косвенно связаны с поклонением Посейдону. Венок из сухих листьев сельдерея, который во времена Пиндара был призом, напоминал о том, что игры были впервые основаны в честь незадачливого Меликерта на том месте, куда его мертвое тело перенес дельфин. По другой легенде, они были учреждены аттическим героем Тесеем, когда он освободил землю от террора разбойника Синиса. Эта история указывает на тесную связь Истмии с Афинами. Афинские посланники пользовались привилегией первенства (προεδρία) на этом празднике, и для них было отведено место, насколько хватало паруса корабля, который привозил их на Перешеек. Ни один другой праздник не был так удобно расположен для афинян. Афины и Коринф имели много общего и были в самых дружеских отношениях до того, как отношения между ними ожесточились из-за торгового соперничества, и их дружба была особенно тесной в период после падения

Кипселиды. Другая версия легенды о Тесее представляет его как основателя Истмии в соперничестве с Гераклом, который основал Олимпийские игры; и здесь мы можем проследить определенную ревность, существовавшую между двумя праздниками.^[74] Мы достоверно знаем, что элейцам не разрешалось соревноваться на Истмии. Этот запрет, который элейская традиция представляла как самоотверженное предписание, наложенное проклятием Молиона, вполне мог возникнуть из-за этого соперничества. Можно представить, что элейские власти не очень-то благосклонно отнеслись к появлению конкурирующего фестиваля в таком центральном месте, месте встречи торговли Востока и Запада. Однако, в конце концов, у Олимпии не было причин бояться соперника. Центральное положение Коринфа, вовлеченного во все распри и войны греческой истории, не позволило Истмии когда-либо обрести ту уникальную независимость, которая характерна для более отдаленной Олимпии. Не приходится сомневаться и в том, что с самого начала фестиваль отражал роскошный торговый характер Коринфа. Там радостная жизнь ионийской расы находила выход в своего рода космополитическом карнавале, который странно контрастировал с более напряженным дорийским праздником в отдаленной Олимпии.

Модифицированный фестиваль был триетерис, проводившийся весной второго и четвертого годов каждой Олимпиады. Программа была разнообразной и включала, помимо атлетики и конных скачек, музыкальные состязания и, возможно, регату. Председательство на фестивале принадлежало коринфянам. Было ли его учреждение в качестве панэллинского фестиваля связано с тираном Периандром или выражало радость народа по поводу освобождения от его власти, свидетельства не позволяют нам определить. Последнее кажется мне более вероятным. Великий тиран, одержав победу на гонках колесниц в Олимпии и сделав дорогостоящие подношения Олимпии и Дельфам, пытался заручиться поддержкой властей этих мест, и вполне возможно, что основание конкурирующего фестиваля о знаменовало реакцию народа против его политики. Как бы то ни было, учреждение Истмии - еще один признак великого национального движения к единству. Тираны признавали это движение и пытались использовать его в своих интересах. Но панэллинизм не зависел от тиранов; это было спонтанное движение народа, и не стоит удивляться тому, что один панэллинский праздник обязан своим происхождением тирану, а другой - народу.

Подобное сомнение вызывает и последний из греческих праздников - Немейский. Кипарисовая роща Неми, где стоял храм Зевса Немейского, находилась в уединенной долине среди холмов, на полпути между Флием и Клеоной. Здесь под руководством последнего государства издавна проводились местные игры. Считается, что их основал Адраст как погребальные игры в честь ребенка Офельта, которого, оставленного кормилицей в роще, съела змея. По другой версии, они были основаны Гераклом после убийства Немейского льва и посвящены Зевсу. Они были реорганизованы в 573 году до н.э. в триетерис и проводились, как и Истмия, во второй и четвертый год каждой Олимпиады, вероятно, в самом начале олимпийского года в июле. Призом был венок из свежего сельдерея, но, как говорят, первоначально это был венок из оливок. Как и в Олимпии, руководители игр носили титул Элланодики. Как и в Олимпии, состязания до позднейших времен были исключительно атлетическими и конными. Поразительное сходство с Олимпией явно объясняется дорийским влиянием и, возможно, поможет нам понять, как получилось, что через несколько лет после основания Истмии в ее непосредственной близости был учрежден второй панэллинский фестиваль.

Маленький городок Клеоны, возглавлявший Немею вплоть до времен Пиндара, конечно, никогда не смог бы без посторонней помощи возвести свой праздник в панэллинское достоинство. Клеоны, по-видимому, некоторое время находились под властью Клисфена Сикионского, но вряд ли тиран, который уже помог основать Пифию в Дельфах, а также местную Пифию в Сикионе, и чья политика была столь явно антидорийской, должен был основать второй панэллинский фестиваль столь чисто дорийского типа. Более того, похоже, что Клеона уже сбросила иго Клисфена, власть которого шла на спад. Аргос тоже был в упадке, и хотя в 460 году до н. э. Аргос узурпировал председательство на играх, мы видим, что аналогичные претензии выдвигали Коринф и Микены. Тот факт, что так много государств претендовали на председательство в фестивале, позволяет предположить, что его восстановление было делом рук не какого-то одного государства, а дорийцев северо-восточного Пелопоннеса в целом. Если мы правы в отношении ревности властей Олимпии к новообразованной Истмии и характера фестиваля последней, то, возможно, в основании Немеи мы видим протест дорийского пуританизма против нововведений, которые, казалось, унижали серьезное дело атлетики. Обиженные расхлябанностью нового фестиваля с его движением, удовольствиями и множеством развлечений, дорийцы Арголиды задумали основать в Клеоне восточный аналог Олимпии. О напряженности атлетики в Арголиде, несомненно, свидетельствуют сила и суровость, характеризующие атлетическую школу скульптуры, которая зародилась в Сикионе и Аргосе, на полпути между которыми, соответственно, и находились Клеоны. Вышеизложенная точка зрения, конечно, гипотетическая, но она согласуется с тем, что мы знаем об Истмии и Немее, и удовлетворительно объясняет панэллинский характер последней.

Таким образом, к 570 году были установлены четыре панэллинских праздника. Среди них выделялись священные собрания (ἱεροὶ ἀγῶνες) и игры короны (στεφανίται), названные так, чтобы отличать их от многочисленных игр, где давались ценные призы (θεραικοί). Не малым доказательством истинного спортивного чувства греков является то, что на четырех величайших праздниках не давали никаких призов, кроме простой короны из листьев. Цикл этих празднеств лучше всего понять, взглянув на следующую таблицу, в которой показан порядок проведения празднеств в течение одной Олимпиады.^[75] Следует помнить, что греческий год начинался с летнего солнцестояния, и, следовательно, относится наполовину к одному, наполовину к другому году, согласно нашему летоисчислению.

Олимпиада.	ДО Н.Э.			
55. 1	560/559	560	Позднее лето	Олимпия.
2	559/8	{ 559	Лето	Немея.
		{ 558	Весна	Истмия.
3	558/7	558	Август	Пифия.
4	557/6	{ 557	Лето	Немея.
		{ 556	Весна	Истмия.
56. 1	556/5	556	Позднее лето	Олимпия.

Таким образом, мы видим, что в четные годы было два панэллинских праздника, в нечетные - один.

Конкуренция других панэллинских фестивалей угрожала главенству Олимпии и заставляла покладистые консервативные власти этого места действовать. До сих пор они позволяли фестивалю развиваться извне; они позволили Геле и Мегаре построить сокровищницы с

видом на Алтис и таким образом установить своего рода претензии на долю в управлении; в соответствии со своими традиционными обычаями они не делали никаких попыток обеспечить надлежащую организацию для атлетического собрания такой важности. Теперь они поняли, что если хотят сохранить свое положение, то должны навести порядок в своем доме. Знаменательную историю рассказывает Геродот.^[76] В правление Псамметиха II. (594-589 гг. до н. э.) некоторые послы из Элеи посетили Египет, чтобы узнать, могут ли египтяне предложить какие-либо улучшения в правилах Олимпийских игр, которые, как они хвастались, были самыми справедливыми и лучшими из всех, что можно было придумать. Египтяне, подумав немного, спросили, разрешают ли они своим гражданам участвовать в соревнованиях. Элеяне ответили, что игры открыты для всех греков, независимо от того, принадлежат ли они к Элиде или любому другому государству. На это египтяне с истинно торговым инстинктом ответили, что правила далеко не справедливы, так как невозможно не отдать предпочтение своим соотечественникам и нечестно поступить с иностранцами; поэтому, если они хотят справедливо управлять играми, они должны ограничить их для чужеземцев и не допускать к состязаниям ни одного уроженца Элиды. К чести греков, никакого такого самоотверженного постановления принято не было, и сами греки никогда не выдвигали подобных возражений до гораздо более позднего времени. Только когда спорт становится слишком конкурентным и слишком прибыльным, и в него проникает профессиональный и коммерческий дух, требуются тщательные меры защиты от несправедливости.

Эта история - ценное свидетельство того, что в это время элейцы стремились улучшить свои порядки. В чем заключались эти улучшения, мы не знаем, но то, что произошла некая реорганизация, становится вероятным благодаря приведенной выше традиции, согласно которой в Ол. 50 впервые был назначен второй Элланодик. Возможно, был перестроен и Олимпийский совет. Мы находим этот совет в четвертом веке действующим в качестве апелляционного суда, а в императорские времена он упоминается в надписях как разрешающий установку почетных статуй.^[77] Элланодики были его исполнительными должностными лицами, и, судя по их истории и численности, кажется вероятным, что совет представлял различные племена, которые образовали своего рода амфикионию, первоначально контролировавшую фестиваль. Их существование в шестом веке доказывают остатки здания Совета. Это здание находилось под южной стеной Альтиса. Оно состоит из двух длинных зданий, завершающихся в западном конце апсидой, расположенных параллельно друг другу и объединенных квадратной камерой между собой. Северное крыло здания датируется не позднее середины шестого века. Апсидальная камера в конце была разделена перегородкой и служила, вероятно, для хранения архивов и сокровищ, а в остальной части здания располагались деловые помещения Совета и Элланодики. Здесь участники соревнований должны были явиться и принести клятву перед алтарем Зевса Хоркиоса, что они соблюдали и будут соблюдать условия фестиваля. Другим зданием, связанным с постоянным проведением фестиваля, был Пританеум, также построенный примерно в то же время. В нем находился алтарь Гестии, на котором постоянно горел священный огонь. Пепел от этого алтаря, собранный и смешанный с водой Алфея, использовался для строительства большого алтаря Зевса. Здесь, по окончании игр, пировали именитые гости и победители, в честь которых пели победные песни.

Совет должен был контролировать все новые здания, возводимые в Олимпии. Во второй половине VI века новые сокровищницы были построены государствами Селин, Сибарис, Византия и Кирирея - список, который достаточно хорошо иллюстрирует широкое влияние фестиваля. Планировка и расположение этих зданий явно подразумевает надзор со стороны какого-то местного органа власти.

О новой энергии этих властей и их желании сделать саму Олимпию достойной фестиваля свидетельствует начавшаяся в этом веке практика разрешать победителям отмечать свои победы votивными статуями. Самыми ранними из таких статуй, согласно Павсанию, были статуи Праксидамаса из Эгины, который выиграл бокс в Ол. 59, и Рексипия из Опуса, победившего в панкратионе двумя Олимпиадами позже. Эти статуи были сделаны из дерева, и поэтому можно предположить, что те, которые видел Павсаний, на самом деле были не первыми, а лишь самыми древними из сохранившихся. Конечно, были и статуи более ранних победителей. Некоторые из них, например, статуя лакедемонянина Хиониса или знаменитого панкратиаста Аррихиона в его родной Фигалии, были установлены их соотечественниками через много лет после их смерти. Другие, например, статуя спартанского мальчика Эвтелидаса, победителя в борьбе и пятиборье среди юношей, могли быть современными. Первыми скульпторами атлетических статуй, чьи имена нам известны, были Хрисотемис и Евтелидас из Аргоса, которые изготовили статуи для герайского Дамарета, победившего в состязании в dospехах в Олс. 65, 66, и для его сына Теопомпа, который одержал две победы в пятиборье. На надписях под этими статуями художники утверждали, что научились своему искусству у прежних мастеров. Аргос и Сикион, где находились самые ранние атлетические скульптуры, были, как мы видели, тесно связаны с недавно организованными панэллинскими праздниками, в дополнение к которым по всей округе проходило множество мелких местных праздников. Поэтому мы можем смело связывать возникновение атлетической школы искусства с атлетическим движением, которое породило эти фестивали. Эти ранние статуи, конечно, не были портретными. Из Плиния мы узнаем, что право на установку портретной статуи имели только победители, одержавшие тройную победу. Точность этого утверждения вызывает сомнения; конечно, оно не могло быть верным до IV века, до которого портретные статуи были практически неизвестны. Ранние художники, должно быть, довольствовались типовыми статуями, изображающими различные события, в которых была одержана победа.

Ближе к концу века в программу были внесены некоторые дополнения. В Ол. 65 (520 г. до н. э.) в Олимпии были введены состязания в тяжелых dospехах, а в 498 г. до н. э. - в Дельфах. Это нововведение, очевидно, было связано с растущим значением тяжеловооруженной пехоты в греческой войне. Греческие виды спорта, как мы уже видели, изначально были практическими и военными, но с изменением условий ведения войны они утратили свой военный характер и стали чисто атлетическими. Вождь больше не выезжал на войну на своей колеснице, его люди больше не метали камни или легкие копья. Индивидуальная война уступала место маневрированию масс тяжеловооруженных войск. Введение скачек в dospехах было попыткой вернуть атлетике ее практический характер. Забег представлял собой диаулос, *то есть* бег по стадиону и обратно к месту старта, на расстояние около четырехсот ярдов. Мужчины носили шлемы, поножи и круглые щиты. Позднее от шлемов отказались, возможно, в качестве уступки атлетам, которые считали такой забег ненастоящим видом легкой атлетики. Безусловно, эта гонка никогда не достигала такого же престижа, как другие состязания.

В Ол. 70 (500 г. до н. э.) были введены гонки на колесницах с мулами (ἀπτήνη), а на следующей Олимпиаде - скачки на кобылах (κάλπη), в которых наездники сходили с коней на последнем круге и бежали вместе со своими конями. В обоих этих соревнованиях, которые были прекращены после короткого испытания в Ол. 84, мы можем увидеть влияние элевской знати, чье богатство и власть в значительной степени обеспечивались лошадьми и скотом. Введение гонок на колесницах с мулами, возможно, было частично обусловлено влиянием сицилийских владык; победа Анаксиласа отмечена на монетах Регия и Мессаны (рис. 168). Особый интерес представляет κάλπη. Хельбиг показал, что гиппеи Афин и других греческих

государств в VI веке были не конными воинами в строгом смысле этого слова, а конной пехотой, истинными преемниками гомеровских вождей.^[78] Как последние отправлялись на войну на своих колесницах, но сходили с них, чтобы сражаться, оставляя колесницу на попечение возницы, и вновь садились на нее для бегства или преследования, так и Гиппеи VI века использовали своих лошадей только для наступления или отступления, сходя с них при близком соприкосновении с противником и оставляя своих лошадей оруженосцам, которые сопровождали их либо сзади, либо на своих собственных лошадях *en croupe*. Гомеровский обычай сохранился только в спорте, в ἀποβάτης, которых мы видим на фризе Парфенона в момент разгона; более поздний обычай был представлен на короткое время только кáлтп. Как мы уже видели при обсуждении гонки в доспехах, система индивидуальной войны уходила в прошлое. Спарта показала превосходство массы вооруженной пехоты. До персидских войн фессалийская конница уже использовалась Пейсистером, и в V веке она послужила образцом, по которому в Афинах и других государствах были организованы корпуса кавалерии. Но в 500 году до н. э. на Пелопоннесе не было кавалерии, и консервативная знать вполне могла с ревностью отнестись к переменам, которые грозили поставить их на один уровень с обычными пешими солдатами. Введение кáлтп было попыткой стимулировать и поощрить более старый стиль ведения боя. Но эта попытка была обречена на провал; прогресс военной тактики не был остановлен элеатами, и хотя гоплиты просуществовали до самого фестиваля, кáлтп была бесславно отменена в 444 году до н.э.

Помимо четырех великих праздников Короны существовало бесчисленное множество местных праздников, на которых проводились соревнования различного рода.^[79] В качестве призов часто предлагались треножки и чаши из серебра или бронзы, иногда изделия местного производства, такие как плащ в Пеллине, щит в Аргосе, вазы с оливковым маслом в Афинах; иногда часть жертвы, приносимой в жертву, или жертва, которая должна быть принесена в жертву. В Британском музее хранится бронзовый котел^[80] примерно шестого века, который был найден в Симе в Италии и был подарен в качестве приза на местных играх, основанных или проводившихся в честь некоего Ономаста. На ней есть надпись: "Я был призом на играх Ономаста". Многие из этих праздников были связаны с культами местных героев и существовали на протяжении многих поколений. Иногда сами состязания носили ярко выраженный ритуальный характер; так, факельные состязания, которые мы встречаем во многих частях Греции, были связаны с первобытным обычаем периодически передавать новый священный огонь от священного очага, в котором он был зажжен. Иногда состязания были музыкальными, как на спартанской Карнее; чаще они носили чисто атлетический характер. Атлетические состязания получили новую жизнь благодаря стимулу, который дало атлетике развитие панэллинских праздников. Поначалу чисто местные, во времена Пиндара даже эти незначительные собрания привлекали участников из разных уголков Греции. В шестом веке появилось много новых фестивалей, а старые были реорганизованы, особенно в восточных районах Греции, но о большинстве из них мы знаем лишь названия. Величайшим из всех был Панафинейский фестиваль.

Афинские вельможи отличились в Олимпии в седьмом веке. Четыре афинские победы зафиксированы в хронике стад. Килон, как уже упоминалось, одержал победу в диаулосе в Ol. 35 (640 г. до н. э.), победа, которая, возможно, дорого ему обошлась. Посоветовавшись с дельфийским оракулом об успехе своего замысла сделать себя хозяином Афин, он получил совет осуществить свой план на величайшем празднике Зевса. Бывший олимпийский победитель, естественно, решил, что оракул имел в виду Олимпию, а не афинскую Диаду, и эта ошибка, как говорят, привела к его неудаче и смерти. Другим выдающимся афинским победителем был Фринон, который на Олимпиаде после победы Кайлона выиграл панкратион - состязание, в котором афиняне, похоже, преуспели. Он был генералом в

афинской экспедиции в Сигеум, где пал в одиночном бою против Питтака из Митилены, который, согласно более поздней традиции, переодевшись рыбаком, запутал Фринона в своей сети, а затем пронзил его своим трезубцем в истинно гладиаторском стиле. В начале шестого века Гиппократ, отец Писистрата, присутствовал в качестве одного из афинских посланников в Олимпии. Именно по этому случаю, говорит Геродот,^[81] он увидел сон о рождении Пеисистрата, который ему объяснил спартанский эфор Хилон. Хилон, которого причисляли к семи мудрецам Греции, как говорят, умер несколько лет спустя в Олимпии от радости по поводу победы его сына Дамагета в боксе.^[82] В течение шестого века у нас нет сведений об успехах афинян в атлетических состязаниях, но многие из соперничающих вельмож одержали победы в гонках на колесницах. Сам Пеисистрат был провозглашен победителем при странных обстоятельствах. Кимон, сводный брат Мильтиада, тирана Херсонеса, сам победитель, был изгнан из Афин Писистратом. У этого Кимона был выдающийся послужной список. На трех Олимпиадах подряд он побеждал в гонках на колесницах с одной и той же упряжкой кобыл. На второй он договорился с Писистратом, что если тот провозгласит тирана победителем, то его отзовут из изгнания.^[83] Несмотря на это, он был предан смерти неблагодарными сыновьями Писистрата вскоре после своей последней победы. Курций приписывает Пейсистрату надпись на алтаре двенадцати богов в Афинах, где указано расстояние от Афин до Олимпии.^[84]

Ценность атлетики и ее политическое значение были осознаны Солоном. Кроме правил проведения гимнасий он предложил общественное вознаграждение в размере 500 драхм каждому победителю Олимпийских игр, 100 драхм - каждому победителю Истмийских игр и так далее для победителей других игр. Эта мера иногда искажается как попытка Солона ограничить экстравагантные вознаграждения атлетов. Такая точка зрения абсолютно неверна. Нет никаких доказательств того, что во времена Солона атлеты действительно получали экстравагантные вознаграждения: а 500 драхм, хотя, возможно, и были пустяком для профессиональных атлетов более позднего и вырождающегося века, в то время были значительной суммой.^[85] Скорее, в этой мере мы можем видеть попытку поощрить атлетику среди народа и, возможно, противостоять растущей любви к гонкам на колесницах среди аристократии.

Заманчиво приписать влиянию и политике Солона основание Панафиней или, скорее, перестройку старой Афиней под этим названием. Это событие относят к 566 году до н. э., примерно к тому времени, когда Афины усилиями Солона и Писистрата окончательно овладели Саламином и, таким образом, получив контроль над Элевсинским заливом, смогли наконец бесконтрольно развивать свою морскую и торговую политику. Основание Панафиней приписывают Пейсистрату, который, конечно, поощрял атлетику и развивал фестиваль; но если дата 566 г. до н. э. верна, то фестиваль был основан за шесть лет до того, как он стал тираном, и в то время, когда он все еще был верным другом Солона и, благодаря своим успехам в войне, героем народа. Название Панафиней, по-видимому, говорит как о единстве афинского народа, которое с переменным успехом пытался поддерживать Солон, так и о мечте о расширении, которую Афины, освободившись от соперничества с Мегарой, теперь начинали лелеять. В то же время в названии мы видим, почему Панафиней никогда не могла стать по-настоящему панэллинской. Олимпия, Дельфы, Немеря могли стать панэллинскими в силу политической незначительности контролировавших их государств; даже Истмия, хотя и проходила под председательством Коринфа, своим названием была отделена от этой власти, а сам Коринф был по-своему панэллинским центром, где политика пока была подчинена торговле. В таких местах национальное стремление к единству находило естественное выражение. Но Панафинейский праздник был в первую очередь праздником объединения Аттики в поклонении Афине, и единственное единство, которое он

мог предложить остальной Греции, - это единство под эгидой Афины. Таким образом, если на панэллинских праздниках все мероприятия были открыты для всей Греции, то в Афинах, помимо таких открытых событий, мы находим и другие, ограниченные ее собственными гражданами.

Считается, что Панафинеи были основаны, а возможно, и возрождены Тесеем, который, согласно легенде, объединил в одно государство деревенские общины Аттики. Несомненно, существовал древний ежегодный праздник в честь Афины, хотя мы не можем сказать, носил ли он название Панафинеи. Этот праздник продолжался каждый год после основания большого фестиваля и назывался Малой Панафинеей.^[86] Большая Панафинейя была пентаэтерической и проводилась в третий год каждой Олимпиады в месяце Гекатомбайон или примерно в конце июля. Программа фестиваля была еще более разнообразной, чем у Истмий. Главное событие праздника - шествие, которое несло пеплос к храму Афины на Акрополе, - давало возможность продемонстрировать все силы Афин. Состязания включали в себя, помимо атлетики и конных скачек, музыкальные конкурсы, декламации, забеги с факелами, пиррические танцы, регату и даже конкурс красивой внешности. Призами для большинства состязаний служили кувшины с аттическим маслом. Оливковое масло было самым ценным продуктом Аттики: оливковые деревья находились под контролем государства, а экспорт оливкового масла был государственной монополией. В качестве призов раздавали до 1300 амфор масла, а победитель в гонках на колесницах получал до 140 амфор. Поскольку даже в более поздний период амфора масла стоила 12 драхм, очевидно, что призы имели значительную коммерческую ценность. Некоторые из кувшинов с маслом были украшены сценами, изображающими различные соревнования. Вероятно, за каждую победу дарили только одну такую расписную вазу. Производство и роспись ваз уже были важной отраслью промышленности в Афинах, и призовая ваза, наполненная маслом, представляла собой, таким образом, главный натуральный продукт и главную отрасль промышленности ранней Аттики. Этими призовыми вазами, должно быть, очень дорожили. Множество их было найдено в итальянских гробницах и других местах, а разнообразие изображенных на них предметов бросает свет на события праздника. Но подробности следует оставить для другой главы.

Множество атлетических праздников и ценные призы, предлагаемые на них, должны были стать источником немалой прибыли для успешного атлета. Победитель Пангеленских игр, правда, не получал от властей никакой другой награды, кроме венка из листьев;^[87] но на менее значительных праздниках, где он был желанным и почетным гостем, он был уверен в богатом урожае призов. Более того, он получал значительные вознаграждения из рук своих благодарных сограждан. Ведь на этих играх человек рассматривался как представитель своего государства: глашатай, возвещавший о его победе, тоже провозглашал имя своего государства, и его успех разделяло и радовалось все государство. Поэтому мы можем понять праведное негодование жителей Кротона в Ol. 75 г., когда их знаменитый соотечественник Астилий, уже выигравший на двух Олимпиадах стад и диаулос, на третьей предстал в образе сиракузянина, чтобы задобрить тирана Гиерона. Такой поступок был воспринят почти как святотатство, и кротоняне в гневе разрушили статую Астила, которую они воздвигли на участке латинской Геры, и превратили его дом, возможно, подаренный им, в общую тюрьму.^[88]

Представительный характер панэллинского атлета и связь игр с национальной религией объясняют почести, воздаваемые ему согражданами.^[89] Его возвращение домой стало поводом для всеобщего ликования. Весь город собрался, чтобы приветствовать его и проводить с триумфом до дома и главных храмов города, где он возносил благодарственные

молитвы и давал обеты богам и героям, которым он был обязан своей победой. Специально для этого случая величайшими поэтами эпохи были сложены песни, которые хоры юношей и девушек исполняли перед храмами или перед его домом. Его подвиги записывались на каменных столбах, а его статуя устанавливалась в каком-нибудь общественном месте или даже в святилище богов, чтобы служить назиданием для потомков. Он получал и более существенные награды. Мы видели, как Солон выделял значительные суммы денег победителям на великих играх, и можем быть уверены, что примеру Афин последовали и другие государства. В Афинах и других местах победитель имел право на первые места на всех общественных празднествах, а иногда и на бесплатные обеды в Пританеуме. В более позднее время он был освобожден от налогов. В Спарте, которая, по-видимому, стояла несколько в стороне от атлетического движения, он был вознагражден характерным правом сражаться в бою рядом с царем и защищать его персону. В богатых городах Запада поклонение победителю в несколько более позднее время приняло самые экстравагантные формы. Эксаенет из Агригентума, победивший в пешем состязании в Олимпии в Ol. 92 г., был ввезен в город на колеснице, запряженной четверкой лошадей, в сопровождении трехсот главных граждан, каждый из которых ехал в колеснице, запряженной парой белых лошадей. Иногда, похоже, для въезда победителя пробивали брешь в городских стенах. Именно в Италии мы впервые слышим о поклонении атлету как герою. Филипп из Кротона, победитель Олимпийских игр, известный как самый красивый мужчина Греции, после смерти почитался как герой.^[90] Эвтимий из Локри Эпизефирий, одержавший три олимпийские победы в боксе в Ols. 74, 76, 77, даже говорили, что ему поклонялись при жизни. Возможно, это было праведное возмездие за такую нечестивость, что его статуи в Локри и Олимпии, согласно истории, были поражены молнией в один и тот же день.^[91] Фаген из Фасоса и Полидамас из Скотусы также почитались как герои, а статуе Фагена приписывали способность исцелять лихорадку.^[92] Но эти экстравагантности, если они правдивы, относятся к более позднему периоду и, должно быть, были противны религиозному чувству и здравому смыслу Пелопоннеса до персидских войн.

Из всех этих почестей наиболее значимыми являются гимн победы и статуя. Дело не только в том, что для увековечивания победителя привлекались величайшие художники и поэты, которые требовали высокую цену за свои услуги. Статуя и гимн были почестями, изначально присущими богам и героям, и, возданные смертным атлетам, буквально возносили этих "владык земли к богам". "Даже могучий Полидевк и железный сын Алкмены не могли поднять против него руки". Так писал Симонид Сеосский, самый ранний автор эпиникия, о знаменитом боксере Глауке Карийском - слова, которые, как заметил покойный сэр Ричард Джебб, для Алкмены звучали бы как нечестие. Эти слова свидетельствуют об изменившемся отношении к атлетике, а поклонение героям, основанное художником и поэтом, возможно, во многом обусловило экстравагантность последующей эпохи. Но влияние атлетики на искусство и литературу, а искусства и литературы на атлетику - это темы, которые относятся в основном к пятому веку и будут рассмотрены в следующей главе.

Растущая популярность атлетики и чрезмерные почести, воздаваемые физическому совершенству, вряд ли могли избежать критики. В тот век интенсивной интеллектуальной деятельности наверняка было немало дальновидных наблюдателей, которые возмущались преобладанием атлетики, хотя, возможно, и боялись выразить свои чувства. По крайней мере, один из них не знал страха, и, к счастью, его протест дошел до наших дней. Смелый и оригинальный мыслитель, Ксенофан из Колофона, был как раз современником движения, которое мы описываем. Он родился в Колофоне около 576 года до н. э. и был вынужден покинуть родные места в возрасте двадцати пяти лет, в течение шестидесяти пяти лет путешествовал по городам Греции и Сицилии, наконец, поселился в Элеи в Италии, где стал

основателем элеатской философской школы, и умер в 480 году до н. э. Бесстрашный критик современных представлений о богах, отрицавший, что божество может быть подобно человеку, он вполне мог быть скандализован изображением богов и героев в виде атлетов и возданием божественных почестей победителям на играх; его богатый опыт общения с людьми и городами ясно показал ему опасность растущего поклонения атлетике. После перечисления почестей, оказываемых атлету, он продолжает: "И все же он не так достоин, как я, и моя мудрость лучше силы людей и коней. Но это глупый обычай, и не правильно, что сила почитается больше, чем мудрость. Если бы среди людей был человек, хорошо владеющий боксом, или пятиборьем, или борьбой, или быстротой ног, которая более всего почитается во всех состязаниях человеческой силы, - не от его присутствия город стал бы лучше управляться. И мало радости было бы для города, если бы кто-то из состязающихся одержал победу у берегов Пизы. Такие вещи не делают жирными темные уголки города".

Менее века спустя слова Ксенофана повторяет Еврипид, но объект протеста уже не тот. Класс профессиональных атлетов, которых осуждает Еврипид, не существовал во времена старшего поэта. Ксенофан протестует именно против чрезмерного значения, придаваемого атлетике, против ложного и одностороннего идеала. В своих скитаниях по городам Греции он на горьком опыте познал существующие пороки, пороки тирании и партийных распри, крайностей роскоши и нищеты, и ему кажется, что энергия его соотечественников направлена не по назначению. Небезынтересно, что иностранные писатели, обманутые очарованием Олимпии, склонны воспринимать протест Ксенофана как придирчивое высказывание озлобленного и раздраженного циника. Однако сохранившиеся фрагменты его сочинений свидетельствуют о том, что он был человеком широкого опыта и симпатий, а в Англии, где мы стали свидетелями подобной волны атлетизма, его мудрость общепризнанна. Давайте сделаем паузу, чтобы рассмотреть, в каком состоянии находилась атлетика во времена Ксенофана.

Популярность атлетики, рост соревнований и награды, которыми награждали успешных атлетов, полностью изменили характер атлетики в шестом веке. Сами соревнования остались прежними, но изменилось отношение к ним исполнителей и зрителей. Это было изменение, которое легко поймет любой, кто знаком с историей наших собственных видов спорта и игр в прошлом веке, - изменение от стихийного к организованному спорту. Это изменение принесло с собой как благо, так и зло; стандарты выступлений значительно повысились, но атлетика перестала быть чистым отдыхом, и что-то из старой гомеровской радости было утрачено; и хотя дух спорта сохранился еще на столетие, даже в шестом веке мы можем проследить признаки зла, которое неизбежно влечет за собой чрезмерное соперничество.

В каждом греческом государстве все мальчики, независимо от их положения, получали основательную физическую подготовку. Иногда, как в Спарте, эта подготовка распространялась и на девочек. Эта подготовка состояла частично из традиционных упражнений общественных игр, частично из танцев, которые соответствовали нашим музыкальным упражнениям, когда исполнители проходили через различные движения палестры или настоящей войны под аккомпанемент музыки. Таким образом, каждый мальчик был подготовлен к участию в атлетических соревнованиях. Местные фестивали давали возможность подающим надежды атлетам с раннего детства проверить свои силы и умения. В Олимпии было всего два вида состязаний - для мальчиков и для мужчин. На фестивалях шестого века мы видим, что добавился третий класс для тех, кто находится между возрастом мальчика и мужчины, - безбородые (ἀγύεῖοι). На местных праздниках более позднего времени мы находим три или даже четыре класса только для мальчиков, иногда

ограниченных местными состязаниями; и, возможно, если бы у нас были подробности о местных праздниках шестого века, мы бы нашли то же самое. Эти соревнования для мальчиков явно были направлены на развитие местных талантов. Юноша, добившийся успеха на домашнем празднике, мог попытаться счастья на соседних соревнованиях, а в случае успеха отправиться дальше и, возможно, принять участие в Пангелленских играх. Таким образом, в соревнованиях, особенно в Олимпии, участвовали лучшие атлеты всех государств. Призы, предлагаемые на различных фестивалях, позволяли участвовать в соревнованиях многим, кто в предыдущую эпоху не мог позволить себе ни времени, ни денег; и мы можем быть уверены, что подражание различным государствам не позволило бы ни одному гражданину потерять свой шанс на корону из-за отсутствия средств. О популярном характере атлетики свидетельствует фрагмент эпиграммы, приписываемой Симониду, на олимпийского победителя, "который однажды перевозил рыбу из Аргоса в Тегею". В то же время знатные семьи, из поколения в поколение славившиеся атлетикой, прилагали все усилия, чтобы сохранить свой наследственный престиж. Мания атлетизма охватила все классы. В конце века Александр, сын Аминта, царя Македонии, участвовал в пеших состязаниях в Олимпии.

Соревнования естественным образом повысили уровень атлетики. Природных способностей и обычных физических упражнений уже не хватало для достижения успеха без длительных и тщательных тренировок. Поэтому возник класс профессиональных тренеров. Эти люди, которые часто были старыми атлетами, приобрели значительную репутацию и, несомненно, получали хорошее вознаграждение от богатых людей или государств, которые их нанимали. В их руках атлетика приобрела научный характер; вместо того чтобы рассматриваться как отдых и подготовка к войне, она стала самоцелью. Лишь одно государство, Спарта, оставалось в стороне от новых видов атлетики и соревнований. В Спарте одной целью было воспитание выносливых воинов, и новая наука, направленная на подготовку атлетов, не могла найти там места. Ни одному спартанцу не разрешалось нанимать тренера для занятий борьбой. Считается, что бокс был введен спартанцами, но хотя они признавали ценность бокса как спорта, они понимали опасность его как соревнования и запрещали своим гражданам участвовать в соревнованиях по боксу или панкратиону на том основании, что для спартанца позорно признавать поражение. Отсюда и исчезновение Спарты из списка олимпийских победителей, которое уже было замечено. Спарта в атлетике отставала от остальной Греции, и Филострат, сравнивая ее с более научной атлетикой, описывает ее как несколько хамскую.^[94] И все же, возможно, спартанцы и Ксенофан были правы.

Новые тренировки требовали не малых затрат времени и денег. Претендент на победу в Олимпии должен был жить в постоянном состоянии тренировок и соревнований, что не оставляло времени ни на что другое. Теаген из Фасоса, живший во времена персидских войн, как говорят, выиграл не менее четырнадцати сотен крон.^[95] Для таких людей атлетика была уже не отдыхом, а увлекательным занятием. Профессиональный любитель находится всего в нескольких шагах от настоящего профессионала. Какое-то время богатство и досуг давали огромное преимущество состоятельному человеку и богатому городу. В шестом веке самыми успешными государствами становятся богатые города Сицилии и Италии. Сыновья знатных семей все еще занимают видное место в эпиникии Пиндара и Вакхилида. Но увеличение количества богатых призов вскоре должно было поставить бедняка в один ряд с богачами. До конца пятого века мы видим, что атлетика остается за профессионалами, а принцы и вельможи соревнуются только в гонках на колесницах и скачках. За этот результат в огромной степени ответственны такие государства, как Сибарис и Кротон. Они думали

поощрять атлетику, предлагая большие денежные призы, а на самом деле убивали дух спорта. Сибарис действительно - или, согласно другому рассказу, Кротон - стремился затмить Олимпию, проводя свой собственный фестиваль одновременно с Олимпией и привлекая атлетов пышностью призов.^[96] Когда такая попытка была возможна, профессионализм был рядом.

Однако в VI веке эти пороки еще не существовали, хотя уже подразумевались в той чрезмерной любви к атлетике, которая вызвала негодование Ксенофана. Нация стала нацией атлетов, и не менее важной характеристикой, отличающей грека от варвара, отныне была его атлетическая подготовка. В результате уровень атлетического мастерства, возможно, никогда больше не был превзойден. Большинство атлетов, чьи имена стали нарицательными на века, относятся к шестому и первой половине пятого веков. Такими были Милон из Кротона, Глаукс из Карыста, Теаген из Тасоса. Хотя иногда мы встречаем выдающихся бегунов, таких как Фанас из Пеллены, который, выиграв три скачки в Олимпии за один день, получил титул тройного победителя (τριαστής), или немного позже Астилий из Кротона, о котором мы уже слышали, типичным атлетом шестого века был сильный человек - боксер, борец или панкратиаст. Целью старой гимнастики была только сила, говорит Филострат,^[97] противопоставляя древних атлетов их выродившимся преемникам, и успех старой тренировки проявлялся в том, что эти старые атлеты сохраняли свою силу на протяжении восьми или даже девяти Олимпиад. В их тренировках не было ничего искусственного или неестественного: тщательное соблюдение диеты, сложный массаж, правила физических нагрузок и сна, введенные более поздними тренерами, были неизвестны. Тренеры тех времен ограничивались собственно атлетикой, в частности боксом или борьбой, а своей силой атлеты были обязаны здоровому, энергичному образу жизни на свежем воздухе.

Этот факт иллюстрируют легенды, возникшие о знаменитых атлетах этого века, которые, среди множества выдумок и преувеличений, вероятно, содержат некоторый субстрат правды. Отец Глаука узнал о силе своего сына, увидев, как тот однажды вбил лемех в плуг голым кулаком. Теаген впервые продемонстрировал свою силу в девятилетнем возрасте в одной из юношеских выходок. Ему приглянулась бронзовая статуя на рынке, и однажды он поднял ее на плечи и унес. Подвиги Самсона с дикими зверями находят множество параллелей в историях греческих атлетов, но самым характерным упражнением шестого века было поднятие тяжестей. Милон занимался тяжелой атлетикой по самым научным принципам с молодым бычком, которого он поднимал и носил каждый день, пока тот не вырос. Еще более известным тяжелоатлетом был Титорм, гигантский пастух, живший в Этолии и, насколько нам известно, не участвовавший ни в каких соревнованиях. Вызванный Мило показать свою силу, он отвел его к реке Эвну, сбросил мантию и схватил огромный валун, который Мило едва мог сдвинуть с места. Он поднял его сначала на колени, потом на плечи и, пронеся шестнадцать ярдов, бросил.^[98] Далее он продемонстрировал свою силу и мужество, схватив и удерживая за пятки двух диких быков.

Эти истории о поднятии тяжестей были странным образом подтверждены находками в Греции. В Олимпии был найден блок красного песчаника с надписью VI века о том, что некий Бибон одной рукой перебросил его через голову.^[99] Камень весит 143-1/2 килограмма (315 фунтов) и имеет размеры 68 × 33 × 38 сантиметров. Поднять такой предмет одной рукой явно невозможно, и я могу лишь предположить, что Бибон поднял груз обеими руками описанным выше способом, затем сбалансировал его на одной руке и бросил. В Санторине был найден еще один такой блок - масса черной вулканической породы весом 480 килограммов. Надпись на нем, относящаяся к концу шестого века, гласит следующее: "Евмастас, сын

Критобула, поднял меня с земли". Поднять такой вес с земли, хотя это и возможно, - весьма неплохое представление.

Плавание тоже было любимым упражнением, и Филострат рассказывает, что Тисандер, боксер с Наксоса, живший на мысе острова, тренировался, плавая в море. Эти старые атлеты, говорит тот же автор, закаляли себя, купаясь в реках, и спали под открытым небом на шкурах или кучах корма. При такой жизни у них был здоровый аппетит, и они не были привередливы в еде, живя на каше, пресном хлебе и мясе, которое могли достать. Сильный человек, естественно, много ест, и о прожорливости этих атлетов ходили всевозможные легенды. Милон, согласно эпиграмме, пронеся четырехлетнюю телку вокруг Альтиса, съел ее всю в тот же день; аналогичный подвиг приписывается Титорму и Теагену.^[100] Эти рассказы явно являются изобретением более поздней эпохи, когда сильный человек тренировался на огромных количествах мяса; а поскольку Милон превосходил всех мужчин в силе, из этого следовало, что он должен был превосходить их и в прожорливости. Но какова бы ни была правда этих историй, несомненно, что атлеты тех времен были здоровы и свободны от болезней, сохраняли свою силу и жили долго. Если занятия спортом и отнимали у них чрезмерную долю времени, они не были непригодны для обычной жизни и военной службы. Многие из них отличились как солдаты и генералы, а влияние атлетических тренировок на нацию проявилось во время персидских войн.

Когда мы обращаемся к записям искусства, мы все еще находим силу преобладающей характеристикой этого периода. Мы видим это в ранних обнаженных статуях, так широко распространенных по всей Греции и островам, которые обычно классифицируются под именем Аполлона. Во всех них мы видим одну и ту же попытку изобразить мускулы тела, независимо от того, рассматриваем ли мы высокий свободный тип Аполлона из Тенеи или более короткий тяжелый тип аргивских статуй. Именно в мышцах туловища, а не конечностей заключается настоящая сила, и именно тщательная прорисовка этих мышц отличает раннюю греческую скульптуру от всего остального раннего искусства, а скульптуру Пелопоннеса, в частности, от более мягкой школы Ионии. Возможно, наиболее характерной фигурой шестого века является бородатый Геракл, не неуклюжий гигант более поздних времен, а олицетворение выносливости и тренированной силы, человек, как говорит Пиндар, невысокого роста, но с негибкой душой. Таким мы видим его на многих чернофигурных вазах VI века, и этот тип сохранился на фронтонах Эгины или метопах Олимпии в следующем столетии. Выставленный против гигантов и чудовищ, он олицетворяет триумф тренировки и выносливости над грубой силой. Если мы сравним фигуры атлетов на этих вазах с фигурами на краснофигурных вазах следующего века, то получим тот же результат; идеал пятого века - грация атлетической юности, шестого - сила полностью развитой мужественности; герой первого - Тесей, второго - Геракл. Наконец, если мы хотим осознать истинное величие атлетики шестого века, давайте вспомним, что именно этот век сделал возможным и вдохновил атлетический идеал Пиндара в следующем.

"Ибо если человек радуется тому, что терпит издержки и труды, достигает богозданного совершенства, и при этом судьба обеспечивает ему справедливую славу, то такой человек уже бросил якорь в самых дальних узах блаженства".

ГЛАВА V

ЭПОХА АТЛЕТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА, 500-440 ГГ. ДО Н.Э.

Хотя греки шестого и пятого веков достигли выдающегося уровня атлетического мастерства, вполне вероятно, что в индивидуальном исполнении современный спортсмен мог бы, по крайней мере, сравниться с ними. И все же, несмотря на наш современный атлетизм, можно с уверенностью сказать, что ни одна другая нация никогда не достигала такого высокого среднего уровня физического развития, как греки в этот период. Этот результат был достигнут во многом благодаря атлетическому идеалу, который нашел свое высшее выражение в атлетической поэзии и искусстве пятого века. Этот идеал уникален в мировой истории, и обстоятельства, породившие его, вряд ли когда-нибудь повторятся. В первую очередь, благодаря ранней связи атлетики с религией, в V веке он был обязан своим развитием двум причинам: во-первых, росту атлетического искусства и поэзии, во-вторых, напряженному чувству панэллинского единства, порожденному борьбой с Персией. Именно этот идеал сдерживал рост тех зол, которые неизбежно вытекают из чрезмерной популярности атлетики, и сохранял их чистоту до тех пор, пока недолговечное единство Греции не было разрушено Пелопоннесской войной. Чтобы понять этот идеал, мы должны кратко проследить историю атлетического искусства и литературы, а затем отметить, как национальное чувство нашло свое выражение в Панэллинских и особенно в Олимпийских играх.

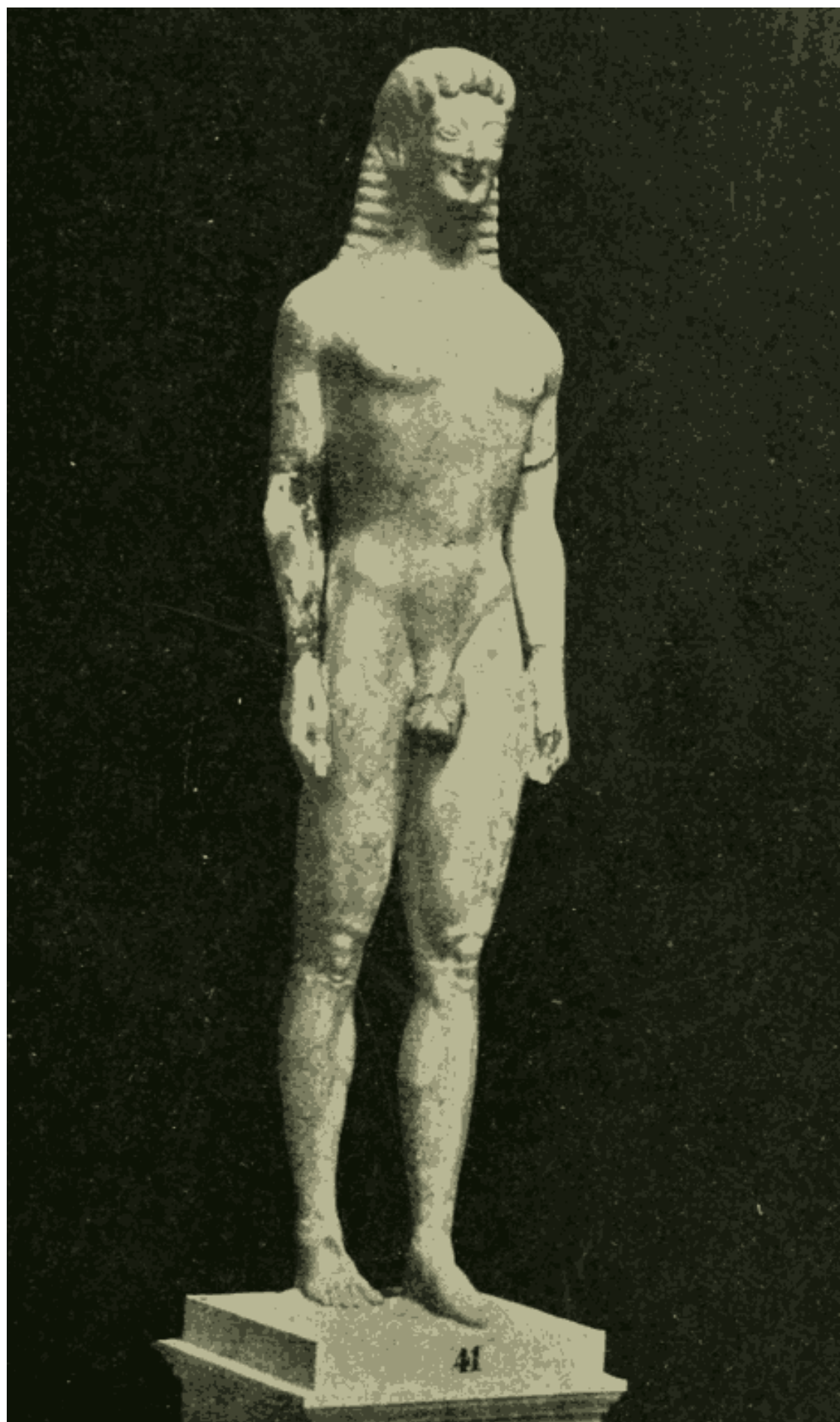

Рис. 7. Аполлон, найденный в Тенее. Мюнхен.

Без атлетики, говорит покойный профессор Фуртвенглер,^[101] греческое искусство немислимо. Мастерство греческого художника в изображении форм обнаженного тела объясняется в первую очередь привычкой полностью обнажаться во время атлетических упражнений, привычкой, которая, даже если она, как говорит Фукидид, не введена во все атлетические состязания в Олимпии незадолго до его собственного времени, должна была, если мы можем судить по свидетельствам чернофигурных ваз, быть почти универсальной в палестре шестого века. Помимо непревзойденных возможностей, которые давала скульптору эта привычка изучать обнаженное тело в любой активной позиции, она, должно быть, служила ценным стимулом для греческой молодежи поддерживать себя в хорошем состоянии. Грек, с его острым взглядом на физическую красоту, считал дряблость, отсутствие кондиций, несовершенное развитие позором, признаком запущенного воспитания, а плохо тренированный юноша был посмешищем для своих товарищей. Поэтому каждый грек учился гордиться своей физической формой и красотой. Эта любовь к физической красоте ярко иллюстрируется в одной из военных песен Тиртея:^[102] "Позор, - говорит он, - для старика лежать убитым на фронте битвы, его тело раздетым и обнаженным." Почему? Потому что тело старика не может быть красивым. "Но для молодого, - продолжает он, - все вещи кажутся прекрасными, пока на нем расцветает прекрасная юность". Мужчины восхищаются им, женщины любят его, пока он жив, и он прекрасен, когда падает на фронте битвы".

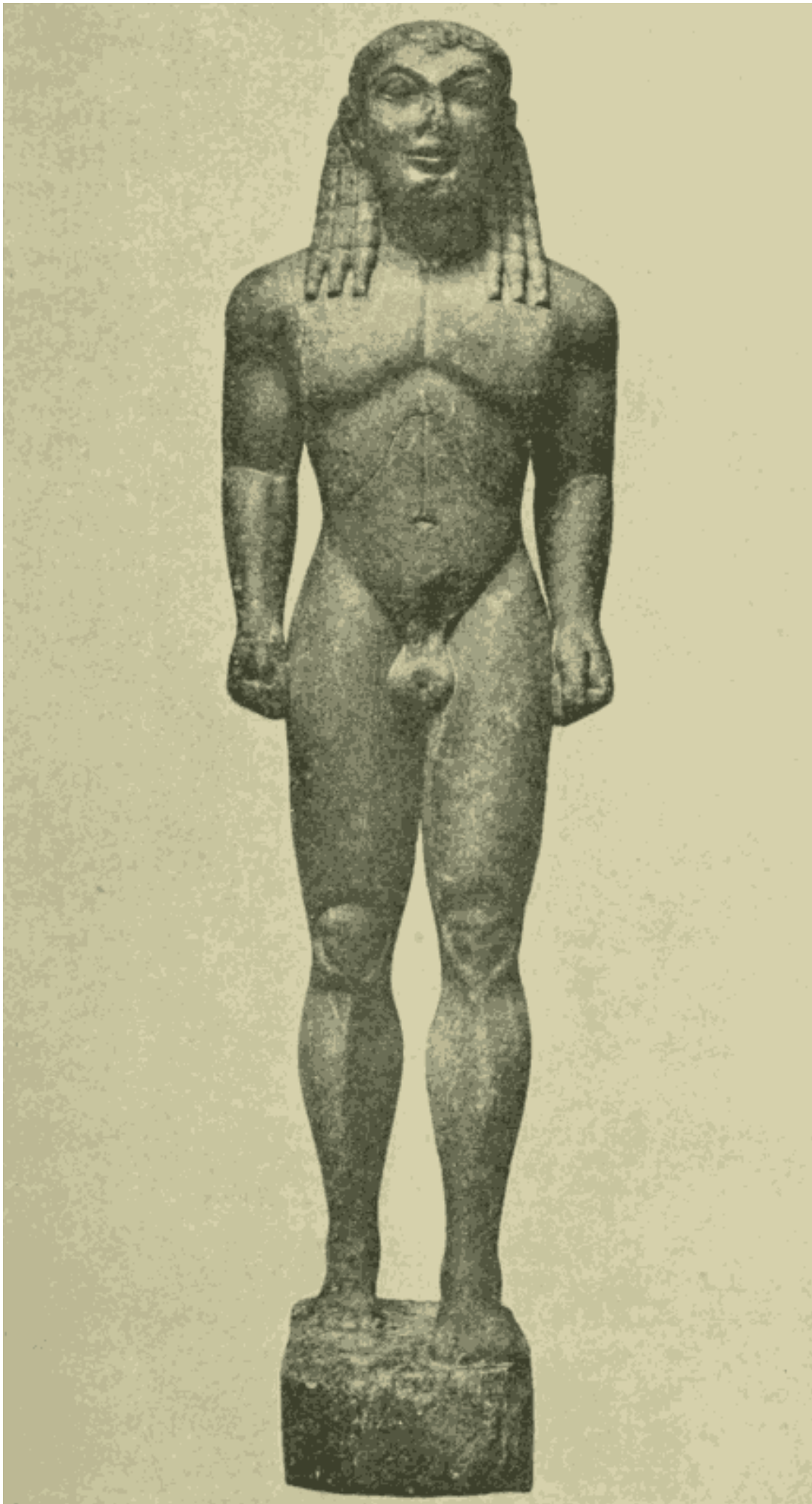

Рис. 8. Статуя аргивского скульптора. Дельфы. (*Греческая скульптура*, рис. 134.)

Мы видели, как в шестом веке возник спрос на атлетические статуи, и как ранние художники стремились выразить тренированную силу, тщательно прорабатывая мышцы тела, особенно грудные и брюшные. Ранние атлетические статуи, должно быть, относились к типу тех архаических фигур, которые справедливо или ошибочно классифицируются под именем Аполлона, и которые, независимо от того, изображают ли они бога или человека, несомненно, вдохновлены атлетикой. Хотя мы видим во всех одно и то же явное желание выразить силу, мы все же находим значительное разнообразие физического типа, гораздо большее, чем в пятом веке, где доминировал более или менее определенный идеал физической красоты и пропорций. В шестом веке художники экспериментировали, и поэтому мы можем предположить, что на них больше влияли местные или индивидуальные особенности. Так, стройный, длинноногий Аполлон из Тенеи (рис. 7) с хорошо сформированной грудью, свободными боками и мощными ногами - это тип бегуна на длинные дистанции. Эти длинные, худые, жилистые бегуны часто изображаются на панафинейских вазах и неизбежно наводят на мысль о дневных бегунах (ἡμεροδρόμοι), выступавших в качестве разведчиков или курьеров в персидских войнах. Совершенно иным является тип ранних аргивских статуй, найденных в Дельфах (рис. 8). Квадратные и худощавые, с мощными конечностями и массивными головами, они, кажется, естественным образом ведут к типу бронзы Лигурио и Поликлита, и предполагают, что такое телосложение было характерно для Арголиды. Между этими двумя крайностями находится обширная серия статуй из Беотии, одна из которых демонстрирует сильные признаки эгинетского влияния.^[103] В пятом веке мы тщетно ищем подобные расхождения в типах, и причина в том, что греческое искусство все больше и больше стремилось к идеалу, и ни типичный бегун, ни типичный сильный мужчина не соответствуют идеалу художника. Вазовая живопись дает интересную иллюстрацию этого изменения. Группы борцов на чернофигурных вазах демонстрируют гораздо большее разнообразие и оригинальность, более реалистичную имитацию разнообразных позиций борьбы, чем мы находим на краснофигурных вазах V века, где сохранились только те типы, которые понравились более высокоразвитому художественному чувству поздних мастеров.

Рис. 9. Аполлон из Чойзель-Гуфье. Британский музей.

Рис. 10. Фигура с фронтона Э. в Эгине. Мюнхен. (*Греческая скульптура*, рис. 41.)

Рис. 11. Бронзовая статуэтка из Лигурио. Берлин. (*Греческая скульптура*, рис. 39.)

В начале пятого века мы все еще находим разнообразие физических типов. С одной стороны, у нас есть Аполлон из Чойзель-Гуфье (рис. 9) с его широкими квадратными плечами, мощной грудью и спиной - по сути, крупный мужчина, и поэтому доктор Вальдштейн отождествляет его с боксером Эвтимом, хотя последние данные склоняются к тому, что статуя действительно изображает бога, а не смертного атлета. Другая крайность - аккуратные, маленькие, худощавые формы воинов на эгинетских фронтонах (рис. 10). Между этими двумя типами находится целый ряд типов. К сожалению, до нас не дошли образцы великой аргивской школы. Бронза, из которой работал аргивский скульптор, была слишком ценной, чтобы избежать разорения грабителя, а определенное однообразие, которое, должно быть, характерно для чисто атлетической скульптуры, не позволило позднейшим копиистам воспроизвести эти работы. Но если судить по бронзе из Лигурио (рис. 11), аргивский тип был коротким, как эгинетский, но более тяжелым и мясистым. С другой стороны, статуи, которые признаны копиями знаменитой группы Крития и Несиота^[104], изображающей Гармония и Аристогейтона, показывают более высокий, крупнокостный тип, более приближенный к типу Аполлона из Чойл-Гуфье, который, возможно, может быть признан афинским.^[105] Но во всем этом разнообразии физических типов мы напрасно спрашиваем себя, какой класс атлетов представлен в той или иной статуе, будь то боксер, борец, пятиборец или бегун. Причина, по-видимому, в том, что во всех этих статуях силен идеальный элемент; есть разница в телосложении, но каждое телосложение показано с наиболее полным всесторонним развитием, на которое оно способно. Конечно, в этот период нет ни одной фигуры, которая бы так четко представляла типичного бегуна, как Аполлон из Тенеи. Возможно, ближайшим типом к бегуну является эгинец; но, к сожалению,

мы знаем, что соревнования , в которых Эгина добилась наибольших успехов, были борьба и панкратион, победителей в которых мы должны были бы ожидать, что они характеризуются более тяжелым телосложением. Дело в том, что настоящая специализация атлетов только начиналась, а всеобщая атлетическая подготовка привела в первой половине пятого века к такому единообразному уровню развития, что, за исключением, пожалуй, бегунов, было трудно отличить представителей других видов, во всех из которых сила была важнее темпа. Поэтому ранние скульпторы, чтобы обозначить победу атлета, были вынуждены прикреплять к его статуе какой-нибудь особый атрибут, дискос или пару прыжковых гирь для пятиборца, боксерские стринги для боксера.^[106] По мере роста технического мастерства они стали изображать атлета в какой-нибудь характерной позе. Глауций из Эгины показал знаменитого боксера Глаука из Каристоса в спарринге с воображаемым противником.^[107] В Афинах Павсаний увидел статую Эпихарина работы Крития в позе тренирующегося для гоплитских состязаний, возможно, в позе известной тюбингенской бронзы, которая изображает тренирующегося в гоплитодроме стартующего^[108] (рис. 12).

Рис. 12. Бронзовая статуэтка гоплитодромоса. Тюбинген.

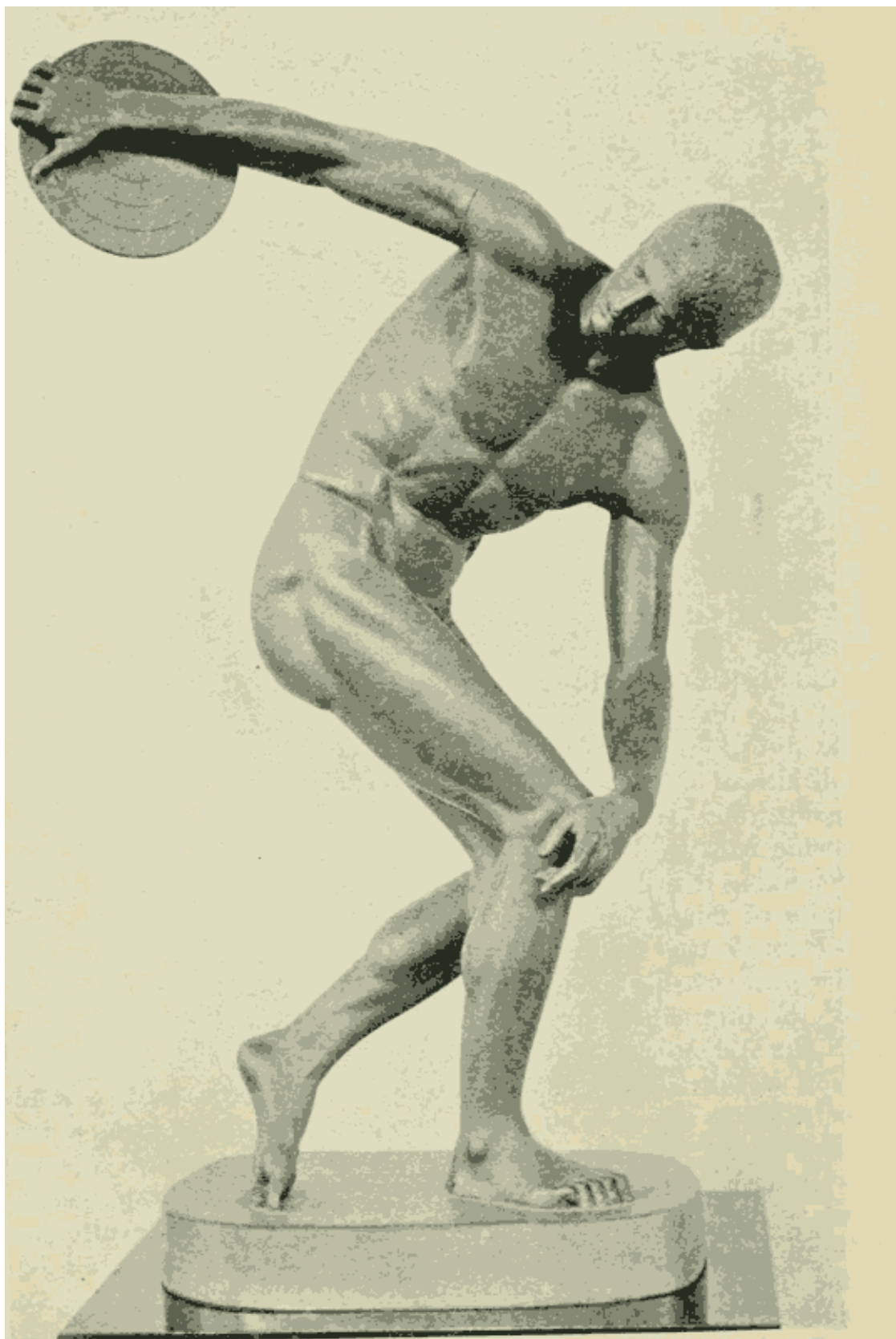

Рис. 13. Дискобол Мирона (с бронзового слепка, сделанного в Мюнхене и сочетающего ватиканское тело и голову Массими).

Последние названные статуи сразу наводят на мысль о Дискоболе Мирона (рис. 13). Эта статуя знаменует собой новый поворот в атлетическом искусстве. Насколько нам известно, это не статуя в честь какого-то конкретного победителя, а исследование атлетического

жанра. К этому же классу относятся Дорифор и Диадумен Поликлета.^[109] Ранние статуи были идеальными, поскольку они не были портретными, а статуями атлетических типов, связанных с именем какого-либо победителя, и многие такие статуи приписываются Мирону и Поликлету. Но статуи, о которых мы говорим, были явно и исповедально идеальными исследованиями в области атлетического искусства. Мирон взялся изобразить атлета в движении. Он выбрал тот самый сложный, но наиболее характерный момент в взмахе дискобола, который один сочетает в себе идею покоя и движения, когда дискобол отведен назад на полную длину, и мгновенная пауза говорит о стабильности, а неуверенность в хрупком равновесии подразумевает сильное движение, которое предшествовало ему, и более сильное движение, которое должно последовать. Никакой другой момент не может дать такого же представления о силе и стремительности. Если мы посмотрим на бесчисленные изображения дискобола на вазах и в бронзе, то увидим, что фиксация любого другого момента в качании сразу же разрушает все представление о движении. Движение останавливается в неестественной точке, и результат оказывается безжизненным. Только в конце взмаха назад короткая пауза дает художнику повод зафиксировать его в бронзе. Это великолепный замысел, и, несмотря на мелкие недочеты, великолепно выполненный. К сожалению, мы знаем статую только по более или менее поздним и неточным мраморным копиям. Возможно, самое верное представление об изяществе бронзового оригинала можно получить из бронзового слепка в Ашмолеанском музее в Оксфорде, с которого сделана наша иллюстрация. Дискобол, как уже было сказано, представляет собой исследование атлетического действия, поэтому трудно составить верное представление о его пропорциях, да и художник был озабочен не столько пропорциями, сколько движением. Тем не менее, если представить дискобола в состоянии покоя, он вполне может занять место рядом со славными юношами с фриза Парфенона, высокими, как Тираноборцы, но несколько более легкого телосложения, более высокого и легкого, чем тип Поликлета.

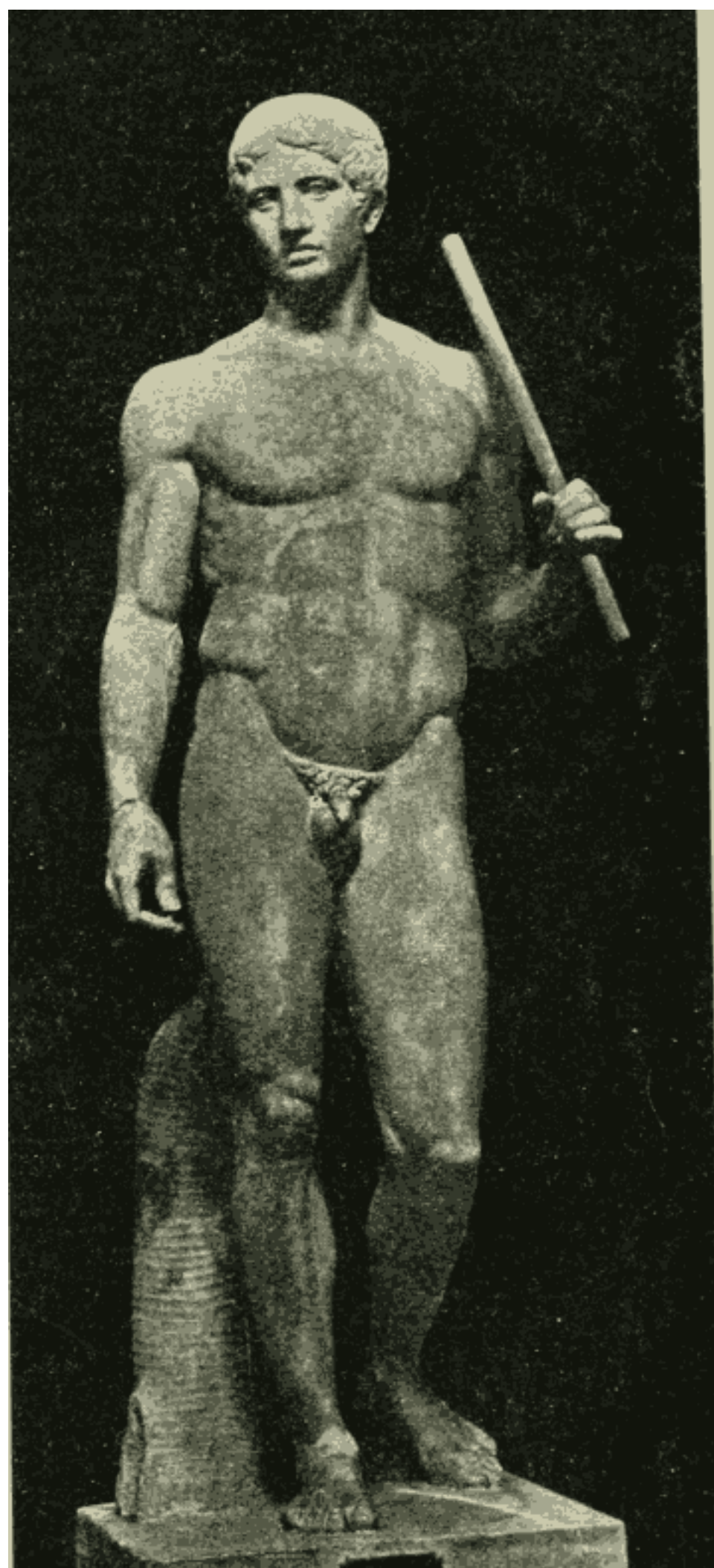

Рис. 14. Дорифор, по мотивам Поликлета. Неаполь. (Греческая скульптура, рис. 74.)

Рис. 15. Диадумен из Вайсона, после Поликлеита. Британский музей. (Греческая скульптура, рис. 75.)

В "Дорифоре" (рис. 14) и "Диадумене" (рис. 15) мы имеем еще один вид атлетического жанра. Эти статуи представляют собой исследования атлета в состоянии покоя, исследования пропорций. Дорифора действительно называли каноном, потому что в нем художник, как говорят, воплотил свой идеал пропорций человеческого тела. Если мы рассмотрим, что подразумевает такой канон, то поймем, почему старое разнообразие типов имело тенденцию к исчезновению. Художник этого периода искал идеал человеческих пропорций. Такой идеал можно найти не в крайностях типа, не в силе или красоте самих по себе, а только в их сочетании, в золотой середине, в том отказе от всего лишнего, который доминировал в греческой жизни и мысли. Влияние атлетических тренировок внушило ему ценность физической силы, систематически тренируемой и развиваемой; его художественное чувство научило его, что ни один предмет не подходит для его искусства, который не представляет красоты очертаний и пропорций. Отсюда тот союз силы и красоты, который характеризует атлетическое искусство этого периода.

Другие обстоятельства способствовали созданию единообразия типа. Три великих скульптора эпохи, Мирон, Фидий и Поликлит, которые, как мы теперь знаем, были почти современниками и находились в полном расцвете своего искусства в середине века, были, согласно традиции, учениками аргивского скульптора Агеладаса. В суровой, мужественной дисциплине аргивской школы они приобрели свое совершенное знание человеческого тела. Влияние этих художников усилилось благодаря тому, что в этот период все искусство было сосредоточено в Афинах. Поликлит, правда, остался в Аргосе, но Мирон и Фидий работали в Афинах, и через Фидия афинское искусство распространилось по всему греческому миру. Школа, в которой обучались эти художники, посвятила себя изучению атлетических пропорций, поэтому вполне естественно, что в целом преобладал схожий атлетический идеал - схожий, но не совсем тот же самый. Поликлит остался верен аргивской традиции несколько плотного, массивного типа, с квадратными челюстями и мощной головой. В Афинах влияние более мягкого ионийского искусства, а возможно, и преобладание других черт в населении, породило более стройный, высокий, изящный тип. В обеих школах сочетались сила и красота. В обеих невозможно определить, в чем именно преуспел тот или иной атлет; но если сила продолжала оставаться преобладающей идеей Поликлита, то в афинском искусстве скорее доминировала идея красоты.

Этот союз силы и красоты особенно характерен для времени зрелой юности и расцвета мужественности. Это возраст, когда греческий юноша начинал выполнять некоторые обязанности гражданина, и когда государство брало на себя его обучение. В большинстве греческих городов где-то между шестнадцатью и восемнадцатью годами юноши записывались в корпус и в течение двух лет проходили строгую военную дисциплину под руководством офицеров, назначенных государством. Они учились обращаться с оружием и ездить верхом, закаляли свое тело атлетическими упражнениями и охотой, получали практический опыт войны, выполняя функции полицейских патрулей на границах. Это время жизни было особенно посвящено атлетике и физической подготовке. На многих играх устраивались специальные состязания для юношей этого возраста - безбородых или ἄγυρνεῖοι. К этому же возрасту относится и романтическая дружба мальчиков, которая так широко представлена в греческой жизни, начиная со времен Гармония и Аристогета или даже раньше. То, что эти дружеские отношения иногда приводили к серьезным злоупотреблениям, к сожалению, нельзя отрицать. Но обвинение в безнравственности, выдвинутое против них, кажется мне сильно преувеличенным,^[110] по крайней мере в том, что

касается пятого века и наиболее просвещенных государств. Эти дружеские отношения возникали, с одной стороны, из естественного поклонения юности героям, с другой - из интенсивного восприятия телесной красоты.

Это сильное художественное чувство иллюстрируется возникшей среди вазописцев практикой писать на своих чашах имя популярного юноши со словом *καλός*, или иногда более общей надписью *καλὸς ὁ παῖς*, "мальчик прекрасен". Термин "имена любви", применяемый к этим надписям, несколько неудачен. Слово *καλός* не подразумевает ничего из той современной сентиментальности, которую так часто принимают за любовь, но скорее чувство художника к прекрасному, иногда его восхищение популярным юношей, иногда, возможно, просто его удовлетворение формой, которую он сам создал. Однако нас интересует то, что красота, которая привлекала грека второй половины пятого века, была не женской и даже не зрелого мужчины, а красотой мужественной молодости, а искусство периклийской эпохи было хорошо описано как прославление эфеба.

Растущее предпочтение молодого типа можно проследить в списках атлетических статуй в Олимпии, записанных Павсанием. В течение пятого века наблюдается постоянное увеличение доли мальчиков-победителей по сравнению с мужчинами, и это увеличение более чем сохраняется в течение четвертого века. Возможно, это изменение связано с изменением характера атлетики. Нет сомнений, что атлетика уже становилась все более специализированной, а специализированный атлет не привлекал художника пятого века. В последующую эпоху мы видим все большее разнообразие типов, но в периклеанскую эпоху идеал атлетической юности доминирует во всех обработках человеческой фигуры. Мы можем видеть это в фигурах детей и юношей, которые, несмотря на свой маленький рост, имеют пропорции и мускулатуру мужчин, или в фигурах женщин, которые, будь то без одежды или, как это было более привычно, с драпировкой, мало чем отличаются по каркасу и пропорциям от фигур изящных юношей. В периклеанскую эпоху мы не можем провести различие между атлетом и эфебом. Каждый образованный юноша - атлет, а каждый атлет - образованный юноша и гражданин свободного государства. Из строго атлетических статуй, к сожалению, мы располагаем лишь мраморными копиями, которые при переносе из бронзы утратили большую часть изящества оригиналов. Но эфебос известен нам по многим надгробным рельефам, и прежде всего по скульптурам Парфенона. Надгробные рельефы, по крайней мере, являются оригиналами, хотя мы не знаем имен художников, в то время как скульптуры Парфенона были выполнены под руководством Фидия. Более верное представление об атлетической молодости этой эпохи можно составить по Тезею с фронтона или Эфебою с фриза, чем по поздним копиям Поликлета.

Во всех этих фигурах преобладает впечатление совершенной гармонии, отсутствия всякого преувеличения. Красота линий не преувеличена до мягкости, а сила - до грубости. Изящная легкость движений и поступков говорит о воспитании, в котором музыка шла рука об руку с гимнастикой. Музыкальные упражнения и танцы составляли важную часть греческого образования; даже на больших фестивалях участники пятиборья выступали под аккомпанемент флейты. На влияние музыки особенно указывают ритмичные движения и позы диадуменос. Поэтому эти гармоничные формы производят эффект более глубокий, чем просто физическая красота, они кажутся внешним выражением внутреннего духа. *καλὸς καὶ ἀγαθός* - красота и доброта - для грека неразделимы. Головы также находятся в полной гармонии с телом; возможно, несколько бесстрастные, они, кажется, обозначают ум, упорядоченный так же, как и тело. Это не головы студентов или философов, тем более не головы простых атлетов, а головы здоровых, энергичных молодых людей, для которых любая деятельность, будь то ум или тело, является радостью. В четких, сильных чертах лица

читаются мужество и решительность, выносливость и самообладание. Выражение лица спокойное и величественное, но без тени высокомерия или гордости. Лицо часто слегка повернуто вниз, а опущенные глаза производят впечатление скромности, которая наиболее заметна в тех статуях, которые, подобно Диадумену, повязывающему вокруг головы колет победителя, прямо символизируют победу. Такова прекрасная бронзовая голова эфеба, изображенная на рис. 16. Это сочетание достоинства и скромности является частью того, что греки называли αἰδώς,^[111] слово, которое, как мы увидим, является лейтмотивом атлетического идеала Пиндара, и которое как никакое другое выражает дух этих статуй.

Рис. 16. Бронзовая голова эфеба. Мюнхен, Глиптотека, 457. (С фотографии Брукмана.)

Влияние атлетики столь же очевидно и в низших искусстваах. На монетах и геммах оно проявляется главным образом в обнаженных фигурах богов и героев. Иногда, однако, мы встречаем чисто атлетический тип. На монетах Аспенда в Памфилии мы имеем длинную серию борцовских групп (рис. 109), а на другой стороне - обнаженного пращника, каламбурный намек на имя Аспенда. На монетах Коса встречается интереснейшая фигура дискобола, грубая попытка изобразить тот самый момент, выбранный Мироном (рис. 86). Обе серии датируются началом пятого века. На геммах более позднего времени мы имеем частые копии реальной работы Мирона. На Сицилии мы не находим изображений собственно атлета, но тесная связь Сицилии с Олимпией, успехи ее городов и тиранов в гонках на колесницах и лошадях отмечены многочисленными монетами с изображением всадника или колесницы.^[112]

Однако это лишь отдельные примеры; искусство, на которое больше других повлияла атлетика, - это искусство вазописцев. Атлетические сцены - одни из самых ранних на вазах. Отчасти это можно объяснить связью игр с погребальными обрядами, для которых были изготовлены многие расписные вазы. Но есть и другая, более общая причина предпочтения вазописцев. Атлетические сцены были особенно приспособлены к пространству, которое он хотел заполнить, будь то длинная полоса, опоясывающая всю вазу, или продолговатое панно. В первом случае пеший или конный забег, или ряд атлетов, занимающихся различными видами спорта, представляли собой эффективную вариацию процессии людей или животных, столь распространенной на ранних вазах, в то время как ничто не могло быть лучше приспособлено для панно, чем боксерский или борцовский матч с судьями или друзьями, наблюдающими за происходящим. Последняя схема оказалась настолько эффективной, что ее стали применять к мифологическим сюжетам. Состязания Геракла с гигантами или чудовищами превращаются в борцовский матч или панкратион, в котором боги и богини занимают место судей. Так в V веке на краснофигурных кубках подвиги Тесея по избавлению мира от чудовищ и хулиганов изображались как события в палестре. Тесею приписывают изобретение научной борьбы: на вазах он предстает в образе грациозного юноши, побеждающего грубую силу противников благодаря тренированному мастерству.

История атлетических типов на вазах идет тем же путем, что и в скульптуре, хотя, поскольку развитие более простого искусства было более быстрым, изменения произошли раньше. Бородатые атлеты с чернофигурных ваз исчезают в начале V века, а на краснофигурных вазах, начиная со времен персидских войн, эфебы встречаются повсеместно. Более того, мы видим не столько сами соревнования, сколько повседневную жизнь и тренировки палестры. На стенах висят гири, маслобойки и гири для прыжков, в землю воткнуты кирки и копья. Тренеры в длинных мантиях и обнаженные помощники стоят и наблюдают за тренировками юношей. Иногда они с вытянутыми руками наставляют их, иногда поправляют длинными вилочными прутьями. Сами юноши бегают, прыгают, борются, метают дискос или копье; одни смотрят и болтают, другие готовятся к упражнениям, помазывая тело маслом, завязывая боксерские стринги или прилаживая шнур к копьё; третьи, закончив работу, скребут себя стригилями, или, стоя вокруг бассейна, опорожняют друг на друга сосуды с водой. Перед нами вся разнообразная жизнь палестры.

Вазы, на которых представлены эти сцены, относятся в основном к середине века, к периоду "прекрасного стиля", как его называют. Но, как я уже отмечал, собственно атлетические типы уже стали несколько условными, и мы чувствуем, что интерес художника к ним стал второстепенным. Его привлекает скорее разнообразие жизни с ее возможностями группировки и композиции. В Афинах, по крайней мере, начинается перемена в отношении народа к атлетике. Прекрасный период вазовой живописи заканчивается около 440 года до

н. э., и в вазах периода упадка эти изменения более заметны. Мы все еще видим палестру, но она схематично обозначена случайной парой алебард на стене; молодежь стоит вокруг, празднично сплетничая и споря, но не принимает никакого участия в мужественных упражнениях. Это исчезновение атлетики из ваз очень важно: скульптор еще мог создавать свои собственные идеалы, но вазописец зависел в своем ремесле от народного вкуса, и поэтому вазы являются верным показателем чувств того времени. Если мы сравним одну из этих поздних ваз с такой вазой, как киликс Панаэтия в Мюнхене (рис. 17), мы не можем не вспомнить контраст, нарисованный Аристофаном в *"Облаках"*, между старым образованием людей, сражавшихся при Марафоне, и образованием его времени. Вазы позволяют нам датировать изменения примерно 440 годом, и мы найдем другие признаки, подтверждающие эту дату.

Рис. 17. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 795 год.

Однако в этом атлетическом искусстве есть нечто большее, чем просто красота или просто сила. Внешняя гармония - лишь выражение того гармоничного развития души и тела, которое было целью греческого образования посредством музыки и гимнастики. Для интерпретации этого духа мы можем обратиться к живому слову - более надежному проводнику, чем просто субъективные впечатления. Атлетическая поэзия возникла, как и атлетическая скульптура, в VI веке, но если атлетический идеал продолжал влиять на греческое искусство на протяжении всей его истории, то гимн победы, как и атлетический рисунок на вазе, резко исчезает перед Пелопоннесскими войнами. Самый ранний автор

эпиникия, Симонид из Сеоса, родился в 556 году до н. э.; его племянник Вакхилид, родившийся в Иулисе на том же острове, дожил до 428 года до н. э.^[113] Его великий фиванский соперник, Пиндар, родившийся несколькими годами раньше, умер в 443 году до н. э. С Пиндаром и Вакхилидом эпиникий почти перестал существовать. До нас, правда, дошел фрагмент гимна, написанного несколько лет спустя Еврипидом в честь победы Алкивиада в гонках на колесницах в Олимпии. Но это случайность, и, заметим, в честь не атлетического состязания, а гонки колесниц. Еврипид, как мы увидим, не был склонен воспевать атлетов своего времени. Последняя из од Пиндара, 8-я Пифийская, была написана в честь победы в борьбе, одержанной Аристоменом Эгинским в 446 году до н. э., а самые поздние оды Вакхилида, которые мы можем датировать, написаны на шесть лет раньше. Согласование этих дат со свидетельствами вазописи вряд ли может быть случайным совпадением.

Особенно заметны количество и значение тех од, которые относятся к годам, непосредственно следующим за персидскими войнами. Автор эпиникия, как и скульптор атлетических статуй, по самой природе своего искусства был панэллин. Его муза, как говорит Пиндар, была наемной. Он писал для тех, кто мог заплатить ему больше, для богатых вельмож Фессалии или Эгины, или для сицилийских князей. Ни на Сеосе, ни в Фивах поэт не мог найти достаточного простора для своего гения. Маленький остров Сеос, славившийся своими атлетами и музыкой, лежал несколько в стороне от основных течений греческой жизни. Фивы утратили свое легендарное величие и сыграли лишь бесславную роль в персидских войнах. Поэтому, хотя поэты с особой нежностью и гордостью воспевали победителей своих родных городов, большую часть своей жизни они провели при дворах могущественных покровителей и находили свое высшее вдохновение в том всплеске панэллинского чувства, который произвели персидские войны и который на мгновение объединил на службе Элладе тирана, олигарха и народ. Если фиванский Пиндар не мог, подобно Симониду, воспеть тех, кто пал при Фермопилах или Саламине, его патриотизм нашел выход не менее чем в шести одах в честь победителей на великом национальном празднике в Олимпии в 476 году до нашей эры.

Поражение Персии не только придало новый импульс панэллинским празднествам: оно возвело атлетическую подготовку в ранг национального долга. Сознание того, что великая опасность благополучно миновала, пробуждает в народе чувство военной и физической необходимости. Мы можем вспомнить, как всего несколько лет назад росли стрелковые клубы, как после англо-бурской войны раздавались крики о необходимости военной и физической подготовки. Опасность, чувствуется в такие времена, может возникнуть снова, и каждый гражданин должен быть готов сыграть свою роль. Среди греков это чувство набирало силу не от осознания собственных недостатков, а от сознания своего превосходства. При Марафоне греки материка впервые оказались лицом к лицу с восточными людьми и впервые осознали пропасть, отделявшую их от самих себя. Их триумф был триумфом свободы и закона над рабством и деспотизмом. Горстка свободных граждан победила орду рабов, и этот результат был достигнут в немалой степени благодаря их атлетической подготовке. Свидетель тому - знаменитое обвинение Марафона. Критики могут сомневаться в его истинности: достаточно того, что Геродот считал его возможным. Армия, преодолевающая расстояние в восемь вёрст по местности, которая могла бы испытать любого бегуна по пересечённой местности! Неудивительно, что персы считали греков безумцами. Само существование такой истории является достаточным доказательством атлетической подготовки нации. Более того, вид длинноволосых, женоподобных персов, чьи

тела не были закалены физическими упражнениями и загорели под воздействием воздуха, похоже, произвел неизгладимое впечатление на национальное воображение. Отсюда необычайная популярность в последующие годы всех тех военных и атлетических упражнений, которые мы так часто видим на краснофигурных вазах. Следует помнить, что в Афинах эта подготовка была по большей части добровольной. Только во время двухлетнего обучения эфебей государство брало на себя воспитание своих членов. Однако с этого времени палестра и гимнасия стали местом отдыха всех классов и возрастов. И то, что было верно в Афинах, было верно, мы можем быть уверены, и в остальной Греции. На какое-то время афинское влияние возобладало повсюду. Старое спартанское превосходство ушло в прошлое, и даже в атлетике Афины стали школой Греции. Если в играх Афины давали мало побед, то, по крайней мере, подавали пример в физическом воспитании. "Встречайте, из Афин приходят мастера атлетов", - говорит Пиндар об афинянина Менандре, который подготовил Пифея из Эгины к победе на Немее, одержанной, вероятно, в 481 или 479 году до н. э.^[114] Эффект этого национального атлетического движения виден в великих играх. Списки победителей в Олимпии или списки тех, для кого пели Вакхилид и Пиндар, представляют всю Грецию от Родоса до Агригентума, от Киринеи до Тасоса.^[115] Наконец, национальное ликование по поводу победы в Платее не нашло лучшего выражения, чем основание в этом городе нового атлетического праздника - Элевтерии.

Прежде чем мы рассмотрим отдельных авторов эпиникий, можно отметить два момента, которые являются общими для всех поэм этого класса. Во-первых, эпиникий был по сути панэллинским по своей теме, а также по своей структуре. Сам гимн состоял из трех частей: упоминания о победе, легенды, связанной с домом или родом победителя, или с местом проведения праздника, и некоторых моральных размышлений или советов. Герои и боги легенд в большинстве своем утратили свой локальный характер и стали общим достоянием рода, и поэт, соединяя настоящее с прошлым, тем самым провозглашал непрерывность и единство Эллады. Во-вторых, эпиникий был аристократическим. Победители, которых восхвалял поэт, были принцами и вельможами, которые соревновались из чистой любви к спорту и для которых атлетика не была ни профессией, ни даже главным занятием их жизни. В этот период жизнь в Греции не была сплошным спортом, и эти люди не уклонялись от своих обязанностей, а с честью играли свою роль в более серьезных состязаниях, связанных с войной и политикой.

От эпиникия Симонида сохранилось лишь несколько фрагментов. К ним можно добавить несколько эпиграмм сомнительной подлинности. О Вакхилиде было известно совсем немного, пока несколько лет назад доктор Гренфелл и Хант, обнаружив египетский папирус, не вернули нам, помимо других стихов, значительные фрагменты тринадцати его эпиникий. Вакхилид происходил с острова атлетов: его семья, по-видимому, была атлетической, его дед, как говорят, был выдающимся атлетом, а его дядей был поэт Симонид. Он с упоением рассказывает о деталях игр, о легких ногах и сильных руках победителя, о вихревом беге колесниц, о ликовании зрителей, о триумфальных ликованиях в доме победителя. Но о более глубоком смысле, духе игр, мы мало что узнаем от него.

С Пиндаром все иначе. Он - пророк со своей теорией жизни, которую он применяет ко всему, о чем поет, к историям богов и героев или к поступкам людей. Он также имеет высокое представление о должности поэта, которая заключается в том, чтобы придать всем совершенствам ту бессмертную славу, которая должна быть главным стимулом для всех благородных поступков. Говорят, что быть атлетом и отцом атлетов - это для Пиндара высшая степень человеческих амбиций. Эта критика несправедлива по двум причинам. Во-первых, она учитывает лишь часть творчества Пиндара. Считается, что он написал поэмы десяти

различных классов, большинство из которых связано с поклонением богам. От девяти из них до нас дошло лишь несколько фрагментов; сохранились только эпиникии. В эпиникиях темой поэта обязательно является восхваление победителей на играх, другими словами, прославление юности и ранней молодости. Но сам Пиндар ясно осознает, что у каждого возраста есть свои достоинства. Добродетели стариков - добрый совет и благоразумие, добродетели юности - мужество и выносливость. "По испытаниям судят", а добродетели юности доказываются в бою,^[117] или в мирных состязаниях игр, которые, как мы уже видели, являются подготовкой гражданина к более суровым военным состязаниям. Во-вторых, слово "атлет" неоднозначно. Оно слишком напоминает профессионального атлета более позднего времени, человека, который из корыстных и меркантильных побуждений посвятил всю свою жизнь атлетике и, как говорит нам Еврипид, после расцвета был "бесполезен, как изношенный плащ". Но благовоспитанные юноши и принцы, о которых пел Пиндар, руководствовались не корыстными мотивами, а той чистой любовью к физическим усилиям и состязаниям, которая естественна для всех здоровых молодых людей. "Пастух, и пахарь, и птицелов, и тот, кого кормит море, стремятся лишь к тому, чтобы не допустить свирепого голода в свои животы; но тот, кто в играх или на войне завоевал восхитительную славу, получает высшую награду в справедливых словах граждан и чужестранцев"

Каковы же качества пиндаровского атлета? Они суммируются в наиболее характерной из всех его атлетических од, 11-й *олимпийской*, в честь Агесиды из эпизефирийского Локри, победителя в боксерском поединке юношей на великом Ол. 76. "Если кто родился с прекрасными дарованиями, то пусть другой, который оттачивает его природное острие, ускорит его, помогая богу, к превосходящему весу славы. Без труда побеждали немногие".

Прежде всего, спортсмен должен быть рожден "с прекрасными дарами". Сила и красота - это дары Зевса, милости, судьбы. Они особенно даруются членам древних и благородных семей, и Пиндар, как истинный аристократ, с удовольствием перечисляет великие деяния предков победителя на войне и в спорте. Ему также в полной мере свойственна высокая оценка физической красоты, и он не устает ее описывать. Но физическая красота должна сопровождаться красивыми поступками; спортсмен не должен позорить свою красоту. Природные дарования предполагают обязанность развивать их, а совершенства можно достичь, с божьей помощью, только "ценой и трудом". Здесь, как хорошо сказал профессор Гилдерслив, Пиндар придает атлетике нравственное достоинство; ведь ценой и трудом занимаются не по принуждению или из эгоистических побуждений, а ради славы. Даже стремление к славе не является эгоистичным. Победа - это радость и честь для города победителя, для его семьи, даже для его умерших предков. Более того, настоящий спортсмен "наслаждается" трудом и затратами.

Рис. 18. Возница. Дельфы. (Греческая скульптура, рис. 138.)

Соревнования на колесницах и скачки были, естественно, намного дороже, чем атлетические состязания; но даже последние требовали значительных жертв времени и денег, и услуги знаменитых тренеров, о которых упоминали поэты, должны были дорого стоить. Труд также не был сопряжен с риском. Более двух третей победителей Пиндара завоевали свои короны в борьбе, боксе или панкратионе - состязаниях, которые были сопряжены с немалой опасностью для конечностей, если не для жизни. Гонки на колесницах были не менее опасны в те времена, когда хозяева управляли собственными колесницами. Во времена Пиндара это уже не было правилом. Вряд ли можно было ожидать, что Гиерон или Гелон лично примет участие в состязаниях, так же как мы могли бы ожидать, что один из

наших владельцев лошадей поедет на своей собственной лошади в Дерби. Тем не менее, мы все еще видим, что владелец иногда выступает в роли возницы,^[120] а еще чаще - какой-нибудь сын или младший член его семьи.^[121] Таким, по всей видимости, был аристократический юноша, бронзовая статуя которого была недавно обнаружена французами в Дельфах^[122] (рис. 18). Элемент риска всегда должен придавать изюминку спорту, и в глазах Пиндара он, безусловно, присутствует. "Поступки без риска, - говорит он, - не имеют чести ни среди людей, ни среди полых кораблей" Из этого следует, что самыми необходимыми качествами для спортсмена являются мужество и выносливость. На последней добродетели Пиндар, как и его соотечественники в целом, настаивает даже больше, чем на мужестве, возможно, потому, что греки больше чувствовали в ней необходимость. Например, Геракл, идеальный атлетический герой Пиндара, - это "человек несгибаемого духа". Однако ни физическая сила, ни выносливость не являются достаточными без мастерства, а мастерство можно получить только путем постоянной практики под руководством искусных учителей.

В старину атлетическое мастерство передавалось в знатных семьях от отца к сыну; такие семьи существовали и сейчас. Лампон из Эгины, отец двух атлетов, Филакида и Пифея,^[124] описывается как "точильщик среди атлетов", одаривающий практикой все, что он делает, и увещающий своих сыновей следовать наставлению Гесиода: "Практика совершенствует дело". Его сын Филакид также заслуживает похвалы за обучение своего младшего брата Пифея. Однако чаще всего прибегали к услугам профессионального тренера. Так, Пифей своей победой во многом обязан афинскому тренеру Менандру. Но хотя тренировка может помочь развить природные дарования, без них она мало что может сделать. "Естественное, - говорит Пиндар, - всегда лучше всего".

Но когда спортсмен и тренер сделали все, что могли, вопрос все равно остается в руках богов. Пиндар, как и Эсхил, глубоко религиозен и считает богов нравственными правителями мира. Любой добрый дар души или тела, любое совершенство исходит от богов, и победа даруется тем, кто им угоден. Человек завоевывает их расположение отчасти благочестием, соблюдением их праздников и подношениями на их алтари, но еще больше - таким поведением, которое отвращает их ревность. Их ревность возбуждается всякой чрезмерностью, гордостью и дерзостью; она успокаивается тем отношением ума, которое выражается этим непереводаемым и неопределенным словом αἶδώς. Aidos - прямая противоположность ὕβρις, или наглости; это чувство уважения к тому, что причитается богам, ближним, самому себе, чувство, порождающее подобное отношение к себе у других. Это дух благоговения, скромности, вежливости. Прежде всего это чувство чести, которое вдохновляет атлета и воина, отличая их от задир и угнетателей. Сила может склонить ее обладателя к злоупотреблению ею; успех может породить "хвастливую наглость". Но айдос вселяет в сердца людей "доблесть и радость битвы". Айдос, заметьте, не страсть, айдос - дитя продуманности, и поэтому истинный мужчина чувствует к своей силе "айдос", который не позволяет ему злоупотреблять ею.^[128] Таким образом, в то время как хулиган внушает ужас и отвращение, воин и атлет завоевывают в глазах граждан и чужестранцев милость и почет (αἰδοῖα χάρις).^[129]

В спорте айдос - это то скрупулезное чувство чести и справедливости, которое составляет суть этого часто употребляемого слова "спортсмен". Ни один вид спорта не требует такого высокого чувства чести, как бокс и борьба, которые, наряду с панкратионом, были наиболее популярны в Греции, и поэтому ни один вид спорта не подвержен таким злоупотреблениям и коррупции. Именно айдос делает человека "прямым бойцом", εὐθυράχας, эпитет, которым Пиндар описывает боксера Диагора Родосского, "идущего по прямому пути, отвращающему

от дерзости". Коммерческий дух несовместим с этим чувством. "Эйдос похищен тайной выгодой", говорит Пиндар, восхваляя Хромия из Этны. Думал ли он о скандале, вызванном за несколько лет до этого Астилом из Кротона, когда он ради выгоды провозгласил себя сиракузянином? Заманчиво предположить, что так оно и было. Негодование, которое вызвало такое поведение, было, по крайней мере, здоровым признаком. Кроме того, *aidos* сродни принципу самоконтроля, σωφροσύνη, который подразумевается в любимом учении Пиндара о среднем^[132] и который играет столь важную роль в философии следующего века. Самообладание атлета было обычным делом, но *aidos* - это нечто более тонкое, более неопределенное, более эффективное, чем любое правило или принцип; и понимание этого помогает нам понять, что даже спорт, который на первый взгляд кажется жестоким, находится под особым покровительством тех светловолосых граций, которые, по выразительному выражению профессора Гилдерслива, "дарят и украшают победу", "от которых к людям приходит все приятное и сладкое, и мудрость человека, и его красота, и блеск его славы".

Такой идеал не мог не оказать длительного влияния на атлетику. Литература и искусство увеличили популярность атлетики, обратившись не только с новой силой к старым мотивам патриотизма и религии, но и к растущему эстетическому чувству расы. Именно этому можно приписать то значение, которое греки придавали стилю и изяществу. Недостаточно было, например, бросить противника в борьбе, нужно было сделать это стильно и умело. Культ стиля иногда перерастал, кажется, почти в жеманство. Аэлиан рассказывает историю о тренере Гиппомахе, который, услышав, как толпа аплодирует его ученику за бросок соперника, тут же укоряет его, говоря, что тот, должно быть, сделал что-то не так, поскольку люди никогда не стали бы аплодировать научному броску.^[134] Мы не знаем даты Гиппомаха, но эта история, несомненно, иллюстрирует тенденцию, которая действительно существовала.

Та же любовь к красоте должна была помочь сдержать рост специализации с ее преувеличенным и односторонним развитием, а также сохранить чистоту спорта от влияния профессионализма. Во многом благодаря этому идеалу Олимпия сохранила свой престиж и в значительной степени высокие стандарты спортивной чести еще долго после того, как свобода Греции стала воспоминанием, а ее боги - предметом насмешек сатириков. Надпись времен правления Адриана, обнаруженная в Олимпии, является яркой иллюстрацией этой жизнеспособности. В ней записан указ в честь Т. Клавдия Руфа, панкратиаста из Смирны, который, хотя и сошелся в финале панкратиона с соперником, получившим проходной бай в предыдущем забеге, боролся до ночи и оставил состязание вничью.^[135] В декрете рассказывается, как он прожил в Олимпии необходимый курс обучения, чтобы его σωφροσύνη была признана всеми людьми, как он тренировался по традиционным обычаям игр и на стадионе устроил представление, достойное Зевса Олимпийского, а также его собственной подготовки и репутации, в знак признания чего элейцы предоставили ему право воздвигнуть свою статую в Альтисе. Возможно, этот указ несколько многословен и наводит на мысль, что подобные примеры σωφροσύνη должны были быть исключительными для того времени. Тем не менее он показывает, что память о старом идеале сохранилась даже при империи и по-прежнему лелеялась в Олимпии.

Мы уже видели, какой импульс атлетике и панэллинским праздникам придали персидские войны. Ни один праздник не был более панэллинским, чем Олимпийский, и ни одно место не ощущало более остро, чем Элида, бодрящего воздействия нового духа единства и свободы. Элида сыграла бесславную роль в национальной борьбе. Узкая и непрогрессивная олигархия проявила тот же недостаток энергии и инициативы, что и при проведении

Олимпийского фестиваля в VI веке. Элейский контингент прибыл в Платею слишком поздно, чтобы принять участие в сражении. Вернувшись домой, полные горького раскаяния, они сразу же решили покончить со старым режимом и изгнали вождей, виновных в этом фиаско. Это было началом Элидского синоэцизма, который окончательно завершился только в 471 году до н. э., когда управление разрозненными, не имеющими стен деревнями впервые было сосредоточено в недавно основанном городе-государстве Элиде. Переменам способствовало ослабление спартанского престижа на Пелопоннесе, а растущее влияние Афин отчетливо проявилось как в этих политических изменениях, так и во вспышке художественной активности в Олимпии, последовавшей за основанием Элиды. Однако новый порядок не мог не вызвать яростной оппозиции, особенно среди консервативных жителей Пизатиса и Трифилии, и их противостояние вылилось в гражданскую войну, которая закончилась только в 470 или 469 году опустошением всей области элейцами.

Оппозиция Пизатиса отчасти объяснялась переносом политического центра в Элиду, а в большей степени, возможно, новым режимом, установленным в Олимпии. Старый двойной контроль над фестивалем со стороны Элиды и Пизатиса, как мы уже видели, уходил в прошлое; возможно, смертельный удар был нанесен изгнанием аристократов, некоторые из которых могли быть наследственно связаны с фестивалем. Во всяком случае, со времен Платеи двух элланодиков, представлявших двойное управление, сменила коллегия из девяти человек, а постоянные помещения для новой администрации были предоставлены за счет расширения Булевтериона, южное крыло которого было пристроено примерно в это время. Увеличение числа чиновников, возможно, было вызвано ростом напряженности соревнований. Девять человек были разделены на три группы по три человека, которые отвечали соответственно за скачки, пятиборье и другие атлетические состязания - прекрасное решение, которое сразу же нравится современному атлетическому уму. Однако более вероятно, что число девять было продиктовано политическими соображениями и тем фактом, что у элейцев было девять племен. Это был переход к народному представительству, и его народный характер еще больше подчеркивается тем фактом, что эти должностные лица избирались по жребию - демократический институт, который вряд ли мог относиться к более раннему режиму.

Это изменение впервые вступило в силу в Ol. 76 г. и, возможно, было введено в связи с этой великой национальной Олимпиадой. Именно по этому случаю, согласно популярному рассказу, появился сам Фемистокл и получил такие овации от толпы, что сами атлеты остались без внимания. Национальный характер этой Олимпиады стал залогом успеха нового порядка. На следующем фестивале конкуренция была настолько велика, что панкратион не мог быть решен до наступления ночи, и было решено с этого дня продлить и перестроить фестиваль. В 77-ю Олимпиаду также был добавлен десятый элланодик, очевидно, чтобы представлять недавно завоеванный район Трифилии. Это число оставалось неизменным до Ol. 103, когда число племен было увеличено до двенадцати в связи с дальнейшим расширением территории на юг, соответственно изменилось и число элланодиков. Последовавшая за этим война с Аркадией на некоторое время сократила их число до восьми, но в Ol. 108 число было восстановлено до десяти и больше не менялось. Эти элланодики должны рассматриваться как исполнительные должностные лица элейского совета, к которым в случае сомнений или недовольства можно было обратиться.

О тесной связи между политическими изменениями в Элисе и Олимпийским фестивалем лучше всего можно судить по рассказу Павсания о новом городе.^[137] Кажется, что все в Элисе было спланировано исключительно с прицелом на фестиваль. Агора была не более и не менее чем тренировочной площадкой для лошадей, это была большая открытая площадь

или продолговатое помещение, окруженное колоннадами, без каких-либо других украшений, кроме нескольких алтарей Зевсу и другим богам, и даже они были построены так, чтобы их можно было легко снять. Рядом с агорой, уместно называемой ипподромом, находилось не менее трех гимнасий с беговыми дорожками и рингами для бокса и борьбы, а с агорой и гимнасией был удобно связан Элланодицеон, или штаб-квартира элланодикеев. Здесь они должны были проживать в течение десяти месяцев до фестиваля, получая наставления по всем древним обычаям игр от стражей лав (номофилаксов). В последний месяц перед играми они сами следили за тренировками атлетов, которые последние тридцать дней проводили в Элисе, и классифицировали людей и лошадей по возрасту, что было не так уж сложно, когда не велись реестры рождений. Все главные здания города Элиса были связаны с играми, и хотя мы не можем определить дату тех, которые видел Павсаний, можно не сомневаться, что они действительно указывают на характер города с самого начала. Агора была типичной для остальных, и Павсаний резко противопоставляет ее веселым рыночным площадкам ионийских городов. Конечно, она не могла быть привлекательным местом для жизни, и элейцы никогда не относились к ней благосклонно; действительно, многие старомодные деревенские джентльмены жили и умерли, даже не ступив в свой главный город.^[138]

Тем временем в Олимпии происходили большие перемены. Ее национальный характер был признан тем, что в Альтисе из трофеев Платеи была воздвигнута колоссальная бронзовая статуя Зевса, на основании которой были начертаны имена всех государств, принимавших участие в сражениях. Но новое чувство национального единства нашло еще более достойный памятник в целом ряде зданий, которые новая администрация предприняла, чтобы сделать священный участок достойным своего панэллинского достоинства. До сих пор, как мы уже видели, различным государствам позволялось занимать выгодные позиции на празднике, возводя у подножия холма Кроноса казначейства или общинные дома. Еще три таких здания - последнее из них - были построены вскоре после Платеи. Все они находились в западном конце террасы. Одно из них было посвящено сиракузянами в честь их победы над карфагенянами при Гимере; другое построили сикионцы, возможно, на месте более древнего фундамента, где хранились большие бронзовые сокровища, посвященные Мироном; строители третьего неизвестны, но есть правдоподобное предположение, что это были саамийцы. Сикион сыграл важную роль в войне с Персией как на суше, так и на море, Самос был тесно связан с победой при Микале, и заманчиво представить, что обе эти сокровищницы были памятниками национальной победы. Однако это всего лишь предположение; несомненно то, что эти сокровищницы были построены вскоре после Платеи и что с этой даты строительство таких сокровищниц резко прекращается. Отныне элеаты взяли в свои руки украшение Альтиса, и их первая работа была связана с сокровищницами.^[139]

Из-за рыхлости почвы строительство самых западных сокровищниц было сопряжено со значительными трудностями. Поэтому элейцы построили девять рядов каменных ступеней, непрерывно тянувшихся от западного конца Гераклеи по всей длине террасы сокровищницы. Эти ступени не только служили подпорной стеной для казначейства, но и служили вместительной трибуной, с которой тысячи зрителей могли наблюдать за играми и жертвоприношениями, которые по-прежнему проходили вокруг алтаря Зевса. Вскоре после этого было построено дополнительное крыло Булевтериона, о котором говорилось выше.

Следующим шагом элейцев было возведение храма, достойного Зевса Олимпийского, и деньги на эту работу были выделены из награбленного в Трифилии и Писатисе. Строительство нового храма было начато около 468 года до н. э., и, возможно, его здания

натолкнули Пиндара на начальные строки его 6-й "Олимпийской оды", в которой он сравнивает прелюдию своей песни с фасадом величественного фейна. Храм, должно быть, был завершен около времени поражения афинян и аргивян от Спарты при Танагре в 457 году, так как спартанцы отметили свою победу золотым щитом, который был установлен на вершине храма. Здесь было бы неуместно пытаться описать храм: мы можем заметить, однако, что хотя архитектором Либом был элонец, большая хриселефантиновая статуя Зевса, воздвигнутая в нем впоследствии, была шедевром Фидия, а Павсаний приписывает некоторые скульптурные украшения афинским скульпторам Пеонию и Алкамену, хотя современные власти обычно дискредитируют это утверждение. И как Фидий в своем Зевсе пытался изобразить высший идеал греческой мужественности, так и в менее значительных работах, мифологических сценах фронтонов и метоп, гонках на колесницах Пелопса и Эномая, битве лапифов и кентавров, трудах Геракла, мы имеем в действительности различные воплощения темы, которая вдохновляет все искусство этого периода, - триумф грека над варваром, обученного мастерства над недисциплинированной силой. Таким образом, храм Зевса стал поистине национальным мемориалом персидских войн.

Новый храм был построен на месте древней рощи, и его возведение, несомненно, нарушило все те ограждения или изгороди, которые могли ограничивать священную рощу. Возможно, именно к этому периоду относится идея разметки Алтиса в виде грубого четырехугольника, который был обнаружен в более поздних руинах. Этот план, по-видимому, подразумевается в строительстве первой колоннады в восточном конце и под прямым углом к террасе сокровищницы. Эта колоннада была построена примерно в середине пятого века и, очевидно, предназначалась для удобства зрителей на празднике, так как с нее открывался полный вид на древний алтарь и восточный конец недавно построенного храма Зевса. Его строительство потребовало изменений в спортивной программе.

Пешие состязания больше не могли проводиться рядом с алтарем, и к востоку от колоннады был устроен новый постоянный "дромос", или ипподром. Возможно, отчасти это была уступка растущим требованиям профессиональных спортсменов, но новый ипподром все равно был самым простым. Земля была примерно выровнена, трасса измерена и, возможно, отмечена постоянной линией из каменных плит в обоих концах, а для удобства зрителей и атлетов были предусмотрены каналы для отвода воды с запада Алтиса на трассу. Возможно, постоянные места были предусмотрены для элладотийцев и жрицы Деметры Хамины, которая занимала почетное место напротив них. Остальные зрители не имели мест, а лежали или стояли на склонах холма Кроноса или на плоской равнине, простиравшейся между стадионом и Альфеем.

Все ли атлетические состязания или только скачки были перенесены на новое поле, точно неизвестно. Единственное свидетельство на этот счет содержится в отрывке Ксенофонта, описывающем битву, произошедшую в Олимпии в 364 году до н. э. В этом году борьба в пятиборье, несомненно, проходила возле алтаря, как это было во времена Пиндара; но не совсем ясно, было ли это обычным явлением или исключительным. В условиях недостатка свидетельств это вопрос индивидуального суждения, и мое собственное мнение заключается в том, что только скачки на ногах и метание диска и копья были перенесены на новый дромос, а бокс, борьба и панкратион продолжали проводиться в треугольном пространстве, занимаемом террасой сокровищницы и колоннадой. Казначейская терраса и колоннада образовывали театр, о котором говорит Ксенофонт, и, несомненно, предлагали гораздо лучшие условия для зрителей подобных мероприятий, чем на самом стадионе, по крайней мере до тех пор, пока он не был улучшен и засыпан после битвы при Хаэронее.^[140]

Примерно в то же время были произведены улучшения на ипподроме. До сих пор конные состязания были организованы так же просто, как и атлетические. Но теперь к югу от стадиона был построен постоянный ипподром, а художник Клеотас соорудил искусные стартовые ворота для колесниц.^[141] Колесницы были расположены парами друг напротив друга по сторонам треугольника, вершина которого была направлена вниз. В центре этого треугольника находился алтарь Посейдона, на котором стоял бронзовый орел. На вершине находился медный дельфин. В момент старта дельфин падал на землю, а орел поднимался, тем самым возвещая зрителям о старте. В это же время канаты перед ближайшей к основанию парой колесниц были убраны. Когда они поравнялись со следующей парой, были убраны следующие канаты, и так до тех пор, пока все поле не было полностью готово к старту.

Здесь мы можем обратить внимание на работу, которая, хотя, возможно, и относится к более позднему времени, иллюстрирует панэллинский характер Олимпии. Старый треножник, на который клали ветви священного оливкового дерева для призов, был заменен столом из слоновой кости и золота, работы Колотеса из Гераклеи,^[142] ученика Фидия, который помогал последнему в создании хриселефантиновой статуи Зевса. Стол хранился в Гереуме, а во время праздника ставился рядом с местом элладодикийцев на стадионе. На одной стороне были изображены Гера и Зевс, Мать богов, Гермес, Аполлон и Артемида. На другой стороне были фигуры Плутона и Персефоны, напоминающие о древних хтонических культах, которые существовали в Олимпии с незапамятных времен и от которых сохранилось множество следов, особенно к востоку от Альтиса.

Активность элейцев, как мы видели, положила конец архитектурным посвящениям других государств; но благочестие греческого мира нашло свое выражение в посвящении статуй и вотивных подношений. Во время девяти Олимпиад, следовавших за персидскими войнами 476-444 гг. до н. э., на Альтисе было установлено не менее тридцати пяти статуй победителей, а в следующие девять Олимпиад их число сократилось до двадцати.^[143] Эта статистика подтверждает дату изменений в греческой атлетике, которые будут рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА VI

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, 440-338 ГГ. ДО Н.Э.

Литература и искусство на некоторое время очистили и облагородили атлетику, но в то же время, поощряя конкуренцию, усилили те самые пороки, которые являются результатом чрезмерной конкуренции, и когда панэллинское движение израсходовало свою силу, а раздоры и фракции снова возобновили свою власть в греческом мире, упадок атлетики был быстрым. Нигде чрезмерность не является более опасной, чем в атлетике, и очарование поэзии и искусства не должно ослеплять нас от того элемента преувеличения, который существовал в поклонении герою-атлету. Врагом избыточности в атлетике является специализация, специализация порождает профессионализм, а профессионализм - это смерть всего настоящего спорта.

Мы видели, как еще до Пиндара рост конкуренции вывел атлетику за рамки ее законной сферы упражнений и отдыха, превратив ее в самоцель, и как успех в великих играх требовал

неоправданных затрат времени и денег. В пятом веке специализация стала быстро развиваться в руках профессиональных тренеров, чьим делом было готовить участников к великим играм.^[144]

Самыми первыми тренерами были боксеры и борцы, которые, вероятно, ограничивались обучением этим упражнениям. Такое обучение, конечно, было необходимым и полезным, но вскоре после персидских войн было обнаружено, что превосходство в любом конкретном виде состязаний может быть обеспечено специальными тренировками и специальной диетой, и тренер стал брать на себя все руководство жизнью своего ученика. Такая специализированная искусственная подготовка не пошла на пользу ни спортсмену, ни нации.

Рис. 19. Апоксиомен. Рим, Ватикан.

Целью прежних тренировок было гармоничное развитие всего тела. Новая тренировка, предписывающая сосредоточиться на каком-то конкретном упражнении, привела к одностороннему развитию. "Бегун, - говорит Сократ, - слишком развил свои ноги, а боксер - верхнюю часть тела", и он с юмором говорит, что считает танцы лучшей формой упражнений, чем атлетика. В другом отрывке *"Меморабиллий"* Сократ хвалит скульптора, которого под именем Клитона мы, возможно, узнаем как Поликлита,^[146] за его умение изображать различные физические типы, создаваемые разными видами спорта. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы проверить это утверждение для скульптуры конца V века. Но некоторое представление о разнообразии типов можно получить, сравнив две несколько более поздние работы, "Апоксиомен", ранее приписывавшийся Лисиппу (рис. 19), и "Агиас", подлинную работу Лисиппа, недавно обнаруженную в Дельфах^[147] (рис. 20). В первой мы видим породистый тип бегуна с его длиной конечностей и тонкими лодыжками, во второй - более крепкий и тяжелый тип панкратиаста. Однако ни одна из этих двух статуй не выдерживает того обвинения в одностороннем развитии, которое Сократ выдвигает против атлетов своего времени и которое, вероятно, было бы более заметно в менее качественных произведениях искусства. Для этого мы должны обратиться к вазам. Панафинейская ваза из Британского музея, датируемая 336 годом до н. э., показывает нам типичного боксера того периода, с его неуклюжим, громоздким телом и маленькой грубой головой^[148] (рис. 135). Сравнение этих боксеров с атлетами на краснофигурных вазах убедительно доказывает перемены, произошедшие в атлетике.

Рис. 20. Статуя Агиаса работы Лисиппа. Дельфы. (*Греческая скульптура*, рис. 141.)

Старый атлет жил простой, естественной, открытой жизнью. Тренировок в строгом смысле этого слова у него не было. Его питание было в основном вегетарианским. Как и рацион деревенских жителей в Греции во все времена, он состоял в основном из инжира и сыра из корзин, каши и лепешек с мясом только по случаю.^[149] Часто утверждается, что диета из инжира и сыра была предписана законом Олимпийского фестиваля, и предлагаются различные причудливые интерпретации этого обычая. Возможно, что определенные виды пищи были запрещены для участников соревнований на конкретных фестивалях; так, в Дельфах мы знаем, что ввоз вина на стадион был запрещен и что любое нарушение этого правила наказывалось штрафом, половина которого выплачивалась богу, а другая половина - доносчику.^[150] Но такие запреты носили характер религиозного табу, и нет никаких оснований полагать, что рацион атлетов регулировался каким-либо другим законом. На самом деле у нас есть прямые доказательства обратного, ведь введение мясной диеты в V веке приписывается двум частным лицам - Дромею Стимфалу, бегуну, который дважды выиграл длинную гонку в Олимпии в Олс. 80 и 81, и Пифагору Самосскому, который тренировал Эвримена, победителя в боксе в Ол. 77.^[151]

Введение мясной диеты стало судьбоносным изменением: оно создало искусственное различие между жизнью атлета и жизнью обычного человека, который ел мясо редко и только в качестве деликатеса. Разумеется, его целью было создание массивности тела и веса, которые являются важными факторами в боксе и борьбе, и которые были особенно важны в Греции, так как классификация по весу была неизвестна в этих соревнованиях. Бокс, борьба и панкратион были, как я уже говорил, самыми популярными и самыми почетными из всех видов спорта в Греции, и именно в этих видах спорта специализация и профессионализм впервые дали о себе знать, а их результаты оказались наиболее фатальными. Чтобы добиться необходимой массы тела, тренер предписывал своим ученикам огромное количество мяса, которое должно было компенсироваться бурными физическими нагрузками. Еда, сон и упражнения занимали все время атлета, не оставляя времени и досуга для других занятий.^[152] "Сократ, - говорит Ксенофонт, - не одобрял такой образ жизни как несовместимый с воспитанием души". Даже с физической точки зрения эта система тренировок была порочной и ненаучной. Она могла приводить к увеличению веса и силы, но приносила в жертву активность и здоровье. В случае с молодыми она имела тенденцию замедлять рост и разрушать всю красоту форм; и Аристотель, говоря о своем времени, отмечает тот факт, что мальчики-победители в Олимпии редко повторяли свои успехи в качестве мужчин.^[153] Более того, сила атлета была бесполезна для практических целей. Эпаминондас, как нам рассказывают, когда он достиг совершеннолетия и стал часто посещать палестру, посвятил себя таким упражнениям, которые развивали активность, а не большую силу, считая, что последняя малопригодна для войны. Поэтому он упражнялся в беге и борьбе "лишь до тех пор, пока мог стоять на ногах", но большую часть времени проводил в занятиях оружием.^[154] Столь же непригодной для войны была привычка к жизни, выработанная атлетическими тренировками. "Природа атлета, - говорит Платон, - сонлива, и малейшее отклонение от его распорядка может вызвать у него серьезную болезнь". Такой человек не в состоянии выдержать различные превратности кампании, и поэтому атлетика осуждается не только такими философами, как Платон и Аристотель, но и такими полководцами, как Эпаминондас, Александр и Филопомен.^[156] "Атлет, - говорит Еврипид, - раб своей челюсти и своего живота".

Медицинская наука подтвердила вердикт философа и солдата. Гиппократ Косский, "отец медицины", современник Геродика и Горгия, осуждал высокую тренированность,

порождаемую атлетикой, как опасное и неустойчивое состояние организма.^[157] Жить в состоянии постоянной тренированности вредно для любого человека, а особенно при такой ненаучной системе, как у греков.

Была и другая причина осуждения атлетики военными властями. Старые гомеровские виды спорта были практическими и военными: система физического воспитания, выросшая из них, давала то всестороннее развитие, которое делало человека пригодным ко всем обязанностям жизни в мире или на войне; но новое специализированное образование давало лишь одностороннее развитие и в то же время было настолько требовательным, что не оставляло времени для практики военных упражнений. Платон был ярым сторонником физической подготовки. Обученный своим отцом Аристоном, который был выдающимся атлетом, он одержал победы в борьбе в Дельфах, Немее и на Перешейке, и даже, как утверждается, хотя и с меньшей вероятностью, завоевал олимпийскую корону. Но философ не мог найти места для атлетики своего времени в своем идеальном государстве, и поэтому в "Законах"^[158] он предлагает новую и более практичную гимнастику, основанную на требованиях войны. С шести лет мальчики, да и девочки тоже, должны учиться верховой езде, владеть луком, копьем и пращей, учиться пользоваться левой рукой так же хорошо, как и правой. В борьбе и боксе следует отказаться от всех трюков, придуманных "из тщеславного духа соперничества", и практиковать только те виды, которые могут пригодиться на войне. Танцы тоже должны носить военный характер: марши и шествия в доспехах и на лошадях или мимические состязания, подобные танцам Крита и Спарты. В другом отрывке^[159] он описывает соревнования, подходящие для его идеального государства. Все пешие состязания должны проводиться в доспехах, должна быть дальняя гонка на шестьдесят стадий в тяжелых доспехах, и еще более длинная гонка на сто стадий через горы и всевозможные местности для легковооруженного лучника. Вместо борьбы и панкратиона - состязания в доспехах, а для легковооруженных войск - бои с луками, копьями и пращами по своду законов, составленному военными специалистами. Военный характер схемы Платона указывает на мнение философа о непрактичности существующей атлетики.

Интересным развитием атлетической подготовки, имеющим аналог в наши дни, стало появление "медицинской гимнастики". Гимнастическая школа валетудинариев берет свое начало от Иродика Селимбрийского, современника Сократа, которого Платон высмеивает за развращение гимнастического и медицинского искусств.^[160] "Сочетанием тренировок и врачевания он нашел способ мучить, во-первых, себя, а во-вторых, весь остальной мир изобретением затяжной смерти. Заболев смертельной болезнью, которую он постоянно лечил, он всю свою жизнь прожил как валетудинарий". Введя сложные правила питания и питья, он испортил атлетику, и Платон справедливо называет его софистом-гимнастом, что вполне можно применить ко многим рекламным шарлатанам наших дней. В этом отношении Платон сравнивает его с несколько более ранним тренером, Икком из Тарентума, который выиграл пятиборье в Олимпии в Ol. (Этим тренерам приписывается изобретение медицинского массажа (ἰατραλειπτική), развитие массажа, применявшегося к атлетам до и после тренировок ἀλειπτική. В свите Александра был афинянин Афинофан, в обязанности которого входило сопровождать своего господина в бане и помазывать его маслом.^[162]

О богатых наградах, которыми награждали успешных атлетов, мы говорили в предыдущей главе. В "Плуте" Аристофана Гермес, отступив от богов, поступает на службу к Плуту в качестве "руководителя состязаний". "Ибо, - говорит он, - нет для Плута службы более выгодной, чем проведение состязаний в музыке и атлетике". Платон не знает более благословенной с материальной точки зрения жизни, чем жизнь олимпийского победителя, а в мифе об Эре он описывает, как душа Аталанти выбирает тело атлета, видя "великие

награды, даруемые атлетам". Еще более значима история родосского Дориея, одного из знаменитых Диагоридов. Изгнанный афинянами с Родоса, он отправился в Фурии и в качестве командира турийского корабля принял участие в войне против Афин. Взятый в плен афинянами в 407 году до н. э., он был освобожден без выкупа в связи с той славой, которую он и его семья завоевали в Олимпии.^[164]

Результатом специализации является профессионализм. В любом виде спорта или игры наступает момент, когда он становится слишком развитым, а конкуренция - слишком жесткой, чтобы он мог служить своей истинной цели - обеспечению физических упражнений или отдыха для многих. Он становится монополией немногих, кто может позволить себе время или деньги для достижения совершенства, в то время как остальные, отчаявшись добиться хоть какого-то успеха, предпочитают роль зрителей. Когда вознаграждение за успех становится достаточным, возникает профессиональный класс, а когда профессионализм однажды установлен, любитель уже не может конкурировать с профессионалом.

Уже к концу пятого века слово ἄθλητής стало обозначать профессионального спортсмена в противовес любителю или ἰδιωτής. Ксенофонт рассказывает о разговоре Сократа с плохо развитым юношей, в котором философ насмехается над его "непрофессиональным" состоянием тела.^[165] Легкая атлетика в то время была не в моде среди умных афинских юношей, которые, подобно Алкивиаду, не желали соревноваться с нижестоящими. "Конечно, - возмущенно отвечает юноша, - ведь я не профессионал, я любитель". Тогда философ читает ему лекцию о том, что тело должно быть развито до предела. "Ни один гражданин не имеет права быть дилетантом в вопросах физической подготовки: это часть его профессии как гражданина - держать себя в хорошей форме, готовым в любой момент послужить своему государству. Этого требует и инстинкт самосохранения: ведь как беспомощно состояние неподготовленного юноши во время войны или опасности! Наконец, какой позор для человека - состариться, так и не увидев красоты и силы, на которые способно его тело!" Идеал Сократа - это прежний, уже уходящий идеал, а ответ Эпигена иллюстрирует изменения, произошедшие в характере атлета и в народном отношении к атлетике.

Во времена персидских войн греки были нацией атлетов. Во время Пелопоннесских войн масса народа уже не была атлетической. Аристофан горько жалуется об этой перемене.^[166] В Афинах юноши покинули палестру и гимнасий ради роскошных бань и рыночной площади; бледнолицые и узкогрудые, они не имели достаточной подготовки даже для бега с факелом. Труд обучения был неприятен афинянам, которые, как говорит Фукидид, предпочитали быть зрителями чужих подвигов, а не их исполнителями. Спарта долгое время почти не принимала участия в атлетических состязаниях, за исключением пеших скачек, но ее строгая система воспитания, как бы жестока она ни была, по крайней мере, спасла ее от пороков специализированной атлетики. О других частях Греции мы знаем немного; в более богатых и прогрессивных городах, вероятно, жизнь была во многом такой же, как в Афинах, в то время как записи Олимпии показывают, что победители все больше и больше привлекались из более бедных и менее прогрессивных сельских районов, из Фессалии и особенно из гор Аркадии.^[167] Только когда атлетика стала прибыльной профессией, бедный, но здоровый сельский житель мог позволить себе участвовать в больших фестивалях. Большое количество соревнований для мальчиков и юношей предлагало перспективному боксеру или борцу источник прибыли с раннего возраста, а в Олимпии эти соревнования были почти монополизированы молодежью Элиды и Аркадии.

Самое резкое осуждение профессионализма содержится в известном фрагменте потерянной пьесы Еврипида *"Автолик"*. Еврипид не был врагом спорта. Его родители хотели сделать из него атлета, и еще мальчиком он выигрывал призы на Элевсинских и Тесейских играх. Говорят, что он предлагал себя в качестве кандидата в Олимпии, но был дисквалифицирован из-за сомнений в возрасте. Бесчисленные упоминания в его сочинениях свидетельствуют о том, что он ценил все мужские виды спорта. Но атлетический успех не мог удовлетворить его беспокойный и честолюбивый дух, и, подобно Ксенофану за два поколения до него, он не мог оставаться слепым к нереальности поклонения атлетике, и к тому злу, которое оно порождало. "Из всех бесчисленных зол Эллады", - восклицает он, - "нет ни одного хуже, чем бег атлетов". Это зло не ограничивается Афинами, оно широко распространено по всей Элладе. "В молодости они щеголяют в великолепии, являясь гордостью своего города, но когда наступает горькая старость, их отбрасывают, как ветхую одежду". В таких результатах виноваты не сами атлеты, а нация. "Я виню обычай эллинов, которые собираются вместе, чтобы посмотреть на этих людей, чувствуя бесполезное удовольствие". И далее, вторя словам Ксенофана, он продолжает: "Кто хоть раз помог своему отечеству, получив корону за борьбу, или за быстроту ног, или за метание диска, или за хороший удар в челюсть? Будут ли они сражаться с врагом с диском в руках или, пробивая кулаками щиты врагов, изгонять их из своей земли? Короны следует давать добрым и мудрым, тем, кто лучше всех управляет своим городом, умеренным и справедливым, или тем, кто своими словами отгоняет злые дела, прекращая войны и раздоры". Как восприняли афиняне в театре это смелое обличение своих идолов? Многие, по крайней мере, с сочувствием, и среди них, я полагаю, был заядлый враг поэта, Аристофан.

В то время как атлетика переходила в руки профессионалов и теряла свою власть над народом, богатые классы все больше и больше посвящали себя скачкам на колесницах и лошадях. Они издавна были спортом тиранов и знати; особенно блестящими были победы тиранов Сицилии и Италии в Олимпии. Но персидские войны придали новый импульс коневодству и верховой езде в Греции. Кавалерия и легковооруженные войска играли все более важную роль в войне. Фемистокл, как нам рассказывают, сам учил своих сыновей ездить верхом, метать копыя, стоя на лошади, и совершать другие конные подвиги.^[168] В Панафинейях, помимо разнообразных гонок на колесницах и лошадях, проводились парады, шествия и военные маневры на лошадях. Фриз Парфенона свидетельствует об изяществе и мастерстве афинских всадников. Аристофан высмеивает наездничество модного молодого афинянина.^[169] Он тратил большие суммы на лошадей, носил лошадиные имена и целыми днями говорил о лошадях. В 416 году до н. э. в Олимпии Алкивиад запряг не менее семи колесниц и занял первое, второе и четвертое места в гонке.^[170] Он отпраздновал свой успех, устроив роскошный банкет для всего собрания.

В Спарте издавна были популярны гонки на колесницах; некто Эвгорий в VI веке выиграл их на трех Олимпиадах подряд с одной и той же командой, а сам царь Дамарат одержал там победу. После персидских войн спартанцы стали уделять больше внимания разведению лошадей; их победы были частыми, а об их увлечении этим видом спорта свидетельствует история Лихаса. Их победы на Панафинейях доказываются недавней находкой в Спарте нескольких панафинейских ваз, изображающих гонки на колесницах^[171], а надпись, подробно описывающая победы некоего Дамона в гонках на колесницах и лошадях, сообщает, что его лошади были получены от его собственного жеребца из его собственных кобыл.^[172] Пристрастие спартанцев к гонкам на колесницах не встретило одобрения у Агесилая, если верить рассказу Плутарха о его сестре Киниске, выигравшей гонки на колесницах в Ол. 96, 97.

Гонки на колесницах, конечно, были всего лишь модным развлечением и, если не считать того, что они способствовали развитию коневодства, не имели никакого значения для войны. Более бедные государства вообще не могли участвовать в них, если только, подобно Аргосу, не выставляли общественные колесницы или лошадей.^[173] Но гонки на колесницах привлекали зрителей, и о росте их популярности свидетельствует введение двух новых гонок в Олимпии и Дельфах. В 408 г. до н. э. в Олимпии были введены гонки на колесницах с двумя лошадьми, в 398 г. до н. э. - в Дельфах, в 384 г. до н. э. - в Олимпии, а в 378 г. до н. э. - в Дельфах; введение скачек на жеребят, конечно, было продиктовано желанием поощрить коневодство, в котором были очень заинтересованы сельские джентльмены Элиды.

Дурные результаты профессионализма не заставили себя долго ждать. Когда в спорт приходят деньги, за этим непременно следует коррупция. Вспомним, как Астилий из Кротона продал свою победу за благосклонность сицилийского тирана. В Ол. 97 или 98 в боксерском поединке мальчиков победил Антипатр из Милета, первый иониец, которому воздвигли статую в Олимпии, о чем свидетельствует надпись.^[174] Некие эмиссары Дионисия Сиракузского подкупили его отца, чтобы тот позволил провозгласить сына сиракузянином; но Антипатр презрел взятку тирана и провозгласил себя милетянином. Не таков Сотадес с Крита,^[175] который, победив в длинной гонке в Ол. 99, на следующей Олимпиаде принял взятку от эфесцев, чтобы провозгласить себя эфесцем, за что был заслуженно изгнан своими соотечественниками. Однако хуже, чем эта передача побед, была их фактическая продажа. Первый случай такого подкупа произошел в Ол. 98 (388 г. до н. э.), когда Евпол из Фессалии^[176] подкупил своих противников по боксу, чтобы они позволили ему выиграть приз. Это были Агенор из Аркадии, Пританис из Кизика и Формион из Галикарнаса, которые победили в боксе на предыдущей Олимпиаде. Проступок был раскрыт, и Евпол и те, кто был подкуплен им, были крупно оштрафованы элейцами. Из этих штрафов были сделаны шесть бронзовых статуй Зевса, называемых Занами, которые были установлены у входа на стадион с надписями, восхваляющими справедливость элейцев и предупреждающими соревнующихся, что "не деньгами, а быстротой ног и силой тела должны быть завоеваны призы в Олимпии". Предупреждение, очевидно, подействовало на некоторое время. Только в 332 году до н. э. произошел еще один случай подкупа. В этот раз афинянин Каллипп подкупил своих соперников в пятиборье.^[177] Виновные были оштрафованы, но афиняне послали оратора Гиперида просить элейцев отменить штраф. Его миссия не удалась, и тогда афиняне, высоко подняв руку, отказались платить и скрылись из Олимпии, пока их не вынудил сдаться дельфийский бог, отказавшийся давать им ответы, пока штраф не будет уплачен. Из этих денег были сделаны еще шесть занов с надписями, аналогичными первым. Это высокое свидетельство святости Олимпии и престижа ее власти, что случаи коррупции были столь редки. Однако и сами элейцы не избежали упреков. В Ол. 96 (396 г. до н. э.) произошел скандал в связи с пешими скачками.^[178] Два элланодикийца приняли решение в пользу Евполема из Элиды, а третий - в пользу Леона из Амбракии. Последний обратился в совет, который поддержал его апелляцию и наказал двух чиновников. Однако, судя по всему, присужденные награды не могли быть отменены, поэтому Евполем сохранил свою победу и даже воздвиг в честь нее статую. Несколько лет спустя, в Ол. 102, произошел аналогичный скандал в связи с конными скачками, которые выиграл другой элланец Троил, который, по словам Павсания, был обязан своей победой отчасти тому, что он был элланодиком.^[179] Вследствие этого инцидента было введено правило, запрещающее элланодикам участвовать в гонках на колесницах или лошадях.

Очевидный разлад в механизме Олимпии в первые годы IV века отчасти объясняется политическими обстоятельствами, о которых мы еще поговорим. Борьба между Афинами и Спартой, вовлекавшая в распри весь греческий мир, в немалой степени способствовала

упадку атлетики. Но если коррупция была возможна в Олимпии, можно быть уверенным, что она процветала и в других местах. Класс бесполезных атлетов, неатлетичная нация зрителей, развращенный и деградировавший спорт - таковы результаты, которые мы находим в Греции в течение столетия после славной 76-й Олимпиады, прославившей свободу Греции. Однако сила и стойкость старого идеала была такова, что ему суждено было сохраниться на века после того, как вся свобода была утрачена.

Характер самих соревнований в этот период практически не изменился. Те изменения, которые произошли, были связаны с изменением условий войны и ростом значения легковооруженных войск и кавалерии.^[180] Не только умножились конные состязания, но и были введены отдельные соревнования по метанию копья и стрельбе из лука. До сих пор метание копья ограничивалось пятиборьем. Теперь же мы видим отдельные призы за метание копья, как пешего, так и конного, как в цель, так и на дальность. Но такие нововведения, похоже, были ограничены местными праздниками, такими как Панафинеи, и не нашли места в программе больших фестивалей. Брутализирующий эффект профессионализма можно проследить в изменении цеста. Мягкие кожаные стринги, которые встречаются только на вазах пятого века, были, путем добавления полос жесткой кожи вокруг костяшек, превращены в грозное оружие под названием *сфайра*, которое мы видим на панафинейской вазе на рис. 135. Любопытно, что Платон одобряет использование *сфайра* из-за его жестокости, как более точно воспроизводящего условия войны и поэтому более подходящего для обучения солдат, чем "мягкие стринги". Нас меньше удивляет то одобрение, с которым он и Аристотель относятся к пятиборью, единственному соревнованию, которое требовало всестороннего развития более древней атлетики. Но следует опасаться, что это состязание не было по-настоящему популярным. Из победителей в пятиборье в Олимпии в этот период нам известны только трое, причем двое из них, Стомий и Хисмон, были элейцами, а третий - афинянин Каллипп, который был обязан своей победой коррупции. Из статуй, воздвигнутых в Олимпии, подавляющее большинство было посвящено боксу, борьбе и панкратиону.^[181]

Несмотря на упадок легкой атлетики, влияние и популярность атлетических фестивалей не уменьшились. Богатство росло, средства связи улучшались, и с ростом привлекательности праздников и любви к достопримечательностям в народе толпы, стекавшиеся на игры, не уменьшались. Вряд ли можно преувеличить значение этих собраний. В эпоху, отвлеченную гражданскими войнами и раздорами, они служили напоминанием грекам об их общем братстве и способствовали укреплению духа доброй воли.^[182] Особенно это касалось Олимпии, которая под строгим управлением элеатов стала главным центром панэллинизма. Священный месяц, ревностно охраняемый элейцами, давал краткий отдых от оружия и безопасность всем, кто желал посетить праздник, будь то в общественном или частном качестве. В течение всей Пелопоннесской войны представители Афин могли беспрепятственно приезжать на праздник.^[183] Туда все государства, если только они не находились под запретом элейцев, отправляли посольства, состоявшие из богатых и видных граждан, которые наперебой демонстрировали богатство, мощь и культуру своих городов.^[184] В Олимпии представители воюющих друг с другом государств на время откладывали свои враждебные дела, и предоставлялась возможность для обсуждения и разрешения многих обид и споров.

Этим встречам можно отчасти приписать растущую тенденцию к образованию лиг. Там же можно было провозгласить условия договоров и сделать их известными всему греческому миру. Условия тридцатилетнего перемирия между Афинами и Спартой были записаны на стеле в Олимпии;^[185] так же как и 100-летний договор, заключенный в 420 г. до н. э. между

Афинами, Аргосом, Мантинеей и Элидой, и было приказано периодически возобновлять его в Олимпии и Панафинейх.^[186] Именно в Олимпию прибыли посланцы Митилены в начале Пелопоннесской войны^[187], чтобы выразить протест против тирании Афин и выступить за свою автономию перед собравшимися греками. И, наконец, когда Афины и Спарта, не веря в дело эллинизма, вероломно интриговали с Персией, именно в Олимпии трижды прозвучал благородный призыв к единству. В 408 году до н. э. Горгий Леонтинский, обращаясь к собравшейся толпе со ступеней храма Зевса, призвал ее забыть о соперничестве и объединиться в крестовом походе эллинизма против Персии.^[188] В то время его голос не был услышан, но позднее поколение должным образом увековечило его призыв, воздвигнув его статую в Альтисе.^[189] Двадцать четыре года спустя Спарта в союзе с Артаксерксом и сицилийским тираном Дионисием вновь попирала свободы Греции. Дионисий отправил в Олимпию великолепное посольство во главе со своим братом Феарионом; его шатры из золота и пурпура были разбиты в священных стенах, великолепные колесницы были введены от его имени для четырехконных колесниц, а наемные рапсодисты непрерывно декламировали дифирамбы своему господину. По любопытной случайности победителем скачек стал Дикон, провозглашенный жителем Сиракуз, но на самом деле гражданин Каулонии, города, который Дионисий недавно разрушил, переведя его жителей в Сиракузы.^[190] Таковы были обстоятельства, при которых афинянин Лисий изящным, но энергичным языком предупредил греков, что Артаксеркс и Дионисий - настоящие враги Эллады, и, призывая их отбросить разногласия, призвал их объединиться и продемонстрировать свой патриотизм нападением на палатки тирана.^[191] Призыв имел лишь частичный успех, и нельзя не порадоваться, что покой праздника не был нарушен таким посягательством на гостеприимство. Наконец, на следующей Олимпиаде 380 года до н. э. Исократ раздавал на празднике копии своего знаменитого Панегирика, произведения, которому он, как говорят, посвятил десять лет работы, и в котором он снова выступал за панэллинский поход против Персии под объединенным командованием Афин и Спарты.^[192]

Это была одна из выдумок более позднего времени, что в Альтисе не может быть установлен памятник в честь триумфа одного греческого государства над другим. Но хотя Олимпия, несомненно, стремилась к единству, памятники доказывают, что идеалом часто пренебрегали, и Альтис свидетельствовал как о разделении, так и о единстве Греции. Помимо votivных подношений шлемов, копий и щитов^[193] Павсаний видел в Олимпии статую Зевса высотой двенадцать футов, установленную спартанцами в память о подавлении мессенского восстания.^[194] Сомнительно, относится ли это к восстанию 464 года до н.э. или к более ранней войне VI века, но, несомненно, эта статуя и, возможно, другие статуи, упомянутые Павсанием, были подношениями к войнам, в которых греки сражались против греков.^[195] В 424 году мессенцы отомстили и в память о своей роли в Пилосе воздвигли статую победы с надписью, гласящей, что она была посвящена мессенцами и наупактийцами из трофеев их врага. Статуя была работой скульптора Паэния, который, как говорят, сделал скульптуры восточного фронтона храма Зевса.^[196] Возвышаясь на высоком треугольном постаменте, она, должно быть, была самым заметным памятником в Альтисе. Мессенцы, по словам Павсания, не указывали имена своих врагов из страха перед спартанцами, но такой страх не отпугнул элейцев, которые отпраздновали победу, одержанную в самой Олимпии во время войны в начале четвертого века, установив в Альтисе трофей с надписью на щите, что он был посвящен из трофеев лакедемонян, а их окончательный триумф над аркадянами после 104-й Олимпиады был отмечен колоссальным памятником, который соперничал с победой мессенцев.^[197]

Интерес к Олимпии больше не ограничивался религиозными церемониями и спортом. Правда, здесь не было музыкальных или драматических состязаний, как на других

фестивалях. Состязания глашатаев и трубачей, введенные в 396 году до н. э., конечно, не носили такого характера.^[198] Но сбор толпы со всех концов греческого мира предоставлял уникальную возможность для получения прибыли и рекламы, которая привлекала многие классы, не только торговцев и разносчиков, которые обеспечивали материальные потребности людей,^[199] акробатов и конных бандитов, которые развлекали их, но и людей науки, литературы и искусства. У художника, писателя или изобретателя было мало возможностей заявить о себе за пределами своего города, кроме как путешествуя из одного места в другое. Все они стекались в Олимпию, где могли найти благодарную и критическую аудиторию. Лукиан^[200] рассказывает, что Геродот первым осознал уникальные возможности Олимпии для рекламы и прочитал свою историю народу в Опистодоме храма Зевса; в другом рассказе говорится, что юноша Фукидид, случайно оказавшийся рядом, был тронут его декламацией до слез. Говорят, что он также читал свою работу в Афинах, Фивах и Коринфе. Какова бы ни была правда этих историй, несомненно, что практика публичной декламации была широко распространена в V веке, и нигде нельзя было найти такой аудитории, как в Олимпии. Более того, спрос на гимны победы и атлетические статуи, должно быть, привел туда поэтов и художников еще до Геродота. Эта практика особенно нравилась софистам и риторам, которые путешествовали по городам и собирали большие суммы денег за счет своей учености, настоящей или притворной. О некоторых из них мы уже упоминали.

Олимпия была местом встречи для всех. Там можно было увидеть, как Сократ с вежливым весельем слушает энциклопедиста Гиппия из Элиды, который объявляет восхищенной аудитории о своих разнообразных знаниях и достижениях и рассказывает, что все, что у него есть, - дело его собственных рук, от обуви на ногах до пояса его туники, тонкой, как самая дорогая ткань Персии. Там же можно было увидеть и многих других, чьи лица знакомы нам по диалогам Платона: самого великого Горгия с его учеником Полюсом, "стремительным, как бегущий жеребенок"; или Продика из Сеоса, который своим тонким басовым голосом рассуждал о тонкостях языка и грамматики. Или можно было бы послушать математика Энопида, объясняющего избранным тайны великого года, диаграмму которого, выгравированную на бронзовой табличке, он установил в Альтисе. Там можно было посмотреть на Зевксиса, который расхаживал в своих павлиньих одеждах, демонстрируя всему миру свое тщеславие и богатство. Каждый, кто имел что-либо продать, выставить или сделать известным, приезжал в Олимпию, которая таким образом стала центром, откуда эллинская культура распространялась по всему миру.

О расширении круга интересов свидетельствует список почетных статуй, которые в этот период перестают быть только для победителей в играх. Так, саамийцы в честь свободы, которую, как они считали, они обрели благодаря победе при Эгоспотамах, установили в Альтисе статую Лисандра.^[201] Статуя Горгия уже упоминалась. В македонские времена этот обычай распространился, а количество атлетических статуй неуклонно сокращалось. Кроме царей и принцев, этой чести удостоились историк Анаксимен из Лампсака и философ Аристотель.^[202]

Нейтралитет был естественной и очевидной политикой элейцев. Удаленные своим географическим положением от основных напряжений и потрясений греческой политики, они в полной мере оценили преимущества положения, которое они узурпировали как единственные хранители олимпийского участка, и не упускали возможности навязать и расширить привилегии, связанные с этим положением. Таким образом, они требовали для всего Элиса святости, принадлежащей священной равнине; их жизнь была освящена, а территория защищена от войны.^[203] Город Элиса был официальным штабом Олимпии, с которой его соединяла священная дорога, и там все участники соревнований должны были

собираться, чтобы пройти месячную подготовку перед играми. Однако скудные исторические свидетельства показывают, что неприкосновенность элейцев объяснялась скорее случайностью их положения, чем всеобщим признанием их святости. Религиозные угрызения, хотя и часто служили удобным оправданием, редко становились на пути более практичных соображений. Поэтому элейцы, как бы ни старались сохранить нейтралитет, не могли избежать вовлечения в осложнения, вызванные Пелопоннесской войной. Спарта, должно быть, с ревностью и подозрением относилась к влиянию, которым обладали Афины, и к росту демократии в новом государстве. В Трифилии и Аркадии дело пизанцев все еще пользовалось популярностью, а контроль над Элисом рассматривался как акт узурпации. Именно в связи с Лепреумом, одним из городов старой Писатской лиги, возникли трудности.

Спарта вмешалась в ссору между Элидой и Лепреумом, который с самого начала Пелопоннесской войны отказывался платить дань в талант олимпийскому Зевсу, и летом 424 года до н. э. на помощь лепрейцам был отправлен спартанский отряд из 1000 человек. Элеяне пожаловались, что это нарушение только что объявленного олимпийского перемирия, и наложили штраф в 2000 миней - по 2 мины с головы, - который нужно было выплатить наполовину Зевсу Олимпийскому, наполовину себе. Спартанцы отказались платить, и после бесплодных переговоров элейцы, не добившись удовлетворения, отлучили Спарту от церкви и запретили ей принимать какое-либо участие в предстоящем празднике. Так, говорит Фукидид,^[204] в то время как все остальные государства были представлены, спартанцы и лепреаты не имели своих представителей и приносили жертвы у себя дома. Встревоженные собственным дерзким поступком, элейцы так мало верили в защиту святынь, что взяли все свои силы под оружие и вызвали помощь из Аргоса, Мантиней и Афин. Тревогу собрания усилило еще одно оскорбление, нанесенное Спарте во время игр. Лихас, сын Аркесилая, член спартанской царской семьи, не имея возможности участвовать в соревнованиях от своего имени, выставил свою команду на колесницу под именем Беотийского содружества. Когда его колесница победила, он смело вышел на поле, чтобы повязать на голову возницы победную филейную часть, но был публично прогнан чиновниками и избит их жезлами. Несмотря на это новое оскорбление, Спарта, сочтя случай неуместным для возбуждения религиозных чувств Греции, ничего не предприняла, а отложила дело, и через три года после этого Элис присоединилась к аргивскому союзу.

Спарта никогда не забывала и не прощала. В 399 году Агис повел армию против Элиды, номинально чтобы заставить ее признать независимость аркадских и трифилийских городов, а на самом деле чтобы отомстить за свое поведение во время Пелопоннесской войны. У Агиса также была недавняя и более личная обида. Отправившись в Олимпию к оракулу, он получил отказ от элейцев, которые сослались на древний канон, запрещающий давать оракулы грекам, участвующим в войне против греков. На этот раз их святость не спасла. Напуганный в первый год providенциальным землетрясением,^[205] Агис вернулся в следующее лето и, подкрепленный трифилийскими городами, двинулся к Олимпии, где принес жертву, которая была запрещена ранее. Затем он прошел по богатым равнинам Элиса, разграбление которых привлекло под его знамена многочисленных аркадских и ахейских добровольцев. Несмотря на помощь Ксении и олигархической партии, ему не удалось взять город, но в итоге, заняв укрепленный пост на границе и опустошив страну, он привел элейцев к полной покорности. Они были вынуждены разрушить свои укрепления, сдать гавань и признать независимость всех городов Аркадии и Трифилии. Только председательство на Олимпийском фестивале осталось за ними, так как, хотя пизанцы утверждали, что оно принадлежало им изначально, спартанцы отказались признать их притязания, считая, говорит Ксенофонт, что они были деревенскими парнями и неспособны

осуществлять председательство, что является замечательным свидетельством эффективности элейской администрации.^[206]

Последствия этого унижения проявились в скандалах, опозоривших последующие Олимпиады. Должно быть, пострадал и престиж самого фестиваля. На следующей Олимпиаде, 396 года до н. э., соревнования были настолько сокращены, что не менее шести состязаний выиграли элейцы.^[207]

Спартанцы отказались лишить элейцев президентства не из уважения к их святости, а из нежелания увеличить значение сельских районов Аркадии и Трифилии. О том, насколько мало они уважали религиозные традиции, можно судить по поведению Агесилая при Истмии в 390 году до н.э., когда он во главе армии отправился в поход, когда во главе армии он прервал игры и вместе с коринфскими изгнанниками сам председательствовал на них.^[208] Возвышение Фив вновь подняло надежды разочарованных трифилийцев.^[209] В 371 году до н. э. Аркадия была объединена в Панаркадскую лигу со штаб-квартирой в недавно основанном Мегалополе. Мессенцы, которые занимали видное место в Олимпии в первые дни ее существования, вернули себе свободу. Мессенские изгнанники со всех концов стекались в растущий город Мессена, основанный Эпаминондасом у подножия горы Итома, и праздновали свое возвращение победой в Олимпии в беге мальчиков - первой победой, говорит Павсаний, которую они одержали после своего изгнания.^[210] Все казалось благоприятным для трифилийцев. К сожалению, между Фивами и Аркадией произошел разрыв, и когда Фивы, следуя примеру Спарты и Афин, отправили Пелопида в Персию, чтобы заручиться санкцией великого царя на свою власть, условия императорского рескрипта подтвердили права Элиды на Трифилию. Аркадский посол, панкратиаст Антиох, вернулся домой в раздражении, даже не соизволив принять царские подарки.

Аркадяне отказались принять царский рескрипт. Когда в 365 году элейцы попытались установить свою власть над Ласионом, на границе с Аркадией, они были отброшены аркадянами, которые в ответ на свой успех захватили Элиду и заняли саму Олимпию, укрепив и гарнизонировав холм Кроноса. На следующий год, под защитой всей вооруженной силы Аркадии, пизанцы наконец-то оказались во главе игр. Но праздник не прошел бесследно. Во время пятиборья на западный берег Кладея прибыли элейцы с ахейскими союзниками. Зрители, только что покинувшие стадион и собравшиеся на ступенях сокровищниц и в колоннадах, наблюдали за ходом борцовского поединка, который проходил на открытом пространстве между зданиями и большим алтарем. Аркадские войска выдвинулись к Кладею и расположились напротив элейцев. Но те, переправившись через реку, с неожиданной смелостью атаковали их и оттеснили в Альтис, где произошла отчаянная схватка на пространстве "между Домом совета, святилищем Гестии и театром, примыкающим к этим зданиям". Там они подверглись ливню снарядов с крыш Дома совета, колоннад и храма Зевса. И хотя они выдержали бой и оттеснили противников к алтарю, потери их были велики, а Стратолас, их капитан, был убит, и они отступили к своему лагерю. Ночью аркадяне, опасаясь повторного нападения, занялись тем, что разнесли в щепки свои тщательно построенные кварталы между Алтисом и Кладеем и сделали из них крепость; а утром элейцы, увидев прочность укреплений, вернулись домой, оставив пизанцев праздновать праздник. Их триумф был недолгим. Религиозное чувство Греции, возмущенное святотатством в Олимпии, было еще более осквернено присвоением священных сокровищ Зевса для использования Аркадской лигой. В самой лиге произошел разлад, и когда два года спустя Пелопоннесу вновь угрожало вторжение фиванцев, аркадяне заключили мир с Элидой и признали ее права на Олимпию.

Это была последняя попытка пизанцев. Элейцы быстро восстановили свое могущество. 104-я Олимпиада была исключена из рекордов и объявлена Анолимпиадой. А в честь триумфа элейцев была воздвигнута колоссальная статуя Зевса с надписью, действительно соответствующей той роли, которую Олимпия сыграла в греческой истории, - "Элеяне за согласие" (Ἐλεῖων πρὸ ὁμονοίας).^[212]

ГЛАВА VII

УПАДОК АТЛЕТИКИ, 338-146 ГГ. ДО Н.Э.

С этого времени в истории атлетики почти ничего не изменилось. Соревнования все больше и больше становились монополией профессионалов, и все пороки, сопутствующие профессионализму, стали необузданными. Подготовка спортсмена становилась все более искусственной и иррациональной, что делало его еще более непригодным для практической жизни. Деграция физического типа и художественного идеала очевидна в статуе, известной как Фарнезский Геракл, - копии лисипповского оригинала, преувеличенной копиистом в угоду вкусу более позднего и декадентского века. Эти огромные выпуклые мышцы,^[213] которые не может расслабить даже отдых, представляют собой тип неуклюжей, бесполезной силы, совершенно чуждой идеалу пятого века или идеалу самого Лисиппа, каким мы его знаем по Агиасу. Возможно, это был тип тех профессиональных силачей, которые называли себя преемниками Геракла, поскольку, подобно Гераклу, побеждали в борьбе и панкратионе в Олимпии в один и тот же день.^[214] Первым из них был Капрус из Элиды, который в 212 году победил в панкратионе несомненного Клитомаха из Фив, которого иногда считают оригиналом боксера из Терм (рис. 136).

Рис. 21. Фарнезский Геракл, работа Гликона. Неаполь. (Греческая скульптура, рис. 125.)

История, рассказанная Полибием о последнем, бросает любопытный свет на состояние спорта в то время.^[215] Оказывается, он вызвал недовольство царя Птолемея - предположительно Птолемея IV, - который пошел на хлопоты и расходы по подготовке и отправке в Олимпию соперника-боксера, Аристоника, чтобы состязаться с ним. Состязание вызвало большой интерес публики, и переменчивая толпа отдавала предпочтение новому человеку, пока Клитомах, возмущенный их позицией, не стал дразнить их тем, что они поддерживают того, кто сражается не во славу Греции, а за царя Птолемея. Этот призыв вызвал такой взрыв чувств, что Аристоник был побежден, и не столько Клитомахом, сколько толпой, говорит наш автор. С такими наемными бойцами вполне естественно, что методы стали более жестокими, а наука ухудшилась. С увеличением веса цеста бокс превратился в состязание грубой силы и занял достойное место в римских гладиаторских шоу. Наука борьбы также пострадала. Уже в 364 году до н. э. мы читаем о некоем Сострате из Сикиона, который победил в борьбе в Олимпии не за счет мастерства, а за счет того, что сломал своему противнику пальцы.

В таких условиях, естественно, процветала коррупция.^[216] Только Олимпия, благодаря своему древнему престижу и святости, сохранила чистоту спорта, и хотя даже там весь спорт был профессиональным, случаи коррупции были редки.

Упадок легкой атлетики сопровождался ростом активности в строительстве и улучшении гимназий и стадионов, который продолжался на протяжении всего эллинистического и римского периодов. Стадионы в Олимпии и Дельфах были реконструированы в IV веке; Панафинейский стадион в Афинах - дело рук афинского администратора Ликурга, который также перестроил гимнасий Ликее, засадил его деревьями и построил в нем новую палестру или школу борьбы. Но эта строительная деятельность не означала никакого улучшения национальной атлетики. Народ мало интересовался играми, разве что как зрелищем, и улучшения на стадионах были связаны исключительно с размещением и комфортом зрителей. Некоторые из этих зданий были результатом своего рода атлетического возрождения, временного спроса на физическую и военную подготовку. Такое движение произошло в Афинах во времена Александра под мудрым руководством Ликурга, который, среди многочисленных услуг, оказанных им Афинам, реорганизовал афинские эфебои. Чаще всего эти здания были памятниками щедрости или тщеславия богатых князей или честолюбивых граждан.

Но палестра и гимнасий даже в IV веке уже не были посвящены в основном гимнастике. Колоннады палестры, тенистые аллеи гимнасия были популярными курортами и местами отдыха. Афинский дворянин отправлялся туда после обеда, чтобы нагулять аппетит перед вечерней трапезой; для его размещения был предусмотрен целый ряд комнат - гардеробные, масляные, пыточные, ванны, клумбы, где он мог заниматься в сырую погоду, комнаты для игры в мяч, а для более активных - борцовские ринги и беговые дорожки. Во многих комнатах и на дорожках были установлены скамейки и сиденья для удобства посетителей и зрителей. Софисты прибегали туда в надежде привлечь учеников; некоторые из них прикреплялись к определенным гимнасиям. Платон читал свои лекции в Академии, Аристотель совершал утренние и вечерние прогулки в Ликее. Постепенно социальная и образовательная сторона гимнасии стала более важной, чем спортивная. В четвертом веке в гимнасии Синосаргов собрался знаменитый клуб, известный как "Шестьдесят мудрецов". Ранние афинские гимназии находились за стенами города. Первый гимнасий внутри стен был подарен разносторонне развитым Птолемеем Филадельфом (285-247 гг. до н. э.), основателем музея и библиотеки Александрии. Афинский гимнасий свидетельствовал о культуре своего основателя: в нем была библиотека, формировавшаяся и пополнявшаяся за счет

пожертвований учеников, которые его посещали. В ней продолжали читать лекции философы и ученые вплоть до времен Цицерона, который слушал там лекции Антиоха. Эти гимназии были тесно связаны с жизнью эфебов, в обучении которых философия и литература быстро занимали место, ранее принадлежавшее атлетике и военному делу. Из этого эфебского обучения выросло то, что было метко названо Афинским университетом, в который молодые римляне времен Цицерона прибегали для изучения философии.

О подготовке эфебов мы знаем в основном из надписей этого и более поздних периодов. Афинские надписи датируются с 334 года до н. э. по третий век н. э.^[217] Эти надписи содержат списки эфебов и указы в честь самих эфебов и их офицеров. Физическая подготовка эфебов носила в основном военный характер, и особое внимание уделялось тем упражнениям, которые могли пригодиться на войне. Эта подготовка проходила под общим руководством Косметеса, одной из обязанностей которого было обеспечение гимнастического зала необходимым маслом. Под его началом находились подчиненные чиновники: гопломахи, своего рода инструкторы по фехтованию; аконтисты, токсоты и катапалтафеты или афеты, которые обучали владению копьем, луком и катапультой соответственно. На местных праздниках проводились состязания, чтобы проверить мастерство мужчин и юношей в этих и других, более чисто спортивных достижениях. Во многих из этих состязаний, особенно в младших возрастных группах, принимали участие только местные участники. Иногда они проводились в форме соревнований отрядов между компаниями, представляющими местные племена и подразделения. Часто в программу включались факельные гонки между отдельными людьми или командами, пешими или конными. В Афинах кавалерийские парады были важной особенностью этих праздников. Самый великолепный из этих местных праздников, Панафинеи, следует оставить для более подробного обсуждения, но несколько примеров надписей, посвященных менее известным праздникам, проиллюстрируют характер праздников и физическую подготовку молодежи в этот период.

Праздник Тесея в Афинах был основан вскоре после персидских войн, когда по велению оракула кости Тесея были привезены со Скироса и перезахоронены в Афинах. Программа праздника включала в себя парады, гимнастические, морские и конные состязания, а также большое публичное жертвоприношение. Список победителей на этом празднике приводится в надписи, фиксирующей почетный указ Никогена, занимавшего должность агонотеса, или официального распорядителя игр, в 161 году до н. э.^[218] Среди услуг, оказанных Никогеном, указано, что он предоставил призы и деньги на другие расходы из собственного кармана и что он особенно тщательно следил за тем, чтобы ни один участник факельных состязаний не "проиграл из-за нечестной игры". За эти заслуги, а также за благосклонность к Совету и народу Афин Никоген должен быть увенчан золотой короной, и об этом должно быть объявлено в Дионисии, Панафинеях, Элевсиниях и - странное четвертое место в таком списке - в Птолемах!

Подобное обучение и подобные состязания встречаются и во многих других местах, в Сеосе, Теосе, Хиосе, Самосе и Траллесе.^[219] Надпись третьего века из Сеоса содержит договоренность о проведении фестиваля стоимостью 65 драхм. Выбирается гимнасиарх, который организует факельный бег, осуществляет общий надзор за тренировками в гимнасии, три раза в месяц выводит эфебов для упражнений с луком, копьем и катапультой и налагает штраф на тех, кто не участвует. Призы для мужских состязаний следующие: для стрельбы из лука - первый приз, лук и колчан; второй приз - лук; для метания копья - первый приз, три копья и шлем; второй приз - три копья; мальчики, победившие в этих состязаниях,

получают порцию мяса. Есть также призы за использование катапульты и за факельные состязания.

В III веке в Теосе патриотически настроенный гражданин Политрос подарил государству 34 000 драхм на образование мальчиков и девочек. Проценты от этой суммы использовались для оплаты труда различных инструкторов, в том числе двух пайдотрибаев, или атлетических инструкторов, с зарплатой 500 драхм каждый, гопломаха с зарплатой 300 драхм и инструктора по владению копьем и луком с зарплатой 250 драхм. Гопломахи должны были проводить обучение не менее двух месяцев. Самым высокооплачиваемым из всего персонала был учитель музыки, который получал 600 драхм. Общий надзор за образованием находился в руках пайдонома, который, как указывалось, должен быть не моложе сорока лет. В наши дни при назначении на должность директора школы обычно указывается, что кандидаты не должны быть старше сорока лет. Что из этого верно?

Похоже, что такая подготовка была повсеместной в греческих государствах. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, насколько сильно оно отличалось от подготовки атлетов, участвовавших в великих играх. К сожалению, образование в Греции, за исключением Спарты, было сугубо добровольным, и обучение затрагивало, таким образом, лишь небольшую часть населения.

Мы предвосхищали события, а теперь должны вернуться к истории Олимпии при македонцах. Политика македонских царей заключалась в том, чтобы всячески поощрять и поддерживать панэллинский фестиваль, и особенно Олимпию. Прежде всего, македонцы рассматривались другими греками почти как варвары, и было крайне важно, чтобы их право считаться греками было признано самым исключительно эллинским из всех фестивалей. Вспомним, что Александр, сын Аминтаса, утвердил это право за царской семьей Македонии в конце шестого века, когда ему было позволено участвовать в пеших состязаниях в Олимпии. Столетие спустя Архелай одержал победу в гонках на колесницах. Этот способный и энергичный принц стремился распространить греческую культуру в своих владениях. Он пригласил к своему двору греческих поэтов, философов и художников, а чтобы выразить уважение к Олимпии, основал в Диуме новый девятидневный олимпийский фестиваль в честь Зевса и девяти муз.^[220] Прецедент был широко использован в эллинистические и римские времена, когда появилось множество фестивалей, носивших название четырех великих панэллинских собраний. Новые Олимпии не ограничивались атлетическими состязаниями, которые, по-видимому, были менее важны, чем драматические соревнования, а их пышность и великолепие свидетельствуют о растущем вкусе к зрелищным эффектам.

У Филиппа и Александра были особые причины связывать себя с панэллинскими празднествами. Как и тираны прежних времен, они понимали, что если хотят объединить Грецию под своей властью, то должны использовать те силы, которые способствуют единению. Два места, в частности, представляли дух национального единства - Дельфы в Северной Греции и Олимпия в Пелопоннесе, и оба праздника македонцы использовали в полной мере.

Уже в 370 году до н. э. честолюбивый фессалийский тиран Ясон Ферейский, мечтавший о вторжении в Персию в качестве полководца объединенной Греции, задумал укрепить свою власть, поставив себя президентом Пифийских игр. Он готовился отпраздновать праздник с варварской пышностью, разослав гонцов по всем городам Фессалии с просьбой предоставить волов, овец и коз для жертвоприношений и предложив золотую корону в качестве приза за самого лучшего вола.^[221] Но его план был сорван убийством, которое,

несомненно, отчасти было связано с его попыткой узурпировать священные функции. Фортуна была более благосклонна к Филиппу. Священная война дала ему возможность выступить в роли защитника и спасителя Дельф. Его поражение от фокийцев и возвращение Дельф дельфийцам были вознаграждены избранием на место в Амфикионийском совете, которого были лишены фокийцы, а в 346 году он получил еще одну честь - быть назначенным президентом предстоящих игр. Таким образом, он стал признанным главой самой древней и влиятельной лиги Греции. Протестовали только Афины, но их протесты были бесполезны, и вновь обретенное Филиппом достоинство стало смертельным ударом для ее оппозиции.

В Олимпии Филипп уже успел заручиться расположением властей благодаря победе в конных состязаниях в 356 году до н. э. и двум победам в состязаниях на колесницах с четырьмя лошадьми на двух последующих Олимпиадах. Вест о победе на скачках дошла до него, по словам Плутарха, вскоре после взятия Потидеи, и в тот же день он получил известие о победе Пармениона над иллирийцами и о рождении Александра. Следуя примеру тиранов Сицилии, он отметил свои победы в гонках на колесницах, изобразив колесницу на своих монетах. После битвы при Херонее Филипп совершил поход в Пелопоннес и, разорив Лаконию и доведя Спарту до бессилия, созвал в Коринфе конгресс всех греческих государств. Затем он выступил как защитник объединенной Эллады, объявив о своей решимости возглавить новый крестовый поход против Персии, и был назначен съездом единоличным командующим силами Греции. Вспомним, как раз за разом в Олимпии проповедовалась политика союза против Персии, и нигде провозглашение Филиппа не было так желанно. Посетил ли он Олимпию лично? Заманчиво предположить, что да. По крайней мере, мы можем связать с этим временем основание Филиппеума, небольшого круглого здания, состоящего из целлы, окруженной восемнадцатью ионическими колоннами, и содержащего статуи из золота и слоновой кости самого Филиппа и его предков, и даже женщин - членов его семьи, Эвридики и Олимпии. Филиппум, по-видимому, был жертвоприношением, подобным сокровищницам более ранней эпохи, основатели которых своим возведением стремились закрепить за собой право и *locus standi* в управлении праздником. На самой террасе сокровищницы не было места для дальнейших построек, и для памятника Филиппу на юго-западе от Гераклеи в пределах самого Альтиса, границу которого пришлось перенести на запад, было найдено более почетное и уникальное место. Это было первое подобное сооружение, размещенное в пределах Альтиса, первое, носившее имя его основателя, который тем самым был поставлен в один ряд с мифическими президентами Олимпии, Пелопсом и Эномаем, и признан свободно назначенным лидером объединенной Греции в самом центре панэллинизма.

Филипп был убит в тот самый момент, когда праздновал свадьбу своей дочери Клеопатры с Александром Эпирским на великолепном празднике в Эгах, где пышная расточительность македонян выражалась в банкетах, гимнастических и музыкальных состязаниях, драматических конкурсах и всевозможных аттракционах, которые могли привлечь и поразить воображение греческого мира. Даже название Олимпия было дано играм в Эгах, а статуи двенадцати богов олимпийского пантеона несли в процессии к театру, за ними следовала статуя самого Филиппа, который таким образом предвосхитил притязания Александра на божественные почести.

Честолюбие Александра было слишком велико, чтобы находить удовлетворение в победах в Олимпии. Он с презрением относился к атлетике своего времени. Хотя сам он был энергичен и атлетичен телом, он с отвращением относился к упражнениям палестры, считая их бесполезными для войны. Когда его спросили, будет ли он участвовать в пеших состязаниях в Олимпии, он ответил: "Да, если у меня будут короли для моих антагонистов". Несомненно,

его отказ был полностью оправдан; он не мог добиться чести, вступая в состязание с профессионалами. Но хотя он и презирал атлетическую часть праздников, он в полной мере оценил их социальное и политическое значение. Он понимал, как важно развлекать народ. Свои победы он отмечал блестящими Олимпийскими играми в Эгах и Диуме, на которых присуждал призы трагическим поэтам, музыкантам и рапсодам, и развлекал народ не атлетическими состязаниями, а охотой на диких зверей, фехтованием или боем с посохом. Подобные развлечения царь устраивал в разных местах своего триумфального шествия по Азии. Сама Олимпия была для него настоящей столицей Греции. Несмотря на его личное отвращение к атлетическим состязаниям, он, как рассказывают, вернул на свободу Дионисодора из Фив, которого он взял в плен в Иссе, учитывая его притязания как олимпийского победителя.^[222] Во время своих восточных походов он посылал туда депеши, которые публично зачитывались на фестивале. Туда в 324 году прибыл Никанор с двумя императорскими мандатами, предписывающими городам Греции вернуть своих изгнанников и признать Александра богом. Этот указ был публично зачитан глашатаем в присутствии 20 000 изгнанников, собравшихся по этому случаю.

Завоевания Александра открыли дверь для распространения эллинизма на весь восточный мир, и в Олимпии была обнаружена интересная иллюстрация этого распространения. Это памятник Филонида с Крита, который описывает себя как курьера царя Александра и землемера (βηματομήτης) Азии. На одной стороне пьедестала находится бронзовая табличка, на которой, по меткому предположению Курция, была выгравирована карта Азии, позволяющая посетителям Олимпии проследить ход завоеваний своего господина.^[223] При его преемниках Азия и Египет стали эллинизироваться, и этот процесс иллюстрируется появлением в списках олимпийских победителей атлетов из вновь основанных городов, а затем из царств и провинций Азии. Новые города стремились воспроизвести основные черты старого эллинского идеала, а от этого идеала атлетика и атлетические празднества были неотделимы. Повсюду учреждались атлетические фестивали, носившие названия древних праздников, повсюду возводились тщательно продуманные стадионы и гимназии. Атлетический энтузиазм, угасший в материнской стране, возродился во многих дочерних городах: особенно в Александрии, которая под властью Птолемеев стала оплотом эллинизма.^[224] Это возрождение атлетического интереса, пусть и несколько искусственное, должно было способствовать сохранению древних праздников на материке.

В Олимпии строительство Филиппеума после Херонеи стало первым из серии улучшений, стимулированных, несомненно, македонским поощрением и, возможно, оплаченных македонским золотом. Выбор места для Филиппея, как мы уже видели, привел к необходимости реконструкции западной границы Алтиса. Аналогичная реконструкция произошла и на востоке, где была расширена и перестроена старая Стоа, и в рамках той же схемы западная и южная стороны стадиона были засыпаны, чтобы обеспечить лучшее размещение для зрителей. В то же время был сделан проход через северную сторону западной набережной на месте более позднего римского проходного тоннеля и ворот, обеспечивающих вход на стадион. Этим входом, вероятно, пользовались только официальные лица и атлеты: для последних вид заново выстроившихся на ступенях перед входом, служил необходимым предупреждением.

Хронология различных олимпийских сооружений полна трудностей, особенно начиная с IV века. Но мы, вероятно, вправе отнести к раннему периоду македонского влияния строительство Феоколеона на западной стороне Алтиса, недалеко от древнего Херума, который должен был служить покоями для олимпийского жречества, и Леонидеума к югу от него. Последнее здание было подарено Леонидом Наксосским. Надпись на постаменте его

статуи, которая была найдена, очевидно, современна надписи на памятнике Филонида, курьера Александра, который стоял рядом, и архитектурные свидетельства согласуются с этой датой.^[225] В более поздние времена здание служило штаб-квартирой римских губернаторов, и этот факт делает вероятным мнение, что изначально оно было предназначено для использования знатными гостями. Порядок развлечения гостей и удовлетворения потребностей жречества, предусмотренный в Леонидеуме и Феоколеоне, кажется полностью соответствующим пышности и государственности, которые были столь заметной чертой македонских празднеств. Запись о гостеприимстве, проявленном в Олимпии другим островитянином, сохранилась на бронзовой табличке, содержащей постановление Элланодики в честь Демократа из Тенедоса, борца, сила которого была такова, что, когда он стоял за чертой, ни один человек не мог перетянуть его через нее. Он и его отец поселились в Элисе, и в указе, датируемом первой половиной III века, говорится, что в знак признания его заслуг в развлечении гостей на празднике он будет назван Проксеном и Благоделетелем и получит почетное место на дионисийском празднике и участие в жертвоприношениях.^[226]

После смерти Александра Элис присоединилась к общему восстанию греческих государств против Македонии, но после провала восстания вновь была вынуждена подчиниться македонскому господству. С этого времени она, по-видимому, стала придерживаться мудрой политики нейтралитета, и среди борьбы соперничающих царей и лиг святость Олимпии была уважаема, а ее поддержки добивались все стороны. Единственный случай, когда эта святость была нарушена, - когда Телесфор, восставший от Антигона, разграбил сокровищницу Олимпии, но грабеж был восстановлен вскоре после этого беспринципным узурпатором и убийцей Птолемеем Цереном, который надеялся заручиться поддержкой Олимпии для осуществления своих честолюбивых замыслов.

Нейтралитет Элиса очевиден в вотивных подношениях того периода. Наряду со статуями Антигона Монофталма и его сына Деметрия мы находим статуи спартанских царей: Арея, пытавшегося освободить Грецию от македонского ига, и Клеомена, пытавшегося возродить военную гегемонию Спарты, Арата из Сикиона, основателя Ахейской лиги и врага Спарты и Македонии, Птолемея Филадельфа из Египта, при гостеприимном дворе которого противники Македонии находили убежище в случае поражения; наконец, блистательного, но полуварварского завоевателя Пирра из Эпира, который в своей метеоритной карьере дважды занимал македонский трон. Некоторые из этих статуй были подарены самими царями, некоторые - элейцами или другими государствами, желавшими оказать почести тому или иному человеку или завоевать расположение в Олимпии. Статуя Пирра была подарена элейским провидцем Фрасибулом, который принимал участие в походах Арата против Спарты и сам был удостоен статуи в Альтисе. Возможно, почести, оказанные Пирру, были вызваны его дружбой с этолийцами, чья связь с Элисом восходит к самым ранним дням праздника. Элеяне рано присоединились к Этолийской лиге и показали свою преданность друзьям, отказавшись покинуть их, несмотря на самые заманчивые предложения Филиппа V. Многочисленные статуи в Альтисе свидетельствуют об этой дружбе. Особый интерес вызывает статуя этолийца Плейстена, чей отец Эвридам, будучи предводителем этолийских войск, помог в памятной битве под Дельфами, которая спасла Грецию от Бреннуса и его варварской орды галлов.^[227] Наконец, можно отметить значительный памятник Антигону Досону, установленный после поражения Клеомена при Селласии в 222 году до н. э. Греция была представлена увенчанной короной после поражения Клеомена при Селласии. Греция была представлена коронованным с одной стороны Антигоном, с другой Филиппом Арридеем, номинальным преемником Александра, а напротив стояла аналогичная группа, в которой Элис короновал Деметрия Полиоркета и Птолемея, сына Лага. Обе группы, как

предполагает Курций, вероятно, были подарены Антигоном Досоном, напоминая более раннюю группу с олицетворенной Экехерией, венчающей Ифита, и символизируя возобновление олимпийского мира и восстановление единства под благотворным правлением принцев Македонии.

Период македонского влияния отмечен многочисленными победами, одержанными македонцами или жителями македонских городов, таких как Амфиполь или недавно основанные Филиппы. Но у македонских царей было мало досуга и покоя для состязаний на фестивалях, они были заняты более серьезными соревнованиями. То же самое можно сказать и о большей части князей Азии. Из Пергама, оставленного на некоторое время в покое под сильным правлением Филетаэра, до нас дошла интересная надпись, в которой записана победа в гонках на колесницах в Олимпии Аттала, брата Филетаэра и отца Аттала I.^[228] Но в Египте жизнь была более оседлой и процветающей, и Птолемеи проявили себя преданными сторонниками эллинских празднеств. Птолемей, сын Лагуса, в 314 году до н. э. выиграл гонки на колесницах с парой жеребят в Дельфах, где был провозглашен македонцем. Ибо, добавляет Павсаний, Птолемеи с удовольствием называли себя македонянами. В Олимпии он установил статуи, одну - себе, другую - безымянному атлету. Его преемник Филадельф воздвиг статую Арея из Спарты как памятник, гласит надпись, его благосклонности к себе и ко всей Греции.^[229] Среди тех, кто нашел убежище при его дворе, был Глаукон из Афин, известный не только победой на гонках колесниц в 260 году до н. э., но и своим пылким сопротивлением Антигону. Его статуя в Олимпии была воздвигнута Птолемеем Эвргетисом. Там же была установлена статуя Белистии Македонской, любовницы Филадельфа, которая выиграла парные гонки на колесницах для жеребят в первый раз, когда это событие было введено, в Ол. 129. Статуи Филадельфа и Арсинои, его жены и сестры, были установлены саамским Калликратом на высоких колоннах, поставленных на возвышенный каменный цоколь перед колоннадой Эхо.^[230]

Уже упоминалось, что Филадельф основал в Афинах гимнасий. Курций предполагает, что палестра и гимнасий в Олимпии были делом рук одного и того же мецената. Ни одно из этих зданий, скорее всего, не относится к его времени, но реальных доказательств, связывающих их с Филадельфом, нет. Факт, записанный Павсанием, что Эвеноридас, победивший в матче по борьбе среди мальчиков в 252 году до н.э., после чего Элланодикас составил список олимпийских победителей и установил его в гимнасии в Олимпии, доказывает, что гимнасия должна была существовать в конце третьего века.^[231] Еще меньше доказательств в пользу мнения Курция, что основание гимнасии и палестры было попыткой противостоять одностороннему атлетизму Олимпии путем основания в Олимпии своего рода общественной школы, где молодежь Греции могла бы получать не только физическое, но и умственное образование. Олимпия не была и вряд ли могла стать местом жительства. Об этом свидетельствует история эксцентричного философа Алексина Литигиозного, как его прозвали, который пытался основать там философскую школу, но потерпел неудачу, будучи покинутым всеми своими последователями из-за отсутствия жилья и трудностей с получением припасов. Палестра в Олимпии, которая будет описана в следующей главе, была обычного греческого типа, и тот факт, что в некоторых комнатах стояли скамьи, не доказывает, что это место было предназначено для школы. Сиденья и табуреты - нередкое сопровождение атлетических сцен на вазах, где они служат, помимо прочего, для того, чтобы атлеты могли надеть свою одежду. То, что гимнасий и палестра предназначались для состязаний на фестивалях и мало использовались в другое время, доказывает надпись в Дельфах, содержащая контракты на подготовку к фестивалю не только стадиона и ипподрома, но и гимнасия и палестры.^[232] Перед фестивалем и во время него они должны были быть переполнены тренирующимися атлетами и, должно быть, были таким же

излюбленным местом посетителей, заинтересованных в их выступлениях, как сегодня паддок в Эпсоне или Аскоте.

Я подробно остановился на памятниках этого периода, потому что они иллюстрируют распространение эллинизма и, следовательно, влияния Олимпии на Восток. Кроме того, в то время как почетные статуи выдающихся людей множатся, атлетические статуи постепенно уменьшаются в количестве, прекращаясь почти полностью после середины второго века.^[233] Из тридцати двух статуй, воздвигнутых в этот период, не менее пятнадцати были воздвигнуты элейцами, что является ярким свидетельством богатства Олимпии. В списке олимпийских победителей заметно почти полное исчезновение имен из Сицилии и Италии,^[234] а также из старых материковых государств, таких как Афины и Спарта. Их место заняли конкуренты с Востока, из Этолии и Ахайи, а также более новые города Пелопоннеса.

Хотя, как мы уже говорили выше, атлетика в значительной степени игнорировалась высшими классами, мы все же, как и во все времена, находим несколько заметных исключений. Таков Аратус, который, хотя его единственной победой в Олимпии были гонки на колесницах, как утверждается, добился различных успехов в пятиборье, соревновании, которое меньше всего привлекало профессионалов; с другой стороны, другой великий полководец Ахейской лиги, Филопомен, не желал иметь ничего общего с атлетикой и даже запрещал своим солдатам участвовать в тренировках, которые только не подготавливали их к тяготам кампании. Другим известным пятиборцем был Горгус из Мессены, который получил большую известность как государственный деятель и был отправлен послом к Филиппу III Македонскому. Помимо пятиборья он выиграл диаулос и гонку в доспехах.

О спаде конкуренции и росте профессионализма свидетельствует количество мужчин, одержавших победы более чем в одном соревновании на одном и том же фестивале. Филину из Коса, который выиграл соревнования на стадионе в Ols. 129, 130, приписывают еще три победы в Олимпии, четыре в Пифии, четыре в Немее и одиннадцать в Истмии - всего двадцать четыре. Еще более выдающийся рекорд принадлежит Леониду Родосскому, который выиграл все четыре скачки на трех Олимпиадах подряд в 164-156 гг. до н. э., тем самым трижды заслужив титул τριπλότης или тройного победителя, который давался тем, кто побеждал в стайерском беге, диаулосе и долихосе. Кроме профессионального бегуна, у нас есть профессиональный борец, представленный уже упомянутыми преемниками Геракла, в отношении которых можно добавить, что за исключением Капра из Элиса все обладатели этого титула были выходцами с Востока. Преемники Геракла далее удостоиваются титула παράδοξος или παραδοξονίκης, а во II веке мы впервые находим в олимпийских надписях термин περίοδος или περιόδονίκης, используемый для обозначения тех, кто одерживал победы на всех четырех великих фестивалях, составлявших атлетический цикл или период. Подобные термины наводят на мысль об эпохе атлетических "рекордов", которая должна была наступить при римлянах.

В этот период были добавлены еще два конных состязания - гонки на двух колесницах для жеребят и скачки для жеребят, введенные в Ols. 129 и 131 соответственно. Оба этих состязания, введенные, очевидно, с целью поощрения коневодства, были введены в Дельфах за полвека до этого, несомненно, благодаря македонскому влиянию. Наконец, в Ol. 145 атлетическая программа была завершена введением панкратиона для мальчиков, в котором победил Федим, описанный, по разным данным, как из Александрии Трояды или из Наукратиса в Египте. Панкратион не был соревнованием, подходящим для мальчиков, и это было истинное атлетическое чувство, которое так долго исключало его из соревнований мальчиков в Олимпии. Его введение свидетельствует о растущей любви к сенсационным и жестоким зрелищам, которые мы связываем скорее с римлянами, чем с греками. Лишь

несколько лет спустя Антиох Эпифан (175-164 гг. до н. э.) ввел в Сирии римские гладиаторские игры, и хотя поначалу это нововведение встретило критику и сопротивление, греки очень скоро привыкли к подобным зрелищам.

С приходом римлян история греческой атлетики заканчивается, хотя атлетическим праздникам суждено было просуществовать еще четыре или более веков под их покровительством. Римляне представляли себя чемпионами и родственниками греков и, как и македонцы, в полной мере осознавали важность этих праздников. Уже в 228 году до н. э. они были допущены к участию в Элевсинских мистериях и Истмийских играх в знак признания их заслуг в освобождении Адриатики от иллирийских пиратов, хотя сомнительно, чтобы римские граждане принимали участие в реальных спортивных состязаниях. В 196 году до н. э. на Истмийских играх Фламинин провозгласил освобождение Греции от тирании Македонского. В Олимпии Тит Манлий появился в качестве посла в 208 году до н. э., чтобы заручиться поддержкой сицилийских и итальянских греков против их общего врага Карфагена. Наконец, в честь поражения ахейцев, разрушения Коринфа и восстановления единства Греции Муммий воздвиг в Олимпии бронзовую статую Зевса и двадцать один золотой щит, установленный над колоннадой, окружавшей храм Зевса. Но единство, о котором идет речь, было достигнуто ценой свободы.

Именно дух независимости вдохнул жизнь в эти великие атлетические состязания, где свободные граждане свободных государств боролись не столько за личную славу, сколько за честь своих государств. Эти государства больше не были свободными, и вся пышность и великолепие, которыми осыпали праздники их имперские покровители, не могли вернуть к жизни угасший дух.

ГЛАВА VIII

АТЛЕТИКА ПРИ РИМЛЯНАХ

Греческая атлетика, должно быть, была знакома римлянам с ранних времен. Мы видели, какое заметное участие принимали греческие города Италии и Сицилии в празднествах Греции в шестом и пятом веках. О популярности атлетики среди этрусков свидетельствуют многочисленные сцены, нарисованные на стенах этруских гробниц, где представлены все виды спорта. В "ludi Maximi" самого Рима видны сильные следы греческого влияния. Кроме того, римляне, как и все энергичные народы, любили физические упражнения - бег, борьбу, метание диска и копья, и особенно игры в мяч. Но они не любили состязаний. Поэтому атлетика так и не приобрела в Риме того значения, которое она имела в Греции, а фестивали, если и были первоначально похожи по характеру на греческие, то вскоре превратились в простые зрелища, где исполнителями, будь то актеры, наездники или атлеты, были профессионалы, принадлежащие к подвластным расам и низшим классам, нанятые для развлечения римских граждан. Рим не признавал равных себе среди соседних государств, поэтому свободная конкуренция между независимыми государствами в Риме была невозможна. Более того, столетия борьбы, в течение которых Рим шаг за шагом расширял и укреплял свою власть, не оставляли времени и склонности для менее серьезных состязаний и развили в его гражданах сильно практичный тип характера, который не мог испытывать симпатии к атлетическому идеалу Греции. Для римлян, как и для спартанцев, атлетика была

лишь средством достижения цели, и эта цель - военная эффективность. Посвятить спорту время и энергию, необходимые для достижения успеха в Олимпии, месяцами подчиняться тирании тренера, часто человека без происхождения и положения, и, прежде всего, выставять себя обнаженным перед глазами своих сограждан - все это было совершенно несовместимо с представлениями римлянина о своем гражданском достоинстве. Даже в качестве зрелищ греческие виды спорта не пришлись ему по вкусу. Озверевший от непрерывных войн, он предпочитал более захватывающие состязания и получал больше удовольствия от гладиаторских представлений своих соседей этрусков и кампанцев, чем от музыкальных или гимнастических состязаний. В 186 году до н. э. греческие атлеты и актеры впервые появились на римских играх; но более приятным нововведением, должно быть, стал завоз в том же году львов и пантер из Африки, чтобы обеспечить зрителям более захватывающий спорт в цирке. Когда в 167 году до н. э. знаменитые греческие флейтисты, выступавшие на фестивале, не смогли порадовать римскую публику, управляющие приказали им выступить в боксе, что вызвало безграничный восторг у зрителей.

Когда во втором веке до нашей эры римляне впервые вступили в более тесный контакт с Грецией, они нашли достаточно оснований для своих антиатлетических предрассудков в том порочном и коррумпированном состоянии, в которое атлетика впала к тому времени в Греции. Соревнования находились в руках профессиональных атлетов, чья подготовка делала их бесполезными в качестве солдат; гимназии, вместо того чтобы выпускать здоровых и полезных граждан, превратились в школы безделья и безнравственности; с физической и военной точки зрения вся нация выродилась. Атлетические фестивали были полезными политическими факторами, и римляне умели их использовать. Некоторые, как Аэмилий Паулюс, стоя перед Зевсом Фидия, могли почувствовать что-то от красоты и величия греческого идеала, или, как Катон, эта странная смесь консерватизма и эллинизма, могли обучать своих сыновей атлетическим упражнениям Греции; но масса народа осталась незатронутой; долгое время в Риме не возникало гимназий или палестр, ни один римлянин не решался соревноваться в играх Греции.

Старые римские предрассудки умерли с трудом. Более чем через столетие после основания империи, несмотря на имперский филэллизм, мы находим его отголосок в царствование Нерона, в протестах старой школы против введения в Рим фестиваля по греческому образцу. "Молодежь вырождалась под влиянием чуждых вкусов, проводя время в атлетике, безделье и низких интригах; что им оставалось, кроме как раздеться догола, надеть цестоду и практиковать такие сражения вместо оружия законной войны?"

Таково было отношение Рима к греческой атлетике, поэтому неудивительно, что, несмотря на растущее влияние эллинизма, в течение столетия, последовавшего за падением Коринфа, фестивали зачахли. В 80 году до н. э. Сулла перенес весь олимпийский фестиваль, атлетов и всех остальных, в Рим, оставив только соревнования по бегу среди мальчиков, которые должны были решаться в Олимпии. Возможно, его целью было перенести фестиваль в Рим навсегда, но до начала очередной Олимпиады Сулла был мертв, и его цель так и не была достигнута. Но престиж фестиваля пострадал. Мы располагаем списком олимпийских победителей за 72 год до н. э. В этой Олимпиаде, как и в Олимпиаде, последовавшей за спартанским вторжением в 399 году до н. э., спад в соревнованиях отмечен серией локальных побед. Восемь, возможно, одиннадцать состязаний выпали на долю Элиды, Гекатомн, победитель трех пеших состязаний, был по-разному приписан к Элиде и Милету; два состязания выпали на долю Сикиона, одно - Кипарисии в Мессении, остальные четыре состязания были разделены между Александрией, Мисией, Азией и Косом. Элис выиграл все конные состязания. В олимпийских надписях, относящихся к этому периоду, примечательно,

что почти все победители - элейцы и почти все их победы одержаны в конных состязаниях.^[236] Это местное преобладание в сочетании с депрессией, вызванной вторжением Суллы, может объяснить тот факт, записанный Африканом, что гонки на колесницах и, возможно, другие конные соревнования были прекращены в 68 году до н. э., чтобы не возрождаться до времен империи.^[237]

Тем временем в характере римского народа произошли перемены. Перестав быть постоянно занятыми войной, жители столицы все больше и больше увлекались развлечениями. Фестиваль за фестивалем вносились в календарь, а амбициозные политики соревновались друг с другом в разнообразии и великолепии развлечений, которые они устраивали в надежде завоевать расположение государя. Эти развлечения, хотя и содержали атлетические и конные состязания, были, однако, чисто зрелищными, и для римского гражданина считалось позором принимать в них личное участие. Характер этих развлечений и их отличие от греческих праздников можно проиллюстрировать рассказом Суетония о тех, которые устраивал Юлий Цезарь.^[238] Кроме разнообразных драматических и музыкальных представлений, были игры в цирке, атлетические состязания и морские бои. В них принимали участие некоторые римские граждане с положением. В гладиаторских состязаниях участвовали Фурий Лептин, член преторианской семьи, и Квинт Кальпен, бывший сенатор. Пирровы танцы исполняли знатные юноши из Азии и Вифинии, а один Децим Лаберий, римский рыцарь, действительно выступил в фарсе собственного сочинения, за что был щедро вознагражден Цезарем и восстановлен в звании, которого лишился своим выступлением. На играх в цирке юноши знатного происхождения принимали участие в гонках на колесницах и лошадях. Две роты мальчиков демонстрировали полувойсковые маневры, называемые троянской игрой. Пять дней занимали *венации*, или бои с дикими зверями, а также мнимый бой двух войск, состоящих каждое из 500 пеших, 30 конных и 20 слонов. Чтобы предоставить больше места для этого представления, мета цирка были убраны, и в обоих концах образовался лагерь. На Марсовом поле возвели временную трибуну, где три дня проходили атлетические состязания. Наконец, было сооружено огромное искусственное озеро, в котором биремы, триремы и квадриремы из Тира и Египта вступили в имитационный бой. Все окрестные дороги и улицы были заняты палатками гостей, и толпа была так велика, что многие были задавлены насмерть. Но сам Цезарь, даритель всего, не заботился ни о чем подобном, и враги обвиняли его в том, что он развлекается чтением и письмом, когда должен был наблюдать за ходом игр.^[239]

С созданием империи для Греции открылась новая эра. Как завоевания Александра распространили эллинизм по всему Востоку, так и Римская империя постепенно эллинизировала весь цивилизованный мир. Хотя Греция была включена в состав Римской империи, такие города, как Афины и Спарта, сохранили внешние формы независимости; органы, контролировавшие ее древние праздники, продолжали выполнять свои наследственные функции, а к относились, как правило, со всем почетом и уважением. В области литературы и искусства Греция уже давно была признана хозяйкой и учительницей своего завоевателя. Отсюда исчезло чувство подчинения, и настолько полным было слияние между покоренным и завоевателем, что во II веке, в то время как древние семьи Элиды или Спарты носили имена своих римских покровителей, таких как Юлии или Флави, и были зачислены в римские племена, греческий язык стал языком общения во всей восточной половине империи, а в самом Риме вытеснил латынь как язык литературы. Эти результаты были во многом обусловлены филэллизмом императоров, и нигде этот филэллизм не проявился так ярко, как в связи с атлетическими праздниками. Старые праздники отмечались с еще большим великолепием и церемониями, новые праздники вводились в подражание им, роскошные ипподромы и гимназии были устроены не только в Греции, но и в

Италии, и в самом Риме, были созданы атлетические гильдии; и хотя возрождение атлетики было чисто профессиональным и мало повлияло на народ, будь то Греция или Рим, привилегии и награды, которыми награждали успешных атлетов, были, конечно, не менее существенными, если не менее почетными, чем те, которыми одаривали победителей в V веке до нашей эры.

Юлии претендовали на участие в греческих праздниках как потомки и наследники богов, возглавлявших эти празднества. В Олимпии их притязания были признаны повторным посвящением им маленького храма Матери богов, в котором были установлены статуи Августа и его преемников. Под их покровительством праздник вновь обрел свою древнюю славу. Конные состязания, прекратившиеся было, возродились незадолго до нашей эры, когда члены императорской семьи, подражая триумфам принцев Сицилии и Македонии, вступили в борьбу за олимпийскую корону. Надписи фиксируют победу юного Тиберия в гонках на колесницах, а через несколько лет - Германика Цезаря в том же состязании. Строительство арочного входа на стадион и другие усовершенствования, возможно, относятся к периоду правления Августа. О замечательной преемственности олимпийской администрации свидетельствует ряд надписей, в которых записаны имена различных чиновников, связанных со святилищем.^[240] Эти списки начинаются в 30 году до нашей эры и продолжаются до 265 года нашей эры. В них фигурируют всевозможные чиновники, от провидцев и глашатаев священного перемирия до поваров и пекарей, которые обеспечивали жертвенные пиры и, возможно, угощали высших чиновников и знатных гостей. Один из важных чиновников носил титул официального гида или экзегета; в его обязанности, несомненно, входило объяснять толпам посетителей исторические памятники Алтиса. Во втором веке, в связи с увеличением числа посетителей, был назначен второй гид. Именно от этих гидов Павсаний почерпнул большую часть информации, содержащейся в его книгах об Элисе. Высшие должности, по-видимому, образовывали регулярную шкалу почестей, *cursus honorum*, передававшуюся по наследству в семьях элейской знати, большинство из которых носили римские имена. Любопытно, что один из них носил имя Флавия Гераклита, который отвечал за статую Зевса, называя себя потомком Фидия. Активность администрации проявляется в возрождении практики посвящения почетных статуй атлетам и другим людям: возможно, именно этому возрождению мы можем приписать записанное Плинием правило, согласно которому портретные статуи разрешалось ставить только атлетам, одержавшим три олимпийские победы.^[241] Именно в надписях этих почетных статуй после долгого перерыва мы находим упоминание о совете, который, по-видимому, обладал верховной властью над святилищем и чья санкция была необходима для возведения статуй в Альтисе.^[242] Возрождение древних форм управления характерно для римского консерватизма и любви к порядку.

Филэллинизм цезарей и их римская любовь к архаизму особенно ярко проявляются в многочисленных праздниках, учрежденных ими в разных частях империи. О большинстве из них нам мало что известно, кроме названий, которые упоминаются в надписях и на монетах; несколько заслуживают особого внимания и могут рассматриваться как типичные для остальных. Август отпраздновал свою победу в Актиуме не только проведением Актийских игр в Риме, но и учреждением в недавно основанном Никополе Актийского фестиваля, который должен был соперничать с Олимпией или даже превзойти ее. Местный фестиваль уже давно проводился в Актиуме раз в два года. Новый фестиваль, который, помимо атлетических, музыкальных и конных состязаний, включал в себя регату, проводился, как и олимпийский, раз в четыре года. Победители получали короны и носили титул *Actianicae*, а сами Актиады должны были стать основой новой хронологии, которая должна была вытеснить олимпиады. Во всем этом чувствуется дух сознательного соперничества между

Римом и Грецией, который заставил римского поэта провозгласить "Энеиду" произведением более великим, чем "Илиада". Но хотя в императорских надписях Актии стоят в одном ряду с панэллинскими празднествами или даже имеют над ними преимущество, новым играм суждено было никогда не обрести престиж старых.

Тот же дух сознательного соперничества вновь проявляется в гордом названии "ἱσολύμπια", применяемом к Августалиям в Неаполе. Эти игры, основанные в 1 г. до н. э., были реорганизованы во 2 г. н. э. в пятилетний фестиваль с величественным названием "Italica Romaia Sebasta Isolympia". Начавшаяся с них новая эра стала исчисляться "Италидами". Термины ἱσολύμπια и ἱσοπύθια первоначально обозначали условия соревнований и, в частности, возраст участников. Так, выражения Olympian, Pythian, Isthmian boys обозначают мальчиков в пределах возрастного ценза для состязаний мальчиков на этих фестивалях. В Империи эти термины часто имели лишь почетное значение, и, очевидно, именно так использовалось это слово в данном случае. Длинная, к сожалению, сильно изуродованная надпись^[243], найденная в Олимпии, содержит правила проведения этого фестиваля, возраст участников, дату допуска, обеспечение их на время тренировок и наказания, налагаемые за любое нарушение этих правил. Фестиваль делился на две части, первая из которых, как и в старой Олимпии, состояла только из конных и атлетических состязаний. Призом, как и в Олимпии, был венок. Вторая часть, как мы узнаем из другой надписи, напоминала Пифийский и Немейский фестивали своими правилами в отношении возрастов и призов. Кроме атлетических и конных состязаний, в нем проводились музыкальные и драматические конкурсы, причем в некоторых из них могли участвовать только граждане Неаполя. Призы состояли из денежных сумм.

Примерно такой же характер носили олимпийские и пифийские фестивали, которые мы находим в Риме, Афинах, Эфесе и ряде других мест. Право присваивать эти титулы первоначально, должно быть, принадлежало властям Олимпии и Дельф, но позднее, по-видимому, перешло к императорам.^[244] Каждый новый основанный фестиваль давал начало новой серии олимпиад. В Риме большая Капитолия, основанная Домицианом в 86 г. н. э., носила название Олимпия, а Флавий Архيبий, олимпийский победитель в Олс. 220, 221, также описывается как победитель в Риме на 3-й и последующих Олимпиадах. Судьи на этих праздниках иногда назывались Hellanodicae,^[245] и, несомненно, воспроизводили многие другие черты оригинальных празднеств. Пожалуй, самыми интересными из всех этих игр являются те, что проводились в Дафне близ Антиохии. Основанные первоначально Антиохом Эпифаном, они получили от элейцев титул Олимпии в 44 г. н.э. Их интерес заключается в том, что модель Олимпии была соблюдена во всех деталях, не только в программе и управлении, но и в отношениях между Дафни и Антиохией, которые полностью соответствовали отношениям между Олимпией и Элидой. В IV веке разгорелся ожесточенный спор между народной партией, которая хотела перенести важную часть фестиваля из Дафни в Антиохию, и консервативной партией во главе с Либанием, который назвал предложенное изменение святотатством и нарушением истинной Олимпии. Мы имеем частые упоминания о празднике в трудах святого Хризостома, долгое время бывшего пресвитером в Антиохии; и он продолжал праздноваться вплоть до правления Юстина в шестом веке.^[246]

Императорское покровительство не всегда было благословением для греков. Калигула унес бы в Рим статую олимпийского Зевса, если бы ему не помешал чудесный протест самой статуи. Нерон действительно увез в Рим тысячи произведений искусства, а статуи победителей на играх из-за своей ревности срывал и выбрасывал в канализацию. Несмотря на притворную лесть грекам и желание заслужить их одобрение своим искусством, он так мало уважал религию, что изменил время праздников, чтобы все они могли быть

отпразднованы во время его визита в Грецию.^[247] В Олимпии состязания в трагедии и пении были введены в программу по его приказу; для его развлечений был построен дом в юго-восточном углу Алтиса, а почти напротив него - великолепный процессионный вход; в то же время стена Алтиса была расширена к югу, чтобы включить треугольную полосу между старой стеной и северной линией дома совета. История его выступлений на играх - жалкое доказательство деградации праздников и раболепия греков. В Олимпии он выиграл короны в гонках на колесницах, в конкурсах пения и трагедии, а также в конкурсе глашатаев. В последнем он участвовал везде, где состязался, чтобы иметь привилегию провозглашать свои победы собственным голосом. На ипподроме он появлялся в колеснице, запряженной десятью лошадьми; сброшенный с колесницы, он был подхвачен и заменен, возобновил гонку и, наконец, был награжден призом покорными чиновниками. Хотя, как говорят, он увлекался борьбой, у него было достаточно уважения к римским предрассудкам, чтобы воздержаться от демонстрации своего мастерства на стадионе, и он довольствовался ролью брадобрея, сидя на земле во время раундов и своими руками оттаскивая бойцов назад, если они уходили слишком далеко. Подневольные элладоты были вознаграждены римским гражданством и большими суммами денег, от которых они должны были отказаться при его преемнике. Наконец, в конце своего похода он провозгласил себя на Истмийских играх восстановителем свободы Греции. Вернувшись в Италию с 1808 коронами, которые он завоевал, он был встречен в Неаполе со всеми самыми экстравагантными почестями, которые когда-либо были оказаны победителю Олимпии. В городской стене был проделан пролом, через который он въехал на колеснице, запряженной белыми лошадьми. Тот же фарс повторился в Антии и Альбануме. Он въехал в Рим на колеснице, на которой триумфовал Август, одетый в пурпур, с олимпийской короной на голове и пифийской короной в правой руке, а перед ним шествовала процессия придворных, которые несли завоеванные им короны и провозглашали населению имена и подробности его триумфов. Неудивительно, что те, кто остался от старых римлян, относились к соревнованиям греков с веселым презрением, что Сенека и другие писатели первого века были единодушны в своем осуждении греческой атлетики, и что олимпийский спортсмен стал объектом эпиграмматизма. То, что Олимпия пережила даже такую деградацию, является, пожалуй, самым сильным доказательством ее жизнеспособности.

Пока императоры вводили греческие праздники в Италию, влияние Рима унижало и огрубляло общественный вкус Греции. Гладиаторские представления появились на Востоке почти за два века до нашей эры. Они уже давно пользовались популярностью у космополитичной публики Антиохии и Александрии. В Греции они нашли приют в столь же космополитичной толпе Коринфа, который, будучи вновь основанным Юлием Цезарем как римская колония, быстро восстановил свое торговое превосходство и затмил даже рекорды своего прошлого по богатству, роскоши и пороку. Афины последовали примеру своего соперника и даже улучшили его. Если в Коринфе гладиаторские представления проводились в овраге за городом, то в Афинах они устраивались в театре Диониса.^[248]

Растущая любовь к азарту и кровопролитию проявилась и в боксе. Как мы видели, кест постепенно становился более громоздким и более убийственным, а бокс, соответственно, менее научным. Каждый знаком с описанием боксерского поединка в *"Энеиде"*. Жестокий, ненаучный бой полностью соответствует громоздкости оружия, и даже мягкий и утонченный Вергилий может представить героический поединок, лишь нагромождая ужас на ужас, и, приписывая тяжелый цестус героическим временам, он фактически переворачивает всю историю бокса. Возможно, мы не должны воспринимать описание Вергилия как типичное для греческого бокса его времени, а только для Рима, где научный бокс был настолько малозначимым, что даже Август предпочитал наблюдать за дракой двух уличных грубиянов,

чем за матчем между тренированными боксерами. Но жестокость бокса даже в Греции поразительно показана в коллекции эпиграмм, написанных или собранных неким Луцилием во времена правления Нерона. Их тон, столь отличающийся от тона ранних греческих эпиграмм, как раз то, что мы должны были ожидать от такой эпохи. Некоторые из них представляют собой сценки, посвященные спортсменам или потенциальным атлетам того времени; целая серия посвящена описанию уродств и увечий боксера. Вот старый перевод одной из них, который можно считать типичным для всех них: -

Этот победитель, славный в своем оливковом венке,

Имел когда-то глаза, брови, нос, уши и зубы.

Но, превратившись в чемпиона-цеста, он, к своему стыду,

Все это, и еще хуже! свое наследие он потерял,

И от брата отрекся, отрекся, наконец.

С изображением своим он был брошен.^[249]

Дион Хризостом дает нам интересный взгляд на Истмию в первом веке, рассказывая о посещении фестиваля Диогеном.^[250] Действие происходит в четвертом веке до нашей эры, но детали явно взяты из собственного опыта оратора. Диоген Киник случайно посещает Коринф во время праздника. Там, на перекрестке мира, он застаёт гостей из Ионии и Сицилии, из Италии и Ливии, из Массилии и Бористана. Вокруг храма Посейдона кричат и оскорбляют друг друга жалкие софисты, дерутся их ученики, историки читают бессмысленные сочинения, поэты читают стихи, чудотворцы творят чудеса, авгуры толкуют предзнаменования, тысячи ораторов переругиваются, а купцы всех мастей торгуются. Толпа, не обращая внимания на все остальные интересы, следит за выступлениями атлетов, "простых рабов", как он их называет, "которые бегают, прыгают и танцуют". Вот Диоген видит, как группа друзей несет победителя в пешем беге в триумфальном шествии, а народ кричит, ликует и осыпает его филями и гирляндами. Киник останавливает его и указывает, что в конце концов он не так быстр, как заяц или олень, самые трусливые из животных. Он сам одержал победу над противниками, которых не могут одолеть люди "сытые и надутые, которые целые дни проводят в еде и храпят всю ночь, как свиньи", ибо он одержал победу над болью и наслаждением. Наконец он смело надевает на голову сельдерейный венец, а когда возмущенные чиновники протестуют, спрашивает их: "Не возьмете ли вы у меня венец и не отдадите ли его тому, кто набит больше всех мясом?" Эта риторика по большей части является обычным школьным языком, но мы не можем сомневаться в том, что это описание верно для Истмии и других праздников, особенно для тех, что проходили в богатых городах Востока.

На такой почве процветала коррупция. Филострат, писавший более века спустя, рассказывает, что победы публично покупались и продавались; даже тренеры поощряли этот оборот, ссужая деньги на подкуп атлетов под непомерные проценты.^[251] На Истмии участник, обещавший сопернику 3000 драхм за победу, отказывался платить на том основании, что победа досталась ему по заслугам. Пришлось прибегнуть к клятве, и побежденный соперник публично поклялся перед алтарем Посейдона, что ему обещали деньги, если он допустит свое поражение. "Что, - добавляет Филострат, - может случиться в Ионии или в Азии?"

В Олимпии по-прежнему поддерживалась честь игр. Взятничество сурово наказывалось. В Ols. 192 (12 г. до н. э.) и 226 (125 г. н. э.) мы читаем о штрафах, взимаемых за коррупцию, из

которых, как в старину, воздвигались заны.^[252] В первом случае отец подкупил соперника своего сына, и штраф, таким образом, взимался с родителей. В Ol. 218 (93 г. н. э.) некто Аполлоний Александрийский был оштрафован за то, что пришел слишком поздно и тем самым лишил себя права участвовать в соревнованиях. Он утверждал, что его задержал встречный ветер. Но было доказано, что это ложное утверждение, и что истинная причина его задержки в том, что он "охотился за горшками" в Ионии. Похоже, что власти Олимпии даже попытались сдержать высокомерные притязания и саморекламу профессионального бойца, отменив титул "Преемник Геракла". В последний раз этот титул был завоеван в Ol. 204 (37 г. н.э.) неким Никостратом, после победы которого элейцы издали тайный указ о том, что впредь никому не будет позволено побеждать ни в борьбе, ни в панкратионе. Рассказ Диона об Истмии приобретает силу благодаря контрасту с почитанием, которое он выражает Олимпии, и его очаровательному изображению юного Меланкома.^[253] Он и его отец, сам победитель Олимпийских игр, кажется, даже в ту эпоху упадка атлетики дожили до идеала лучших дней.

Любопытным развитием профессионализма, с которым мы сейчас сталкиваемся, стало появление атлетических гильдий, похожих на давно существовавшие драматические гильдии. Победившие атлеты в Риме, как и в Греции, получали определенные привилегии, включая содержание за государственный счет, которые Мecenат посоветовал Августу ограничить победителями в Олимпии, Дельфах и Риме.^[254] Август, как нам говорят, поддерживал и увеличивал привилегии атлетов.^[255] Гильдии были одной из особенностей ранней империи, и поэтому для атлетов было естественно создавать такие объединения. Эти атлетические гильдии назывались *Xystoi* от *xystos* или крытой колоннады, которая была частью гимнастического зала. Самым известным из этих клубов был клуб геркуланов,^[256] который, по-видимому, первоначально был создан в Сардах. В правление Траяна он был распущен и переведен в Рим. Некий М. Ульпий пришел к императору в качестве их представителя с просьбой о предоставлении помещений в Риме, и мы располагаем копиями двух писем Траяна, удовлетворяющих их прошение.^[257] Он назначает им дом, где они могли бы хранить свои священные вещи и записи, рядом с банями, построенными его дедом Траяном, и удобно расположенными по отношению к большой Капитолии. Здесь у них был гимнасий и зал совета, в котором обсуждались все вопросы, касающиеся благополучия атлетов, проведения соревнований и возведения почетных статуй. Они были священной гильдией, и на их территории стояли статуи императоров и членов гильдии. Их президент или ксистерх был также верховным жрецом гильдии. Часто он был выдающимся атлетом и занимал эту должность пожизненно, а вместе с ней и должность смотрителя императорских бань. Религиозный характер этих гильдий является любопытным продолжением давней связи между религией и атлетикой. Иногда проводились специальные соревнования для членов определенных гильдий. На Августалиях в Неаполе мы находим ряд соревнований, предназначенных только для членов августинского сословия, а также упоминается панкратион для мальчиков Клавдия. Похоже, эти выражения обозначают клубы или гильдии, носящие имя Августа и Клавдия.^[258] Самой важной гильдией в Неаполе был "святой странствующий синод Александрины". Термин *περιπολιτική*, который соответствует нашим "кочевникам" или "странникам", указывает на то, что они не ограничивались местными праздниками, а переходили с места на место.^[259] Олимпийская надпись года н.э. 85 г. н.э. сообщает о возведении статуи в честь Луция Ветулена Лаэтуса всеми атлетами, собравшимися "из обитаемого мира" на праздник, и священным синодом ксистоса.^[260] Предположительно, этот конкретный ксистос был местной элевской гильдией. Название ксистерхов известно и в Спарте, оно встречается в надписи, недавно обнаруженной в Спарте британскими раскопщиками. Надпись содержит правила спартанского фестиваля, вероятно, Леонидеи, фестиваля, проводившегося в честь тех, кто пал при Фермопилах, и

предназначенного только для спартанских участников.^[261] Ксистерх должен ставить масло на стадионе и выполнять обычные обязанности своей должности. Как президент местного гимнасия, он, естественно, принимал важное участие в местных праздниках. Как правило, это был важный человек, часто старый атлет. Его обязанности, вероятно, были столь же неопределенными и зависели от его личных склонностей, как и у президента современного атлетического клуба.

Рис. 22. Атлетика при римлянах. С мозаики, найденной в Тускулуме.

Мозаика, найденная в Тускулуме (рис. 22), дает яркое представление о жизни этих профессиональных атлетов в эпоху империи. Сравнение этих сцен с теми, что изображены на килике Панаэтия на рис. 17, лучше всякого описания проиллюстрирует разницу между двумя эпохами.

Возрождение эллинизма, которым ознаменовался второй век, принесло с собой возрождение греческих атлетических праздников и греческой атлетики, которая под покровительством "греколюбивого" Адриана и его преемников достигла внешнего процветания и великолепия, не имевшего аналогов с пятого века. Целью этих императоров, для которых Греция была таким же домом, как и Италия, было возродить славу прошлого и вернуть материковой Греции то первенство в эллинском мире, которое было узурпировано великими городами Востока. Повсюду великолепные здания свидетельствовали о щедрой щедрости, если не всегда о хорошем вкусе, императоров и богатых подданных, которые подражали их примеру. Бесчисленные памятники и надписи по всей Греции свидетельствуют о деятельности Адриана. В Афинах он построил гимназию и библиотеку, в Коринфе - бани, в Немее учредил зимний фестиваль, а в Мантинее и Аргосе - пятилетние праздники в честь своего любимого Антиноя, культ которого быстро распространился по всей империи. О его почитании Олимпии и ее идеалов свидетельствует серия монет, на одной стороне которых изображена голова императора, а на другой - Зевс Фидия.^[262] Но памятники Адриана меркнут в сравнении с расточительной щедростью Ирода Аттика, который отстроил в камне стадионы в Дельфах и Афинах, причем последний - из пентелийского мрамора. В Олимпии он способствовал комфорту зрителей, обеспечив новую систему водоснабжения, а также оставил более заметный, хотя и менее полезный памятник себе в виде так называемой экседры, помпезного и несочетаемого полукруглого здания, возведенного между Гереумом и западным концом сокровищницы, на единственном свободном месте, с которого открывался вид на алтарь Зевса. Экседра была посвящена

Зевсу во имя его жены Региллы, которая занимала в Олимпии почетную должность жрицы Деметры Чамины. Статуи Региллы и Герода были установлены элейцами в экседре, где также находились статуи Адриана, Антонина и других членов императорской семьи, которые с этого почетного места, казалось, вечно смотрели на фестиваль как зрители и покровители. Под таким патронажем игры привлекали толпы людей со всех концов "обитаемого мира" и действительно оказывали значительное влияние. Ведь религиозная идея, выраженная в статуе олимпийского Зевса, завораживала мысль эпохи. Но для самих греков возрождение было уже невозможно. Физически, морально, политически они слишком вырождались. В олимпийских записях II века мало имен из родной страны; большинство победителей приехали из городов Египта и Востока, особенно из Александрии. Мраморный стадион Геродоса Аттика в Афинах стал свидетелем всех жестокостей римских гладиаторских представлений.

Искусственность атлетического возрождения нигде так не очевидна, как в многочисленных надписях этого периода, которые своей напыщенной многословностью составляют поразительный контраст с суровой простотой того времени, когда атлетика была реальной частью национальной жизни. Читая их, мы ощущаем себя в другом мире, мире профессионализма, саморекламы и рекордов, который имеет мало сходства с тем, в котором мы живем сегодня. Сравните, например, простые надписи в Олимпии, фиксирующие победы Диагорида^[263] с надписью первого века в честь Публия Корнелия Аристана из Эфеса, победившего в панкратионе мальчиков в Ол. 207 (49 г. н. э.), а еще лучше с надписями второго века, найденными в Италии и перечисляющими подвиги Тита Флавия Артемидора из Аданы Киликийской или Марка Аврелия Асклепиада из Александрии. Сами имена свидетельствуют о произошедших переменах. "Диагор (сын) Дамагета родянина" - такова простая формула ранних времен. Единственным описанием состязания является название праздника и события, а единственное слово ἀγωνίῃ добавляется изредка для обозначения "прогулки". Иногда добавляется простое двустийе. Но на пьедестале статуи Аристана^[264], кроме обычной формулы, было начертано стихотворение из двадцати четырех строк, описывающее его силы и славу, как на поле из семи человек он выиграл все свои забеги, не имея преимуществ в беге, и как его слава была провозглашена не только во всей Элладе, но и в Азии.

Несколько примеров этих надписей лучше всего проиллюстрируют характер эпохи. Они начинаются с подробного перечисления почетных титулов победителя. Надпись на Асклепиаде^[265] сообщает нам, что он и его отец пожизненно занимали должность "верховного жреца всего ксисоса и зрителя императорских бань", что он был "начальником храмовых стражей Великого Сераписа, гражданином Александрии, Гермополя и Путеолов, советником Неаполиса, Элиса, Афин и многих других городов". Далее следует восторженное описание его непобедимого послужного списка как "панкратиаста, периодоника непобедимого, недвижимого,^[266] непревзойденного". "Я не бросал вызов никому и никто в мое время не осмеливался бросить мне вызов, не делил корону ни с кем, не отказывался от состязаний и не подавал протестов,^[267] не отказывался от состязаний, не участвовал в состязаниях в угоду королевской власти, не одерживал победы ни в каких новомодных играх, но во всех состязаниях, на которые я когда-либо выставлял свое имя, я был коронован на самом ринге и утвержден во всех предварительных испытаниях". Это категоричное настаивание на чистоте его послужного списка явно является ответом на те злобные нападки, на которые он жалуется в конце надписи и которые заставили его оставить атлетику.

Далее он перечисляет свои победы в манере, которая ничем не напоминает те фотографии, которые мы часто видим в иллюстрированных газетах, изображающие профессионального спортсмена, все тело которого покрыто медалями, поясами и шарфами, которые он завоевал, или триумфально стоящего посреди своих кубков и трофеев. "Я боролся, - говорит он, - среди трех народов в Италии, в Элладе и в Азии, и во всех упомянутых ниже состязаниях я одержал победу в панкратионе - в Олимпии в Пизе в Ol. 240, в Пифии в Дельфах дважды, в Истмии дважды, в Немее дважды, в состязании за щит Геры в Аргосе, в Капитолии в Риме дважды, в Эвзее в Путеолах дважды, в Себасте в Неаполе дважды, пять раз в Афинах в различных играх, пять раз в Смирне, трижды в Августее в Пергаме, трижды в Эфесе, в Эпидавре в Асклепии, на Родосе в Галилее, в Сардах в Хрисантине, кроме того, многочисленные игры на денежные призы (Θεματεῖτας), включая Гераклею в Лакедемонии, игры в Мантинее и другие." В этом списке упоминаются Олимпия и Адриания в Афинах, Смирна и Эфес. В Эфесе одна из его побед была одержана в Балбилее, основанной знаменитым астрологом Балбиллом в правление Веспасиана. Интересно сравнить этот список побед с победами Диагора Родосского или Эфармоста Локрийского Опуса, которые перечислены в одах Пиндара.^[268] За исключением Родоса, все их победы были одержаны на праздниках родины, на четырех панэллинских праздниках, в Аргосе, Афинах, Пеллине, Эгине, Мегаре и в различных местах Аркадии и Беотии. Разница может быть выражена словом οἰκουμένη, которое часто встречается в поздних надписях. Игры перестали быть эллинскими, они стали экуменическими, и с этим изменением изменился весь их характер. Даже в Олимпии, самом эллинском из всех праздников, атлеты и зрители собираются уже не только из Эллады, но и из "обитаемого мира".

Перечисляя свои подвиги, Асклепиад постоянно сообщает, что "в различных случаях" он ставил своих противников в тупик (στήσας), иногда без дальнейших комментариев, но обычно со словами "с самого начала, после первого жребия, после второго жребия". Эта фраза, по-видимому, подразумевает, что в этих случаях все его соперники выбывали из соревнования после первого или второго забега или даже до начала состязания. Такие случаи могли быть неверно истолкованы его врагами, которые злонамеренно обвиняли его в подкупе или запугивании соперников. Во всяком случае, он рассказывает, что после шести лет занятий в возрасте двадцати пяти лет он ушел из легкой атлетики из-за "опасностей и зависти, которые его преследовали". После перерыва в несколько лет его побудили вновь появиться на Олимпийских играх в родной Александрии, где он выиграл панкратион на шестой Александрийской олимпиаде.^[270]

Это была эпоха рекордов. Мы видим это в расходах на великолепные здания и развлечения, в которых каждый новый общественный благотворитель стремился превзойти работу своих предшественников, и неудивительно, что тот же дух отразился на легкой атлетике. Надпись, установленная странствующим синодом александрийцев в честь Флавия Архибия,^[271] и записывающая длинный список его побед, пестрит непрекращающимся рефреном "первый из человечества". Например, на Пифийском фестивале он выиграл панкратион в одну Пифиаду, панкратион и борьбу в следующую, панкратион снова в следующую, "первым из человечества". Аналогично, Марк Туллий из Апамеи в Вифинии называет себя "первым боксером всех времен", одержавшим определенную серию побед. Подобные фразы встречаются постоянно. Отрывок из *"Естественной истории"* Плиния^[273] свидетельствует о том, что в Риме велись рекорды в беге на длинные дистанции, а бег на время был популярным развлечением. После описания различных силовых подвигов он отмечает, что рекорды в беге на длинные дистанции часто побивались. Рекорд Фидиппида, говорит он, долго держался до Филонида, а Анистис во времена Александра пробежал от Сикиона до Элиды и обратно, расстояние в 1300 стадий, за один день. "В цирке, - добавляет он, - мы

знаем, что некоторые атлеты пробегали 160 миль за день; а недавно, в консульство Фонтя и Випсания, юноша восьми лет (несомненно, ошибочно восемнадцати) пробежал 75 миль между серединой дня и закатом". Точность утверждений Плиния об атлетике не вызывает сомнений, но этот отрывок является хорошим свидетельством практики того времени.

Второй век был веком антиквариата. Сознвая собственную неполноценность, люди пытались компенсировать отсутствие оригинальности изучением и воспроизведением форм прошлого, несмотря на то, что эти формы утратили свое значение. Письма этого периода изобилуют ссылками на великих атлетов прежних времен. Лукиан Самосатский подробно излагает старый атлетический идеал в своем диалоге "Анахарсис", в котором он заставляет Солона защищать греческую атлетику от критики варваров. Суть его аргументов в том, что атлетика делает человека лучшим и более полезным гражданином и позволяет ему служить своему городу в мире и на войне. Но, увы, у космополитичного грека его времени уже не было города, который нужно было защищать, и призыв к гражданскому патриотизму не имел большого веса среди людей, претендовавших на гражданство полудюжины городов одновременно. Филострат, столь же восторженный поклонник старых атлетов, пытается найти лекарство от атлетического вырождения своего времени путем возвращения к более простым и рациональным методам тренировок прошлого. Но его призыв также остался без внимания. Легкая атлетика стала монополией профессиональных тренеров и шарлатанов, которые рассматривали ее лишь как источник корыстной наживы.

Олимпия, прежде всего, была обращена к античному духу эпохи. Именно путешественнику и антиквару Павсанию, посетившему Элиду в 173 году н. э., мы обязаны своими знаниями о фестивале. Масса подробностей, которые он почерпнул из официальных путеводителей по Олимпии, свидетельствует о том интересе, который вызывал фестиваль. Флегон из Тралл, как и Аристотель в македонские времена, переработал и отредактировал Олимпийский реестр, сделав его хронологической основой своей истории с 776 года до н. э. по 137 год н. э. Один С. Асиний Квадрат довел свое рвение к Олимпии до такой степени, что поместил основание Рима в год первой Олимпиады, за что в качестве акта лести получил от элейцев памятник, "потому что почитал Олимпию и словом, и делом". Другие, не довольствуясь хронологией, которая восходила только к Короебу, придумали новую олимпийскую эру на 800 лет раньше. На дискосе с надписью, посвященном Публию Асклеиаду, пятиборцу из Коринфа, дата указана в соответствии с двумя хронологиями, Ol. 255 и Ol. 456! а также по имени Алитарха за год, "Флавий Скрибониан, родственник сенаторов и консулов". Архаизм приобрел более практическую форму в детальном соблюдении церемоний и обычаев. В надписи Клавдия Руфа, упомянутой в предыдущей главе, его особенно хвалят за то, что он усердно занимался на виду у элланодиков "в соответствии с исконным обычаем игр". Наши знания об обычаях праздника почерпнуты главным образом из авторов этого периода. Мы уже видели, как эти обычаи воспроизводились в новых праздниках.

Ни одно государство не сохранило под римским владычеством такой большой независимости, как Спарта. В 214 году н. э., когда Каракалла появился в Греции в качестве второго Александра, чтобы возглавить новую войну против Востока, он обратился за помощью к Спарте; и Спарта, как свободное федеративное государство, послала два полка добровольцев, носящих проверенные временем названия Лаконского полка и полка Питаны, в качестве своего вклада в то, что в надписи названо "самым удачным союзом против персов". Раскопки, проведенные Британской школой в Афинах, пролили свет на историю и состояние Спарты в этот период.^[275] Мы видим ее процветающим провинциальным городом с римскими укреплениями, театром, банями и пригородными виллами. Но, хотя внешне

Спарта изменилась, она еще крепче держалась за традиции и обычаи, доставшиеся ей от Ликурга. Любовь к архаизму, характерная для этого периода, проявилась в преувеличенном возрождении ликурговой дисциплины. Спарта на протяжении веков не принимала практически никакого участия в атлетической истории Греции. Единственной целью ее физического воспитания была выработка выносливости, и высшим испытанием этой выносливости был так называемый "Конкурс выносливости" с помощью последовательных бичеваний, которые проводились на алтаре Артемиды. Сам алтарь был обнаружен на месте более ранних алтарей, где с незапамятных времен проходила эта древняя церемония. О том, какой интерес вызывало это состязание в римские времена, свидетельствуют многочисленные упоминания у современных авторов, а еще больше о том, что ближе к концу второго века нашей эры вокруг алтаря был построен большой театр для удобства зрителей. Надпись, обнаруженная в Артемизиуме, сообщает о победе мальчика в этом состязании. Греческие писатели представляют состязание как гуманную замену человеческих жертвоприношений; но профессор Босанкет^[276] показал, что есть все основания думать, что греческая традиция ошибается в значении церемонии, которая берет свое начало в древней ритуальной практике порки мальчиков, пытавшихся украсть сыры с алтаря; и что "Конкурс выносливости" был жестоким преувеличением старой практики, вызванным поздним и искусственным возрождением ликургской дисциплины. Это, конечно, частично оправдывает пренебрежительный тон, в котором Филострат говорит о спартанской атлетике.

Если Спарта мало участвовала в больших соревнованиях, то у нее были свои игры и свои состязания. Одно из них, Леонидея, проводилось в честь тех, кто пал при Фермопилах. Были обнаружены две надписи, содержащие правила проведения этого фестиваля, который, судя по всему, был реорганизован примерно во времена Нервы.^[277] Это был ежегодный фестиваль, и к участию в нем допускались только спартанцы. Возможно, именно поэтому в программу входил панкратион - состязание, в котором не мог участвовать ни один спартанец на других фестивалях. Наиболее интересны надписи, относящиеся к определенным играм, в которых соревновались команды спартанских мальчиков. Покойный мистер Кеннет Фриман в своей книге *"Школы Эллады"* утверждал, что прототип английской государственной школы был найден в спартанской системе образования. Безусловно, спартанские игры больше похожи на наши английские игры, чем любые другие игры, известные нам в древнем мире. Игра "Платанисты" проводилась на острове, окруженном рвом, между двумя командами мальчиков, которые, вступая на землю по мостикам с обоих концов, стремились с помощью борьбы, ударов, пинков и укусов загнать своих противников в воду. За исключением отсутствия мяча, эта игра имеет значительное сходство с примитивной футбольной схваткой до введения каких-либо из существующих правил, и, как мы увидим, игры с мячом имели большое значение в Спарте. Игра в платанистов, как и бичевание, возможно, возникла в результате ритуальной практики, обозначаемой жертвоприношением кабана, но во времена Павсания в нее определенно играли в описанной форме.

Ряд надписей, за одним исключением относящихся ко времени Антонинов, посвящены победам, одержанным командами игроков в мяч на каких-то ежегодных соревнованиях.^[278] Название σφαίρεις давалось спартанским юношам в первый год их мужественности. Состязания проходили в Дромосе под руководством бидеи - совета из пяти должностных лиц, отвечавших за проведение платонов и других эфебских игр. Команды представляли местные районы Спарты, называемые обэ, и кажется вероятным, что расходы, связанные с командой, обеспечивал местный чиновник обэ, διαβητής, который упоминается в надписях. Каждая команда была под началом капитана, называемого πρέσβυς, но количество членов в команде невозможно определить из-за повреждения надписей. По всей видимости, их было не менее пятнадцати. Соревнования проводились по турнирной системе, так как в

нескольких надписях зафиксирован факт, что команда-победительница не разыграла ни одного очка. К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, как проходила игра.

Еще более многочисленная группа надписей, найденных в Артемизиуме и относящихся в основном к тому же периоду, состоит из посвящений Артемиде в честь побед, одержанных командами юношей в определенных музыкальных и атлетических соревнованиях.^[279] Участники соревнований, по-видимому, в основном были в возрасте около десяти лет, возраст, обозначаемый термином *μικίζόμενοι*, и в каждой команде был капитан, *βοαυός*, выбранный, возможно, по семейным обстоятельствам, который носил это звание пожизненно. Однако, по-видимому, существовали подобные соревнования и для старших мальчиков, поскольку одна из надписей посвящена *βοαυός*, чья команда добилась успеха в соревнованиях для мальчиков, а также в соревнованиях для двадцатилетних юношей (*εἵρενης*). Упоминаются два музыкальных состязания, названные, соответственно, *Μῶα* и *Κελῆα*, точный характер которых определить невозможно. Третье состязание носит название *Καθηηρατόριον*, которое, по-видимому, описывает какую-то грубую игру, напоминающую охоту на диких зверей, возможно, что-то вроде игры в плен. Победитель увенчивался лавровым венцом и получал в качестве приза серп, который был прикреплен к табличке с надписью и посвящен Артемиде. Наличие музыкальных состязаний говорит о том, что узость спартанского образования была, возможно, преувеличена греческими историками. Большая часть наших знаний о Спарте почерпнута из рассказов ее врагов.

Несмотря на все эти внешние признаки атлетической жизни, авторы этого периода не оставляют нам сомнений в реальном характере атлетического возрождения. Мы больше не вынуждены делать выводы из сомнительных свидетельств случайных упоминаний; в работах Плутарха, Галена и Филострата мы имеем конкретные трактаты о физической культуре и гимнастике. Как бы ни различались точки зрения этих авторов, они сходятся в осуждении атлетики своего времени и доказывают, насколько далек от воплощения был старый идеал, изложенный Лукианом и Дионом Прусским. Этот старый идеал, в котором культура тела и ума шла рука об руку, был неотделим от идеала свободного гражданства, когда каждый гражданин был одновременно и воином, и политиком, и когда развивать ум и тело в полной мере, на которую каждый из них был способен, было долгом, который гражданин должен был выполнять перед государством. Все это давно изменилось; война теперь была делом профессиональных солдат, политика - имперского правительства. У человека, отброшенного к самому себе, не было других интересов, кроме личной выгоды и удовольствия. Спекулятивная и мистическая философия и религия научили людей презирать тело, и, как следствие, тренировка тела больше не сохраняла своего значения в образовании. Гимнастика, лишившись своего удела в образовании, ограничилась подготовкой профессиональных спортсменов, которые развивали тело, но пренебрегали разумом. Но по мере того как жизнь становилась все более сидячей и менее активной, требования к телу вновь заявили о себе: охота была невозможна, за исключением немногих, игры в большинстве мест не имели большого значения, поэтому возникла необходимость в искусственных упражнениях, и эту потребность удовлетворила медицинская гимнастика, направленная на укрепление здоровья. Римляне, хотя и презирали атлетику, понимали важность физических упражнений для поддержания здоровья. Баня и массаж были неотъемлемой частью этой гимнастики, а предписанные упражнения включали ходьбу, легкий бег, прыжки вверх и вниз, использование алебард в качестве гантелей, метание дискабола и копья. Оздоровительная культура имеет свое применение для людей, ведущих сидячий, искусственный образ жизни, но это не атлетика; не физическая тренировка или гимнастика, если использовать это слово в его ограниченном современном смысле, - как бы ни была ценна такая тренировка в воспитании молодежи, особенно в густонаселенных

городах. Но культура здоровья и гимнастика лишены той моральной ценности, которую дружеское соперничество придавало когда-то греческой атлетике и придает сегодня играм в наших государственных школах. Профессиональная атлетика также лишена этой моральной ценности; ведь когда средства к существованию зависят от успеха, соперничество перестает быть дружеским, и открывается дверь для коррупции. И культура здоровья, и профессионализм далеки от истинного греческого идеала атлетики.

Мнение Плутарха об атлетике своего времени видно из многих отрывков его "Жизни", на которые мы уже ссылались. Его трактат "О сохранении здоровья", предназначенный в основном для обычного делового человека среднего возраста, едва ли касается нас, за исключением того, что он постоянно осуждает искусственные и нездоровые тренировки, которым подвергались атлеты. Гален и Филострат так мало известны обычному читателю, а их труды так важны, что без некоторого рассказа о них не обойтись.

Гален родился в Пергаме в 130 г. н. э., изучал философию и медицину в Александрии, Смирне и Коринфе. В Александрии он был назначен врачом в школу гладиаторов. В возрасте тридцати четырех лет он приехал в Рим, где стал другом и врачом императора Марка Аврелия, но через несколько лет вернулся на родину. Его богатый опыт общения с людьми и странами, знание медицины и анатомии, широта ума и бесстрашная любовь к истине делают его суждения особенно ценными. Он написал множество работ о здоровье, но для нас наиболее важны две: его эссе "Упражнения с малым мячом", мастерски излагающее истинные принципы физических упражнений, и "Увещевание к искусству", направленное против профессиональной атлетики.

Лучшие из всех упражнений, говорит он в своем трактате "Игра с мячом", - это те, которые сочетают телесные нагрузки с умственным отдыхом, такие как охота и игра в мяч. Но игра в мяч имеет то преимущество перед охотой, что ее дешевизна делает ее доступной для самых бедных, и даже самый занятой человек может найти для нее время. Кроме того, ею можно заниматься с любой степенью жестокости или умеренности, в любое время и в любых условиях. Она тренирует все части тела, ноги, руки и зрение, и в то же время доставляет удовольствие уму. В отличие от атлетических упражнений, которые делают мужчин медлительными или производят одностороннее развитие, игра в мяч вырабатывает силу и активность, а значит, тренирует все те качества, которые наиболее ценны для солдата. Наконец, она свободна от опасностей и не подвергает игрока всем тем несчастным случаям, которые слишком часто оставляют борца, "как гомеровского Литая, либо остановившимся, либо искаженным, либо вообще лишенным какой-либо конечности". Практика игры в мяч представляет особый интерес в связи с тем значением, которое она имела в Спарте. Эти игры должны были различаться по характеру почти так же сильно, как и те, с которыми мы знакомы сегодня, и лучшей защиты таких игр никогда не было написано, хотя мы можем сомневаться, что Гален одобрил бы ту степень, до которой они дошли в наши дни.

Видимая цель "Наставления" - призвать людей посвятить себя какому-то искусству или профессии, которая продлится всю их жизнь; но реальный предмет рассуждения - заслуживает ли атлетика звания искусства или профессии. *τέχνη* определяется как имеющая своей целью "улучшение жизни", и поэтому не может быть искусства в кувыркании или хождении по канату. Приносит ли жизнь атлета пользу самому атлету или государству? На этот вопрос Гален отвечает категорически: "Нет". "Разум выше тела, ибо разум мы делим с богами, а тело - с животными. В благах разума атлеты не имеют никакой доли. Под массой плоти и крови их души зажаты, как в море грязи. Не пользуются они и лучшими благами тела. Пренебрегая старым правилом здоровья, которое предписывает умеренность во всем, они проводят свою жизнь в чрезмерных упражнениях, переедании, недосыпании, как свиньи.

Поэтому они редко доживают до старости, а если и доживают, то становятся калеками и подвержены всевозможным заболеваниям. У них нет ни здоровья, ни красоты. Даже те, кто от природы хорошо сложен, толстеют и раздуваются; их лица часто бесформенны и некрасивы из-за ран, полученных в боксе или панкратионе. Они теряют глаза и зубы, а их конечности напрягаются. Даже их хваленая сила бесполезна. Они могут копать и пахать, но не могут сражаться. Они не могут переносить жару и холод, не могут, подобно Гераклу, носить одну одежду летом и зимой, ходить без обуви и спать на открытой земле: во всем этом они слабее новорожденных младенцев". Такова картина, которую рисует Гален о профессиональных атлетах своего времени, большинство которых, как мы видели, были боксерами и борцами; и мы можем судить о правдивости этой картины по мозаикам в банях Каракаллы, где мы видим представленные во всей их жестокости и грубости портреты тех профессиональных призовых борцов и атлетов, которых деградировавшая и неатлетическая толпа и двор Рима с удовольствием чествовали (рис. 23).^[280] Вот они стоят с их неуклюжими, непропорциональными телами, их покрытые шрамами и увечьями лица, их маленькие и безмозглые головы, которые становятся еще более отвратительными из-за узла (cirrus), в который завязаны их скудные волосы. Это последняя стадия упадка атлетики, начавшегося за много веков до этого с преувеличенных почестей, воздаваемых простой телесной силе, той низшей природе, которую человек разделяет с животными и в которой он должен оставаться ниже животных". Гален заканчивает свою аргументацию, вставляя этот урок в притчу, в которой он представляет себе Олимпию, куда глашатаи созвали всех животных для состязания. Человек не выиграет ни одного состязания. Лошадь выиграла бы длинную скачку, заяц - короткую, олень - диаулос. Ни один из преемников Геракла не смог бы сравниться со львом или слоном. И я ожидаю, говорит он, что бык выиграет корону в боксе, а осел в поединке ногами унесет корону". Да, и в продуманной истории осла будет записано, что "однажды он победил человека в панкратионе, и что это была двадцать первая Олимпиада, когда победил Брейер".

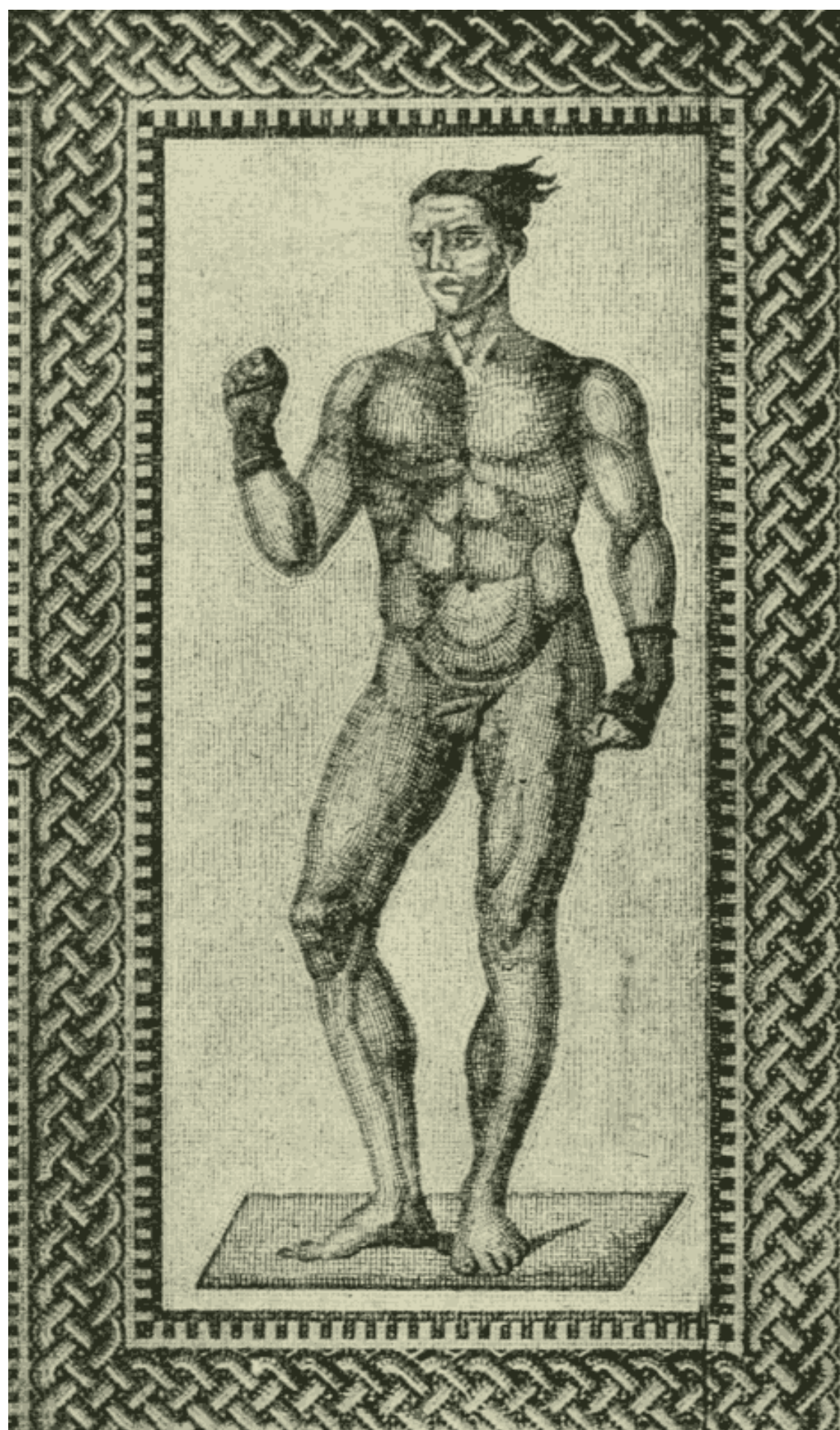

Рис. 23. Профессиональный боксер, из мозаики в термах Каракаллы. Латеран.

Атлеты второго века должны, по крайней мере, обладать определенной грубой силой, но в поколении, сменившем Галена, даже их сила упала, если верить утверждению Филострата, писавшего в первой половине третьего века. Его работа о гимнастическом искусстве читается как ответ на нападки Галена на атлетику и отличается сильным предубеждением против медиков, которых он считает виновными в том, что атлетика была извращена введением нелепых и унижительных правил питания.^[281] Под гимнастикой он понимает искусство подготовки атлетов, которое в противовес Галену он описывает как искусство, не уступающее никакому другому и сходное искусством врача и пайдотрибов. Последний занимается только собственно упражнениями и движениями, в то время как тренер требует знания человеческого тела, которое позволяет ему в каждом конкретном случае предписать диету и тренировки, необходимые для исправления любого дефекта. Таким образом, гимнаст лечит упражнениями и массажем болезни, для лечения которых врач использует зелья, пластыри, и примочки. Ухудшение телосложения атлетов Филострат приписывает порочной системе тренировок, обусловленной в первую очередь шарлатанством врачей.

Валетудинаризм второго века породил, как это всегда бывает, множество самозванцев с шарлатанскими системами и правилами здоровья, некоторые из которых были привнесены в атлетику. Медицина, говорит Филострат, изнежила атлетику, сделала спортсменов изящными и роскошными. Им велено долго сидеть, набив рот едой, прежде чем приступить к упражнениям. Их рацион состоит из приправленных хлебов, рыбы и свинины. Разным видам рыбы приписываются разные качества; свинина должна быть от свиней, которых кормят только кизилковыми орехами и желудями и не выращивают вблизи моря или рек. Все мы знаем подобные причуды; наш век породил не менее абсурдные системы подсчета очков. Изобретатели таких систем всегда настаивают на том, что их пациенты должны следовать их правилам, не отклоняясь от них ни на йоту. Так и греческие тренеры разработали жесткие и жесткие системы тренировок, которые они применяли безразлично ко всем, как к мальчикам, так и к мужчинам, без какого-либо учета индивидуальных потребностей. Мальчики, которых тренировали по тем же принципам, что и мужчин, теряли всю естественную для их возраста живость и активность и становились ленивыми, тяжелыми и неповоротливыми. Самой абсурдной из этих систем была известная как "Тетрада" - схема работы в течение четырех дней, по которой регулировалась жизнь атлета. Для каждого дня была своя работа. Работа первого дня, состоящая из легких и быстрых движений, "готовила" атлета; второго - "растягивала" его и проверяла все его силы выносливости; третьего - "расслабляла" его с помощью мягких движений; четвертого, состоящего, по-видимому, из защитных движений, оставляла его в среднем состоянии.

Таков несколько туманный рассказ о тетраде.^[282] Она явно предназначалась для панкратистов и боксеров, которые практически составляли весь класс профессиональных спортсменов. Принцип постепенного увеличения и уменьшения работы, на котором она основана, абсолютно обоснован и является одним из основных принципов системы физической подготовки "Линг". Ошибка заключается в невежественном и педантичном применении этого принципа. Не допускалось никаких отклонений от распорядка, и не учитывалось реальное состояние человека. Филострат рассказывает историю о современном атлете Герении, который через три дня после олимпийской победы отпраздновал свой успех банкетом, на котором ел и пил то, к чему не привык. На следующий день, страдая от несварения желудка и недосыпания, он, как обычно, отправился в гимнастический зал и, подвергнутый раздраженным тренером более суровому, чем обычно, курсу упражнений, фактически умер под его воздействием. Тетрады, говорит Филострат, разрушили все атлетические тренировки, и цель его книги - показать абсурдность таких

искусственных систем и, внедрив более разумные принципы атлетики, вернуть славу стадиону. Главный принцип, который он прививает, - это необходимость глубокого знания человеческого тела и соответствия тренировок потребностям человека. Он подробно обсуждает различные физические качества, которые лучше всего подходят для разных видов спорта, - качества боксера, борца или бегуна, - и дает причудливую классификацию различных типов атлетов: тип льва, тип орла, тип медведя, тип доски, тип каната! Он глубоко почитает традиции Олимпии и считает элеатов единственными хранителями атлетических преданий, принимая все, что они ему рассказывают, с детским простодушием. С большим здравым смыслом он смешивает такое количество риторики и вычурности, какое мы могли бы ожидать от левоверного биографа Аполлония Тианского, что серьезно снижает практическую ценность его работы.^[283]

С Филостратом наша история подходит к концу. Олимпийские записи Африкана заканчиваются на Ol. 249 (217 г. н. э.); последний победитель, зафиксированный в олимпийских надписях, - глашатай Валерий Эклект из Синопы, победивший в состязании глашатаев в Ol. 256 и трех последующих Олимпиадах; списки олимпийских чиновников прекращаются почти в то же время. Римская империя была вовлечена в отчаянную борьбу с полчищами вторгшихся готов, и в этой борьбе греки снова были призваны сражаться за свою страну. Готы были отбиты, но последовавшее за этим молчание слишком ясно говорит о последствиях их опустошительных действий. Конец был близок. До сих пор греки сохраняли некое подобие политической свободы, но политика централизации и унификации, введенная Константином, уничтожила последние остатки городского государства. Древние праздники Греции были оплотом язычества, а потому признавались величайшим препятствием для христианства, принятого теперь в качестве императорской религии. Дельфы были разобраны Константином, а их сокровища вывезены, чтобы украсить его новопостроенный Ипподром в Константинополе, и во времена Юлиана их место было заброшено. Олимпийский фестиваль был отменен императором Феодосием, хотя точно не известно, Феодосием I или Феодосием II. Согласно общепринятой традиции, он был отменен в 393 году Феодосием I. Император задался целью уничтожить все остатки язычества, но в 390 году он навлек на себя недовольство всемогущего святого Амвросия своей жестокой расправой над фессалоникийцами и был вынужден публично покаяться за свой грех. Был ли эдикт, отменивший Олимпию, знаком его возрожденного рвения к праведности? Как бы то ни было, последним олимпийским победителем, чье имя нам известно, был армянский принц Вараздат, выигравший боксерский поединок в Ol. 291 (385 Г. Н.Э.). Вараздат вел свой род от Арсакидов и впоследствии был посажен Феодосием на трон Армении. В том, что на празднике, который больше всех других связан с войной эллинизма с варварством, последний победитель был родом не из Эллады, а из страны ее наследственных врагов, есть своя патетическая ирония.

ГЛАВА IX

ОЛИМПИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Рис. 24. Статеры из Элиса в Британском музее (увеличено). V век. (a) Голова нимфы Олимпии. (b) Сидящая Победа с пальмой; оливковая веточка внизу.

Многие детали и правила, связанные с олимпийским праздником, уже упоминались в предыдущих главах, где читатель может легко найти их, обратившись к указателю. В данной главе мы попытаемся дать некоторое представление о самом празднике, как он существовал в V веке. Прежде всего, мы должны отметить, что детали фестиваля находятся в глубочайшей неясности, в основном из-за того, что большая часть нашей информации получена от поздних авторов, чьи свидетельства о том, что происходило за пять или шесть сотен лет до их времени, всегда должны приниматься с определенной долей осторожности. Тем не менее, религиозный консерватизм нигде не был так силен, как в Олимпии, и многое, что записано во втором веке нашей эры, существовало с небольшими отличиями в пятом веке до н.э. Поэтому, хотя многие детали остаются неясными, мы можем с достаточной уверенностью говорить об общих чертах фестиваля.

Праздник проходил во второе или третье полнолуние после летнего солнцестояния, в месяцы Аполлоний и Парфений соответственно.^[284] Его дата была установлена циклом в восемь лет или девяносто девять месяцев, причем расхождение между годом из двенадцати лунных месяцев и солнечным годом исправлялось добавлением трех интеркалярных месяцев, одного в первые четыре года, двух в вторые. Таким образом, он выпадал попеременно то через сорок девять, то через пятьдесят лунных месяцев. Четырнадцатый день месяца, по-видимому, считался днем полнолуния, хотя фактическое полнолуние варьировалось от 14-го до 15-го. Этот день, должно быть, с древнейших времен был центральным днем фестиваля.^[285] Греческий день отсчитывался от захода до захода солнца, а поскольку греческий обычай требовал, чтобы жертвы олимпийским богам приносились утром, до середины дня,^[286] следует, что великая жертва Зевсу приносилась на следующее утро после полнолуния. Праздник длился пять дней. Согласно Геродоту, историку V века, пятидневный праздник был установлен Гераклом.^[287] Безусловно, он длился пять дней во времена Пиндара.^[288] Схолиасты разных дат, утверждая, что он длился пять дней, говорят, что он начинался 10 или 11 числа и продолжался до 15 или 16.^[289] Это расхождение может быть связано с уже отмеченным изменением даты полнолуния, а скорее всего, с добавлением к празднику одного или нескольких предварительных дней, вызванных необходимостью в более поздние времена умножить число состязаний и религиозных церемоний. На эти дни,

возможно, переносились предварительные дела праздника, но они не считались частью самого праздника. Седьмая ода Вакхилида, написанная в честь Лакхеса из Сеоса, победившего в состязаниях мальчиков в 452 году до н. э., неопровержимо доказывает, что в этот год праздник заканчивался на шестнадцатый день. Если в таком случае праздник длился пять дней, то четырнадцатый, день полнолуния, был центральным днем всего фестиваля. Признание важности этого факта принадлежит Людвигу Венигеру, чьи выводы я в основном принял на следующих страницах.

Эти пять дней включали в себя жертвоприношения, спортивные состязания и пиры. Жертвоприношения и пиры, как частные, так и общественные, составляли часть программы каждого дня, особенно первого и последнего дней, которые должны были быть в значительной степени, если не полностью, заняты такими церемониями. Сколько дней было посвящено собственно спортивным состязаниям, мы не знаем. Один схолиаст утверждает, что они проводились в течение пяти дней,^[290] но это утверждение ничем не подкреплено и, конечно же, не относилось к более ранним временам. Рост программы должен был время от времени приводить к корректировке и увеличению времени, отведенного на соревнования. Такое продление произошло, согласно Павсанию, в Ol. 77, хотя, конечно, оно вступило в силу только в Ol. 78. "Порядок состязаний, - говорит он,^[291] - существующий в наше время, а именно: жертва богу приносится после пятиборья и скачек, - этот порядок был введен в 77-й Олимпиаде. До этого соревнования для мужчин и лошадей проводились в один день. Но в этот раз участники панкратиона задержались до ночи, не получив своевременного вызова, и задержка была вызвана скачками и еще большим пятиборьем". Этот отрывок не дает оснований утверждать, что в это время продолжительность фестиваля или количество дней, отведенных на спорт, внезапно увеличилось с одного дня до пяти. Он также не доказывает, что до этой даты все соревнования для людей проходили в тот же день, что и для лошадей, а после этой даты - *ни одного*. Если придерживаться буквального значения этих слов, то можно утверждать, и так оно и было, что с этой даты отдельный день отводился для скачек и отдельный день для пятиборья. К сожалению, у нас есть определенное заявление Ксенофонта^[292], доказывающее, что в Ol. 104 конные состязания предшествовали пятиборью в один и тот же день. Те, кто утверждает, что они проводились в разные дни, вынуждены^[293] отвергать свидетельства писателя-современника, который много лет жил в окрестностях Олимпии, в пользу сомнительной интерпретации неясного и плохо выраженного отрывка, написанного путешественником, который обязан своей информацией посещению Олимпии примерно пятьсот лет спустя. Альтернативный вариант - предположить, что после Ксенофонта для скачек был выделен отдельный день, предположительно в то время, когда программа этих мероприятий была расширена до шести. Но это всего лишь предположение. Все, что мы можем определенно утверждать, это то, что после Ol. 77, пятиборье и конные состязания были перенесены на *день перед жертвоприношением богу*.

Что такое "жертвоприношение богу"? И когда оно проводилось? От ответа на эти вопросы зависит интерпретация отрывка Павсания и реконструкция порядка проведения праздника. Не приходится сомневаться, что жертвоприношение было официальным подношением гекатомбы Зевсу Олимпийскому от элейцев.^[294] Принято считать, что оно произошло 16-го, в последний день фестиваля, и, конечно, естественно связать его с официальным банкетом в Пританеуме, который состоялся вечером того же дня. Такое расположение, естественно, отвечает современным чувствам, требующим кульминации. Но у греков не было таких чувств, и есть масса свидетельств, доказывающих, что обычный порядок греческого праздника был таким: жертвоприношение, спорт, пир.^[295] То, что таков был древний порядок в Олимпии, ясно из двух од, в которых Пиндар описывает открытие игр Гераклом. В одиннадцатой "Олимпии" мы читаем, как Геракл, вернувшись победителем из Клеоны, выделил Алтис,

воздал почести реке Алфею и великим богам. Затем, принеся в жертву свою добычу, он назначил игры, и вечером участок, как во времена Пиндара, огласился "песнями праздничного ликования". Так же и в третьей оде: сначала он освящает алтари, а затем назначает игры. Схолиаст, комментируя эту оду, тщательно объясняет, что сначала наступало полнолуние, затем следовало жертвоприношение и "остальные состязания". Если игры следовали за жертвоприношением, то жертвоприношение не могло состояться 16-го, а скорее 14-го, на следующее утро после полнолуния. Говоря об "остальных состязаниях", он, конечно же, имеет в виду порядок проведения праздника в его собственное время, и эта фраза является сильным аргументом в пользу взглядов Венигера.

Смысл Павсания теперь ясен, и нет необходимости с современными редакторами считать, что отрывок безнадежно испорчен. До Ол. 78 все спортивные состязания следовали за жертвоприношением, в основном 15-го числа; но я не вижу причин, почему некоторые из них не должны были происходить во второй половине дня 14-го или даже 16-го числа. Предшествующие дни были заняты предварительными делами и различными религиозными церемониями. В Ол. 78 конные скачки и пятиборье были перенесены на 13-е число, день перед жертвоприношением. Некоторые из предварительных дел могли быть перенесены на 11-й день. Если впоследствии для скачек и пятиборья были выделены отдельные дни, или, как предполагает Венигер, соревнования мальчиков после введения панкратиона были перенесены на 12-е число, 10-й день также мог потребоваться для предварительных соревнований; но достаточных доказательств ни одного из этих изменений нет.

Такая же неопределенность царит и в отношении порядка проведения соревнований, а еще больше - в отношении их распределения по дням. Попытки доказать, что порядок был таким же, как тот, что сохранился в двух фрагментах Олимпийского реестра, должны, на мой взгляд, считаться неудачными. Порядок для пятого века, приведенный в папирусе Оксирина, таков: (1) Стад, (2) Диаулос, (3) Долихос, (4) Пятиборье, (5) Борьба, (6) Бокс, (7) Панкратион, (8) Пешие бега мальчиков, (9) Борьба мальчиков, (10) Бокс мальчиков, (11) Гонки в доспехах, (12) Гонки на колесницах, (13) Конные бега. В списке отсутствуют гонки на колесницах с мулами (ἄπτήνη) и скачки на кобылах, которые были прекращены после 444 г. до н. э. Список Флегона для Ол. 177 (72 г. до н. э.) согласуется с этим, за исключением того, что панкратион для мальчиков добавлен после других состязаний для мальчиков, а четыре новых конных состязания - после скачек в порядке их введения.

Принцип, использованный в этом списке, очевиден. Соревнования делятся на легкоатлетические и конные. Легкоатлетическая часть делится на соревнования для мужчин и соревнования для юношей. Каждый раздел расположен в том порядке, реальном или вымышленном, в котором различные соревнования были представлены. Единственное исключение - скачки в доспехах, которые помещены после состязаний мальчиков, что объясняется их поздним появлением, особым характером и тем, что они были последними в программе. Такое расположение совершенно просто и логично, но из этого не следует, что именно такой порядок был принят в спорте. Мы видели, что в 468 году до н. э. (Ол. 78) порядок был изменен, и мы знаем, что элланодики имели право изменять порядок при особых обстоятельствах. В Ол. 142, по просьбе Клитобаха, который соревновался и в боксе, и в панкратионе, они поставили панкратион перед боксом.^[296]

Из общей неопределенности вытекает несколько фактов

1. Плутарх определенно утверждает, что в Олимпии состязания мальчиков проводились раньше всех мужских,^[297] и нет причин не верить его утверждению. При составлении реестра

естественно поместить самые важные события первыми; при составлении программы это было бы нелепым антиклимаксом.

2. Все скачки проходили в один и тот же день, и, вероятно, раньше всех остальных состязаний для мужчин. Порядок их проведения сомнителен. Павсаний в своем рассказе о Политесе^[298] подразумевает, что сначала он выиграл долихос, затем стад-скачки, а в последнюю очередь - диаулос. Но практические соображения делают это маловероятным. Если только между соревнованиями не прошло значительное время, трудно представить себе, чтобы трехмильный бегун сразу победил на дистанции 200 ярдов с четвертью! Ученые авторы, обсуждавшие этот вопрос, кажется, забыли, что в стайерском беге и, возможно, в диаулосе существовал раунд предварительных забегов, который вполне мог усложнить порядок.^[299]

3. Борьба, бокс и панкратион проходили в один день и в одном порядке.^[300]

4. Гонка в доспехах была последним событием всей программы.^[301] Из слов Филострата следует, что она проходила в самый последний день фестиваля.

5. Пятиборье следовало за конными состязаниями и во времена Ксенофонта проводилось в один и тот же день, предшествующий жертвоприношению. До Ол. 78 эти состязания могли следовать за пешими скачками.

6. Когда состязания глашатаев и трубачей были введены в Ол. 96, они, естественно, проводились в первый день, так как победители получали привилегию выступить на празднике.

Конные и мужские пешие состязания проходили утром; пятиборье и тяжелые состязания, бокс, борьба и панкратион - после середины дня.^[302] Пятиборье и конные состязания, как мы знаем, во времена Ксенофонта проходили в один и тот же день, *то есть* 13-го числа. Пешие скачки и тяжелые состязания для мужчин также предположительно занимали один день, 15-е число.^[303] В этот день, конечно, не было времени для состязаний мальчиков, которые были недостаточно многочисленны, чтобы занимать целый день. Можно предположить, что они состоялись во второй половине дня 14-го числа. Таким образом, мы приходим к следующему вероятному расположению событий в период, начинающийся в 468 году до н. э.:-

Гонки на колесницах и лошадях	2-й день фестиваля (13-е число).
Пятиборье	
состязания мальчиков	Вторая половина 3-го дня (14-е число).
Мужские скачки	
Борьба, бокс, панкратион	4-й день фестиваля (15-е число).
Гонки в доспехах	

Неизвестно, когда и где короновались победители.^[304] Единственное определенное высказывание по этому вопросу принадлежит одному из поздних схолиастов, который утверждает, что призы раздавались на шестнадцатый день.^[305] В поддержку этого утверждения приводится начало седьмой оды Вакхилида, к сожалению, сильно искаженное, которое, по-видимому, связывает шестнадцатый день "с судом за быстроту ног и силу конечностей". Но можно отметить, что используемый здесь глагол ἐγκρίνω, как и ἀνὰ κρίσις, о котором говорит Пиндар, не обязательно подразумевает вручение призов, а в равной степени относится как к самим соревнованиям, так и к ликованию и пиру, в которых принимали участие все победители на шестнадцатый день. В то же время этот отрывок из

"Вакхилидов" вполне мог послужить поводом для примечания схолиаста о Пиндаре. С другой стороны, есть определенные аллюзии, которые, кажется, указывают на то, что победители короновались Элланодиками сразу после каждого события. Это, конечно, естественный вывод из истории, рассказанной Павсанием об Аполлонии, который, будучи дисквалифицирован элланодиками в боксе за слишком позднее прибытие, связал боксерские стринги и яростно напал на Гераклида, которому элланодики уже присудили корону, и у которого на голове уже была олива.^[306] Опять же, Агей, победивший в забеге на длинную дистанцию в 328 году до н. э., сразу же побежал домой в Аргос и сообщил о своей победе в тот же день.^[307] Конечно, он должен был получить корону первым. В противном случае он должен был вернуться той же ночью из Аргоса в Олимпию, чтобы получить свой приз на следующий день! Наконец, описанная Филостратом картина смерти Аррихиона, который умер в момент победы в панкратионе, представляет элланодиков в момент коронования.^[308] Сами истории причудливы, и их доказательства отнюдь не убедительны, но, согласуясь с несомненной практикой героического века,^[309] мне кажется вероятным, что победитель получал корону сразу после победы.

Теперь попробуем составить представление об олимпийском празднике середины V века, в момент наибольшей славы Олимпии, когда храм Либона был завершен, стадион и ипподром выложен, когда Пиндар и Вакхилид еще воспевали хвалу победителям, а Мирон и Поликлит увековечивали их в бронзе. Для удобства будут вставлены некоторые детали, которые могут относиться к более поздней дате, но в таких случаях факт будет отмечен.

За несколько недель до самого праздника три перемирия Зевса (σπονδοφόροι), в коронах из оливы и с посохами герольдов, отправились из Элиса, чтобы объявить священное перемирие всем государствам Греции и пригласить их на праздник. Перемирие началось с того момента, как они покинули Элиду, и длилось, вероятно, три месяца. В течение этого времени все участники соревнований и посетители, направлявшиеся на фестиваль или с фестиваля, пользовались его защитой, и никто не мог носить оружие на священной территории.^[310]

Участники соревнований были обязаны назвать свои имена к определенному сроку. Если они этого не делали, то подвергались штрафу или даже дисквалификации.^[311]

В более поздние времена - мы не знаем, когда был введен этот обычай, - они проходили тридцатидневную подготовку в Элисе под наблюдением элланодиков, которые сами проходили десятимесячную подготовку для выполнения своих обязанностей. В течение этого периода и во время самого фестиваля, вероятно, их размещали и кормили власти фестиваля. Обучение в Элисе отличалось суровостью: элланодики требовали абсолютного повиновения своим приказам и наказывали розгами за любое нарушение.^[312] Они проверяли способности атлетов, отвергая тех, кто не годился; удостоверяться в их происхождении и праве на участие в соревнованиях; прежде всего, они имели возможность судить о притязаниях мальчиков и жеребят на участие в соревнованиях в качестве таковых.^[313] Филострат рассказывает, что по окончании тренировки они собрали участников и обратились к ним^[314] словами, которые хорошо иллюстрируют высокий стандарт, поддерживаемый Олимпией даже при империи: - "Если вы упражнялись в спорте, то вы должны быть готовы к этому.

"Если вы упражнялись достойно олимпийского праздника, если вы не совершили ни одного небрежного или неблагородного поступка, продолжайте с хорошим мужеством. Кто не упражнялся, идите, куда хотите".

Вся компания покинула Элиду за несколько дней до праздника. Сначала шли элланодики и другие чиновники, затем атлеты и их тренеры, лошади и колесницы, их хозяева, жокеи и

погонщики. Они отправились по священному пути, который, огибая горы, шел вдоль береговой линии, пока не входил в долину Алфея. Путешествие длилось два дня. У фонтана Пиерия, отмечавшего границу между Элидой и Олимпией, делали привал, приносили в жертву свинью и совершали другие обряды очищения.^[315] Ночь прошла в Летрини, а на следующий день вся процессия двинулась по долине в Олимпию.^[316]

Тем временем в Олимпию стекались гости всех сословий со всех концов греческого мира. Одни приходили посмотреть, другие - быть увиденными; одни - ради удовольствия, другие - ради прибыли. Тираны и государственные деятели, поэты и философы, крестьяне и рыбаки - все они встречались в Олимпии. Весь греческий мир был представлен от Марсея до Черного моря, от Фракии до Африки. Крестьяне шли пешком по долинам Пелопоннеса, богатые классы - на колесницах или верхом. Река Алфей все еще была судоходной, в ее устье находился небольшой порт, и тираны и купцы с Запада могли доплыть на богатых баржах до самой Олимпии. Особенно пышными были официальные посольства из разных государств, каждое из которых стремилось затмить остальные. Для всей этой толпы в Олимпии было мало мест для размещения и обеспечения. Участники соревнований и члены посольств могли разместиться за государственный счет. Остальные должны были обеспечивать себя сами. Некоторые спали в палатках или деревянных домиках на равнине вокруг Альтиса, большинство же спало на земле под открытым небом - летом в Олимпии это не было большой проблемой. Поблизости не было ни города, ни даже деревни, и потребности собравшихся должны были обеспечивать торговцы, лоточники, разносчики, которые привозили провизию из страны и устанавливали грубые лавки и киоски, подобные тем, что можно увидеть сегодня на любой местной ярмарке.

Первый день фестиваля, возможно, предшествующий ему, был посвящен предварительным делам и жертвоприношениям. Не было никаких состязаний, за исключением, возможно, состязаний трубачей и глашатаев, которые были введены только в 396 году до н. э.; они проходили у входа на стадион, а соревнующиеся занимали свои места на алтаре. Вероятно, именно в этот день состоялась церемония в Зале Совета, описанная Павсанием.^[317] Там участники соревнований, их тренеры и друзья проходили торжественный осмотр. Они вставали перед статуей Зевса Хоркиоса, который был представлен с молнией в правой руке как предупреждение злодеям, и, принеся в жертву свинью, клялись на ее внутренностях не использовать нечестных средств для достижения победы, а также, что они тренировались в течение десяти месяцев достойным фестивалю образом. Церемония клятвы изображена на краснофигурном киликсе на рис. 132. Далее наступала очередь судей, которые принимали решение о допуске мальчиков и жеребят к состязаниям в качестве таковых. Они клялись выносить свои решения честно и без взяток, а также не разглашать причины своего решения. Затем составлялся окончательный список участников, который публиковался, возможно, на белой доске (λευκήματα).^[318] В течение дня должны были проводиться различные жертвоприношения, как общественные, так и частные, но об их деталях мало что известно. В течение всего года ежедневно совершались жертвоприношения у большого алтаря Зевса. Вероятно, в этот день приносили жертвы на шести двойных алтарях, о которых упоминает Пиндар, а на кургане Пелопса совершалось жертвоприношение крови.^[319] Участники состязаний и их друзья приносили жертвы и давали обеты на алтарях богов или героев, которых они считали своими покровителями или которые были особо связаны с событиями, в которых они состязались.^[320] Суеверные обращались к оракулам и прорицателям, чтобы узнать о своих шансах на успех.^[321] Толпа зрителей бродила по Алтису, любясь статуями из сокровищниц или новопостроенным храмом Либона, возможно, слушая какого-нибудь рапсода, декламирующего Гомера, или Геродота, читающего историю персидских войн, или посещая мастерскую к западу от Алтиса, где Фидий работал над своей статуей Зевса из

слоновой кости и золота. Здесь также можно было увидеть и поприветствовать друзей из дальних уголков Средиземноморья, которые после долгих лет, проведенных в колониях, вернулись, чтобы встретиться со своими родственниками и знакомыми в Олимпии.

Следующие дни были заняты спортивными состязаниями, на деталях которых нам нет нужды останавливаться. Они проходили на стадионе или ипподроме, некоторые из них, вероятно, на открытом пространстве к востоку от алтаря Зевса. Они начинались рано утром и продолжались весь день. Еще до рассвета все места были заняты. Сидений не было: зрители сидели или стояли на берегу стадиона или ипподрома, на склонах холма Кроноса, на рядах ступеней под сокровищницами, на каждом месте, откуда открывался вид на игры или церемонии. Они были без головы и сильно страдали от солнца, пыли и жажды. Однако ничто не могло заглушить их энтузиазма. Наблюдая за спортивными состязаниями, они кричали и подбадривали своих друзей и любимцев; в восторге они вскакивали со своих мест, размахивали руками или одеждой, обнимая в радости своих соседей.^[322]

Для элланодиков и участников состязаний был отведен специальный вход в северо-восточном углу Альтиса. Сводчатый туннель, служивший для этой цели в римские времена, существует до сих пор. Через него первыми входили элланодики, одетые в пурпур, с гирляндами на головах, и занимали свои места на отведенных для них местах.^[323] После них шли состязающиеся, и глашатай, объявлявший их имена, спрашивал, нет ли у кого-нибудь обвинения против кого-нибудь из них. Каждый день состязаний открывался глашатаем торжественным провозглашением.^[324] Иногда к собравшимся состязателям обращались элланодики или другие выдающиеся люди. О каждом событии по очереди объявлял герольд, вместе с именами соревнующихся, их отцов и городов. Возможно, имена писались на белой телеграфной доске (λεύκωμα). В случае соревнований, требующих забегов или ничьих, в присутствии элланодиков и зрителей проводилась жеребьевка. Жребий, обозначенный буквами алфавита, бросали в серебряную урну; каждый участник, произнеся молитву Зевсу, по очереди тянул один жребий, держа его в руке, но не глядя на него, пока все жребии не были вытянуты. Затем элланодики обходили и рассматривали жребий, соответственно расставляя забеги или состязания.^[325] Каждое состязание начиналось со взрыва трубы, и после каждого глашатай провозглашал победителя (рис. 37).

Мы видели, что оливковые короны, вероятно, сразу вручались победителям. Эти короны были сделаны из ветвей, срезанных со священного оливкового дерева, "оливы прекрасных корон", которое стояло за храмом Зевса. Они были срезаны золотым серпом мальчиком чистого греческого происхождения, родители которого были живы, и помещены на треножник. В то время, о котором мы говорим, старый железный треножник уже был заменен столом из слоновой кости и золота, изготовленным Колотесом, который хранился в храме Геры.^[326] Стол, вероятно, был установлен рядом с местами элланодикеев. Там, когда глашатай объявлял его имя, победитель выходил вперед, повязав голову шерстяными нитями, и главный элланодик возлагал на его голову оливковый венец, а в более поздние времена - пальму победы; в то время как зрители ликовали и осыпали его гирляндами, цветами и всевозможными подарками. Коронование победителя и осыпание его цветами (φυλλοβολία) изображены на интерьерах двух киликов, на рис. 25, 26.^[327] В случае ничьей или мертвой победы корона не присуждалась, а посвящалась богу; поэтому фразы ἱερὸν ποιεῖν, ἱερὸν γενέσθαι, *hieram facere*, используются для выражения мертвой победы или ничьей.^[328]

Рис. 25. Р.-ф. киликс. Bibliothèque Nationale, 532.

Рис. 26. R.-f. kylix. Коллекция Канино.

Вечером, под ярким светом полумесячной луны, участок огласился весельем и песнями. Победители и их друзья в праздничных нарядах, с гирляндами на головах проходили радостной процессией вокруг Альтиса, а толпы сограждан распевали под аккомпанемент флейты старый триумфальный припев Архилоха,^[329] или какой-нибудь новый гимн победы, написанный по этому случаю Пиндаром или Вакхилидом. Победители носили завоеванные короны, но нет оснований утверждать, что они посвящали их Зевсу; скорее, кажется, что они забирали их домой и посвящали в храмах своих городов. За процессиями следовали пиры, которые устраивали победители.^[330] Алкивиад после победы в гонках на колесницах устроил пир для всего собрания, позаимствовав для этого случая все блюда и сосуды, принадлежавшие афинскому терою. Анаксилай из Регия и его сын Леофрон праздновали свои победы подобным образом. Эмпедокл из Этны, будучи пифагорейцем, а значит, вегетарианцем, завел быка из дорогих специй, которого раздавал зрителям. Банкеты часто продолжались всю ночь, а утром победители давали обеты и приносили жертвы богам, которым они были обязаны своими победами.

Самой яркой из всех церемоний было большое жертвоприношение Зевсу утром после полнолуния. Победители, чиновники и представители различных государств величественной процессией шли к алтарю, где элейцы приносили в жертву гекатомбу из быков. Это была возможность для тероев продемонстрировать свое величие и богатство

своих городов. Поэтому можно понять негодование афинян по поводу Алкивиада^[331], когда вместо того, чтобы вернуть тероям сосуды, которые он позаимствовал для своего пира накануне вечером, он использовал их на следующее утро для своего личного жертвоприношения; так что когда несколько часов спустя афинские терои приняли участие в общественной процессии, положение изменилось, и величие государства выглядело лишь как отражение величия частного гражданина.

О жертвоприношениях, процессиях и ликованиях в последний день праздника мы не знаем никаких подробностей, кроме того, что вечером всех победителей пригласили на общественный банкет в Пританеуме. Награды и почести, которые они получали по возвращении домой, были описаны в предыдущей главе.

ГЛАВА X ПИФИЙСКИЙ, ИСТМИЙСКИЙ И НИМЕЙСКИЙ ПРАЗДНИКИ

Рис. 27. Императорские монеты из Дельф, хранящиеся в Британском музее (увеличено). (a) Призовой стол. (b) Корона из лавровых листьев.

(1) Пифия

Мы видели, как в 582 году до н. э. старый местный музыкальный фестиваль, который проводился в Дельфах каждые восемь лет, был преобразован в панэллинский четырехлетний фестиваль с атлетической и конной программой, скопированной с Олимпии под председательством амфикифонийской лиги. Дельфы стали вторым центром этой лиги, которая первоначально состояла из двенадцати племен, живших вокруг святилища Деметры в Филах или Антелах. Лигой управлял совет, состоявший из двух представителей от каждого племени, иеромнемонов, которые собирались дважды в год весной и осенью поочередно в Филах и Дельфах. Их осенняя встреча, должно быть, совпадала каждый четвертый год с пифийским праздником, который проходил в месяце Букатиос, примерно в конце августа. Амфикифонийский закон 380 года до н. э.^[332] содержит полные сведения об обязанностях иеромнемонов. Помимо общей заботы о священной территории, участке, памятниках и

доходах, они отвечали за все приготовления, необходимые для пифии. Они следили за ремонтом стадиона, ипподрома и других зданий, составляли программу, обеспечивали жертвоприношения и процессии, следили за тем, чтобы священное перемирие было должным образом объявлено, и рассылали приглашения в различные государства Греции, а каждый иеромнемон отвечал за состояние дорог и мостов, по которым официальные теоретики отправлялись на праздник. На самих играх некоторые из них, носящие титул ἑπιμεληταί, выступали в качестве распорядителей и судей, а также вручали лавровые короны победителям. Фактическое председательство на играх, по-видимому, обычно поручалось фессалийцам, чье влияние преобладало в лиге.

Хотя в качестве фестиваля Пифии уступали только Олимпии, можно сомневаться, что с чисто атлетической точки зрения они равнялись по значимости Немее или даже Истмий. Пелопоннес, как мы видели, был настоящей родиной греческой атлетики, и, кроме того, музыкальные состязания, похоже, всегда занимали главное место в Дельфах, что было вполне уместно в округе Аполлона. Главным событием музыкальной программы во все времена оставался древний гимн Аполлону, исполняемый на лире (κitharōidia) и повествующий о его победе над пифоном. Хрисотемис, Филаммон и Фамирис были одними из легендарных победителей этого состязания, которое, по преданию, в VII веке четыре раза подряд выигрывал Терпандр с Лесбоса. В 582 году были добавлены два конкурса: пение под флейту (aulōidia) - конкурс, который, однако, был сразу же прекращен, и соло на флейте, которое, как и древний гимн, представляло различные этапы состязания между Аполлоном и Пифоном. Это был знаменитый "Пифийский ном". В 582 году и в двух последующих случаях приз был завоеван Сакадасом из Аргоса, а Пифокриту из Сикиона приписывают не менее шести побед подряд, вероятно, в конце шестого века. Двенадцатая пифийская ода Пиндара была написана в честь победы Мидаса из Агригентума в игре на флейте. Музыкальная программа была дополнена в 558 году до н. э. введением состязания по игре на лире, имевшего несколько схожий характер. Первым победителем стал Агесилай из Тегеи. При империи драматические и поэтические состязания проводились в Пифии, но мы не можем сказать, существовали ли они раньше. Если верить сообщению Плиния^[333], в пятом веке, должно быть, проводились соревнования по живописи; он рассказывает, что Тимагор из Халкиса победил Панаина, брата или племянника Фидия.

Следующими по значимости после музыкальных состязаний были гонки на колесницах и скачки, которые по популярности соперничали даже с состязаниями в Олимпии. Поначалу они, как и в Олимпии, ограничивались состязаниями на четырех колесницах и скачками на лошадях. Гонки на парных колесницах (synwric) и гонки на колесницах для жеребят были введены в Дельфах в 398 и 378 гг. до н. э., всего через несколько лет после их появления в Олимпии. Оставшиеся два вида соревнований, синорис для жеребят и скачки для жеребят, которые были введены в Дельфах в 338 и 314 годах до н.э., появились в Олимпии только в следующем веке. Популярность скачек в Дельфах была обусловлена широким влиянием дельфийского оракула на греческие колонии, и особенно тесной связью Дельф с великими коневодческими землями Северной Греции, которые принадлежали Фессалийской Амфикинии; в более позднее время также влиянием Македона. Дельфы были не менее доступны, чем Олимпия, для греков по обе стороны Коринфского залива, а также для колоний Запада и Африки. Самым ранним победителем в гонках на колесницах был Клейстен из Сикиона, а в V веке мы находим среди победителей Мегакла, Алкмеонида из Афин; Гиерона из Сиракуз, дважды победившего в конных гонках и один раз в гонках на колесницах; Ксенократа из Агригентума, для которого Пиндар написал свой самый ранний гимн победы; и Аркесилая из Киринеи. Некоторые археологи предполагают, что "Возница" является частью памятника, посвященного победе Аркесилая.

Еще более значимым, чем эти имена, является количество участников. Пиндар в своей оде, посвященной победе Аркесилая, утверждает, что в этой гонке пало не менее сорока колесниц. Значит, участников должно было быть еще больше. Мы можем сомневаться, что такое поле было возможно в Олимпии. Принцы Запада могли составлять лишь небольшую часть участников; немногие из них могли решиться на расходы и труд, необходимые для участия в соревнованиях вдали от дома, если у них не было хороших перспектив на успех. Поле из сорока человек предполагает большое количество участников из родного района, а родной район Дельфы обеспечивал обильное количество участников. Северная Греция была страной лошадей, а значит, как заметил Аристотель, олигархий. Фессалия, в частности, славилась производством лучших лошадей в Греции, а Фивы - своими колесницами.^[334] В обеих странах власть была в руках землевладельческих классов, богатство которых в значительной степени заключалось в их табунах лошадей. В Фессалии впервые была организована и использована для войны конница. Фивам приписывается первая победа в гонках на колесницах, Фессалии - первая победа в конных состязаниях в Олимпии. Они отмечали местные праздники. Вторая пифия Пиндара посвящена победе Гиерона на колеснице на каком-то фиванском празднике - Гераклею или Иолаю, а тринадцатая ода Вакхилида отмечает победу Клеоптолема Фессалийского на фессалийском празднике Петреа. Некоторое представление о доле местных участников в Пифии можно составить по списку состязаний, приведенному в описании гонки на колесницах в *"Электре"* Софокла. В нем десять участников. Один - из Спарты, один - из Ахейи; сам Орест провозглашен аргивянином, но управляет упряжкой фессалийских лошадей; двое - ливийцы из Барки, что напоминает нам о победе Аркесилая; остальные пять - афиняне, беотийцы, этолийцы, магнезийцы и энийцы. Магнезийцы и энийцы были фессалийскими племенами, принадлежавшими к древней Амфикинии. Таким образом, пятеро происходили из Северной Греции, двое - из колоний, а трое - из Пелопоннеса, если считать, что ахейцы принадлежали к пелопоннесским, а не фессалийским ахейцам. Немногочисленные записи, которыми мы располагаем в четвертом веке и позже, свидетельствуют о том, что соревнования теперь практически ограничивались Северной Грецией, единственным исключением была победа Птолемея, сына Лагуса, в 314 году до н. э., а он, хотя и был царем Египта, был македонцем. Во втором веке, по-видимому, проводились конные состязания в связи с официальными делегациями, пифаидами, которые время от времени отправлялись из Афин в Дельфы; но эти делегации не имели обязательной связи с Пифийскими играми. В римские времена мы не находим упоминаний о конных или колесничных состязаниях в Дельфах, поэтому можно предположить, что из-за обнищания Греции эти соревнования прекратили свое существование.

Атлетическая программа была такой же, как и в Олимпии, с добавлением двух состязаний для мальчиков - диаулос и долихос. В 498 году до н. э. в Дельфах ввели скачки в доспехах, которые были введены в Олимпии за несколько лет до этого, а в 346 году до н. э. - панкратион для мальчиков, который появился в Олимпии только в 200 году до н. э. Сильный местный элемент, который мы заметили в скачках, проявился и в атлетике, а в V веке фестиваль также привлекал многочисленных атлетов из колоний Запада. Многие из тех, кто побеждал в Олимпии, побеждали и в Дельфах. Скучные записи не позволяют нам сделать определенные выводы, но кажется вероятным, что атлетические соревнования не достигали того же уровня, что и на фестивалях более атлетичного Пелопоннеса. Из отдельных атлетов пятого века особого упоминания заслуживают Фаиллус из Кротона и Агиас из Фессалии. Фаиллус, который с отличием служил в персидских войнах, одержал две победы в пятиборье и одну в беге на стадионе, в честь чего ему была поставлена статуя, основа которой существует до сих пор. Агиас был панкратиастом пятого века. Даос, член той же семьи, двумя поколениями позже установил в Фессалии группу бронзовых статуй, представляющих тех, кто отличился в

его семье, включая статую Агиаса работы Лисиппа. Копия этой статуи из мрамора была найдена в Дельфах (рис. 20).

Во времена Пиндара атлетические состязания, а также конные скачки проходили не в Дельфах, а на Крисейской равнине внизу. Конные состязания продолжали проводиться там, поскольку в самих Дельфах не было подходящего места для ипподрома. Но во второй половине V века атлетические состязания были перенесены на новый стадион, построенный над участком Аполлона. М. Гомолле связывает это изменение с попыткой фокийцев восстановить свои права на управление играми в начале Пелопоннесской войны.^[335] Четвертый век был периодом большой активности среди государств Северной Греции, в Фивах, Фессалии и Македонии, и пифийский праздник вновь приобрел то значение, которое он несколько утратил из-за сомнительной роли Дельф и северных государств в борьбе с Персией. Пифийские игры привлекали честолюбивых правителей Фессалии и Македонии так же, как Олимпийские игры привлекали тиранов более ранней эпохи. Ясон Ферейский узурпировал председательство на играх и готовился отпраздновать их с необычайным великолепием, когда его амбиции были пресечены убийством. Филипп Македонский был более политичен. Выступив на стороне амфикионов против фокийцев в Священной войне, он завоевал их признательность и был назначен ими президентом игр. О новой активности в Дельфах можно судить по многочисленным дополнениям к программе, сделанным в этом веке. В этот период был построен гимнасий, а Аристотель взялся за составление реестра пифийских победителей, в чем ему помогал его племянник Каллистрат. Копия этого реестра была помещена в храм Аполлона.^[336]

В 290 году до н. э. во время войны между Деметрием Полиоркетом и Пирром дороги, ведущие в Дельфы, оказались во владении этолийцев, и Деметрий приказал праздновать Пифию в Афинах, поскольку, по его словам, не было более подходящего места для поклонения Аполлону, чем Афины, где он считался отцом рода. О близких отношениях между Афинами и Дельфами в этот период свидетельствуют великолепные депутации, которые пифии, как их называли, время от времени посылали в Дельфы.^[337] Блеск пифий достиг своего апогея во втором веке. Их прибытие в Дельфы отмечалось конными, музыкальными и драматическими представлениями и состязаниями; но эти отряды не всегда совпадали с пифийским праздником, а после захвата Афин Суллой в 87 году до н. э. они практически прекратились.

Мы мало знаем о пифийских играх при империи: нам известны имена нескольких победителей, многие из которых участвовали в музыкальных или драматических состязаниях, другие - профессиональные периодоники. Нерон завоевал пифийскую корону, а в обмен на нее перевез из Дельф в Рим сотни произведений искусства. В более поздний период Ирод Аттик перестроил стадион в том виде, в котором он существует до сих пор. Пифийские игры еще существовали во времена императора Юлиана и, вероятно, были окончательно отменены в конце четвертого века, когда были упразднены Олимпийские игры.

Фестиваль должен был длиться несколько дней, но его точная продолжительность неизвестна. По всей видимости, сначала проходили музыкальные состязания, затем атлетические состязания и, наконец, гонки на колесницах и скачки. Состязания мальчиков не были, как в Олимпии, сгруппированы вместе; но каждое соревнование мальчиков предшествовало соответствующему соревнованию мужчин.^[338] Призом был венок из лавровых листьев, сорванных в долине Темпе мальчиком, родители которого были живы. Он изображен на одной из монет на рис. 27, а на другой монете изображен призовой стол, а на нем ворон, пять яблок, ваза и лавровый венок. Как и в Олимпии, победители имели привилегию воздвигать свои статуи на территории или рядом с ней. Главной религиозной

церемонией праздника должно было стать официальное шествие по священному пути к храму Аполлона.

Рис. 28. Императорская монета Коринфа, хранящаяся в Британском музее (увеличено).

(2) Истмия

Истмийский фестиваль, хотя и уступал по атлетическому уровню Олимпии и по святости Пифии, был, пожалуй, самым посещаемым из всех панэллинских фестивалей.^[339] Он проводился во второй и четвертый год каждой Олимпиады под председательством Коринфа; и хотя есть некоторые сомнения относительно точной даты, кажется несомненным, что он проводился весной, вероятно, в апреле или начале мая.^[340] Ни один фестиваль не был столь центральным и столь доступным для всех частей греческого мира, будь то суша или море, и ни одно место не предлагало таких бесчисленных развлечений для посетителей всех видов, как Коринф, город торговли и удовольствий. Описание толп, стекавшихся в Истмию в первом веке нашей эры, оставленное Дионом Хризостомом, уже цитировалось. Оно напоминает толпу на современных скачках, где принцы, государственные деятели, миллионеры толкаются с нищими, конюхами и точильщиками. "Истмийский фестиваль", - говорит Ливий,^[341] - "обязан своей популярностью не только национальной любви к состязаниям в искусстве, силе или ловкости, но и выгодному положению перешейка, который, омываемый ресурсами двух морей, был естественным местом встречи человечества, рынком Греции и Азии". В этих словах суммированы основные характеристики Истмий, привлекательность и разнообразие их программы, космополитизм и, наконец, их торговое значение. Ливий рассказывает о том времени в первые годы II века, когда Фламинин провозгласил свободу Греции на Истмийском фестивале. Мы не сомневаемся, что он также имел в виду возрожденное величие праздника в его собственное время, поскольку Коринф, разрушенный Муммием, был заново отстроен Юлием Цезарем и стал столицей Ахайи. О

более ранней истории праздника мы, к сожалению, знаем мало; но те немногие сохранившиеся сведения свидетельствуют о том, что с самого начала характер праздника мало отличался от того, что приписывают ему Ливий и Дион Хризостом.

Реорганизация древнего местного праздника в честь Посейдона в пангелльский trieteris, по-видимому, произошла либо в последние годы правления Кипселидов, либо вскоре после их падения. Эти князья заложили основу морского и торгового величия Коринфа, который под их покровительством занял лидирующие позиции в торговле, литературе и искусстве. С тех пор о его богатстве и роскоши ходили легенды; но богатство и роскошь - не та почва, на которой лучше всего расцветает атлетика. Коринф не был атлетическим государством; немногие великие атлеты были родом из него, и какая бы атлетическая бодрость ни существовала в ранние времена в таких семьях, как Олигаэтиды, она вскоре угасла. Характер Истмии не мог не определяться характером и отношениями Коринфа.

Коринф, хотя и был традиционно дорийским, имел мало общего с другими дорийскими государствами Пелопоннеса. Все ее симпатии были ионийскими. С ионийцами Востока ее тесно связывала торговля, которая была основой ее богатства, и общее поклонение Посейдону. Влияние Востока четко прослеживается в раннем искусстве Коринфа, особенно в его керамике. Столь же тесными были ее отношения с Афинами. Мы видели, что Тесей был одним из предполагаемых основателей Истмии, а афинские теоретики занимали особое привилегированное место на фестивале. Действительно, Истмия, похоже, считалась почти аттическим праздником и были поводом для веселья, своего рода общественным праздником для всех классов афинян, даже для рабов. Многие афиняне были лишены возможности посетить Олимпию из-за долгого пути, жары и других неудобств, связанных с самим праздником. Истмия не имела таких недостатков: до нее можно было добраться всего за несколько часов по суше или по морю; фестиваль проходил весной; Коринф предлагал достаточно жилья для тех, кто мог себе это позволить; те, кто не мог себе этого позволить, могли взять с собой палатки и расположиться поблизости. При таких обстоятельствах разумно предположить, что Истмия имела больше сходства с Панафинеей или даже с Делией, оба фестиваля которых, как говорят, были основаны Тесеем, чем с более напряженной Олимпией; и те немногие факты, которые мы знаем о программе, подтверждают эту мысль.

Возможно, именно этому существенному различию в характере мы можем приписать вражду, существовавшую между Олимпией и Истмией. Олимпия считалась "самым атлетическим" из всех фестивалей.^[342] О неполноценности Истмии с точки зрения атлетического престижа свидетельствует тот факт, что Солон назначил победителю на Истмии всего 100 драхм, в то время как победителю Олимпии - 500.

Об истории Истмии в V и IV веках мы практически ничего не знаем. Записи о победах на играх слишком скудны, чтобы мы могли сделать какие-либо достоверные выводы;^[343] , насколько они позволяют судить, указывает на то, что атлетические соревнования были гораздо более локальными, чем в Олимпии. Почти нет имен победителей из Сицилии и Италии, которые так часто фигурируют в олимпийских рекордах. За исключением нескольких периодоникцев, участники соревнований происходят в основном из Коринфа, Эгины, Фив, Афин и некоторых островов Эгейского моря. Вакхилид в своей Второй оде об Аргее Сеосском упоминает, что к этому времени цеанцы уже одержали семьдесят побед на Перешейке, а в цеанской надписи, находящейся сейчас в Афинах, говорится о многочисленных победах, одержанных ими на Перешейке и Немее, в том числе о победах над Аргеем.^[344] Олигаэтиды

из Коринфа, по словам Пиндара, сами завоевали шестьдесят корон на этих двух праздниках, а Тимодеиды из Афин одержали восемь побед на Перешейке и семь на Немее. В Олимпии мы не находим подобных записей.^[345]

Во время Пелопоннесской войны праздник, должно быть, сильно пострадал от вынужденного отсутствия афинян. В *"Мире Аристофана"*, написанном вскоре после заключения Никийского мира, один из рабов выражает свой восторг по поводу перспективы снова принять участие в Истмии.^[346] У коринфян, вероятно, был не меньший повод для радости; без афинян и их союзников праздник, должно быть, лишился половины своего великолепия. Несколько лет спустя, в 412 году до н. э., коринфяне решительно настаивают на соблюдении Истмийского перемирия и не обращают внимания на предложения Спарты о совместной экспедиции для освобождения Хиоса от афинского ига.^[347] Они даже пригласили афинян на праздник, что позволило им раскрыть заговор хиосцев и уничтожить флот, отплывший на Хиос в конце праздника. Политика Коринфа была направлена на сохранение баланса сил. Ее жесткая оппозиция Афинам была естественным результатом торгового соперничества, но господство Спарты нравилось ей еще меньше, и уже через несколько лет после унижения Афин мы видим, что она объединилась с Афинами, Фивами и Аргосом в антиспартанскую лигу. Спартанцы не гнушались соблюдать праздники, за исключением тех случаев, когда это было удобно им самим; и Агесилай с некоторыми коринфскими изгнанниками из спартанской партии фактически вторгся в Коринф во время Истмии.^[348] Игры проводились коринфянами и аргивянами, которые, похоже, на некоторое время объединились в одно государство. При приближении Агесилая они обратились в бегство, а сам Агесилай расположился лагерем в священном квартале, в то время как коринфские изгнанники приносили обычные жертвы Посейдону и проводили игры. Когда Агесилай удалился, аргивяне вернулись и отпраздновали праздник заново.

С этого момента мы больше не слышим об Истмии, пока римляне не начали вмешиваться в греческую политику. Космополитизм праздника и торговое значение перешейка как места встречи Востока и Запада, естественно, понравились римлянам, и для Истмии открылась новая эра процветания, которая на какое-то время, казалось, могла затмить даже Олимпию. Коринфяне не имели узких национальных предрассудков и позволили римлянам принять участие в Истмии уже в 228 году до н. э.^[349] Поэтому именно на Перешейке, а не в Олимпии, Фламиний провозгласил свободу греков в 196 году до н. э. Даже разрушение Коринфа не позволило прервать фестиваль, который продолжал проводиться под председательством Сикиона до восстановления Коринфа Юлием Цезарем.^[350] При империи Коринф стал богаче и роскошнее, а истмийский фестиваль - популярнее, чем когда-либо. Увлечение атлетическими зрелищами в Коринфе, по-видимому, произвело глубокое впечатление на святого Павла. В связи с этим проповедники склонны рисовать светлые картины истмийских игр. Но немногие, возможно, понимают, насколько развращенными и деградировавшими были греческие атлетические состязания при жизни святого Павла, и нигде они не были настолько деградированы, как на Истмийских играх. Однако внешне фестиваль никогда не был таким блестящим. Большинство зданий, обнаруженных при раскопках святилища Посейдона, относятся к периоду правления Августа и его преемников.^[351] Нерон был так глубоко впечатлен важностью этого места, что задумал проложить канал через перешеек, и помешало ему в этом только противодействие некоторых невежественных ученых, утверждавших, что уровень моря в Коринфском заливе и в Эгейском море разный.^[352] Тем не менее, он лично принял участие в Истмии и издал письмо с призывом к греческому миру на праздник, копия которого была восстановлена.^[353] Похоже, что для удобства императора праздник был перенесен с весны на ноябрь, или, возможно, он был отпразднован второй раз в том же году. Он был провозглашен победителем в пении на лире, а также в состязании

глашатаев; в соответствии с его пожеланиями в программу было добавлено состязание в трагедии, хотя, по словам Лукиана, такие состязания были запрещены особым истмийским законом. Кроме того, он был вынужден прибегнуть к силе, чтобы обеспечить себе победу; некий Эпирот, обладавший прекрасным голосом и менее покладистый, чем чиновники, отказался выйти из состязания, если император не заплатит ему десять талантов; и Нерон, поняв, что потерпит поражение, послал отряд своих приближенных, которые так избили и издевались над Эпиротом, что испортили его голос. Наконец, подражая Фламинину, он разыграл фарс, даровав свободу провинции, и сам провозгласил свое помилование, стоя посреди стадиона.

О продажности атлетики в Истмийской империи свидетельствует уже приводившаяся история о разочарованном атлете, который, чтобы вернуть сумму взятки, предпринял судебное разбирательство и огласил свой позор перед всей собравшейся толпой.^[354] Подобный случай подразумевает деградацию общественного мнения и отсутствие всякой истинной любви к спорту. Действительно, из Диона Хризостома видно, что коринфяне и афиняне уже переняли от римлян вкус к более захватывающим и более жестоким представлениям в амфитеатре.^[355] Фестиваль, похоже, сохранился до времен императора Юлиана; но интерес к атлетическим или музыкальным состязаниям больше не проявлялся. Огромные суммы, которые коринфяне тратили на свои игры, были потрачены, по словам императора, на покупку медведей и леопардов для охоты на арене.^[356]

Святилище Посейдона, где проводились Истмийские игры, было раскопано, но раскопки проливают мало света на историю самих игр. Оно состояло из небольшого акрополя, окруженного стеной, северная сторона которой была образована большой военной стеной, охранявшей перешеек. Священный путь, по словам Павсания, с одной стороны был окаймлен рядом сосен, с другой - статуями атлетов, одержавших победу на празднике. Были найдены следы храмов Посейдона и Палаэмона, священного пути, театра и стадиона, но все они относятся к позднему времени. Стадион находился в овраге, образованном потоком, который, должно быть, отклонился от своего русла, но теперь вернулся в него. Его длина составляла около 650 футов. Он был выложен мрамором, и некоторые следы сидений сохранились. Надпись в честь Публия Лициния Приска, римского гражданина из Коринфа, жившего во втором веке нашей эры, гласит, что он построил примыкающую к стадиону стоя со сводчатыми помещениями, выходящими в нее.^[357] Тот же меценат за свой счет построил здания для размещения атлетов, приезжавших на Истмию "со всего обитаемого мира", и отремонтировал различные здания, пострадавшие от времени и землетрясений, в том числе "судейские залы" (ἑγκρίτηριον οἶκος), под которыми, очевидно, подразумевались помещения, где соревнующихся осматривали и классифицировали. Следов этих зданий не обнаружено, как не обнаружено и место расположения ипподрома.

Рис. 29. Серебряная ваза. Национальная библиотека. Императорский период.

Праздник должен был длиться несколько дней. Он начинался с жертвоприношения Посейдону,^[358] и включал в себя атлетические, конные и музыкальные состязания, а также, возможно, регату. Атлетические и конные состязания мало чем отличались от других фестивалей. Были отдельные состязания для мужчин, юношей и мальчиков, причем состязания юношей включали панкратион.^[359] Также, как и в Немее, проводились пешие состязания на четыре стада или гиппиос.^[360] Увеличение числа состязаний мальчиков здесь, как в Немее и Панафинях, указывает на сравнительно местный характер соревнований на этих фестивалях.

Исходя из связи фестиваля с Посейдоном, следует ожидать, что конные состязания были важной частью программы. Геродот из Фив и Ксенократ из Агригентума выиграли гонки на колесницах во времена Пиндара,^[361] а несколько позже один Феохрест из Кириanei и два спартанца, Ксенарх и Поликл.^[362] Конь по имени Лик в шестом веке одержал две победы для Фидола из Коринфа или его сыновей.^[363] Это все записи, которыми мы располагаем; но появление двуконной колесницы на монетах Коммода, возможно, указывает на то, что гонки на колесницах все еще проводились в Истмии при Империи.

Нет никаких упоминаний о музыкальных состязаниях до третьего века до нашей эры, когда некий Никокл из Тарентума одержал шесть побед в качестве китародоса.^[364] Он утверждает,

что был первым победителем в этом соревновании, но существование музыкальных состязаний с самых ранних дней праздника становится вероятным благодаря традиции, согласно которой в мифические времена Олимп побеждал в игре на флейте, Орфей на лире, Линус в песне, а Эвмолп в пении под лиру и флейту.^[365] В римские времена существовало множество музыкальных состязаний. Должно быть, существовали и поэтические состязания. Поэтесса Аристомах из Эритреи, как утверждается, выиграла приз на Истмии, а ученик Геродоса получил приз за энкомион.^[366] В эллинистическую эпоху, вероятно, проводились драматические соревнования, связанные с гильдиями дионисийских игроков, но эти соревнования, должно быть, исчезли при империи. Наконец, Плиний утверждает, что на Перешейке, как и в Дельфах, во времена Панаина существовали соревнования по живописи.^[367]

Единственным свидетельством регаты является утверждение, что в мифические времена Арго побеждал в лодочных гонках на Перешейке. Перешеек, безусловно, был подходящим местом для таких гонок: в Панафинях проводились лодочные состязания, а афинские теократии приплывали на Истмий на корабле. Но у нас нет точных сведений на этот счет.

Во времена Пиндара истмийская корона^[368] была сделана из дикого сельдерея, сухого сельдерея, как объясняет схолиаст, чтобы отличить его от свежего сельдерея, из которого была сделана Немейская корона. Согласно более поздним писателям, истмийская корона была сделана из сосновых листьев; сосна была священна для Посейдона, и аллея сосен выстилала священную дорогу на перешейке. Не исключено, что первоначальная корона была из сосновых листьев, и эта практика была возрождена в эпоху империи. На монетах Августа и Нерона до сих пор изображена корона из сельдерея, а на монетах Антонина Пия и Вера мы видим надпись "Ισθμια, окруженную короной из сосновых листьев"^[369] (рис. 28).

Рис. 30. Сцена из серебряной вазы (рис. 29).

Сцена, связанная с Истмийскими играми, изображена на серебряном кубке, который был частью подношения, посвященного Меркурию из Канетума К. Домицием Тутотом (рис. 29, 30). Слева изображен победоносный атлет, увенчанный короной и держащий в руках пальмовую ветвь. Перед ним - стол, на котором стоит стадо, которому он посвятил филейную часть и

корону, которая, как ни странно, сделана из дубовых листьев, а не из сосновых или сельдерейных. За столом сидит Агонотес, а рядом с ним стоит женщина с факелом. Несмотря на дубовую корону, идентификация сцены с Истмией становится очевидной благодаря изображению Акрокоринфа и Пегаса, которому нимфа дает воду из Пейренского фонтана.^[370]

Рис. 31. Императорская монета Аргоса, хранящаяся в Британском музее (увеличено).

(3) Немея

Об истории Немейских игр известно немного. Их значение датируется 573 годом до н. э., когда они были вновь организованы как панэллинский фестиваль. Этот год был признан первой Немеей, и с этого момента игры проводились регулярно каждые два года в глубокой долине Немей, "под тенистыми холмами Флиуса". Председательство на играх принадлежало соседнему городу Клеоне, пока около 460 года до н. э. его не узурпировали аргивяне, и, несмотря на соперничество, оно оставалось в их руках и впоследствии. Контроль над панэллинским праздником имел большое политическое значение, и аргивяне не стеснялись манипулировать священным перемирием в своих интересах. Кажется, не раз спартанское вторжение встречали священные глашатаи, возвещавшие о священном перемирии.^[371] Наконец, Агесиполис в 390 году до н. э. обратился к олимпийскому Зевсу и пифийскому Аполлону за разрешением пренебречь мошенническим перемирием и, получив их

одобрение, прошел через Немею, преподав аргивянам такой урок, что они больше не пытались прикрываться перемирием.

В какой-то период между этим событием и концом третьего века сам фестиваль был перенесен в Аргос. Аратус, воюя с Аргосом, предпринял попытку вернуть фестиваль клеонейцам, присоединившимся к ахейской лиге.^[372] Игры снова проводились в Немее, а атлеты, отправившиеся состязаться на состязаниях в Аргос, были, вопреки священному перемирию, арестованы и проданы ахейцами в рабство. Но попытка Аратуса не удалась, и фестиваль продолжил проводиться в Аргосе под аргивским председательством. Вероятно, именно в Аргосе впервые были введены в праздник музыкальные состязания. Плутарх^[373] рассказывает, как Филопомен, победив спартанского тирана Маханидаса в битве при Мантинее, прибыл в Аргос и провел смотр своих войск перед народом, собравшимся на игры. Он вошел в театр во время музыкальных состязаний в тот момент, когда музыкант Пилад читал начальный куплет *персеи* Тимофея

Пальму свободы для Греции я завоевал...

И все собрание, пораженное совпадением, единодушно приветствовало его как спасителя Греции. Филипп V. Македонский за несколько лет до этого был назначен аргивянами председателем игр на том основании, что цари Македонии были аргивянами по происхождению, и впоследствии такой же чести удостоился Фламинин.^[374] При империи праздник по-прежнему отмечался в Аргосе. Адриан, похоже, возродил его славу. Он учредил зимний фестиваль, на котором особое место занимали скачки в доспехах, а также возродил скачки на гиппопотамах или четырех стадах, которые вышли из употребления в Немее и Истмии.^[375] На аргивских монетах Антонина Пия есть надпись Νέμεα, окруженная венком из сельдерея (рис. 31), а еще позже она встречается на монетах Галлиена. Тем временем старое Немейское святилище настолько пришло в запустение, что когда Павсаний посетил Немею, он нашел храм Немейского Зевса без крыши и статую бога исчезнувшей.

До наших дней от Немейского святилища мало что осталось, да и раскопки здесь никогда не проводились должным образом. В Немее не было города, только святилище Зевса со стадионом и ипподромом, а также, надо полагать, гимнасием. Кипарисовая роща, в которой стоял храм Зевса, исчезла, а от самого храма остались только три колонны, что, однако, достаточно, чтобы показать, что храм не мог быть намного раньше конца пятого века. Место стадиона также видно по глубокому оврагу длиной около 650 футов, конец которого образует естественный сфендон. Здесь нет никаких следов ипподрома или гимнастического зала. Говорят, что есть следы театра, но это утверждение представляется сомнительным. Возможно, полукруглый конец стадиона был принят за театр.^[376]

Немея проходила в 12-й день месяца Панемос, что, по-видимому, примерно соответствует нашему июлю. Старая идея о том, что фестиваль проводился попеременно летом и зимой, теперь отброшена, и принято считать, что зимняя Немея была местным фестивалем, основанным Адрианом. Продолжительность фестиваля неизвестна, но, несомненно, он должен был длиться несколько дней. Призом, как уже говорилось, был венок из дикого сельдерея (σέλινον), а официальные лица, носившие титул Hellanodicae, носили сумрачные траурные одежды в память о похоронном происхождении игр.

Атлетическая программа, как и программа Истмий, включала множество состязаний для мальчиков и юношей. Пятиборье для мальчиков было введено на 53-й Немиде, и на следующей Немиде его выиграл Соген из Эгины; а панкратион для мальчиков, соревнование, которое не вводилось в Олимпии до гораздо более позднего периода, выиграл Пифей из Эгины и, вероятно, Аргей из Сеоса, чья победа на Истмии уже была

отмечена.^[377] Для мальчиков также проводились соревнования на гиппиосах. Гонки в доспехах, похоже, были особенностью Немейских состязаний. Они проводились на гиппиосе и были, по словам Филострата, очень древними.^[378]

Мы мало слышим о конных состязаниях. Гонки на колесницах и скачки на лошадях упоминаются в рассказе о мифическом основании игр семью вождями, и в пятом веке в гонках на колесницах победили Хромий из Этны, Алкивиад из Афин и Ксенарх из Спарты; после этого мы больше ничего о них не слышим. Также мы не имеем никаких записей о конных состязаниях, которые, если исходить из мифической традиции, вероятно, существовали. Место, где находился ипподром, утеряно; Павсаний говорит, что его трасса была вдвое длиннее стадиона.

Здесь проводились соревнования трубачей, но у нас нет никаких сведений о музыкальных состязаниях до переноса фестиваля в Аргос. Отсутствие упоминаний о музыкальных состязаниях в мифологических рассказах об основании Немей, а также связь Немей с Зевсом и Гераклом делают маловероятным существование этих состязаний в ранние времена. Единственные известные нам победители в них относятся к эпохе империи. Это либо кифародои, певцы на лире, либо пифаулаи, игроки пифийской номы на флейте. В поздние времена в Немее, как и на Перешейке, вероятно, проводились драматические состязания.

Судя по продолжительности атлетической программы и скудости записей о других соревнованиях, мы можем с уверенностью заключить, что интерес Немей был почти полностью атлетическим. На самом деле, если Олимпия была "самым спортивным из всех фестивалей", то Немей может претендовать почти на второе место. В Дельфах музыкальные состязания преобладали над атлетическими, на Перешейке были разнообразные контр-аттракционы, даже в Олимпии гонки на колесницах соперничали с атлетикой по популярности. В Немее, до того как они были перенесены в Аргос, атлетика занимала главенствующее положение.^[379]

Скудные записи о победителях в Немее показывают, что в пятом веке участники соревнований были в основном из Пелопоннеса, Афин и островов Эгейского моря.^[380] Особенно многочисленны победители из Эгины, хотя преобладание этого острова в записях может быть отчасти связано с его тесной связью с Пиндаром: большинство эгинетских победителей известны нам по его одам. Сеанская надпись, на которую мы уже ссылались, показывает, что здесь, как и на Перешейке, сеаны были постоянными соперниками. О победах Олигаэтидов из Коринфа и Тимодемидов из Афин уже говорилось. С другой стороны, в Немее мы находим мало победителей из Италии или Сицилии. В последующие века интерес к празднику, похоже, снизился; те немногие победители, о которых мы знаем, в основном пелопоннесцы; многие приехали из Элиды. В период империи единственными известными победителями являются профессионалы из Александрии и могущественных городов Малой Азии.

ГЛАВА XI

АТЛЕТИЧЕСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА В АФИНАХ

В рамках данной работы невозможно рассказать о различных местных праздниках, существовавших в каждом государстве Греции. Такой рассказ слишком часто превращался бы в бесплодный перечень названий. Что касается Афин, то мы располагаем более полной информацией, и начиная с пятого века мы можем рассматривать Афины как типичный представитель греческого мира. Краткий рассказ об афинских праздниках и состязаниях позволит нам составить некоторое представление о том, какое место занимали подобные мероприятия в жизни греков. Афины не были самым спортивным из греческих государств, но нигде любовь к праздникам не была так развита, а состязания не были более разнообразными и многочисленными. Афинянин должен был проводить значительную часть своей жизни, посещая фестивали и наблюдая за соревнованиями. В следующем списке я ограничусь теми праздниками, на которых, как мы знаем, проводились соревнования, и праздниками Афин; но мы должны помнить, что в самих Афинах было много других праздников и что на границах Аттики проводилось множество соревнований, атлетических или других, на которых афиняне могли присутствовать в качестве зрителей или участников.

Аттический год^[381] начинался с месяца Гекатомбайон (июль), и в этом месяце проходил большой праздник Афины Полиас, Панафинеи, длившийся несколько дней и привлекавший гостей со всего Эгейского мира. Малые Панафинеи проводились ежегодно, а большие Панафинеи, о которых подробнее будет сказано ниже, - каждый четвертый год, в третий год каждой Олимпиады.

В следующем месяце, Метагейтние, в Марафоне проходил праздник Гераклеи. Это были атлетические игры, которые, по-видимому, часто посещались во времена Пиндара.^[382] Призом был серебряный кубок. В Афинах также проводились Гераклеи в Киносирхе, но у нас нет никаких свидетельств о том, что там проводились какие-либо соревнования.

Далее следовали Элевсинии в месяц Боэдромион, как и меньшие Панафинеи, отмечавшиеся ежегодно; но каждый второй год Олимпиады они отмечались как триэтерис, а каждый четвертый - как пентаэтерис. На этих праздниках проводились атлетические состязания, конные скачки, музыкальные конкурсы и особое состязание, называемое "состязанием отцов" (πάτριος ἀγών), которое, по-видимому, носило конный характер. Как на празднике Афины приз состоял из кувшинов с оливковым маслом, так и на празднике Деметры - из мер кукурузы и ячменя. Эфармост из Опуса, по словам Пиндара, одержал победу в борьбе в Элевсисе, а Геродот из Фив - в гонках на колесницах.^[383] Элевсиния претендовала на древность большую, чем Олимпия или Истмия, а самый ранний атлетический инвентарь, которым мы располагаем, - это найденный в Элевсисе прыжковый вес с надписью, который не может быть позже начала шестого века (рис. 60).

Месяц Пианепсион (октябрь) был очень насыщенным для атлетической молодежи Афин. Сначала проводилась Осхофория, праздничная гонка, в которой два мальчика, выбранные от каждого племени, мчались, одетые в женские одежды, от храма Диониса до храма Афины Скиры в Фалеруме. Они несли гроздь винограда, а победитель получал в качестве приза смешанный напиток, состоящий из вина, меда, сыра, муки и масла.^[384] В шестой день месяца начинались Тесеи, большой атлетический праздник афинских эфебоев, за которым сразу следовала Эпитафия. Подробности программы будут рассмотрены ниже. Наконец, в связи с Апатурией проводились музыкальные состязания и факельные бега в честь Прометея и Гефеста.

С наступлением октября атлетический сезон, похоже, заканчивался. Зимние месяцы и ранняя весна были заняты драматическими состязаниями, связанными с Дионисией и Ленеией. Конечно, могли быть и менее значительные состязания, о которых мы ничего не знаем. Например, на "Деревенских Дионисиях", по-видимому, проводились различные деревенские виды спорта, такие как игра в асколиасмос,^[385] которые соответствуют таким видам спорта, как лазание по жирному столбу и другие первомайские празднества.

Месяц Мунихион или апрель был началом лодочного сезона. На празднике Мунихия устраивалась процессия в честь Артемиды, за которой следовали лодочные гонки в гавани.^[386] Позднее они были заменены имитацией морского боя, за который также давались призы.^[387] Затем эфебы отплывали в Саламис на праздник Аиантея. Там проводились еще лодочные гонки, а также пеший забег на длинную дистанцию, в котором афинская молодежь состязалась с саламинской.

В том же месяце состоялась афинская Олимпия, основанная Писистратидами в то время, когда они приступили к строительству храма Зевса Олимпийского. Здесь проводились атлетические и конные состязания. Возможно, именно на этот фестиваль ссылается Пиндар, когда говорит, что Тимодем выиграл "дома венцов больше, чем можно насчитать на играх Зевса". Фестиваль был, по-видимому, ежегодным. Он был реорганизован в более пышном масштабе Адрианом.

В остальное время года важных состязаний было немного. В Таргелии проводились музыкальные состязания, в Бендидее, основанной в IV веке, - факельные гонки на лошадях и пешком, и, наконец, в Диизотерии в месяц Скирофорион - лодочные гонки.

Этот список, хотя, вероятно, далеко не полный, даст некоторое представление о количестве соревнований и фестивалей в Аттике. Состязания делятся на две категории: те, которые, как Панафинеи, хотя и не были панэллинскими, были открыты для участников из всех частей Греции, и те, которые, как Тесеи, были практически ограничены жителями Афин. Характер этих фестивалей легко понять из программы Панафиней и Тесеи, о которых мы располагаем значительной информацией из надписей и других источников.

Панафинеийский праздник, несомненно, занимал несколько дней. Согласно весьма вероятной схеме, предложенной Августом Моммзенем,^[389] он начинался в 21-й день Гекатомбайона и продолжался девять дней. Первые три дня занимали музыкальные состязания, следующие два - атлетика, шестой - скачки на лошадях и колесницах, седьмой - пиррихийские и другие военные состязания. Седьмой день завершался вечерними факельными гонками, которые были началом всенощного гуляния, Паннихиса, предшествовавшего шествию и жертвоприношениям в 28-й день месяца - великий день праздника. В последний день праздник завершался регатой.

Подробности жертвоприношений и шествия нас здесь не касаются. Процессия известна нам по фризу Парфенона. Ее целью было поднесение Афине нового пеплоса или мантии, изготовленной некоторыми избранными девами Афин, и переплетенной со сценами, изображающими битву богов с гигантами. В процессии было представлено все население Афин, и не только афинское, но и афинских колоний и союзников, которые прислали в Панафинеи официальных представителей со своими подношениями и жертвоприношениями.^[390] Восхитительный рассказ о процессии можно найти в "Путеводителе по скульптурам Парфенона" Британского музея, а те, кто хочет получить более полную информацию о литературных свидетельствах, найдут ее в "Парфеноне" Михаэлиса или "Фесте штадта Афин" Моммсена.

Музыкальные состязания, несомненно, относятся ко времени Писистрата, который реорганизовал прежний ежегодный фестиваль в пентатерис, увеличил программу и придал празднику более широкий и популярный размах. Либо сам Писистрат, либо его сын Гиппарх организовали чтение рапсодами гомеровских поэм, которое, возможно, проходило еще раньше в Брауроне. Эти чтения были ограничены Гомером, и в качестве особого знака почета было сделано исключение в пользу *"Персеиды"* Хозрила, описывающей триумф Афин над Ксерксом.^[391] Похоже, что также проводились соревнования по лирической и элегической поэзии.

Согласно Плутарху^[392] Перикл первым ввел состязания в пении и игре на лире и флейте. Состязания проводились в недавно построенном Одеуме, и сам Перикл председательствовал в качестве судьи. В первой части своего утверждения Плутарх ошибается. Мидас из Агригентума, чья пифийская победа на флейте прославлена в одной из ранних од Пиндара, также приписывается победа в Панафинеях.^[393] Существование музыкальных состязаний в более ранний период доказывают две небольшие панафинеийские амфоры VI века в Британском музее.^[394] На одной из них изображен китарист, играющий на хелисе, на другой - игрок на двойной флейте, стоящий на помосте перед бородатым мужчиной, одетым в длинный хитон и полосатую гиматию, а сбоку от помоста сидит судья в такой же одежде и с жезлом в руках. Ваза, с которой сделана наша иллюстрация, относится к классу ваз, описанных как подражание панафинеийским амфорам (рис. 32). Музыкальное состязание представлено на обеих сторонах. В более позднее время музыкальные призы состояли из суммы серебра и золотых корон. В любом случае, маленькие амфоры не могли использоваться для хранения масла и могут рассматриваться как памятные призы, вручаемые музыкантам, возможно, в дополнение к какому-то более существенному призу, по аналогии с большими амфорами, вручаемыми победителям в атлетике или гонках на колесницах.

Рис. 32. Маленькая панафинейская(?) амфора, в Британском музее, В. 188. VI век.

Ранний чернофигурный килик в Британском музее указывает на существование хоровых и драматических состязаний в Панафинеях (рис. 33). Центральная группа представляет собой жертвоприношение Афине, которая стоит у своего алтаря, вооруженная щитом и копьем, как она изображена на панафинейских вазах. К алтарю движется процессия, состоящая из трагического хора, комического хора и дифирамбического хора. Диоген Лаэртский^[395] утверждает, что в Панафинеях существовали драматические состязания, но больше у нас нет никакой информации о них.

Рис. 33. В.-ф. kylix, в Британском музее, В. 80.

Музыкальная программа четвертого века частично известна нам по надписи, которая, к сожалению, сильно изуродована.^[396] Вступительные строки, которые, очевидно, относились к декламации рапсодов, почти полностью отсутствуют. Далее следуют четыре конкурса. Для певцов на лире предусмотрено не менее пяти призов: золотая корона стоимостью 1000 драхм с 500 драхмами серебра для победителя; призы в 1200, 600, 400 и 300 драхм соответственно для следующих четырех в порядке возрастания заслуг. Мужчины, поющие на флейте, получают только два приза: первый - корону в 300 драхм, второй - сумму в 100 драхм. Для "мужчин, играющих на лире", предусмотрено три приза: первый - корона стоимостью 500 драхм, третий - сумма в 100 драхм; размер второго приза неизвестен. У флейтистов опять же только два приза, цифры которых отсутствуют в надписи. Несомненно, существовало множество других конкурсов. Вставка слова "мужчины" перед словами "певцы на флейте" и "игроки на лире" подразумевает, что существовали также музыкальные состязания для мальчиков, как это, несомненно, было в Афродисии.^[397] Другое состязание, упомянутое в связи с Панафинеями, называлось *συναυλία*,^[398] под которым, возможно, подразумевается дуэт на флейтах. Предпочтение, отдаваемое в Афинах лире, а не флейте, заметно по стоимости призов, назначаемых за участие в этих мероприятиях. Игра на лире была частью образования каждого афинянина, но в то время как игра на флейте стала популярной в начале V века, она не понравилась афинским педагогам. Ее моральный эффект считался

дурным, а некрасивое исполнение искажало лицо. Поэтому в четвертом веке ее оставили в основном профессиональным флейтисткам.^[399] Судя по количеству предложенных призов, очевидно, что на музыкальные соревнования должно было быть много участников, и Моммзен, вероятно, прав, отводя на эти состязания три дня.

Далее следовали атлетические состязания. Ранние панафинейские вазы показывают, что все соревнования олимпийской программы существовали в Панафинях в шестом веке, и что были соревнования для мужчин и мальчиков, но нет никаких свидетельств о разделении мальчиков на юношей и подростков в этот период. В четвертом веке уже упомянутая надпись доказывает существование всех трех классов.^[400] Для мальчиков и юношей проводилось пять состязаний, соответственно: бег на стадионе, пятиборье, борьба, бокс и панкратион. За каждое состязание полагалось два приза, состоящих из такого-то количества амфор масла; победитель получал в пять раз больше амфор, чем второй. В следующей таблице показано количество амфор, присуждаемых в различных видах состязаний:...

	Мальчики (παῖδες).		Юноши (ἄγένοι).	
	1-я премия.	2-й приз.	1-я премия.	2-й приз.
Стадион	50	10	60	12
Пятиборье	30	6	40	8
Бледный	30	6	40	8
Pyγμα	30	6	40	8
Панкратион	40	8	50	10

Часть надписи, относящаяся к мужским соревнованиям, отсутствует, но из панафинейских ваз и других источников мы знаем, что в программу для мужчин входили диаулос, долихос, гиппиос-гонка,^[401] и гонка в доспехах. Когда были введены последние два вида состязаний, мы сказать не можем: диаулос и долихос определенно существовали в VI веке. Долихос часто изображается на ранних панафинейских вазах, а на фрагменте такой вазы, найденном в Афинах, есть надпись: "Я - бегун диаулос". Призы для мужчин были, конечно, пропорционально выше, чем для мальчиков и юношей. В надписях II века мы видим, что пятиборье исчезло из программы для мальчиков, но вместо него были добавлены два вида бега - долихос и диаулос. Программа для юношей и мужчин осталась неизменной. Вся программа вряд ли занимала меньше двух дней. Вероятно, в первый день проводились десять или одиннадцать состязаний для мальчиков и юношей, а во второй - девять состязаний для мужчин. В четвертом веке мы узнаем от Платона, что спортивные состязания открывались бегом на стад, за которым следовали диаулос, иппиос и долихос. Последним событием была гонка в доспехах - излюбленная тема афинских вазописцев, часто ассоциирующаяся на краснофигурных вазах с панкратионом, который непосредственно предшествовал ей. Во II веке, судя по надписям, каждый день начинался с бега на длинные дистанции: в первый день - с долихоса для мальчиков, во второй - для мужчин.

Заметной особенностью этой программы является большая доля соревнований для мальчиков и юношей. Все соревнования были открыты для участников из всех греческих государств; но соревнования для молодежи, естественно, в основном ориентированы на местную конкуренцию. Учитывая это, мы должны были бы ожидать, что Афины будут широко представлены в списках. Но все оказалось наоборот. Из более чем шестидесяти имен только семь - афиняне, и из них пять - панкратиасты.^[402] Эти цифры показывают, насколько совершенно неатлетичными стали Афины после пятого века, несмотря на все свои

соревнования. Просмотр спортивных состязаний никогда не создает атлетическую нацию; в Афинах он породил толпу праздных критиков и зрителей. Почти половина известных нам победителей родом из Малой Азии и Эгейского моря: в списках фигурируют не только Колофон и Эфес, но и Тир и Сидон. На материке лучше всего представлены Коринф, Сикион, Аргос, Беотия и Эпир.

До возведения Ликургом Панафинейского стадиона атлетические состязания проходили в деме Эхелиды, и это место продолжало оставаться ареной состязаний колесниц и лошадей. Афинский ипподром, как утверждается, имел необычную длину в восемь стадий.^[403] Афиняне во все времена страстно любили лошадей. Гонки на колесницах с четырьмя лошадьми, гонки на парных колесницах и скачки изображены на панафинейских амфорах VI века. Самая ранняя из этих ваз, которой мы располагаем, Бургонская ваза в Британском музее, была призом за гонки на парных колесницах.^[404] Гонки апобатов, должно быть, существовали в пятом веке, поскольку апобаты изображены на фризе Парфенона.

Для четвертого века у нас есть только часть конной программы, сохранившаяся в уже цитированной надписи. По-видимому, мы имеем только шесть последних событий с указанием количества мер масла, поданных для каждого из них. Надпись гласит следующее:-

	1-й приз.	2-й приз.
Гонки на колесницах для жеребят (ἵππων ζεύγει πωλικῶ)	40	8
Гонки на колесницах для полновозрастных лошадей (ἵππων ζεύγει ὀδηφάγῳ) ^[405]	140	40
Война (πολεμιστηρίοις), скачки (ἵππῳ κέλῃτι νικῶντι)	16	4
Война (πολεμιστηρίοις), гонки на колесницах (ἵππων ζεύγει νικῶντι)	30	6
Процессионная колесница (ζεύγει πομπικῶ νικῶντι)	4	1
Метание копья верхом на лошади (ἄφ' ἵππου ἀκοντίζοντι)	5	1

В свете более поздних надписей кажется вероятным, что последние четыре события, если не все шесть, были ограничены афинскими участниками. В таком случае должны были существовать и другие соревнования, открытые для всех желающих. Введение местных соревнований военного типа, несомненно, было связано с развитием афинской конницы во второй половине V века. Согласно Фотию, боевой конь - это не совсем конь, используемый для войны, а лишь снаряженный для участия в состязаниях. Вполне возможно, что во втором веке состязания боевых коней стали чисто искусственным мероприятием, и боевой конь имел тогда столь же мало практической ценности, как и афинский гоплит того времени. Но вряд ли можно предположить, что так было в IV веке, когда Афины еще обладали настоящей армией. Каждый афинянин первых двух сословий был обязан иметь лошадь для военной службы, и скачки на боевых конях, должно быть, были введены для поощрения обучения кавалерии, так же как скачки гоплитов были предназначены для тяжеловооруженной пехоты. Но боевой конь был не таким животным, как высокотренированная и дорогая скаковая лошадь, и разница заметна в размере призов. Команда боевых лошадей получает всего 30 амфор, а команда скаковых лошадей - 140. Такая же разница существует и в наши дни между призами, которые даются на военных или охотничьих скачках, и призами, которые даются за скаковых лошадей. Еще меньше призы для процессионных колесниц. В этом случае колесницы и лошади, возможно, предоставлялись государством.

Мы не знаем, сколько мероприятий составляло полную программу в четвертом веке; в надписи второго века перечислено двадцать четыре мероприятия, а в другой, неполной, - по крайней мере столько же.^[406] Возможно, в этих случаях программа была исключительно сложной, поскольку на празднике присутствовали цари и другие знатные гости. Безусловно, надписи свидетельствуют о том, что в этот период программа время от времени значительно менялась. В одном случае, когда на празднике присутствовали четверо сыновей царя Аттала, для них было устроено три, а то и четыре гонки на колесницах. Три из их имен фигурируют как победители в гонках на колесницах; имя четвертого также встречается, но надпись здесь нарушена, и название события, в котором он победил, утеряно. Тем не менее, учитывая эти обстоятельства, мы можем составить довольно точное представление о программе, как она существовала в это время и, вероятно, также в четвертом веке.

Программа делится на открытые соревнования (ἐκ πάντων) и местные соревнования (ἐκ τῶν τοιούτων). Открытые соревнования - это шесть видов олимпийской программы. Они проводятся на ипподроме. Местные соревнования проходят частично на ипподроме, частично в городе в районе Элевсинума, где, возможно, заканчивались скачки. Некоторые из мероприятий носят церемониальный характер, другие - военный. В некоторых из них участвуют только солдаты. Есть три скачки для офицеров (ἐκ τῶν φυλάρχων), прямая (ἄκαρπτον) и диаулос, а также диаулос ἐν ὄπλοις, то есть такие, в которых всадники носят полные доспехи. Аналогичным образом проводятся три скачки для конницы (ἐκ τῶν ἵππείων). Во всех этих соревнованиях всадники выступали на своих боевых конях (ἵππῳ πολέμιστῃ). Двенадцать состязаний, открытых для всех граждан, - пять проходили в Элевсинуме, семь на ипподроме. Среди них не менее одиннадцати гонок на колесницах, три церемониальных - гонка апобатов и две гонки на процессионных колесницах, - четыре гонки на гоночных колесницах по прямой и двойной трассе, и четыре гонки на военных колесницах (ἄρματι πολέμιστῆρις συνωρίδι πολέμιστῆρις), под которыми, возможно, следует понимать, что, как и в гомеровские времена, в каждой колеснице было два человека, водитель и солдат. Была только одна скачка, скачка ἵππῳ πολυδρόμῳ под которой я склонен понимать боевого коня, хотя это может быть просто вариант для обозначения полностью взрослого.

Апобаты^[407] были церемониальными скачками, свойственными Афинам и Беотии, и напоминали, согласно традиции, изобретение колесницы Эрехтеем. При основании Панафиней он сам выступал в роли возницы, имея с собой в колеснице товарища, вооруженного небольшим круглым щитом и трехгребневым шлемом, как это изображено на фризе Парфенона. В этом событии, несомненно, сохранилась традиция гомеровских войн, когда вождь выезжал на место боя, срывался с места и снова садился для преследования или бегства. Существуют некоторые сомнения относительно способа скачки. Согласно одному из утверждений^[408], апобаты садились на колесницу на полном ходу, ставя ногу на колесо, и снова сходили с нее, причем это представление повторялось, по-видимому, через определенные промежутки времени.

Рис. 34. Вотивный рельеф. Музей Акрополя. Эллинистический период.

Этот рассказ находит некоторое подтверждение в одной из групп фриза Парфенона, где изображены апобаты в самом акте посадки на колесницу.^[409] Дионисий Галикарнасский^[410] не упоминает о посадке, но утверждает, что в конце гонки, очевидно в начале последнего круга, апобаты сошли, и с этого момента колесницы и апобаты вместе мчались к финишу. Эти два рассказа не так уж непримиримы, если предположить, что Дионисий имеет в виду только финиш, самую интересную часть гонки. В большинстве групп на северной стороне Парфенона апобаты изображены в момент разбора, как на рис. 34. На южной стороне он стоит в колеснице или рядом с ней.^[411] Последняя сцена представляет момент перед гонкой, другие сцены - различные моменты гонки, и нет необходимости предполагать вместе с Михаэлисом два разных мотива для южного и северного фриза. В надписях двойной характер гонки подчеркивается упоминанием возницы и Апобата как двух отдельных победителей. Возница описывается как ἡνίοχος ἐγὺβιάζων, возница, "который позволяет своему товарищу сойти", название, которое предполагает помощь, которую возница мог оказать своему товарищу, на мгновение сбавив темп. Судя по всему, скачки проходили от Керамеи до Элевсинума, расположенного на склонах Акрополя.

Столь обширная программа требовала по меньшей мере двух дней: в одной надписи факельный забег вставлен в середину программы, возможно, как означающий завершение первого дня. О популярности Панафиней во втором веке свидетельствует количество именитых участников. Кроме уже упомянутых сыновей царя Аттала, в соревнованиях участвовали Мастанабас, сын царя Мастанаса, царь Антиох, сын Антиоха Эпифана, и Птолемей, царь Египта, который выступал как афинский гражданин из племени птолемеев. В списках есть много победителей из Аргоса, и в них фигурируют имена нескольких женщин. Только в одном списке мы находим две победы, одержанные женщинами, или, возможно, одной и той же женщиной из Аргоса, и третью победу, одержанную женщиной из Александрии.

Помимо этих индивидуальных состязаний, по-видимому, существовало состязание в кавалерии между племенами, которое проходило на ипподроме, хотя мы не знаем, в какой день. Это ἀντιπλοία^[412] было своего рода мнимым боем между двумя эскадронами, каждый из которых состоял из конницы пяти племен под командованием гиппарха. Ксенофонт

описывает это зрелище с восторгом. Они преследовали друг друга по очереди, атаковали, проходили сквозь строй друг друга, разворачивались и, проскакав по всей длине ипподрома, внезапно останавливались фронтом к фронту. Похоже, что призы получало то племя, которое выступало лучше всех, или, возможно, их офицеры.

Следующий день после скачек был занят серией состязаний между компаниями или племенами, в которых местный и религиозный характер праздника проявился еще более отчетливо. Сначала был хор Пирра, который проходил как в малой Панафинее, так и в большой.^[413] В нашей надписи перечислены три приза: один для мальчиков, один для юношей, один для мужчин. Каждый приз - это бык стоимостью 100 драхм, который обеспечивал победителей жертвой для жертвоприношения и провизией для пира. Состав пиррова хора известен нам по рельефу на основе статуи, установленной Атарбом в память о победах, одержанных в Панафинейях циклическим хором, и пиррова хора, который он обеспечил при архонте Цефисодоре, т.е. либо 366, либо 323 г. до н. э.^[414] С одной стороны изображен пиррический хор (рис. 35): он состоит из восьми юношей, связанных между собой и вооруженных шлемами и щитами, которые двигаются в ритмичном танце под руководством тренера, облаченного в длинную мантию и держащего в руке свиток. Таким образом, весь хор Пирра, состоящий из мальчиков, юношей и мужчин, должен был насчитывать двадцать четыре человека. Соревновались ли они как один хор или как три, точно не известно. На другой стороне рельефа мы видим циклический хор, также состоящий из восьми юношей, но одетых в длинные мантии, накинутые на них, и вращающихся, по-видимому, по кругу. Далее следуют два состязания между племенами, призом в которых снова является жертвенный бык, предназначенный, возможно, для того, чтобы быть ведомым в процессии на следующий день. Первое состязание - на εὐανδρία, что в IV веке, по-видимому, означало просто "хороший вид". В панафинейской процессии для несения священных оливковых ветвей выбирали стариков, которые отличались красотой. Каждое племя выбирало определенных представителей, и это состязание, очевидно, должно было решить, какое племя должно предоставить этих "красивых стариков". Характер второго состязания не указан в надписи, но поскольку следующая строка относится к факельному бегу, вероятно, это тоже было состязание за хорошую внешность, чтобы решить, какое племя должно принять участие в вечернем факельном беге. Забег с факелами в Панафинейях был индивидуальным соревнованием, победитель которого получал гидрию стоимостью 30 драхм.

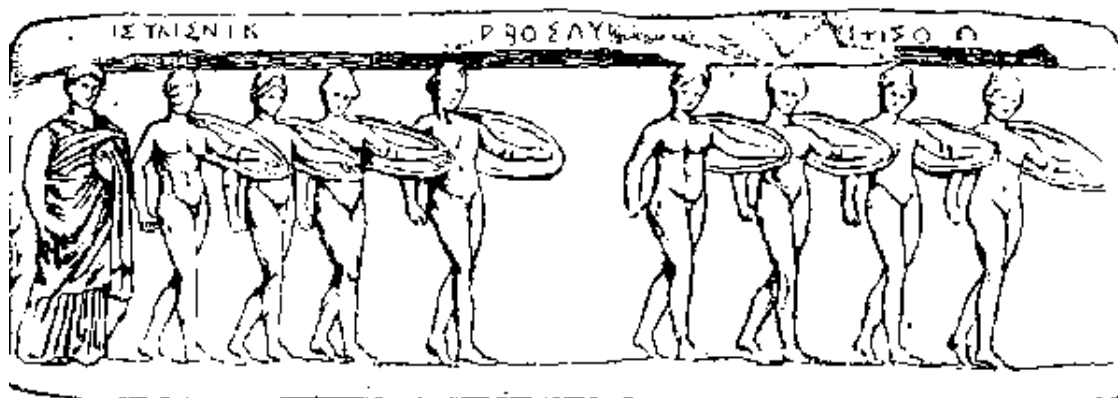

Рис. 35. Рельеф на памятнике Атарбуса. Музей Акрополя. IV век.

Наконец, регата, проводившаяся в последний день праздника, также была состязанием между племенами. Согласно надписи, предлагались два приза: победившее племя получало 200 драхм на пир и еще какой-то предмет, возможно, трех волов, стоимостью 300 драхм.

Приз за второе место также оборван в надписи, но его стоимость составляла 200 драхм. О деталях регаты нам ничего не известно. Возможно, с Панафинеей можно связать найденный в Афинах рельеф, изображающий факельные состязания, борьбу и лодочные гонки (рис. 36). Он является частью эфебической надписи римского времени, принадлежащей архонту К. Гельвидию.^[416]

Призы в атлетических и конных состязаниях состояли, как мы видели, из определенного количества масла. Это масло, получаемое из священных оливковых деревьев, разбросанных по Аттике, принадлежало государству, и никто не мог продавать или вывозить его, кроме победителей игр. Оливковые деревья находились под опекой Ареопага и каждый год проверялись его чиновниками, а само масло собирал архонт, который передавал его казначеям фестиваля. В более позднее время эта система была отменена, и земля оценивалась по определенному количеству оливковых деревьев, а каждый владелец был обязан поставлять государству определенную квоту масла.^[417]

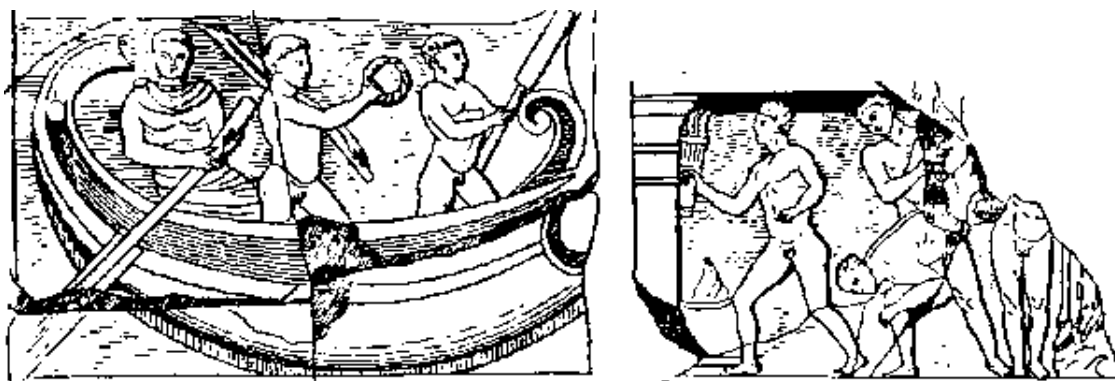

Рис. 36. Рельеф на стеле. Афины, Национальный музей, 3300. Императорский период.

Кроме того, победитель получал на память "богато расписанную амфору". Учитывая, с какой тщательностью хранились эти амфоры, кажется маловероятным, что победитель получил более одной такой амфоры. Их сохранилось большое количество. Они датируются от середины шестого до конца четвертого века. Они написаны черной краской на красном фоне или панели. На одной стороне изображена атлетическая сцена, характерная для события, в честь которого была подарена амфора; на другой - фигура Афины, облаченной в эгиду и держащей щит и копье. Обычно она стоит между двумя дорическими колоннами, над которыми возвышается какая-нибудь эмблема - петух, сфинкс, сирена, пантера или ваза, а в более поздние времена - фигура Победы или Триптолема. Вдоль левой колонны идет надпись: "Один из призов из Афин", ΤΟΝΑΘΕΝΕΘΕΝ.Α.ΘΥΟΝ: к ней добавлено на бургонской амфоре^[419] слово ΕΜΙ, "Я есть". На ранних амфорах буквы расположены параллельно, на более поздних - под прямым углом к колонне. К надписи иногда добавляется имя архонта. Самая ранняя из этих датированных ваз относится к правлению Полицелуса в 367 году до н.э., самая поздняя - к правлению Полемона, самая поздняя - к правлению Полемона в 312 г. до н.э.^[420] Две фрагментарные надписи позволяют предположить, что иногда имя Косметеса или Агонотеса заменялось именем архонта.^[421] Даты архонтов не всегда совпадают с годами, когда происходили большие Панафины; поэтому Михаэлис относит такие вазы к меньшим Панафиниям. Кажется более вероятным, что, поскольку масло собиралось архонтами каждый год, надпись просто фиксирует имя архонта, который собирал масло. На двух вазах мы также находим имя вазописца.^[422]

Рис. 37. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 144. VI век.

Сцена на реверсе обычно представляет собой реальное соревнование. Изредка добавляется название события. На некоторых амфорах VI века, сделанных, возможно, до того, как традиция окончательно укоренилась, художник, похоже, позволял себе больше свободы в выборе сюжета. Так, на амфоре из Британского музея изображено провозглашение победы на скачках (рис. 37). Победоносный юноша сидит на коне, а перед ним стоит глашатай в полном официальном облачении, из уст которого вырываются слова: "Конь Динеицета победил": ΔΥΝΕΙΚΕΤΥ: ΝΙΠΠΟΣ: ΝΙΚΑΙ. Позади всадника сопровождающий несет венок и треножник: мы часто слышим о треножниках как о призах; возможно, в ранние времена их давали в качестве призов на Панафинейях. На другой амфоре из Британского музея (рис. 38) сидящий атлотес повязывает шерстяную нить на голову юноши-победителя. Самая поздняя из подписанных ваз имеет более причудливое изображение победы.^[423] Два обнаженных юноши только что получили пальмовые ветви от атлотеса, возле которого стоит глашатай. Один из юношей стоит на месте, другой, возможно, победитель в пешем забеге, радостно убегает. Иногда упоминание о состязании более туманно. Например, на одной ранней панафинейской вазе в Британском музее изображена битва гигантов, на другой - акробатическая сцена^[424] (рис. 39). Афиняне очень любили акробатические представления, и, как мы знаем из рассказа Гиппоклеида,^[425] даже высокородные афиняне не гнушались приобретать в них мастерство. Эта сцена, безусловно, соответствует всему, что мы знаем об афинских празднествах, где подобные представления были обычным делом. Однако следует ли полагать, что священная призовая амфора действительно давалась в качестве приза акробатам? Или же это был особый знак почета, которым награждали какого-то популярного акробата, подобно статуе, воздвигнутой в более поздний период в Афинах в честь профессионального игрока в мяч? Возможно, самый простой вариант - рассматривать вазу как имитацию панафинейской амфоры. Она была найдена в Камирусе на Родосе, и ее происхождение, общий характер и отсутствие обычной надписи делают это объяснение вероятным.^[426] Подражательные панафинейские амфоры многочисленны: на многих из них изображены музыкальные состязания, за которые, по крайней мере во времена Аристотеля, давали разные призы. Есть также множество маленьких амфор, назначение которых неясно. Были ли это призы за участие в соревнованиях мальчиков или вторые призы? Таковы

некоторые из многочисленных вопросов, связанных с этими интересными вазами, которые еще ждут своего решения.

Рис. 38. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 138. VI век.

Расписные вазы внезапно заканчиваются в конце четвертого века.^[427] Название "панафинейская ваза" иногда встречается в более поздние времена, но, по-видимому, просто для обозначения определенной формы вазы. Но изображение панафинейской амфоры было найдено несколько лет назад на мозаичном полу дома в Делосе, относящегося к началу второго века.^[428] Полное отсутствие каких-либо свидетельств их существования в предыдущем веке делает вероятным, что ваза, изображающая гонку на колесницах, была реликвией, доставшейся какому-то предку строителя дома. Однако панафинейская амфора по-прежнему изображена на афинских монетах и на позднем рельефе, украшающем мраморное кресло, которое, вероятно, было одним из мест, отведенных для судей или агонотеев в Панафинейях^[429] (рис. 40). Ваза с веткой стоит на столе, на котором также лежат три короны. Под столом - пальмовая ветвь, а сбоку от нее изображено священное оливковое дерево Афины. Появление вазы на рельефе и на монетах позволяет предположить, что в этот период глиняная ваза была заменена металлической, но эта теория еще ждет своего подтверждения.

Рис. 39. Панафинейская (?) амфора из Камира. Национальная библиотека, 243.

Хотя панафинейская программа содержала значительное количество местных мероприятий, они имели совершенно второстепенное значение по сравнению с открытыми соревнованиями, которые если и не были панэллинскими, то уж точно были паническими. Именно за эти открытые состязания вручались священное масло и панафинейские амфоры. В "Тезее", напротив, большинство состязаний проводилось только среди молодежи Аттики, и даже в тех, которые были открыты для иностранцев, крайне редкие успехи иностранцев достаточно указывают на местный характер фестиваля.

Праздник Тесея^[430] был учрежден в 476 или 475 году до н. э. в честь обнаружения и возвращения в Афины костей национального героя Тесея. О популярности поклонения Тесею в этот период убедительно свидетельствуют краснофигурные вазы, на которых история Тесея теперь занимает место трудов Геракла. Тесеи были связаны с некоторыми примитивными сельскохозяйственными обрядами, Пианепсией и Ошофорией, церемониями сбора урожая и винограда, в которые так или иначе была включена легенда о Тесее. За ними сразу же следовала Эпитафия - погребальный праздник в память о тех, кто пал, сражаясь за свое государство, который периодически проводился с древнейших времен, но занял свое место в качестве постоянного праздника только во времена Перикла или даже позже.

Рис. 40. Мраморное кресло судьи в Панафинях. Императорский период.

Наши знания о программе Тесея почерпнуты из надписей второго века до нашей эры,^[431] в отношении , которые я должен только повторить, что хотя они и поздние, но таков был религиозный консерватизм греков, что их можно рассматривать как отражающие общий характер фестиваля в пятом веке, и что изменения, которые были внесены, были просто изменениями в деталях. Тесей был покровителем афинских эфетов, а "Тесеи", по сути, были играми эфетов. Праздник был ежегодным и включал в себя шествие, жертвоприношение, факельные состязания, атлетику и конные скачки. Также устраивался банкет за государственный счет для всех свободных граждан.

Спортивная программа открывалась обычными состязаниями глашатаев и трубачей, за которыми следовали некоторые военные состязания на общую ловкость и снаряжение, εὐανδρία и εὐοπλία. Они делились на три или более классов: во-первых, "отборные войска", οἱ ἐπιλέκτοι; затем иностранные войска, οἱ ἐν τοῖς ἔθνεσιν; наконец, конница, οἱ ἵππεῖς, как подразделение которой мы находим Тарантини, названные так по их снаряжению. Соревнования проводились между племенами или, в случае с иноземными войсками, полками (τάγματα), в надписях упоминается капитан победившего племени или полка. Очевидно, что εὐανδρία используется здесь в несколько ином смысле, чем в панафинейских надписях. Там, как мы видели, цель состязания была чисто церемониальной, здесь же она явно военная. εὐανδρία, как и многие другие слова, меняет свое значение в зависимости от объекта, к которому оно применяется. Когда оно используется в отношении полка, то подразумевает хорошее телосложение, активность и общую сообразительность. Есть определенный пафос в существовании этих тщательно продуманных военных смотров и соревнований в эпоху, когда Афины уже не могли защищать свою свободу и когда ее военная служба не имела практической ценности. Возможно, с утратой реальности она все крепче цеплялась за пустую форму и подобие армии. Но мне кажется более вероятным, что эти состязания не были бесполезным изобретением ее упадка, а являлись выживанием великого всплеска патриотизма и милитаризма в V веке.

Далее следовали факельные состязания. В Тесее это, по-видимому, были состязания между командами. В факельных гонках участвуют мальчики, эфебои, и мужчины; иногда также молодые люди, νεανίσκοι, которые идут между эфебоями и мужчинами. Команды иногда являются представителями определенного палестры или гимнасия - мальчики из палестры Тимея или Антигена, юноши или мужчины из Лицея. Упоминание о факельном забеге тарантинов указывает на то, что существовали также факельные забеги на лошадях.

Атлетическая программа содержит семь обычных состязаний - долихос, бег на стад, диаулос, борьбу, бокс, панкратион и бег в доспехах, а также некоторые военные состязания, хопломахию и метание копья. Состязания по гопломахии, которые, должно быть, были похожи на наши соревнования по фехтованию или метанию штыка, были двух видов: одни с круглым щитом и копьем гоплита, ἐν ἀσπίδι καὶ δόρατι; другие - с продолговатой мишенью и мечом легковооруженного солдата, ἐν θυρεῶ καὶ μαχαίρα. Существует не менее пяти различных классов для этих соревнований: соревнования для мальчиков первого, второго и третьего возраста, открытые соревнования для мальчиков (ἐκ πάντων) и соревнования для мужчин. Два младших класса мальчиков были исключены из длинной гонки, но все классы участвовали в пяти последующих состязаниях. Состязания в доспехах проводились только для мужчин, метание копья - для эфебоев. В гопломахии могли участвовать три класса мальчиков, а в эфебои - один. Открытые соревнования мальчиков и мужчин были открыты для иностранных спортсменов, хотя немногие из них, по-видимому, добились успеха;^[432] другие соревнования были ограничены афинской молодежью.

Конные состязания имеют схожий характер. Гонки на колесницах упоминаются только в одной надписи, и там речь, возможно, идет о гонках апобатов. Остальные соревнования - это конные скачки. Есть одна гонка, очевидно, с участием скаковых лошадей (λάμπρῳ ἵππῳ), остальные - военные скачки, либо для офицеров, либо для мужчин, на одинарной или двойной дистанции. Наконец, есть открытые соревнования (ἐκ πάντων), а также метание копья на лошадях. Среди имен победителей нет ни одного иностранца, но не следует забывать, насколько фрагментарны наши сведения.

На Эпитафии, которая следовала за Тесеей, проводились дальнейшие состязания, факельные гонки и военные демонстрации. В частности, мы слышим о забеге в тяжелых доспехах, в котором участвовали эфебои, стартовавшие из Полиандреума в Керамее.

ЧАСТЬ II

АТЛЕТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ГРЕКОВ С ОПИСАНИЕМ ИХ СТАДИОНОВ И ГИМНАЗИЙ

ГЛАВА XII

СТАДИОН

Стадион^[433] или ипподром греков был естественным развитием того примитивного типа скачек, который описан у Гомера, и который мы все еще можем видеть на школьных угощениях и деревенских собраниях. Участники, выстроившись в линию, мчатся к некоему отдаленному пункту, который является финишем, или, обогнув этот пункт, возвращаются к месту старта. Здесь мы имеем зародыш стада или прямой гонки, а также диаулоса и других поворотных гонок, как их называли греки (κάμπειοι). Старт отмечается столбом (νύσσα) или линией, проведенной на песке (γραμμή), а финиш или точка поворота (καμπτήρες) - таким же столбом или каким-либо естественным объектом, камнем или пнем.

От этого примитивного поля произошли два типа ипподрома. Оба они отличаются от современного овального поля тем, что они длинные, узкие и прямые, бегуны не описывают кривую, а бегут прямо вверх и вниз по дорожке. Первый тип, который мы можем назвать ипподромным, - это тот, в котором бегуны бегут вокруг двух столбов, расположенных в обоих концах поля и соединенных одним или несколькими промежуточными столбами или низкой стеной, называемой римлянами "спина". Один или оба конца дистанции закруглялись для удобства зрителей, и этот круглый конец назывался σφενδόνη. Эта форма долгое время считалась обычным типом греческого ипподрома; но недавние раскопки показали, что, хотя греки использовали ее для конных скачек, она не применялась ими для пеших, по крайней мере, до римских времен. Настоящий греческий стадион, как мы теперь знаем, был строго прямоугольным, место старта и финиша обозначалось параллельными линиями каменных плит (βαλβίς, βατήρ), и даже сиденья в конце следовали тем же линиям.

Для такой трассы подходила любая достаточно ровная равнина, но для удобства зрителей естественно было выбрать какой-нибудь ровный участок, окруженный с одной или нескольких сторон возвышенностью, у подножия холма, как в Олимпии, или в ложбине между двумя холмами, как в Эпидавре или Афинах. Все, что требовалось в таких случаях, - это выровнять площадку для настоящего трека и улучшить естественное место для стояния искусственной насыпью, которая впоследствии могла быть оборудована сиденьями, а могла и не быть. Большинство стадионов в Греции, говорит Павсаний, были образованы такой

насыпью;^[434] только в сравнительно поздний период сиденья были построены на каменной кладке и окружены стенами и колоннадами. Длина стадиона всегда равнялась стаду или 600 футам; но, поскольку универсального стандарта измерения не существовало, длина стадиона варьировалась в зависимости от длины стопы.

Самым простым из всех греческих стадионов был стадион в Олимпии, и он сохранял свою простоту на протяжении всей своей истории.^[435] Мы видели, что до середины пятого века все игры проводились на равнине, которой командовала терраса сокровищницы, и что постоянная беговая дорожка была впервые построена около 450 года до н. э., после завершения строительства первой восточной колоннады. В этот период земля у подножия холма Кроноса была выровнена таким образом, что образовался параллелограмм длиной 212 метров и шириной 29, который, однако, был несколько шире в центре, чем на концах. Параллелограмм был обнесен каменным порогом, внутри которого на расстоянии около метра проходил открытый каменный желоб, открывавшийся через равные промежутки в каменные бассейны. Этот водосток, питавшийся от канала, проходившего вдоль подножия ступеней сокровищницы, обеспечивал участников и зрителей водой, в которой они, должно быть, очень нуждались, находясь весь день без защиты под палящими лучами летнего солнца. Беговая дорожка пролежала примерно на 10 футов ниже уровня Альтиса и немного ниже уровня окружающей равнины, которая постепенно поднималась на юг к берегу Альфея. Единственным местом для зрителей были склоны холма Кроноса и эта открытая равнина, на которой, по расчетам, могло разместиться от 20 000 до 30 000 человек. Позднее, возможно, после битвы при Херонее в 338 году до н. э., концы и южный склон были подняты искусственной насыпью. Эта насыпь простиралась на юг примерно на 40 метров от самой трассы, и на ней могли разместиться около 40 000 или 45 000 зрителей. Концы насыпи были прямыми, здесь не было изогнутого театра или σφενδόνη, и за всю историю стадиона не существовало никаких сидений. Сиденья, вероятно, деревянные, были предусмотрены для нескольких привилегированных чиновников, но зрители стояли или лежали на берегах. В северо-западном углу стадиона находились ворота, сообщавшиеся с Альтисом через туннель в насыпи, который в римские времена был перекрыт каменным сводом. Это был тайный вход, предназначенный для официальных лиц и участников соревнований.^[436] Зрители попадали на стадион по набережным или по склонам горы Кроний.

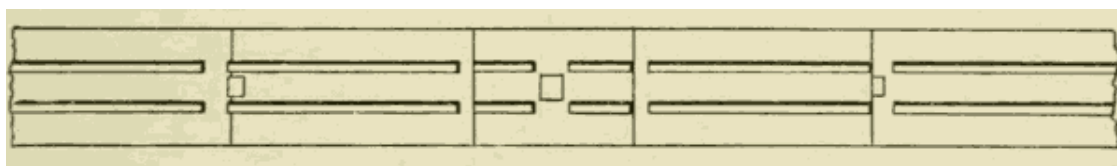

Рис. 41. Часть стартовых линий в Олимпии.

Самым интересным открытием в Олимпии стали линии, обозначавшие старт и финиш забегов (рис. 41). Эти линии состоят из каменных порогов шириной около 18 дюймов, простирающихся почти по всей ширине дистанции. Каждый порог разделен с интервалом около 4 футов квадратными гнездами, очевидно, предназначенными для установки столбов. Между каждой парой гнезд есть два параллельных желобка, вырезанных в камне на расстоянии около 7 дюймов друг от друга. Очевидно, что их назначение - обозначить место для ног бегунов. В западном подоконнике двадцать таких секций, а в восточном - двадцать одна, одна из которых, однако, короткая. В каждой секции есть место для одного бегуна. Западный подоконник находится на расстоянии 11 метров от конца стадиона, а восточный - всего лишь 9-1/2. Расстояние между двумя подоконниками составляет 192-27 метров, что дает -32045 - длину олимпийской стопы. Считается, что олимпийский фут был определен

Гераклом, который измерил стадион своими собственными ногами. Таким образом, стадион в Олимпии несколько длиннее других стадионов на материке.^[437]

Обнаружение подобных каменных порогов в гимнасии в Олимпии, а затем в Дельфах и Эпидавре делает вероятным, что они повсеместно использовались в греческих стадионах, хотя невозможно точно установить дату, когда они заменили более ранний обычай отмечать линии на песке. Причина, по которой линии одинаковы на обоих концах, очевидна. В беге по стадиям финиш находился в противоположном от старта конце, в диаулосе и других бегах, состоящих из четного числа стадий, бегуны финишировали там же, где и стартовали. Поэтому, поскольку было очевидно, что все забеги должны заканчиваться в одной и той же точке, необходимо было иметь стартовые линии в обоих концах. В Олимпии, вероятно, финиш находился в восточном конце дистанции. Здесь находились места элланодиков, а напротив них - место жрицы Деметры Хамины, единственной замужней женщины, возможно, единственной женщины, которой разрешалось быть зрителем в Олимпии.

Близко похожим на олимпийский стадион был стадион в Эпидавре,^[438] где еще во времена Пиндара отмечался праздник Асклепия. Он расположен в неглубокой впадине, образованной двумя невысокими хребтами, спускающимися на равнину с холмов, окружающих святилище Асклепия. Дно долины было выровнено, а ее восточный конец и часть бортов подняты насыпью. Западный конец долины открыт для посетителей, которые здесь, как и на всех греческих праздниках, могли свободно входить без оплаты. Длина трассы составляет 181-30 метров. Финиш и старт одинаковы, отмечены с обоих концов парой каменных столбов, между которыми лежит ряд каменных плит с параллельными желобками и гнездами, точно такими же, как в Олимпии, за исключением того, что здесь всего одиннадцать делений и параллельные желобки расположены несколько ближе, около четырех дюймов друг от друга. Тот факт, что в некоторых гнездах были обнаружены следы свинца, подтверждает мнение, что в них крепились железные столбы. Столбы, возможно, относятся к более раннему времени, чем плиты, когда начало и конец еще обозначались линиями, начерченными на песке между столбами. Каменные плиты, по-видимому, были добавлены в македонские времена, когда стадион был улучшен, и запись об этой реконструкции сохранилась в надписи, которая гласит, что некто Филон из Коринфа, взяв на себя контракт на обеспечение стартовых линий (ῥοττλακα) и не выполнив свой контракт в указанный срок, был осужден Агонотетами и Элланодиками на выплату штрафа в 500 драхм.^[439] Еще более поздняя, возможно, римская конструкция для начала строительства видна в пяти полуколоннах, установленных с обоих концов перед каменным порогом, который они, очевидно, должны были заменить (рис. 42). С каждой стороны этих столбов имеется неглубокий паз, предназначенный, по-видимому, для установки барьера или стартовых ворот, подобных тем, что использовались в римском цирке.^[440] Дополнительную трудность создают остатки четырех небольших каменных платформ, стоявших непосредственно перед каменными порогами, по две на каждом конце между внешними столбами и краем дорожки. Их назначение совершенно неизвестно, но тот факт, что они полностью перекрывают рифленые стартовые линии, расположенные сразу за ними, доказывает, что они принадлежали к какой-то более поздней конструкции. Возможно, это остатки промежуточной конструкции между каменным подоконником и столбами, а возможно, они служили для стартеров и судей в более поздние времена.

Рис. 42. Стадион Эпидавра, юго-восточный угол, с изображением стартовых линий и прямоугольного конца. (По фотографии г-на Эмери Уокера).

Еще одной интересной особенностью дистанции является то, что она была отмечена с обеих сторон на расстоянии плетра (100 футов) небольшими квадратными столбами. Эти столбы были бы очень полезны для соревнований, в которых, как в забеге девушек в Олимпийской Герее, пробегалась только часть дистанции. Они также могли служить для измерения расстояния при метании копья или дискабола. Финиш дистанции, очевидно, находился в восточном конце, вокруг которого и тянутся ряды сидений. Между финишем и сиденьями находится еще одно пространство глубиной около 16 метров, которое, возможно, использовалось, как и изогнутый сфендон в более поздние времена, для таких соревнований, как борьба, не требующих много места. Три стороны прямоугольника были окружены каменным бордюром на расстоянии чуть менее ярда от набережной и сидений. В северо-восточном углу стадиона находилась открытая воронка, снабжавшаяся водой из трубы и выходившая через каждые 30 ярдов в продолговатые бассейны, подобные тем, что находятся в Олимпии.

Сидения, как и стартовые линии, несут следы различных периодов; в отличие от Олимпии, кажется, что с ранних времен было предусмотрено определенное количество сидений, если мы можем назвать сидениями пять рядов небольших камней, сцементированных грязью, которые окружают восточный конец поля. За точками, где они заканчиваются, находятся многочисленные ярусы сидений по обеим сторонам, построенные из больших блоков обработанного камня. Неравномерность в количестве камней и их обработке показывает, что все они были построены не одновременно. На некоторых из них сохранились надписи посвятителей, которые, по-видимому, датируются периодом от Македонии до конца Римской республики. Но даже эти места полностью заканчиваются в западной половине стадиона, где, как и в Олимпии, зрители могли только стоять или лежать на берегах. К сиденьям через

определенные промежутки ведут лестницы. В центре сидений с северной стороны находится арочный проход, сообщающийся с квадратным ограждением на другой стороне набережной. Возможно, это место было местом сбора официальных лиц и участников соревнований, которые входили на стадион в парадном виде через арочный проход. На южной стороне стадиона, недалеко от финиша, находятся четыре каменных блока длиной около 15 футов и высотой 16 дюймов, которые, вероятно, служили местами для элланодиков. Ниже, напротив арочного прохода, находятся остатки изогнутого сиденья, которое, возможно, также служило для официальных лиц. Оно находится более чем в 40 ярдах от финиша, и если копье или дискосбол бросали с финиша, то это было бы удобным местом для судей на этих соревнованиях. Также представляется вероятным, что после возведения более поздних сидений борьба и другие состязания подобного рода проводились напротив этих мест, а не в восточном конце поля. За этим изогнутым сиденьем широкая лестница ведет на платформу, расположенную на полпути к сиденьям. Здесь, по предположению Каввадиаса, стоял стол, на который клали призы, здесь глашатай объявлял имя и город победителя, и здесь победители получали свои короны из рук элланодиков. Отсюда же можно предположить, что по окончании дневных игр элланодики вместе с победителями отправлялись в триумфальное шествие и, пройдя через официальный вход с северной стороны, направлялись к храму Асклепия, чтобы выразить благодарность и принести обеты покровителю праздника.

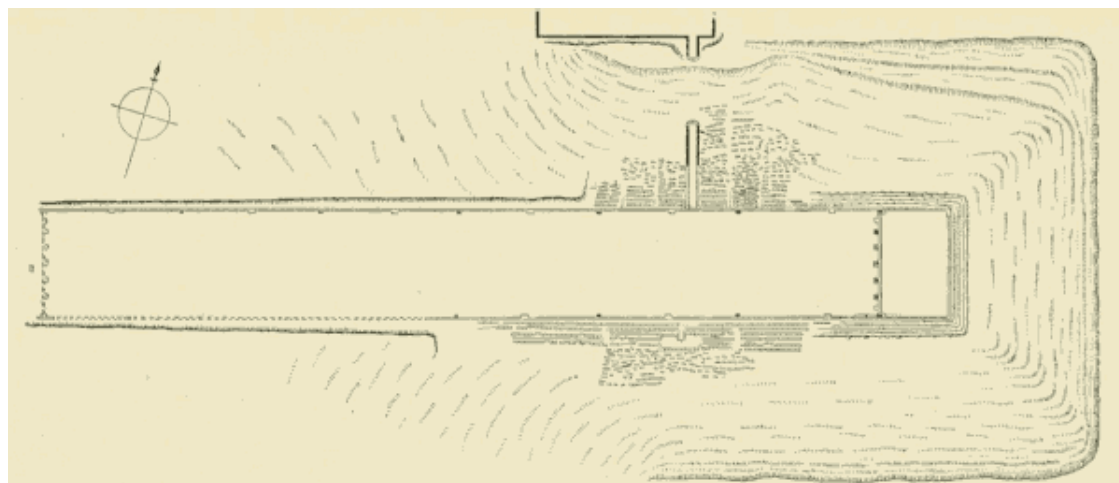

Рис. 43. Стадион Эпидавра.

Дальнейший этап развития стадиона можно увидеть на стадионе в Дельфах, наиболее сохранившемся и романтичном по своему положению из всех греческих стадионов. Он расположен на скалистом шельфе к северо-западу от священного участка у подножия утесов Парнаса, которые отвесно возвышаются над ним на высоту 800 футов, и смотрит вниз на долину Плейстуса и Хрисейдскую равнину. Как и в Олимпии, здесь, по-видимому, не было постоянного стадиона до второй половины V века.^[441] Во времена Пиндара атлетические состязания проходили на равнине внизу, где, за неимением достаточного места в самих Дельфах, должно быть, продолжал существовать ипподром.^[442] Кажется вероятным, что изменения произошли между 448 и 421 годами до н. э., когда управление фестивалем находилось в руках фокийцев. Для строительства стадиона на крутом склоне горы потребовалось возвести массивную подпорную стену, дата возведения которой приблизительно установлена по встроенной в нее надписи пятого века, запрещающей вносить вино в дромос.^[443]

Рис. 44. Стадион в Дельфах.

Стадион в том виде, в каком мы видим его сегодня, в основном принадлежит Героду Аттику, который, по словам Павсания, облицовал его мрамором, как он, несомненно, сделал это в Афинах.^[444] Французские раскопки, однако, показывают, что утверждение Павсания вряд ли может быть точным. Сиденья сделаны не из мрамора, а из местного камня, и, судя по всему, вполне целые. Нет никаких признаков того, что мраморная облицовка существовала, и на стадионе не было найдено ни одного следа мрамора. Если мрамор и использовался, то только для специальных частей сидений. Однако и без мрамора внешний вид стадиона достаточно внушителен. Собственно дорожка ограничена с двух сторон каменным порогом, подобным тем, что встречаются в Олимпии и Эпидавре. Каменный порог состоит из 17 или 18 секций, а параллельные канавки расположены на расстоянии около 3-1/2 дюйма друг от друга. Длина дорожки составляет 177-5 метров, а ее ширина варьируется от 25-1/2 метров на концах до 28-1/2 метров в центре. Цель этого изгиба, который мы встречаем в Афинах и в гораздо менее выраженной степени в других местах, заключалась в том, чтобы дать зрителям лучший обзор всей трассы. Западный конец заканчивается неглубоким изогнутым сфендоном глубиной 9-1/2 метра, а восточный конец имеет такой же изгиб, хотя на юге кривая прерывается главным входом на стадион с участка внизу. В этом восточном конце стоят четыре колонны плохой и поздней работы, которые, похоже, служили триумфальным входом для официальных лиц и участников соревнований. Две стороны и западный сфендон окружены рядами каменных сидений, возвышающихся на каменном фундаменте высотой 5 футов. На юге и западе расположено по шесть рядов сидений, на севере - двенадцать, что позволяет разместить около 7000 зрителей, хотя гораздо больше могли бы найти место на склонах над стадионом севере. Ступени в восточной части открывали доступ к двум коридорам, которые проходили прямо вокруг стадиона, над и под ярусами сидений. Последние были разделены лестницами, расположенными через равные промежутки. Их было тринадцать с каждой стороны, что делило стадион на двенадцать равных отрезков длиной в половину плетра, и эти отрезки, как и аналогичные отрезки в Эпидавре, могли служить для целей измерения. Еще одна деталь, напоминающая об эпидавском стадионе, - почетное место, занимающее центр первых двух рядов сидений на северной стороне.

Рис. 45. Стартовые линии в Дельфах. (С фотографии мистера Эмери Уокера).

Таким был пифийский стадион, восстановленный Геродом Аттиком. До его времени он, должно быть, представлял собой нечто гораздо более простое. Изогнутого конца и каменных сидений не существовало. Вместо этого северный склон был грубо выровнен, а насыпь поднята над южной подпорной стеной, так что дорожка как бы лежала во впадине, от чего она и получила свое народное название Лаккома или "впадина". В промежутках между фестивалями она, вероятно, использовалась мало: заросла сорняками, возможно, ее использовали для выпаса скота. Поэтому, когда приближалось время фестиваля, стадион нужно было приводить в порядок, и эта работа выполнялась по контракту. У нас есть различные записи об этих контрактах. В 338 году до н. э. некий Геликсий получил контракт на работы на пифийском стадионе. В отчетах архонта Диона (258 г. до н. э.) перечисляется ряд работ, связанных с гимнасием, стадионом и ипподромом, которые бросают неоценимый свет на детали этих учреждений.^[445]

Сначала само поле и окружающие его насыпи (τὰ στέφοντα) были тщательно очищены от сорняков и мусора. Эта расчистка (ἐκκάθαρσις) обошлась в 15 статеров. Затем дорожка и места для прыжков (τὰ ἄλματα) были вскопаны и укатаны (σκάψις καὶ ὀμάλιξις) на сумму 110 статеров, и наконец она была засыпана 600 медимной белого песка, что, по цене 1-2/3 обола за медимной, составило 83 статера 4 обола. Затем вокруг поля был возведен барьер (φράξις) стоимостью 5 статеров, а также эшафот из сидений стоимостью 29 статеров. Небольшая сумма, потраченная на последний пункт, доказывает, что это было всего лишь временное сооружение, вероятно, из дерева, предназначенное не для всех зрителей, а лишь для нескольких знатных особ. 36 статеров было потрачено на стартовые линии и поворотные столбы (καρπτήρες), а 8 статеров - на приспособления для пятиборья, предположительно для метания диска и копья. Далее, 77-1/2 статера были потрачены - если восстановление надписи верно - на подготовку боксеров, что является значительной суммой по сравнению с другими статьями, и это говорит о том, что, возможно, была возведена какая-то возвышенная платформа, чтобы как можно больше людей могли наблюдать за этим чрезвычайно популярным событием. Также была возведена сцена для музыкальных состязаний и

триумфальная арка, или $\psi\acute{\alpha}\lambda\iota\varsigma$, вероятно, на месте, занятом впоследствии четырьмя колоннами, описанными выше.

Рис. 46. Стадион в Дельфах.

О временном характере этих сооружений в достаточной степени свидетельствует их стоимость. Статер был равен двум эгинетическим драхмам, равным 96 зернам, и примерно равен двум шиллингам наших денег, хотя его покупательная способность была значительно выше. Во времена Перикла аттическая драхма в 67 зерен была дневным заработком ремесленника; в третьем веке ее покупательная способность, вероятно, была меньше. Приняв половину драхмы за зарплату рабочего, мы обнаружим, что расчистка русла и набережных занимала 60 человек в день.

Недавняя реставрация Панафинейского стадиона^[446] для возрожденных Олимпийских игр позволила нам осознать то великолепие, которым он был обязан своей реконструкции Геродом Аттиком во втором веке нашей эры. До IV века до н. э. Панафинейские игры, по-видимому, проводились в каком-то месте в Эхелиде, которое находилось между Пейреем и Афинами. Никаких следов этого стадиона пока не обнаружено, и вполне вероятно, что его устройство было таким же простым, как и в Олимпии в ранние времена. Из Ксенофонта мы узнаем, что искусственных барьеров, отгораживающих зрителей от поля, не было; в своем трактате об обязанностях кавалерийского офицера он рекомендует ставить всадников перед толпой на смотрах и скачках, чтобы поддерживать порядок, но с достаточными интервалами, чтобы не мешать зрителям смотреть.^[447] Первый постоянный стадион был построен Ликургом во второй половине четвертого века в глубоком овраге на левом берегу Илисса. Земля была собственностью патриотически настроенного гражданина Демиа, который в знак уважения к Ликургу подарил ее государству. Его примеру последовали и другие граждане: некий Эвдем, предоставивший для работы тысячу волов, был вознагражден публичным благодарственным

голосованием. Работа заключалась в том, что южный конец оврага был закрыт насыпью и выровнен для проведения соревнований, которые были отделены от зрителей невысокой стеной, за которой проходил канал для отвода дождевой воды. Финиш и старт, вероятно, были обозначены, как и в Олимпии, линиями из каменных плит, но мест для зрителей, за исключением официальных лиц и почетных гостей, не было. Мы слышим о ремонтах, которые проводились на стадионе в разное время, но, вероятно, он сохранил свой первоначальный вид до времен Ирода Аттика. Большая часть обнаруженных останков относится к его реконструкции.

Длина арены, огороженной мраморным парапетом, составляла 205 метров, а ширина - 33 метра. Она заканчивалась полукруглым сфедоном, который был отделен от собственно беговой дорожки каменной стартовой линией, остатки которой были найдены. Поскольку, однако, не было обнаружено никаких следов соответствующей линии на другом конце, невозможно точно определить длину дорожки. Она должна была составлять примерно 177 метров. На обоих концах стартовой линии стояли каменные столбы, а между ними - четыре любопытные двуглавые гермы. Два из них были найдены почти нетронутыми, также были найдены части двух других.^[448] Они состоят из квадратных столбов высотой около 6 футов, на которых стоят спина к спине две головы, одна бородатая, другая безбородая, иногда говорят, что они изображают молодого Аполлона и бородатого Диониса. Головы, грубой и незаконченной работы, вероятно, являются копиями второго века с ранних оригиналов. Столбы разделены на высоте 3 футов узкой щелью, через которую, как предполагают, могла проходить веревка, используемая для запуска скачек. Расположение этих герм вдоль стартовой линии напоминает несколько похожих рядов столбов в Эпидавре и Приене. Столбы в Эпидавре, как помнится, также имели желобки по обеим сторонам, хотя они не проходили, как в Афинах, прямо через столбы. Ввиду такого сходства кажется вероятным, что и пазы, и прорезы служили для крепления либо стартовых ворот, либо барьера, которым ограждали площадку, когда проводились опасные представления, например, бои диких зверей. Известно, что такие зрелища выставлялись на стадионе. Император Адриан по одному случаю предоставил для этой цели 1000 диких животных. Вероятно, именно для обеспечения безопасности зрителей в таких случаях сиденья, окружающие всю арену, были подняты на мраморный цоколь высотой почти 6 футов. Над ним возвышались 46 рядов мраморных сидений, способных вместить не менее 50 000 зрителей. В том месте, где с северной стороны начинался изгиб сфендона, сводчатый проход вел под сиденья и через холм в долину. Возможно, первоначально этот проход, подобно тайному входу в Олимпию, служил для входа официальных лиц и участников соревнований. В своей более поздней и более сложной форме он, вероятно, предназначался Иродом для впуска диких зверей, как и подобные своды в римских амфитеатрах. Главный вход находился на другом конце стадиона, у Илисса, где, судя по всему, были возведены тщательно продуманные Пропилеи, а весь эффект значительно усиливала мраморная дорическая колоннада, венчавшая холмы над верхними сиденьями сфендона.

Стадион в Приене^[449] представляет такие же трудности, как и стадионы в Эпидавре и Афинах. Судя по всему, он был построен одновременно с нижним гимнасием во II веке до н. э., но значительно изменен в более поздние времена. Он построен внутри южной стены города и поддерживается с южной стороны массивной подпорной стеной. Торцы квадратные, а сиденья расположены только вдоль северной стороны. Здесь двенадцать рядов мраморных сидений, самые низкие из которых опираются на мраморный цоколь высотой 3-1/2 фута. Мраморные сиденья находятся только в центре, простираясь на расстояние около трети поля. За ними в обоих концах зрители должны были сидеть на деревянных сиденьях или на набережной. За неимением сфендона торжественная часть игр, объявление победителей и

вручение призов, должно быть, происходила в центре поля. Над сиденьями расположена терраса, за которой находится дорическая колоннада, тянущаяся по всей длине стадиона. В западной части стадиона были обнаружены стартовые линии, но раскопки в восточной части оказались безрезультатными. На западной стартовой линии видны следы более раннего и более позднего расположения. Более раннее расположение представлено восемью квадратными плитами, в которых вырезаны гнезда для столбов из дерева или металла, такие как встречаются в Олимпии и других местах, но нет никаких признаков плит, отмеченных параллельными пазами между столбами. Сразу за этой линией плит находится ряд из десяти столбов, стоящих на каменном подоконнике, в котором вырублен прогон, идущий по всей длине подоконника с двумя короткими ответвлениями в центре. Эта воронка, которая, очевидно, служила для отвода части воды, естественным образом стекавшей на стадион, должна была быть закрыта каменными плитами между колоннами. Найдены лишь небольшие фрагменты колонн, но они указывают на то, что по бокам были продольные канавки, которые, возможно, служили для создания барьера или стартовых ворот. Общая длина стадиона составляет 191 метр; возможно, реальная длина трассы была, как в Дельфах, около 177 метров.

Нет необходимости подробно описывать остатки других многочисленных стадионов, найденных в греческих землях; но несколько особенностей, которые они представляют, можно отметить как , иллюстрирующие развитие стадиона и способ, которым греки приспосабливались к характеру земли. В Мессене, как и везде, была использована неглубокая долина.^[450] Стадион состоит из двух частей - старой насыпной части, образующей собственно ипподром, и необычайно сложного сфендона. В первой части стороны долины были аккуратно выложены террасами, но каменные сиденья не были предусмотрены, и не было сделано никаких попыток сделать две стороны параллельными. Сфендон был значительно более узким, чем на самом деле, и имел необычную глубину, а стороны полукруга продолжались на некоторое расстояние прямыми параллельными линиями. Он выложен камнем, а высота над ним заключена в замысловатый квадратный двор, окруженный с трех сторон колоннадами, которые продолжают по обеим сторонам хода. Подобное сужение входа в сфендон встречается в Эфесе,^[451] где изгиб сфендона сделан по обеим сторонам так, чтобы выступать в русло. Такое усовершенствование сфендона явно связано с его использованием для музыкальных и драматических представлений и знаменует снижение значимости атлетических состязаний. В Аезани один конец стадиона был закругленным, другой - прямым и служил сценой для сложного каменного театра. Наконец, последний этап в эволюции стадиона достигнут в Афродисиасе в Кари.^[452] Здесь поле симметрично со сфедоном на обоих концах, и все окружено колоннадой и стеной, через пятнадцать отверстий вдоль одной стороны можно попасть на зрительские места, а различные подземные ходы обеспечивают доступ к арене через склон холма. От римского амфитеатра такой стадион отличается только своими пропорциями, узостью по сравнению с длиной. Действительно, мы узнаем, что большой стадион в Лаодикии был фактически превращен в амфитеатр.^[453]

Во всех описанных стадионах существенной частью является прямоугольная площадка, ограниченная с обоих концов прямой линией. Ни в одном из раскопанных стадионов не обнаружено никаких следов трех столбов или мета, образующих линию посередине поля, которые были характерными чертами греческого ипподрома и римского цирка, и которые до сих пор фигурируют в описаниях и планах греческого стадиона, приводимых в наших справочниках и словарях. Единственным авторитетом для такого расположения является примечание схолиаста к известному описанию пифийских игр в *"Электре"* Софокла.^[454] Он утверждает, что на поле стояли три камня или квадратных столба, на которых с одной

стороны были соответствующие надписи ἀρίστευε, σπεύδε, κάμψον - "Будь вынослив", "Будь быстр", "Поворот". Теперь ни в коем случае нельзя быть уверенным, что достойный схолиаст вообще имеет в виду пешие скачки; замечание о столбах было бы гораздо уместнее в связи с конными скачками, в которых, как помнит каждый читатель, столб является причиной предполагаемой катастрофы Ореста; более того, практически то же самое замечание повторяется в связи с колесницами другим схолиастом, который подразумевает, что на трассе было несколько таких квадратных столбов. Но даже если отрывок относится к стадиону, из него не следует, что столбы находятся в центре поля, и описание в равной степени относится и к квадратным столбам, установленным по обеим сторонам поля в Эпидавре, если предположить, что на них есть надписи. Когда в 1870 году был найден первый из двойных герм в Афинах, сразу же было сделано заключение, что это один из этих трех столбов, но последующее обнаружение частей трех других герм почти *in situ* вдоль стартовой линии доказывает несостоятельность этого мнения. В то же время, хотя мы должны отказаться от идеи какой-либо линии мета для греческого стадиона, мы обнаружим, что в длинном забеге бегуны, вероятно, оббегали два столба, установленных в центре стартовых линий с обоих концов, но эти столбы должны были быть из металла или дерева.

Описанные выше примеры позволяют нам с некоторой долей уверенности проследить историю греческого стадиона. В своей простейшей форме он представляет собой длинный параллелограмм, обозначенный двумя линиями с обоих концов. Зрители стоят вдоль поля на возвышенных берегах, естественных или искусственных. Каменные сиденья впервые появляются, возможно, в пятом веке в Эпидавре. Во второй половине третьего века появляются более сложные каменные сиденья в центре поля, где, по-видимому, обычно находилось почетное место. Изогнутый сфендон с рядами сидений появляется только эллинистического периода. Наконец, когда оба конца изогнуты, стадион приближается к типу римского цирка, и сходство увеличивается за счет добавления колоннад либо вокруг сфендона, либо вокруг всего поля. Развитие собственно ипподрома происходит более стремительно: потребности спортсменов появились раньше, чем потребности зрителей. Стартовая и финишная линии, по-видимому, впервые были обозначены временными или постоянными столбами по обеим сторонам. Такие столбы существуют в Эпидавре, а на Панафинейском стадионе они сохранились гораздо позже. Столбы часто изображаются в атлетических сценах на вазах пятого века.^[455] Часто они являются просто условным знаком, используемым художником на вазах для обозначения зданий гимнасия или палестры. На пеших и конных скачках можно предположить, что они представляют собой столбы на старте или финише забега. Они встречаются в основном на краснофигурных вазах, и обычным типом является рифленый столб, часто стоящий на квадратном основании. Стартовые линии с двойными желобками появляются, безусловно, в македонские времена, хотя их введение вполне может восходить к закладке стадионов в Олимпии и Дельфах в V веке. О том, какое значение придавалось стартовым линиям, свидетельствует их частое упоминание в надписях. Наконец, в римские времена стартовые линии были заменены рядом столбов, между которыми устанавливался какой-либо барьер. Детали и использование всех этих приспособлений будет удобнее обсуждать в связи с собственно бегом.

Стадион использовался и для других мероприятий, помимо бегов, но где они проходили и что для них было приготовлено, мы сказать не можем. Дельфийская надпись, процитированная выше, доказывает, что были приняты специальные меры для прыжков, метания диска или копья, а также для бокса. Разумно предположить, что для дискобола и копья использовались стартовые линии, которые, несомненно, должны были метаться по всей длине дистанции. Вполне вероятно, что в более поздний период на сфендоне проводились борцовские и боксерские поединки. Но во многих ранних стадионах в конце вряд ли было достаточно

места для этих состязаний, которые были бы слишком далеки от основной массы зрителей. В Олимпии мы видим основания считать, что они проходили не на стадионе, а в Альтисе. В противном случае представляется вероятным, что они проводились в центре стадиона, где, по-видимому, часто возводились почетные места. Но все это лишь предположения.

ГЛАВА XIII БЕГ НА НОГАХ

Длина различных скачек определялась у греков длиной стадиона. Стадионный забег, как следует из названия, имел одинарную длину, примерно 200 ярдов. Диауλος был вдвое длиннее стадиона, или 400 ярдов. Длина долихоса или длинного забега, по разным данным, составляла 7, 12, 20 или 24 стада, от семи фурлонгов до почти трех миль.^[456] Расхождения в этих утверждениях, вероятно, связаны с тем, что расстояния на разных фестивалях и в разные периоды были разными, как и в наши дни. Для Олимпии данные свидетельствуют в пользу гонки на 24 стада. Эти три вида гонок, похоже, были универсальными. В Истмии, Немее и Панафинейх также проводился двойной диауλος из четырех стадий, называемый конным диаулом (ἵππιος или ἑφίππιος) из-за того, что длина дистанции на ипподроме составляла две стадии, или вдвое больше, чем на стадионе.^[457] Существовали различные гонки для разных возрастов, и вполне возможно, что гонки для мальчиков были короче, чем для мужчин. Платон, набрасывая свою идеальную схему физического воспитания, утверждает, что мальчики должны бежать половину длины мужской дистанции, а "безбородые" - две трети дистанции.^[458] Мы не знаем, имела ли его схема под собой основание, но точно известно, что в забегах девочек в Олимпии дистанция была на одну шестую короче обычной. Помимо этих чисто атлетических состязаний, существовали забеги в доспехах, введенные в военных целях ближе к концу шестого века, и различные церемониальные состязания, такие как забег с факелом, сохранившиеся от древних религиозных обрядов.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о возрасте участников. То, что верно в отношении пешего бега, справедливо, конечно, и для всех остальных соревнований.

На разных праздниках классификация участников по возрасту была разной. В Олимпии и Дельфах было только два класса - мужчины и мальчики. Надпись, содержащая правила проведения Августалий в Неаполе, гласит, что участники соревнований среди мальчиков должны быть старше семнадцати и моложе двадцати лет.^[460] Поскольку Августалии проводились по образцу Олимпии, кажется вероятным, что это были олимпийские границы возраста. Но разумно предположить, что допускалась определенная свобода действий, и элладотики проявляли значительную свободу в своих суждениях, принимая во внимание не только предполагаемый возраст спортсмена, но также его рост и силу. Так, нам рассказывают, что Агесилай убедил чиновников допустить к участию в соревнованиях мальчиков молодого афинянина, которого в противном случае дисквалифицировали бы из-за того, что он был крупнее других мальчиков. С другой стороны, один Никасил из Родоса, которому было восемнадцать лет, был фактически дисквалифицирован и, соответственно, участвовал и победил в мужских соревнованиях.^[461] Возможность победы мальчика среди мужчин доказывает, что верхняя граница возраста была высокой. В качестве

примечательного факта упоминается, что двадцатилетний юноша побеждал в открытых соревнованиях на всех четырех панэллинских праздниках.^[462] Учитывая эти факты, мы можем с некоторым подозрением отнестись к истории, рассказанной Павсанием, о том, что некий Дамиск из Мессены победил в пеших состязаниях мальчиков в нежном возрасте двенадцати лет!^[463]

В Немее и Истмии мы находим троекратное деление на мальчиков, юношей (ἁγένοι) и мужчин. Возраст, обозначаемый этими терминами, варьировался в зависимости от правил различных праздников. В более поздних надписях мы находим выражения "пифийские мальчики", "истмийские мальчики", используемые для обозначения мальчиков в пределах возраста, предписанного на этих фестивалях.^[464] Приблизительно кажется вероятным, что мальчиками были те, кому было от двенадцати до шестнадцати лет, а безбородыми - те, кому было от шестнадцати до двадцати.^[465] В других местах, особенно на местных соревнованиях, мы имеем гораздо более продуманную классификацию. На Эротидии в Беотии мальчики делились на "младших" и "старших". На Хиосе мы находим пять классов - мальчики, младшие эфебои, средние эфебои, старшие эфебои, мужчины.^[467] На афинских Тесеях проводятся соревнования для мальчиков первого, второго и третьего возраста, в которых участвуют только афиняне, и открытые соревнования для мальчиков любого возраста.^[468] Аналогично, в соревнованиях девочек по бегу на Олимпийских Гераях девочки делятся на три возраста.^[469]

Существует общее, но ошибочное представление о том, что у греков бег на стадионах почитался выше всех остальных состязаний.^[470] Нет никаких доказательств того, что бег на стадионах имеет преимущественное значение перед другими состязаниями или бег на стадионах перед другими беговыми состязаниями. Правда, Ксенофан говорит о том, что быстрота ног ценится больше, чем сила. Тот факт, что из восьми мужских атлетических состязаний, существовавших в Олимпии в его время, четыре были бегом на ногах, а бег на ногах также составлял часть пятиборья, является достаточным объяснением такого утверждения. Но достаточно взглянуть на эпиникии Пиндара и Вакхилида или на список атлетических статуй в Олимпии, чтобы доказать, что на слова Ксенофана не стоит давить. Из 25 атлетических од Пиндара 6 посвящены победам в беге, в том числе одна - двойной победе в пятиборье и беге на стадионе, 19 - другим состязаниям. У Вакхилида три из девяти од посвящены победам в пешем беге. В Олимпии 45 статуй были воздвигнуты за победы в четырех видах бега, 59 - за победы в боксе, 39 - в борьбе, 20 - в панкратионе.^[471] Эти цифры убедительны для Олимпии и Пелопоннеса. Единственное свидетельство обратного приходит из Афин. В Панафинях победитель бега на стад получал 50 амфор масла, панкратиаст - 40, а остальные победители - только 30.^[472] Надпись, в которой зафиксированы эти факты, относится только к соревнованиям для мальчиков и юношей, но, вероятно, такое же соотношение наблюдалось и в соревнованиях для мужчин. О популярности пешеходного бега в Афинах говорит тот факт, что на Панафинях во II веке проводилось не менее девяти забегов, не считая пятиборья. Из панафинейских ваз, которыми мы располагаем, гораздо больше относятся к бегу на ногах, чем к какому-либо другому состязанию. Большинство побед, одержанных афинянами в Олимпии, были одержаны в беге на короткие дистанции, а единственным соревнованием, в котором они показали свое превосходство, был панкратион. Эти факты полностью соответствуют всему, что мы знаем об афинском характере, в котором вместе с безрассудной смелостью и любовью к приключениям сочеталась конституционная нелюбовь к длительным нагрузкам.^[473] Но родиной греческой атлетики были не Афины, а Пелопоннес, и здесь, по крайней мере, стайерский бег не имел преимущественного значения. Выбор победителя этого забега в качестве эпонима Олимпиады уже объяснялся тем, что этот забег был первым в списке; отчасти это может быть связано и с литературным превосходством Афин.

С самого раннего времени греки отказались от использования набедренной повязки в беге и бежали абсолютно голыми. Для этого, как и для всех атлетических упражнений, тело тщательно смазывали маслом. Вакхилид описывает, как Аглаус Афинский в двойном диаулосе, когда на финише забега он устремлялся в ликующую толпу, смазывал маслом одежду зрителей.^[474] Соревнующиеся бежали босиком и с голой головой. Сапоги из мягкой кожи (ἐνδρομίδες), о которых говорит Поллукс, носили только курьеры и посыльные, а не атлеты.^[475] Мы не видим их следов на вазах.

Мы видели, что начало (ἄφεσις) беговой дорожки было отмечено двумя параллельными желобками на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Хотя свидетельства раскопок не позволяют нам точно определить дату каменных порогов, в которых вырезаны эти линии, частые упоминания у писателей V века о стартовой линии (ὑράμνη) доказывают, вне всякого сомнения, что именно таким был способ старта в V веке и ранее. Здесь, как гласит старая песня, глашатай призывал участников "встать нога в ногу", как мы видим на вазах.^[476] Сигнал к старту давал глашатай, призывая "Вперед" (ἄπιτε),^[477] или, возможно, как в гонках на колесницах, взрывом трубы.^[478] Тогда, как и сегодня, бегуны старались взять хороший старт и перехватить ярд или два. Но греческие методы поддержания дисциплины были более радикальными, чем наши. "Тех, кто начинает слишком рано, бьют", - говорит Адеймант Фемистоклу на историческом совете перед Саламином.^[479]

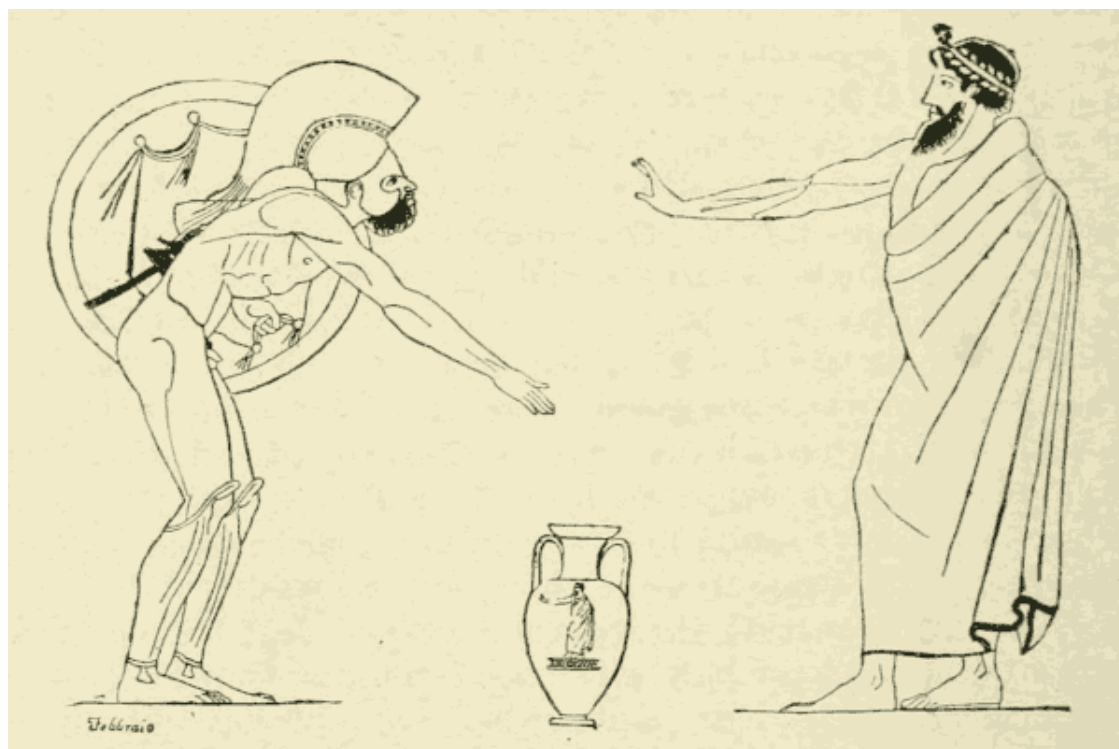

Рис. 47. Р.-ф. Амфора. Лувр.

Но для чего нужна была двойная линия? И здесь параллельные канавки не могли быть новшеством, появившимся вместе с каменными порогами; они, несомненно, представляют собой практику более раннего времени. Две линии были вырезаны в камне, потому что ранее две линии были отмечены на песке. Они, конечно, не могли быть предназначены для того, чтобы обеспечить твердую опору для ног бегунов, и нет ни малейшего доказательства естественному и привлекательному предположению, что грек стартовал с рук, как современный спринтер, и что желобки обеспечивали захват для его пальцев.^[480] Линии, похоже, были предназначены только для того, чтобы обозначить положение для обеих ног. Зачем это было сделано, сомнительно. Подразумеваемая поза несколько стеснена для

начинающего. Возможно, цель заключалась в том, чтобы усложнить переманивание на старте. Как бы то ни было, несомненно, что греческий бегун стартовал с ногами, расположенными близко друг к другу в положении, требуемом линиями.^[481] Эта поза изображена на нескольких вазах; но лучшим примером ее является очаровательная бронзовая статуэтка гоплитодромоса из Тюбингена (рис. 12).^[482] Он стоит с правой ногой на несколько дюймов позади левой, пальцы правой почти на одном уровне с левой ступней. Оба колена слегка согнуты, тело наклонено вперед, а правая рука выдвинута вперед для сохранения равновесия. Вся поза - это поза человека, находящегося в боевой готовности, готового в любой момент начать атаку. Щит на левой руке отломан. На краснофигурной амфоре в Лувре (рис. 47)^[483] гоплитодромос изображен почти в такой же позе. Напротив него стоит задрапированный и увенчанный венком чиновник с вытянутой правой рукой, повернутой несколько вверх и назад. Это необычайно уместный жест, который мы часто встречаем в атлетических сценах. Кажется, мы почти слышим, как он говорит бегунам: "Будьте начеку". Другой рисунок показывает нам безоружного бегуна, стоящего у столба и готового к старту, в то время как молодой чиновник держит над ним вилообразный жезл, которым поправляет его, если он слишком рано покинет отметку (рис. 48). Положение ног такое же, но тело больше наклонено вперед, и, не имея щита, который бы ему мешал, он держит обе руки впереди. Более вертикальное положение показано на рис. 49, взятом из "Мейстершаленов" Хартвига. Позиция, показанная на этих примерах, по своей сути аналогична той, которую принимают многие бегуны в наши дни, с той лишь разницей, что современный бегун стартует, расставив ноги несколько шире, и поэтому его поза менее стеснена.

Рис. 48. Р.-ф. киликс. Ранее работал в Неаполе.

Рис. 49. Р.-ф. киликс. Кьюзи.

Такова была позиция, принятая на старте в V веке, и она сохранялась до тех пор, пока и везде, где продолжали использовать стартовые линии с двойным рифлением. Однако кажется, что иногда бегуны располагались за барьером, образованным веревкой (ὑστλήξ) или деревянным брусом, и что сигнал к старту давался опусканием этой веревки или бруска.^[484] Вербки, как мы знаем, использовались в гонках на колесницах, причем перед каждой колесницей натягивалась отдельная веревка. Аристофан использует фразу "с одной веревки" (ὑπὲρ ἑνὸς μίᾱς ὑστλήγιδος) для обозначения одновременного движения "в едином порыве". Вазовые росписи не дают ни малейшего указания на использование веревки в пеших гонках. Единственный возможный след ее использования, обнаруженный при раскопках, - это линия герм в Афинах, которая не может быть более ранней, чем императорские времена. Столбы, установленные в квадратные гнезда вдоль стартовой линии, не могли использоваться для поддержки каната, поскольку такой канат несовместим с использованием стартовых линий. Нет никаких свидетельств ее использования в пеших состязаниях вплоть до III века до н.э., когда мы находим упоминание о **сложных** состязаниях, когда мы находим упоминание о ὑστλήγες в надписях, относящихся к стадиям в Эпидавре и Афинах,^[486] и несомненную аллюзию на него у поэта Ликофрона, который говорит о "крылатом бегуне, прорывающемся через веревку балбис". Даже тогда мы можем сомневаться, что его использование было всеобщим. С веревкой невозможен фальстарт; и все же упоминания о том, что бегуны переманивались на старте, встречаются в литературе от Геродота до Плутарха и даже позже.^[488] Тем не менее, несомненно, что веревка иногда использовалась, что ее поднимали на некоторую высоту над землей и натягивали перед

бегунами, и что сигнал к старту давался сбрасыванием веревки. Поздняя эпитафия сообщает нам, что это сопровождалось звуком.^[489] В отсутствие конкретных доказательств можно предположить, что она приводилась в действие пружиной, возможно, по примеру современных стартовых ворот. Некоторую поддержку этому предположению оказывает использование слова ὤσπληξ для обозначения пружинной охотничьей ловушки.

Упоминается также деревянный брус, установленный перед бегунами, удаление которого давало сигнал к старту.^[490] Такой барьер вряд ли мог появиться раньше эпохи империи и, вероятно, был заимствован из римского цирка. Как уже говорилось в предыдущей главе, возможно, что пазы в колоннах в Афинах и Эпидавре служили для удержания какого-то твердого барьера такого рода.

В беге по стадиям бегуны делились на забеги (τάξεις), которые разыгрывались путем помещения в шлем жребия, помеченного различными буквами алфавита.^[491] Если, как это вероятно в Олимпии, каждый забег состоял из четырех, то было четыре жребия, помеченных буквами Α, Β и так далее. Похоже, что второй жеребьевки не было, но все победители забегов участвовали в финале вместе, так что победитель финала побеждал дважды.^[492] На стартовых дорожках в Олимпии хватало места сразу для двадцати бегунов. В коротких забегах поле часто бывает большим, и мы слышали, что не менее семи кротонiatов выиграли свои забеги на одной Олимпиаде.^[493] Нет причин полагать, что забеги всегда были ограничены четырьмя. Их количество, естественно, определялось числом участников и длиной стартовых линий. На панафинейских вазах, изображающих этот забег, мы видим обычно четырех, но иногда двух, трех или пяти бегунов, хотя делать выводы на основании этого свидетельства небезопасно: количество фигур на рисунке в значительной степени определяется соображениями пространства.^[494] В одном мы можем быть уверены, несмотря на утверждения об обратном в современных учебниках: забеги были организованы так, чтобы избежать необходимости отмашки. Один нечетный бегун присоединялся к одному из забегов, два и более образовывали забег самостоятельно. Применялись ли забеги в более длинных гонках, мы не знаем.

На старте бегунов отделяли друг от друга столбы, вделанные в каменный порог, а в более поздние времена - более массивные столбы, и такие же столбы или столбы обозначали финиш или поворотную точку. Предполагается, что к этим столбам крепились веревки, которые проходили по всей длине дистанции и отделяли бегунов друг от друга. К сожалению, нет никаких доказательств этого естественного и привлекательного объяснения, а те, которыми мы располагаем, неблагоприятны. Время от времени мы слышим, как бегуны мешают друг другу, держась за руки, спотыкаясь и перебегая дорогу.^[495] Такие нечестные приемы, похоже, были редкостью и, конечно, строго запрещались. Участники соревнований в Олимпии давали торжественную клятву воздерживаться от любых нечестных игр. Но на канатной трассе такие действия невозможны. Конечно, они могли быть ограничены гонками на длинные дистанции, в которых дистанция, конечно, не была канатной. Но это всего лишь предположение, и в условиях недостатка доказательств мы должны искать какое-то другое объяснение постов. В первую очередь они должны были служить ориентирами для бегунов, что очень необходимо на широкой дорожке длиной в 200 ярдов, где без посторонней помощи бежать прямо совсем не просто. Возможно, каждый столб отличался каким-то особым знаком или цветом. Затем в диаулосе бегуны, вероятно, поворачивали вокруг этих столбов, каждый вокруг своего. Наконец, поскольку на финише, похоже, не использовали ленту, они должны были дать судьям наиболее полезную линию для оценки близкого финиша. Возможно, побеждал тот, кто первым касался своего столба, а бегуны в свою очередь должны были касаться своих столбов. Но это всего лишь предположение.

Рис. 50. Панафинейская амфора. VI век. (*Mon. d. I. I. xxii. 7 b.*)

В беге по стадиону каждый бегун бежал прямо к столбу, противоположному его стартовой точке. Способ проведения других забегов определить сложнее. Центральный столб в одной из линий в Олимпии больше остальных, и доктор Дёрпфельд считает, что в диаулосе и долихосе остальные столбы убирались и оставался только центральный, вокруг которого и бегали все участники. В диаулосе такая система поставила бы тех, кто стартовал с внешней стороны, в невыгодное положение по сравнению с теми, кто стартовал в центре, и это положение усилилось бы из-за путаницы и толчеи на повороте. Поэтому кажется вероятным, что бегуны мчались каждый к своему столбу и, обогнув его слева, мчались обратно по параллельной дорожке. В более длинных забегах это возражение менее важно, и изображения долихоса на вазах, похоже, показывают, что все бегуны мчались вокруг центральных стоек с обоих концов. На ранней панафинейской вазе (рис. 50) изображены четыре бегуна, бегущие влево к грубому столбу. Самый старший бегун только что достиг столба, его левая нога проходит мимо него, но он еще не повернулся. Стил бег показывает, что столб обозначает поворот, а не финиш. ^[496]

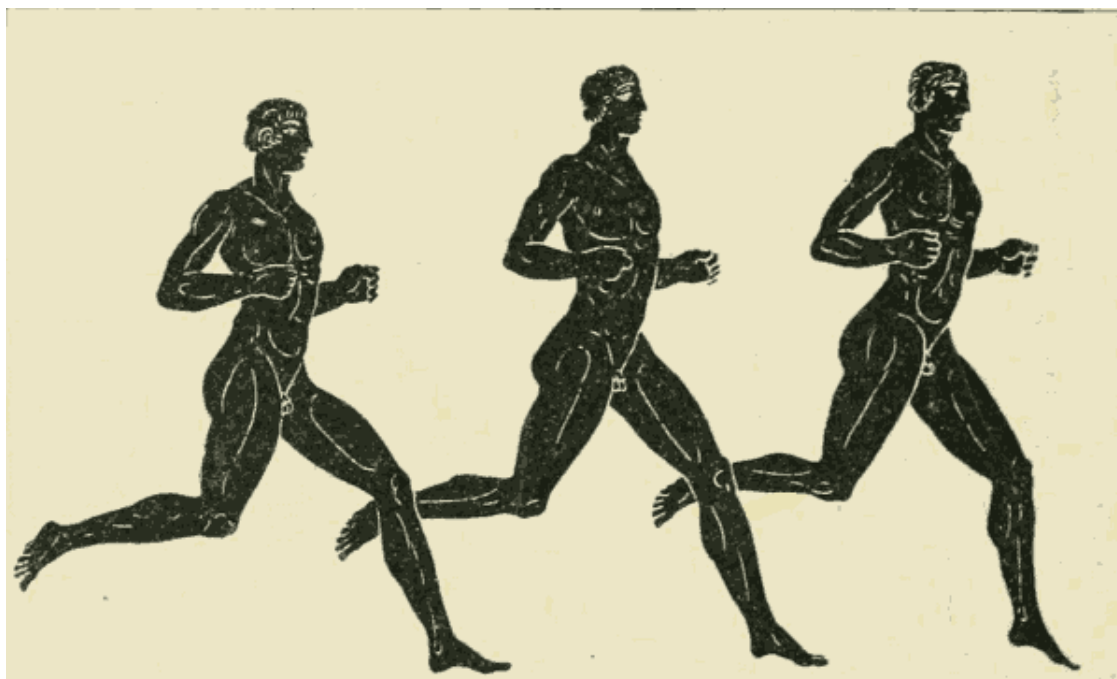

Рис. 51. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 609. Архонство Никерата, 333 г. до н. э.

Разница в стиле между спринтером и бегом на длинные дистанции четко выражена на панафинейских вазах. Стиль последнего превосходен; руки держат близко к бокам, но свободно раскачиваются без какой-либо скованности; тело слегка наклонено вперед, грудь выдвинута вперед, а голова поднята; он движется длинным размашистым шагом, бежит на мяче стопы, но без чрезмерного подъема пятки (рис. 51). На финише он, как и спринтер, сильно размахивал руками, делая рывок, используя их как крылья, говорит Филострат.^[497] Эта идея крылатого бегуна, похоже, повлияла на раннее изображение стайера, которое на первый взгляд кажется почти гротескным. Кажется, что он продвигается вперед серией прыжков и скачков с растопыренными руками и пальцами (рис. 52).

Рис. 52. Панафинейская амфора. Мюнхен, 498 год. VI век.

Критикуя эти рисунки, мы не должны забывать, что сюжеты на панафинейских вазах обычно трактуются в условной манере. Самые ранние из этих ваз - архаическая работа VI века, самые поздние - IV века, и, как обычно бывает с предметами, связанными с религией, условности более раннего периода сохранились в более поздних. Теперь, если мы сделаем поправку на ограниченность раннего художника и чрезвычайную сложность темы, мы обнаружим, что художникам удалось воспроизвести основные моменты спринта. Бегуны хорошо держатся на мяче стопы, пятка несколько выше, чем в длинном беге; колени хорошо подняты, тело прямое. Движения рук поначалу кажутся преувеличенными, пока мы не сравним картины на вазах с моментальными фотографиями забегов на короткие дистанции. Тогда мы видим, что каждый спринтер использует свои руки. Американцы, безусловно, довели бег до науки, и поэтому я процитирую слова известного американского тренера и спортсмена: "Руки приносят огромную пользу в спринтерском беге, и важность этого факта обычно недооценивается. Они используются в *согнутом виде и двигаются почти прямо вперед и назад*, а не боком через все тело". Именно это мы и видим на вазах. Почему же эффект гротескный? Потому что художник вазы заставил правую руку двигаться вместе с правой ногой и *наоборот*, тогда как в действительности правая рука движется вместе с левой ногой. Подобную ошибку можно часто наблюдать и в рисунках лошадей. В обоих случаях ошибка объясняется отчасти сложностью точного изображения действия, отчасти, что особенно характерно для более тонких краснофигурных ваз, художественными причинами. Вид спринтера сбоку всегда выглядит неловко, поэтому художник старается улучшить натуру. Но о том, что грек действительно использовал свои руки так же, как и мы, говорит тот факт, что на некоторых поздних панафинейских вазах руки изображены совершенно правильно (рис. 53), а иногда даже на вазах VI века, как у ведущего бегуна на рис. 52.^[499] Гротескность движений усиливается жесткой манерой вытянутых пальцев - еще одна чисто художественная особенность, которую не стоит, как это сделал недавно один популярный лектор, приводить в пример для подражания современным атлетам. На самом деле, действия греческого спринтера не такие бурные, как у современного, и это естественно, ведь у греков не было забегов короче 200 ярдов.

В диаулосе и гиппиосе стиль должен был быть менее жестоким. Возможно, на некоторых из существующих ваз изображены эти события, но из-за отсутствия надписей мы не можем сказать наверняка. На одном фрагменте, найденном в Афинах, есть надпись "Я - бегун диауλος"; стиль, как и следовало ожидать, представляет собой компромисс между спринтером и бегуном на длинные дистанции. Руки взмахнуты, но не так сильно, как в спринте, а шаг длинный и ровный, колени не поднимаются чрезмерно.^[500] На другом фрагменте, найденном в Афинах, мы находим положение рук, характерное для долихоса, в сочетании с высокой поступью спринтера. К сожалению, этот фрагмент не описан.^[501]

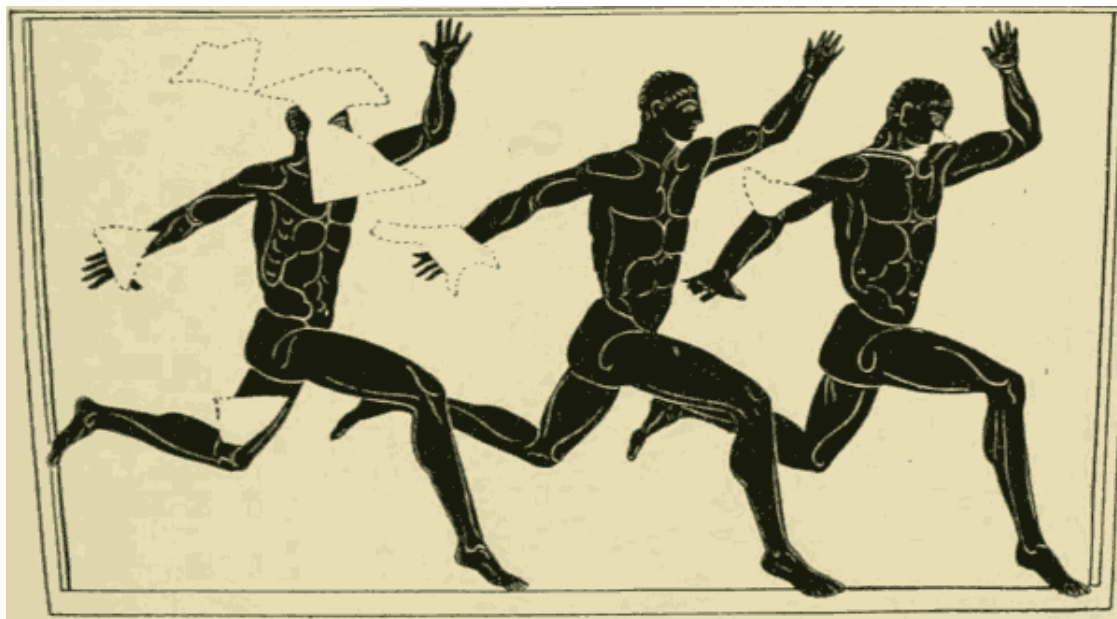

Рис. 53. Панафинейская амфора. IV век. (Стефани, С. R. Atlas, 1876, Pl. i.)

Физические типы, представленные на этих вазах, значительно различаются. На ранних вазах преобладает невысокий, плотный, бородатый тип, с мощными плечами и бедрами. На более поздних вазах мы видим большую длину конечностей. Худоба спринтеров иногда преувеличена до степени истощения. С другой стороны, некоторые бегуны на длинные дистанции, несмотря на длину конечностей, кажутся слишком тяжелыми для такой дистанции. Они относятся к типу апоксиоменов, которые, хотя и могут быть отличными на дистанции 200 ярдов или четверть мили, слишком тяжелы для трехмильного забега.

В наших учебниках греческому бегу приписывается такая особенность, как привычка побуждать себя к большим усилиям, крича во время бега во всю силу своих легких. Единственным доказательством столь абсурдной и неправдоподобной практики является риторический пассаж Цицерона,^[502] который вряд ли может считаться авторитетом в области греческой атлетики, даже в отношении атлетов его собственного времени, когда атлетика была на самом низком уровне. Не стоит также доверять утверждению, что греки бегали по глубокому песку. Лукиан, правда, описывает, как юноши в гимназиях практиковали бег по песку в качестве суровой формы упражнений,^[503] но сохранившийся рассказ о тщательной подготовке стадиона в Дельфах доказывает, что ипподром был чем-то совсем другим.

Трудно составить какую-либо ценную оценку соответствующих заслуг разных районов в различных видах легкой атлетики. Свидетельства слишком фрагментарны и охватывают слишком большой период. Многие из необычных выступлений, о которых рассказывает Павсаний, относятся ко времени империи. Для периода греческой независимости можно с уверенностью сказать, что на Пелопоннесе спартанцы и аркадяне добились наибольших успехов в беге, а за пределами Пелопоннеса - кротоняне и критяне.^[504] О превосходстве последних в беге на длинные дистанции свидетельствует рассказ Ксенофонта об играх, устроенных остатком десяти тысяч в Трапезусе, на которых не менее шестидесяти критян состязались в долихосе.^[505] Большинство знаменитых бегунов уже упоминались в ходе нашей истории. К ним можно добавить имена Файлла из Кротона, стадидрома и пятиборца, о котором мы еще расскажем, и Ладаса из Спарты, бегуна на длинные дистанции V века,

которого не следует путать с более поздним Ладасом из Ахейи, победившим в беге на стадионе в Ol. 125. Популярная идея о том, что Ладас умер, когда достиг цели, в самый момент победы, вряд ли соответствует тренировкам самого знаменитого бегуна своего времени. Похоже, что это миф, возникший из-за неправильного понимания эпиграммы, в которой описывается статуя бегуна, сделанная Миромом.^[506] Павсаний просто говорит нам, что он умер вскоре после победы, по дороге домой. У нас нет возможности сравнить результаты греческих бегунов с нашими собственными. Мы слышим о спринтере, который мог обгонять и ловить зайцев,^[507] о другом бегуне, который промчался на лошади от Коронеи до Фив и победил ее.^[508] Фидиппид, как мы все знаем, пробежал от Афин до Спарты за два дня; Агей, который выиграл длинную гонку в Олимпии в Ol. 113, как сообщается, принес весть о своей победе в Аргос в тот же день; и еще лучший результат зафиксирован в надписи четвертого века, найденной в Эпидавре, о некоем Друмосе, который в качестве "примера мужественности" сообщает, что он принес весть о своей олимпийской победе из Элиса в Эпидавр в тот же день. Расстояние, которое пролетает ворон, составляет почти девяносто миль.^[509] Все это слишком расплывчато для сравнения. Столь скудные свидетельства позволяют предположить, что греки в целом достигли высокого уровня мастерства в беге и что то превосходство, которым они могли обладать, проявлялось скорее в длинных забегах, чем в коротких.

Бег в доспехах впервые появился в конце шестого века.^[510] Это было военное упражнение, и его введение стало попыткой вернуть легкой атлетике тот практический характер, который в условиях соревновательного стресса уже тогда был под угрозой утраты. Его практический характер, естественно, вызвал одобрение Платона, который предложил ввести в своем идеальном государстве состязания в тяжелых и легких доспехах. Обращаясь ко всей массе воинов-граждан, а не к специализированным атлетам, они были чрезвычайно популярны, а их популярность усиливалась живописностью, которая делала их излюбленным сюжетом для вазописцев. По той же причине он, по-видимому, не имел, во всяком случае в более поздние времена, такого же спортивного значения, как чисто атлетические соревнования: это не были соревнования для специалистов; скорее он принадлежал к тому классу смешанных атлетических состязаний, таких как бег с препятствиями и бег в форме, которые являются популярной и ценной особенностью военного спорта. Поэтому в Олимпии и в других местах бег в доспехах был уместным дополнением к атлетической программе,^[511] обозначая связь между атлетической подготовкой и реальной жизнью.

Рис. 54. Р.-ф. киликс, приписываемый Евфронию. Париж, Национальная библиотека, 523.

Существовало множество разновидностей вооруженного бега, отличавшихся друг от друга расстоянием, снаряжением и правилами. Самым напряженным из всех этих состязаний было состязание в Элевтерии в Платее, отчасти, как рассказывает Филострат, из-за длины дистанции, отчасти из-за полноты надетых доспехов, которые охватывали атлета с головы до ног, отчасти из-за замечательного правила, согласно которому любой участник, который раз выиграл гонку, вступал в нее снова и терпел неудачу, подвергался смертной казни. Возможно, это правило означает не что иное, как то, что предыдущему победителю не разрешалось участвовать в соревнованиях во второй раз.^[512] В Немее соревнования проходили по дистанции гиппиос в четыре стадия, в Олимпии и Афинах - диаулос в две стадии.^[513] В других местах дистанция могла быть иной. Точно так же различалось и снаряжение. Бегуны в Олимпии первоначально носили шлемы и поножи, а также круглые щиты, двадцать пять из которых хранились там для использования участниками соревнований. Позднее ношение шлемов было прекращено.^[514] Росписи на вазах, которые в основном представляют афинскую практику, показывают, что если до 520 года до н. э. шлемы использовались по-разному, то после этого шлемы стали общепринятыми, но полностью исчезли после 450 года до н. э.^[515] Нет никаких свидетельств того, что бегуны когда-либо носили оружие. Опасность такой практики очевидна. Мы часто видим процессии гоплитов, вооруженных таким образом, идущих вдвоем, и они часто описываются как

гонки.^[516] Кажется более безопасным и разумным рассматривать их просто как военные процессии, или, возможно, соревнования, как мы знаем, происходившие на афинских праздниках.

Рис. 55. Р.-ф. киликс. Ранее находился в Берлине. (*J.H.S.* xxiii. p. 278.)

Всевозможные детали скачек изображены на вазах. На краснофигурной вазе Евфрония в Париже мы видим подготовку к забегу (рис. 54). В центре стоит одетый чиновник или тренер с жезлом, а вокруг него тренируются различные бегуны. Один из них надевает доспехи, другие, возможно, занимаются предварительным галопом, как это описано у Статия.^[517] Позиция на старте уже была описана. Судя по количеству щитов, хранившихся для этой гонки в Олимпии, поле обычно было большим, как и следовало ожидать, а некоторые вазы, изображающие поворот, показывают, что, как и в случае с невооруженным диаулосом, бегуны в доспехах мчались не каждый вокруг своего отдельного столба, а все вместе вокруг центрального столба, поворачивая вокруг него налево. Этот критический момент, возможно, представлен в левой группе на килике Евфрония, где бегун слева только что завершил поворот и начинает обратный путь, но еще не вошел в ритм. На другой вазе изображена пара бегунов - один проверяет свой темп перед поворотом, а другой находится в самом акте поворота (рис. 55). Их поза, по-видимому, свидетельствует о том, что поворот происходит вокруг столба, и бегуны должны были не просто придерживаться линии. Наиболее полная картина бега представлена на краснофигурном килике в Берлине (рис. 56). С одной стороны

мы видим группу из трех человек. Справа бегун находится в положении старта , слева - в положении, когда он почти огибает стойку на повороте. Оба этих бегуна смещаются влево; центральный бегун, который уже начинает возвращаться, смещается вправо. С другой стороны мы видим трех бегунов в полном составе, один из которых совершает роковую ошибку, оглядываясь по сторонам. Протестует ли он против своего товарища по несправедливости?

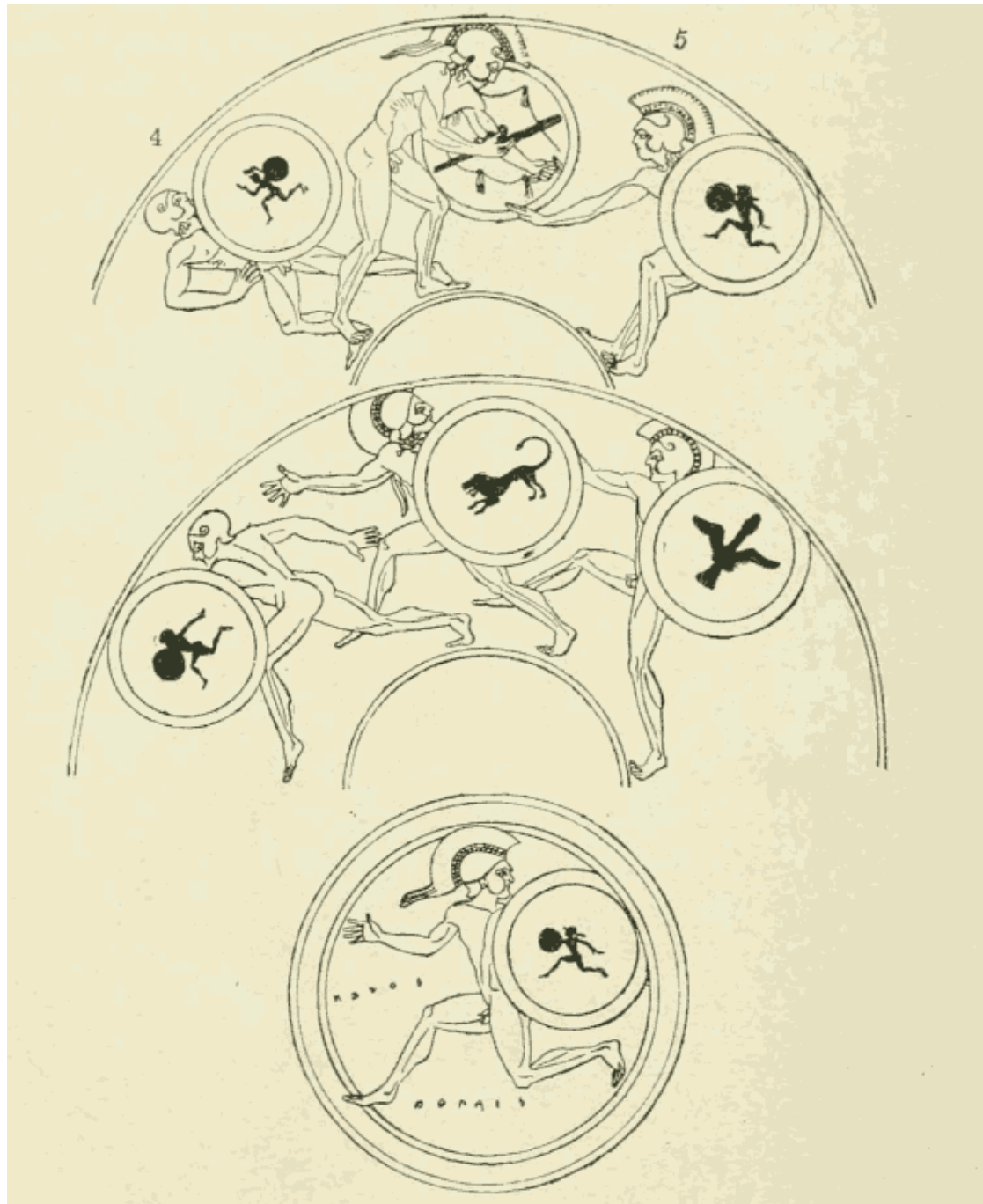

Рис. 56. Р.-ф. киликс. Берлин, 2307.

Рис. 57. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 818.

Наконец, на краснофигурной вазе в Британском музее мы видим финиш забега (рис. 57). Бородатый бегун, миновавший победный столб, с триумфом оглядывается на своего соперника, который, достигнув цели, кажется, с отвращением отбросил свой щит. Победитель держит в руке свой шлем, который он только что снял. Этот жест, встречающийся на многих вазах, кажется символом победы. Что может быть естественнее на финише забега на 400 ярдов по раскаленному песку и под палящим солнцем Олимпии, чем снять тяжелый, громоздкий шлем? Это напоминает действия игрока в крикет, который после отличного матча снимает кепку, возвращаясь в павильон. О стиле бегунов мало что нужно говорить; он напоминает стиль стадного бегуна по взмаху руки, и по очевидным причинам симметрии художник вазы всегда заставляет правую руку работать с правой ногой, левая рука, которая держит щит, обычно неподвижна. Тип бегуна, представленный на панафинейских вазах, как и следовало ожидать, прочнее и тяжелее, чем в других расах. Гоплиты на одной из ваз Британского музея демонстрируют ту длину тела по сравнению с длиной ноги, которую Филострат упоминает как полезное качество для этого соревнования, и мы можем также отметить, что они бегут на плоской ноге (рис. 58). Однако, несмотря на эти примеры, один иностранный археолог утверждал, что гоплитодромы развивались путем серии прыжков, и вывел из этого теорию, что прыжки были лучшей тренировкой для этого бега, и что поэтому статуя тренирующегося гоплитодома, описанная Павсанием, изображала его не бегущим, а прыгающим! К греческому атлету, безусловно, плохо относились некоторые его поклонники.

Рис. 58. Панафинейская амфора. Британский музей, В. 608. Архонство Пифодела, 336 г. до н.э.

Популярность вооруженных состязаний в V веке отчасти объясняется тем духом военного энтузиазма, который оживил атлетику после персидских войн, а отчасти - ее привлекательностью как зрелища. Есть что-то забавное в том, что тело мужчины мчится на полной скорости в несочетаемых костюмах, а комический элемент в вооруженных скачках проявляется в *"Птицах"* Аристофана,^[518] где Пейстхетерус, наблюдая за хором птиц, выходящих на сцену с их причудливым оперением и гребнями, метко сравнивает их с гоплитами, собравшимися для бега на диаулос. Забавные инциденты, должно быть, происходили часто, особенно в толпе у поворотного столба. На вазах, например, мы часто видим бегуна, который уронил свой щит или опускается, чтобы поднять его.^[519] Подобные гонки, естественно, допускают вариации, и мы имеем свидетельства этого на вазах. На краснофигурном киликсе из Мюнхена изображены два вооруженных бегуна, которые мчатся влево, держа перед собой щиты в весьма причудливом стиле (рис. 59). Трое других бегут в противоположном направлении, двое из них только в шлемах, третий не вооружен. Висящие на стенах губки и другие приспособления указывают на то, что сцена происходит в гимнастическом зале, где тренируются атлеты; но идея, несомненно, заключается в забеге, в котором бегуны в конце круга опускают щиты и бегут следующий круг без них, а затем, возможно, снимают и шлемы. Нет уверенности в деталях, но вазы подтверждают общий факт, что такие вариации существовали в разных местах.^[520]

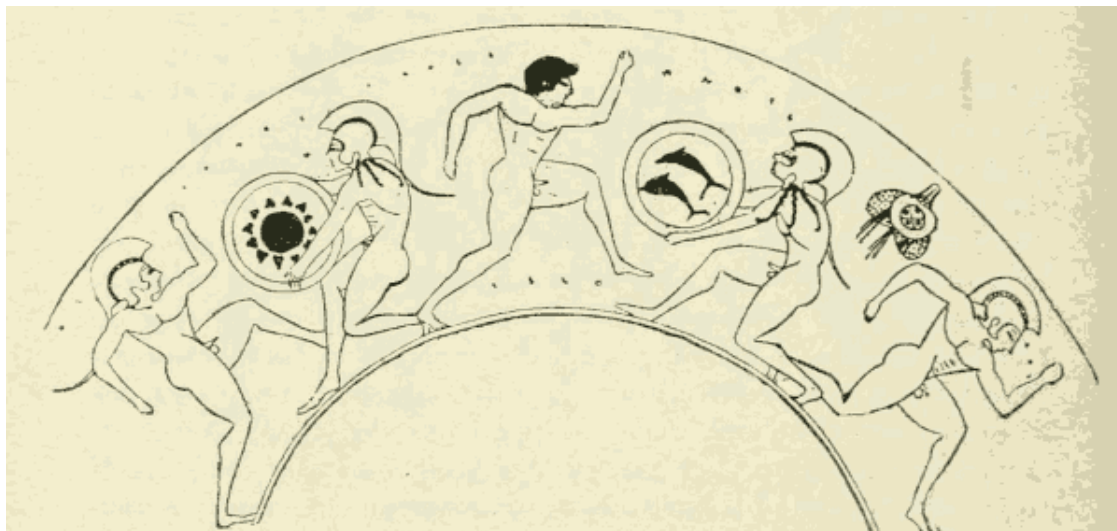

Рис. 59. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 1240 год.

Комический элемент еще более очевиден в Лампададромии и Ошофории, описанных выше.^[521] Эти старые ритуальные скачки вряд ли входят в сферу настоящей атлетики, хотя и связаны с гимнасиями и тренировками эфебов. Они относятся к тому типу соревнований, которые мы встречаем в современной гимнастике, и поэтому нет необходимости подробно описывать их здесь.

Факельные гонки были широко распространены по всей Греции, и их популярность сохранялась до римских времен. В Афинах факельные состязания проходили на Панафинейях, в Эпитафии и Тесее, а во времена Сократа на празднике Бендис был учрежден факельный забег на лошадях. Факельные состязания проводились ночью. Существовали две основные разновидности: одна - индивидуальная, другая - командная. В первом случае бегуны стартовали от алтаря Прометея в Академии и мчались в город, победителем объявлялся тот, кто первым прибывал с зажженным факелом. Усилия бегунов сохранить факелы зажженными, пока они бежали, наклонившись, как мальчишки в гонке яиц и ложек, вызвали бесконечное веселье у зрителей, а когда они проходили через узкие ворота в город, грубые обитатели квартала гончаров провожали их громкими звонкими пощечинами.^[522] Командные гонки знакомы всем по знаменитой аналогии в *"Агамемноне"*. Члены команд выставлялись через определенные промежутки на пути; первый бегун передавал факел второму, когда тот его достигал, и так до последнего. Победителем объявлялась та команда, которая первой приносила к финишу зажженный факел. Изначально команды должны были представлять племена. В I веке до н. э. мы находим упоминания о командах из различных палестр; так, известны победы юношей из палестры Тимея, Антигена или Ликея.^[523] Подготовка команд была добровольной службой (λειτουργία), которую выполняли гимнасиархи или специальные чиновники, лампадархи, имена которых упоминаются в надписях, когда их команды побеждали. Факельные состязания устраивались для мальчиков и юношей разных возрастов. Аристофан говорит о факельных гонках и охоте как о модных развлечениях умной молодежи.^[524] В более позднее время факельные гонки упоминаются в надписях как одна из обязанностей, ожидаемых от эфебов, скорее как церемониальный долг, чем как атлетическое упражнение.^[525] Религиозный характер гонок сохранялся и в римские времена. Надпись со Скироса предписывает наказание для любого, будь то раб или свободный человек, уличенный в нечестных действиях во время факельных гонок племен. Если это раб, то его бичуют, а хозяина штрафуют; если свободный человек или один из бегунов, то его не только штрафуют, но и считают "святотатцем и проклятым".

О методах тренировок, применявшихся греческими бегунами, известно немного. Гимназии в Олимпии и Дельфах были оборудованы беговыми дорожками, соответствующими по длине настоящим стадиам, а в Олимпии - рифлеными стартовыми порогами. Таким образом, бегуны могли отрабатывать старт и, что не менее важно, поворот в тех же условиях, что и на соревнованиях. Для развития выносливости они бегали по тяжелому песку. Аристотель упоминает в качестве упражнения, практикуемого в палестре, бег или, скорее, ковыляние на коленях!^[527] Позднее от Эпиктета мы узнаем, что тренировки бегуна на длинные дистанции отличались от тренировок спринтера предписаниями по диете, массажу и питанию; но он не сообщает подробностей.^[528] Филострат рассказывает, что бегун на длинные дистанции вместо тренировки на всю дистанцию пробежал только восемь или десять стадий, что вполне соответствует современной практике.^[529] В те дегенеративные времена атлеты также прибегали к шарлатанским лекарствам и чарам. Отвар эквизетума рекомендовался как лекарство от швов, а некоторые бегуны с этой же целью носили пояс из лошадиных зубов. Спортсмены всегда были суеверны.^[530]

ГЛАВА XIV

ПРЫЖКИ И АЛЕБАРДЫ

Прыжки - это не военное упражнение, а мирное развлечение. Конечно, иногда солдату полезно уметь перепрыгивать через любые препятствия на своем пути. Но гомеровский вождь не был одет должным образом для таких подвигов, независимо от того, отправлялся ли он на войну в микенском стиле с длинным копьем и башнеобразным щитом, достигающим до ног, или как более поздний гоплит, облаченный в бронзовое одеяние. Для бегства или преследования он полагался на свою колесницу и лошадей. Поэтому прыжки не входили в его обучение, а у Гомера они упоминаются лишь как достижение мирных феакийских торговцев. Пиндар, верный гомеровской традиции, не включает его в число видов спорта, введенных Гераклом на первых Олимпийских играх, а Платон не использует его в обучении своих граждан-воинов. На атлетических праздниках прыжки были одним из видов пятиборья, но никогда не существовали как самостоятельное соревнование. Тем не менее, он, должно быть, всегда был популярным упражнением и развлечением, и о его популярности в шестом и пятом веках свидетельствует частота его изображения на вазах. Пятиборцы иногда изображались с прыжками с гирями в руках, а прыжок, похоже, считался типичным состязанием в пятиборье.^[531] Возможно, своей значимостью оно обязано той роли, которую прыжки с гирями играли в физической подготовке, по крайней мере в более поздние времена. Они использовались примерно так же, как современные гантели, и многие из современных упражнений с гантелями были известны грекам и свободно практиковались, особенно в медицинской гимнастике.

Единственным видом прыжков, имевшим место в атлетических соревнованиях, был прыжок в длину. Объяснение этому очевидно. Греция не была страной заборов и изгородей, и единственными естественными препятствиями, которые она могла себе позволить, были ручьи и канавы. Нет никаких оснований для часто повторяемого утверждения, что греки практиковали также прыжки в высоту и в глубину, и уж тем более они не практиковали прыжки с шестом. Они, конечно, использовали копье или шест при прыжках верхом (рис. 174), но так называемые прыжковые шесты теперь повсеместно признаны либо копьями,

либо измерительными стержнями. Некоторое количество вазовых рисунков, возможно, изображает прыжок в высоту, но с таким же успехом они могут представлять прыжок в длину стоя; ни один из них не изображает прыжок с высоты или прыжок в глубину.

Было бы опрометчиво утверждать, что такие упражнения никогда не практиковались, но, безусловно, они были неизвестны в атлетических соревнованиях. В повседневной жизни палестры и гимнасий наверняка практиковалось бесчисленное множество упражнений и подвигов, о которых не сохранилось никаких записей. Лукиан описывает атлетов в гимнасии, прыгающих вверх и вниз, как бегуны, но не сходя с места, и бьющих ногами воздух.^[532] Это упражнение известно в современной гимнасии как "поднимание коленей" и, очевидно, аналогично тому, которое Сенека назвал "прыжком фуллера" из-за его сходства с действиями фуллера, прыгающего вверх и вниз на одежде в своей ванне. Спартанка Лампито в "*Лисистрате*" Аристофана приписывает свой цвет лица и фигуру атлетическому воспитанию и упоминает упражнение, небезызвестное в иностранных гимназиях и танцевальных школах, - прыжки вверх-вниз и удары по ягодицам попеременно ногами.^[534] Другая спартанская дама утверждает, что поставила рекорд, повторив этот подвиг тысячу раз. Но эти трюки относятся скорее к сфере танцев, чем к атлетике, хотя мы должны помнить, что танцы были важной частью греческой физической подготовки. Его ценность заключалась, прежде всего, в грациозности и ритмичности движений, но практика также включала в себя разнообразные прыжки, подскоки, взмахи руками и удары ногами. Прыжки (*ᾠσκωλιασμός*)^[535] были любимым развлечением, но вряд ли могут претендовать на то, чтобы быть отнесенными к атлетике, если только не считать, что греческий прыжок - это прыжок, прыжок и прыжок.^[536] На Дионисии было популярно соревнование, в котором участники должны были запрыгнуть на смазанную шкуру, наполненную вином. Тот, кому удавалось запрыгнуть на нее и удержаться там, получал приз, а падения неудачников служили источником безграничного веселья для населения. Мистер Генри Бальфур сообщил мне, что эта игра до сих пор существует в Северной Греции.

Греки прыгали в яму (*σκάμμα*)^[537], земля которой была тщательно вырыта и выровнена. Тот же термин *skamta* используется и для обозначения борцовского ринга. Кирки (*σκαπάναι*), используемые для рыхления земли, часто изображаются на атлетических сценах на вазах, и упражнение в копании ими считалось ценным средством тренировки, особенно для борцов и боксеров.^[538] Земля скаммы была мягкой, чтобы принимать удар ног прыгуна. Ни один прыжок не допускался к измерению, если отпечатки ног не были регулярными, говорит Филострат, подразумевая тем самым, что если прыгун падал, спотыкался или приземлялся на одну ногу впереди другой, то прыжок не засчитывался.^[539] Во всех видах легкой атлетики греки придавали большое значение стилю. Если верить легендам, записанным схоластами и лексикографами о Фаллусе, длина скаммы составляла 50 футов. По одной из версий, Фалл, выпрыгнув на 5 футов за пределы скаммы, на твердую землю, сломал ногу - случай отнюдь не маловероятный, если бы такой прыжок был возможен.^[540]

Взлет (*βατήρ*) находился на одном конце скаммы. Она обозначена на вазовых картинах, иногда копьями или шестами, воткнутыми в землю, иногда столбами, похожими на те, что отмечают начало беговой дорожки.^[541] Возможно, каменные стартовые линии стадиона служили в качестве батера. Это слово просто обозначает место для шага или порог. Мы знаем, что батер должен был быть твердым и прочным,^[542] но был ли он сделан из дерева или камня, мы сказать не можем. Нет никаких свидетельств использования в легкой атлетике какого-либо пружинного щита.^[543]

Прыжки измерялись стержнями (*κανόνες*),^[544] а отдельные прыжки отмечались либо колышками, либо линиями, проведенными на песке. На вазе из Британского музея (рис. 67)

под фигурой прыгуна в воздухе нарисованы три вертикальные линии, а под прыгуном, изображенным на этрусском сердолике, - три такие же линии. Они обозначают прыжки предыдущих участников, но с равным успехом могут быть интерпретированы как колышки или линии на песке. Конечно, это не шипы или стрелы, как иногда предполагают, установленные для придания изюминки и опасности спорту. Акробат может делать кувырки через мечи и шипы, но акробат обычно был рабыней, а не свободным гражданином, и греки прекрасно понимали разницу между акробатикой и атлетикой.

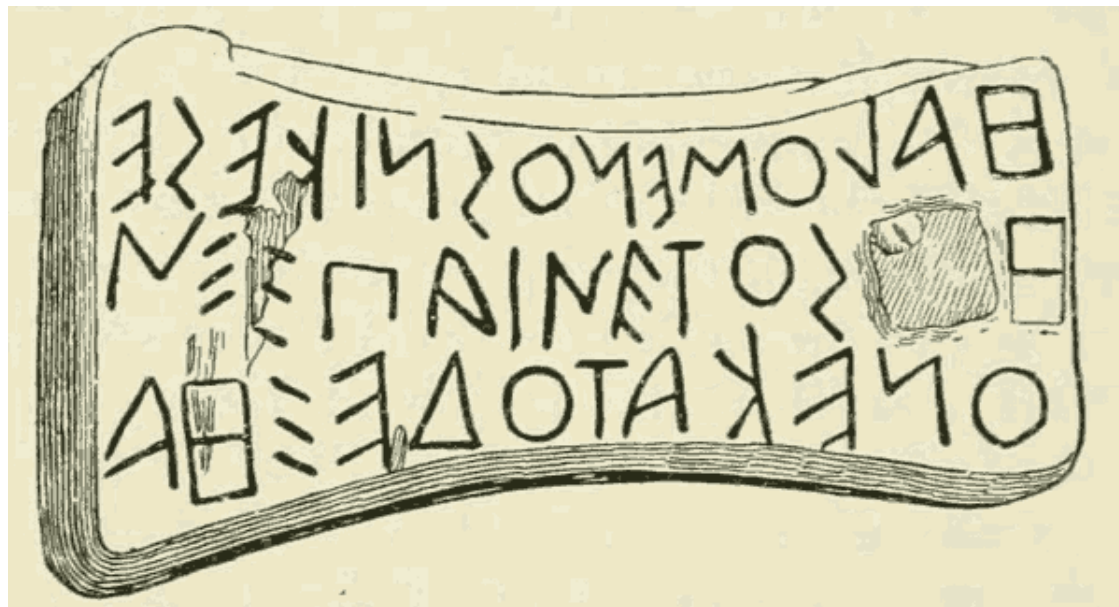

Рис. 60. Свинцовый недоуздок, найденный в Элевсисе. Афины, Национальный музей, 9075.

Греческие прыгуны обычно использовали прыжковые гири (ἀλτήρες). Эти гири были каменными или металлическими и значительно отличались по форме и весу. Мы не можем сказать, когда появилось их использование. Гомер не упоминает о них, но мы находим их уже в самом начале шестого века, если не раньше. К этому периоду относится найденный в Элевсисе свинцовый недоуздок с надписью, возможно, один из пары, посвященный некоему Эпенету в честь его победы в прыжках (рис. 60).^[545] Это просто продолговатый кусок свинца длиной около 4-1/2 дюйма, шириной 1-1/2, со слегка вогнутыми сторонами, глубиной от 1-1/4 дюйма с обоих концов до менее чем дюйма в центре. Весит он 4 фунта 2 унции (1-888 кг).

Рис. 61. Халтеры из Британского музея. (а) Литой халтер, найденный в Олимпии, L. 11-1/2 дюйма. (b) Известняковый халтер, найденный в Камире, L. 7-1/2 дюйма. (c) Свинцовый халтер, L. 8 дюйма.

Росписи ваз показывают, что в шестом и пятом веках существовало большое разнообразие форм. Существует два основных типа. На самых ранних чернофигурных вазах недоуздок представляет собой почти полукруглый кусок металла или камня с глубокой выемкой на прямой или нижней стороне, которая обеспечивает удобный захват. Два булавовидных конца равны, и получается изогнутая уплощенная гантель. Этот тип не встречается после шестого века, ближе к концу которого недоуздок совершенствуется за счет увеличения размера выступающего вперед конца и уменьшения задней части. Многочисленные модификации этого типа появляются на вазах, различаясь в основном размером и формой булавовидных концов. В Британском музее хранится пара таких алебард (рис. 61). Они сделаны из свинца длиной около 8 дюймов и обеспечивают удобный захват для руки в центре. Один из них поврежден, другой весит около 2 фунтов. 5 унций (1-072 кг.). Похожая пара, найденная в Афинах, хранится в музее Копенгагена. Они несколько короче и тяжелее (1-610 и 1-480 кг. соответственно), а углубление настолько узкое, что их можно было держать только за меньший конец, а не в центре.

Бок о бок с этим типом булав мы находим в пятом веке другой тип, состоящий из удлинённого, грубо полусферического блока металла или камня, наиболее толстого в середине, с концами, заостренными или закругленными, верхняя сторона проколота или отрезана, чтобы обеспечить захват для большого пальца и пальцев. Это "старомодные" гантели, которые, по описанию Павсания, держала статуя Агона, посвященная Микитом во второй половине пятого века. Из этого типа мы располагаем двумя интересными примерами, оба из камня: пара гальтеров, найденных в Коринфе и хранящихся в Музее Афин, и один гальтер, найденный в Олимпии и хранящийся в Берлине, слепок которого можно увидеть в Британском музее. Коринфский (рис. 62) имеет длину почти 10-1/4 дюйма, глубину 4 дюйма и ширину 3 дюйма. На небольшом расстоянии от центра они прорезаны, углубление с одной стороны служит для большого пальца, а с другой - для четырех пальцев. Олимпийский недоуздок (рис. 61) крупнее и примитивнее. Это правосторонний недоуздок длиной 11-1/2 дюйма, который весит более 10 фунтов, что в четыре раза больше, чем свинцовые недоузки из Британского музея. Поверхность камня оставлена шероховатой, а рукоять сформирована путем среза камня с обеих сторон, чтобы рука могла обхватить его.

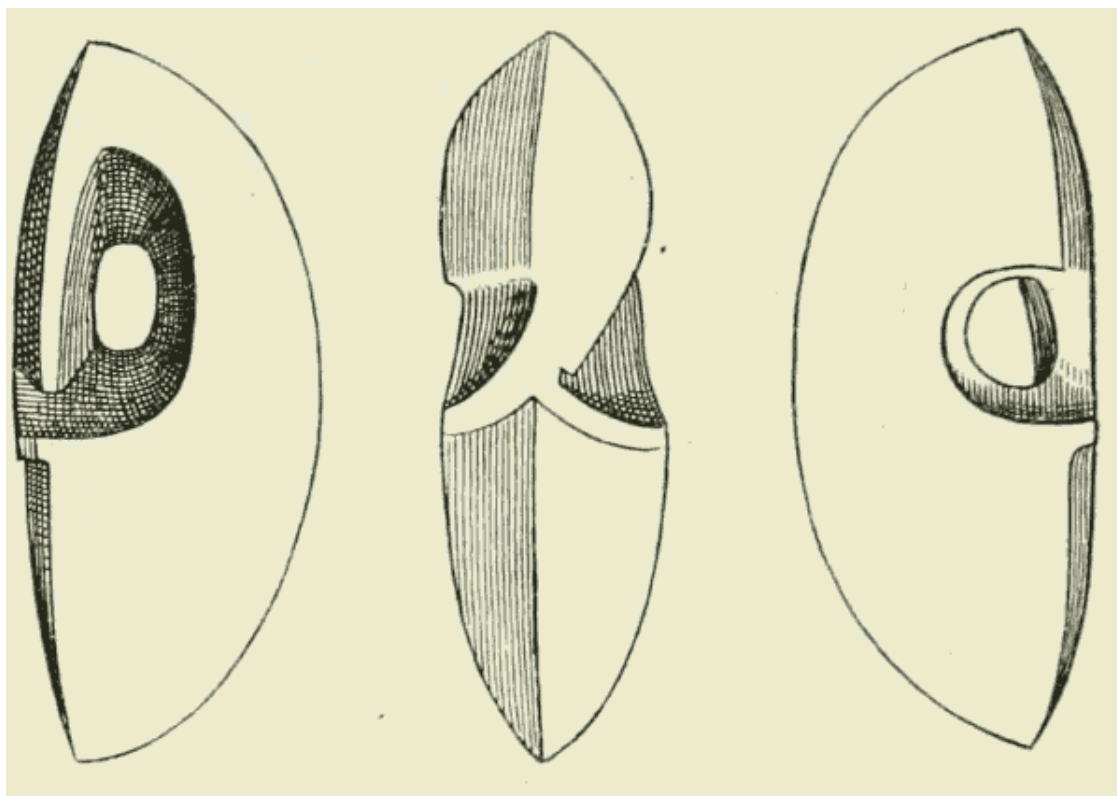

Рис. 62. Каменный недоуздок, найденный в Коринфе (10 дюймов).

После V века нет никаких свидетельств о форме алебард вплоть до римских времен. На римских копиях атлетических статуй изображен новый цилиндрический тип недоуздки, он же появляется на мозаиках и настенных росписях.^[546] Это просто цилиндр, немного более узкий в центре, чем на концах, похожий на коробку для игры в кости, и хотя он очень полезен для упражнений с гантелями, вряд ли он был так же удобен для прыжков, как более ранние типы. Мы не знаем, когда появился этот тип. В Британском музее хранится любопытный образец, найденный в Камирусе на Родосе (рис. 61). Он сделан из известняка, имеет длину 7-1/2 дюйма и тщательно выточен, чтобы обеспечить захват для большого пальца и каждого из пальцев. Упоминания поздних авторов показывают, что алебарды обычно были не из камня, а из свинца.

Филострат различает два вида алебард: "длинные", которые "упражняют плечи и руки"; шарообразные, которые "также упражняют пальцы". Ясно, что они не могут соответствовать двум типам, которые мы находим распространенными в пятом веке. Ведь Павсаний считает один из этих типов, по крайней мере, "старомодным", а Филострат говорит об алебардах, которые использовались в его время. Хотя он описывает алебарды как "изобретение пятиборья, придуманное, как следует из названия, для прыжков", его представления об их использовании в этих целях самые смутные,^[548] и он рассматривает их в основном как средство тренировки, используемое, по его словам, всеми атлетами одинаково, "будь то тяжелые или легкие". Поэтому кажется, что его "длинные алебарды" - это те, которые используют тяжелые атлеты, боксеры или борцы, а шарообразные - те, которые используют легкие атлеты, бегуны или копьеметатели. Первые можно отождествить с цилиндрическими алебардами; вторые, возможно, представляют собой не более чем деревянные или свинцовые шары, рекомендованные одним из медицинских писателей в начале пятого века нашей эры для использования теми, кто страдает подагрой рук.^[549]

На вазах четко прослеживается манера использования алебард. Принцип тот же, что и при прыжках стоя, - использование взмаха рук для помощи пружинящим ногам. Прыгун размахивает алебардами вперед и вверх, пока они не окажутся на уровне или выше его головы, а затем энергично опускает их вниз, одновременно сгибая свое тело, пока руки не окажутся чуть ниже колен. Собственно прыжок происходит во время обратного взмаха. Когда руки переходят в переднее положение, а центр тяжести смещается вперед, колени, согнутые при обратном взмахе, энергично выпрямляются, и взмах галоп в сочетании с толчком ног приводит тело в движение. В случае прыжка стоя предварительный мах может быть повторен два или три раза.

Рис. 63. Р.-ф. пелика, в Британском музее, Е. 427.

Именно этот предварительный взмах чаще всего изображается на вазах. На краснофигурном пелике из Британского музея (рис. 63) мы видим юношу, готовящегося к прыжку. Правая нога, выдвинутая вперед, прямая, и он как раз делает взмах алебардами вперед. Напротив него стоит флейтист в длинном полосатом и пятнистом халате и играет на двойной флейте. Прыжки всегда сопровождалась музыкой. Но почему именно прыгуну требовалась такая помощь, неясно. Филострат называет в качестве причины то, что греки считали прыжок самым напряженным из всех упражнений. Но это вряд ли удовлетворительно. Кажется вероятным, что в ранние времена игра на флейте была обычным сопровождением всех атлетических упражнений. Аргивяне боролись под аккомпанемент флейты. На груди Кипсела, Адмета и Мопсуса изображены боксеры под музыку, на вазах флейтист сопровождает метателя диска в его упражнениях, реже - метателя копья.^[550] Возможно,

ритмичные взмахи дискаса и алебарды сопровождалась музыкальными ритмами. Но я подозреваю, что особая связь между прыжком и флейтой возникла в то время, когда алебарды уже начали использовать в качестве гантелей, и было обнаружено, что музыка очень помогает в качестве сопровождения физических упражнений для больших классов.

Два типичных момента в раскачивании, которые обычно выбирает артист, - это верхняя часть раскачивания вверх и нижняя часть раскачивания вниз, хотя эти два типа связаны между собой тесным рядом промежуточных типов.^[551]

Рис. 64. Р.-ф. кратер. Копенгаген (?). (*Annali*, 1846, М.)

Хороший пример взмаха вверх встречается на краснофигурном кратере, подаренном Кампаной королю Дании (рис. 64). Это сцена из жизни гимназия, на которой изображены юноши, выполняющие упражнения в пятиборье. На стене висит дискбол в футляре. В центре стоит флейтист. Слева юноша энергично взмахнул алебардой вверх; его тело откинуто далеко назад, а вес приходится на правую ногу, которая находится сзади, левая нога при взмахе отрывается от земли. Рядом с ним стоит метатель копья, который только что поправил ремешок своего копья и отводит руку назад для броска. За флейтистом метатель дискаса готовится к броску дискаса. Все трое изображены на одинаковых этапах выполнения своих упражнений. Кажется, что они двигаются в такт музыке. Четвертая фигура - также прыгун: он находится в позе бегуна, внезапно проверяющего свой темп; возможно, он тренируется в прыжках в длину, а после короткого разбега проверяет себя, чтобы взмахнуть алебардами перед пружиной. Взмах вверх также изображен на чернофигурных вазах, но менее энергично, а руки подняты чуть выше и несколько согнуты.

Рис. 65. Р.-ф. киликс. Болонья. (Jüthner, *Ant. Turn.* 16.)

Взмах вниз изображен на краснофигурном киликсе, найденном в Болонье (рис. 65). Тот же мотив повторяется на ряде краснофигурных ваз, хотя на более ранних вазах он не встречается. Сцена происходит в гимнастическом зале, о чем свидетельствуют висящие на стенах стригили и другие предметы. Тренер в одежде в центре опирается на свой посох и руководит тренировкой двух прыгунов. Столб и копьа по обе стороны обозначают площадку, с которой прыгуны взлетают. Создается впечатление, что упражнение выполняется в такт музыке или по команде. Возможно, греческий тренер обучал своих учеников прыжкам "по номерам", как современный инструктор обучает опорному прыжку. Во всяком случае, показанное положение необходимо прыгуну для раскачивания алебард перед пружиной и не является простым гимнастическим упражнением. Сцена также не представляет прыгунов, прыгающих с высоты, как предположил один автор. Прыгун, выполняющий это упражнение в таком положении с гирями, скорее всего, совершил бы кувырок или приземлился на голову.

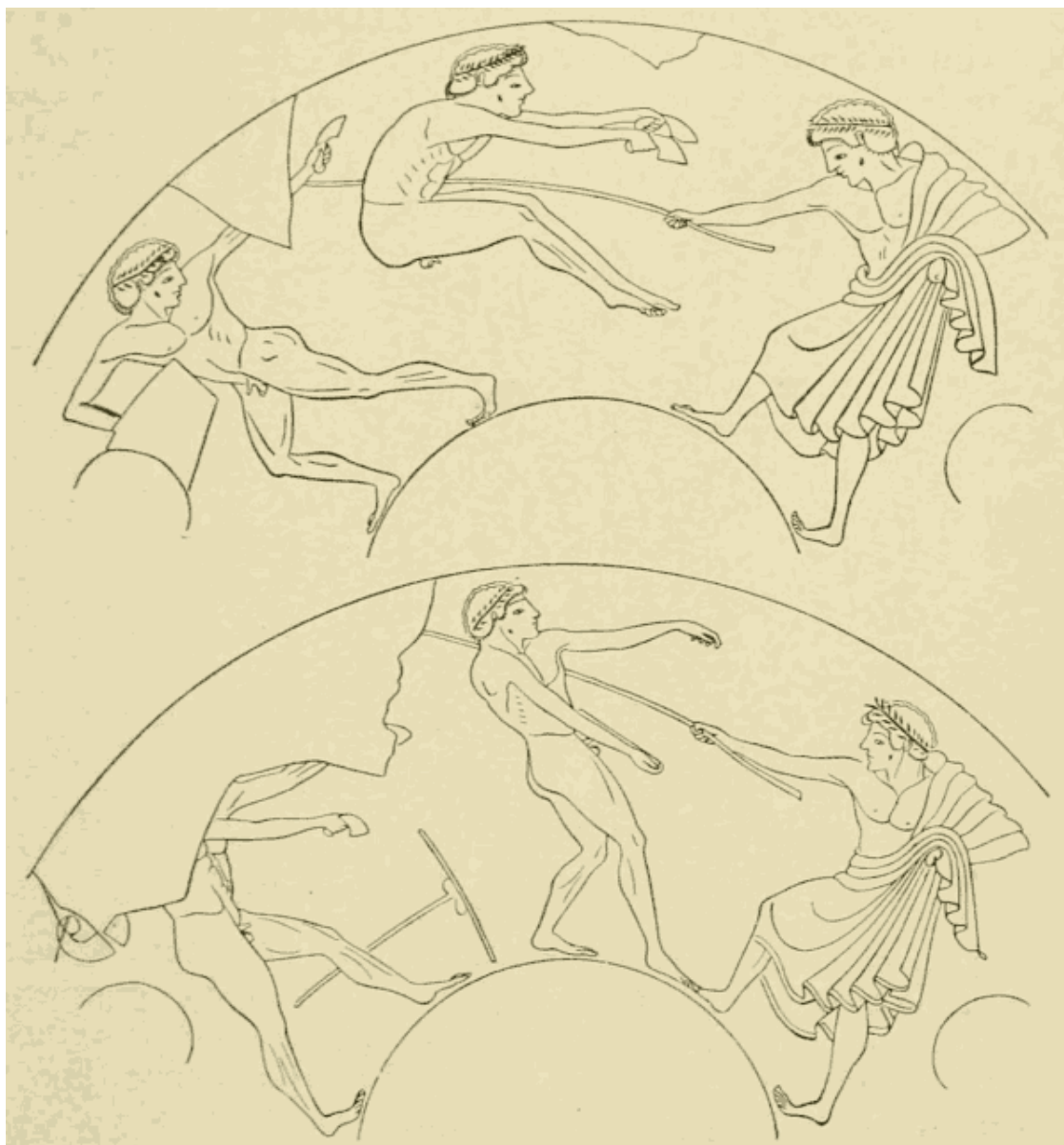

Рис. 66. Р.-ф. киликс. Bourguignon Coll. (*Arch. Zeit.*, 1884, xvi.).

На другом краснофигурном киликсе мы видим превосходное изображение прыгуна в воздухе (рис. 66). Стиль совершенен: он высоко подпрыгнул, а руки и ноги вытянуты вперед и почти параллельны. На этой вазе также изображена тренировочная сцена из гимнастического зала. Справа стоит тренер, готовый исправить любую ошибку своей палочкой, а слева другой прыгун размахивает своими алебардами в несколько любопытном стиле, о котором мы еще упомянем. По другую сторону киликса мы видим еще одного дрессировщика, дискобола и еще одного прыгуна, а на земле лежит кирка.

Непосредственно перед прыжком прыгун быстро отводит руки назад - это движение увеличивает длину прыжка и позволяет ему приземлиться уверенно и надежно. Этот момент великолепно изображен на чернофигурной имитации коринфской амфоры в Британском музее (рис. 67). Три линии под прыгуном представляют собой прыжки других участников, как уже было объяснено. Несколько более поздний момент изображен на этрусской настенной росписи в гробнице в Чиузи.^[552] Прыгун находится в самом акте спуска с высоты, и его тело почти прямое.

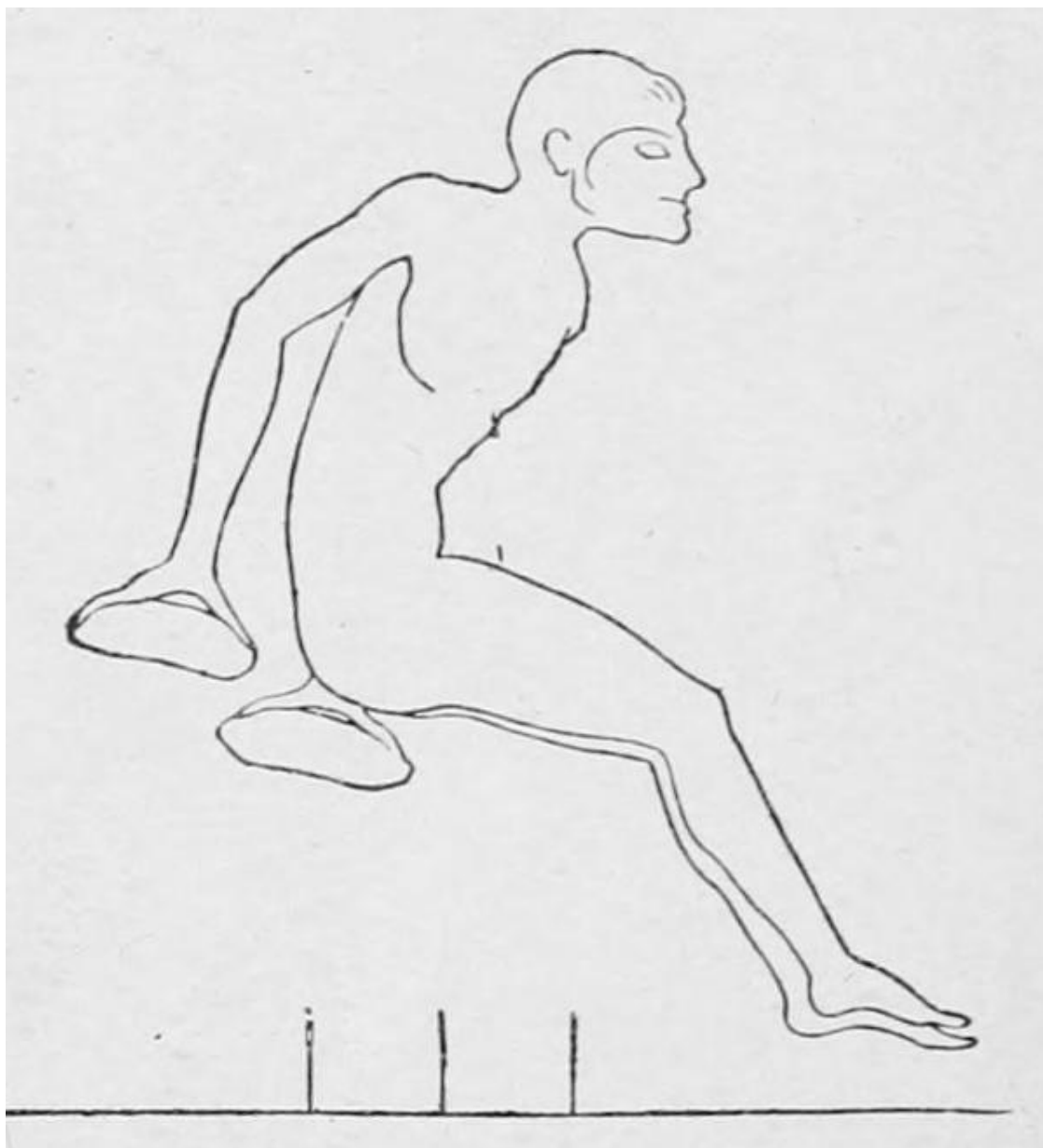

Рис. 67. Б.-ф. амфора. Британский музей, В. 48.

Способ замаха алебардами и положения, изображенные на вазах, на первый взгляд больше подходят для прыжка стоя, чем для прыжка с разбега, и поэтому греческий прыжок обычно описывается как прыжок стоя. Однако изображение прыгуна, бегущего с алебардами, встречается на ряде ваз, как чернофигурных, так и краснофигурных.^[553] Реалистичность ранних ваз, несмотря на их гротескность, делает их свидетельства очень ценными. Бег, представленный на этих вазах, ни в коем случае не является несовместимым с использованием алебард. Он не похож на бег современного прыгуна в длину, который использует свой темп для увеличения пружины, а похож на бег прыгуна в высоту, состоящий из нескольких коротких, пружинистых шагов, предназначенных для подготовки конечностей и мышц к финальному рывку. Несколько преувеличенное изображение такого бега можно увидеть на панафинейской амфоре из Лейдена^[554], изображающей пятиборье (рис. 108), а более позднее изображение встречается на внутренней стороне краснофигурного килика Евфрония (рис. 68). Бегущий прыгун фигурирует в качестве устройства щита на килике из Британского музея, изображающем гоппитодрома, вооружающегося для бега.^[555] Бег во всех этих случаях похож и вполне согласуется с взмахами алебард вверх и вниз. Прыгун стартует, держа руки близко к бокам, и делает короткий разбег, держа алебарды перед собой.

Приближаясь к батару, он проверяет себя так, как показано на рис. 64. При этом он делает взмах алебардами вверх, затем медленным шагом вперед снова взмахивает ими вниз и на обратном взмахе взлетает. Такой бег соответствует практике современных профессионалов, использующих прыжковые гири.^[556]

Рис. 68. Р.-ф. киликс. (Klein, *Euphronius*, p. 306.)

Итак, похоже, что греки определенно практиковали прыжки с разбега, а также, вероятно, прыжки стоя. В пятиборье несколько сомнительные свидетельства панафинейских амфор говорят в пользу прыжков с разбега.

Пятиборцы на соревнованиях, похоже, всегда использовали алебарды, но в гимназиях прыжки практиковались и без утяжелителей. Иногда прыгун изображен размахивающим руками так же, как он делает это с алебардами, но на нескольких вазах встречается совершенно иной тип.^[557] Прыгун стоит, поставив обе ноги вместе, колени хорошо согнуты, а руки вытянуты вперед. На одной вазе он, кажется, стоит на низкой пьедестале или платформе, а напротив него - короткий столб, через который, как полагает Краузе, он готовится перепрыгнуть. Однако такая поза вполне подходит как для прыжка в длину, так и для прыжка в высоту, и на внутренней стороне краснофигурного килика в Мюнхене мы видим почти такую же фигуру, но со столбом позади, а не перед ним. Лучший пример такой позиции мы находим на краснофигурном пелике, принадлежащем доктору Хаузеру (рис. 69). Напротив прыгуна стоит дрессировщик в одежде, протягивающий руку с привычным жестом

повеления. Несомненно, эти фигуры изображают прыгунов, но прыгуны ли это в длину или в высоту, мы не можем сказать наверняка. Несомненно лишь то, что прыжок выполняется стоя.

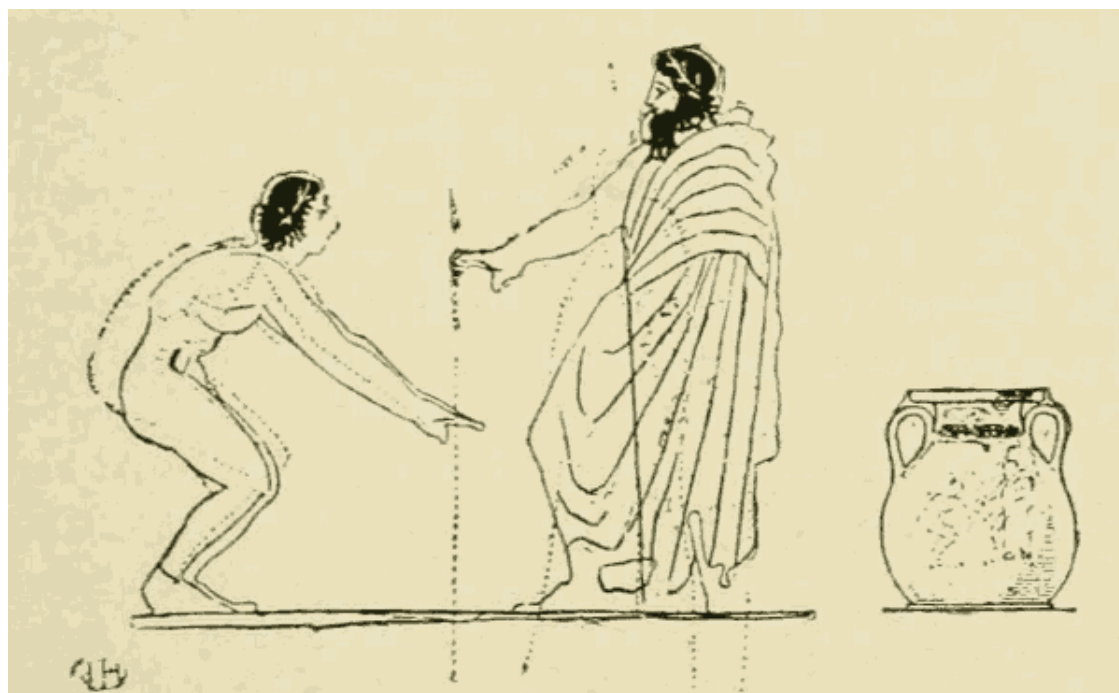

Рис. 69. Р.-ф. пелик, принадлежащий доктору Хаузеру. (*J.H.S.* xxiii. p. 272.)

Использование прыжковых грузов значительно увеличивает длину возможного прыжка. Современный рекорд в прыжках в длину без гирь составляет 24 фута 11-3/4 дюйма, в то время как с гирями и с доской прыгун преодолел 29 футов 7 дюймов, а без помощи, вероятно, не смог бы прыгнуть более чем на 21 фут. Но ни гири, ни пружинный щит не могут объяснить несоответствие между этими цифрами и подвигами, приписываемыми грекам. До недавнего времени было принято утверждать, а возможно, и верить, что греки прыгали на 50 футов и более. Даже если полностью допустить тот факт, что прыжки были национальным упражнением греков, один прыжок на 50 футов является физической невозможностью. Возможны два объяснения. Либо греческий прыжок не был одиночным, либо этот рекорд - чистый вымысел.

Было высказано предположение, что греческий прыжок был прыжком, шагом и подскоком, и в этом случае прыжок на 55 футов, приписываемый Фаллусу, был бы очень хорошим выступлением, но, возможно, не невозможным. К сожалению, нет абсолютно никаких доказательств в поддержку этого предположения. В пользу предположения о том, что прыжок был тройным, может свидетельствовать тот факт, что тройной прыжок известен и в наши дни в некоторых районах Северной Греции. Сам по себе этот факт вряд ли может рассматриваться как адекватное доказательство, и, как мне кажется, есть все основания для дискредитации всех доказательств, на которые опирается предполагаемая запись. Эти доказательства состоят из (1) известной эпиграммы на Фаллуса, в которой говорится, что он прыгнул на 55 футов;^[558] (2) различных заявлений схолиастов и лексикографов поздней и в основном неопределенной даты; (3) отрывка в Африканусе, где говорится, что некий Хионис, олимпийский победитель в Ol. 29 (*т. е.* за семь или восемьсот лет до времени Африкана), прыгнул на 52 фута.

52 фута Африкана - это, вероятно, простая ошибка в 22 футах, что является чтением армяно-латинского текста. Различные утверждения схолиастов и других могут быть отнесены к эпиграмме на Фалла и к объяснению, данному каким-то собирателем пословиц по поводу

использования фразы "прыгнуть за яму", для обозначения чего-то необычного или чрезмерного, и они не имеют самостоятельной ценности, кроме эпитагмы.

Схолиасты отождествляют Фаллуса из эпитагмы с Фаллой из Кротона, который в первой половине V века одержал две победы в пятиборье и одну в пешем беге в Дельфах, но не победил в Олимпии. Он сражался при Саламине на корабле, снаряженном за свой счет. Аристофан упоминает некоего Фаллуса, вероятно, того же человека, как известного бегуна. У него была статуя в Дельфах, которую видел Павсаний, а Александр Македонский, как говорят, почтил его память, отправив часть своих азиатских трофеев в Кротон. Очевидно, он был популярным героем, как раз тем человеком, о подвигах которого возникают всевозможные истории. Но хотя Геродот, Аристофан, Плутарх и Павсаний упоминают о нем, они ничего не знают ни об эпитагме, ни о прыжке. Более того, согласно одному из утверждений, эпитагма была начертана на основании его статуи. Части этой основы и надписи были недавно найдены в Дельфах, но, как и следовало ожидать, от эпитагмы не осталось и следа. Когда была написана эпитагма, мы сказать не можем. Конечно, это не современная памятная эпитагма. Впервые мы встречаем ее у Зенобия, собирателя пословиц, жившего во времена Адриана, и искусственность ее стиля характерна для эпитагм этого периода. Но какова бы ни была ее дата, она вряд ли может рассматриваться как серьезное доказательство. Спортивная история печально известна, а спортивная эпитагма заслуживает еще меньшего доверия, чем спортивная история. Страницы *"Антологий"* изобилуют эпитагмами на знаменитых атлетах, таких как Мило и Ладас, причем некоторые из них не менее невероятны. Милон, рассказывается в одной эпитагме, подобрал в Олимпии четырехлетнюю телку и, триумфально пронеся ее вокруг Альтиса, убил и съел за один день. Никто еще не разработал теорию, объясняющую этот необыкновенный гастрономический подвиг, а между тем она опирается на такие же веские доказательства, как и прыжок Фаллуса. Тот факт, что числа пять и десять использовались греками в пословицах, так же как мы используем термины "полдюжины" или "дюжина", в достаточной степени объясняет, почему эпитагматист, желающий описать невероятный прыжок, выбрал такое число, как пятьдесят пять.

В римские времена алебарды использовались в качестве гантелей. Подробности таких упражнений, сохранившиеся в медицинских трудах, доказывают, что они были очень похожи на те, что используются в наши дни.^[560] Антилл описывает три вида этого "метания гантелей" (ἀλτήροβολία). Первое заключается в сгибании и разгибании рук - упражнение, укрепляющее руки и плечи. В двух других упражнениях руки вытянуты и мало участвуют в движении, которое заключается в выпаде с вытянутыми вперед руками, как в боксе, или в попеременном сгибании и выпрямлении туловища. Первое упражнение укрепляет главным образом ноги, второе - спину. Гален добавляет разновидность последнего упражнения для укрепления боковых мышц тела. Исполнитель расставляет алебарды на расстоянии 6 футов друг от друга и, стоя между ними, берет правой рукой сначала левую алебарду, затем левой - правую, а затем меняет их местами, повторяя движение. То, что упражнениям для развития важных мышц туловища уделяется большое внимание, интересно, потому что тщательное изображение этих мышц в греческой скульптуре и на вазах показывает, что они были в значительной степени развиты атлетическими упражнениями греков. Борьба, прыжки, метание диска - все это способствовало развитию этих мышц. Отсутствие легкой одежды вокруг талии способствовало тому же результату, и, прежде всего, тот факт, что греки стояли и ходили, но редко сидели. В наши дни эти мышцы развиты хуже всего у обычного человека, что объясняется отчасти характером наших игр, отчасти одеждой, а главным образом привычкой сидеть, причем сидеть в кардинально неправильной позе. Именно этим причинам мы можем приписать общее отсутствие в современной фигуре валика плоти над

подвздошным гребнем, который так заметен во всех древних скульптурах, и различие в форме подвздошной линии.^[561]

Рис. 70. Р.-ф. ойнохоэ. Британский музей, Е. 561.

Когда алебарды впервые стали использоваться в качестве гантелей? У нас нет точных доказательств, но я осмелюсь предположить, что эта практика началась примерно во время персидских войн, когда греки впервые осознали национальную важность атлетических тренировок. Первые признаки такого использования алебард встречаются на краснофигурных вазах. Я предполагаю, что это началось в связи с прыжками. Мы видели, как некоторые вазописи указывают на то, что различные движения прыжков и взмахи алебардами отрабатывались в классах и в ритмичное время. Возьмите взмах алебарды и сделайте из него отдельное упражнение, и вы сразу же получите знакомое и ценное упражнение с гантелями. Не то чтобы это упражнение практиковалось греками в этот период сознательно как физическое упражнение; это было упражнение для прыгунов, и практиковалось оно ради прыжка. Вскоре выяснилось, что махи алебардами полезны и для других упражнений. На рис. 66 слева мы видим юношу, раскачивающего алебарды в стороны, его голова повернута в сторону вытянутой левой руки, а правая рука согнута, кисть находится на уровне груди. Этот тип встречается на нескольких вазах: то левая, то правая рука вытянута, но голова всегда повернута к вытянутой руке. Теперь, если мы сравним этот тип с типом метателя копья, отводящего копье назад для броска, мы обнаружим, что положение тела, рук, ног и головы в этих двух типах идентично. Не кажется ли нам, что здесь мы имеем дело с упражнением "халтер", предложенным метателем копья и, возможно, придуманным им самим для развития специальных мышц и отработки специальных положений, необходимых для броска? Возможно, мы узнаем промежуточное положение этого замаха на краснофигурном ойнохо в Британском музее (рис. 70). В этом боковом взмахе алебардами мы имеем еще одно знакомое упражнение современного гимнастического зала. Подобные упражнения, изначально предназначенные для прыгунов или метателей копья, впоследствии были взяты на вооружение тренерами и медиками и включены ими в свои системы физической подготовки. Эта предположительная история использования алебард подтверждается тем фактом, что на более поздних вазах, когда атлетические сцены уступили место группам праздных эфебов, алебарды все еще часто можно увидеть висящими на стене как символ атлетической подготовки.

ГЛАВА XV МЕТАНИЕ ДИСКОСА

Следует помнить, что, хотя в гомеровских поэмах часто упоминается метание дискаса, на [сайте](#) весом, который бросали на играх Патрокла, был кусок некованого железа, описанный как "солос". Слово *diskos*, по-видимому, уже приобрело свое особое атлетическое значение, но у Гомера нет ничего атлетического в слове "*solos*", которое, вероятно, первоначально означало валун, а затем массу железа. Более поздние авторы иногда используют "солос" как эквивалент дискаса, а схолиасты и лексикографы много упражняются в различении этих двух терминов.^[563] Их произвольные и часто противоречивые различия все еще находят место в наших словарях и комментариях. Дискас, говорят нам, плоский, а солос круглый и шарообразный; дискас из камня, а солос из металла; дискас имеет отверстие и бросается с помощью шнура, а солос твердый. Первое различие довольно точно: дискас более или менее плоский, солос - масса, которая может быть округлой. Что касается материала, то известно, что дискас изготавливался из камня и металла; солос также мог быть каменным или металлическим. Что касается отверстия и шнура, то здесь мнения расходятся: одни относят их к дискасу, другие - к солосу. То, что они относились к соло, опровергается всеми отрывками, в которых употребляется это слово; то, что они относились к дискасу, еще более убедительно опровергается памятниками. Происхождение этой ошибки, которую приписывают Эратосфену, можно, вероятно, найти в какой-то популярной игре, в которой круглый предмет катают с помощью шнура, намотанного вокруг него. В игру такого рода под названием "руццола" до сих пор играют в некоторых районах Италии на дорогах, подвергая опасности пешеходов.^[564] В нее играют круглыми камнями диаметром около фута, а иногда сырами, которые, как считается, улучшаются в результате обработки. Более вероятным объяснением ошибки является предложенное мне мистером Дж. Л. Майресом и уже принятое в главе II. объяснение, что схолии к *Илиаде* ххiii. сместились, и что отверстие и струна принадлежат не дискасу или соло, а слову *καλαῦρος*, упомянутому в том же отрывке. Это слово, обычно толкуемое как пастуший посох, г-н Майрес объясняет как разновидность боласа, орудия, образованного веревкой, к которой прикреплены один или несколько перфорированных камней, которое в наши дни используется в Южной Америке для ловли скота и до сих пор является игрушкой мальчиков в сельских районах Греции. Каким бы ни было объяснение, отверстие и веревка не имеют ничего общего ни с дискасом, ни с солосом, и нет никаких оснований для утверждения, что солос был атлетическим орудием, отличным от дискаса. Популярный перевод *diskos* как "*quoit*" ошибочен и вводит в заблуждение.

Рис. 71. Амфора В.-ф., в Британском музее, В. 271.

Дискос пятого века был бронзовым, но гомеровский дискос был каменным, и поэтому Пиндар заставляет героев Никаю и Кастора метать более древний каменный дискос, а не бронзовый дискос своего времени.^[565] Каменный дискос четко представлен на чернофигурных вазах шестого века как толстый белый предмет (рис. 71), но металлический дискос должен был появиться до конца этого века. В Британском музее хранится бронзовый дискос, найденный в Кефаллении, на котором имеется надпись VI века (рис. 73).

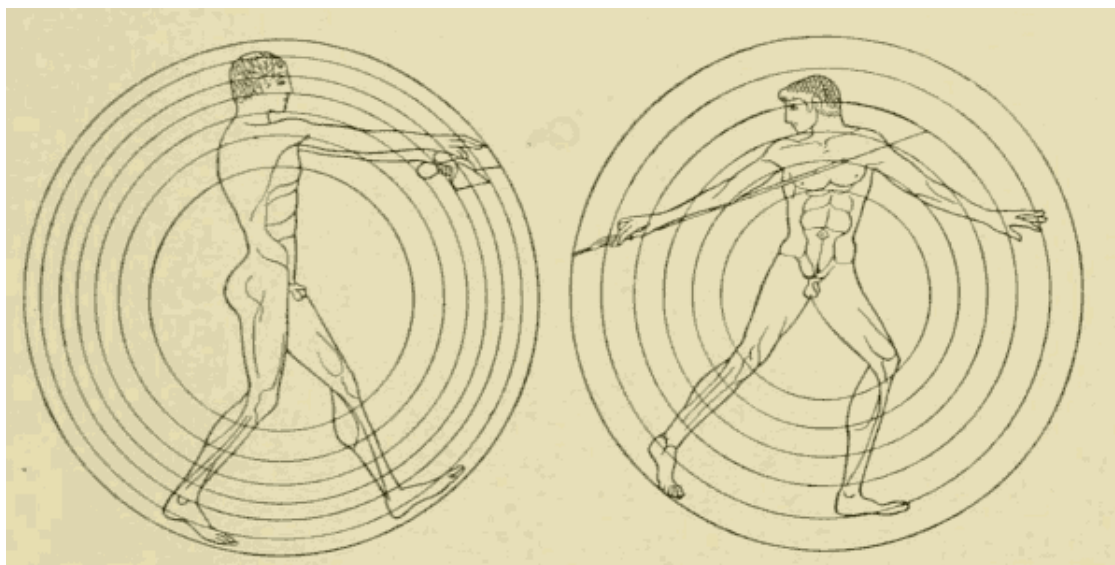

Рис. 72. Бронзовый дискос, найденный на Эгине. Берлин.

В наших музеях хранятся различные мраморные диски с надписями и резьбой.^[566] Но хотя по размеру и форме они мало чем отличаются от бронзовых образцов, они слишком хрупки и тонки для реального использования, а их надписи ясно доказывают, что это всего лишь votivные подношения. Практика нанесения надписей и посвящения дисков была древней, как мы видим на примере диска Ифитоса, посвященного в Олимпии. Что касается металлических дисков, то здесь нам повезло больше. Из пятнадцати образцов, которыми мы располагаем, четыре, вероятно, являются votivными подношениями, но один из них, возможно, три, также использовался; остальные, несомненно, были предназначены для использования. Их вес и размеры лучше всего видны из следующей таблицы.

Место находки.	Музей.	Вес в килограммах.	Диаметр в см.	Толщина в мм.
1. Олимпия	Олимпия, инв. 7567	5-707	34	5-13
2. Корфу	Б.М. 2691	3-992	23	6-13
3. Гела	Вена	3-800	28	7
4. Амикла	Афины, Де Риддер, кат. 530	3-349	19	
5. Олимпия	Олимпия, инв. 4257	2-945 (?)	22	6-12
6. Олимпия	Олимпия, инв. 12,892	2-775	18	11-12
7. Олимпия	Рим, Музей Кирхериано	2-378	21, 21-5	
8. Олимпия	Олимпия, инв. 2859	2-083	19, 22-5	3 на краю
9. Сицилия	Б.М. 248	2-075	21	5
10. Олимпия	Берлин	2-023	17-5	9-10
11. Эгина	Берлин	1-984	21	
12. Олимпия	Берлин	1-721	20	7
13. Олимпия	Берлин, инв. 2286	1-353 (?)	20-5	4
14. Олимпия	Олимпия, инв. 12,891	1-268	17	4-12
15. Cephallenia	Б.М. 3207	1-245	16-5	5

Из этих дисков № 1 украшен концентрическими кругами и имеет на одной стороне посвящение коринфского пятиборца Публия Асклепиада, на другой - имя алитария. Разница в датах, которые указаны соответственно как Ol. 255 и 456, уже объяснялась.^[567] Судя по стилю и весу, вероятно, что это было чисто votivное подношение и никогда не предназначалось для использования. № 9 и 11 - из литой бронзы, на одной стороне выгравирована фигура прыгуна, на другой - метателя копья (рис. 72). Гравировка относится к лучшему периоду, за исключением изображения метателя копья на диске Британского музея, которое, если и не является подделкой, то, скорее всего, поздним добавлением. Хотя по весу и размеру они близки к № 8 и № 10, их плоскость и острота краев заставляют сомневаться в том, что они когда-либо использовались в действительности. № 11 также украшен концентрическими кругами. На № 3 первоначально был инкрустированный дельфин, возможно, из серебра. № 12 изготовлен из свинца и, вероятно, значительно потерял в весе. Номер 15, который очень сильно изношен, также должен был быть значительно тяжелее (рис. 73). На нем имеется следующая надпись архаичными буквами VI века:^[568] "Эксидас посвятил мне, сыновьям-близнецам великого Зевса, бронзовый дискос, с помощью которого он победил высокодуховных кефалленцев".

Размеры дискаса, представленные в искусстве, соответствуют приведенным в нашей таблице. На вазах дискас также часто украшен concentрическими кругами, как на № 1 или 2, или различными формами крестов и точек; в то время как дельфин на дискасе из Гелы имеет свой аналог в сове, символе Афин, который часто изображается на аттических вазах.^[569]

Когда дискас не использовался, он хранился в своеобразной перевязи, два конца которой завязывались узлом. В такой перевязи дискас часто изображают висющим на стене или несущим в руках какого-нибудь юноши (рис. 17).

Рис. 73. Дискас из Эксоиды. Британский музей, 3207.

Трудно сделать какой-либо определенный вывод относительно размера и веса дисков, используемых в соревнованиях. Все диски более или менее изношены, поэтому их вес можно определить лишь приблизительно. Однако, похоже, они делятся на определенные группы. Лучше всего отмечена группа № 8-11 и, возможно, № 12, которые предполагают стандарт около 2-1 килограмма. Более тяжелые стандарты предлагают №№ 2 и 3, а также №№ 4 и 5 - 4-0 и 2-8 килограммов соответственно, а №№ 14 и 15 указывают на стандарт 1-3. Разница между этими стандартами частично объясняется тем, что, по свидетельству Павсания, мальчики использовали меньшие и более легкие диски, чем мужчины.^[570] Несомненно, стандарты сильно варьировались в разные времена и в разных местах. В Олимпии три бронзовых дискаса хранились в сокровищнице сикионцев^[571] для использования участниками пятиборья, и кажется вероятным, что использовавшийся там дискас был тяжелее, чем в других местах.^[572] К сожалению, хотя в Олимпии было только одно соревнование с диском, есть большие различия в восьми

найденных там дискосах, и даже для Олимпии нельзя сделать никакого вывода. Если из тяжелого вотивного дискаса, посвященного Публием в III веке н. э., можно сделать вывод, что в более поздние времена вес дискаса был значительно увеличен, разумеется, в ущерб спорту. Безусловно, самый легкий дискос, которым мы располагаем, - это дискос VI века из Кефаллени.

Скудные записи, которыми мы располагаем, мало чем помогают в определении используемого веса. Фаллус, как говорят, бросил дискос на 95 футов, а Филострат говорит о герое Протесилее, который бросил его на сто локтей, и это с диском вдвое больше олимпийского.^[573] Стаций, опять же, описывает Флегия как метателя дискаса через Альфей в самом широком месте.^[574] Насколько это возможно, эти данные согласуются с одним фактом, который подчеркивали древние писатели, что дискос был тяжелым предметом. В возрожденных Олимпийских играх используется дискос весом 2 килограмма. Он сделан из дерева с металлическим сердечником и представляет собой неуклюжий, уродливый предмет, для которого нет абсолютно никаких авторитетов, бесконечно уступающий во всех отношениях античному дискусу. Дж. Шеридан бросил его на 135 футов 8 дюймов в Афинах в 1906 году, бросая свободным стилем, в то время как в тесном и искусственном греческом стиле ему удалось бросить 124 фута 8 дюймов на играх 1908 года. Таким образом, мужской дискос, вероятно, был тяжелее 2 килограммов; обычно, но не всегда, поскольку Эксоидас, как мы видели, использовал гораздо более легкий дискос.

Место, с которого бросали дискос, называлось βαλβίς. Наши знания о балбисе полностью получены из неясного и во многом неверно понятого отрывка в Филострате,^[575] описывающего смерть Гиацинта, который был случайно убит Аполлоном с помощью дискаса. "Балбис", - говорит он, - "небольшой и достаточный для одного человека, размеченный, кроме задней части, и поддерживает правую ногу, передняя часть тела наклоняется вперед, в то время как он снимает вес с другой ноги, которая должна быть развернута вперед и проследовать через правую руку". Далее следует описание метода метания дискобола, очевидно, основанное на дискоболе Мирона, возможно, это выдержка из какого-то руководства по гимнастике. "Метатель должен наклонить голову вправо и наклониться так, чтобы охватить взглядом свой (правый) бок, и бросить дискос с натяжением, подобным натяжению веревки, вкладывая в бросок всю силу правой стороны".

Все, что мы узнаем из этого отрывка, - это то, что балбис был отмечен линией впереди и линиями сбоку, но не сзади, так что метатель мог сделать столько предварительных шагов, сколько пожелает. Ничто не указывает на то, что это был какой-либо приподнятый помост, тем более наклонный, как это принято у современных греков для так называемого "эллинского стиля". Этот необычный помост имеет длину 80 см. на 70 см. в ширину, с высотой не более 15 см. сзади и не менее 5 см. спереди. Единственным авторитетом для этой платформы является интерпретация д-ром Китцем старого, испорченного прочтения только что процитированного отрывка из Филострата. Даже если бы старый текст был правильным, его доказательства были бы бесполезны перед лицом очевидной абсурдности идеи и того факта, что во всех многочисленных изображениях дискобола нет ни малейшего следа такой платформы. Опять же, следующие слова, как уже было отмечено, являются очевидной реминисценцией дискобола Мирона. Может ли кто-нибудь представить себе статую Мирона, наклоненную вперед на наклонной платформе? Если бы это было так, то критика Герберта Спенсера о том, что он вот-вот упадет на лицо, действительно имела бы некоторое оправдание.

Естественно предположить, что на стадионе дискос и копье бросали с линии каменных плит, обозначающих старт, которые также называются βαλβίδες. Каменные столбы, установленные по бокам поля через равные промежутки, были бы полезны для измерения расстояния броска. Но прямых доказательств того, что балбис можно отождествить со стартовой линией, нет. В Дельфийской надписи, содержащей контракты на пифийский фестиваль,^[577] мы находим

упоминание о "приготовлениях для пятиборцев", контракт на которые составлял восемь статов. По-видимому, речь идет о подготовке к соревнованиям по дискоболу и копью, то *есть* о балбисе и средствах для измерения бросков.

Бросок измерялся от передней линии балбиса до места падения диска или копья, и очевидно, что спортсмен не мог переступить эту линию под страхом дисквалификации.^[578] В гимнасиях эта линия могла быть временно обозначена копьями, воткнутыми в землю по обе стороны, или, как предположил д-р Пернис, с помощью копей. Пернис предположил, что это линия, прочерченная на песке, хотя я не могу согласиться с его интерпретацией некоторых ваз, на которых, по его мнению, изображена эта линия.^[579] Место падения дискобола отмечалось колышком или стрелой, как описано у Статия,^[580] и на нескольких вазах мы видим дискобола в процессе опускания или подъема такой метки (рис. 74).

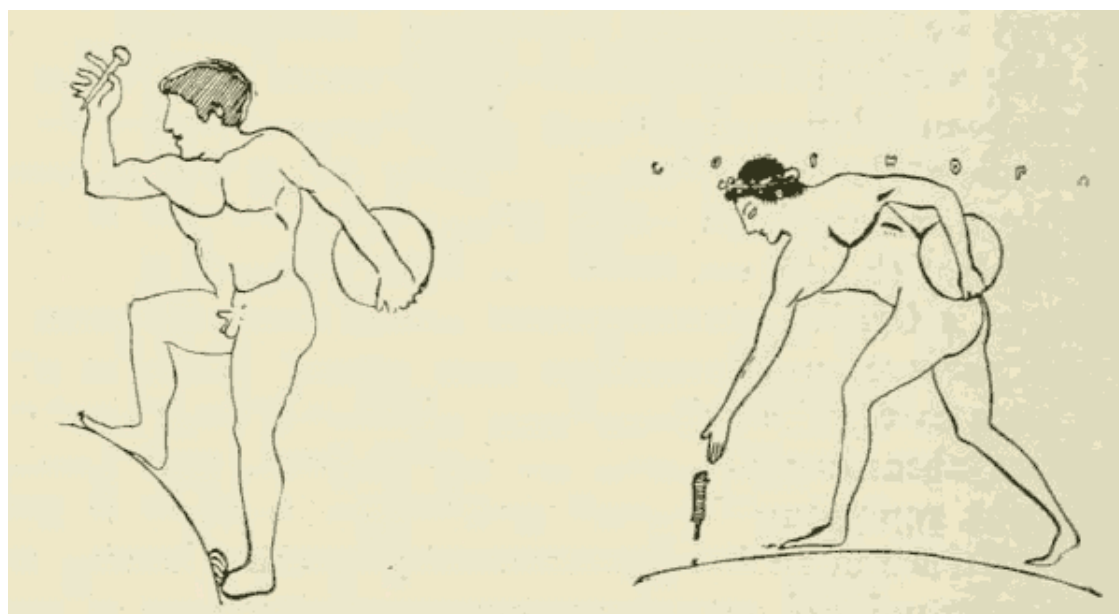

Рис. 74. (а) Р.-ф. киликс. Чиузи. (b) R.-f. kylix. Вюрцбург, 357, А.

В современном "свободном стиле" дискос бросают с круглой площадки диаметром 2-1/2 метра, а способ метания представляет собой модификацию метания молота, при этом тело метателя делает два или три полных оборота. В древности не сохранилось никаких следов такого метода или круглой площадки, и, несмотря на его эффективность, мы можем сомневаться, что он был бы когда-либо изобретен, если бы не опыт, приобретенный в метании молота или в метании тяжестей.

Метание дискобола приобрело практический интерес в последние годы благодаря возрождению этого вида спорта на современных Олимпийских играх. К сожалению, ни один из ныне существующих стилей не может считаться удовлетворительным с археологической точки зрения. Наши знания о древнем способе метания почти полностью зависят от памятников. Скудные литературные свидетельства не имеют самостоятельной ценности. К счастью, монументальные свидетельства исключительно богаты и разнообразны. Две статуи - "Стоящий Дискобол" и "Дискобол" Мирона - имеют первостепенное значение, такие работы не подвержены случайностям, которые влияют на типы в меньших искусствах. Кроме того, у нас есть множество ваз, бронзовых изделий, монет и драгоценных камней, связанных с этой темой. Большинство схем, основанных на этих данных, однако, более или менее неудовлетворительны, поскольку авторы не признают двух важных факторов.^[581] Во-первых, очевидное расхождение типов часто объясняется не разницей в мотивах, а художественными причинами, различиями в материале, пространстве, возрасте или стиле художников. Во-вторых, хотя принцип греческого броска, по-

видимому, всегда был один и тот же, не приходится сомневаться, что стили отдельных исполнителей были столь же разнообразны, как стили современных игроков в гольф, и эти различия в стиле естественно отражались в искусстве. Отсюда нелепость попыток, как это делают многие авторы, свести все позы, изображенные на вазах, к одной серии движений.

Принцип броска четко показан в "Дискоболе" Мирона (рис. 13). Метатель, приняв стойку правой ногой вперед, замахивается или поднимает дискобол вперед в левой руке, а затем, схватив его правой рукой, энергично раскачивает вниз и назад, поворачивая голову и корпус вправо, пока не достигнет положения, изображенного Миронам. Правая нога - это стержень, на котором качается все тело. Это вращение тела вокруг неподвижной точки - суть замаха дискбола, как и замаха клюшки для гольфа. Сила исходит не от рук, которые просто соединяют тело и вес, а от подъема бедер и раскачивания тела.

Если мы ограничимся только этими двумя статуями, то увидим, что в предварительных движениях нет необходимости в движении ног; но эта простая схема не может объяснить ряд вазовых и бронзовых изображений, представляющих промежуточные позиции, в которых дискобол выставляет левую ногу вперед. Есть два типа, которые встречаются так часто, что мы можем быть уверены, что они относятся к обычному способу бросания дискбола.

Рис. 76. Р.-ф. киликс, в Британском музее, Е. 6.

1. Дискобол держит дискос перед собой в обеих руках (рис. 76).
2. Он держит дискос плашмя в правой руке, которая развернута наружу так, что дискос упирается в предплечье. Левая рука обычно поднята над головой.^[582]

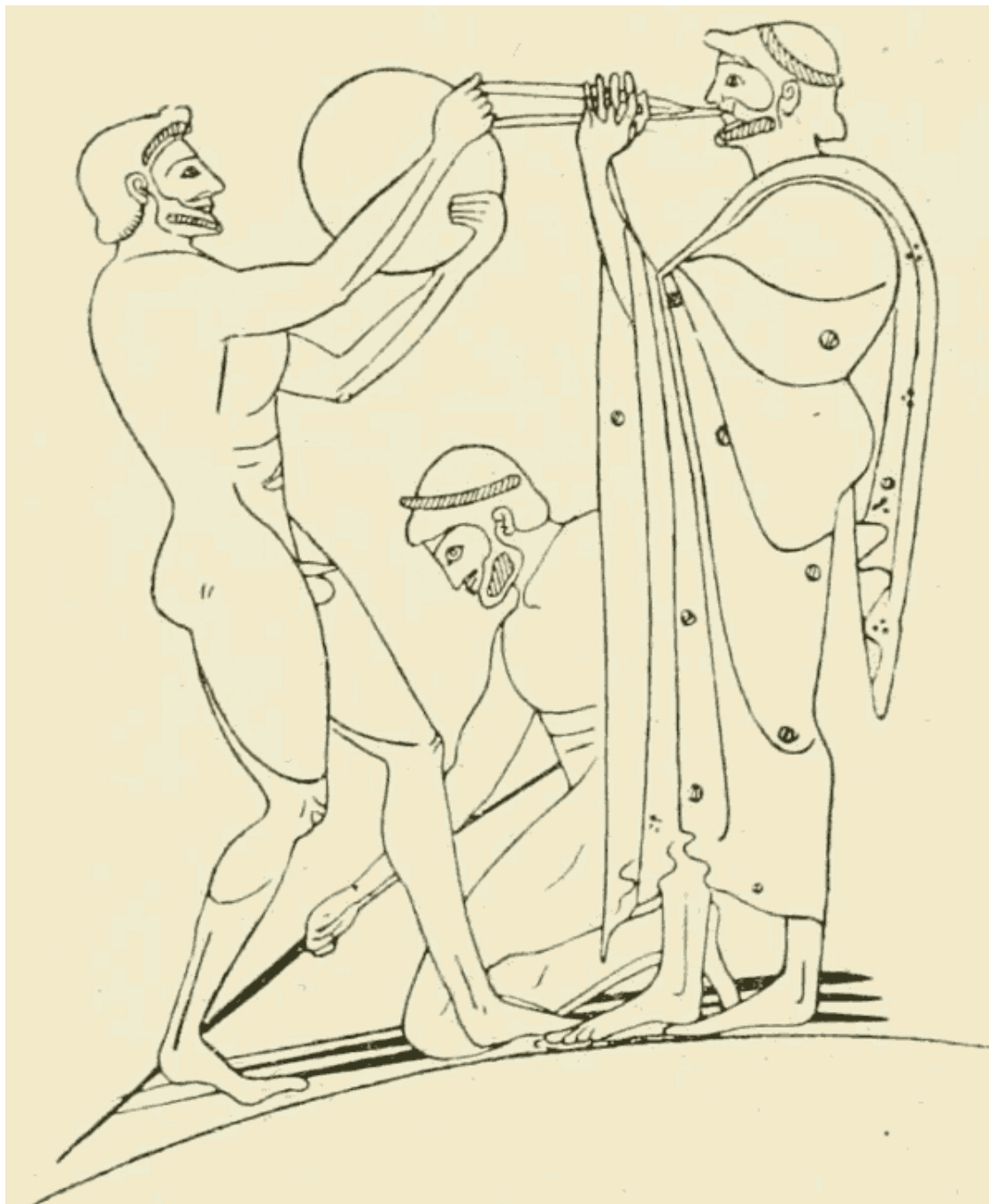

Рис. 77. Б.-ф. келебе. Британский музей, В. 361.

Первая из этих позиций является естественным связующим звеном между предварительной стойкой и статуей Мирона. Если бы движения ног не происходило, мы должны были бы ожидать, что правая нога всегда была выдвинута вперед. Во многих случаях так и есть, но в большинстве случаев вперед выносятся левая нога (рис. 77). Это обстоятельство вряд ли может быть вызвано случайностью, небрежностью, или даже общей для греческой скульптуры тенденцией выставлять левую ногу вперед. Поражает единообразие других деталей. Выставленная вперед нога всегда прямая или почти прямая, другая нога более или менее согнута. Правая рука всегда держит дискос, левая лишь поддерживает его. Таким образом, мы вынуждены заключить, что либо метатель занимал позицию с левой ногой впереди, либо, когда дискос качался вперед в левой руке, левая нога была выдвинута вперед. Как же тогда он перешел из этой позиции с левой ногой вперед в позицию статуи Мирона? Смена ног может быть осуществлена двумя способами: либо сделать еще один шаг вперед правой ногой, либо отвести назад левую ногу. Первый способ был

принят некоторыми участниками Олимпийских игр 1896 года. Начиная с левой ноги вперед, метатель поднимал дискбол в обеих руках на уровень плеч и в момент отмаха назад выдвигал правую ногу, снова шагая вперед левой для выполнения броска. Этот метод требует места для трех шагов, а толчком служит движение вперед. Другой метод требует места только для одного шага, а маятниковое качание левой ноги, сначала вперед, затем назад и, наконец, снова вперед, кажется, по крайней мере, столь же эффективным, как и помощь качанию тела, подобно предварительному покачиванию клюшки для гольфа. Оба метода эффективны, и, судя по вазам, вполне вероятно, что использовались оба. Первый метод предложен на рис. 79, второй - на рис. 78.

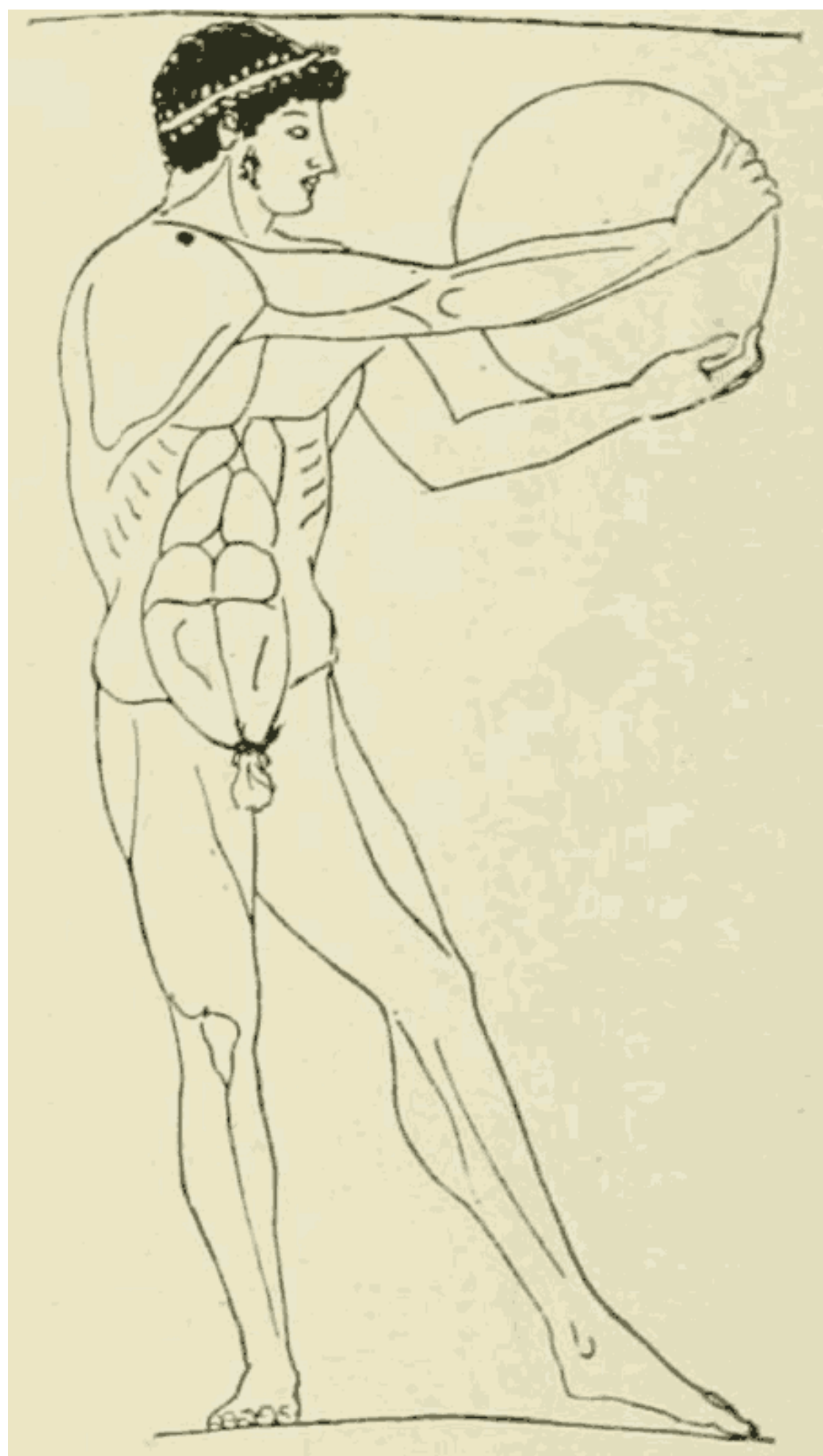

Рис. 78. Р.-ф. кратер Амасиса. Корнето.

Рис. 79. Р.-ф. пелика, в Британском музее, Е. 395.

Рис. 80. Интерьер рис. 66.

Рассмотрение второго типа с плоским диском в правой руке подтверждает эти выводы. Этот тип является прекрасной иллюстрацией различий, обусловленных художественными причинами. Положение тела варьируется от жесткой вертикальной позы архаичных бронз и ваз до изящных изгибов согнутой фигуры на вазе, приписываемой Евфронию (рис. 80). Иногда тело наклонено вперед, иногда стоит прямо, иногда откинута назад. Существенным моментом, однако, является положение рук, и оно всегда неизменно. Дискос упирается в правое предплечье, а левая рука поднята над головой или вытянута вперед. Можно не сомневаться, что во всех этих случаях изображаемый момент - это отклонение диска назад. Положение правой руки, повернутой наружу, необходимо для предотвращения соскальзывания диска, в то время как левая рука поднята, чтобы уравновесить тело во время качания. Лучшим примером этого типа является прекрасная маленькая бронзовая работа, выставленная в Берлингтонском клубе изящных искусств в 1903 году (рис. 81). Здесь правая нога хорошо выдвинута вперед, правое колено согнуто, а вес, как и в статуе Майрона, полностью лежит на правой ноге, левая нога касается земли только пальцами. Это нормальное положение правой ноги: но как в первом типе, когда нормальным положением была левая нога впереди, мы обнаружили многочисленные исключения с выдвинутой вперед правой ногой, так и здесь левая нога иногда оказывается впереди.^[583] Эта вариация указывает на различие в стиле метания. Метатель, выдвинувший вперед левую ногу, должен, как мы видели, либо выдвинуть вперед правую ногу, либо отвести назад левую, чтобы достичь положения статуи Мирона. Если он отводит назад левую ногу, то может сначала отпустить дискос левой рукой, в этом случае дискос откидывается назад в правой

руке, а левая нога остается выдвинутой вперед. Если же он сначала отводит назад левую ногу, то на мгновение он все еще держит дискос в обеих руках, но правая нога все еще выдвинута вперед, и можно заметить, что на вазах, демонстрирующих эту позицию, левая нога очень легко опирается на землю, а тело слегка наклонено вперед. Точный момент, в который происходит изменение, - одна из тех деталей, в которых мы должны ожидать найти разницу в стиле.

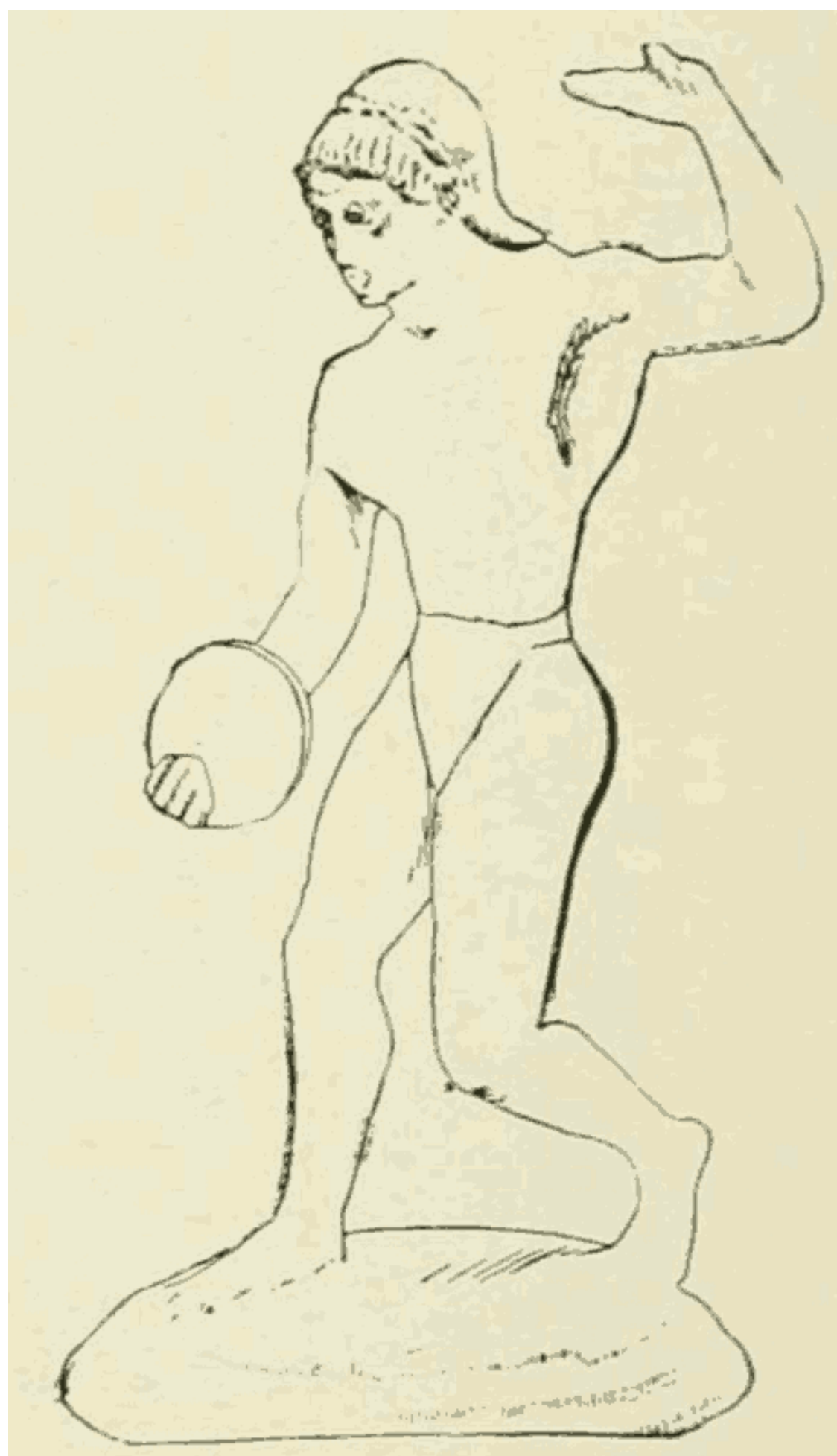

Рис. 81. Бронза пятого века. (*J.H.S.* xxvii. p. 18.)

Таким образом, мы видим, что, хотя принцип, наблюдаемый в статуе Мирона, остается неизменным, была допущена значительная свобода в движениях ног и стиле броска. Учитывая это, мы можем приступить к реконструкции метода метания.

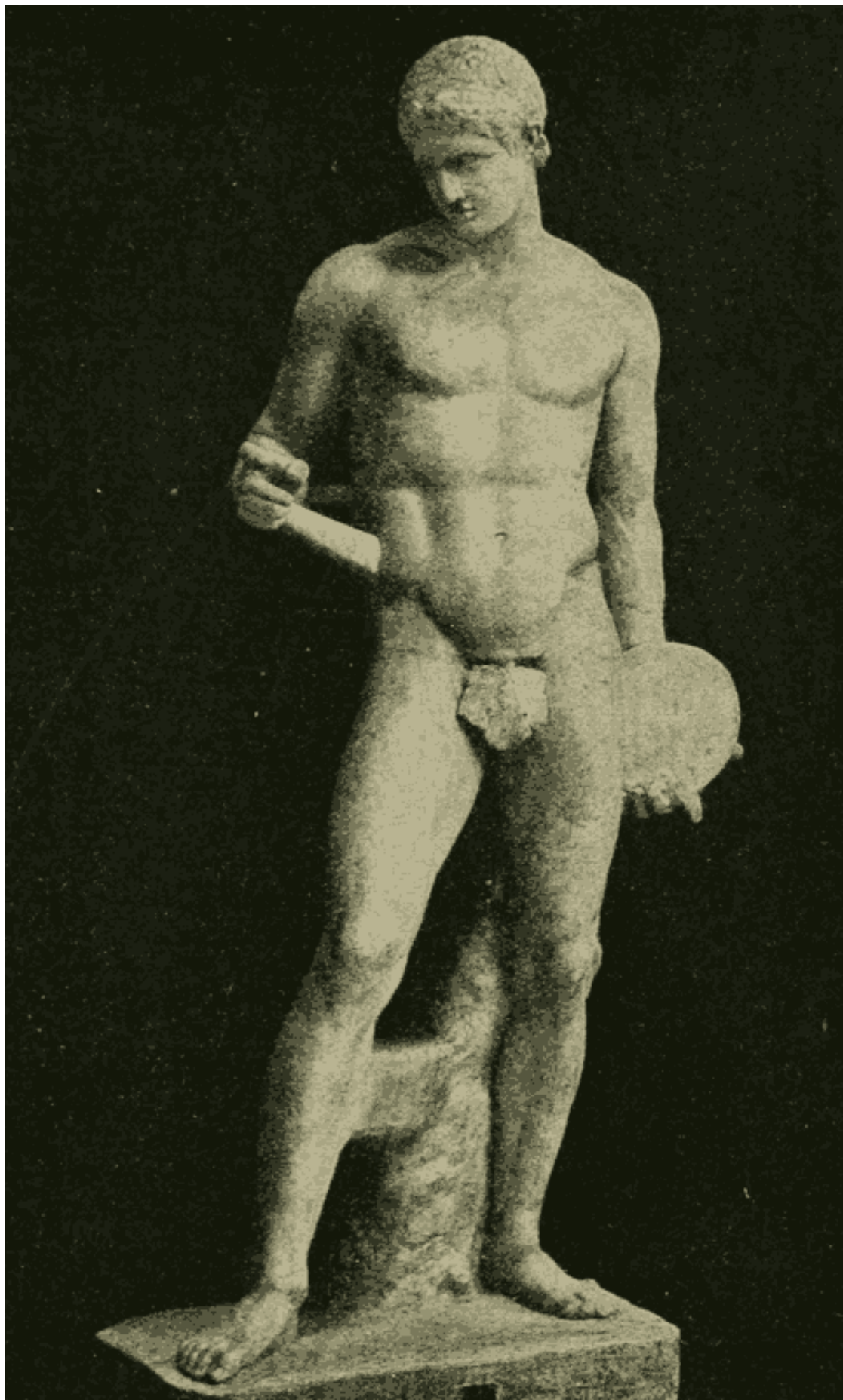

Рис. 75. Стоящий дискобол. Ватикан. Копия с оригинала пятого века. (С фотографии Андерсона.)

(а) *Стойка и предварительные движения.* - После того как дискобол натерт песком, чтобы обеспечить крепкий захват, как описано у Статия, метатель принимает стойку на балбисе, который обозначен линией впереди и, возможно, по бокам, но не сзади, так что он может сделать столько шагов, сколько пожелает. Он занимает позицию немного позади передней линии, тщательно отмеряя взглядом пространство, которое ему требуется, чтобы не переступить черту до того, как дискос выйдет из его руки. Именно этот момент изображен на рисунке "Стоящий дискобол" (рис. 75). Осторожность, с которой метатель ставит правую ногу, крепкое сцепление пальцев с землей и последующее сокращение икроножных мышц - все это указывает на то, что хотя в данный момент вес может лежать на левой ноге, он немедленно будет перенесен на правую. Поза - это покой, но именно покой предшествует действию, и каждая линия фигуры говорит о готовности к действию. Особенно заметно направление головы и глаз. Голова наклонена вправо и немного вниз, а взгляд устремлен на землю в нескольких футах впереди; как я уже говорил, он измеряет расстояние. Правое предплечье, как говорят, современное; если это так, то реставрация особенно удачна; такое положение руки встречается на некоторых бронзовых изделиях, напоминающих статую, а нервное сгибание пальцев соответствующим образом указывает на бдительность, характеризующую всю фигуру.

Находясь в таком положении, метатель замахивается дискоболом вперед. Он может либо оставить левую ногу неподвижной, либо вынести ее вперед. В последнем случае он окажется в положении, изображенном на внешней стороне килика Панаэция в Мюнхене (рис. 17). Левая нога выдвинута вперед и выпрямлена, корпус наклонен вперед, а правая рука вытянута вперед, готовая схватить дискос, когда он качнется вперед. Завершение движения показано на внутренней стороне того же килича, где метатель берет дискос в обе руки, его тело отклоняется назад с маятниковым движением, подготовительным к взмаху назад.

Положение стоящего дискобола воспроизведено в некоторых бронзах, но не встречается на вазах. Последние предполагают альтернативный способ старта, когда дискобол замахивается вперед не левой, а обеими руками. Возможно, именно так объясняется рисунок на чернофигурном лекифосе в Британском музее (рис. 82) и на некоторых других вазах.

Рис. 82. Б.-ф. лекифос, в Британском музее, В. 576.

Рис. 83. Бронзовая статуэтка. Нью-Йорк.

Совершенно иная позиция представлена прекрасной бронзовой статуэткой в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (рис. 83). Метатель стоит, выставив вперед правую ногу, а дискос поднят в левой руке на уровне головы. Подобный тип встречается на нескольких вазах, лучшая из которых - краснофигурный кратер в Ашмолеанском музее в Оксфорде.^[584] Из этого положения дискос поднимается над головой в обеих руках. Этот момент представлен на бронзе в Национальном музее в Афинах.^[585] Большой палец левой руки повернут внутрь на внутренней стороне дискоса, тогда как на вазах он обычно находится снаружи. Большой палец не может быть на внутренней стороне, если дискос вздернут вверх описанным способом. Поэтому можно не сомневаться, что перед нами совершенно отдельный стиль. Бронза из Британского музея (рис. 84) переносит движение немного дальше и показывает момент перехода к взмаху вниз. Дискос, вместо того чтобы быть вертикальным, лежит плашмя на ладони правой руки, а левая рука лишь слегка касается его и уже готова отпустить. Здесь также большой палец находится с внутренней стороны. Во всех этих бронзах правая нога выдвинута вперед, поэтому кажется вероятным, что движения ступней не было.

Рис. 84. Бронзовый дискобол, Британский музей, 675.

(b) *Замах назад*. В этот момент левая рука отпускает свой захват, и дискобол откидывается назад в правой руке. Если правая нога впереди, менять ноги не нужно; если левая впереди, нужно либо отвести левую назад, либо выдвинуть вперед правую ногу. Тело, которое в конце маха вперед было вертикальным или наклоненным назад, наклоняется сначала вперед, а затем в сторону, голова следует за движениями тела. Дискос держат в руке плашмя и поворачивают кисть наружу, пока она не пройдет мимо тела. Мы уже видели несколько изображений ранней части замаха. Более поздняя часть прекрасно представлена на краснофигурном киликсе в Лувре (рис. 85), а фрагмент алабастрона в Вюрцбурге демонстрирует интересный вид того же движения со спины.

Рис. 85. Р.-ф. киликс. Лувр.

Верхняя часть качелей, конечно, представлена в статуе Мирона. Интересная вариация вершины качелей встречается на ряде монет Коса, относящихся к началу V века (рис. 86). Эти монеты часто

неправильно интерпретировались и предполагалось, что они представляют отдельный момент либо до, либо после вершины качелей. Несколько экспериментов убедят любого, что никто, кроме акробата, не мог перейти из этого положения в положение статуи Мирона или *наоборот*. Изучение серии этих монет приводит к выводу, что особенности, которые они представляют, обусловлены художественными причинами. Изготовитель монетного штампа пытался изобразить вершину качелей спереди, и сложность задачи оказалась для него непосильной. Необходимое укорочение для изображения изгиба тела вперед оказалось ему не под силу, и даже если бы его не было, успех результата на монете был бы более чем сомнительным. Поэтому он принял очевидное решение - наклонить тело вправо, а не вперед. Изгиб правой руки, заметный на некоторых монетах, явно обусловлен соображениями пространства. Дискос изображен под прямым углом к телу, потому что, если его провести параллельно, он будет выглядеть спереди как тонкая линия, которая на таком маленьком пространстве будет почти неузнаваема. Положение незанятой левой руки может указывать на разницу в стиле броска.

Рис. 86. Монеты Коса в Британском музее (увеличено).

(с) *Бросок*. - "Дискобол, - говорит Лукиан, говоря о статуе Мирона, - кажется, будто он выпрямится при броске". В начале замаха вперед в игру вступают мышцы-разгибатели, и за счет энергичного подъема правого бедра все тело поднимается и выпрямляется. Это мгновенное, но очень важное движение искусно изображено на двух вазах - панафинейской вазе в Неаполе и чернофигурной гидрии в Британском музее (рис. 87, 88).^[587] Изображенное положение уникально для греческого атлетического искусства, которое предпочитает позиции сравнительного покоя и равновесия. Но здесь мы имеем своего рода моментальный снимок, импрессионистскую картину положения, почти слишком сиюминутного, чтобы быть замеченным, слишком неустойчивого, чтобы сохраняться. Особенно на панафинейской вазе метатель, кажется, взлетает с земли, напоминая фигуры крылатых Побед настолько сильно, что можно предположить, что поза заимствована у этого типа. У дискобола, однако, нет крыльев, и если он быстро не восстановит равновесие, продвинувшись вперед на одну ногу, то должен упасть на землю.

Рис. 87. Панафинейская амфора. Неаполь, Расс. Сум. 184.

Современному метателю в эллинском стиле удастся избавиться от диска в таком положении, не выдвигая вперед левую ногу, но при этом неизбежно страдает бросок, и нет никаких свидетельств того, что древние когда-либо вводили подобное ограничение. Более того, в современном стиле нисходящий взмах диска почти предшествует выпрямлению тела; на вазе тело уже поднято, а дискос остается позади. Отсюда следует неизбежный вывод: бросок выполняется с левой ноги, которая выдвигается вперед до того, как дискос покинет руку. Это единственный рациональный способ броска, и то, что греки использовали именно этот способ, подтверждается

свидетельствами литературы и искусства. "Левая нога", - говорит Филострат в уже цитированном отрывке, - "должна быть занесена вперед и сопровождаться правой рукой". Эти слова подтверждаются менее определенным языком Лукиана и Статия, а также вазами. На краснофигурном киликсе из Булони (рис. 89) показана ранняя часть движения, а его продолжение можно увидеть на чернофигурной гидрии в Вене (рис. 90). На обеих вазах дискоболы шагают вперед левой ногой.

Так называемые бронзовые дискоболы из Неаполя, как говорят, представляют движение после броска, но такая интерпретация кажется невозможной, учитывая положение рук, бдительность и ожидание, выраженные как фигурами, так и головами, и у меня нет сомнений, что это действительно борцы. Более того, когда дискос покидает руку, естественной тенденцией является выдвижение вперед правой ноги, чтобы предотвратить падение метателя вперед, а в бронзовых изделиях выдвинута вперед левая нога. Позиция последующего движения должна была быть несколько похожа на позицию юноши по правую руку на рис. 89, но невозможно с уверенностью идентифицировать эти фигуры с метателями диска.

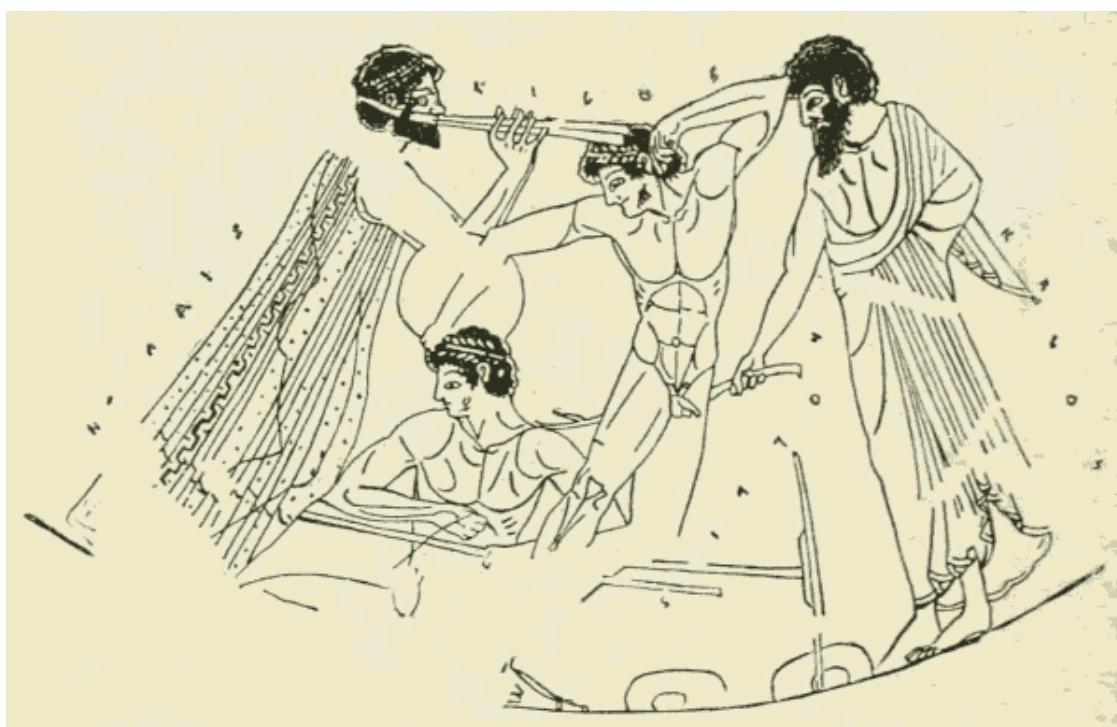

Рис. 88. Б.-ф. гидрия. Британский музей, Е. 164.

Рис. 89. Р.-ф. киликс. Булонь.

В современных соревнованиях по метанию обычно действует правило, согласно которому метатель не может заступать за линию, пока предмет не покинет руку. Если таково было правило греков, то метателю дискобола не разрешалось заступать за линию левой ногой; такое правило дает естественное объяснение положению головы в стоячем дискоболе, описанном выше. Доктор Пернис недавно попытался доказать, что метатель дискобола принимал стойку правой ногой сразу за линией, и что именно этой ногой не разрешалось заступать за линию. Разница между его мнением и моим невелика, поскольку в любом случае правая нога остается неподвижной до завершения броска, а переступает только после того, как дискос покидает руку. В поддержку своей точки зрения доктор Пернис приводит некоторые вазы, где, как он говорит, фигура сидит на земле, внимательно наблюдая за правой ногой метателя.^[588] Эти доказательства кажутся мне далеко не убедительными: сидящие фигуры обычно вводились в раннее искусство ради разнообразия или для заполнения пустого пространства. Кроме того, эта точка зрения не объясняет положение статуи. В отсутствие дальнейших доказательств уверенности быть не может.

Краткое описание описанных движений может оказаться полезным.

1. Стойка.

- (a) Положение стоящего дискобола (рис. 75), или
- (b) Дискоболы, удерживаемые в обеих руках на уровне талии (рис. 82), или
- (c) Дискоболы подняты в левой руке на уровне головы (рис. 83).

Из этих положений, со сменой или без смены ног, дискос поднимается на

2. Позиция с левой ногой впереди (обычно) и дискосом в обеих руках,

- (a) вытянуты горизонтально вперед (рис. 76 и др.), или
- (b) подняты над головой.

3. Дискос откидывается вниз, упираясь в правое предплечье. Если левая нога впереди, до или во время замаха,
- (a) Левая нога отводится назад (рис. 78), или
- (b) правая нога выдвигается вперед (рис. 79), так что мы достигаем
4. Позиция дискобола Мирона (рис. 13).
5. В начале маха вперед тело выпрямлено (рис. 87, 88).
6. А когда дискоболос качается вниз, левая нога энергично выдвигается вперед (рис. 89, 90).
7. Наконец, после того как дискос покинул руку, правая нога снова выдвигается вперед.

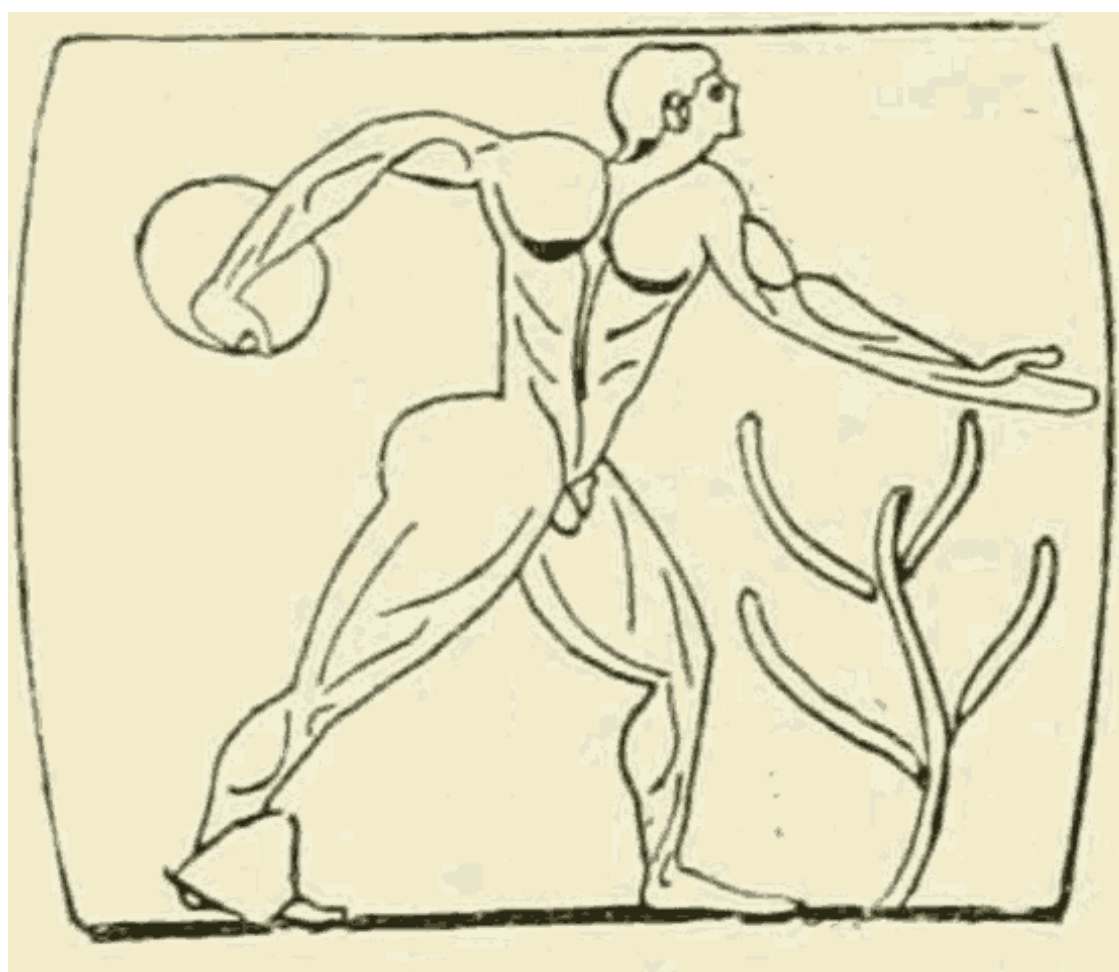

Рис. 90. Б.-ф. гидрия. Вена, 318.

Таким образом, мы видим, что принцип, заложенный в статуе Мирона, остается неизменным, в то время как существует возможность для значительного разнообразия в стиле и деталях, особенно в движении ног. Эта схема существенно отличается от обоих стилей, используемых в современных Олимпийских играх. Свободный стиль" отказывается от принципа, а так называемый эллинский стиль требует рабского следования искусственной модели. Когда метание диска было впервые возрождено в Афинах в 1896 году, греки и другие участники соревнований, взяв за образец статую Мирона и не руководствуясь теориями, естественным

образом разработали стиль, который, безусловно, приближался к истинному стилю древних. Новый метод был изобретен вскоре после этого иностранными атлетами, в частности американцами, которые применили к дискоболу принципы, используемые в метании молота и тяжелого веса, при которых сила набирается одним или несколькими полными поворотами тела. Этот метод, безусловно, был эффективным, но он не был греческим и разрушал отличительный характер упражнения. Это раздражало греков, и чтобы пресечь подобные нововведения, они придумали так называемый "эллинский стиль", а на двух последних Олимпийских играх проводились отдельные соревнования по этим двум стилям. К сожалению, "эллинский стиль" так же далек от истинного стиля, как и вольный. Бросок выполняется с уже описанного нелепого наклонного балбиса, и предписано, что поскольку дискобол Мирон ставит правую ногу вперед, то правая нога должна оставаться впереди до завершения броска. Более бессмысленного ограничения трудно себе представить. Оно не только губительно для всякой грации и свободы движений, но и свидетельствует о полном непонимании статуи и, как мы видели, противоречит всем свидетельствам литературы и искусства. Об этой ошибке можно только сожалеть. Метание диска - ценное и грациозное упражнение, которое вполне заслуживает того, чтобы занять место в современном спорте; но если когда-нибудь оно вновь обретет популярность, то это должно произойти благодаря возвращению к истинным методам древних.

В героические времена метание диска было отдельным состязанием, и в нем преуспевали различные боги и герои; в исторические времена оно встречается только как часть пятиборья, и в этом качестве оно сопровождалось флейтой, как показано на рис. 77. Единственное отдельное соревнование с диском было в Ольвии, милезской колонии в Скифии, на празднике Ахилла Понтарха.^[589] Дискос, однако, похоже, играл важную роль в жизни гимназия и палестры, если судить по частым упоминаниям о нем в литературе и бесчисленным изображениям его в искусстве. Она даже завоевала расположение римлян, которые презирали большинство греческих видов спорта, а Гораций упоминает метание диска и копья как мужественные упражнения, подходящие для молодого воина.^[590] Как физическое упражнение она, безусловно, была ценна. По словам Лукиана, оно укрепляло плечи и придавало тонус конечностям.^[591] Врачи одобряли его, а Аретей рекомендовал его как лекарство от хронической головной боли и головокружения.^[592]

ГЛАВА XVI

МЕТАНИЕ КОПЬЯ

Копье, используемое в греческом спорте, называется по-разному: ἄκων, ἀκόντιον, μεσάκυλον, ἀπτομάς.^[593] Последний термин, по-видимому, обозначает просто рейку или палку, и точно описывает копье в том виде, в каком оно представлено на вазах. Прямой шест, по длине почти равный росту человека, хотя иногда и длиннее, и толщиной примерно с палец, является одним из самых распространенных предметов в сценах палестры, как используемых, так и вкопанных в землю поодиночке или парами, возможно, для обозначения стартовой линии для прыжка или броска. Раньше эти стержни называли столбами для прыжков, но тот факт, что к ним часто прикрепляли ремень для метания или анкил, доказывает, что это не более чем копье. В то же время нет причин, почему они не

должны были служить в качестве измерительных стержней (κανόνες) для измерения прыжка, что, возможно, представлено на келебе из Британского музея (рис. 77).

Атлетическое копье в подавляющем большинстве случаев бессмысленно. На ранних чернофигурных вазах, таких как только что упомянутая келебе, оно представлено черной линией, которая кажется сужающейся, но это просто случайность техники, естественный результат линии, проведенной одним быстрым мазком кисти или пера. На краснофигурных вазах стержень обычно квадратный на конце и часто имеет тупой колпачок или ферулу, на что указывает утолщение на конце, или черная заплатка, или линии, изображающие крепления, которыми он прикреплен. Такими, можно предположить, были копья, которые Ксенофонт рекомендует использовать на практике кавалерийским солдатам, снабженные круглым концом (ἑσφαίρωμένα) наподобие кнопки на современной рапире или штыке.^[594] Эти колпачки служили не только для защиты, но и для придания головке копья необходимого веса, без которого оно не могло бы нормально лететь. Тупые копья, естественно, использовались для тренировок, особенно для дальних бросков.

Заостренные копья редко изображаются в атлетических сценах; но их использование даже на практике показано в речи Антифона в защиту юноши, который случайно попал и убил мальчика, перебежавшего через поле во время броска.^[595] На вазах, изображающих метание копья верхом на лошади в цель, копья все заострены, а в двух случаях имеют длинные похожие на листья головки, как мы видим в сценах охоты.^[596] Для метания в цель остроконечные копья были необходимы, во всяком случае, на соревнованиях: но огромное преобладание тупых копий оправдывает вывод, что они обычно использовались для тренировок, и что вплоть до конца пятого века метание на дальность было более привычным, чем метание в цель.

Будь то остроконечное или тупое копье, атлетическое копье, очевидно, было легким оружием, и Анахарсис презрительно противопоставляет его более грозному оружию, которое не разносится ветром.^[597] Оно металось с помощью ремешка, называемого ἀγκύλη или amentum, закрепленного около центра копья, которое поэтому называлось μεσάγκυλον. Аментум представлял собой кожаный шнурок длиной в фут или восемнадцать дюймов, если судить по многочисленным изображениям метателя копья (ἀκοντιστής), держащего копье в одной руке, а шнурок - в другой.^[598] Он был съёмным, но перед использованием прочно обвязывался вокруг древка таким образом, чтобы оставалась петля длиной три-четыре дюйма, в которую метатель вставлял первый или первый и средний пальцы. Точка крепления находилась рядом с центром тяжести, в легких легкоатлетических копьях - почти в центре древка, в более тяжелых боевых или погонных копьях - ближе к голове. Возможно, его местоположение также менялось в зависимости от того, как металось копье - на дальность или в цель. Если поместить аментум позади центра тяжести, можно увеличить дальность броска, но при этом жертвуя точностью. Поэтому спортсмен крепил его по своему вкусу незадолго до использования. На гидрике из Британского музея, изображенном на рис. 88, юноша сидит на земле в процессе прикрепления аментума. На краснофигурном килике из Вюрцбурга (рис. 91) мы видим юношу, наматывающего аментум на древко, в то время как другой конец он крепко держит ногой. Некоторые из способов крепления аментума можно увидеть на прилагаемой иллюстрации. Самый яркий пример - из Александрийской мозаики в Неаполе (рис. 92e). В каждом случае свободной остается только сама петля.

Рис. 91. Р.-ф. киликс. Вюрцбург, 432.

Аментум не был изобретением гимназия, он был заимствован им из войны и погони. Использовался ли он в гомеровские времена, мы сказать не можем. Принцип работы пращи, безусловно, был известен гомеровскому пастуху, а кроме длинного копья вождя, существовало более легкое и короткое оружие (*αἰγανέη*), которое, как и лук, использовалось на охоте, а также простыми воинами на войне и в спорте. На вазе воина из Микен^[599] изображены два вида копий: длинное копье, крепко зажатое в руке, и короткое копье, поднятое почти на расстояние вытянутой руки за головой, причем рука направлена так, как будто пальцы вытянуты, как при удержании аментума.

Начиная с VI века аментум использовался для метания копья на войне, на охоте и в погоне. Он часто изображается на ранних чернофигурных вазах. Его использование прекрасно показано на внутренней стороне халкидского киликса в Британском музее, где полностью вооруженный воин с пальцами, вставленными в ремешок, готовится бросить копье с помощью своего рода броска снизу, броска, в котором некоторые дикари в наши дни, как говорят, необычайно искусны (рис. 93). Более привычный бросок через руку используют некоторые воины на вазе Франсуа (рис. 94), которые идут в атаку с отведенными назад руками и пальцами, вставленными в ремень, в манере, которую Ксенофонт рекомендует своим пельтастам.^[600] Постановка пальцев и вся позиция точно такие же, как мы видим в атлетических сценах, за исключением того, что в последних голова обычно отклонена назад, положение, явно не подходящее для воина или охотника. В сцене охоты на кабана, изображенной на коринфской вазе из Британского музея, В. 37, видно, как копья, снабженные аментами, втыкаются в спину кабана, что является явным доказательством того, что они были закреплены на древке и не оставались в руке метателя.

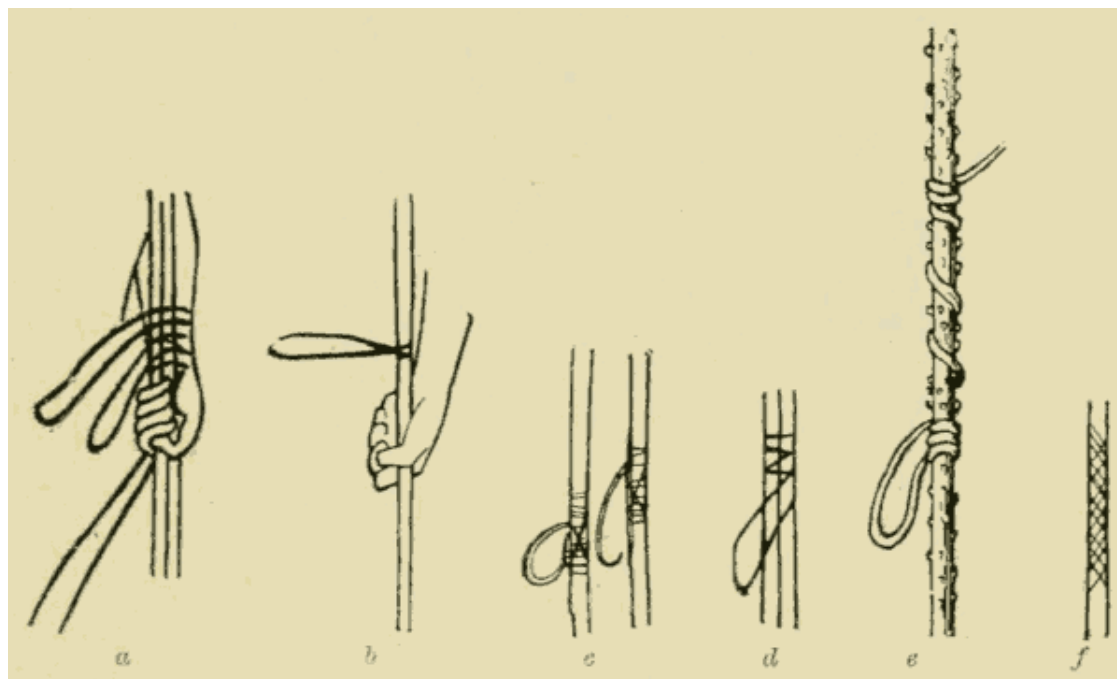

Рис. 92. Различные способы крепления амента. (J.H.S. xxvii. p. 250.)

Рис. 94. Ваза Франсуа. Флоренция.

Легкое копье, снабженное аментумом, предназначалось в первую очередь для метания; но вазы показывают, что его можно было использовать и для нанесения колющих ударов, в этом случае ремешок служил удобной рукояткой или хватом. Она также обозначала место для захвата копья, и поэтому иногда изображалась на длинном копье, которое, хотя обычно использовалось для метания, иногда могло быть и брошено. Эти длинные копья были оружием гомеровских вождей и гоплитов, которые составляли главную силу греческих войск во время персидских войн. Легкое копье было оружием простых солдат и легковооруженных отрядов, а его настоящее значение относится к последним годам Пелопоннесской войны, когда начали осознавать ценность легковооруженных отрядов и конницы. Эти легковооруженные войска состояли в основном из наемников, лидийцев, мисийцев,

аркадян, этолийцев, фессалийцев, фракийцев. Все эти расы были искусны в обращении с копьем. В Афинах, где кавалерия набиралась из числа молодой знати, копье было особым оружием эфеба, который часто изображался верхом на коне, держа в руке пару копий. Метание копья было важной частью его подготовки; соревнования по нему множились, и в III веке до н. э. мы находим специальных учителей копья, ἄκοντιοτάι, нанятых государством для обучения эфебов в Афинах и других местах.^[601]

Рис. 93. Б.-ф. киликс. Британский музей, В. 380.

Распространение аментума^[602] представляет определенный интерес и важность. Похоже, что он не был греческим изобретением. Он был известен в Италии уже в ранние времена и свободно использовался этрусками, самнитами и мессапийцами, но в римской армии его стали применять только после Пунических войн. Трагула, оружие испанцев во время второй Пунической войны, металась с помощью аментума. Во времена Цезаря это было оружие галльской кавалерии. С этого времени оно широко использовалось легковооруженными наемниками. Следы аментума есть на римском оружии, найденном в Ализе-Сент-Рен, и мы даже находим его прикрепленным к тяжелому копью легионера. Если пойти еще дальше, то мы обнаружим его на тисненном мечевом поясе, найденном в Ватше в Австрии, и есть основания предполагать, что легкие копья, найденные в Ла-Тене, были брошены именно таким образом. Несомненно, аментум был известен в Дании в раннем железном веке. Его остатки были найдены в Нидаме. Найденные там копья имеют длину от 8 до 10 футов. На середине древка часто видны небольшие бронзовые заклепки, между которыми крепился шнур. В некоторых случаях шнур был найден все еще закрепленным между заклепками. Наконец, в старых ирландских историях часто упоминается аментум. Так, в битве при

Мойрете "Куанна, поставив ногу на твердую землю, просунул палец в тетиву своего ширококонечного копья и сделал бросок в Конгала". Эта петля, называемая *suapet* или *suaineamh*, делалась из шелка или льна, а *laigan* или копье, к которому она крепилась, как говорят, было привезено в Ирландию галльскими наемниками в четвертом веке до нашей эры. Интересное изображение этого старого ирландского копья с петлей можно увидеть на картине капитана Томаса Ли, написанной в 1594 году и находящейся сейчас у лорда Диллона.

Итак, мы видим, что аментум был известен во всей Греции и Италии, в Испании и Галлии, в Центральной Европе, в Дании и Ирландии. Легкое копье, к которому он относится, - оружие менее высокоцивилизованных народов. Это оружие погонщиков и простых людей, но оно не играет особой роли в тяжеловооруженных армиях Греции и Рима. В обеих странах оно появляется с организацией легковооруженных отрядов, а затем в основном как оружие подвластных государств и наемников. Отсюда напрашивается вывод, что аментум был изобретением племен Центральной Европы, а в ходе их скитаний был распространен на юге и западе континента.

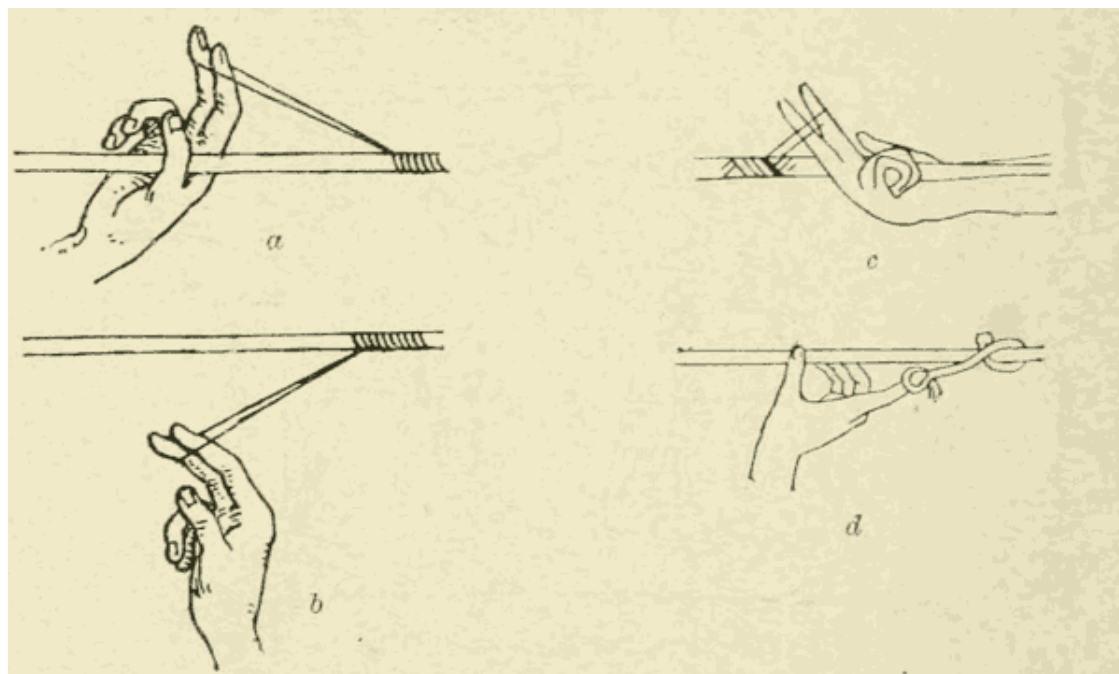

Рис. 95. Иллюстрации использования метательного языка. *a, b*, Jüthner, рис. 47, 48. Реконструкция броска. *c*, Деталь с вазы Б.М., В. 134. *d*, Унеп из Новой Каледонии.

Фиксированный аментум, похоже, не известен за пределами Европы, но похожие приспособления существуют и по сей день среди диких племен. Таков унеп, используемый жителями Новой Каледонии и Новых Гебридских островов. Это толстый шнур длиной 6-8 дюймов с петлей на одном конце и узлом на другом. Копья имеют длину от 9 до 12 футов, с небольшим выступом сразу за центром тяжести, за который помещается шнур и накручивается на узел таким образом, чтобы развязывался при метании копья, оставаясь в руке метателя. Примеры этого узла можно увидеть в Этнографической галерее Британского музея, а наша иллюстрация взята с выставленного там рисунка (рис. 95). Сочетание этой нити с метательной палкой встречается в Новой Зеландии. Метательная палка, безусловно, является самым распространенным приспособлением для увеличения броска копья. Она широко используется в Австралии, Меланезии, Центральной Америке и у эскимосов, но неизвестна в Европе, хотя метательные палки из кости, похоже, использовались палеолитическим человеком во Франции.

Принцип работы аментума легко понять из нашей иллюстрации. При подготовке к броску копье лежит на полотне между большим и безымянным пальцами, но на самом деле удерживается двумя пальцами, вставленными в петлю и выступающими над древком. В момент броска положение меняется на противоположное; тяга за аментум придает пол-оборота древку, и копье удерживается только аментумом, пальцы находятся ниже древка. Действие аментума схоже с действием нарезки в оружии. Придавая снаряду вращательное движение, он не только помогает ему сохранять направление, но и увеличивает его вынос и пробивную силу. Еще больше увеличивается переносимость за счет дополнительного рычага, которым располагает рука метателя. Очевидно, что, как отмечает Филострат,^[603] длина пальца была значительным преимуществом для метателя копья.

Влияние аментума на легкое копье было продемонстрировано практическими экспериментами, проведенными генералом Реффье для императора Наполеона. Было обнаружено, что копье, которое можно было метнуть вручную только на 20 метров, после небольшой тренировки можно было метнуть на 80 метров с помощью аментума. Ютнер также сообщает, что неопытный метатель увеличил свой бросок с 25 до 65 метров с его помощью. Значение этих цифр можно понять, если учесть, что рекорд в метании копья, установленный победителем Олимпийских игр Леммингом, составлял всего 57-33 метра. Следует, однако, отметить, что копье, использовавшееся на этих играх, было тяжелым и весило 800 граммов (около 2 фунтов), тогда как греческое копье было гораздо легче.^[604]

Рис. 96. Р.-ф. псайкер. Bourguignon Coll.

Способ метания копья четко показан на вазах. Для этого необходимы две вещи: аментум должен быть прочно прикреплен к древку, а петля должна быть туго затянута пальцами перед броском. Крепление аментума уже было описано. На краснофигурном псайкере (рис. 96) мы видим следующий этап подготовки. Группа юношей готовится к тренировке под наблюдением пайдотриба и его помощника, в то время как два других пайдотриба занимаются с парой борцов. Двое из юношей проверяют крепления: упираясь одним концом копья в землю и крепко держа его левой рукой, они проводят правой рукой вдоль древка, чтобы убедиться в надежности креплений. Третий в той же позе пропускает пальцы через петлю, линии которой исчезли. Четвертый уже просунул пальцы в петлю и, подняв копье на высоту груди, надавливает на него левой рукой, чтобы стянуть ремешок.

Можно выделить два стиля метания копья: один - горизонтальный, другой - направленный более или менее вверх. Горизонтальный стиль - это практический стиль войны или погони, другой - стиль чистой атлетики. В последнем случае дистанция является единственным объектом, и метатель может не торопиться; в первом случае дистанция является лишь второстепенным фактором по сравнению с силой и точностью, и все зависит от быстроты действий. Это разница между броском мяча в крикет с дальнего поля и броском на соревнованиях.

(а) *Практический стиль*. Солдат или охотник должен иметь копье наготове, чтобы использовать его в любой момент. Поэтому он носит его с пальцами, пропущенными через петлю (διῆκυλισμένος). Он может нести его горизонтально на боку, как воин на рис. 93, но более свободная и естественная позиция - согнутая рука с копьем, перекинутым через плечо и направленным вниз. Из этого положения он может отвести руку назад для броска или поднять локоть так, чтобы копье оказалось на уровне его головы - естественное положение для прицеливания. Такая манера держать копье подразумевается или изображается во многих сценах войны или погони, и она одинаково удобна как на лошади, так и в пешем строю. Возможно, лучшие примеры этой манеры встречаются на двух панафинейских вазах, изображающих пятиборье, одна из которых находится в Британском музее, а другая - в Лейдене (рис. 107, 108). На лейденской вазе аконтист несет копье на склоне; так же поступает и атлет, возглавляющий процессию на вазе Британского музея, но другой аконтист поднял копье горизонтально. Эта позиция с копьем на одном уровне с головой является естественной для старта, независимо от того, использует ли метатель аментум или нет. Копье может оставаться в таком положении во время броска, а может быть сразу отведено назад. Если время не терпит, метатель может перед началом разбега поправить копье, отведя острие назад левой рукой, как это изображено на чернофигурном стамносе в музее Грегориано (рис. 97).

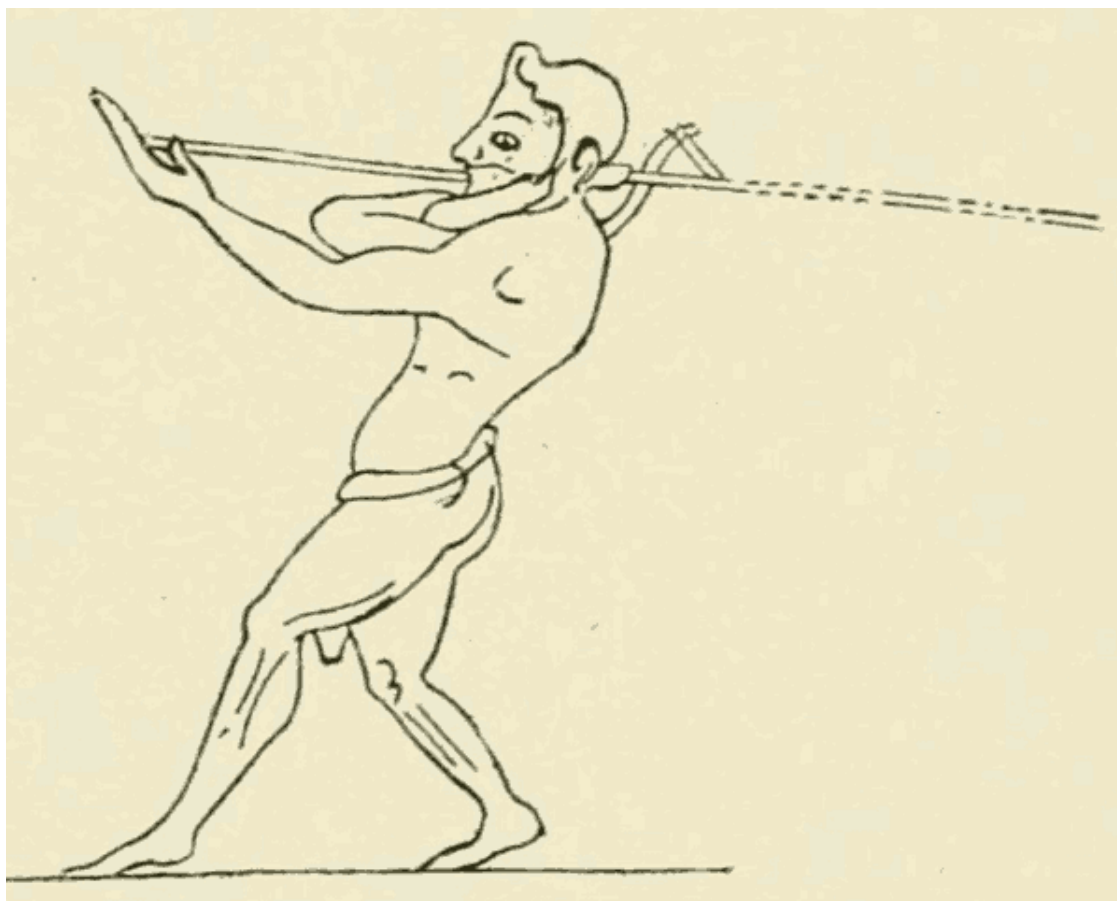

Рис. 97. Б.-ф. стамнос. Ватикан.

Из переноса рука отводится назад на всю длину, как показано на вазе Франсуа (рис. 94). При броске движение обратное, рука с копьем возвращается в прежнее положение, за исключением того, что при использовании аментума рука сразу же отпускает древко копья, которое удерживается только с помощью тетивы. Реалистичное изображение этого момента представлено на ранней чернофигурной вазе из Акрополя, в нижней зоне которой изображен кавалерийский бой между лучниками и метателями копья (рис. 98).

Рис. 98. Б.-ф. ваза. Акрополь, Афины, 606 г.

Этот стиль метания характерен для чернофигурных ваз и совершенно отличен от того, который мы находим общим на краснофигурных вазах V века. Это практический стиль погони и войны, адаптированный к спорту. Конечно, это естественный стиль для метания в цель, и на первый взгляд можно предположить, что именно это и хотели изобразить художники; но то, с какой тщательностью они подчеркивают тупость копья, убедительно свидетельствует о том, что это дальний бросок.

(б) *Атлетический стиль*. Чисто атлетический характер стиля, изображенного на краснофигурных вазах, очевиден при самом случайном рассмотрении. До самого момента броска голова повернута назад, взгляд прикован к правой руке - положение, одинаково нелепое для войны, погони или прицеливания в какую-либо цель. Тщательно отрегулировав и проверив аmentум описанным способом и вставив один или два пальца в петлю, метатель вытягивает правую руку назад на всю длину, а левой рукой, расположенной напротив груди, держит конец копья и толкает его назад, чтобы натянуть ремешки. Копье иногда горизонтально, иногда направлено вниз, как мы видим на амфоре из Британского музея, Е. 256 (рис. 99). На сайте можно заметить, что мизинец и третий палец, которые не играют никакой роли в практическом стиле, когда копье располагается над плечом, нужны для того, чтобы держать копье устойчиво, когда правая рука опущена.

Рис. 99. Р.-ф. амфора, в Британском музее, Е. 256.

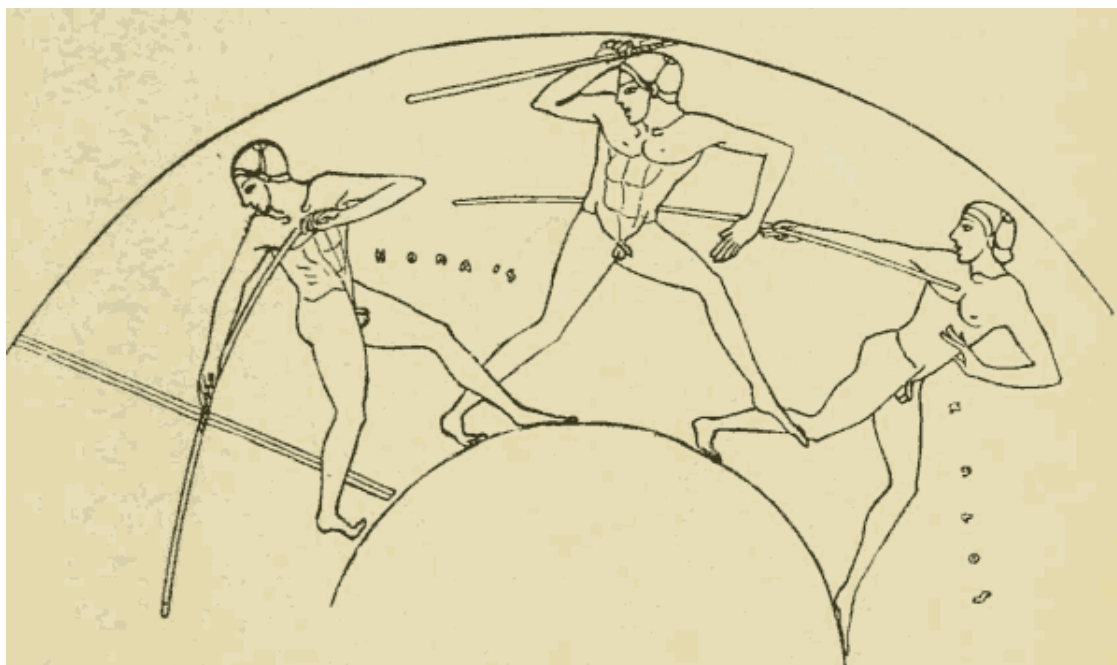

Рис. 100. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 562 А.

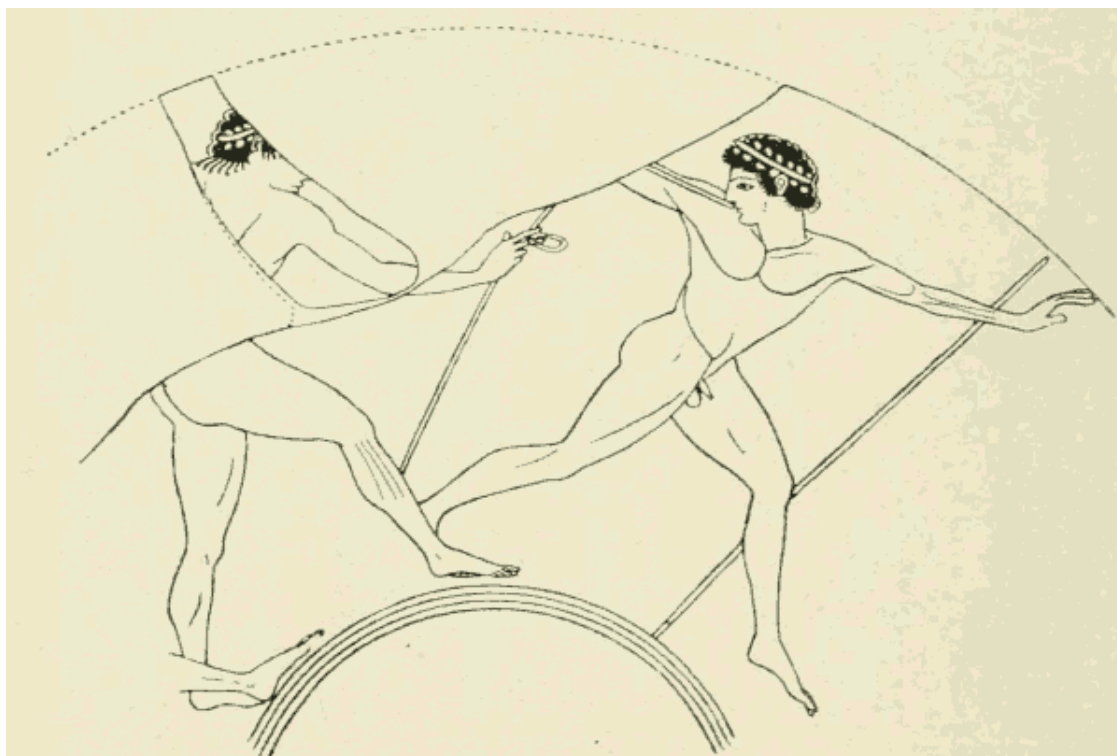

Рис. 101. Р.-ф. киликс. Берлин, 3139 инв.

Когда метатель начинает бежать, он отводит правую руку еще дальше назад, поворачивая тело боком, и вытягивает левую руку вперед. На мюнхенском киликсе (рис. 100) мы видим две последовательные позиции; юноша слева все еще поддерживает копье левой рукой, юноша справа только что отпустил его. Следующий момент, когда левая рука полностью вытянута вперед, изображен на килике в Берлине (рис. 101). По положению головы и руки видно, что стремительный бег, о котором говорят некоторые авторы, невозможен. Как и при броске крикетного мяча, разбег состоит из нескольких коротких, пружинистых шагов. Непосредственно перед броском происходит еще один поворот корпуса вправо, правое колено хорошо согнуто, правое плечо опущено, а рука развернута наружу, так что древко почти упирается в ладонь. Эта поза ярко изображена на килике из Торлонии (рис. 102).

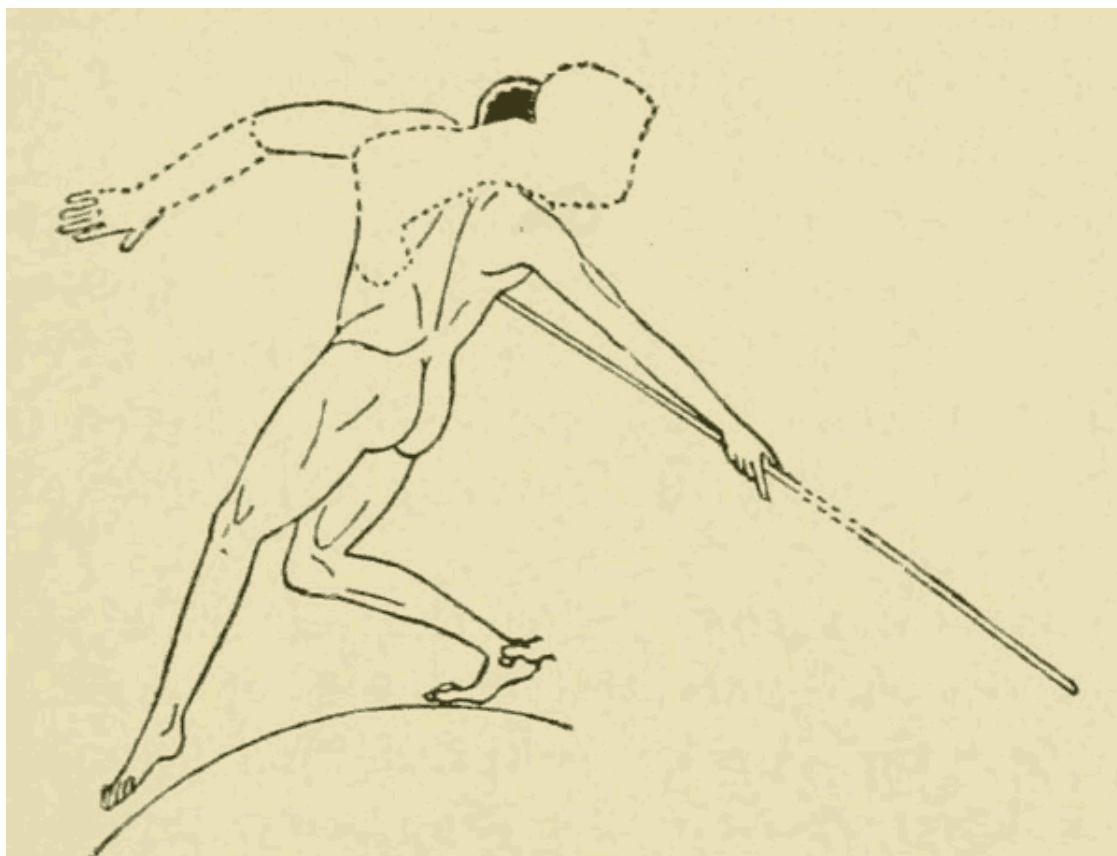

Рис. 102. Р.-ф. киликс. Torlonia, 270 (148).

Настоящий бросок изображается крайне редко, а те художники, которые пытаются его выполнить, впадают в безнадежную путаницу. Например, на мюнхенском киликсе (рис. 100) юноша в центре изображен бросающим копье вправо, но постановка пальцев правой руки совместима только с броском влево. Не намного лучше рисунок метателя копья на килике Панаэтия (рис. 17). Здесь, как и на краснофигурной амфоре из Мюнхена (рис. 103), хотя общая поза энергична и реалистична, положение руки безнадежно: запястье согнуто над древком, а не подогнуто под него. Аментум также бросается в глаза своим отсутствием. Небрежность художников краснофигурных ваз в таких деталях заметно контрастирует с тщательностью ранних живописцев. Отчасти это объясняется тем, что атлетические типы стали условными, отчасти тем, что если на чернофигурных вазах аментум рисовался черным, как и само копье, то на краснофигурных вазах его приходилось добавлять другим цветом, обычно белым или пурпурным, уже после завершения остального рисунка. Поэтому эта деталь часто опускалась совсем, а если и вносилась, то стиралась первой.

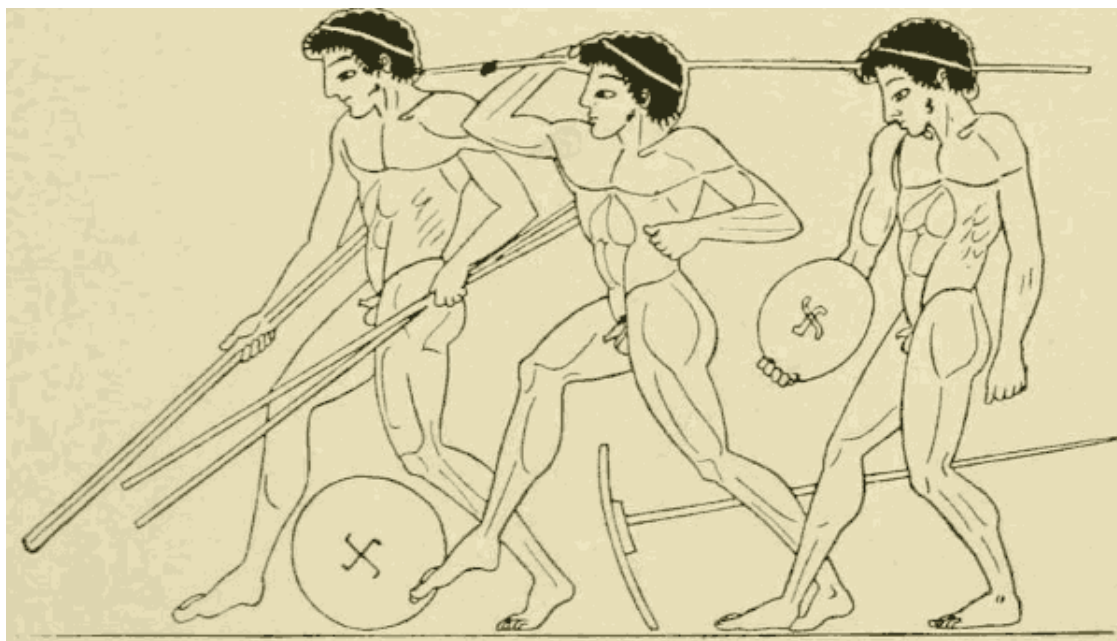

Рис. 103. Р.-ф. амфора. Мюнхен, 408 г.

Копье обычно бросали с короткого разбега, но одна или две вазовых росписи указывают на то, что практиковался и бросок стоя. Такая фигура изображена на килике из Рима (рис. 104), поза, очевидно, заимствована у дискобола. Возможно, киликс из Торлони также изображает бросок стоя.

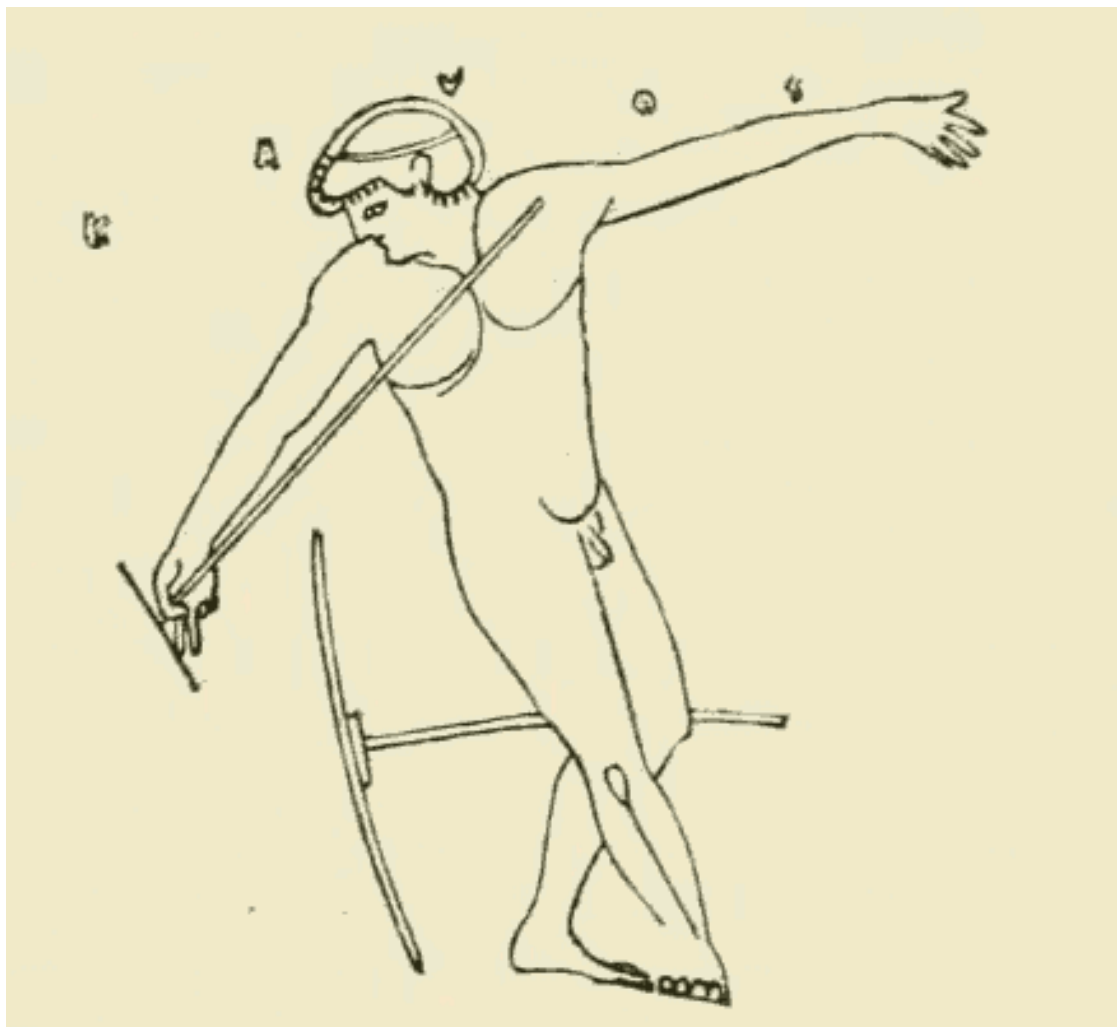

Рис. 104. Р.-ф. киликс. Рим(?) (Jüthner, *Ant. Turn.* Fig. 43.)

Метание копья осуществлялось как левой, так и правой рукой? Платон рекомендует тренировать обе руки одинаково, и тот факт, что грек всегда носил два копья, часто по одному в каждой руке, делает это предположение возможным. Но единственным прямым доказательством броска левой рукой является рисунок на килике Никосфена в Берлине.^[605] Даже если бросок левой рукой практиковался в гимнасиях, нет никаких доказательств его применения на соревнованиях. Также нет никаких доказательств того, что греки когда-либо метали копье без аментума. Отсутствие аментума на вазах - деталь слишком недостоверная, чтобы делать из нее какие-либо определенные выводы.

Вряд ли стоит указывать, что вазы, на которых копье направлено вверх, вообще не подтверждают замечательную теорию о том, что греки практиковали метание с высоты "le tir en haut", как это описывает французский писатель. Для достижения максимального расстояния, конечно, абсолютно необходимо бросать высоко. Аналогичная теория была выдвинута и для дискобола. Интересно, как измерялась "дальность броска в высоту" диска.

В играх Патрокла метание копья было отдельным соревнованием. Здесь и везде, где оно упоминается у Гомера как вид спорта, соревнования проводятся только на дальность. Метание на меткость может подразумеваться в ассоциации метания копья с луком, которая снова встречается нам в надписях четвертого века, и Пиндар определенно ссылается на такое соревнование, когда описывает, как при основании Олимпийских игр "Фрастор с копьем поразил меткость". На фрагменте большой вазы, найденной на Акрополе, которая представляет погребальные игры Пелиаса, изображено соревнование по метанию копья. Приз - треножник, а копья - не тупое оружие палестры, а с широкими металлическими остриями. На одном из них отчетливо виден аментум.^[607]

Будучи оружием погони, каждый греческий мальчик с детства должен был практиковаться в метании копья как на дальность, так и в любую импровизированную цель. В ранние времена его использованию обучали в гимнасиях, и о его популярности свидетельствуют многочисленные изображения в искусстве и частые метафоры, которые Пиндар заимствует из него. Но в греческих играх, по крайней мере, копье, как и дискобол, фигурировало только как часть пятиборья, и за исключением соревнований на лошадях в Афинах, нет никаких свидетельств о каких-либо отдельных соревнованиях по метанию копья, будь то на дальность или в цель, вплоть до четвертого века.

Ближе к концу пятого века копью стали придавать все большее значение как оружию легковооруженных войск и эфебоев; и начиная с четвертого века мы находим ἀκοντισμός, упоминаемый в надписях как отдельное соревнование в Афинах и других местах.^[608] Ассоциация копья и лука предполагает, что в этих соревнованиях использовался какой-то вид мишени, и случай, приведенный Антифоном, доказывает использование мишени и заостренных копий на практике. Но единственным прямым свидетельством таких состязаний, помимо конных, служат две более поздние надписи из Ларисы времен Адриана, в которых упоминаются победители σκοπῶν πεζῶν и σκοπῶν ἵππῳ.^[609]

Каков был характер соревнований в пятиборье? Этот вопрос утомительно долго обсуждался комментаторами Пиндара и других авторов, но вывод д-ра Ютнера кажется мне неоспоримым, а именно, что соревнования в пятиборье проводились только на дистанции.

В этом отношении свидетельства ваз кажутся убедительными. Копья тупые, голова повернута назад непосредственно перед броском, и нет никаких признаков мишени. Последний пункт

особенно убедителен, потому что в состязаниях на лошадях мишень всегда представлена. Некоторые археологи, правда, обнаружили свидетельства наличия мишеней в плохо нарисованных аменгах, которые держит в руке метатель копья на килике Панаэтия и других вазах. Их интерпретировали как компасы для рисования кругов на земле, в которые целились метатели; или, опять же, как нечто вроде крокетного обруча, воткнутого в землю, чтобы служить мишенью! Авторы этих восхитительных предположений забывают, что охотник или солдат целится не в ноги противника, а в его тело, и что если мишень используется, то она должна быть на разумной высоте.

Литературные свидетельства согласуются с данными ваз. Отрывки Пиндара, в которых говорится о мишени, за исключением уже цитировавшегося отрывка об Олимпийских играх, не имеют необходимой связи с какими-либо соревнованиями, и уж точно не с пятиборьем. Это метафоры, заимствованные из практики повседневной жизни. Один отрывок у Пиндара определенно относится к пятиборью, два других - возможно; все три указывают на метание на дальность.^[610] Наконец, Лукиан в отрывке, относящемся к Олимпии и, следовательно, к пятиборью, определенно утверждает, что в метании копья атлеты соревнуются на дальность.^[611]

Рис. 105. Р.-ф. киликс. Берлин, 2728.

Условия для метания копья должны были быть такими же, как и для дискобола. Участники бросали из-за линии, за которую не разрешалось заступать. Возможно, эта линия была стартовой линией стадиона; несомненно, это *тёрма* из седьмой оды Пиндара "Немея". Из этой оды следует, что участник, переступивший черту, лишался права участвовать в

дальнейших соревнованиях. На килике в Берлине линия обозначена столбом перед метателем, а возможно, и на одном уровне с ним (рис. 105). Кроме того, здравый смысл и безопасность зрителей требовали, чтобы бросок не выходил за определенные рамки в отношении направления; это подразумевает и Пиндар, когда в первой пифии он молится, чтобы его бросок не упал "вне списков", ἔξω ὑψώνοος, но чтобы дальним броском он мог превзойти всех своих соперников.

Копья, которые мы так часто видим воткнутыми в землю в сценах палестры, приводились в качестве аргумента, доказывающего, что ни один бросок не засчитывался, если копье не упиралось в землю; очевидно, что это невозможно с тупыми копьями на твердой земле Греции. Как измерялся бросок, мы знаем не больше, чем в случае с дискоболом. Мы также не знаем, сколько бросков было разрешено. Приводятся различные обрывки доказательств того, что разрешалось делать два или три броска, но эти доказательства весьма неубедительны.

Мы видели, что с ранних времен копье использовалось всадниками как на войне, так и в погоне. В Афинах, особенно в Афинах, всадничество было не только обязанностью, но и развлечением богатых слоев населения. Платон рассказывает, что Фемистокл сам учил своего сына Клеофанта не только ездить верхом, но и метать копье, стоя на лошади, а в "Законах" он рекомендует метание копья верхом как полезное занятие.^[612] Ксенофонт,^[613] в своем трактате об обязанностях офицера кавалерии, призывает его поощрять своих людей к занятиям с копьем и возбуждать среди них подражание, предлагая призы. В своем трактате о всадничестве он дает дополнительные указания. Скорость и расстояние - самые важные моменты для войны. Чтобы обеспечить их, говорит он, метатель должен выдвигать вперед левую сторону тела и отводить назад правую, выпрямляя себя от бедер и держа копье направленным немного вверх. Если же целью является точность, копье должно быть направлено прямо в цель. В Афинах соревнования по этому виду спорта проводились уже в пятом веке. На Панафинейях за первый приз давали пять амфор с маслом, а за второй - одну. Во втором веке эти соревнования упоминаются в надписях, относящихся к Тесее. Уже упоминавшаяся надпись из Ларисы позволяет предположить, что во времена Адриана он еще существовал в Фессалии.

Рис. 106. Панафинейская амфора. Британский музей.

К счастью, мы можем дополнить эти скудные сведения из ваз. Арибаллос пятого века из Эретрии, ныне в Афинах, кратер четвертого века в Лувре,^[614] и панафинейская амфора в Британском музее (рис. 106) дают яркие картины состязаний. Мишень представляет собой щит с короной, образующей в центре подобие бычьего глаза, поднятый на столб на уровне голов лошадей. Участники скачут галопом мимо этой мишени, метя в нее копьями. Копья заострены, их держат чуть выше плеча, острие направлено вниз, к мишени. Всадники на панафинейской вазе одеты в типичную одежду афинского эфеба - плоскую широкополую шляпу петасос и ярко-бордовый хитон, застегнутый через плечо. На эретрийской вазе они также носят высокие сапоги, а на кратере в Лувре шляпы заменены венками, а над всадниками, несущими венки, парят крылатые победители.

Панафинейская амфора, конечно, относится к Панафинейскому фестивалю, а праздничный характер других ваз предполагает определенную связь с каким-то другим фестивалем или фестивалями, но мы не можем сказать больше. Вероятно, этот вид спорта был распространен в Аттике, Фессалии и других странах, где разводили лошадей, и составлял привлекательную особенность других праздников, помимо Тесеи и Панафиней. Нет никаких оснований связывать его с аргивской Гереей.

ГЛАВА XVII

ПЕНАТЛОН

Пятиборье представляло собой комбинированное соревнование в пяти видах: беге, прыжках, метании диска, метании копья и борьбе. Это один из немногих фактов, касающихся пятиборья, который можно считать абсолютно достоверным. За эти пять состязаний ручаются три эпиграммы, одна из которых приписывается Симониду, и неоднократное свидетельство Филострата в его *"Гимнастике"*.^[615] Ничто так убедительно не доказывает полную ненадежность утверждений об атлетике, сделанных поздними схолиастами и лексикографами, как ошибки, которые они умудряются допускать в столь четко установленном вопросе. Лексикон Фаворина, следуя некоторым поздним схолиям, заменяет бокс метанием копья; а Фотий цитирует некоторых писателей, заменяющих панкратион прыжками. Еще более странно, что подобные ошибки сохранились до наших дней; наш стандартный греческий лексикон Лидделла и Скотта содержит в последнем издании ужасающее утверждение, что пять упражнений состояли из прыжка, диска, бега, борьбы, бокса, причем последний был впоследствии заменен на метание копья. После этого мы не удивляемся, что цитируется древняя теория Бёкха, согласно которой "никто не получал приз, если не был победителем во всех пяти видах", теория, которая была опровергнута Филипом за несколько лет до выхода в свет первого издания "Лидделла и Скотта". Введение бокса в пятиборье связано с озорной привычкой использовать такие неточные выражения, как "гомеровское пятиборье". В героические времена, как говорит нам Пиндар, пятиборья не было, "но за каждый подвиг полагался приз".

Рис. 107. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 134. VI век.

Из этих пяти состязаний три - прыжок, дискобол и метание копья - были присущи пятиборью и составляли его характерную особенность. Эти три состязания считались типичными для всего состязания; на панафинейских вазах, подаренных в качестве призов за состязание, изображено одно или несколько из этих трех состязаний, на двух вазах - все три,^[618] (рис. 107, 108). Эти же события встречаются и на других вазах, особенно краснофигурных; но мы не имеем оснований связывать их с пятиборьем или использовать в качестве доказательства при обсуждении пятиборья. Эти сцены в большинстве своем представляют повседневную жизнь гимнасия, и все, что они доказывают, - это важную роль, которую эти виды спорта играли в этой жизни. Это единственные три вида спорта, для которых требовались какие-либо приспособления; упражнения, похоже, преподавались на уроках и выполнялись как на тренировках, так и на соревнованиях под аккомпанемент флейты. Если какой-то из этих трех видов и считался более представительным, чем другой, то это был прыжок, который, возможно, был обязан своим значением отчасти широкому использованию алебард в гимнастическом зале. Алебарды были особым символом пятиборья и часто изображались на статуях победоносных пятиборцев.^[619]

Рис. 108. Панафинейская амфора. Лейден. Шестой век.

Эти три вида состязаний, наряду с бегом и борьбой, отражали всю физическую подготовку греков, а пятиборец был типичным продуктом этой подготовки. Уступая специализированным атлетам в своих особых видах, он превосходил их в общем развитии, в том гармоничном сочетании силы и активности, которое порождает совершенную физическую красоту; и эта красота пятиборца снискала ему особую похвалу таких мыслителей, как Аристотель, который осуждал всякое преувеличенное или одностороннее развитие.^[620]

Такое комбинированное соревнование, как пятиборье, явно более позднее, чем отдельные виды, из которых оно состоит, и предполагает значительное развитие атлетики и физического воспитания. Не то чтобы мы вместе с некоторыми немецкими писателями считали его сложной схемой, основанной на абстрактных физиологических принципах, разработанной с большими затратами полуночного масла в мозгу какого-нибудь студента-спортсмена. Пятиборье было естественным продуктом ряда упражнений, которые были известны на протяжении веков. Но прежде чем возникла идея объединить эти упражнения в единое соревнование, чтобы выявить лучшего атлета, они должны были стать частью национального образования. Комбинация подразумевает определенную долю размышлений и сознательной рефлексии. В нем есть искусственность, от которой мы не находим и следа в гомеровских видах спорта. В связи с этим примечательно, что, согласно греческой традиции, пятиборье было введено в Олимпии уже в XVIII Олимпиаде.

Нет необходимости придавать значение утверждению Филострата, что пятиборье было изобретено Ясоном. Греки всегда любили проследивать историю своих учреждений до героических времен. Однако, поскольку отрывок, в котором содержится это утверждение, имеет большое значение для обсуждения метода определения пятиборья, будет полезно процитировать его полностью: - "До времени Ясона существовали

"До времен Ясона существовали отдельные короны для прыжка, дискаса и копья. Во время плавания *Арго* Теламон был лучшим в метании дискаса, Линсей - копья, сыновья Борея были лучшими в беге и прыжках, а Пелей был вторым в этих видах, но превосходил всех в борьбе. Поэтому, когда на Лемносе проводились спортивные состязания, Ясон, говорят, желая

угодить Пелею, объединил пять состязаний, и таким образом Пелей одержал победу в целом."

Порядок соревнований и метод определения результатов в пятиборье породили обширную литературу, столь же обширную и неубедительную.^[622] Были испробованы почти все комбинации соревнований и разработаны все мыслимые методы. Многие из предложенных систем настолько непрактичны, что их достаточно изложить, чтобы любой человек, имеющий хотя бы начальные знания о практической атлетике, отверг их. Ни одна из них не может рассматриваться как установленная. Доказательства слишком скудны и противоречивы. В основном они состоят из выдержек схолиастов и лексикографов, а мы уже видели при рассмотрении конституции пятиборья ненадежность этого класса доказательств. Поэтому следует с самого начала признать, что любые решения, которые мы можем принять, являются лишь предварительными, и что поэтому в высшей степени небезопасно использовать такие теории в качестве доказательств при интерпретации Пиндара или других поэтов.

Во-первых, что касается порядка событий, то следует исходить из того, что мы не уверены в том, что этот порядок был фиксированным и не менялся в разное время и в разных местах. Тем не менее, консерватизм греков в таких вопросах, безусловно, делает вероятным, что в Олимпии существовал определенный порядок, и что этот порядок был принят в других местах. Во всяком случае, мы будем считать, что так оно и было. Единственный факт, который мы точно знаем об этом порядке, заключается в том, что борьба была последней. Вакхилид определенно описывает ее как последнюю, и свидетельства Вакхилида подтверждают Геродот и Ксенофонт.^[623] Описывая нападение элейцев на Олимпию в Ol. 104, когда аркадяне узурпировали руководство играми, Ксенофонт говорит: "Они уже закончили скачки и соревнования по пятиборью, проводившиеся в дромосе (τὰ δρομικὰ τοῦ πεντάθλου), и те, кто дошел до борьбы, уже не были в дромосе, а боролись между дромосом и алтарем". По общему мнению, τὰ δρομικὰ - это первые четыре состязания, которые проводились на стадионе, тогда как согласно мнению, изложенному в предыдущей главе, борьба проходила на открытом пространстве перед ступенями сокровищницы.^[624] В любом случае, из слов Ксенофонта ясно, что борьба шла последней, и здравый смысл подсказывает нам, что это было единственно возможное положение для нее, соответствующее справедливости. После нескольких тяжелых поединков ни один из участников не мог добиться справедливости в других состязаниях.

Для определения порядка первых четырех состязаний нам приходится опираться на неопределенные и противоречивые свидетельства различных отрывков, в которых перечисляются состязания пятиборья. Теперь ни в одном из этих отрывков порядок событий не имеет значения для писателя; в случае эпиграммы очевидно, что порядок, скорее всего, будет изменен метрическими соображениями. Тем не менее, остается вероятность того, что такие отрывки будут несмотря на метрику и небрежность отражать более или менее реальный порядок.^[625] Таким образом, мы видим, что в пяти отрывках борьба идет последней, в двух - первой, и в обоих случаях порядок событий просто обратный, в одном отрывке она идет второй. В эпиграмме Симонида приводится следующий порядок: Прыжок, бег, дискос, копье, борьба. Эпиграмма, цитируемая Евстафием, дает тот же порядок, за исключением того, что бег на ногах идет четвертым, а не вторым. Теперь, за исключением эпиграммы Симонида, три вида состязаний, свойственных пятиборью, всегда сгруппированы вместе. Поэтому вполне вероятно, что на практике они были сгруппированы вместе, и что бег на ногах не мог занимать второе место. Почему Симонид поместил его после прыжка, очевидно:

ни δρόμος, ни ποδωκείν не могли начинать гекзаметр. Следовательно, скачки были либо первыми, либо четвертыми. И снова, если мы рассмотрим списки, то обнаружим, что в двух списках пеший бег стоит первым, в двух обратных списках - последним, а в двух схолиях после эпиграммы он стоит четвертым. Поскольку порядок в этих схолиях совпадает с порядком в эпиграмме, сомнительно, что они имеют какой-либо независимый авторитет. Таким образом, свидетельства немного свидетельствуют в пользу первого места для пеших состязаний, и этот порядок получает небольшую поддержку от уже цитированного отрывка Филострата о пятиборье Пелея и отрывка Геродота, рассмотренного ниже о Тисамене и Иерониме.

Для остальных состязаний списки, похоже, подтверждают порядок двух эпиграмм - прыжок, дискобол, копье, хотя мало что говорит о том, дискобол или копье были первыми. Некоторые отрывки из Вакхилида и Пиндара цитируются, чтобы доказать, что дискос предшествовал копью.^[626] На двух панафинейских вазах, воспроизведенных выше, копье находится между прыжком и диском. Именно такое положение отводит ему Филострат, когда перечисляет состязания пятиборцев. К сожалению, ценность этого отрывка снижается из-за различия, которое он вводит между легкими и тяжелыми состязаниями. К тяжелым видам, по его словам, относятся борьба и метание диска; к легким - метание копья, прыжки и бег на ногах. Порядок, очевидно, обратный, но предшествовали ли все три легких состязания обоим тяжелым или нет, из этого отрывка решить невозможно. Подобные различия не дают нам никакого намека на реальный порядок, и все попытки обнаружить систему, от которой зависел порядок соревнований, абсолютно тщетны. Достаточно легко утверждать, что все упражнения были расположены по возрастающей, или что легкие упражнения чередовались с трудными, или что похожие упражнения были сгруппированы вместе, или что упражнения для ног чередовались с упражнениями для рук, и если бы мы строили идеальное пятиборье, такие аргументы могли бы быть полезны. Но мы имеем дело не с идеальным пятиборьем, а с пятиборьем греков, и нет ни малейшего доказательства того, что греки организовывали свое пятиборье по какому-либо абстрактному принципу, каким бы правдоподобным он ни был. Все, что мы можем сделать, это ограничиться фактическими данными, и порядок, который эти данные делают *вероятным*, таков: бег, прыжки, дискобол, копье, борьба.

Нет необходимости подробно обсуждать различные системы, которые были предложены для определения пятиборья. Эти системы в большинстве своем делятся на определенные группы, основанные на определенных гипотезах, и будет достаточно кратко рассмотреть эти гипотезы.

Старая гипотеза, увековеченная Лидделлом и Скоттом, согласно которой победа во всех пяти видах^[627] была необходима, может быть кратко отклонена как не только непрактичная, но и противоречащая тем небольшим доказательствам, которыми мы располагаем. При такой системе победа в пятиборье должна была быть крайне редким событием, ведь редко случалось, чтобы один спортсмен побеждал во всех пяти видах. Эта идея, по-видимому, возникла из эпиграммы Симонида и из-за непонимания важного отрывка из Геродота (ix. 33), который на самом деле является убедительным доказательством против нее.

"Тисамен, - говорит Геродот, - подошел на расстояние одного поединка или падения (πάλασμα) к победе, будучи сопоставлен с Иеронимом из Андроса". Павсаний подтверждает победу Иеронима (vi. 14), а о Тисамене говорит (iii. 11, 6): "В двух состязаниях он был первым, так как превосходил Иеронима в беге и прыжках, но был побежден им в борьбе и поэтому не смог одержать победу". Истинное толкование этого отрывка очевидно. "Тисамен приблизился к победе в одном состязании", *то есть* он выиграл два состязания, но

проиграл нечетное; или же мы можем пойти еще дальше и придать слову *πάλαισμα* буквальное значение "падение в борьбе". Ему не хватило "одного падения", чтобы победить.

Каждый выиграл по два состязания, каждый сделал по два выпада в борьбе, и все состязание зависело от последнего выпада!^[628] так же, как мы говорим о победе в гольфе с помощью одного удара, или о победе на каучуке с помощью одного трюка.

Но как бы ни была очевидна эта интерпретация, Герман и другие более поздние немецкие авторы утверждают, что, согласно Геродоту, Тисамен победил в первых четырех состязаниях, и только упустил победу, потому что был побежден в борьбе. Более чем сомнительно, что слова Геродота могут иметь значение "он упустил победу только в борьбе"; но, кроме того, теория Германа полностью опровергается весьма косвенными утверждениями Павсания. Если Тисамен победил во всех четырех состязаниях, то почему Павсаний прямо говорит, что он победил в двух? Если необходимо было победить во всех пяти видах, то как Иероним мог победить в пятиборье, если по свидетельству Германа он победил только в одном виде? Если победа в пяти видах не была обязательной, то не смешно ли предполагать, что одна победа в борьбе должна была не только отменить четыре победы Тисамена, но и обеспечить приз Иерониму?

Единственный вывод, который мы вправе сделать из истории Тисамена, - это то, что достаточно было победить в трех состязаниях из пяти. Об этом прямо говорит схолиаст Аристид, и это подразумевается в весьма метафорическом отрывке у Плутарха, описывающем различные моменты, в которых буква Α превосходит все остальные буквы алфавита.^[629] Далее делается вывод, что победа в трех соревнованиях была не только достаточной, но и необходимой. Авторы, придерживающиеся этой точки зрения, обычно предполагают, что при наличии нескольких участников, соревнующихся друг с другом, было бы необычно, если бы кто-то один выиграл три соревнования, и были разработаны различные сложные теории, чтобы преодолеть эту трудность. Из этих теорий, безусловно, наиболее разумной была та, которую предложил профессор Перси Гарднер в первом томе *Journal of Hellenic Studies*. Он предположил, что пятиборье рассматривалось как единое состязание, а соревнования проводились как турнир, участники которого были разбиты на пары, и каждая пара соревновалась друг с другом во всех пяти состязаниях. Победитель в каждой паре, а значит, и окончательный победитель, обязательно должен был выиграть три из пяти состязаний. Этот план обладает очевидными достоинствами - справедливостью и простотой, но против него есть несколько серьезных возражений. В частности, процитированный выше отрывок Ксенофонта кажется решающим против него, поскольку слова Ксенофонта, естественно, означают, что все события в дромосе происходили до начала борьбы. Существует множество практических возражений. Длительность такого соревнования сделала бы его утомительным как для зрителей, так и для участников, и оно должно было бы превратиться в простое испытание на выносливость, в котором были бы потеряны элементы мастерства, активности и грации, сделавшие пятиборье таким популярным. Мне нет необходимости останавливаться на безнадежно непрактичных модификациях этой теории, предложенных доктором Марквардтом, или на смехотворно несправедливых системах, предложенных Федде, а в последнее время Леграном в Даремберге и Саглио, принцип которых заключается в объединении всех участников в группы по три человека. Достаточно рассмотреть два предположения, на которых основываются эти теории, а именно: что в открытом соревновании необычно, чтобы любой участник выиграл три соревнования, и что победа в трех соревнованиях является необходимой. Если эти предположения окажутся необоснованными, *смысл существования*

всех этих теорий сразу же исчезнет; ведь у них нет никаких достоинств, кроме того, что они удовлетворяют этим предполагаемым условиям.

Рассматривая первый пункт, мы должны помнить, что пятиборец был не специалистом в каком-то одном упражнении, а универсальным атлетом, сочетавшим силу и активность. Среди спортсменов такого рода нередко можно встретить одного-двух человек, превосходящих своих товарищей не в одном виде спорта, а в нескольких, особенно если для большинства из них требуются практически одинаковые качества и телосложения. Это, несомненно, относится и к пятиборью. Очевидно, что один и тот же человек мог часто побеждать и в беге, и в прыжках в длину, и в дискоболе, и в метании копья. Хотя это и не столь очевидно, но столь же вероятно, что дискобол и прыжки в длину могут достаться одному и тому же человеку. Нередко можно встретить метателя молота, который также является хорошим прыгуном в длину. Причина в том, что и метание гири, и прыжки требуют гармоничного и своевременного усилия каждой части тела. Использование прыжковых гирь усилило сходство между этими двумя упражнениями, ведь взмах гирь ничем не отличался от взмаха дискобола. Общее развитие и полный контроль над мышцами, необходимыми для этих соревнований, давали равное преимущество в борьбе, особенно с мужчинами одного веса, так как борец-тяжеловес был бы исключен самой природой пятиборья. Эти соображения делают вероятным, что пять состязаний обычно делились между двумя или, самое большее, тремя участниками, и те немногие подробности, которые мы знаем о реальных победителях, подтверждают это мнение. Фаиллус из Кротона, должно быть, победил в прыжках, дискоболе и беге на ногах, так как он выиграл гонку на стадионе в Дельфах. Иероним победил в дискобе, копьеметании и борьбе. Так же, по-видимому, поступил и Автомед из Флиуса.^[630] Диофон, о котором говорится в эпиграмме Симонида, по-видимому, выиграл все пять состязаний. Единственный пример обратного - мифическое пятиборье Пелея, в котором ни один из героев не выиграл более одного состязания.

Пятиборье Пелея является фатальным для второго предположения о необходимости победы в трех видах. Мы должны либо отвергнуть свидетельства этой истории, либо отказаться от предположения. А поскольку доказательств этого предположения нет, последнее - единственный выход. Основные доказательства, на которых основано предположение, уже были приведены. Самое большее, что мы можем заключить, - это то, что победа в трех событиях была достаточной и ни в коем случае не являлась непривычным результатом. Мы можем также добавить заявление Поллукса о том, что победа в пятиборье обозначалась термином ἀπποτρίῃξις, "выиграть требл", и это утверждение подтверждается совершенно непонятным схолием на Агамемноне. Слово τριάσσειν - это, собственно, борцовский термин, означающий "выиграть три падения", "выиграть в борьбе" и, в общем, "одержать победу" или "завоевать". Однокоренные слова τριάκτηρ и ἀτρίακτος означают не более чем "завоеватель", "непобежденный". Нет никаких доказательств связи этого слова в ранние времена с пятиборьем; но тот факт, что борьба была последним состязанием в пятиборье, сам по себе является достаточным объяснением позднего использования слова ἀπποτρίῃξις для обозначения победы в пятиборье, особенно если, как это часто бывало, окончательная победа решалась борьбой. Конечно, возможно, что в этом слове содержался намек на победу в трех видах, но это предположение недоказуемо и ненужно, и, конечно, не оправдывает предположение, что победа в трех видах была необходима.^[631] В таком случае мы можем отвергнуть все теории, основанные на этом предположении. Прежде всего, больше нет необходимости делить участников на забеги по два или три человека.

Общей чертой предложенных систем является постепенное сокращение числа участников на каждом этапе соревнований, так что в финале остается только два или три спортсмена.

Единственным доказательством теории в такой форме является уже упоминавшийся риторический отрывок из Плутарха - доказательство настолько недостоверное, насколько это вообще возможно представить. Однако есть больше доказательств в пользу модифицированной формы теории, а именно, что только те, кто прошел квалификацию в первых четырех состязаниях, были допущены к борьбе. Это кажется мне сейчас единственно возможным выводом из уже процитированных слов Ксенофонта:^[632] "Состязания в дромосе уже закончились, и *те, кто дошел до борьбы*, уже не были в дромосе, и т. д.". Такая система давала преимущество спортсмену, занимающемуся многоборьем, и исключала специализированного борца. Но что представляла собой квалификация? Она, конечно, не ограничивалась победителями в первых четырех состязаниях, иначе Пелей был бы исключен; мне также не кажется вероятным, что к борьбе допускались только двое или трое, набравшие лучшие средние показатели в первых четырех состязаниях. Спекуляции бесполезны; мы должны довольствоваться словами Ксенофонта и надеяться, что какая-нибудь надпись или папирус могут быть обнаружены, чтобы просветить нас.

Многое было написано археологами о бай (ἔφεδρος) в пятиборье. Небезынтересно, что нет абсолютно никаких доказательств того, что в пятиборье вообще существовал бай. Мы слышим о бай в борьбе, в боксе, в панкратионе, но ни в каких других соревнованиях. Конечно, если в борьбе состязались все участники, то пропуск был неизбежен. Но победа обязательно вносит элемент удачи, особенно в длительных соревнованиях, и мы можем быть уверены, что греки избегали ее по мере возможности. Если к борьбе допускалось только определенное количество участников, то необходимости в отрыве можно было легко избежать. Немецкие археологи со странной извращенностью, кажется, с удовольствием вводят обязательные пропуски на каждом шагу.

Итак, мы установили принцип, согласно которому *победа в трех видах соревнований была достаточной*, но не необходимой. Если ни один из участников не выиграл три соревнования или двое выиграла два соревнования, как определялась победа? Пятиборье Пелея дает ответ. Каждый из героев выиграл по одному состязанию. Пелей, помимо победы в борьбе, был вторым в остальных четырех видах. Возможны только два объяснения победы Пелея. Либо борьба засчитывалась больше, чем другие состязания, - предположение, принятое различными авторами, но противоречащее всему духу пятиборья, - либо *в случае хотя бы равного результата учитывались вторые или третьи места, то есть результат определялся по отметкам*. Эти два принципа, согласно которым результат определялся в первую очередь победами в отдельных видах, а в случае ничьей - некой системой оценок, достаточны для объяснения всех возможных случаев, хотя детали их применения неясны. Давайте попробуем представить, как бы проходили соревнования в этом случае.

Пятиборье начиналось с бега на ногах. Дистанция составляла стад. При необходимости забег мог проводиться в забегах, но в пятиборье нет никаких свидетельств их проведения. Стартовые линии в Олимпии вмещали двадцать стартующих, и не представляется вероятным, что часто было так много участников. Соревнования по прыжкам, метанию диска и копья проводились, как и в наши дни, все соревновались против всех. Прыжки были длинными; диск и копье бросали на дальность, а не на меткость. Борьба проводилась по турнирному принципу. Разрешалась только "борьба в стойке", а для победы требовалось три падения. В борьбе принимали участие только те, кто прошел квалификацию в первых четырех видах. Если участников было двое, один из них должен был победить в трех видах. Предположим, что их было больше, хотя бы пять: А, В, С, D, Е; нет никаких доказательств того, что в пятиборье можно было победить, не будучи первым хотя бы в одном

виде, и, следовательно, то, что верно для пяти, будет верно для любого меньшего или большего числа. Возможны только четыре случая.

(1) А 3, В 2, или В 1, С 1. - А побеждает по первому принципу.

(2) А 2, В 2, С 1. Победа будет зависеть от результата пятого соревнования, в котором победил С. Если бы это была борьба, было бы разумно предположить, что другие участники выбыли бы, и А и В сошлись бы в поединке. Если соревнования, в которых победил С, были одними из ранних, то вопрос должен был решаться по результатам выступлений А и В в этих соревнованиях или, возможно, по оценкам, т. е. по результатам их выступлений во всех соревнованиях.

(3) А 2, В 1, С 1, D 1. Это очень сомнительный случай: победа может быть присуждена А, как получившему больше первых мест, чем любой из остальных, или она может быть решена оценками.

(4) А 1, В 1, С 1, D 1, Е 1.- В этом крайне маловероятном случае победа могла быть присуждена только по баллам.

Осложнения могли возникнуть из-за мертвых заездов или ничьих: все эти случаи, несомненно, решались бы по тем же принципам здравого смысла. На эту схему, которую я более подробно изложил в томе ххiii *"Журнала эллинских исследований"*, не влияют изменения, которые я с тех пор принял в отношении допуска к борьбе. Она полностью соответствует современному атлетическому опыту, и ни у одного древнего автора нет места, которое бы ей противоречило.

ГЛАВА XVIII РЕСТЛИНГ

Борьба - это, пожалуй, самый древний и самый универсальный вид спорта. Настенные росписи Бени Хасана показывают, что почти каждый прием или бросок, известный современным борцам, был известен египтянам за 2500 лет до нашей эры. О популярности борьбы у греков свидетельствуют постоянные метафоры из этого вида спорта, а также частота появления сцен на борцовском ринге не только в атлетической литературе и искусстве, но и в мифологических сюжетах. Несмотря на изменения в греческой атлетике, вызванные профессионализмом, который затронул борьбу и бокс больше, чем другие виды спорта, популярность борьбы не ослабевала. На ранних чернофигурных вазах Геракл постоянно изображен применяющим обычные приемы палестры не только против гиганта Антея, но и против таких чудовищ, как Акелус или Тритон, или даже против Немейского льва, а спустя столетия язык, на котором Овидий и Лукан описывают эти поединки, во всех деталях заимствован из того же источника. Еще больше это относится к борцовскому поединку между Церсионом и Тесеем, который так часто встречается на краснофигурных афинских вазах. На монетах типы борьбы сохранились до имперских времен. Борьба с Немейским львом изображена на золотых монетах Сиракуз IV века, а борьба с Антеем - на императорских монетах Александрии (рис. 109).

Рис. 109. Виды борьбы на монетах, хранящихся в Британском музее. *a, b, c*, Аспендус, пятый и четвертый века. *d*, Гераклея в Лукании, четвертый век. *e, f*, Сиракузы, около 400 г. до н. э. *g*, Александрия, Антонин Пий. (*J.H.S.* xxv. p. 271.)

Эти поединки - одна из многочисленных форм, в которых греческое воображение любило изображать триумф цивилизации и науки над варварством и грубой силой. Для греков борьба была наукой и искусством. Тесей, предполагаемый первооткрыватель научной борьбы, как говорят, научился ее правилам у самой Афины.^[633] Наибольшее значение придавалось грации и мастерству; недостаточно было бросить соперника, нужно было сделать это правильно и в хорошем стиле.^[634] Поэтому, даже когда атлетика развилась в профессионализм, борьба по большей части оставалась свободной от той жестокости, которая так часто порочит один из самых благородных видов спорта. Павсаний рассказывает о случае с неким сицилийским борцом Леонтисом, который победил своих противников, пытаясь сломать им пальцы.^[635] Но такая тактика не понравилась грекам, хотя не похоже, что она была формально запрещена, и Павсаний выражает свое неодобрение замечанием, что он не понимал, как бросать своих противников.

Само название "палестра" в достаточной степени указывает на раннее значение борьбы в греческом образовании, которое она сохранила и во времена империи. Метод обучения был строго прогрессивным.^[636] Существовали отдельные правила для мужчин и мальчиков; различные движения, захваты и броски изучались как отдельные фигуры, сначала более простые, затем более сложные. При обучении ученики разбивались на пары, причем одновременно могли заниматься несколько пар. На ранних этапах начинающий ученик становился в пару с более продвинутым, который помогал ему. Позже движения объединялись, и практиковаться можно было в свободной игре. Пайдоотриб, по-видимому,

подкреплял свои наставления свободным использованием прута. На рис. 96 представлена яркая картина урока борьбы. Пара пайдотрибаев занимается обучением пары юношей-борцов. Один из них захватил своего противника за талию и готовится сделать ему выпад; другой позволил ему сделать захват и стоит с вытянутыми руками, ожидая, когда пайдотрибаи отдаст следующий приказ.

Несомненно, существовали многочисленные учебники по борьбе и другим видам спорта, предназначенные для использования пайдотрибаем. Фрагмент такого учебника был найден на папирусе II века н. э.^[637] Он содержит приказы по выполнению ряда различных захватов и бросков, и каждый раздел заканчивается приказом "завершить захват" (πλέξον) или "бросить его" (ρέϊπον). Разделы, посвященные броскам, безнадежно изуродованы, но значительная часть четырех разделов, посвященных захватам, сохранилась. К сожалению, краткость команд, характерная для всех учебников, делает их крайне трудными для точного понимания, а интерпретация слишком технична, чтобы рассматривать ее здесь.

Соревнования по борьбе, боксу и панкратиону проводились так же, как и современные турниры. Описание способа жеребьевки Лукиан уже приводил. В случае нечетного числа участников один из них делал пропуск. Это, конечно, давало ему значительное преимущество в следующем раунде перед менее удачливым соперником, который, возможно, был измотан предыдущим поединком. Таким образом, корона иногда могла зависеть от удачи жребия. Именно на такую случайность ссылается Пиндар в конце шестой Немейской оды, когда говорит, что Алкимид и его брат лишились двух олимпийских корон в результате выпадения жребия. Поэтому упоминается как дополнительное отличие атлета, выигравшего корону без жребия, и Павсаний с некоторым презрением говорит о тех, кто до сих пор выигрывал оливу по неразумности жребия, а не благодаря своей силе.^[638] Конечно, нет никаких оснований считать, что тот, кто вытянул жребий в первом раунде, оставался жребием до финала. Жеребьевка в одном раунде - вполне достаточное преимущество, и археологам действительно следует отдать должное грекам, проявившим определенную долю практического здравого смысла.

Количество участников варьировалось. Лукиан в упомянутом отрывке говорит о пяти или двенадцати участниках,^[639] и это утверждение в целом согласуется с другими нашими свидетельствами. Герои Пиндара, эгинетские борцы Алкимедон и Аристомен,^[640] побеждали по четыре соперника, то есть в четырех раундах. Это же число упоминается в олимпийских надписях, посвященных борцу Ксенокла и боксеру Филиппу.^[641] Четыре раунда подразумевают от девяти до шестнадцати соперников. Длинная эпиграмма на Аристона,^[642] победившего в панкратии в Ол. 207, говорит нам, что участников было семь, и что он участвовал во всех трех раундах и не был обязан своей короной удаче жребия.

Иногда знаменитому атлету позволяли пройтись, и тогда говорили, что он победил ἄκοιτεῖ, без пыли, то есть даже не посыпав тело мелким песком, который атлеты использовали перед упражнениями. Такая победа зафиксирована у Милона на каком-то неизвестном празднике, когда он был единственным участником в борьбе.^[643] Первая победа такого рода, зафиксированная в Олимпии, - это победа Дромея в панкратии в Ол. 75.^[644] В найденной в Олимпии надписи, перечисляющей победы Диагоридов на Родосе, говорится, что Доризей одержал победу в боксе (ἄκοιτεῖ) в Пифии.^[645] Этих примеров, которые можно было бы умножить, достаточно, чтобы доказать, что Филострат ошибается, когда утверждает, что ни одна корона не присуждалась в Олимпии без соревнований (ἄκοιτεῖ).^[646] Случай Дориея опровергает аналогичное утверждение Гелиодора в отношении Пифии.^[647] Вряд ли в ранние времена была необходимость в таком правиле, но правило, требующее участия более одного участника, вполне могло быть введено в период возрождения атлетики при империи, если не

в Олимпии или Пифии, то на одном из многочисленных фестивалей, носящих их имена. Подобного правила вполне можно было ожидать на фестивалях, где предлагались ценные призы.

Греки различали два стиля борьбы, один из которых они называли "борьбой на возвышении" или собственно борьбой (ὀρθή πάλη, или σταδίαία πάλη,^[648] или просто πάλη), в которой целью было повалить противника на землю (καταβλητική), другая "борьба на земле" (κύλισις или ἄλινδῃσις), в которой борьба продолжалась на земле до тех пор, пока один или другой из борцов не признавал свое поражение. Первая была единственной борьбой, допускавшейся в пятиборье и в собственно борцовских состязаниях; вторая не существовала как отдельное состязание, а только как часть панкратиона, в котором также разрешались удары руками и ногами.^[649]

В практике палестры наземная борьба, как и собственно борьба, свободно применялась. Из Лукиана мы узнаем, что для этих двух упражнений отводились отдельные места. Наземная борьба проводилась в каком-нибудь месте под навесом, и землю поливали, пока она не становилась грязной.^[650] Грязь делала тело скользким и трудноудерживаемым, что снижало вероятность несчастных случаев; в то время как валяние в грязи должно было оказывать самое благотворное влияние на кожу. Собственно борьба происходила на песчаной площадке в центре палестры. Это место называлось скаммой, тем же словом, что и яма для прыжков. Оно обозначает место, вырытое, выровненное и отшлифованное так, чтобы получилась гладкая мягкая поверхность. Для реальных соревнований скамма должна была быть предусмотрена где-то на стадионе, вероятно, если таковой существовал, в полукруглом театре в конце.

В героические времена боксеры и борцы носили набедренную повязку (περίζωμα), такую, как иногда изображают на чернофигурных вазах (рис. 128), но эта набедренная повязка, кажется, была обычно отброшена даже в шестом веке. Борцы, особенно мальчики, иногда носили шапки-ушанки (рис. 17), но нет никаких свидетельств их использования на соревнованиях. По понятным причинам они всегда носили короткие волосы.^[651] Профессиональные атлеты при Империи носили оставшиеся нестриженными волосы, завязанные в маленький неприглядный узел, называемый "циррус".

В данной главе мы рассматриваем только собственно борьбу. Прежде чем обсуждать ее правила, позвольте мне выразить решительный протест против клеветнического заблуждения, подразумеваемого в использовании термина "греко-римская" для описания стиля борьбы, который в настоящее время в моде в некоторых мюзик-холлах. Ни в греческой борьбе, ни в панкратионе нет ничего похожего на эту самую бесполезную и абсурдную из всех систем, которая, как замечает мистер Уолтер Армстронг, могла быть изобретена с явной целью опорочить великое и полезное упражнение.

У нас нет никаких определенных сведений о правилах греческой борьбы, и мы вынуждены выводить их из несколько фрагментарных свидетельств литературы и искусства. Два существенных момента, которые отличают один стиль борьбы от другого, - это определение честного броска и характер разрешенных приемов.

В большинстве современных стилей человек считается брошенным только тогда, когда оба плеча или одно плечо и одно бедро одновременно касаются земли; в стиле Камберленда и Вестморленда он считается брошенным, если касается земли любой частью своего тела или даже коленом. Бросок может быть как чистым броском, так и результатом борьбы на земле. У греков практически бесспорно, что засчитывались только чистые броски; если один или оба борца падали на землю, схватка заканчивалась. Кроме того, несомненно, что падение на

спину, на плечи или на бедро считалось честным броском.^[653] Эпиграмма на Дамострата является убедительным доказательством для спины, эпиграмма на Клитомаха - для плеч.^[654] Другая эпиграмма рассказывает о том, как Милон, шедший получать свою корону после "непыльной" победы, поскользнулся и упал на бедро, после чего народ закричал, что нельзя короновать человека, который пал без противника.^[655] Вопрос о падении на колено сложнее. Приведенные отрывки из Эсхила сомнительны и могут быть истолкованы в любую сторону. Так же как и эпиграмма на Милона, приписываемая Симониду, в которой говорится, что он одержал семь побед в Пизе, ни разу не упав на колено.^[656] Свидетельства памятников расходятся. У нас есть группа бронз, очевидно, копий с какого-то известного эллинистического оригинала, которые изображают борца, упавшего на одно колено (рис. 130, 131). Его победоносный противник стоит над ним, одной рукой сжимая его шею, а другой отводя назад его руку. Несомненно, он в состоянии при необходимости повалить его на спину, но, похоже, не делает для этого никаких усилий. С другой стороны, у нас есть группа ваз и настенных росписей, изображающих бросок, известный как "летающая кобыла", в котором борец, перебрасывая противника через голову, опускается на одно колено (рис. 114, 115). Возможны различные объяснения, наиболее правдоподобным из которых является то, что эти сцены действительно относятся к панкратиону; но ни одно из них не является вполне убедительным. Там, где свидетельства настолько сбалансированы, уверенность невозможна. В целом я склонен отказаться от прежней точки зрения и принять мнение Ютнера о том, что падение на колено не засчитывается.

Что происходило, если оба борца падали вместе? Единственное свидетельство этому - борцовский поединок в *"Илиаде"*, описанный в нашей второй главе. Там, как мы помним, в первой схватке Одиссей упал на Аякса, во второй они оба упали набок, после чего Ахилл объявил поединок ничейным. Из этого мы сделали вывод, что если оба борца падали вместе, то ни одно падение не засчитывалось. Рассказы о борьбе у более поздних авторов являются лишь литературным подражанием Гомеру и не имеют самостоятельной ценности.

Одно падение не решало победу; требовалось три падения. В литературе есть множество ссылок на три броска.^[657] Техническим словом, обозначающим победу в борьбе, было *τριάσσειν*, "утроить", а победителя называли *τριάκτηρ*. На первый взгляд кажется неясным, идет ли речь о трех схватках или о трех падениях. Но последнее толкование является единственным, которое подходит ко всем отрывкам, и подтверждается категоричным заявлением Сенеки о том, что борец, трижды брошенный, теряет приз.^[658]

Вот и все, что касается собственно броска и количества бросков, необходимых для победы. Мы переходим к вопросу о средствах, которые использовал греческий борец, чтобы бросить своего противника. В частности, допускались ли подножки и захваты ног? В искусственном "греко-римском" стиле сегодняшнего дня подножки запрещены, и не допускаются захваты ниже пояса. Подножки редко изображаются в искусстве, но частые упоминания о них в литературе со времен Гомера до Лукиана не оставляют сомнений в том, что они играли важную роль в греческой борьбе, как и в любой рациональной системе во все века.^[659] Доказательства в отношении захватов ног менее определены, но кажется несомненным, что на практике, по крайней мере, греки их почти не использовали. Это естественный вывод из отрывка в *"Законах"*^[660], где Платон противопоставляет методы панкратиона, в котором захваты ног и удары ногами играли заметную роль, методам борьбы в вертикальном положении. Последняя - единственная форма борьбы, которую он признает полезной в своих идеальных государствах, и он определяет ее как состоящую в "распутывании шеи, рук и боков", - мастерское определение, показывающее истинное понимание борьбы, поскольку искусство борца проявляется, вероятно, скорее в его способности вырваться из захвата или

разорвать его, чем в его умении зафиксировать его. Вазы показывают, что отсутствие захватов ног в определении Платона не случайно. В панкратионе один из соперников часто изображен в момент захвата ноги другого, чтобы бросить его; Антей и Церцион, чьи методы Платон в приведенном выше отрывке резко осуждает, обычно изображаются хватающими за ноги Геракла и Тесея. Но в самой борьбе, хотя захваты рук, шеи и тела происходят постоянно, мы никогда не видим захвата ног. Вероятно, это результат не столько прямого запрета, сколько практической рискованности такого захвата в условиях вертикальной борьбы. Борец, который опускается достаточно низко, чтобы поймать ногу соперника, наверняка сам окажется брошенным, если пропустит захват. С другой стороны, нет никаких практических возражений, когда однажды борцы занимаются захватом бедра соперника, будь то для нападения или защиты. Действительно, одна из команд папируса подразумевает, что захват между ног противника или вокруг бедра был законным.^[661] В борцовских группах, представляющих завал, мы иногда видим, как борец пытается спастись, захватывая ноги другого. Возможно, мы узнаем в качестве сцены борьбы группу, изображенную на этрусской гробнице.^[662] Один человек поднял другого на плечо, обхватив правой рукой его правое бедро, а левой рукой держа его правую руку. Он может намереваться бросить его, а может просто нести его. Кроме того, мы должны помнить, что вертикальная борьба была частью панкратиона, и поэтому такие группы могут относиться к панкратиону.

Условия греческой борьбы можно суммировать следующим образом: - 1.

1. Если борец падал на любую часть тела, бедро, спину или плечо, это было честное падение.
2. Если оба борца падали вместе, то ничего не засчитывалось.
3. Для победы необходимо три падения.
4. Допускались подножки.
5. Захваты ног если и не запрещались, то использовались редко.

Позы греческого борца, захваты и броски, которые он использовал, известны нам из многочисленных памятников. Учитывая количество памятников и сложность темы, в рамках данной работы невозможно рассмотреть их исчерпывающе, и я должен ограничиться наиболее важными и интересными из представленных типов.

Поза, которую принимал греческий борец перед захватом, была очень похожа на позу современного борца. Принимая твердую стойку с немного расставленными ногами и слегка согнутыми коленями, округлив (γυρῶσας) спину и плечи, шею выдвинув вперед, но прижав ее к лопаткам, талию втянув (σφικῶσας), он старался не давать никакого открытия (λαβή) себе, в то время как его вытянутые руки были готовы воспользоваться любой возможностью, предоставляемой его противником.^[663] Эта позиция часто изображается в искусстве, но лучшей иллюстрации ее не найти, чем неаполитанские борцы, которых обычно называют дискоболами (рис. 110).

Рис. 110. Один из пары бронзовых мальчиков-борцов, обычно называемых Дискоболами. Неаполь. (Фотография Броги.)

Обычно борцы стоят квадратом друг к другу и готовятся к захвату в стиле вестморлендских и камберлендских борцов, "опираясь друг на друга, как стропила дома", или "ударяясь друг о друга, как бараны", или "упираясь головами в плечи друг друга". Эта позиция, известная, очевидно, как *σύστασις*, часто изображается на вазах (рис. 111). Нет необходимости говорить о том, что этот тип не представляет собой предварительный "баттинг-матч", как, видимо, думает некий иностранный археолог, это естественная поза двух борцов, вступающих в схватку. Иногда их головы действительно сталкиваются при встрече. Недавно я читал рассказ о матче по борьбе, в котором головы двух борцов встретились с шумом, который был слышен во всем доме.

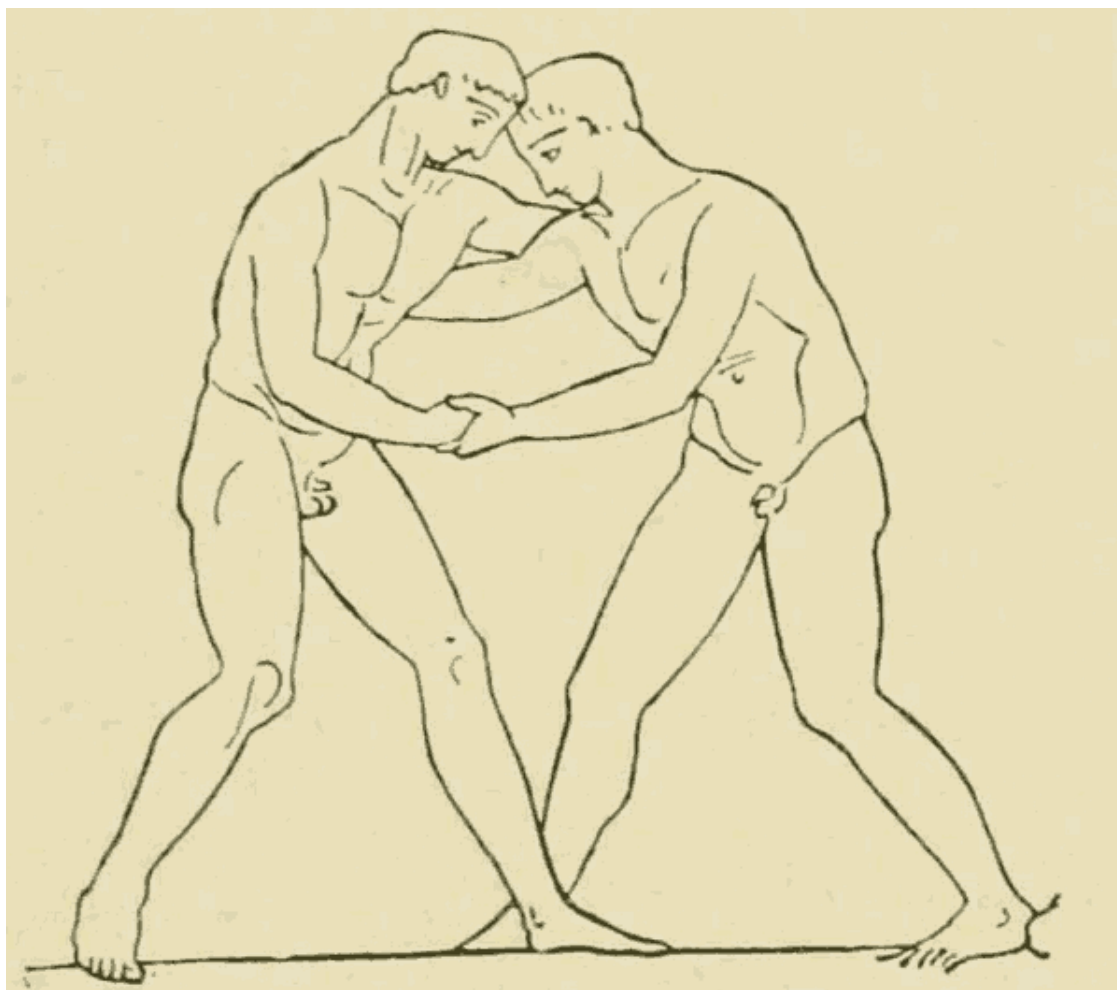

Рис. 111. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 603. Архонство Полицелуса, 367 г. до н.э.

Иногда вместо захвата спереди борцы пытаются получить захват сбоку, как при подготовке к "выпаду", и в этом случае тела поворачиваются боком друг к другу, положение, описываемое как *παράθεσις*.^[665] Не очень удовлетворительная иллюстрация такого положения показана на килике Британского музея, изображающем Тесея и Церциону^[666] (рис. 112), с которой можно сравнить группу Геракла и Антея на фризе театра в Дельфах,^[667] где положение боком более четко выражено. Тесей и Геракл, похоже, в обоих случаях избегали стремительного натиска своих врагов, шагая боком.

Рис. 112. Р.-ф. киликс, в Британском музее, Е. 84.

Рис. 113. Группа из амфоры Британского музея, В. 295 (рис. 143).

Пытаясь добиться захвата, борцы часто хватают друг друга за запястье. Это действие, которое, вероятно, обозначается $\delta\rho\alpha\sigma\sigma\epsilon\iota\nu$, часто является чисто оборонительным движением, чтобы помешать противнику провести захват за шею или корпус. Иногда, как на мюнхенской амфоре (рис. 123), каждый борец держит другого за запястье. Иногда один борец держит оба запястья соперника. Такие захваты кратковременны и не имеют большого значения. Более эффективный захват получался при захвате руки противника обеими руками: одна рука захватывает запястье, другая - локоть или подмышку (рис. 113). Этот прием, по-видимому, был очень любим и приводил к одному очень эффективному падению, иллюстраций которого у нас много.

Это бросок, известный в современной борьбе как "летающая кобыла", и, вероятно, это то, что Лукиан описывает как $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\tau\omicron\psi\omicron\varsigma\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota$.^[668] Захватив руку противника описанным способом, борец быстро поворачивается к нему спиной,^[669] заносит его руку над своим плечом, используя ее как рычаг для броска через голову, одновременно наклоняясь вперед, иногда опускаясь на одно колено или на оба. Начало броска можно увидеть на этрусской настенной росписи.^[670] Один борец свалил своего противника с ног и поднял его над плечом. Его правая рука все еще захватывает левое запястье, а левая рука переведена на шею, и он наклоняется вперед, чтобы завершить бросок. Несколько более поздний момент изображен на килике из Британского музея (рис. 114). Рисунок грубый и небрежный, а наклон ног, вероятно, преувеличен, потому что иначе группа была бы слишком высокой для пространства вазы. Два удивительно реалистичных изображения этого броска есть на килике в Национальной библиотеке Парижа (рис. 54, 115). На внутренней стороне мы видим победителя, стоящего на одном колене; он отпустил правую руку, и его противник, оставшийся без опоры, вот-вот упадет на спину. На внешней стороне, которая, к сожалению, сильно изуродована, изображено такое же падение мгновение спустя, причем падающий борец пытается спастись, подставив правую руку. Этот бросок, несомненно, был характерен как для собственно борьбы, так и для панкратиона. Амфора с черной фигурой в Британском музее, В. 193, изображает Геракла, использующего его против Немейского льва.

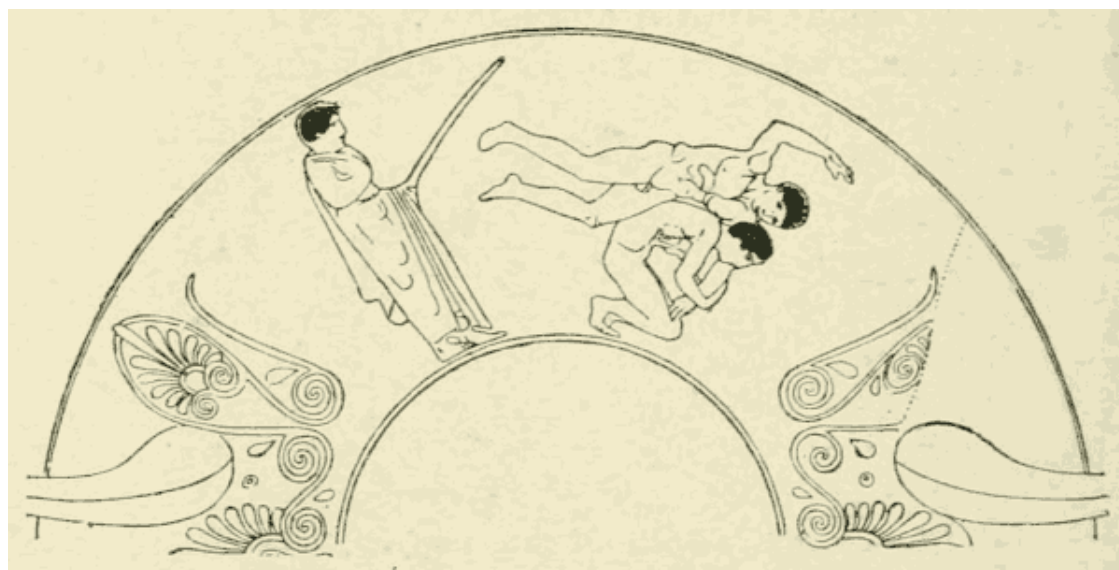

Рис. 114. Р.-ф. киликс, в Британском музее, Е. 94.

Рис. 115. Р.-ф. киликс. Париж. (Интерьер рис. 54.)

Возвращаясь к захвату руки, который приводит к этому броску, мы находим несколько способов его выполнения. На вазе Амфиарая (рис. 3) Пелей схватил обеими руками левую руку Гиппалеима. Тот свободной правой рукой обхватывает Пелея под правой рукой, тем самым ослабляя его хватку и не давая ему развернуться. Похожая защита изображена на чернофигурной амфоре из Британского музея, В. 295, где атака производится на правую руку. Берлинская амфора Андокида (рис. 116) демонстрирует другой стиль противодействия. Борец слева захватывает левое запястье своего противника, но тот быстрым движением вперед делает бесполезной правую руку, которая должна была захватить его верхнюю часть руки, и, заведя свою правую руку за спину, захватывает правую руку чуть выше локтя. Во всех этих случаях цель - не дать противнику развернуться или ослабить хватку. Последнее можно заметить на монетах Аспендуса (рис. 109), где борец левой рукой захватывает обеими руками левую руку противника, а правой - его правое запястье или левую верхнюю руку. Можно заметить, что на некоторых монетах рука борца-правши беспомощно свисает вниз, как бы лишенная силы захвата.

Рис. 116. Р.-ф. амфора. Берлин, 2159.

Греческая борьба, похоже, регулировалась скорее традицией хорошей формы, чем реальными правилами. Так, хотя захват пальцев противника и их перелом, как это сделал Леонтиск, не считался хорошей формой, такая практика, похоже, не была фактически запрещена. Они были достаточно хороши в панкратионе, где целью было заставить противника любыми средствами признать поражение, но вряд ли их можно было считать законным средством для броска противника, что было целью настоящей борьбы.

Шея - очевидное и эффективное место для захвата, и сила шеи необходима борцу.^[671] Пиндар в седьмой Немейской оде говорит о "силе и непобедимой шее" борца, а Ксенофонт, описывая тренировки спартанцев, говорит, что они тренировали в равной степени ноги, руки и шею. В *"Рыцарях"* Аристофана Демос советует продавцу сосисок смазать шею, чтобы вырваться из хватки Клеона. Техническое слово, обозначающее захват шеи, - *τραχηλίζειν*. Захваты шеи свободно использовались в панкратионе, но скорее для того, чтобы задушить противника, чем для того, чтобы бросить его.

На вазах представлено несколько разновидностей захвата шеи. На краснофигурном кратере в Ашмолеане (рис. 117) один боец захватывает левой рукой запястье другого, правой - его шею. Атакованный боец защищается, захватывая левой рукой другого под мышку. Интересной особенностью этой вазы является фигура крылатой Победы, сидящей на столбе и наблюдающей за поединком. Иной способ защиты показан на чернофигурной амфоре из Британского музея, В. 295 (рис. 118). Здесь боец левой рукой захватывает правую руку своего противника, которая захватывает его шею. Можно заметить, что он захватывает ее в одном из самых слабых мест - чуть ниже локтя. Еще одним средством защиты является захват шеи противника.

Рис. 117. Р.-ф. кратер. Оксфорд, Ашмолеан, 288.

Рис. 118. Реверс рис. 143. Британский музей, В. 295.

Возможно, лучшая иллюстрация захвата шеи находится на чернофигурной амфоре в Мюнхене, изображающей борцовский поединок между Пелеем и Аталантой, который произошел на погребальных играх Пелиаса (рис. 119). Пелей, очевидно, попытался захватить правую руку Аталанты обеими руками, но Аталанта, подавшись вперед, захватывает его за шею, очень похоже на стиль современного борца. Картина напоминает нам о том, как в гимназиях Хиоса юноши и девы могли видеть борьбу друг с другом.^[672]

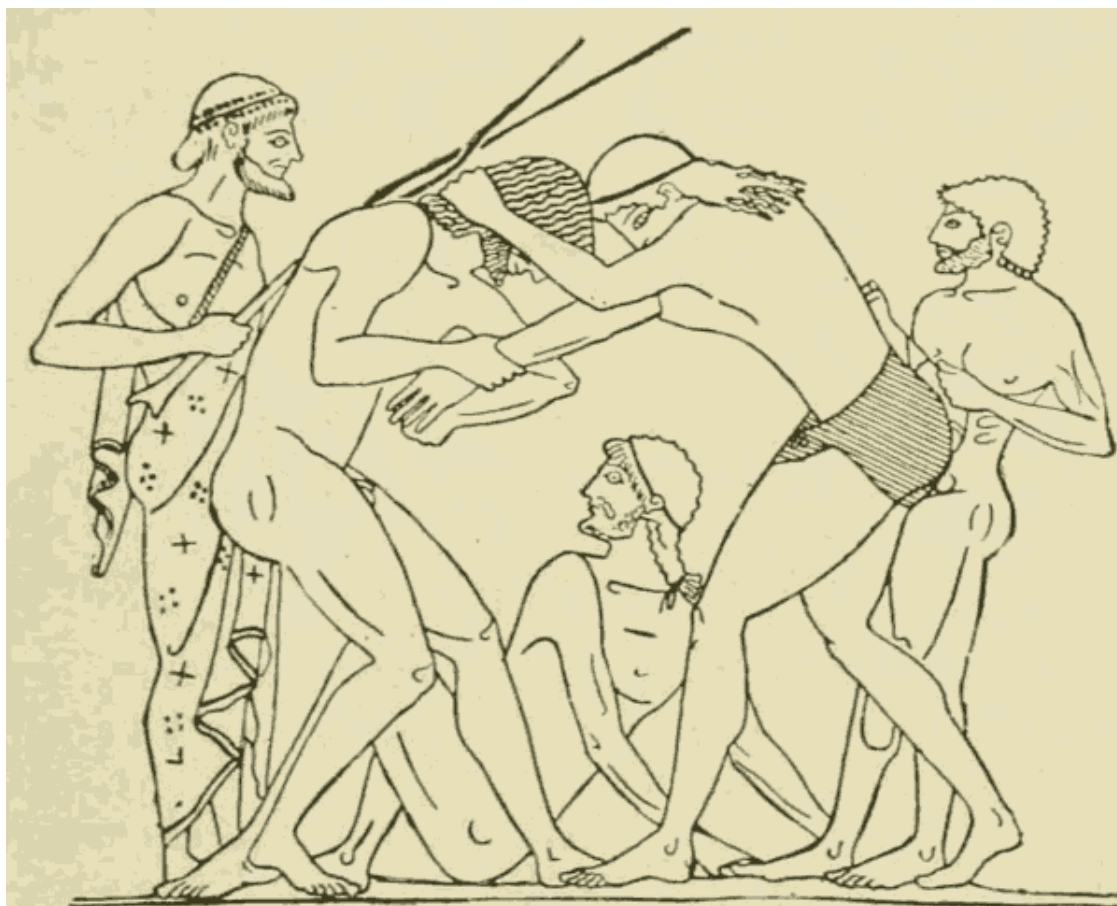

Рис. 119. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 584.

Удержание за шею обычно используется Гераклом в его борьбе с Немейским львом. Иногда его левая рука обхватывает шею животного, а правая - его левую лапу, иногда обе руки сцеплены вокруг шеи. Сцепление рук такое же, как и у современных вестморлендских и камберлендских борцов: руки повернуты так, что ладони обращены друг к другу, а пальцы сцеплены вместе. На амфоре в Мюнхене Геракл использует этот же захват против Антея, который, опустившись на одно колено, характерно, но тщетно хватается за ногу героя.^[673]

О реальных бросках, к которым приводил захват шеи, в памятниках мы имеем мало свидетельств. На псайкере Эвтимиды Тесей крепко держит Церциона, пропустив одну руку через левое плечо, а другую - под правую, и сваливает его с ног.^[674] Триппинг, несомненно, свободно использовался с этими приемами, но единственная иллюстрация этой комбинации встречается в группе бронз, о которых речь пойдет ниже. Аналогичным образом движение, описываемое как ἔδραν στρέφειν, чтобы повернуть ягодицы к противнику, несомненно, сочеталось с захватами шеи. Хорошая иллюстрация этому - на панафинейской вазе в Булони (рис. 120).

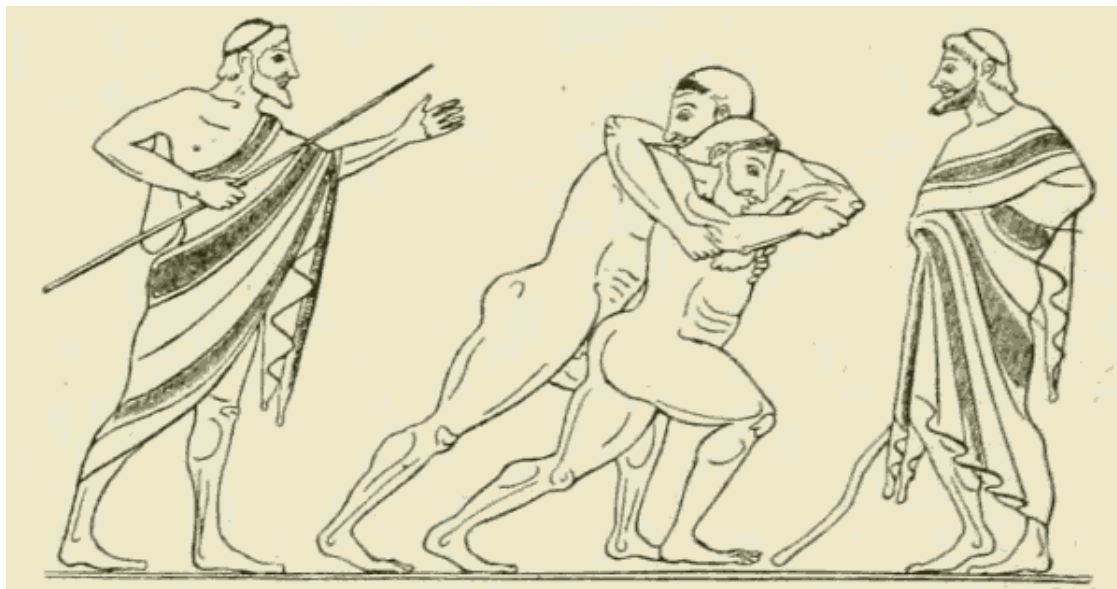

Рис. 120. Панафинейская амфора. Булонь, Муниципальный музей, 441.

Переходя к захватам тела, мы находим предварительную позицию, изображенную на панафинейской вазе в Британском музее (рис. 111). Борцы обхватывают друг друга одной рукой за спину, а другой рукой один из них захватывает запястье другого.

Очень эффективный захват тела получается, если обхватить противника за талию обеими руками: тогда его можно поднять с ног и повалить на землю. Захват может проводиться спереди, сзади или сбоку, и все три формы постоянно представлены. Существуют различные технические термины для таких захватов⁶⁷, а об эффективности захвата говорит пословичное употребление выражения *μέσσω ἔχειν*, держать за талию.

Удержание тела спереди трудно получить, но когда оно получено, оно чрезвычайно эффективно. Именно этим захватом Хакеншмидт несколько лет назад одержал свою сенсационную победу над Мадрали. Но неуклюжесть и медлительность фатальны, так как, пока борец пытается провести захват, его противник может либо боковым движением провести захват на завал, либо, упав на него, повалить его на землю. Именно такая судьба постоянно постигает Церциона и Антея, когда они бросаются вслепую, головой вниз, в надежде получить этот захват.^[676] Опасность этого хорошо иллюстрирует пара групп из чернофигурной амфоры в Мюнхене (рис. 121). В обоих случаях бородатый атлет бросается на противника, чтобы схватить его за талию: верхняя группа является лишь предварительной; в нижней группе его противник, неспособный закрепиться для рывка из-за захвата правой руки, кажется, давит на него всем своим весом, чтобы повалить его на землю. Возможно, еще одна стадия изображена на краснофигурном килике в музее Филадельфии (рис. 122). Один борец уже потерял равновесие и упирается обеими руками в землю. Другой левой рукой держит его правую руку вниз, а другой готовится сделать захват тела и перевернуть его. Обычно тогда захват тела спереди оказывается неудачным. На берлинской амфоре (рис. 116) мы видим юношу, который успешно овладел этим захватом бородатого атлета и поднимает его с ног, чтобы бросить.

Рис. 121. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 1336 год.

Рис. 122. Р.-ф. киликс. Филадельфия.

Рис. 123. Б.-ф. амфора. Мюнхен, 495.

Чаще всего захват проводится сзади, как это изображено на чернофигурной амфоре из Мюнхена (рис. 123). Можно заметить, что борец в воздухе, защищаясь, зацепил правой ногой ногу противника. Руки сцеплены в уже описанной манере. Но, несмотря на эти реалистичные штрихи, рисунок в целом жесткий и безжизненный, и странно контрастирует с гораздо более энергичным изображением того же типа на геммах и монетах. Этот тип особенно связан с Гераклом и Антеем. Подъем Антея впервые изображен на монетах Тарентума IV века. С этого времени он постоянно повторяется в бронзе и статуях, и особенно на монетах и геммах.^[677] Римские поэты говорили, что Антей, будучи сыном земли, черпал свежие силы от своей матери каждый раз, когда касался земли, и что Геракл поэтому поднял его с земли и зажал до смерти в воздухе. Эта версия истории, однако, неизвестна литературе и искусству Греции; и хотя она могла возникнуть в результате ошибочной интерпретации, тип, который мы рассматриваем, не может считаться ее мотивом. За несколькими сомнительными исключениями Геракл всегда изображается поднимающим Антея, но не для того, чтобы раздавить его, а чтобы смахнуть на землю, и нигде этот мотив не прослеживается так четко, как на некоторых императорских монетах, например, на монете Антонина Пия, изображенной на рис. 109.

Ни для одного броска мы не имеем таких обильных свидетельств, как для "завала", захват которого осуществляется сбоку, пропуская одну руку через спину противника, а другую под ним. Именно этот прием отрабатывается на уроке борьбы, показанном на рис. 96. Этот прием иногда использовался Гераклом против Антея, но особенно характерен для Тесея. Два килика из Британского музея (рис. 124, 125) достаточно наглядно иллюстрируют его. На одной из них Церцион тщетно пытается спастись, применяя подобный прием против Тесея, но слишком поздно; на другой вазе он уже отброшен от земли, одна рука все еще сжимает спину Тесея, другая тянется к земле или хватается за ногу своего противника. О популярности "взмаха" у греков свидетельствует гораздо более важный памятник. Метопы из Тесея

показывает Тесея в самом акте переворачивания Церциона, чтобы бросить его (рис. 126). Еще более поздний момент представлен на известной бронзовой статуэтке, находящейся сейчас в Париже (рис. 127). Здесь победитель полностью перевернул своего противника и, стоя прямо, готовится повалить его на землю. На уже упоминавшейся аттической стеле, изображающей афинские виды спорта, борец падает головой вниз на землю и, проскальзывая сквозь руки противника, цепляется за его ногу, чтобы спастись (рис. 36). Этот бросок и необходимые для него приемы четко описаны в поздних эпосах Квинта Смирнея и Нонна.^[678]

Рис. 124. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 48.

Рис. 125. В.-ф. kylix, в Британском музее, Е. 36.

Рис. 126. Метопы Тесея. Тесей и Церциона. (Греческая скульптура, рис. 66.)

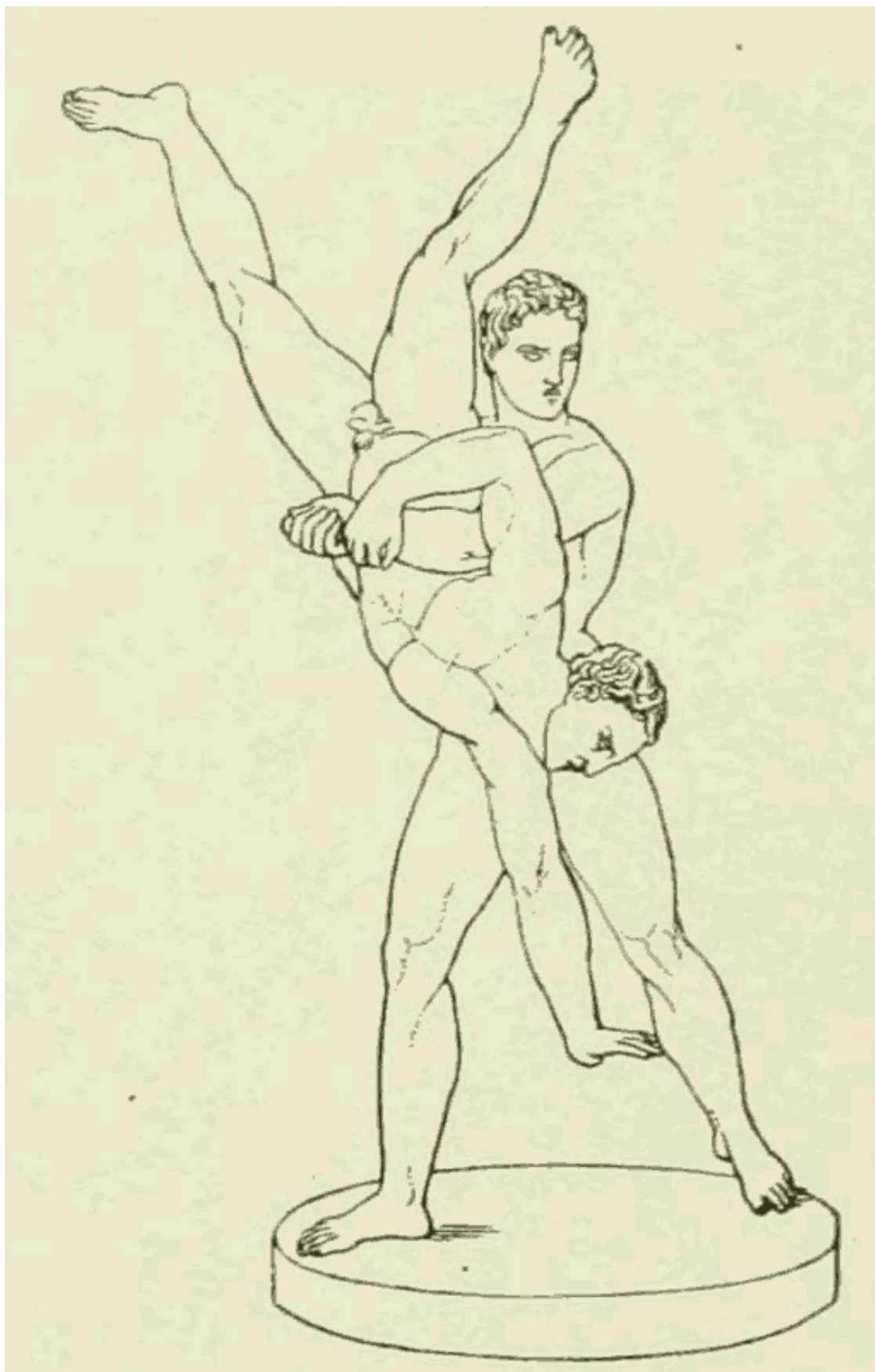

Рис. 127. Бронзовая группа борцов. Парис.

Некоторые из описанных приемов должны были сочетаться с различными поворотами тела. Так, чтобы провести прием сзади, борец должен либо заставить своего противника сместить

позицию (μεταβιβάζειν), либо сместить свою собственную позицию так, чтобы оказаться позади него (μεταβαίνειν), в то время как атакуемый борец, естественно, сам повернется (μεταβαλέσθαι). Последние два термина встречаются на сайте в двух последовательных строках папируса Оксиринх. Одному ученику велено встать позади своего товарища и схватить его, другому приказано немедленно повернуться самому.^[679] Использование предлога μετά в этих соединениях наводит на мысль об "афтерплее" корнуэльской борьбы.

Внезапный поворот тела часто используется, когда захват уже проведен, чтобы вывернуть противника из-под ног. Современные броски, известные как "ягодичный" и "перекрестный", находят свой греческий эквивалент во фразе ἔδραν στρέφειν, чтобы повернуть ягодицу. Перекрестный удар отличается от приклада прежде всего тем, что в нем больше задействованы ноги, и поэтому можно предположить, что это тот особый бросок, о котором говорит Феокрит, рассказывая, как Геракл научился у Гарпалака "всем приемам, с помощью которых проворные аргивские перекрестники (ἀπὸ σκελῶν ἔδροοτρόφοι) делают друг другу выпады". Это был, очевидно, излюбленный прием. Теофраст, рассказывая о позднем ученике, который хочет, чтобы его считали всесторонне развитым и современным, замечает, что "в бане он постоянно делает удары крест-накрест, как будто борется". Не можем ли мы представить себе этого атлетического мошенника, расхаживающего по бане, нанося удары крест-накрест воображаемым противникам, подобно тому как его современный коллега боксирует воображаемые мячи или с помощью трости взмахивает воображаемыми птицами?

Рис. 128. Б.-ф. амфора. Ватикан.

Эти движения можно проиллюстрировать группой на чернофигурной вазе в Музее Грегориано (рис. 128). Борец слева обхватил талию своего противника либо спереди, либо сзади. В первом случае его противник должен был немедленно развернуться. В любом случае, бросив свой вес далеко вперед, он срывает попытку поднять его и оказывается в выгодной позиции для сваливания противника с ног. Примерно таким же, должно быть, был

мотив сильно изуродованной группы на метопе из сокровищницы афинян в Дельфах, изображающей подвиги Тесея, за исключением того, что фигуры стоят более прямо.^[682]

Рис. 129. Бронзовая группа, хранящаяся в Британском музее.

Бросок, несколько напоминающий крестовину, представлен в недавно приобретенной бронзе Британского музея (рис. 129). Поскольку существуют еще две копии^[683], кажется вероятным, что это копия какой-то известной эллинистической группы из бронзы или мрамора. Густой бородатый мужчина борется с сильным юношей и, повернувшись к нему спиной, скручивает его с ног самым любопытным замком. Правой рукой он отводит правую руку противника назад через собственное бедро, а левую просовывает под левую подмышку и обхватывает шею, делая таким образом зажатую руку совершенно бесполезной и получая рычаг, похожий на рычаг нашего полу-Нельсона. Возможно, захват был произведен следующим образом. Мужчина захватывает правую руку юноши, быстрым движением притягивает его к себе и разворачивает, μεταβιάζει, одновременно шагая влево, чтобы оказаться позади него. Затем он просовывает левую руку под левую подмышку, чтобы схватить его за шею и заставить опуститься. Взявшись за шею, он поворачивается вправо и переворачивает его.

Мы видели, что подножки (ὑποσκελίξις) во все времена были неотъемлемой частью греческой борьбы. Существуют различные технические термины для обозначения различных фишек, но их толкование очень неопределенно, а памятники мало чем помогают. Слова βάλλω, βολή и их соединения используются для обозначения движений как рук, так и ног. Возможно, в ἐμβολή мы узнаем современный "хэнк", а в παρεμβολή - "задний каблук", когда стопа зацепляется за ногу противника с внутренней и внешней стороны соответственно. Последний термин встречается в забавном отрывке из "Оципа" Лукиана.^[684] Оцип, страдающий подагрой, но не признающий этого, утверждает, среди различных оправданий своей хромоты, что он повредил ногу при попытке провести задний каблук. По аналогии термин διαβολή, если он используется для обозначения движения ноги, может означать "внешний удар". Удар, которым Одиссей бросил Аякса, Евстафий называет μεταπλασμός или паракатаγωγή. По гомеровскому описанию эти термины должны соответствовать "внутреннему щелчку" или "хэнку". Возможно, именно такой щелчок изображен на вазах на рис. 116, 123, где один борец, поднятый с земли, щелкает ногой по ноге своего противника.

Лучшей иллюстрацией подножки является группа бронзовых изделий, изображающих борца, упавшего на одно колено и опирающегося на левую руку, в то время как его противник стоит над ним с левой ногой, все еще зацепленной за его, и правой ногой позади. Пока все бронзы сходятся, но в положении рук есть две разновидности. В петербургской бронзе (рис. 130) победитель опускает голову соперника левой рукой, а правой отводит его правую руку назад так же, как в бронзе Британского музея (рис. 129). В константинопольской бронзе (рис. 131) он держит шею противника правой рукой, а левой выкручивает назад руку и плечо. В обоих случаях он проводит атаку сзади. В первом случае он захватывает правую руку противника своей собственной правой рукой, кладет свою руку ему на шею и в то же время обхватывает левой ногой левую ногу противника; затем, надавливая на шею противника, он отводит его правую руку назад, используя ее как рычаг, чтобы свернуть его с ног. Другой, падая, выставляет левую руку, чтобы спастись, и падает на землю с левой рукой и правым коленом. В другом варианте он захватывает левую руку другого своей левой и тянет ее через спину, одновременно заставляя его голову двигаться вперед и вниз своей правой рукой и зацепляя его левую ногу. Падение еще более неизбежно. На всех бронзовых изделиях падение представлено как завершенное, и у победителя нет никакой возможности продолжить атаку. Если падение на колено было честным падением, то дальнейшее объяснение не требуется. В любом случае положение упавшего безнадежно, и он в любой момент может быть опрокинут на землю.

Рис. 130. Бронза. Санкт-Петербург.

Рис. 131. Бронза. Константинополь.

Эти бронзы, вероятно, являются копиями какой-то известной эллинистической группы. Количество существующих копий свидетельствует о важности оригинальной статуи и популярности представленного броска. Это тот вид атаки, который, естественно, должен был понравиться мальчишкам, разыгрывающим друг друга, или уличным грубиянам, нападающим на невинных прохожих сзади. И это, я полагаю, тот самый трюк, с помощью

которого Аристофан в *"Рыцарях"* описывает способ, с помощью которого Клеон обманул простых старых деревенских джентльменов. "Найдя такого, - говорит хор, - ты приводишь его домой из Херсонеса, и когда старый джентльмен идет, ничего не подозревая, любуясь звездами, ты вдруг перекидываешь руку через его шею (διαβαλὼν), зацепляешь его ногу (ἀγκυρίσας) и, отведя его плечо назад, бьешь его в живот (ἐνεκολήβασας)." Конные игры такого характера были небезызвестны среди модной афинской молодежи. Демосфен рассказывает, как Конон и его сыновья набросились на Аристона, поставили ему подножку, бросили его в грязь и запрыгнули на него; некоторые из терминов, которые использует оратор, как и термины Аристофана, знакомы в школе борьбы.

Ни в одном виде спорта нет такого разнообразия стилей и правил, как в реслинге. Почти в каждой стране есть свой собственный стиль. В Греции панэллинские фестивали помогли сохранить единообразие правил, но все же оставалось место для большого разнообразия стилей.^[686] У сицилийцев, в частности, был свой стиль, правила которого разработал некто Орикадмус.^[687] Существовала также "фессалийская фишка", но в чем преуспели сицилийцы или фессалийцы, мы не знаем. Аргивяне, которые особенно славились своим мастерством в борьбе, описаны Феокритом как "скрещивающие ягодицы". С другой стороны, спартанцы презирали науку борьбы и обучение тренеров и полагались только на силу и выносливость.^[689] Плутарх приписывает победу фиванцев при Лектре их превосходству над спартанцами в борьбе.^[690] У отдельных людей тоже были свои любимые фишки. О Клитострате Родосском, победившем в борьбе в Олимпии в Ol. 147, что своими победами он был обязан использованию захвата за шею.

ГЛАВА XIX БОКСИНГ

Ни один вид спорта не был более древним и не был более популярным во все времена среди греков, чем бокс. Его древность и популярность проявляются в их мифологии.^[691] Сам Аполлон, как говорят, победил Ареса в боксе в Олимпии, а дельфийцы приносили в жертву Аполлону Боксера (πύκτης), что является убедительным доказательством того, что бокс рассматривался греками как состязание в мастерстве, а не в грубой силе. Геракл, Тидей и Полидевк были знаменитыми боксерами, а изобретение бокса приписывается Тесею. И в *"Илиаде"*, и в *"Одиссее"* бокс предстает как обычное занятие и популярный вид спорта; согласно Гесиоду, он был изображен на щите Геракла. Находки в Кноссе показали, что бокс был известен в Эгейском море за много веков до прихода греков. Сохранение традиции в этих краях, возможно, объясняет необычайную популярность бокса на Востоке, особенно среди ионийцев. Бокс был частью древнего Делийского фестиваля, а законы бокса, использовавшиеся в Олимпии, приписывались Ономасту из Смирны. Он был также чрезвычайно популярен у аркадян, но пользовался меньшей популярностью у спартанцев, которые, хотя и утверждали, что изобрели бокс сначала как военное упражнение, рано отказались от него и не принимали участия в боксерских соревнованиях.^[692]

Предполагается, что первые жители Крита носили что-то вроде перчаток или кестусов. Но бокс исторических времен был гораздо более близок к бою с голыми кулаками, от которого, конечно, и произошел весь бокс. Бой между Одиссеем и Ирусом в *"Одиссее"* доказывает,

что поединки с голыми кулаками были частым явлением в гомеровские времена. Но у участников погребальных игр Патрокла руки были прикрыты хорошо вырезанными ремешками из бычьей шкуры, такие мы видим на вазах позже. Использование какого-либо покрытия или защиты для рук обязательно определяет всю систему боя, и поэтому, прежде чем рассматривать стиль греческого бокса, будет удобно проследить историю и развитие того, что для удобства мы можем назвать греческими перчатками.^[693] Простейшая форма перчаток состояла из длинных тонких ремешков, обмотанных вокруг рук. Их делали из воловьей шкуры, сырой или просто смазанной маслом или жиром, чтобы придать им эластичность. Более поздние авторы называли их "мягкими перчатками", ἱμαντὲς μαλακώτεροι или μεῖλιχαῖ в отличие от более грозных орудий, использовавшихся в их время.^[694] В действительности они должны были быть далеко не мягкими, и, подобно легким перчаткам, которые иногда используются в современных поединках, служили для защиты костяшек пальцев от опухания и, таким образом, скорее увеличивали силу атаки, чем ослабляли силу удара. Судя по рисункам на вазах, их длина достигает десяти или двенадцати футов, а количество представленных витков требует как минимум такой длины.

Рис. 132. Р.-ф. киликс, в Британском музее, Е. 63.

Рис. 133. Р.-ф. киликс, в Британском музее, Е. 39.

Эти ремешки - один из самых распространенных предметов на вазах. Иногда мы видим их собранными в пучок; их несут в руке. На фрагменте краснофигурного килика из Британского музея, Е. 63, изображена процессия молодых боксеров, стоящих перед чиновником (рис. 132). Судя по всему, это участники соревнований, дающие предварительную клятву соблюдать все законы игр. Их правые руки подняты, а в левых они несут связки ремешков. Точно так же на внутренней стороне другого килика Британского музея, Е. 39, юноша-боксер со стрингами в левой руке стоит над алтарем (рис. 133). Его поза выражает удивление и волнение по поводу чего-то, что он видит на алтаре, возможно, как предполагает д-р Ютнер,^[695] появлением жертвы, от сожжения которой он ищет предзнаменование своего

успеха в играх (μαντείον δι' ἐμπύρων). На внешней стороне того же килика художник изобразил серию сцен бокса. На одной стороне двое юношей готовятся или ждут своей очереди боксировать, один держит в руках пару стрингов, один из которых он передает своему товарищу. Последний держит стринги на вытянутых руках. На обоих концах стринги собраны в петлю. Этот тип, который встречается очень часто, часто неправильно интерпретируется, стринги рассматриваются либо как скакалка, либо как канат, используемый для перетягивания каната, что было привычной игрой мальчиков во времена Платона.^[696] Но доктор Ютнер убедительно доказал, что представленные предметы - это боксерские стринги.^[697]

Очень часто, как и в вазе, с которой мы имеем дело, мы видим один или оба конца стрингов, собранных в петлю. Такое расположение явно связано с методом крепления стрингов. Филострат, описывая мейлихай, говорит, что четыре пальца вставлялись в петлю таким образом, чтобы рука была сжата, и удерживались шнуром, закрепленным вокруг предплечья.^[698] Шнур и петля - это всего лишь части кожного стринга. На краснофигурных вазах часто изображается акт связывания шнура, но рисунки шнуров слишком малы и обычно слишком схематичны, чтобы мы могли сделать вывод о точном методе.^[699] Вероятно, использовались различные методы. Большой палец всегда свободен и обычно не закрыт, хотя иногда стяжка обматывается вокруг большого пальца отдельно.^[700] Как правило, стяжка несколько раз обматывается вокруг четырех пальцев и костяшек, проходит по диагонали через ладонь и тыльную сторону руки и обматывается вокруг запястья, причем иногда стяжка проходит некоторое расстояние вверх по предплечью. На внутренней стороне киликса из Британского музея, Е. 78 (рис. 134), изображен юноша, который завязывает шнурок на правой руке, затягивая конец левой рукой. В данном случае, по-видимому, сначала связываются пальцы, а затем стяжка закрепляется вокруг запястья. На амфоре Б.М. (рис. 135), представляющей более поздний тип перчатки, порядок, по-видимому, обратный.

Рис. 134. Внутренняя часть рис. 151. Британский музей, Е. 78.

Рис. 135. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 607. Архонство Пифодела, 336 г. до н.э.

Мейлихаи были единственной формой боксерских перчаток, использовавшихся в шестом и пятом веках, и они продолжали использоваться, по крайней мере, для тренировок в палестре, в течение четвертого века. Однако в начале этого века они, по-видимому, были вытеснены на соревнованиях более грозными перчатками, которые Платон называет *σφαῖραι* и которые он рекомендует использовать в своем идеальном государстве как более точно воспроизводящие условия реальных боевых действий. Эти *σφαῖραι* или шары были идентифицированы доктором Ютнером с типом перчаток, представленных на некоторых панафинейских вазах IV века, а также на некоторых этрусских кистях, относящихся к началу III века. На последних четко прослеживается шарообразный вид, которому они обязаны своим названием. На известной цисте Фикорони^[701] рука покрыта перчаткой, которая оставляет пальцы свободными, но тянется почти по всей длине предплечья; перчатка связана тройными ремешками, пересекающимися и перекрещивающимися друг с другом, и, наконец, собрана в пучок и закреплена, пропущена через петлю на тыльной стороне руки. Очень похожий тип изображен на амфоре Б.М. (рис. 135), носящей имя архонта Пифодела, 336 г. до н.э. Перчатка, похоже, состоит из толстых полос какого-то мягкого вещества, протянутых вдоль руки и связанных вокруг крепкими, жесткими кожаными ремешками, закрепленными, очевидно, между пальцами и большим пальцем. Юноша слева, ожидающий

схватки с победителем, затягивает конец зубами. Справа, вместо обычного судьи, изображена задрапированная и крылатая фигура Победы, держащая в руке ладонь. Похожая перчатка изображена на другой панафинейской вазе в Лувре, принадлежащей архонту Гегесию в 324 году до н.э.

Рис. 136. Боксер. Музей Терме, Рим. (С фотографии Андерсона.)

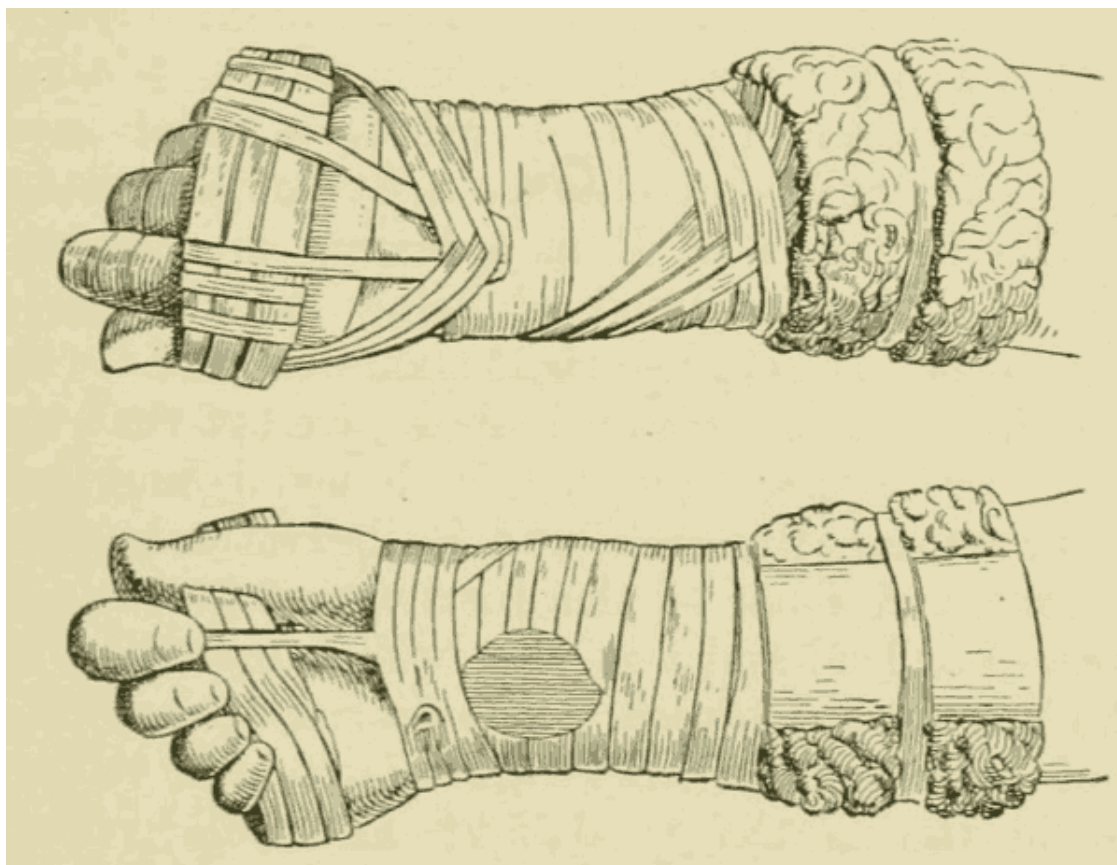

Рис. 137. Правая рука боксера, из Сорренто. Неаполь.

Связывать на руке эти сложные стринги, должно быть, было хлопотно и долго. И за появлением сфайраи почти сразу последовало изобретение перчаток, которые можно было легче натягивать и снимать. Эти перчатки, которые уместно назвать ἱμαντεὺς ὀξεῖς, знакомы нам по сидящему боксеру в Термах в Риме (рис. 136). Они также встречаются на мраморной фигуре боксера из Сорренто, которая сейчас находится в Неаполе (рис. 137), на руке, также находящейся в Неаполе, и на руке, найденной в Вероне.^[702] Они состоят из двух частей, перчатки и жесткого кожаного кольца, окружающего костяшки пальцев. Перчатка простирается до половины предплечья и заканчивается толстой полосой ворса, служащей, несомненно, для защиты руки, которая легко может быть сломана ударом столь грозного оружия; сама перчатка, судя по тому, как в нее врезаны ремешки, была мягкой; концы пальцев обрезаны, а внутри имеется отверстие. На костяшках перчатка снабжена толстой накладкой, которая не дает кольцу, в которое вставляются пальцы, соскользнуть вниз. Это кольцо состоит из трех-пяти полосок жесткой кожи, скрепленных между собой небольшими ремешками и удерживаемых на своем месте ремешками, связанными вокруг запястья. Его ширина составляет около дюйма, а толщина - полдюйма, а острые, выступающие края, должно быть, делали его орудием нападения не менее эффективным, чем современный кастет. В этих обстоятельствах забавно узнать от Филострата, что большому пальцу не разрешалось принимать участие в ударе из опасения нанести тяжелые и некрасивые раны (ὕπερ συμμετρίας τῶν τραυμάτων) и что по той же причине было запрещено использовать свиную кожу.^[703] У более поздних авторов термин "sphairai", кажется, используется для этих ἱμαντεὺς ὀξεῖς, и поскольку они были слишком опасны для использования на практике, в палестре, называемой ἐπίσθαιρα, использовались мягкие, подбитые перчатки.^[704]

Эти перчатки продолжали использоваться с незначительными изменениями по крайней мере до второго века нашей эры. Действительно, сомнительно, чтобы какая-либо другая

форма когда-либо использовалась на настоящих греческих праздниках. Последним изображением их в искусстве является рельеф, находящийся в Латеранском соборе, который, как предполагается, представляет бой между Энтеллусом и Даресом.^[705] Влияние римского чувства видно в том, что оба бойца вместо наготы носят хитон, подоткнутый так, чтобы оставить правое плечо обнаженным.^[706] Перчатки мало чем отличаются от описанных выше, за исключением того, что большой палец защищен кожаными ремешками, хотя и не связан с пальцами. Павсаний, Плутарх и Филострат не знают другой формы перчаток, и ни один из этих авторов не упоминает о массах свинца и железа, которыми, по словам римских поэтов, нагружался кестус. Эти ἰμαντὲς ὀξεῖς, несомненно, были способны нанести все те травмы, на которых так любят останавливаться авторы эпиграмм в *Антологии*.^[707] Использование металла для утяжеления и повышения опасности кестуса - чисто римское изобретение, совершенно варварское и гибельное для всей боксерской науки. Возможно, римский кестус использовался в некоторых гладиаторских представлениях, которые были популярны в некоторых частях Греции во времена империи, но молчание Филострата и других доказывает, что он никогда не использовался в Олимпии или в любом другом месте, где еще сохранялись какие-либо остатки атлетической традиции Греции.

В истории греческой атлетики кестус не занимает никакого места, за исключением того, что он является развитием ἰμαντὲς ὀξεῖς или σφαῖραι греков. Совершенно не зная, что такое настоящий бокс, римляне полагали, что силу удара можно увеличить за счет дополнительного веса. Они не понимали, что в боксе быстрый, резкий удар гораздо опаснее и эффективнее, чем медленный, тяжелый, и что чем больше весит рука, тем медленнее удар, а значит, тем легче от него защититься или избежать. По словам поэтов, они увеличивали вес, вшивая в перчатку куски свинца и железа. На существующих изображениях цеста рука кажется заключенной в твердый шар или цилиндр, с тыльной стороны которого над костяшками пальцев проходит зубчатая защита, предположительно из металла, которая иногда принимает форму двух или трех шипов. Эти шипы иногда принимали за пальцы, но их истинная природа была убедительно доказана доктором Ютнером. В то же время владелец был защищен мягким рукавом, доходящим почти до плеча. Этот рукав обычно сделан из кожи или флиса шершавой стороной наружу и закреплен ремнями. На Латеранской мозаике вся рука, похоже, заключена в жесткий чехол (рис. 138).^[708]

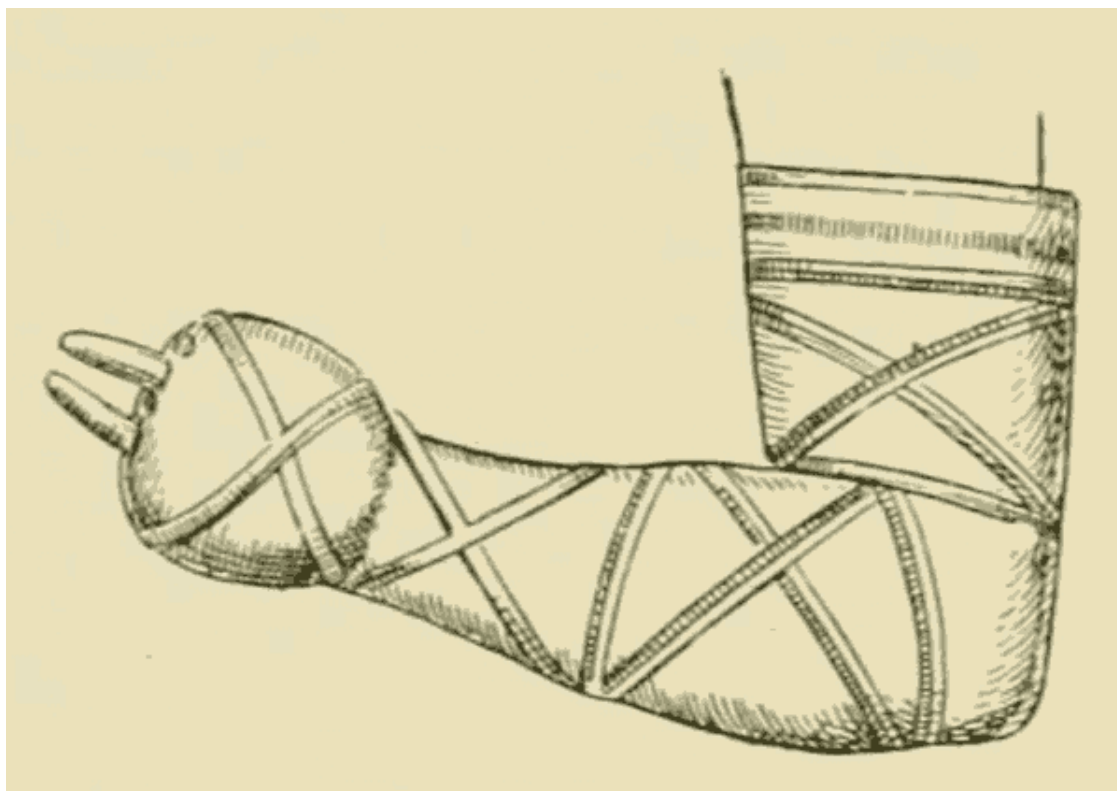

Рис. 138. Цестос, с мозаики в термах Каракаллы. Латеранский музей.

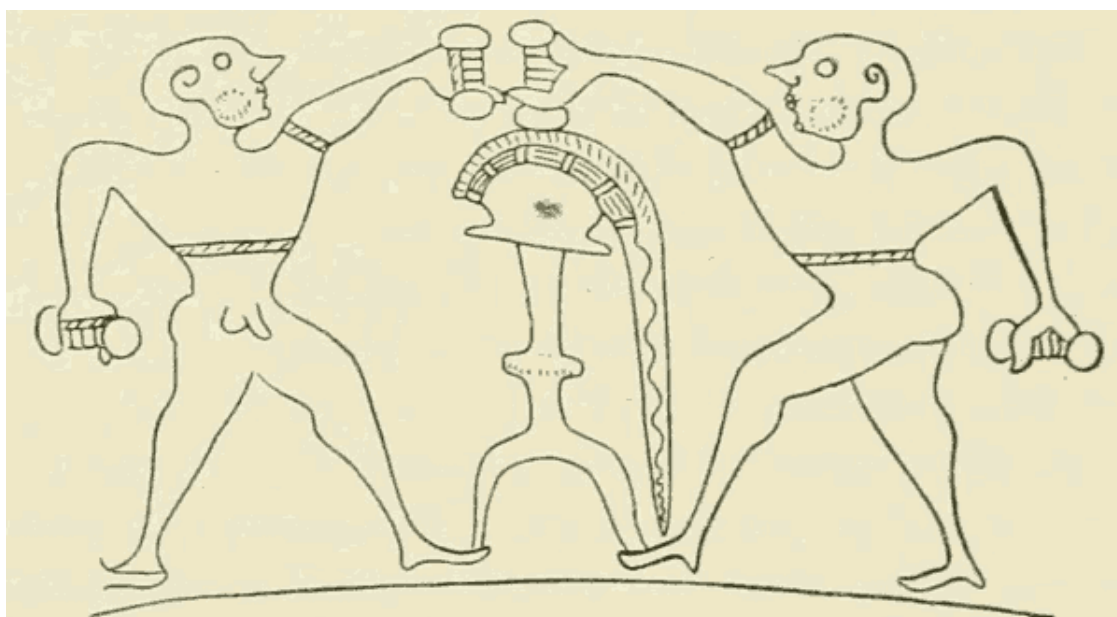

Рис. 139. Бронзовая ситула. Ватш.

В предыдущем очерке не была упомянута очень любопытная форма *caestus*, представленная на бронзовых ситулах, найденных в Болонье и в Тироле, поскольку, как указал д-р Ютнер, эта форма не находит места в развитии греческой боксерской перчатки.^[709] Так называемые сцены бокса часто встречаются на этих ситулах; форма оружия наиболее четко показана на известной ситуле из Ватша (рис. 139), на которой два боксера изображены сражающимися из-за шлема, помещенного на подставку между ними, и держащими в руках предметы, в точности напоминающие современные гантели. На самом деле возникает соблазн предположить, что это действительно алебарды в форме гантелей, и что изображенная сцена - не столько боксерский поединок, сколько какой-то атлетический танец. Конечно,

стиль исполнения имеет так же мало общего с настоящим боксом, как и эти предметы с боксерскими перчатками. Но композиция группы, кажется, показывает, что это действительно грубое и варварское представление бокса. Шлем, помещенный между двумя фигурами, конечно же, является призом, за который они борются, и не может представлять собой какой-либо барьер между двумя бойцами, как предположил один из недавних авторов.^[710] В архаическом искусстве часто изображаются треножники, котлы или шлемы, которые являются объектами соревнований. В беге приз естественно помещается на финише, в бою - не менее естественно между участниками. Та же схема композиции встречается на стенах гробниц в Тарквиниях и Клузиуме,^[711] и на фрагменте чернофигурной вазы Британского музея, найденной в Дафнее в Египте (рис. 140).^[712] На этрусских гробницах схема не ограничивается боксерами. В Томба дельи Аугури в Тарквиниях пара борцов^[713] борется за три большие чаши, поставленные между ними; но никто не может и на мгновение предположить, что чаши были поставлены так в действительности. Многочисленные атлетические сцены на этих гробницах свидетельствуют о популярности атлетики и особенно бокса среди этрусков, но они не дают нам оснований предполагать какую-либо связь между этрусским искусством и искусством ситул, а также между этрусской атлетикой и атлетикой Тироля. Атлетические сцены на этрусских гробницах - не что иное, как подражание атлетическим сценам на греческих вазах, которые, как мы знаем, с раннего периода были завезены в Этрурию. Диски, алебарды и гиманты мало отличаются от тех, что изображены на вазах, а те различия, которые все же встречаются, возможно, связаны с тем, что этрусский художник не совсем понимал, что он копирует. Схема композиции обычно греческая; то, что конкретная схема бокса, которую мы обсуждаем, греческая, доказывает ваза из Дафни. Такое сходство между этрусской схемой и схемой на ситулах, очевидно, объясняется тем, что обе они были имитированы у греков, если только мы не утверждаем, что ситулы были оригинальными как для этрусков, так и для греков. Но если схема композиции на ситулах греческая, то что мы скажем о форме цезуры? Она, конечно, не может быть заимствована или даже предложена чем-то, что когда-либо носили греческие боксеры. Возможны только два объяснения. Либо у нас есть изображение какой-то варварской формы боя, относящейся к Тиролю, в которой использовалось такое оружие,^[714] либо создатели сидул, не зная греческой атлетики, приняли алебарды греков за оружие, используемое в боксе.

Рис. 140. Фрагмент б.-ф. ситулы, в Британском музее, В. 124.

История греческого бокса может быть разделена на три основных периода. Первый - это период мягких стрингов или мейлихаев, который длится с гомеровских времен до конца шестого века; второй - это период "острых стрингов" и сфайраев, который длится с четвертого века до позднеимперских времен; третий - это период утяжеленного кестуса, хотя, как уже было показано, сомнительно, что он был действительно греческим. Изменения в форме перчатки должны были сильно изменить стиль бокса, и даже те скудные свидетельства, которыми мы располагаем, позволяют нам в некоторой степени проследить изменения в стиле. Для первого периода у нас есть свидетельства Гомера и расписные вазы шестого и пятого веков: для второго периода у нас есть свидетельства нескольких панафинейских ваз, а также Феокрита и Аполлония Родиуса, оба из которых оставили нам описания боев, которые, несомненно, отражают практику их собственного дня: для последнего периода у нас есть крайне ненадежные свидетельства Вергилия и других римских поэтов. Также много разрозненной информации, относящейся к различным периодам, содержится в трудах Плутарха, Павсания, Лукиана и Филострата. Эти авторы в большинстве своем черпают информацию из более ранних записей, и зачастую трудно оценить ценность их свидетельств. Поэтому очень важно рассматривать в первую очередь в правильном порядке те свидетельства, которые можно с уверенностью датировать. Пренебрежение этой предосторожностью привело к появлению множества непродуманных и вводящих в заблуждение заявлений о греческом боксере. Так, в одном известном словаре я нашел абзац, построенный с возвышенным безразличием к датам шестнадцати авторов, греческих, латинских и византийских, от времен Гомера до времен Евстафия. События, упоминаемые в этой разношерстной подборке писателей, охватывают период не менее тысячи лет, и на основе этого множества свидетельств автор создал обобщенную картину греческого боксера, в равной степени применимую или неприменимую к гомеровскому

воину или римскому гладиатору. Результат еще хуже, когда такой писатель, как профессор Махаффи^[715], основывает всеобщее осуждение греческого бокса на описании Вергилием поединка между Даресом и Энтеллусом и нескольких историях неопределенной даты. Прежде чем рассматривать такую критику в деталях, посмотрим, что мы можем узнать из хронологического исследования свидетельств.

У Гомера бокс, как и борьба, уже является специализированным видом спорта, хотя панкратиона, объединяющего эти два вида спорта, еще не существовало. Искусство бокса передавалось по наследству в определенных семьях, и обычай уже выработал свод негласно принятых правил для регулирования поединка. Это видно не только из описания в *"Илиаде"*, но и по тому, с какой легкостью женихи организуют все предварительные действия для импровизированного поединка между Одиссеем и Ирусом. В последнем случае используются голые кулаки, но в остальном условия двух поединков совершенно одинаковы. Эти условия, которые, кажется, никогда не менялись на протяжении долгой истории греческого бокса, определили всю историю этого вида спорта и в значительной степени ответственны за те различия, которые отличают греческий бокс от современного.

Во-первых, не было регулярного ринга, помимо того, что образовывали зрители. У греческих боксеров было достаточно места, и поэтому не было возможности загнать соперника в угол. Единственное упоминание о чем-то подобном содержится в рассказе Феокрита о поединке Полидевка и Амика, где греки на мгновение испугались, как бы "вес великана не раздавил их чемпиона в узком месте". Узость места, очевидно, отмечена здесь как нечто необычное. Место поединка - лесистая лощина у подножия высокой скалы, где Амикус устроил свою обитель и поджидает чужаков. Подходящее место для разбойника, но совсем не похожее на открытую площадку, где обычно проводились спортивные состязания и где грубая сила не имела шансов против тренированного мастерства боксера. Только "узкое место" давало хулигану кратковременное преимущество, и этот отрывок, таким образом, действительно подтверждает мнение о том, что боксерский ринг был широким и открытым. Такие условия, как правило, препятствуют ведению ближнего боя и поощряют оборонительную и выжидательную тактику.

Другие обстоятельства способствовали тому же результату. В греческом боксе не было раундов. Противники сражались до конца. Бывало, что оба были слишком измотаны и по обоюдному согласию делали паузу, чтобы перевести дух; но обычно бой продолжался до тех пор, пока один из них не был не в состоянии бороться дальше или не признавал себя побежденным (ἀπείπηεν), поднимая руку. Этот сигнал поражения часто изображается на вазовых картинах. Хороший пример - на амфоре из Британского музея, изображенной на рис. 141. В таких боях тактика форсирования не приносит пользы, боксер, который слишком ускоряет темп, изнуряет себя без всякой цели; в описаниях боев, которыми мы располагаем, обычно неуклюжий, необученный боксер форсирует темп и пытается броситься на своего противника, что приводит к катастрофическим последствиям для него самого. Осторожность была правилом греческого боксера, и поэтому бой обычно был медленным. Мы увидим, до каких абсурдных пределов эта осторожность была доведена в более поздние времена.

Рис. 141. Амфора В.-ф., в Британском музее, В. 271.

Наконец, классификация по весу была неизвестна грекам. Их соревнования были открыты для всех желающих, независимо от их веса, и в описанных условиях вес имел, возможно, даже большее преимущество, чем в наши дни. Следовательно, бокс все больше становился монополией тяжеловесов и все меньше становился научным.

Эти условия не отличались от тех, что существовали в первые дни существования английского призового ринга, за исключением того, что в последнем использовались голые кулаки и была разрешена борьба. Использование перчаток или стрингов делает борьбу неосуществимой, и поэтому она, по-видимому, никогда не была разрешена в греческом боксе. Однако во всех боях с закрытыми руками есть элемент искусственности. Современные боксеры говорят нам, что использование перчаток испортило истинное искусство самообороны, потому что боксер в перчатках может подвергать себя ударам, которые фактически закончили бы бой с голыми кулаками. Сомневаюсь, что подобное можно сказать о греческих стрингах, которые, конечно же, ни в коей мере не могли ослабить удар. Следовательно, бокс у греков оставался, по сути, искусством "защиты". В последнее время мы слышим о боксерах, которые выигрывали соревнования, даже не получив ударов от своих противников, что было бы совершенно невозможно в современных условиях.^[717] Но хотя истинная традиция борьбы сохранилась в панкратионе, и хотя у Гомера мы находим одни и те же тактические приемы, применяемые как с голыми кулаками, так и с боксерскими стрингами, несомненно, что в греческом боксе рано возник искусственный стиль, и искусственность усилилась благодаря изменениям, превратившим простые боксерские стринги в грозное оружие как для нападения, так и для защиты. Таким образом, стиль борьбы, используемый боксером, все больше и больше расходился со стилем борьбы панкратиаста, и если в пятом веке нередко можно было встретить семьи, подобные Диагоридам, отличившиеся как в боксе, так и в панкратионе, то теперь это сочетание

становится более редким, и так называемые преемники Геракла в более поздний период были теми, кто побеждал в панкратионе и борьбе.

Два гомеровских поединка уже были полностью описаны в предыдущей главе. Они дают нам мало информации о стиле греческого бокса, за исключением того, что оба поединка были решены нокаутирующими ударами в челюсть или около того, нанесенными, предположительно, правой рукой, примерно так же, как и в современном боксе. Вазопись также не является настолько познавательной, как мы могли бы ожидать, исходя из количества ваз, на которых изображен бокс. Дело в том, что боксерский поединок - чрезвычайно сложная тема для художника, что можно легко понять, взглянув на иллюстрации в современных книгах по легкой атлетике. Греческий вазописец инстинктивно избегал резких движений и часто предпочитал изображать спорт не в виде самого поединка, а в виде какой-то предварительной сцены. Отсюда большое количество ваз, на которых он изобразил бокс с группами мужчин, держащих или регулирующих гиманты.^[718] Даже когда он изображал реальный бой, он ограничивался небольшим количеством условных типов. На ранних чернофигурных вазах меньше условностей и больше оригинальности, чем на краснофигурных; но скученность фигур на этих ранних вазах была несовместима с настоящим изображением открытого боя, и поэтому на многих из этих ваз бокс сводится к ударам и рубке короткими руками, гротескный эффект которых часто усиливается кровью, обильно текущей из носов бойцов. Хороший пример этого стиля показан на рис. 142, взятом с чернофигурного стамноса в Национальной библиотеке в Париже, где, как можно заметить, все спортсмены одеты в архаичную набедренную повязку. На краснофигурных вазах преобладает более открытый стиль ведения боя. Однако мы не вправе предполагать изменения в стиле реальных боев; разница объясняется главным образом, если не полностью, художественными причинами. Однако, несмотря на отсутствие разнообразия на вазах, мы можем, как мне кажется, сделать из них определенные выводы относительно позиции и методов греческого боксера.

Рис. 142. Б.-ф. стамнос. Bibliothèque Nationale, 252.

Не может быть никаких сомнений в том, какую позицию занимает греческий боксер, когда он впервые "поднимает руки". Именно этот момент чаще всего изображается на вазах. Он стоит с вертикальным положением тела и головы, ноги широко расставлены, а левая нога выдвинута вперед. Левая нога обычно слегка согнута, стопа направлена прямо вперед, а

правая иногда находится под прямым углом к ней и направлена наружу в правильном положении для выпада левой. Левая рука, используемая для защиты, вытянута почти прямо, кисть иногда закрыта, иногда открыта. Правая рука отведена назад для нанесения удара, локоть иногда опущен, но чаще всего поднят на уровне или даже выше плеча. Эта позиция четко показана на серии ваз из Британского музея, с которых взяты наши иллюстрации, охватывающих период с VI по IV век до н. э. Это чернофигурная амфора Никосфена (рис. 143), две краснофигурные килики, одна из которых подписана Дурисом (рис. 133, 151), и две панафинейские вазы второй половины IV века (рис. 135, 148).

На всех этих вазах и на большинстве других ваз, содержащих сцены бокса, левая нога энергично выдвинута вперед. Мистер Фрост в своей статье о греческом боксе в *Journal of Hellenic Studies*, vol. xxvi., которой я обязан многими полезными советами, утверждает, что это всего лишь условная передача, и что греческий боксер действительно стоял с почти ровными ногами, как ранние драчуны на английском призовом ринге. Доказательств этому утверждению мало, и он, как мне кажется, был введен в заблуждение аналогией с призовым рингом, забыв, что наши знания о греческом боксе начинаются там, где заканчивается история призового ринга. На призовом ринге использовались голые кулаки, разрешались захваты, борьба и броски; в то время как в греческом боксе рука всегда была прикрыта, а захваты и борьба не допускались. Более того, теория мистера Фроста, как мне кажется, не объясняет фактов. Если бы обе ноги были примерно на одном уровне, мы должны были бы ожидать, что в изрядной доле случаев правая нога была выдвинута вперед, тем более что симметрия, которая оказывала сильное влияние на греческого художника, естественно, побудила бы его изобразить одного боксера с правой ногой, а другого с левой ногой впереди, что отнюдь не редкость в борцовских группах. В боксе, однако, такие симметричные группы встречаются крайне редко, и левая нога почти всегда выдвинута вперед, а в некоторых случаях изображена в самом акте выпада. Действительно, судя по вазам, греки преувеличивали боковое положение тела, так как часто левая нога и левая рука были выдвинуты вперед. Ведь часто левая нога и левая рука одного боксера изображены снаружи или справа от левой ноги и руки его противника (рис. 143).^[719]

Рис. 143. Б.-ф. амфора, в Британском музее, В. 295.

Эта боковая позиция с вытянутой левой рукой была элективной защитой для головы и держала противника на расстоянии, но оставляла тело совершенно незащищенным, что было бы фатальной ошибкой в ограниченном пространстве современного ринга с сильным и активным противником. Это обнажение тела, как отметил мистер Фрост, характерно для всего греческого бокса, изображенного на вазах, и эта особенность связана с фактом, который, насколько я знаю, не был замечен ранее, - греческий боксер уделял внимание почти исключительно голове своего противника. То ли потому, что он не понимал, как использовать удары по телу, то ли потому, что считал их плохой формой, то ли потому, что они

были запрещены, но совершенно точно, что он практически не использовал их. Насколько мне известно, нет ни одного изображения ударов по телу; все нанесенные травмы - это травмы головы; в тех немногих случаях, когда упоминаются удары по телу, они наносятся неучеными бойцами, такими как Ирус и Амикус, и представляются как плохо нацеленные или короткие удары, которые, минуя голову, приходились на плечо или грудь. Единственное известное мне исключение - смертельный удар, которым Дамоксен, по словам Павсания, убил Креугаса на Немейских играх;^[720] , но хотя для этой истории, несомненно, были какие-то основания, ее детали настолько явно сказочны, что не имеют ценности как доказательство. С другой стороны, отрывок из Филострата дает сильное предположение, что бокс практически, если не формально, ограничивался ударами в голову. Он говорит нам, что бокс был изобретен спартамцами, потому что они не носили шлемов, считая щит единственным мужским средством защиты.^[721] Они занимались боксом, чтобы научиться отражать удары головой и закалить лицо. Более того, описывая физические качества боксера, он рассматривает выдающийся живот как возможное преимущество, поскольку благодаря ему противнику не так легко добраться до лица! Он также нигде не упоминает об ударах по телу. Бокс, как и фехтование, регулируется искусственными законами, и вполне возможно, что законы греческого бокса запрещали умышленные удары по телу, как сегодня запрещены удары ниже пояса. Возможно, они были запрещены неписаным законом традиции. Каким бы ни было объяснение, факт кажется достоверно установленным: удары по телу не практиковались, и, следовательно, тело оставалось незащищенным; и эта особенность, возможно, является самым важным различием между греческим и современным боксом и имеет важные последствия для истории этого вида спорта.

С первого взгляда на вазы кажется, что левая рука использовалась почти исключительно для защиты, а правая для атаки. Хотя реальный удар правой никогда не представлен, правый кулак почти неизменно сжимается и отводится назад для удара. Но это утверждение требует значительных изменений. Во-первых, пока боксер держал левую руку вытянутой в качестве защиты, достать его голову правой рукой можно было только либо сделав шаг вправо, чтобы выйти за пределы защиты, либо разрушив ее. В первом случае можно было нанести размашистый удар по левой стороне подбородка - нокаутирующий удар, описанный у Гомера и Феокрита. Но поскольку противник, естественно, отвечал на это движение движением вправо, в результате бойцы обычно неэффективно кружили друг вокруг друга. Возможно, именно по этой причине левая нога и рука боксера так часто изображаются справа от левой ноги и руки его противника. Но редко кто мог нанести такой удар, как свинцовый, и поэтому необходимо было сделать отверстие для использования правой руки в спарринге с левой в стиле фехтовальщиков. В этом спарринге, который часто изображается на вазах, руки обычно открыты. Пример тому - рис. 151, где изображена пара боксеров с открытыми руками, очевидно, для тренировки. Еще лучше сцена на панафинейской вазе в Берлине (рис. 144). Здесь левосторонний боксер, сделав выпад, готовится продолжить атаку правой, в то время как его противник отводит голову назад и защищается обеими руками. Иногда в таких спаррингах появлялась возможность нанести удар слева. На панафинейской вазе, опубликованной Стефани (рис. 145), боксер-правша при атаке выставил голову, а его противник, даже не закрыв ее, выбил левую руку и ударил его по носу. Это подводит нас ко второму моменту. Везде, где изображен реальный удар, или один из боксеров изображен в состоянии нокаута, или был нокаутирован, удар наносится левой рукой. Поэтому можно сделать вывод, что греческий боксер использовал левую руку для атаки так же часто, как и правую, и что некоторые из наиболее эффективных ударов могли наноситься левой. Этот вывод подтверждается описаниями Гомера, Феокрита и других авторов, которые с единым мнением представляют грека как двуручного бойца.

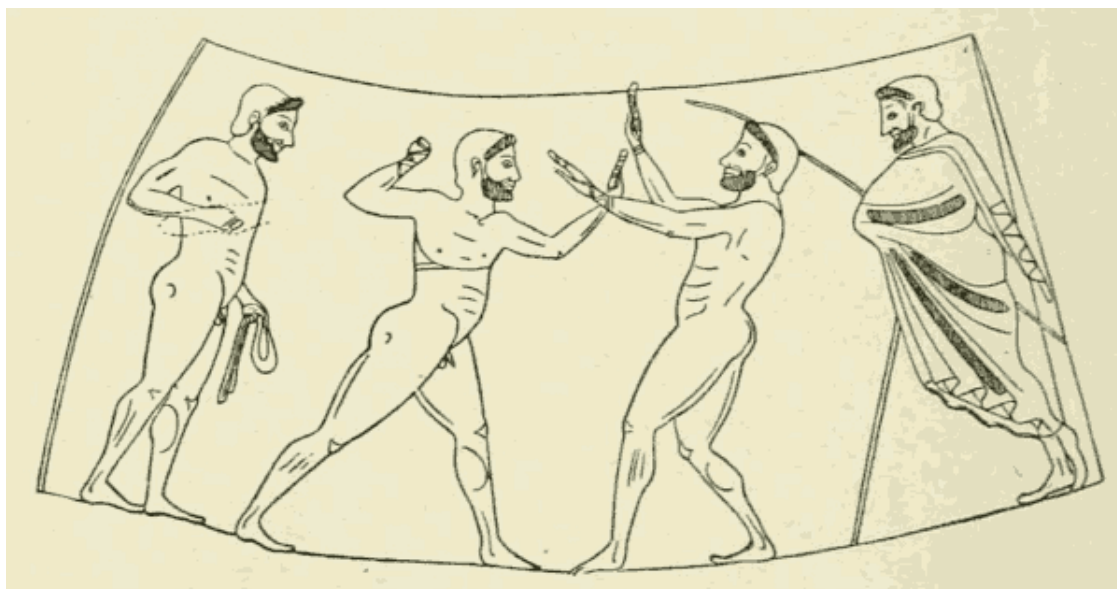

Рис. 144. Панафинейская амфора. Берлин, 1831 год. VI век.

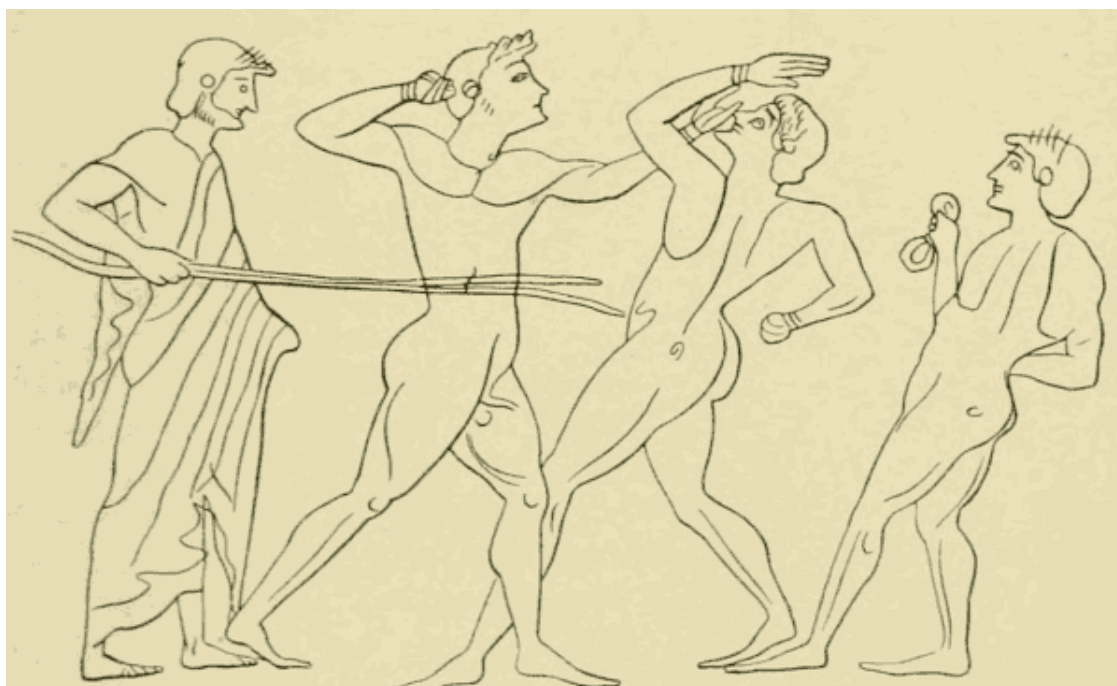

Рис. 145. Панафинейская амфора. Кампана. VI век (?).

Положение правой руки указывает на то, что она использовалась в основном для нанесения круговых или крюковых ударов, верхних подсечек и рубящих ударов, а рассмотрение общей позиции и защиты греческого боксера показывает, что, как правило, только такие удары можно было наносить правой. Иногда правую руку отводят назад, готовясь к нокаутирующему удару (рис. 133), иногда поднимают чуть выше плеча, как для рубящего удара вниз (рис. 143), иногда держат на одном уровне с плечом или ниже его, и в этом случае можно предполагать прямой удар (рис. 148). Но прямой удар невозможен, если только защита противника не была предварительно сломлена или отбита левой. Однако при работе левой рукой прямые удары, похоже, являются правилом, как и следовало ожидать от позиции с выдвинутой вперед левой ногой, и, поскольку пятка правой ноги обычно приподнята от земли, сила удара, по-видимому, была получена правильно, от выпада. Отличная иллюстрация такого удара находится на килике Памфея (рис. 146). Падающий

боксер поднимает левую руку, чтобы защитить свою голову, но это тщетно, так как он поднимает указательный палец правой руки в знак признания поражения. Еще лучше сцена на панафинейской амфоре в Лувре (рис. 147), где изображен боксер, сбивающий противника с ног ударом по подбородку. Дальнейшая стадия изображена в одной из групп на килике Дуриса (рис. 133), где один боксер уже сбит с ног ударом противника слева. Он тоже поднимает палец в знак того, что побежден. Иногда изображен энергичный выпад левой ногой.^[722]

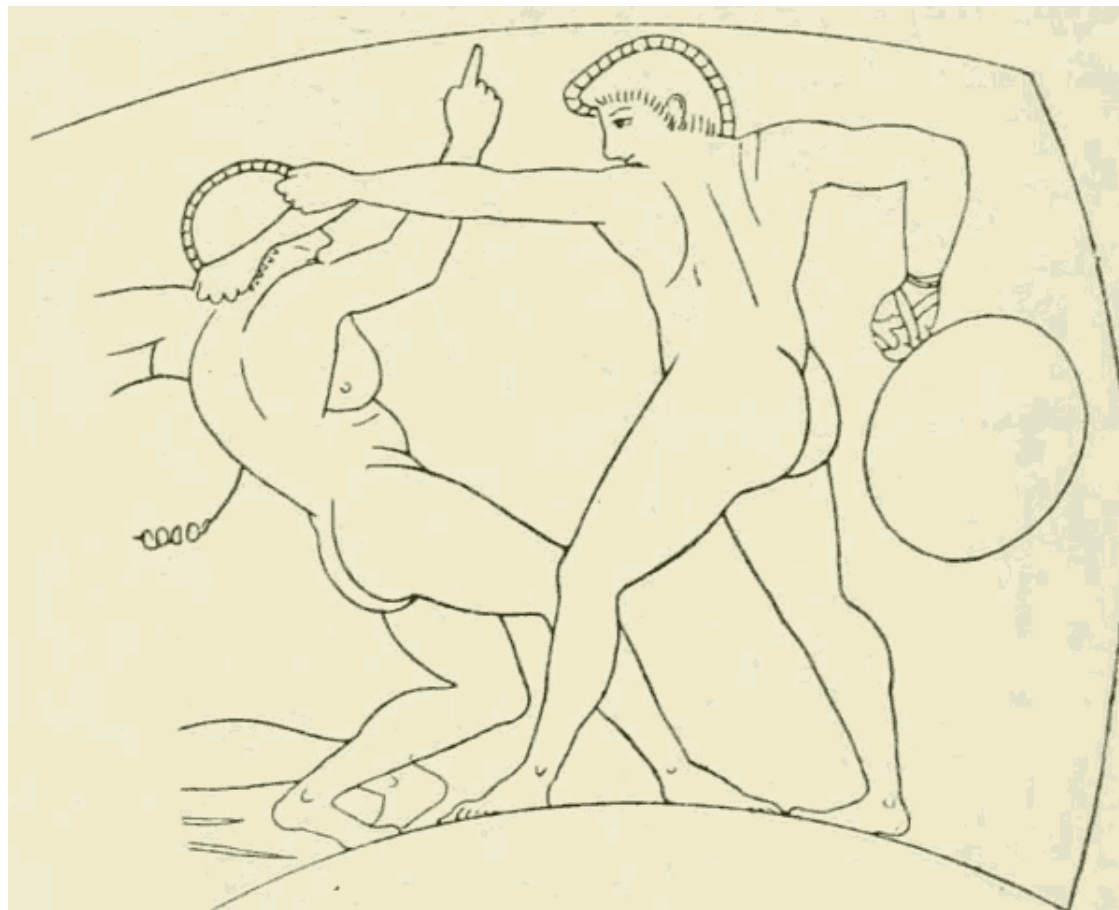

Рис. 146. Р.-ф. киликс Памфея. Корнето.

Рис. 147. Панафинейская амфора. Лувр, F. 278.

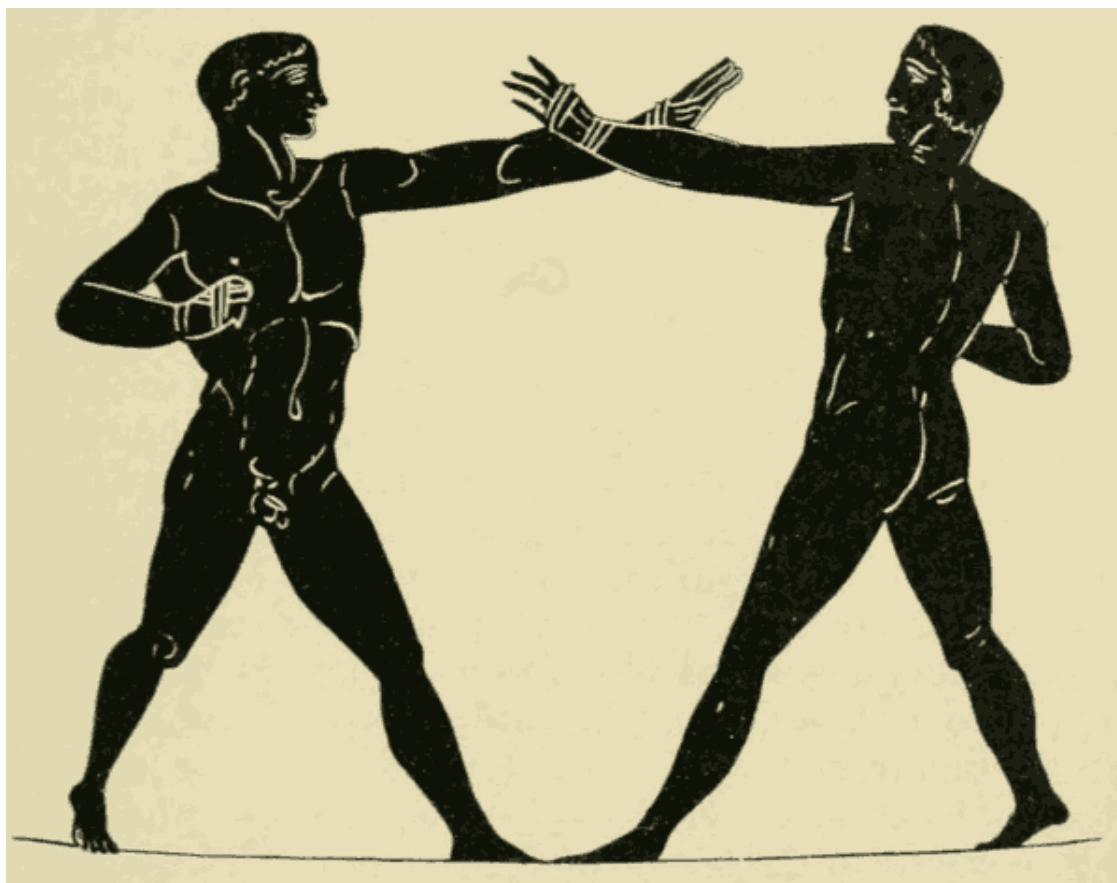

Рис. 148. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 612. Четвертый век.

Мнение, изложенное в последнем абзаце, расходится с мнением, выдвинутым профессором Махаффи и поддержанным с некоторыми изменениями мистером Фростом. Эти авторы утверждают, что прямой удар от плеча был практически неизвестен греческому боксеру. Отчасти они опираются на описания поединков у Феокрита и Вергилия, которые будут рассмотрены позже; но их главный аргумент заключается в том, что раны, полученные в греческом боксе, были в основном на боковой части головы и на ухе, и что греческий боксер был известен во всей греческой истории как "человек с раздавленным ухом". Последнее утверждение абсолютно ошибочно. Самое раннее упоминание о раздавленном ухе встречается у Платона, который использует этот термин для описания тех, кто подражал спартанским манерам и занимался борьбой, как спартанцы.^[723] Хорошо известно, что научный бокс был неизвестен в Спарте: там в изобилии дрались голыми кулаками и без правил; но наука в боксе, а также в борьбе презиралась спартанцами. Более того, похоже, что раздавленное ухо было признаком панкратиаста или даже борца;^[724] похоже, было очень похоже на распухшее ухо, которое так часто встречается у игроков в футбол регби. Когда мы переходим к рассмотрению литературных свидетельств, мы обнаруживаем, что раздавленное ухо играет незначительную роль; глаза, нос, рот, зубы, подбородок подвергаются гораздо большему наказанию, чем уши, и росписи на вазах согласуются с литературными свидетельствами. Кровотечение из носа, порезы на щеке, удары по подбородку изображаются свободно; но я не знаю ни одной вазы, на которой было бы изображено раздавленное ухо. Поскольку речь идет о раздавленном ухе, обвинение греческого боксера в пренебрежении прямыми ударами полностью отпадает.

Мне также не кажется простым обоснование заявления о том, что греки не имели представления о работе ног, и что, заняв позицию, они стояли практически неподвижно. Вазы, естественно, мало что проясняют в этом вопросе; но они неопровержимо доказывают,

что греки понимали, как придать силу удару, делая выпад, а поскольку выпад всегда делается левой ногой, кажется вероятным, что они понимали важность того, чтобы не менять ноги. Кроме того, во всех описаниях поединков четко прослеживается ценность быстрой работы ног. Это проявляется даже у таких поздних авторов, как Стаций.^[725] Его победитель Алкидамас побеждает своего более тяжелого противника Капанея благодаря своей большей активности. Капаней гоняет его по рингу, но Алкидамас "избегает тысячи смертей, которые летают вокруг его висков, благодаря быстрым движениям и помощи ног". Когда мы находим признание ценности работы ногами у такого писателя, как Стаций, чьи представления о боксе искажены жестокостью римского цеста, мы, конечно, вправе предположить, что греки более раннего периода были, по крайней мере, столь же искусны. Еще более убедительным является свидетельство Филострата. "Я не одобряю, - говорит он, - мужчин с большими икрами в любой отрасли атлетики, а особенно в боксе. Они медленно продвигаются вперед, и их легко поймать на опережении противника". Филострат, как мы помним, хотя и писал во времена империи, стремился возродить практику старых греческих атлетов, и большая часть его материала взята из более ранних трактатов по атлетике. При описании идеального боксера он делает особый акцент на активности и гибкости. Так, Вакхилид описывает юного Аргея из Сеоса,^[727] победителя в боксе мальчиков на Истмии, как "крепкого руками, с духом льва и легкими ногами".

Таковы общие характеристики греческого боксера, изображенного на вазах. Он свободно использовал обе руки, был активен на ногах и обладал значительным разнообразием атак. Его стиль напоминал более свободный стиль американского бокса, ставший популярным в последнее время, а не несколько условный, почти одноручный стиль, который так долго преобладал в Англии. Из более поздней литературы мы узнаем, что он был искусен в уклонениях, "пригибаниях" и "скольжениях". Недостатком его стиля мне кажется жесткая, высокая защита левой рукой, которая лучше всего объясняется предположением, что он бил только в голову. На краснофигурных вазах эта защита жестче, а рука прямее, чем на более ранних чернофигурных вазах, и это еще более характерно для панафинейских ваз IV века (рис. 135, 148). Использование левой руки для защиты сужало атаку и способствовало нанесению нисходящих рубящих ударов, следы которых сохранились на вазах. Возможно, именно поэтому предплечье защищалось кожаными ремнями. Введение в конце пятого века жестких, режущих ободов вокруг руки сделало стиль боя еще более искусственным и потребовало дополнительной защиты предплечья. Насколько трудно было попасть под защиту крупного боксера с длинной рукой, вооруженного этим оружием, можно понять из фигуры на панафинейской вазе на рис. 135. Так возник порочный стиль бокса, который подчеркивал естественные преимущества боксера-тяжеловеса. Вместо того чтобы полагаться на активность и мастерство, он все больше и больше полагался на свою жесткую защиту. Он даже практиковал длительное удержание руки, чтобы утомить противника, и абсурдность его стиля достигает апогея в риторических рассказах Диона Хризостома. Описывая Меланкомаса, любимца императора Тита, он говорит, что тот мог держаться на чеку целых два дня и таким образом заставлял своих противников сдаваться не только до того, как его самого поражали, но даже до того, как он поражал их.^[728] История достаточно примечательна; но, не испугавшись, Евсевий усовершенствует ее и утверждает, что Меланком с помощью этой тактики "убил всех своих противников", - иллюстрация роста спортивных историй, которая вполне может заставить нас скептически относиться к свидетельствам поздних комментаторов. Однако Дион пишет о человеке, который был его современником, и, если допустить риторическое преувеличение, мы можем смело принять его свидетельства о стиле бокса, который был в моде в его время. Подобная защита объясняет использование этих тягучих, нисходящих ударов, которые так часто встречаются в описаниях поздних греческих и латинских поэтов. В этих описаниях мы можем проследить

упадок греческого бокса; но недостатки, которые были развиты в эллинистические и римские времена, не следует приписывать боксерам пятого века. Изменения в боксерских стрингах изменили весь характер бокса.

Несравненно лучшее описание поединка, которым мы располагаем, - это поединок между Амиком и Полидеуком в 22-й идиллии Феокрита. Он иллюстрирует изменения в греческом боксе; ведь это бой между боксером старой героической школы, который полагается на науку и активность, и грубым хвастуном-призером, с которым поэт, возможно, был знаком в Александрии. Мы видим хулигана, сидящего на солнышке у родника, мышцы на его мускулистых руках выделяются, как округлые камни, как у фарнийского Геракла. Уши у него в синяках и кровоподтеках от многочисленных драк. Вот он угрюмо сидит, охраняя источник, а когда к нему подходит Полидевк и с придворным изяществом просит гостеприимства, вызывает его на бой. Боксерские стринги уже наготове, и не мягкие, а жесткие (στερεοῖς). "Затем, - говорит поэт, - они сделали свои руки крепкими с помощью шнуров из воловьей кожи и намотали длинные стринги на свои руки". Здесь мы видим σφαῖραι, изображенных на кисте Фикорони в картине этой самой битвы. Завязалась острая борьба за позицию - кому достанутся солнечные лучи, и более активный Полидевк, естественно, перехитрил своего неуклюжего противника. Писатели, пишущие об атлетике, обычно останавливаются на этом инциденте, как на типичном для бокса в Олимпии, и говорят о бликах солнца в глазах, забывая о том, что в полдень, в час, когда, как кажется, происходил бокс, лучи летнего солнца в Олимпии должны быть слишком вертикальными, чтобы иметь большое значение. Амикус, раздосадованный полученным преимуществом, бросился на Полидевка, атакуя обеими руками, но был быстро остановлен ударом в подбородок. Он снова бросился вниз головой, и на какое-то время греки испугались, что он раздавит Полидевка своим весом в узком пространстве; но каждый раз Полидевк останавливал его броски ударами справа и слева по рту и челюстям, пока его глаза не опухли и он едва мог видеть, и наконец сбил его с ног ударом по переносице. Однако ему удалось подняться, и бой начался снова; но его удары были короткими и дикими, безрезультатно падали то на грудь, то на шею, а Полидевк продолжал наносить ему жестокие удары по лицу. Наконец в отчаянии он схватил левую руку Полидевка своей левой и попытался вырубить его размашистым ударом правой, "выбив огромный кулак из правого горба". Это восхитительное описание нокаутирующего удара, но он был слишком медлителен; сам акт захвата руки противника - очевидная незаконность - испортил его попытку. Полидевк отклонил его голову в сторону и ударил правой в висок, "подставив под удар плечо", а затем нанес удар левой в рот, "так что зубы зазвенели". После этого он продолжал наносить ему быстро повторяющиеся удары по лицу, "пока Амикус не упал в обморок на землю и не взмолился о пощаде".

В этом мастерском описании Феокрит демонстрирует глубокое знание бокса. Это поединок между наукой и грубой силой. Амикус имеет преимущество в росте и весе, но у него нет науки, и он безнадежно ошибается. Он бросается в бой вниз головой, наносит дикие удары обеими руками, пренебрегает защитой и, наконец, совершает вопиющее нарушение правил бокса, захватывая руку противника. Полидевк действует в обороне, бережет свои силы, позволяя задире выдохнуться, а сам избегает бросков, уклоняясь, или останавливает их меткими ударами по лицу. Останавливал ли он нападающих только размашистыми ударами или прямыми ударами от плеча? Это описание кажется мне убедительным доказательством того, что даже в третьем веке некоторые греки понимали искусство нанесения прямых ударов. Я не останавливаюсь на доказательстве слов ἐμὲ μπεσεν ὤψῳ хотя признаюсь, что единственное толкование, которое представляется мне внятным, это обычное "он подставлял плечо под удар". Скорее, весь характер поединка подразумевает прямой удар. Полидевк - меньший по росту, и раз за разом он останавливает порывы другого ударами,

которые приходится на подбородок, рот, нос, глаза, лоб, в общем, везде, кроме ушей или боковых частей головы, тех частей, которые должны были пострадать больше всего, согласно аргументам тех, кто утверждает, что греки не били от плеча. Что касается недостатков Амика, то Феокрит прекрасно понимает, что он не был тренированным боксером, и вряд ли справедливо судить по нему о греческом боксере.

Рассказ об этом же бое в *"Аргонавтике"* Аполлония Родия^[729] несколько похож, и хотя в целом он бесконечно уступает, некоторые детали представляют интерес. Гиманты тщательно описаны; они изготовлены самим Амикусом; "грубые и сухие, с жесткими гребнями вокруг них", как перчатки, которые носят боксеры Терм. Амикус начинает бой; Полидевк отступает и уклоняется от его бросков, но в конце концов встает на ноги, и начинается бой, такой быстрый и яростный, что оба мужчины, совершенно обессилев, приостанавливаются и расходятся по взаимному согласию. Через мгновение они снова бросаются друг на друга, и Амикус, поднявшись на цыпочки во весь рост, наносит Полидевку размашистый удар вниз, "как тот, что убивает быка". Полидевк уклоняется в сторону и, прежде чем его противник успевает восстановить равновесие или защиту, делает шаг мимо него и наносит ему размашистый удар над ухом, который не только вырубает его, но и убивает. Развязка поединка - явное подражание Гомеру. Но поэт вводит свою особенность, которой нет места у Гомера, когда описывает, как Амикус поднимается на цыпочки. Эта деталь скопирована Вергилием, который, вероятно, не знал ничего лучшего. Но Аполлоний больше разбирается в атлетике; это действие не боксера, а "того, кто убивает быка". И все же, несмотря на это, современные авторы, опираясь на этих двух поэтов, утверждают, что боксер обычно вставал на цыпочки, чтобы увеличить тяжесть удара! Если мы хотим узнать принципы греческого бокса, то это должно быть сделано не на примере Амика, а на примере Полидевка.

Боксерский поединок между Энтеллом и Даресом в пятой *"Энеиде"* не должен нас долго задерживать. Его характер очевиден с первого же описания цеста. Энтелл бросает на ринг кест героя Эрикаса; они сделаны из семи бычьих шкур, пропитанных железом и свинцом, и все еще испачканы кровью и мозгами, и при виде их Дарес и все зрители трепещут. "Что! - кричит Энтелл, - разве это вас пугает? А если бы вы увидели оружие Геракла?". В конце концов по совету Анхиза от этого убийственного оружия отказываются, но интерес этой сцены заключается в том, что римские представления поэта заставили его переиначить всю историю бокса. В действительности тяжелый цестус медленно развивался из простых кожаных ремней. Но для римлянина убийство и кровопролитие были сутью поединка. И поэтому, поскольку герои прошлого превосходили по телосложению мужчин настоящего, они должны были превосходить их и по кровожадности своих поединков и убийственной жестокости своего оружия. Сам поединок соответствует этому началу.

Оба бойца поднимаются на цыпочки и бьют друг друга изо всех сил. Энтеллус крупнее и долгое время обороняется, держа своего более активного противника на расстоянии. Наконец, устав от такой тактики, он предпринимает серьезное усилие: поднявшись на цыпочки во весь рост, он демонстративно поднимает руку вверх, тем самым давая Даресу полное предупреждение о предстоящем ударе. Тот не замедлил воспользоваться предупреждением: он уклоняется от мощного удара, и Энтеллус, не в силах восстановить равновесие, падает на землю. Раздосадованный своим падением, он поднимается и гоняется за Даресом по всему рингу, пока Эней из милосердия не прекращает поединок. Убедившись, что отомстил Даресу, он выплескивает свою ярость и демонстрирует свою силу, убивая одним ударом быка, который был его призом. Какой контраст с финалом в *"Илиаде"*, когда великодушный Эпей подхватывает упавшего противника и бережно ставит его на ноги! Какой контраст даже с поединком в *"Феокрите"*! Там наука противостоит силе, и

наука заслуженно побеждает. Здесь же оба бойца так же лишены науки, как сам Вергилий лишен всякого знания бокса; если кто из них и может претендовать на мастерство, так это поверженный Дарес. Энтелл же обязан своей победой просто грубой силе. Еще более абсурдный результат имеет место у Статия; более легкий и искусный боксер объявляется победителем, но от ярости и мести побежденного противника его спасает только вмешательство Адраста, который их разнимает. Но жестокости и нелепости, из которых сотканы эти поздние бои, не нуждаются в обсуждении.

О законах, регулирующих греческий бокс, известно немного. Соревнования проводились так же, как и состязания по борьбе, по турнирной системе, и получить пропуск, должно быть, было очень большим преимуществом. Из Плутарха мы узнаем, что борьба или клинч не допускались.^[730] Из ваз следует, что не существовало правила, запрещающего наносить удары по упавшему человеку. Успешный боксер часто изображается готовящимся ударить упавшего противника, который в сложившихся обстоятельствах, естественно, сразу сдается.^[731] С другой стороны, у Феокрита и Вергилия упавшему боксеру обязательно удастся подняться, либо благодаря собственной ловкости, либо благодаря терпению его противника. Из истории о Креугасе и Дамоксене^[732] также следует, что, когда бой долго продолжался безрезультатно, бойцы иногда договаривались обмениваться свободными ударами без защиты. Подобная практика в борьбе называлась κλῖμαξ. На основании этой истории утверждается, что случаи нанесения смертельных травм противнику сурово наказывались, но доказательств недостаточно, чтобы обосновать общее утверждение. В случаях, приведенных в поддержку такого закона, преступление, по-видимому, заключалось в каком-то незаконном и намеренном акте насилия.^[733] Несчастные случаи со смертельным исходом, безусловно, происходили время от времени; но нет никаких доказательств того, что они вообще были частыми, и, похоже, они не наказывались. Неясно, за какой проступок Дамоксен был опозорен и лишен победы. Павсаний, кажется, намекает, что, поскольку он ударил Креугаса с вытянутыми пальцами, он нанес несколько ударов одновременно. Запрещалось ли наносить удары открытой рукой? Безусловно, это разумный запрет. А может быть, запрещалось наносить удары в живот? У нас нет доказательств для принятия решения.

Рис. 149. Мраморная голова боксера с накладными ушами.

Рис. 150. Б.-ф. гидрия, в Британском музее, В. 326.

Нам не известно, как греки обучали боксу; возможно, так же, как и борьбе, с помощью своего рода тренировок. Мальчики в палестре защищали свои уши и головы ушными накладками (ἄμφωτίδες или ἑπωτίδες)^[734] или шапочками. Первые изображены на мраморной голове, ранее принадлежавшей Фабретти (рис. 149).^[735] Они очень похожи на шапки-ушанки, которые носят современные футболисты, и, вероятно, были сделаны из мягкой кожи. На вазах часто изображена плотно прилегающая шапочка (рис. 17). Такая защита использовалась и в борьбе, и в боксе, но, похоже, только для тренировок и мальчиками, никогда на публичных соревнованиях. Боксеры поддерживали себя в тренировке легкими спаррингами с открытыми руками, которые поэтому были известны как ἀκροχείρισμός.^[736] Пример такого спарринга можно увидеть на ранней чернофигурной гидрии в Британском музее (рис. 150) или на килике на рис. 151. В отсутствие противника они практиковали "бой с тенью" (σκιαρχία),^[737] так же, как современный спортсмен тренируется перед зазеркальем. Статуя знаменитого Глаука изображала его "сражающимся с тенью" из-за его мастерства в использовании рук.^[738] Эта форма тренировки была также известна как χειρνομία, или тренировка рук. Иногда использовался κώρυκος или шар для ударов (рис. 179).^[739] Упражнение, которое часто рекомендовалось для боксеров, - копание, и кирка (σκαπάνη) поэтому считалась значком боксера.^[740]

ГЛАВА XX ПАНКРАТИОН^[741]

Сочетание бокса и борьбы, известное как панкратион, стало развитием первобытной грубой борьбы. Завалить противника и с помощью ударов руками, ногами, укусов и пинков привести его к покорности - естественный инстинкт дикаря или ребенка. Но эта грубость и драка были слишком недисциплинированными для атлетических соревнований. Соревнования требуют закона, а в развитии права простое предшествует более сложному. Поэтому вполне естественно, что отдельные виды борьбы, такие как бокс и рестлинг, должны быть сначала систематизированы и пригодны для соревнований, прежде чем будут предприняты попытки свести к закону более сложные виды борьбы, частью которых они оба являются. Борьба и бокс были известны Гомеру, но не панкратион, и греческая традиция, следуя естественному порядку развития, отнесла введение борьбы в Олимпии к 18-й, бокса - к 23-й, а панкратиона - к 33-й Олимпиаде. В панкратионе, как и в боксе, поединок продолжался до тех пор, пока одна или другая сторона не поднимала руку в знак поражения. В Спарте, где по этой причине законы Ликурга запрещали гражданам соревноваться в этих состязаниях, первобытная грубость и драка, не ограниченные законом и не очищенные наукой, разрешались и поощрялись как испытание выносливости и подготовка к войне. Панкратион на больших праздниках был чем-то совершенно иным; он регулировался законом игр (νόμος ἐναγώνιος) и был, во всяком случае, в лучшие времена, состязанием не столько мастерства, сколько силы.

Рис. 151. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 78.

Современные авторы в священном ужасе смотрят на жестокость панкратиона и удивляются, что такая утонченная раса, как греки, могла терпеть столь жестокий вид спорта. Несомненно, панкратион мог вырождаться в жестокость, и, возможно, иногда так и происходило. Так же как и футбол, бокс, борьба, если они не контролируются правилами и если эти правила не соблюдаются. Но панкратион контролировался правилами, и эти правила соблюдались в борцовской школе и на играх тренерами и официальными лицами под контролем общественности, а также применялись с помощью прута на практике, чему вполне может позавидовать современный судья или арбитр, и прут, конечно, не был пощажен. Кроме того, правила соблюдались общественным мнением и традициями, которые в лучшие времена, безусловно, ставили мастерство и грацию намного выше грубой силы во всех видах атлетики. Ни одно из направлений атлетики не было так популярно, как панкратион. Филострат описывает его как самое справедливое из всех состязаний.^[742] Мифология приписывает его изобретение Гераклу и Тесею,^[743] типичным представителям науки в противовес грубой силе. Что представлял собой панкратион в V веке, мы можем узнать у Пиндара. Не менее восьми его од посвящены панкратиастам, и на их примере можно проиллюстрировать каждую черту атлетического идеала поэта. Конечно, в них присутствовал элемент опасности, но опасность не делает спорт жестоким. Иногда случались серьезные травмы, даже гибель людей, но такие несчастные случаи были редки, возможно, реже, чем в футболе или на охоте, и греки, безусловно, считали панкратион менее опасным видом спорта, чем бокс.^[744] Наконец,

пример джиу-джитсу доказывает, что такие соревнования могут проводиться без всякой жестокости, как состязания чистого мастерства.

Наиболее полный рассказ о панкратионе содержится в описании Филострата смерти Аррихиона, знаменитого панкратиаста VI века, который умер в тот самый момент, когда его противник признал себя побежденным.^[745] Описав сцену и волнение зрителей, Филострат добавляет характерный рассказ о панкратионе. "Панкратиасты, - говорит он, - практикуют опасный стиль борьбы (κεκινδυνευμένη τῇ πάλῃ). Они должны использовать падения назад (ὑπτιασμῶν), которые небезопасны для борца, и захваты, в которых победа должна быть достигнута путем падения (οἷον πίπτοντα). Они должны владеть различными способами удушения (ἄνχειν); они также должны бороться с лодыжкой противника (σφυρῶ προσπαλαίουσι) и выкручивать ему руку (στρεβλοῦσι), кроме того, бить и прыгать на него, ибо все эти приемы относятся к панкратиону, исключая только укусы и тычки (ὀρύττειν). Спартанцы допускают даже эти приемы, но элейцы и законы игр исключают их, хотя и одобряют удушение".

Трудно дать более краткое описание. Используются борьба, удары и пинки; стиль борьбы опасен; победа обычно достигается удушением; запрещены только укусы и удары. Запрет на удары и укусы, очевидно, является цитатой из реальных правил Олимпии. Его дважды цитирует Аристофан.^[746] Кусание не нуждается в комментариях. Значение слова, переведенного как "тыкать", ясно из Аристофана. Оно означает вбивание руки или пальцев в глаза, рот и другие нежные части тела. Яркая иллюстрация "выдалбливания" встречается на килике из Британского музея (рис. 151). Один из панкратиастов вставил большой палец и палец в глаз своего противника, чтобы выколоть его, а чиновник спешит с поднятым жезлом, чтобы вмешаться и наказать за такую нечестную игру. Несколько похожая сцена изображена на килике в Балтиморе (рис. 152), где панкратиаст вставляет большой палец в рот противнику, которого он опрокинул на голову.

Рис. 152. Р.-ф. киликс. Балтимор.

Рис. 153. Р.-ф. киликс. Берлин.

Панкратион, естественно, делится на две части: панкратион стоя (τὸ ἄνω παγκράτιον) и борьба на земле (τὸ κάτω παγκράτιον). В первом случае противники старались сильно повалить друг друга на землю, проводя борьбу, удары ногами или руками. Было много предварительных спаррингов, которые уместно назвать ἀκροχειρίσις.^[747] Руки не были защищены стрингами или другим покрытием, и, как это естественно в сочетании борьбы и бокса, использовалась как открытая рука, так и кулак. И то, и другое представлено на фрагменте киликса в Берлине (рис. 153). У упавшего юноши из носа течет кровь, а на спине остался отпечаток пальцев его противника. В то же время его кулак сжат в готовности нанести удар. Относительная важность борьбы и бокса в панкратионе во многом зависела от человека. Человек с большим размахом, естественно, предпочитал использовать свое преимущество в ударах; невысокий, худощавый боксер обычно зависел для победы от своей борьбы.^[748] Борьба обычно решалась на земле. Обычно утверждается, что если один или другой противник падал, удары больше не допускались. Это чисто современное представление убедительно опровергается такими вазами, как только что процитированная. Ни в боксе, ни в панкратионе не запрещалось наносить удары по упавшему человеку. Как правило, когда оба бойца падали, удары были бесполезны, и поединок обычно решался борьбой, особенно выкручиванием конечностей, или удушением. Если же один из соперников был сбит с ног сильным ударом, он обычно оказывался на милости у своего оппонента, и тот обычно поднимал руку в знак поражения, или же представлялся официальным лицом, вмешивающимся, чтобы остановить поединок.

Эпитет "опасный", которым Филострат характеризует борьбу панкратиона, подходит к таким броскам, как "летающая кобыла" и различные захваты ног и ступней, которые, хотя и были слишком рискованными для самого борца, свободно применялись в панкратионе, где недостаточно было только бросить противника, но он должен был быть сильно брошен. Использование летящей кобылы проиллюстрировано на балтиморском килике (рис. 152), где борец левой рукой продолжает колотить своего упавшего противника. Сильно изуродованная группа на килике, изображенном на рис. 54, представляет собой бросок с захватом ноги. Борец, стоящий на одном колене, захватил своего противника между ног и поднимает его, наклоняясь вперед, как бы бросая его на землю. Эту сцену описывает Анахарсис в "Лукиане".^[749] "Смотри, - кричит он, - этот парень подхватил другого за ноги, бросил его на землю и, упав на него, не дает ему подняться, а валит его в грязь, и наконец, обхватив ногами его живот, подставив руку под горло, душит беднягу".

Рис. 154. Панафинейская амфора. VI век. (*Мон. д. I. I. xxii.*)

Рис. 155. Панафинейская амфора. VI век. (*Мон. д. I. I. xxii.*)

Излюбленным приемом панкратиаста было поймать противника за ногу и, подняв ее вверх, опрокинуть назад. Антей часто изображается хватающим таким образом за ногу Геракла, но безуспешно.^[750] Этот маневр прекрасно показан на двух панафинейских вазах (рис. 154, 155) и на монетах Аспенда (рис. 109). На гемме из Британского музея (рис. 162) несколько похожий прием используется для защиты борцом, у которого голова находится в канцелярии.

Иногда борец, бросив своего противника, поднимал его за ноги, а тот, чтобы спастись от сильного падения, балансировал на руках и голове. Филострат, говоря о невысоких, расторопных атлетах, которых он называет οἱ ἐν μικρῷ μεγάλοι^[751] - тип "карманного Геракла" - говорит: "Они быстры и активны, и способны вырваться из самых безнадежных захватов, стоя на голове, как на пьедестале". Этот маневр, вполне привычный для современной борьбы, не представлен в греческом искусстве, но встречается на настенных росписях Бени-Хасана.

Борец, которого бросали на спину, оказывался побежденным. Но панкратиаст мог намеренно броситься на спину, чтобы сильнее повалить противника или поставить его в худшее положение. Подобный прием, называемый τὸ ἀπὸ πτερνίζειν, был изобретен, согласно Филострату,^[752] киликийским панкратиастом, прозванным за малый рост Халтером или Гантелью. Отправляясь на состязания в Дельфы, он остановился у святилища героя Протесилая, чтобы спросить его, как ему победить своих противников. Герой ответил: "Быть растоптанным" (πατοῦμενος). Сначала его смутил этот двусмысленный ответ, но, немного подумав, он понял, что совет героя означал "не отпускать ногу противника, ибо тот, кто борется ногой противника, должен постоянно топтаться и быть под ним". Так он придумал "прием пятки", с помощью которого он остался непобежденным и завоевал большую славу. Вероятно, это тот же метод, что и описанный в уже цитированном отрывке Филострата "борьба с лодыжкой". Такой прием обеспечивает тяжелое падение; но особенность метода "Гантеля" заключалась в том, что вместо того, чтобы освободить ногу после броска противника, он сохранял захват и, скручивая или сгибая ногу, заставлял его уступить. Такое использование захвата лодыжки хорошо известно в японской борьбе. Аррихион, как нам рассказывают, заставил своего противника сдаться, выкрутив его ногу из впадины.

Еще один прием, при котором бросающий сам себя бросает на спину, - это "бросок на живот". Борец захватывает противника за плечи или руки и бросается назад, одновременно упираясь ногой в живот противника и таким образом сильно перебрасывая его через голову, в то время как сам он падает легко. Этот излюбленный прием японцев изображен на гробницах Бени-Хасана. Он точно описан Дионом Кассием в его рассказе о поединке между римлянами и иазигами:^[753] "Всякий раз, когда кто-нибудь из них падал назад, он тащил своего противника за собой и ногами отбрасывал его назад, как в борьбе". Пиндар в третьей Истмийской оде говорит о тактике такого рода, когда говорит о Мелиссе: "В ремесле он подобен лисице, которая расставляет ноги и препятствует взлету орла". Единственное известное мне изображение такого броска - на чернофигурной гидрии в Мюнхене (рис. 156), где Антей лежит на спине, правой рукой ухватившись за левую ногу Геракла, а левой ногой ударяя его в живот. Как обычно, Антей не выполнил бросок, и Геракл вернул себе преимущество.

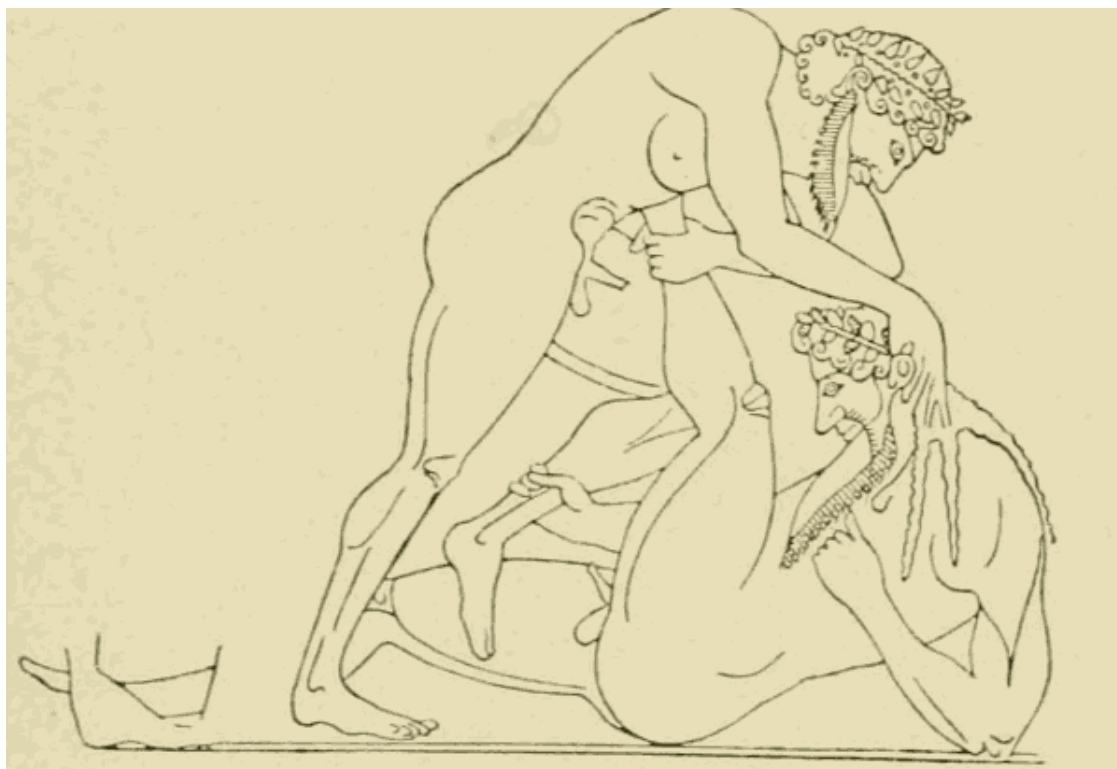

Рис. 156. Б.-ф. гидрия. Мюнхен, 114.

Броски, описанные в последних двух абзацах, в достаточной степени иллюстрируют те "небезопасные для борца падения назад и захваты, в которых победа должна быть достигнута падением", которые делали борьбу панкратион особенно опасной.

Рис. 157. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 604. IV век. Подпись художника "Киттос".

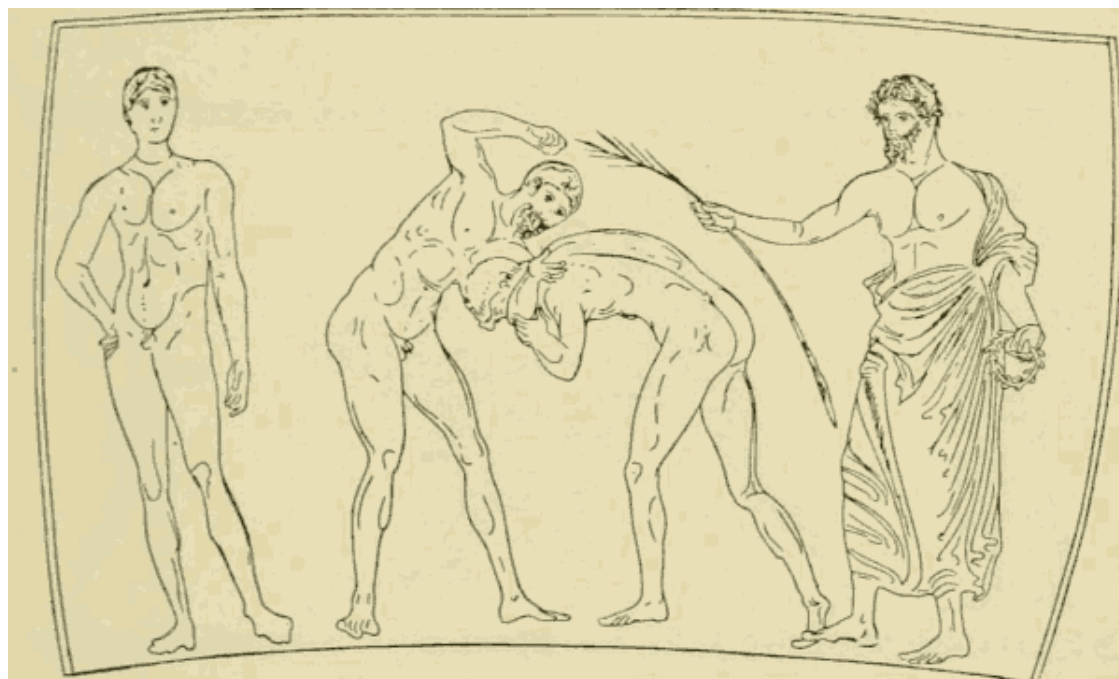

Рис. 158. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 610. Архонтство Никета, 332 г. до н.э.

Борьба и бокс вместе взятые изображены в весьма условной манере на двух панафинейских вазах в Британском музее (рис. 157, 158), представляющих соответственно состязания юношей и мужчин. На В 604 панкратиаст бросился вниз головой, позволяя противнику поймать его голову на сгибе руки. Не совсем понятно, что тот намерен делать - завершить захват шеи или ударить его. В В 610 сомнений нет: боец левой рукой поднимает кулак, чтобы ударить соперника по голове, которую он все еще держит в сгибе руки. Почему он позволяет голове оставаться в таком положении без необходимости, не совсем понятно. Возможно, он действительно держал голову в канцелярии и, не в силах разорвать захват, укусил другого за руку. Любимая греческая история, рассказанная Плутархом об Алкивиаде, а в другом месте - о спартанском борце, иллюстрирует это предположение.^[754] Будучи сильно зажат и готов к броску, он укусил своего противника за руку. Отпустив его, тот воскликнул: "Ты кусаешься, Алкивиад, как женщина". "Нет, - ответил он, - как лев". Кусаться, как мы знаем, было строго запрещено, и некоторое подтверждение объяснения вазы можно найти в поведении чиновника справа, который, кажется, награждает пальмой другого панкратиаста. Другие примеры укусов в панкратионе, как стоя, так и на земле, вы найдете на наших иллюстрациях.

Удары ногами также были отличительной чертой панкратиона. В "Феокрите"^[755] Полидевк, вызванный на бой Амиком, спрашивает, будет ли это боксерский поединок или разрешены и удары ногами; а Гален,^[756] в своей сценке об Олимпийских играх, присуждает приз за панкратион ослу, как лучшему из всех животных в ударах ногами. Сочетание ударов ногами и бокса представлено на двух панафинейских вазах на рис. 154, 155. По крайней мере, мне кажется вероятным, что панкратиаст слева поймал ногу своего противника в воздухе, когда тот пытался ударить его ногой в живот. Удар ногой в живот (γαστρίζειν)^[757], по-видимому, был излюбленным приемом в панкратионе, как и во французском *savate*. Он изображен в одной из групп на тускуланской мозаике (рис. 22), а также на рельефе в Лувре. На другой панафинейской вазе (рис. 159) один панкратиаст изображен в момент захвата ноги другого, когда тот поднимает ее в атаку. Действия последнего скорее напоминают прыжок на

противника (ἐνάλλεσθαι), чем удар ногой. Лучшая иллюстрация этого термина представлена на рис. 153, где один панкратиаст прыгает на своего упавшего противника.

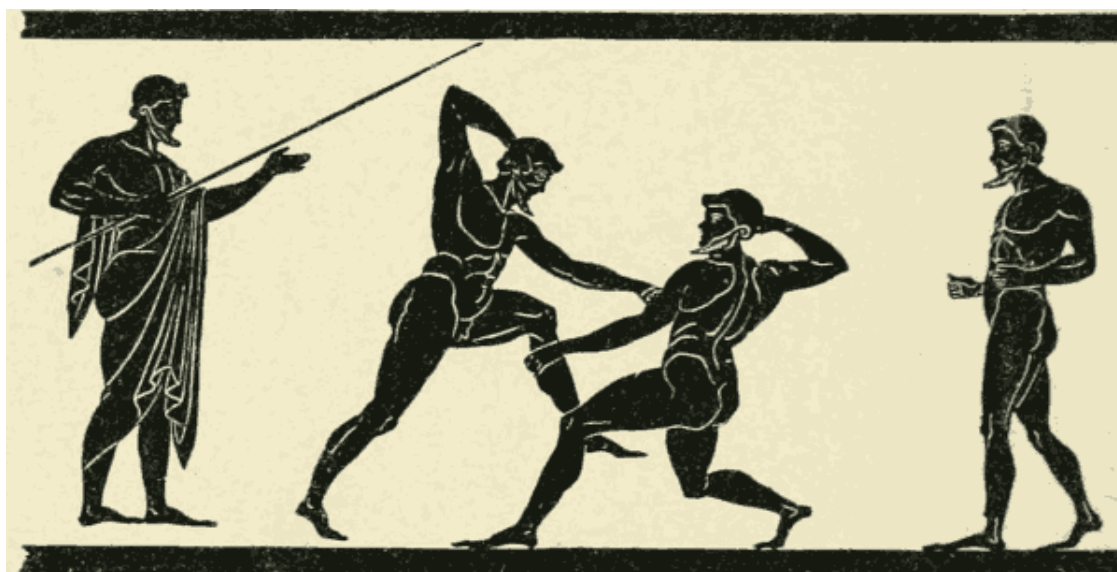

Рис. 159. Панафинейская амфора. Ламбергский колл.

Скручивание руки или пальцев противника (στρεβλοῦν) и его удушение (ἄρχειν) - приемы, относящиеся в основном к поздней стадии поединка, когда оба противника лежат на земле, но возможности для них возникали и в стоячей борьбе. Скручивание руки уже было проиллюстрировано в нашей главе о борьбе (рис. 129-131). Аналогичным образом в группе Уффици (рис. 163) верхний борец скручивает руку своего противника через спину, и тот же мотив встречается в одной из групп на фризе памятника Лисикрату. Павсаний рассказывает о некоем Сострате, панкратиасте из Сикиона, который, подобно Леонтиску в борьбе, заставлял своих противников сдаваться, выкручивая и ломая им пальцы.^[758] На первый взгляд мы склонны осудить такую практику как жестокую и неспортивную, но принцип выкручивания конечности противника, чтобы вывести его из строя, был доведен до науки в японской борьбе. То же самое можно сказать и об "удушении" - способе завершения поединка, который очень одобряли элеаты. Почти любой захват шеи может быть использован для удушения соперника. Уже упоминался знакомый прием, известный как "захват головы в канцелярию", изображенный на геммах на рис. 162. Наиболее эффективным и излюбленным способом удушения противника является прием, известный как κλῑακίσμός,^[759] который заключается в том, что противник ложится на спину, обхватывает ногами живот, а руками шею. Климакисмос может применяться как в панкратионе стоя, так и на земле. На тускуланской мозаике изображены оба типа (рис. 22), и в литературе встречаются упоминания об обоих типах. Это излюбленный прием Геракла в его состязаниях с Тритоном и Ахелой (рис. 160), и лучше всего он известен ученым по рассказу о последнем состязании в хоре *"Трахинян"*, 407-530 гг. В стоячем панкратионе для выполнения климакисмоса необходимо было оказаться за спиной противника, заставив его повернуться или спружинив вокруг него. Это можно проиллюстрировать юмористической картиной, которую рисует Анахарсис: греки выходят навстречу противнику, как боксеры со сжатыми кулаками.^[760] "И противник, - говорит он, - естественно, трусит перед тобой и обращается в бегство из страха, чтобы ты, пока он стоит с зияющим ртом, не наполнил его песком или, прыгнув вокруг, не залез на его спину, не обвил ногами его живот и не задушил его до

смерти, просунув руку под его шлем". Подобное описание климакисмоса на земле уже приводилось.

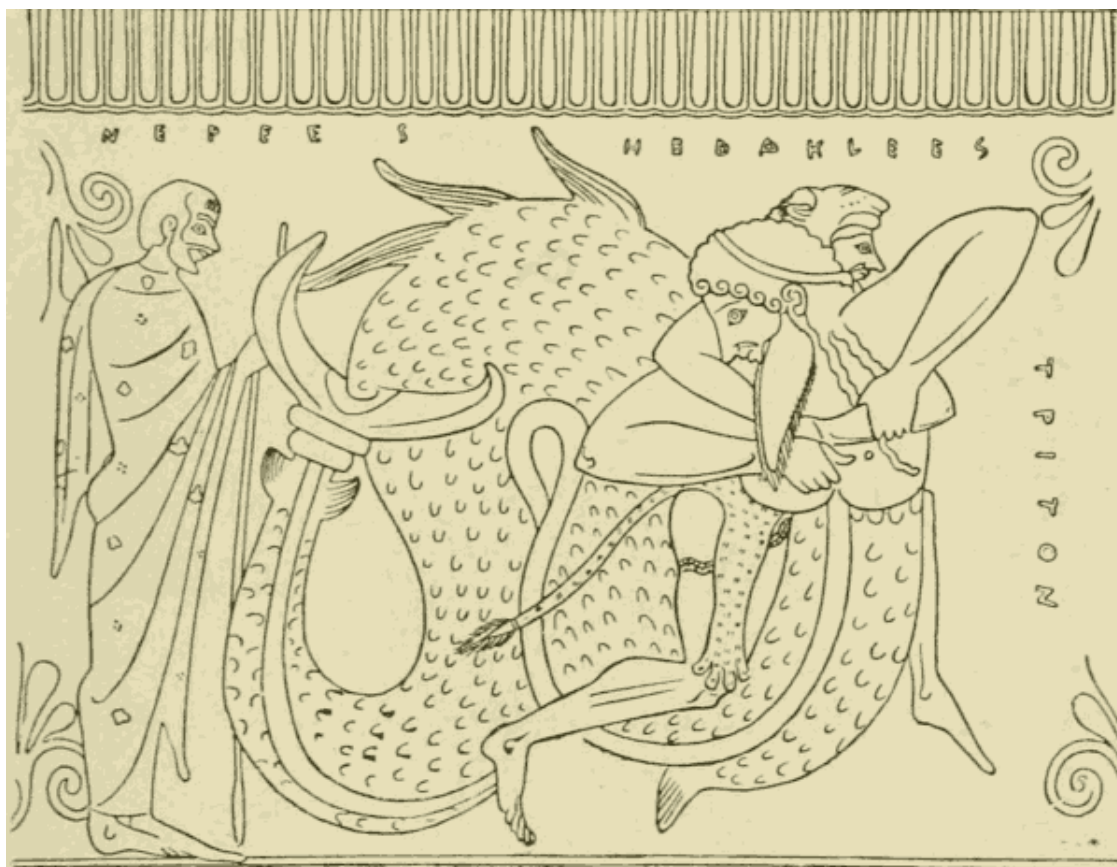

Рис. 160. Геракл и Тритон. Б.-ф. амфора, в Британском музее, В. 223.

Рис. 162. Греко-римские геммы в Британском музее.

Борьба на земле, должно быть, была наиболее характерной и, несомненно, наиболее решающей частью панкратиона. Она была, вероятно, такой же сложной, если не такой длинной, как и в наши дни: бойцы то растягивались во весь рост, то вставали на колени,^[761] то

оказывались друг на друге. Именно против этой части панкратиона возражал Платон, который исключил его из своего идеального государства как бесполезный для военной подготовки, поскольку он не учит мужчин держаться на ногах.^[762] Возможно, во времена Платона панкратиаст, как и современный греко-римский боец, был склонен пренебрегать предварительным поединком и сразу же спускаться на землю. Подобное охаивание, если оно существовало, было признаком упадка этих антагонистических видов спорта, который, как мы видели, наступил еще до времени Платона; оно было неизвестно Пиндару, который специально подчеркивает важность бокса в панкратионе.^[763] Наземная борьба редко изображается на вазах, за исключением состязания Геракла и Антея (рис. 161); но группы коленопреклоненного типа часто встречаются на поздних геммах, особенно подходящих для продолговатых или овальных помещений. Примеры, приведенные на рис. 162 с гемм, хранящихся в Британском музее, объясняют сами себя.

Рис. 161. Геракл и Антей. Р.-ф. киликс. Афины.

Рис. 163. Группа панкратиастов. Дворец Уффици, Флоренция. (С фотографии Броги.)

Самым важным и интересным из всех памятников, связанных с панкратионом, является группа борцов в галерее Уффици во Флоренции (рис. 163). К сожалению, она значительно отреставрирована, но, несмотря на недавнюю критику, кажется, нет оснований сомневаться в общей правильности реставрации.^[764] Борец, находящийся внизу, опирается на левую руку, и непосредственная задача его противника - сломать эту опору. Это может быть достигнуто ударом. Поскольку правая рука нижнего борца зафиксирована, он может защищать голову только левой. Ситуацию можно проиллюстрировать описанием в "Гелиодоре" поединка между Теагеном и эфиопским чемпионом.^[765] Теаген заставляет последнего встать на колени, обхватывает его ногами, а затем отбивает его запястья, которыми тот удерживает свою грудь от земли. Разрушив эту опору, он валит его на живот на землю. Пока борец стоит на руках и коленях, его положение далеко не безнадежно, и он может быстрым и энергичным движением часто опрокинуть противника и переломить ситуацию. Именно такой момент выбрал скульптор: победа еще не решена, самый верхний борец стремится убедиться в своей победе, а другой с нетерпением ждет, чтобы воспользоваться любой неосторожностью своего противника. Насколько фатальной может быть такая неосторожность, мы узнаем из истории Аррихиона.^[766] Аррихион был задушен своим противником, который лежал сверху, обхватив его руками и ногами; но даже когда он истекал кровью, он воспользовался мгновенным ослаблением захвата, чтобы освободить правую ногу, и, перекатившись так, чтобы завалить противника на левый бок, схватил его правую

ногу и выкрутил ее из гнезда с такой силой, что заставил его сдаться, и так, даже на последнем дыхании, он одержал победу.

Существует множество технических терминов борьбы и панкратиона, известных нам только от схолиастов и лексикографов. Они имеют весьма сомнительное толкование и не имеют практического значения, поэтому нет необходимости обсуждать их здесь.^[767]

ГЛАВА XXI ГИППОДРОМ

Скачки на колесницах и лошадях были настолько важной частью большинства греческих праздников, что, хотя мы не можем строго назвать их атлетикой, краткий рассказ об ипподроме и событиях, которые там происходили, не будет лишним.

Ипподромы, должно быть, были в изобилии во всех частях Греции, где были условия для верховой езды. В надписи пятого века спартанца Дамонона^[768] перечислены шестьдесят восемь побед, одержанных им самим и его сыном в гонках на колесницах и на лошадях не менее чем на восьми различных праздниках, все из которых проходили в Лаконии или в непосредственной близости от нее. Равнины Аргоса, Афин, Эвбеи и Фессалии славились своими породами лошадей, а страстная преданность сицилийских и италийских греков скачкам доказывается постоянным появлением колесницы или скаковой лошади на монетах различных городов с начала V века и далее.^[769]

Однако от всех ипподромов, которые, должно быть, существовали, не осталось и следа, и мы вынуждены опираться на разрозненные упоминания Павсания и других писателей. Дело в том, что греческий ипподром, как правило, был очень простым делом, едва ли более сложным, чем трасса, выбранная на равнинах Трои для погребальных игр Патрокла, или трасса местных скачек в наши дни. Все, что было необходимо, - это достаточно ровная открытая равнина, по возможности в долине или у подножия какого-нибудь холма, склоны которого служили естественной трибуной для зрителей.

На обоих концах дорожки возводился столб, обозначавший место поворота колесниц и лошадей. На монетах и вазах эти столбы обычно изображаются в виде ионических или дорических колонн; иногда, судя по всему, использовались подвижные столбы^[770], возможно, для безопасности, как столбы, используемые на современных соревнованиях по вождению. Иногда мы видим столб, опрокинутый колесницей.^[771] Но обычно столбы были неподвижными, и тогда страдала колесница. Нет ни малейшего свидетельства существования на греческом ипподроме низкой стены (spina), которая проходила по середине дорожки между колоннами в римском цирке, хотя эта стена регулярно появляется на причудливых планах ипподрома, украшающих наши справочники. Здесь не было каменных сидений и, как правило, вообще никаких постоянных сооружений.^[772] Учитывая особенности грунта, необходимые приготовления для старта или поворота можно было легко сделать за несколько дней, когда бы это ни потребовалось. В промежутках между одним праздником и другим землю можно было сдавать под пастбища, как это было на Делосе.

Единственный ипподром, от которого сохранились какие-либо остатки, и почти единственный, который можно найти, - это упомянутый Павсанием на горе Ликей в

Аркадии.^[773] Его длина составляет 240 метров, а ширина - 105. Возможно, на самом деле длина поля составляла ровно стад. Вероятно, обычная дистанция была длиной в два стадиона, и из-за этого обстоятельства пешие скачки на четыре стадиона стали называться "конными" (hippios).^[774]

Ипподром в Олимпии был больше и сложнее, чем обычный ипподром. К сожалению, наводнения на Алфее и другие катастрофы уничтожили все следы его остатков, и нам приходится довольствоваться тем, что мы узнаем от Павсания и других писателей.^[775]

Ипподром располагался между стадионом и рекой. С северной стороны его ограничивала южная набережная стадиона, а дальше к востоку - выступающий отрог горы Кроний. С юга длинная насыпь защищала его от разливов Алфея. Западный конец был образован портиком Агнапта, но мы не знаем, простирался ли этот портик вдоль всего конца. Предположительно, здесь находился официальный вход; еще один вход был на юго-восточном конце хода через насыпь.

Размеры ипподрома приведены в рукописи, обнаруженной в старом серале в Константинополе.^[776] Окружность поля составляла 8 стадий (1538-16 м.), или почти милю. Ширина составляла 1 стад 4 плетра (320-45 м.), а длина сторон - 3 стада 1 плетр (608-85 м.). Неясно, как измерялась окружность, но тот факт, что удвоение длинной стороны + короткой дает желаемый результат, позволяет предположить, что учитывалась только половина коротких сторон, и что 1 стад 4 плетра - это внешнее измерение, а 5 плетр - внутреннее. Однако реальный путь, пройденный лошадьми от столба до столба и обратно, составил всего 6 стад (1153-62 м.).

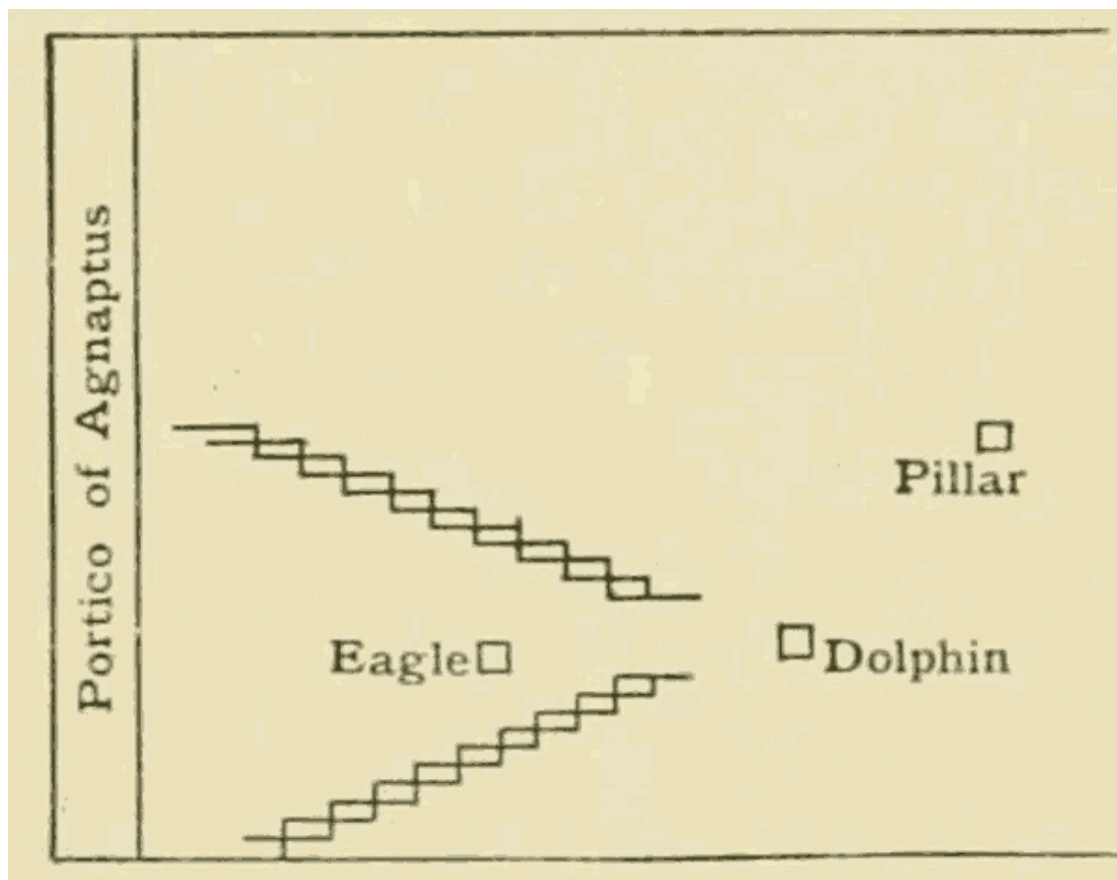

Рис. 164. Апсида в Олимпии. (По Венигеру.)

Сложные стартовые ворота (ἄφῆσις), придуманные Клеотом, вероятно, в V веке, и усовершенствованные позднее Аристидом, были описаны в предыдущей главе (рис. 164). Он

состоял из треугольного сооружения, похожего на нос корабля, вершина которого была направлена вниз по курсу.^[777] Основание соединялось с портиком Агнаптуса. Вдоль двух сторон треугольника, направленного вниз по курсу, располагались попарно несколько стоек по обе стороны. В этих стойках размещались колесницы с веревкой перед каждой. По сигналу веревки перед ближайшей к основанию парой колесниц опускались или убирались; каким образом, мы не знаем. Когда эти колесницы поравнялись со следующей парой, следующая пара веревок была убрана, и так далее, пока все поле не было запущено. Конечно, очевидно, что если не требовалось всего количества стоек, то незанятыми оставались ближайшие к основанию. Длина каждой стороны составляла 400 футов; мы не знаем, сколько там было стоек. В Дельфах Пиндар говорит о сорока участниках гонок на колесницах. Это, несомненно, было исключительное поле, и мы не удивляемся, когда слышим, что из сорока колесниц только колесница Аркесилая достигла цели в целости и сохранности. Тем не менее, размеры апсиды в Олимпии предполагают большие поля,^[778] и если основание треугольника составляло 400 футов, то с каждой стороны было достаточно места для двадцати стоек.

Общее расположение апсид достаточно ясно, но отсутствие всех деталей не позволяет с уверенностью реконструировать ипподром. Учитывая его большую ширину, мы можем с уверенностью отвергнуть старое мнение о том, что основание апсиды простиралось на всю ширину площадки. Мы ни на секунду не можем представить себе пару колесниц у основания, стартующих на расстоянии 300 или даже 150 ярдов друг от друга. Но если внутреннее измерение ширины ипподрома составляло 5 плетров (168 ярдов), то основание апсиды вполне могло простираться более чем на половину этого расстояния, а основание такой ширины хорошо согласуется с длиной сторон. Таким образом, можно предположить, что апсида занимала всю или часть южной половины поля. Позиции, конечно, распределялись по жребию, и, несомненно, колесницы слева имели небольшое преимущество в расстоянии, но это преимущество, кажется, было сильно преувеличено и, возможно, с лихвой компенсировалось более широким размахом, который внешние колесницы могли взять при повороте в более дальнем конце дистанции. Тем не менее, возможно, что, как предполагает Поллак^[779], вершина апекса была повернута немного влево, чтобы уравнивать расстояние для всех. В цирке Максенция, где *карцеры* занимают всю ширину, они по аналогичной причине наклонены вправо. Нет никаких доказательств, что такое расположение было принято в Олимпии, тем более что воображаемая линия, соединяющая два столба, была наклонена, как спина в цирке, так что ближайший к старту столб находился дальше от южной стороны ипподрома, чем от северной, и таким образом было обеспечено больше места в местах наибольшего скопления колесниц. Ширина олимпийской трассы делала такое расположение совершенно излишним.

Этот сложный апекс предотвратил путаницу и задержку, неизбежные при старте большого поля вместе; но трудно понять, как он обеспечил более справедливый старт, чем обычный план старта по прямой линии.^[780] Возможно, как предполагает Мартин, его цель была в основном зрелищной. В любом случае, хотя это было одно из чудес Олимпии, похоже, ему больше нигде не подражали.

Другой примечательной особенностью ипподрома в Олимпии был алтарь под названием Тараксипп - ужас лошадей - который, как предполагалось, внушал лошадям, когда они проходили мимо него, внезапную панику и таким образом вызывал многочисленные несчастные случаи, которыми славились гонки на колесницах. Массу суеверий породил этот алтарь, который считался жилищем какого-то недружелюбного демона. Алтарь, по-видимому, находился недалеко от поворота, где чаще всего происходили несчастные

случаи. Некоторые авторы предполагают, что, когда лошади поворачивали к воротам, они пугались при виде собственных теней, отбрасываемых перед ними утренним солнцем. Если это так, то греческая лошадь, должно быть, была гораздо менее умным животным, чем современная, которая демонстрирует необыкновенную способность быстро привыкать к поездам, велосипедам, моторам - объектам куда более тревожным, чем тень! Правда, нет никакой необходимости в подобной теории, чтобы объяснить многочисленные несчастные случаи, которые происходили на повороте и которые суеверие, естественно, приписывало какому-то духу; поэтому мы можем принять рационалистическое объяснение Павсания, что Тараксипп был просто именем Посейдона Гиппиоса. Он также говорит, что на Перешейке был свой Тараксипп, дух Глаука, сына Сизифа, который был убит своими лошадьми на играх Адраста, а в Немее паника лошадей была вызвана отблеском огня, отраженным от красного камня возле поворота. Но нигде не было такого Тараксиппа, который внушал бы такой ужас, как Тараксипп в Олимпии!

Олимпийский апекс был чем-то исключительным. Обычно лошадей и колесницы запускали точно так же, как и бегунов. Жребий определял места, и они выстраивались в линию.^[781] Похоже, что перед всей линией была натянута веревка (ὑστλήξ), которую сбрасывали или снимали в момент старта. Как эту веревку сбрасывали, не рискуя запутать ноги лошадей, остается загадкой; нет никаких записей о несчастных случаях, произошедших на старте. Сигнал к старту подавался трубой. Конные скачки, в основном диауλος, заканчивались на старте. Единственное место, где мы слышим о прямых скачках, - Афины. Стартовая линия, как и на стадионе, вероятно, была обозначена столбами с обоих концов. Столбы, изображенные на монетах и вазах, могут быть либо этими столбами, либо столбами, вокруг которых поворачивали лошади. На прекрасной панафинейской вазе (рис. 165), недавно обнаруженной в Спарте, есть энергичный рисунок, изображающий колесницу с четырьмя лошадьми, объезжающую столб справа. Поскольку поворот всегда происходил влево, очевидно, что, если художник не ошибся, столб представляет собой финиш.

Рис. 165. Панафинейская амфора, найденная в Спарте. VI век.

Мы видели, что полностью разработанная программа включала в себя шесть соревнований: три для взрослых лошадей (τέλειοι), три для жеребят, для каждого класса - гонки на колесницах с четырьмя лошадьми (ἄρμα, τέθριππον), скачки (κέλης) и гонки на парных колесницах (συνωρίς). Последнее состязание, которое на самом деле было, возможно, самым древним из всех, было возрождено в Олимпии только в Ol. 93 (408 г. до н. э.), но из панафинейских ваз мы узнаем, что оно существовало, как и две другие гонки, в шестом веке; более того, самая ранняя из существующих ваз, Бургонская ваза в Британском музее, была призом за это соревнование. Три вида состязаний для жеребят были введены в Олимпии и Дельфах только в IV веке. В 500 году до н. э. в Олимпии были введены гонки на колесницах с мулами (ἄττήνη), а четыре года спустя - гонки на кобылах (κάλπη), в которых всадник сходил с коня и заканчивал гонку пешком. Оба вида состязаний были отменены в 444 году до н. э., возможно, из-за отсутствия конкуренции. В Афинах мы находим гораздо более продуманную программу, включающую скачки на боевых и процессионных лошадях, скачки апобатов (рис. 34) и скачки с факелами на лошадях.

Колесницы с четырьмя лошадьми проезжали по дистанции двенадцать раз, парные колесницы и колесницы с четверками жеребят - восемь раз, синорисы с жеребятами - три раза. Таковы цифры, приведенные в Константинопольской рукописи, и они согласуются с тем, что мы узнаем из Пиндара и схолий.^[782] Гонка на четырех конных колесницах в Олимпии составляла, таким образом, не менее семидесяти двух стадий, почти девять миль. Длина дистанции, которая на первый взгляд кажется чрезмерной, несомненно, сдерживала темп и тем самым обеспечивала безопасность, однако крайне маловероятно, что в гонках на колесницах когда-либо допускались заезды. Все конные состязания проходили в один и тот же день, и ни одна команда не могла рассчитывать на то, чтобы дважды за день пройти

семьдесят две стадии. Скачки состояли всего из одного круга или шести стадий. Это очевидный вывод из истории, рассказанной Павсанием о коринфской кобыле Ауре, которая, сбросив своего всадника на старте, продолжила свой путь, повернула столб и, услышав звук трубы, рванула и пришла первой, а затем, поняв, что победила, остановилась.^[783] В этой истории, конечно, нет ничего примечательного; более того, я припоминаю, что видел очень похожий случай на ипподроме в Тотнесе, но современные правила скачек не позволяют лошади таким образом избавиться от веса наездника.

Из этой истории мы узнаем, что в какой-то момент, возможно, на повороте последнего круга, прозвучала труба. Возможно, количество кругов отмечалось взрывом трубы. Для информирования гонщиков наверняка использовались какие-то средства. В римском цирке круги обозначались фигурами дельфинов и яиц, установленных на столбах по обе стороны. На каждом круге один из дельфинов поворачивался, а одно из яиц, вероятно, убиралось, но мы не знаем о подобном расположении на ипподроме.

В греческих скачках использовались два разных типа колесниц. Колесница с четырьмя лошадьми была модификацией гомеровской боевой колесницы. Эта боевая колесница представляла собой низкую машину на двух колесах с высоким каркасом спереди и по бокам, в которой бок о бок стояли вождь и водитель. Сзади она была открыта, так что вождь мог легко сойти с нее, чтобы сражаться, и снова сесть, когда сочтет нужным. Гоночная машина была очень похожа, но обычно запрягалась четырьмя лошадьми, а не двумя, имела более легкий каркас и вмещала только возницу. Одно из самых ранних изображений гоночного автомобиля встречается на вазе VIII века в Британском музее.^[784] Художник, вероятно, намеревался изобразить автомобиль с двумя лошадьми, но, сочтя это слишком сложным, довольствовался одной лошадью. Водители стоят и одеты в обычную одежду греческого возницы - длинный белый хитон, подобный тому, что носил дельфийский возница (рис. 18). Тип гоночной машины остается тем же, с небольшими отличиями, на панафинейских вазах с шестого по четвертый век, а также на монетах Македонии и Сицилии. На некоторых более поздних вазах, таких как панафинейская ваза В. 606 в Британском музее, машина кажется заметно легче, а колеса выше, чем на более ранних вазах. У водителя обычно есть кнут или козлы, а поводья он держит левой рукой или обеими руками. Две средние лошади (ζύγοι) были запряжены в ярмо, которое крепилось к столбу и поддерживалось ремнем, прикрепленным к переднему ободу повозки. Две другие лошади были следовыми (σείραφόροι). Детали упряжи и колесницы нас здесь не касаются.

Двуконная колесница (διωνής), изображенная на панафинейских вазах, на самом деле вовсе не колесница, а своего рода повозка, кузов которой уменьшен так, что осталось только сиденье водителя и квадратный открытый каркас по обеим сторонам. Водитель сидит, положив ноги на подножку, подвешенную к столбу. На Бургонской вазе он одет в короткий пурпурный хитон без рукавов и несет в одной руке козлы, в другой - длинный изогнутый стержень, похожий на удочку, к концу которого прикреплены кусочки металла, издающие, как мы полагаем, звенящий звук, подобный колокольчикам.^[785] На двух других панафинейских вазах в Музее, связанных с этой гонкой, погонщики одеты в короткие, плотно облегающие подштанники, которых не видно на нашей иллюстрации (рис. 166).

Рис. 166. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 132. VI век.

Рис. 167. Серебряная тетрадрахма и золотой статер Филиппа II Македонского, в Британском музее (увеличено).

Этот тип синориса, по-видимому, был характерен для Афин, так как на монетах двуконная колесница похожа на четырехконную, а водитель стоит. Такая колесница изображена на золотых монетах Филиппа II Македонского (рис. 167). Филипп одерживал победы в Олимпии, в скачках на лошадях и на четырехконных колесницах. Колесница с двумя лошадьми, следовательно, должна относиться к какой-то другой победе, возможно, на играх в Диуме, или же это просто аллюзия на его имя.

Повозка с мулами (ἄττήνη) мало чем отличается от афинского синориса. Он изображен на монетах Регия и Мессаны. Сицилия славилась своими мулами, и введение этого состязания в Олимпии, вероятно, было связано с сицилийским влиянием. Из четырех победителей, чьи имена нам известны, один был фессалийцем, трое - сицилийцами. Это событие, очевидно, не понравилось элейцам, которые отменили его при первой же возможности, возможно, ссылаясь в качестве оправдания на древнее проклятие, не позволявшее разводить мулов в Элисе.^[786] Монета на нашей иллюстрации (рис. 168) посвящена победе Анаксиласа из Регия

в начале V века. На ней мул-повозка выглядит не более чем сиденье в виде ящика, расположенное над двумя колесами.

Рис. 168. Серебряная тетрадрахма из Регия, хранящаяся в Британском музее (увеличено). Начало пятого века.

Рис. 169. Панафинейская амфора, в Британском музее, В. 133. Шестой век.

На скачках жокеи скакали без стремян и седла. На Панафинейской вазе (рис. 169) в Британском музее они предстают в виде обнаженных юношей с длинными волосами; на вазе Амфиарая (рис. 3) они одеты в короткий хитон, тесно подпоясанный. На краснофигурной вазе-картине в Мюнхене^[787] один из жокеев был сброшен с лошади при совершении поворота, и его тащат за собой, все еще держа за поводья. О победах Филиппа II Македонского уже говорилось. Его победа на скачках в Олимпии отмечена монетой, на одной стороне которой изображен жокей-победитель, держащий в руке ладонь (рис. 167).

Иллюстрация олимпийской κάλπη мне неизвестна, но нечто очень похожее встречается на монетах Тарентума. Дидрахмы Тарентума,^[788] с пятого по конец третьего века до нашей эры, представляют замечательное разнообразие конных типов, которые, как говорит доктор Эванс, "дают художественное выражение страстной любви к дерну, которая была столь отличительной чертой тарентинской общественной жизни". Монета на нашей иллюстрации (рис. 170), относящаяся к началу III века, представляет собой распространенный тип: обнаженный юноша, вооруженный небольшим круглым щитом, спрыгивает с коня. Как было отмечено в предыдущей главе, упражнения апобатов, будь то на колеснице или верхом, действительно являются военными; и этот военный характер отмечен на тарентумских монетах добавлением щита. Другой тип, представленный на монетах Тарентума, - факельная гонка на лошадях. Выбранная монета (рис. 170) немного позже предыдущей, и доктор Эванс приписывает ее гегемонии Пирра.

Рис. 170. Серебряные статеры из Тарентума, хранящиеся в Британском музее (увеличено).

Лошади и кобылы одинаково допускались ко всем скачкам, кроме κάλπη, в которой участвовали только кобылы. Различие между жеребьями и лошадьми было одним из пунктов, решаемых Hellanodicae в предварительной докимасии перед играми. Павсаний приводит случай со спартанцем Лицином, который выставил команду на скачки жеребят, но поскольку одного из них судьи отвергли, он выставил их на открытые гонки колесниц и выиграл их.^[789] Эта история вызывает подозрения, поскольку статуя Лицина была сделана Миронам, а во времена Мирона скачки жеребят еще не были введены.

Женщинам, даже если они не могли лично присутствовать в Олимпии, разрешалось выводить своих лошадей на скачки. Киниска, сестра Агесилая, одержала две победы в гонках на колесницах около 380 года до н. э. Коневодство и скачки становились очень модными среди спартанской знати, и, по словам Плутарха, Агесилай, желая преподать урок своим соотечественникам, уговорил сестру попытать счастья в гонках на колесницах. "Это он сделал, чтобы показать грекам, что победа такого рода зависит не от необыкновенного духа

или способностей, а только от богатства и затрат". Опасаемся, что этот урок не возымел должного эффекта, если судить по почестям, воздаваемым Киниске. Бронзовое изображение ее лошади было посвящено в Герауме, а ее собственная статуя стояла в Альтисе, в то время как в Спарте ей поклонялись в построенном в ее честь геруме. Вскоре после нее победила другая спартанка, Эврилеонис, с колесницей на двух лошадях. Белистиха, любовница Филадельфа, первой победила на двуконной колеснице для жеребят в 264 году до н. э. Олимпийская надпись I века упоминает среди побед Антифана Элидского и его семьи победу его дочери Феодоты на колеснице с четырьмя лошадьми для жеребят. Многочисленные победы женщин зафиксированы в афинских надписях.

Лошади и колесницы иногда вводились не от имени отдельных людей, а от имени государств. В 480 году до н. э. общественный конь аргивян (Ἀργείων δημόσιος) успешно выступил в Олимпии, а через две Олимпиады победила их общественная колесница.^[790] Олимпийская победа не только воздавала честь государству, но и должна была стать отличной рекламой для всех, кто был заинтересован в разведении лошадей.

Водители и жокеи обычно были платными слугами; но иногда мы слышим, что в этом качестве выступал сам владелец или кто-то из его семьи. Дамонон в надписи, упомянутой выше, с гордостью рассказывает о некоторых скачках, где он сам был возницей. Пиндар в первой Истмийской оде поздравляет Геродота из Фив с тем, что он не доверил свою колесницу в руки чужаков. Фрасибул, вероятно, управлял колесницей своего отца во время победы, о которой говорится в шестой пифийской оде. Каррхот, возница Аркесилая Киринейского, был его шурином. Рядом со статуей Тимона в Олимпии стояла статуя его юного сына, Эпита, который оседлал его коня для победы.^[791] Хотя приз достался хозяину, победа в немалой степени была обусловлена мастерством возницы, и последний небезосновательно иногда ассоциировался со своим хозяином в гимне победы или был представлен в памятнике, который отмечал победу.

Ни одно событие не могло сравниться по блеску и азарту с гонками на колесницах с четырьмя лошадьми - спортом царей в греческом мире. Каждый поворот дистанции был чреват опасностью, а их было двадцать три. Каждый читатель знаком с описанием гонки колесниц с ее переменами и катастрофами в *"Электре"* Софокла. Опасность поворота была двоякой: опасность удариться колесом колесницы о столб при попытке повернуть слишком близко, опасность столкновения с другими колесницами. Обе опасности проиллюстрированы на примере *Электры*. Первый несчастный случай произошел на повороте между шестым и седьмым кругом; "Энийские кони с ожесточенными мордами рванули вперед и на повороте врезались в баркасскую машину". Баркайская машина лидировала снаружи; чтобы войти в поворот, она должна была промчаться перед энийской машиной, тем самым заставив последнюю сбавить темп, опасаясь столкновения. К несчастью, энийские лошади рванули с места, и их нельзя было остановить, поэтому они врезались в заднюю часть другой колесницы. Это происшествие вполне объяснимо, если мы поймем, что колесницы не мчались по одной линии, одна за другой, а часто шли бок о бок. Колесница с внутренней стороны, естественно, должна была широко развернуться за столбом; внешняя колесница должна была развернуться первой и попытаться повернуть к столбу с другой стороны.^[792] Одна авария влечет за собой другие. Все колесницы пришли в негодность, кроме колесницы Ореста, который ехал последним, сохраняя себя для финиша, и колесницы афинянина, который ловко отъехал в сторону и сбавил ход, позволив толпе колесниц мчаться на погибель. Орест пустился за ним в погоню, но на последнем повороте оказался слишком быстр. Левый конь был запряжен для поворота; лошади уже обогнули столб, но колесница еще не была на месте, когда Орест дал повод левому коню. Лошади

помчались по прямой, колесо колесницы зацепилось за столб, Орест был выброшен из колесницы, и его потащили за собой лошади, все еще запутавшиеся в поводьях.

Несчастные случаи более легкого характера часто изображаются на монетах и вазах. На краснофигурной гидрии в Вюрцбурге одна из лошадей оборвала след и убегает.^[793] Сломанная поводья, запутавшиеся вокруг передней ноги лошади, - излюбленный мотив на монетах пятого века из Сиракуз с подписью Эуанета.^[794] Он встречается и на одной из монет Катаны, показанной на рис. 171. Другая монета имеет в экзергесе предмет, который, по-видимому, представляет собой сломанное колесо колесницы.

Рис. 171. Серебряные тетрадрахмы Катаны, хранящиеся в Британском музее (в увеличенном виде). Пятый век.

Гонки на колесницах изображены на вазе Франсуа, а также на вазе Амфиарая (рис. 3). Сцена на последней представляет собой особенно прекрасное изображение толчеи и неразберихи во время гонки. На ней изображен финиш. Три треножника установлены для призов, а за ними сидят три судьи.

Рис. 172. Декадрахма из Агригентума, 413-406 гг. до н. э. Декадрахма из Сиракуз, 400-360 гг. до н. э.

Самые лучшие изображения колесницы встречаются на монетах Сицилии (рис. 172). Невозможно остановиться на них подробно, и, как бы ни были они интересны с

художественной точки зрения, они мало что добавляют к нашим знаниям о расе. Достаточно двух примеров: двух декадрахм из Агригентума и Сиракуз соответственно. На первом из них изображена колесница с четырьмя лошадьми, когда водитель запрягает своих лошадей. Водитель, вопреки обычаю, почти обнажен, вероятно, он олицетворяет реку Акрагас. Над ним - летящий орел со змеей в когтях; внизу - эмблема города, краб. Еще более интересна монета Сиракуз, относящаяся к серии медальонов, связанных с поражением афинян у реки Ассинар. В честь этого поражения был устроен праздник Ассинарии, который впервые отмечался в 412 году. Монета на нашей иллюстрации - работа неизвестного художника, которого обычно называют "Новым художником". Колесница изображена в полный рост, а над ней парит фигура Победы, держащей корону. Самой интересной особенностью монеты является группа предметов в экзергесе. Это щит и шлем с обеих сторон, а в центре - кираса с парой поножей. Все это составляет экипировку тяжеловооруженного воина. Над щитом слева написано слово ἄθλα, призы, и можно не сомневаться, что это оружие - трофеи, взятые у афинских гоплитов, которые предлагались в качестве призов на Ассинарских играх.

Гонки на колесницах были дорогостоящим развлечением, и в столетие до нашей эры они исчезли из программы Олимпиады, несомненно, из-за отсутствия участников. При Империи их спазматически восстанавливали, но в Греции они так и не вернули себе прежнего положения. Скачки на ипподроме уступили место скачкам соперничающих группировок в римском цирке. Рассказ о цирке и его играх относится не к греческой, а к римской истории.

ГЛАВА XXII ГИМНАСИЙ И ПАЛЕСТРА

В гомеровские времена гимнасий и палестр не существовало. Широкие беговые дорожки в Итаке,^[795] которые иногда приводятся в качестве прототипа греческих гимнасий, были не беговыми дорожками, а перегонами для скота. Необходимость в специальных местах для занятий спортом впервые возникла с ростом городской жизни. Сначала это были не более чем открытые пространства в роще или на равнине, где земля была расчищена для бега или борьбы. Таковы были "бега и борцовские кольца", которые Клисфен из Сикиона приготовил для женихов своей дочери.^[796] Место, где упражнялись спартанские юноши, сохранило свое древнее название "дромос", или бег, даже во времена Павсания. Бега превратились в гимнасий, а борцовский круг - в палестру.

Слово "гимназия" означает, собственно, атлетическое упражнение. По естественному переходу оно стало использоваться сначала во множественном, а затем в единственном числе для обозначения места, отведенного для таких занятий. Это общий термин. Гимназия - это просто спортивная площадка, или игровое поле, где проводятся всевозможные спортивные состязания. В нем есть "беговые дорожки и борцовские кольца". Он может служить школой верховой езды. Еврипид говорит о "гимназиях, звучащих топотом лошадей". В нем могут быть здания для удобства тех, кто им пользуется, но основная часть гимназии - это беговая площадка. С другой стороны, палестра - это специальный термин для обозначения школы борьбы. В своей простейшей форме это квадратный корпус, содержащий некоторые условия для раздевания и мытья. По сути, это здание. Палестра может существовать без гимназии, но ни одна гимназия не может существовать без палеры.

Более того, в гимназии необходимые здания естественным образом сосредоточены вокруг палестры. Таким образом, палестра в архитектурном плане является наиболее важной частью гимнасия, и на практике эти два термина часто используются как синонимы. Однако первоначальное различие никогда не стирается полностью; у Павсания гимнасий по-прежнему является атлетической площадкой, а палестра - школой борьбы.^[798]

Гимназии, вероятно, существовали в большинстве греческих государств в шестом веке или даже раньше. Тень и вода были необходимы для комфорта тех, кто ими пользовался, поэтому местом для них обычно выбирали рощу у какого-нибудь ручья за городом. Такими были Платанисты в Спарте, остров, образованный извилинами реки и получивший свое название от платанов, которые его окружали. Такими были три древние гимназии в Афинах: Академия, Лицей и Синосаргес. Все три были священными рощами за стенами города: Академия - на западе, на берегу Кефиса, а две другие - на востоке, возле Эридана и Илисса. Все три, вероятно, существовали в шестом веке. Академия была впервые обнесена стеной Гиппархом, а затем улучшена Кимоном и превратилась в хорошо поливаемую рощу с подстриженными аллеями и дорожками. Возникновение Лицея приписывают Пейсистеру, Периклу и Ликургу. Поскольку он, несомненно, существовал во времена Сократа, то, вероятно, был основан Пеисистратом, если не раньше, и подвергся различным улучшениям при Перикле и Ликурге. Гимназия Киносирха была предназначена для бастардов и тех, чьи родители не были афинянами. Фемистокл, сын матери-карийки, возмущенный тем, что его не пустили в другие гимнасии, сумел убедить нескольких видных молодых афинян отправиться вместе с ним в Киносирх. Рабам не разрешалось принимать участие в атлетических состязаниях, которые считались отличительной чертой свободных греков. Академия и Лицей были достаточно большими, чтобы служить школами верховой езды и парадными площадками для конницы. Афинские гимназии были открыты для афинян всех возрастов; мальчики, конечно, не исключались, хотя, как мы увидим, их обычно отправляли в палестру для обучения;^[799] мужчины всех возрастов прибегали к ним для ежедневных упражнений; участники игр тренировались в них; прежде всего, они были школой обучения эфебов, начиная с V века и далее. "Когда мальчика зачисляют в эфебы, - говорит Сократ в псевдоплатоническом диалоге *"Аксиох"*^[800], - тогда наступают Лицей и Академия, правление гимнасиарха, побои прутьями и неисчислимые бедствия". Поэтому гимнасии были излюбленным местом софистов и философов в поисках учеников. Некоторые философы постоянно посещали определенные гимназии, которые таким образом становились связанными с определенными философскими школами. Со временем литературные занятия возобладали над атлетикой, и гимназии превратились в своего рода университеты.

О существовании палестры в Афинах в VI веке свидетельствует речь Эсхина против Тимарха. В этой речи оратор ссылается на некие законы, приписываемые Солону для регулирования школ и палестр. Пайдотрибаи не должны были открывать палестры до восхода солнца и закрывать их до заката. В законе содержались положения о том, какие мальчики должны быть приняты в школу, их численность и возраст, дисциплина и проведение Гермеи, мальчишеского праздника, отмечавшегося в палестрах. Фактический текст законов является поддельным, но нет причин сомневаться в существовании и древности правил, упомянутых Эхином. Но мы не должны путать упомянутые палестры с теми, которые были частью гимназий. Последние были государственными учреждениями, в основном за пределами города; палестры, для которых Солон установил правила, были такими частными палестрами, которые использовались для физического воспитания мальчиков. Существовало множество частных палестр, некоторые, возможно, были построены богатыми людьми для собственного пользования,^[801] другие содержались пайдотрибаями^[802] для получения прибыли. Публичность гимназий и их удаленность делали их непригодными для

обучения мальчиков. Родители и учителя, естественно, предпочитали сравнительную уединенность палестры в городе. Некоторые из них могли быть пристроены к школам, другие предназначались для мальчиков определенного возраста, или в них отводилось специальное время для разных возрастов. Конечно, именно в этих палестрах афинские мальчики получали свою физическую подготовку. Но говорить о том, что палестры вообще предназначались для обучения мальчиков до восемнадцати лет, не более корректно, чем утверждать, что в гимназии не принимали мальчиков младше этого возраста. Некоторые из палестр, безусловно, использовались и более старшими учениками. В *"Лисисе"* Платона говорится, что софист Микк поселился в недавно построенном палестре. Там в разное время обучаются мальчики разных возрастов, но ученики Микка - не мальчики, а эфебы, или взрослые мужчины, и они, во всяком случае, имели свободный вход туда в определенное время. Факт в том, что палестры были разных видов, как и сегодня в Англии существуют школы и колледжи разных видов. Рассматривать все палестры как одинаковые и пытаться установить жесткие правила для всех одинаковых, так же нелепо, как писать трактат о школах Англии, в котором не делалось бы различий между начальными и средними школами, или между колледжем, который является частью университета, и колледжем, который действительно является школой.

Наши знания о греческих гимназиях вплоть до четвертого века практически ограничиваются Афинами. Самая ранняя из существующих гимназий - гимназия в Дельфах, которая относится к четвертому веку. Гимназия в Олимпии не может быть более ранней, чем третий век. Единственным современным свидетельством пятого века являются вазописи, которые дают яркое представление о жизни гимнасия в Афинах в первой половине этого века, но дают лишь фрагментарные свидетельства об устройстве гимнасия. Однако эти свидетельства так хорошо согласуются с останками, обнаруженными в Олимпии и Дельфах, а также с такими разрозненными упоминаниями, которые мы находим в литературе, особенно в диалогах Платона, что мы можем быть уверены, что гимназии и палестры пятого века по всей Греции были в основном того типа, который мы находим в этих местах.^[803]

Основные части гимнасия или палестры четко изложены в трактате об Афинской республике^[804], который, если не был написан Ксенофонтom, вероятно, был написан во второй половине пятого века. Автор, говоря о прогрессе афинской демократии, отмечает: "Что касается гимназий, бань и раздевалок, то у некоторых богачей они свои, но народ построил для своего пользования множество палестр, гардеробных и банных комнат, и у толпы в этом отношении гораздо больше преимуществ, чем у немногих счастливыхчиков". В этом отрывке мы замечаем, во-первых, что между гимнасием и палестрой нет никакого различия; если и есть какое-то различие, то оно заключается лишь в том, что палестра несколько более совершенна, чем гимнасий, так же как купальня - больше, чем баня. И то и другое - всего лишь места для упражнений. Во-вторых, гардеробные и купальни явно не являются самостоятельными зданиями, а связаны с гимнасиями. Ванные комнаты могут существовать отдельно, но зачем нужны отдельные комнаты для раздевания? Каждый гимнасий и каждая палестра должны содержать, помимо собственно "бегов и борцовских колец", места, где те, кто их использует, могут раздеться и намазаться маслом перед упражнениями, а также помыться после них. Это три основные части каждого такого здания, и все сложные конструкции гимназий в Эфесе и Пергаме являются лишь развитием этих трех требований.

Диалоги Платона иллюстрируют как сходство, так и различие в устройстве гимнасия и палестры. Сцена *Лисия* разворачивается в новопостроенной палестре, о которой уже упоминалось. В общих чертах она напоминает обычный одноэтажный греческий дом. Он

окружен стеной (περίβολος), единственным отверстием в которой является дверь, выходящая на улицу. Вокруг этой стены, внутри, расположены различные комнаты, которые выходят в центральный двор (αὐλή), который в палестре значительно больше, чем в обычном доме. Войдя внутрь, посетитель оказывается в своего рода предбаннике, из которого он переходит в большой зал, называемый аподитерионом (ἁποδιτήριον). Передняя часть этого зала открыта, так что из него открывается вид на двор, который используется для упражнений. Этот зал, как следует из его названия, является раздевалкой. Но, как и современный павильон для крикета, он служит местом общих встреч для всех, кто посещает палестру. Для их удобства вокруг стен расставлены сиденья. Когда Сократ входит, группа мальчишек играет в костяшки, и Сократ отступает в дальний угол, чтобы найти себе место. Вероятно, если не было других комнат, именно в аподитерионе Микк проводил свои занятия. Конечно, вокруг двора могли быть и другие помещения, наверняка там было и место для мытья, но поскольку купальня не располагает к серьезному разговору, она, естественно, не играет никакой роли в этих диалогах.

Теперь перейдем к гимнасию Лицея.^[805] Здесь все устроено аналогично, но в большем масштабе. Недалеко от входа находится аподитерион, где Сократ занимает свое место и наблюдает за приходящими и уходящими людьми. Но помимо площадки есть крытая дорожка (κατάστευος δρόμος), вероятно, колоннада, идущая вокруг одной или нескольких из четырех сторон площадки. Этот крытый дромос - место, где афинские господа принимают свои ежедневные конституции. Пока Сократ ждет, двое из них входят, делают два или три оборота в этом дромосе, а затем возвращаются в аподитерион. Акумен^[806] действительно рекомендует прогулку за городом как менее утомительную, но гимнасий - более общительное место, там больше жизни и развлечений, и поэтому афинянин предпочитает его. Но эти крытые бега не для атлетов или эфебоев, разве что в самую плохую погоду. Для них проложены дорожки в парке снаружи (ὁ ἔξω δρόμος), где, как и в Академии, они могут бегать наперегонки "среди благоухания смилакса, и отдыха, и белого тополя в весеннюю пору, когда платан шепчется с вязом".

Изображения на краснофигурных вазах позволяют нам заполнить эти контуры. Эти вазы, изготовленные в основном в Афинах между 520 и 440 годами до н. э., изображают жизнь афинских эфебоев, то есть жизнь в общественных гимнасиях. На них мы видим сцены из собственно гимназии, где занимаются юноши, сцены из аподитериона и сцены из бани.

Сначала мы рассмотрим килик в Мюнхенском музее, который дает общее представление об упражнениях в гимнасии (рис. 17). Сцена происходит внутри огражденного стеной помещения. Фон представляет собой эту стену или, возможно, стену аподитериона, так как на ней висит вся атрибутика гимнастического зала: дискоболы в рогатках, алебарды, скрепленные шнуром, стригили, масленки, губки. Пара ионических колонн обрамляет картину, предполагая, возможно, крытую колоннаду. Иногда над этими колоннами возвышается большой плоский блок, что явно указывает на крышу. Сами упражнения происходят на площадке перед домом или на дромоеиде снаружи. В землю вбиты шесты и кирки. Палки используются как копья для тренировок, а также, возможно, как измерительные стержни; или как столбы для обозначения линий, с которых отрабатываются прыжки, метание диско и копья. Двое бородатых мужчин - это инструкторы - платные трибаи или гимнасты. Обычно они одеты в длинную мантию, но здесь они обнажены, вероятно, потому, что учат своим примером. Один из них опирается на обычный чиновничий посох и держит в правой руке гирю для прыжков; другой держит в одной руке жезл или копье, в другой - ремешок для метания копья, но не совсем понятно, что означает его поза. Юноша,

который смотрит на это, опираясь на шест, может быть либо помощником юноши, либо зрителем.

Рис. 173. Р.-ф. киликс. Коллекция Канино.

Другой киликс дает яркое представление о дисциплине в гимнасии (рис. 173). С одной стороны - пара борцов, на них смотрит инструктор в халате, правой рукой опирающийся на посох, а в левой держащий вилообразный жезл, которым он наводит дисциплину. С другой стороны стоит инструктор, который применяет этот жезл к некоторым боксерам. Юноша, стоящий позади первого инструктора с киркой, возможно, другой боксер, занимающийся этой формой упражнений, но мантия, свернутая вокруг его талии, скорее указывает на то, что это помощник, который разрыхляет землю скамьи, используемой борцами и прыгунами. На внутренней стороне вазы изображен третий инструктор и юноша, который, похоже, измеряет землю ногами, возможно, измеряет бросок копья, так как в руках он держит копье и его ремешок. Из-за небрежного рисунка этот аментум был неправильно интерпретирован ранее

как пара компасов. Другая фигура, часто изображаемая в этих сценах, - флейтист,^[808] который обычно одет в длинное, безвкусное одеяние, а вокруг головы носит диковинное подобие дудочки, называемой *φορβεία*. Эти флейтисты, вероятно, были рабами, прикрепленными к гимнасию.

Многие из изображенных упражнений требуют значительного пространства. Копье и дискос вряд ли можно было безопасно метать во дворе обычной палестры. Для таких видов спорта предназначались открытые дромойды. Здесь же, судя по всему, проводились уроки верховой езды. Иногда группа атлетов и сцена верховой езды располагаются на противоположных сторонах одной вазы.^[809] В этих сценах верховой езды иногда изображены колонны^[810], на стенах висят масленки и другие предметы, а инструкторы те же, что и в атлетических сценах. Хороший пример такой сцены - на килике в Мюнхене (рис. 174). На ней изображены три обнаженных эфебая: один уже в седле, другой ведет лошадь и держит в руке знакомый вилообразный жезл, третий обучается искусству запрыгивания на лошадь с помощью копья или шеста. Фляга с маслом указывает на здание, а дерево - на рощу гимнасия.

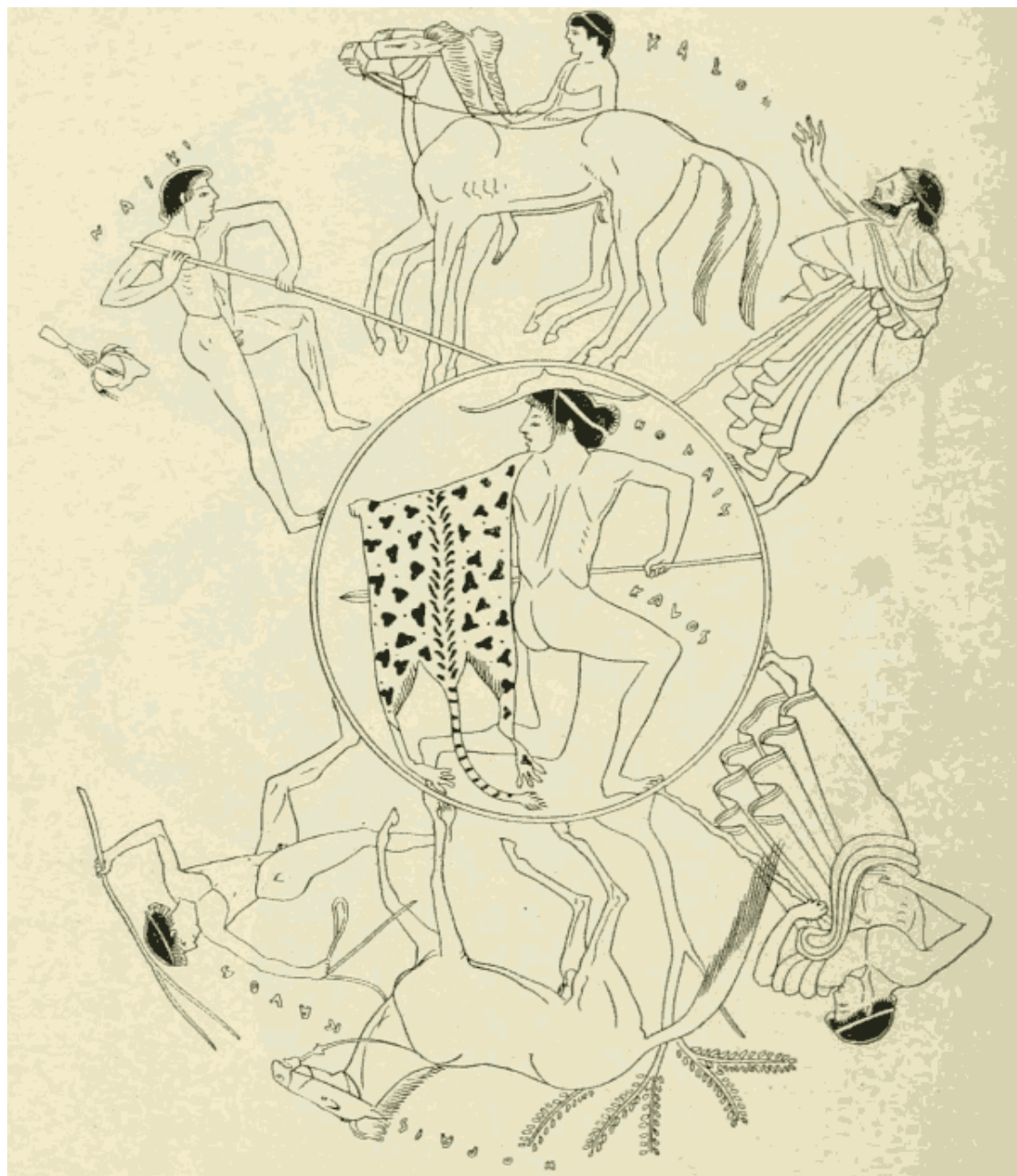

Рис. 174. Р.-ф. киликс. Мюнхен, 515.

Рис. 175. Р.-ф. киликс. Копенгаген.

Сцены в Аподитерионе очень многочисленны, особенно на поздних вазах. Сначала мы рассмотрим киликсу в музее Копенгагена (рис. 175). Широкие верхушки столбов наводят на мысль о крыше комнаты. На стенах висят или прислонены к стене обычные атрибуты; один предмет кажется любопытным - это заяц. Возможно, один из эфебоев только что поймал его, или принес в подарок своему тренеру, или получил в качестве подарка или приза.^[811] Группа юношей и тренеров стоит вокруг или сидит на табуретах. Некоторые из них полностью одеты, другие обнажены; один из них скребет себя стригилем, другой только собирается надеть мантию; его трость упирается в стену позади него. На одном из табуретов разложена одежда. Мы вполне можем понять необходимость суровых законов против воровства в гимнасиях. Закон, приписываемый Солону, предусматривал смертную казнь для того, кто украдет из Ликейя, или Академеи, или Синосарга гиматий, или флягу с маслом, или любой другой предмет стоимостью более десяти драхм.^[812]

Освободившись от одежды и положив ее в как можно более надежное место, атлет приступал к помазанию себя маслом и тщательно втирал его в кожу. Он мог сделать это сам или прибегнуть к услугам помощника - алейпта. Термины *aleiptes* и *paidotribes* указывают на то значение, которое греки придавали смазыванию и массажу тела как до, так и после тренировки. Впоследствии эти процессы превратились в сложные искусства, и для них отводились специальные помещения, но в V веке они были сравнительно простыми и происходили либо в аподитерионе, либо под

открытым небом.^[813] Масло содержалось в маленьких узкогорлых колбах различной формы, *lekythoi*, *aryballoi*, *alabastra*. Каждый человек, вероятно, приносил свою собственную флягу с маслом и свой стригиль. Во время праздников масло бесплатно поставлялось всем участникам, а в более поздние времена гимнасиархи и другие высокопоставленные чиновники проявляли свою щедрость, предоставляя за свой счет масло, необходимое для эфебов, использующих гимнасии. На кратере в Берлине (рис. 176) изображена группа эфебов, раздевающихся и готовящихся к упражнениям. Один из них только что снял свой гиматий, сложил его и собирается передать его мальчику-рабу, либо своему собственному рабу, либо рабу, прикрепленному к гимнасию. Другой положил свой гиматий на табурет и наливает в левую руку немного масла из арибаллоса. Слева от него стоит третий эфебос, опирающийся на палку, с наброшенной на плечи мантией, а маленький раб удаляет шип с его ноги. На другой стороне вазы изображен любопытный обычай инфибуляции. Массаж, насколько мне известно, не изображен ни на одной вазе, но рисунок алейпта, растирающего боксера, есть на бронзовой цисте в Ватикане^[814] (рис. 177).

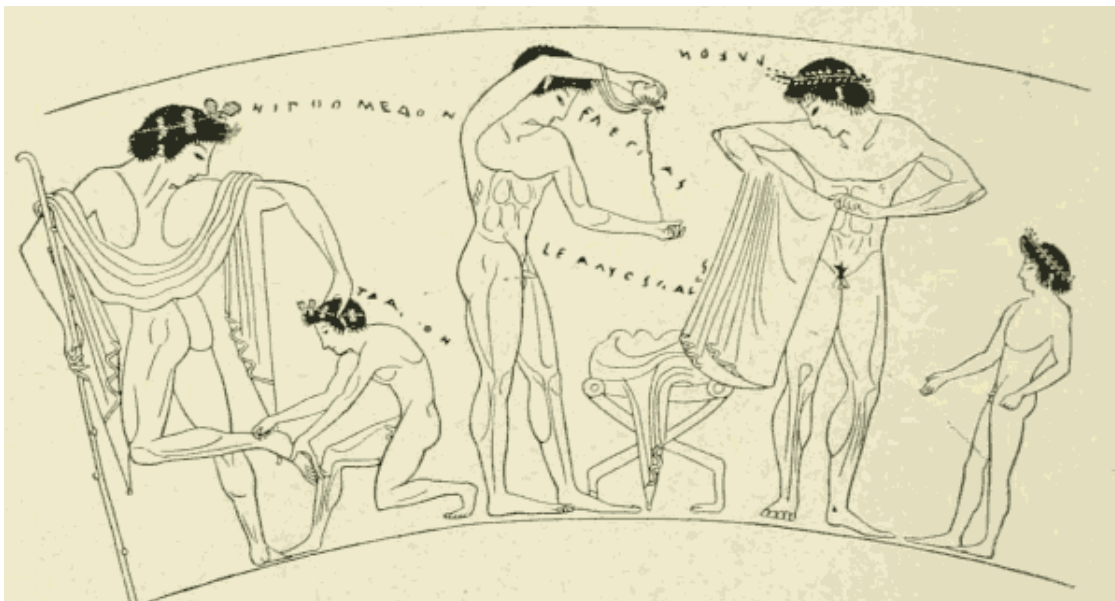

Рис. 176. Р.-ф. кратер. Берлин, 2180 г.

Рис. 177. Бронзовая циста. Ватикан.

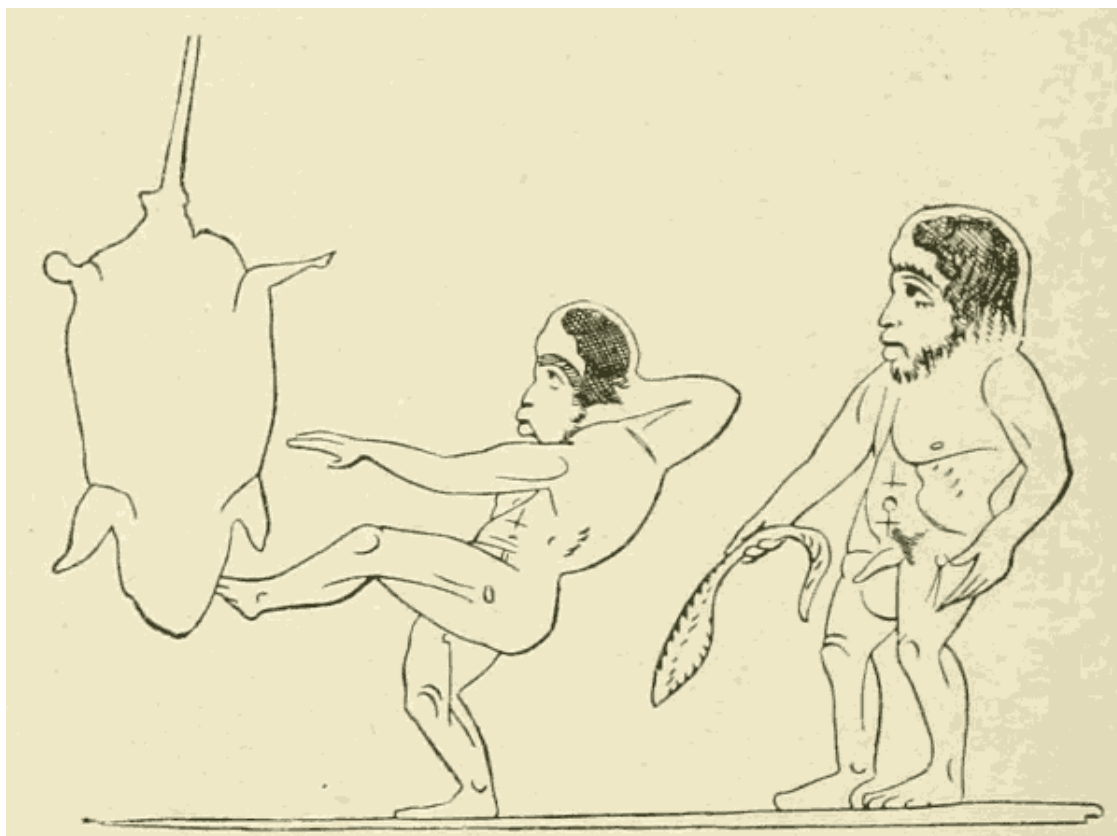

Рис. 178. Р.-ф. амфора. Санкт-Петербург, Эрмитаж, 1611 г.

Возможно, именно в Аподитерионе или в каком-то другом уголке гимнасия был установлен корыто (κώρυκος). В более поздние времена для корыта отводилось специальное помещение, но о его использовании в это время свидетельствует карикатура, изображающая панкратиаста, использующего его, которая находится на вазе в Санкт-Петербурге (рис. 178). Корыто - это своеобразный шар для битья, кожаный мешок или кожа, наполненный фиговыми зернами, мукой или песком и подвешенный к ветке дерева или балке. Он различался по размеру. Более крупный, который использовали панкратиасты, был размером с мешок с углями и подвешивался так, чтобы его дно находилось на уровне талии спортсмена. Боксер использовал корыто поменьше, размером с боксерский мяч, подвешенное на уровне его головы, судя по его изображению на Фикоронском кисте, произведении III века до н. э. (рис. 179).^[815] В более поздних гимназиях для игры в мяч отводилось специальное помещение; но как бы ни были популярны игры в мяч, в гимназиях V века они, похоже, не имели практически никакого значения.

Рис. 179. Ficoni cista. Музей Кирхнера, Рим. Третий век до нашей эры.

Устройство бань в гимназиях было предельно простым. Еще во времена Геродота и Аристофана существовали отдельные купальни (βαλανεία), где можно было принять горячие ванны и даже паровые ванны.^[816] Но эти бальнеи не имели ничего общего с гимназиями и даже резко контрастировали с ними. Их посещение считалось, во всяком случае, среди старомодных людей, признаком женоподобности. Аристофан горько жалуется, что в результате новомодного воспитания школы борьбы опустели, а балаганы наполнились, а Платон считает горячие бани подходящими только для старых и немощных.^[817] В более поздние времена к гимназиям пристраивались тщательно продуманные бани такого типа, которые стали настолько важны, что атлетическая часть здания была не более чем апанажем бань. Но нет никаких признаков таких бань в связи с гимназиями пятого века, нет их и в более поздних гимназиях в Дельфах и Олимпии. Эфебои V века мылись в холодной воде после упражнений. Простейшая форма омовения изображена на чернофигурной гидрии в Лейдене, датируемой концом VI века (рис. 180).^[818] Группа мужчин и мальчиков моется у фонтана, который стоит в роще гимнасия. Их одежда висит на ветвях деревьев. Сам фонтан находится под портиком, вода вытекает из двух голов пантер, под которыми мужчина и мальчик принимают душ и натираются. По обе стороны стоят другие, готовые к купанию. Один слева поднимает в правой руке то, что, вероятно, является флягой с маслом, а справа мы видим юношу, который занимается припудриванием себя. Использовались различные порошки: щелок, получаемый из древесной золы, щелочь, называемая литрон и несколько похожая на селитру, и разновидность фуллеровой земли.^[819] Намазав тело маслом и припудрив его, купальщик растирал себя, пока не получалась мочалка.

Рис. 180. Б.-ф. гидрия. Лейден, 7794b.

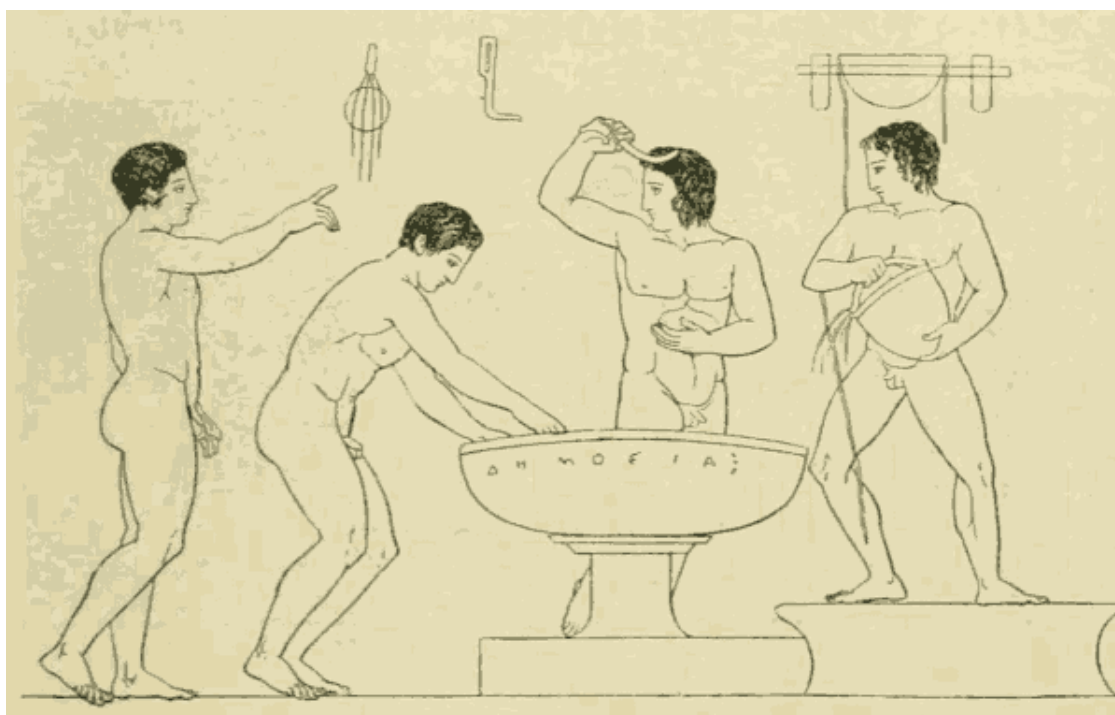

Рис. 181. Сцена на р.-ф. вазе (Tischbein, i. 58).

На краснофигурных вазах омовение происходит в купальне, составляющей часть гимнасия и, вероятно, примыкающей к аподитериону. В центре этого помещения установлен большой каменный или металлический таз на подставке. Рядом с ним иногда изображается цистерна, а на одной вазе мы видим юношу, наливающего воду в цистерну из ведра, которое он зачерпнул из цистерны с помощью веревки и лебедки^[820] (рис. 181). Надпись на бассейне (δημόσια) показывает, что это общественная баня. Один юноша плещет на себя воду, но более удобный способ помыться - попросить друга или помощника вылить на вас ведро воды, как это изображено на килике из Британского музея (рис. 182). На другой стороне этого киликса изображена группа молодых людей, скребущих себя стригилями (отλεγγίδες). Стригиль постоянно использовался в

гимнастическом зале для удаления грязи и пота после упражнений или для удаления влаги и мочалки после бани. Он изготавливался из железа или бронзы, иногда из серебра или даже золота; ручки иногда очень декоративны. Многие из них хранятся в Британском музее и других местах. Их форма лучше всего понятна из сопровождающей иллюстрации стригиля пятого века из Британского музея, на котором написано имя владельца (рис. 183). Юноша, скребущий себя стригилем, - мотив известной статуи "Апоксиомен", ранее приписываемой Лисиппу.

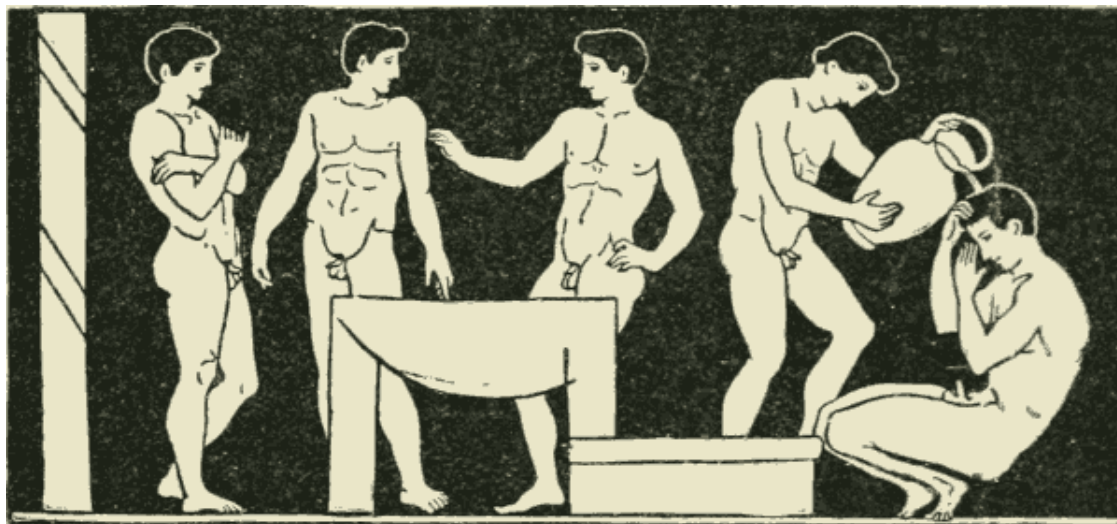

Рис. 182. Р.-ф. киликс. Британский музей, Е. 83.

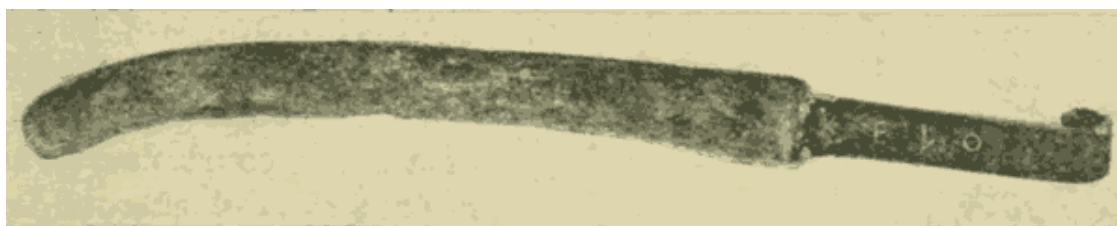

Рис. 183. Стригиль, в Британском музее, с надписью κέλων. V век.

Погружные ванны (κολυμβήθραι), несомненно, существовали в этот период. На краснофигурной амфоре^[821] в Лувре, подписанной Андокидом (ок. 500 г. до н. э.), изображена группа женщин, купающихся в плавательной ванне. Одна из них плавает, а другая готовится к погружению в воду. Мы найдем ванны с погружением и в Дельфах, и в Олимпии, но у нас нет никаких свидетельств их существования в гимназиях V века.

Переходя к гимназиям в Дельфах и Олимпии, мы должны помнить о существенном различии, которое отличает их от гимназий в Афинах, которые мы рассматривали. Последние были предназначены для регулярного использования многочисленным населением. В Дельфах и тем более в Олимпии население было небольшим и разбросанным; и хотя они, несомненно, пользовались гимнасиями, эти здания были построены в первую очередь не для их использования, а для участников состязаний на четырехлетних фестивалях. Поэтому не было необходимости ни в тенистых аллеях и проспектах, которые составляли столь заметную особенность ранних гимназий в Афинах, ни в лекционных залах и библиотеках, которые были предусмотрены для литературного обучения эфебов в гимназиях Птолемея Филадельфа или Адриана. Гимназии в Дельфах и Олимпии были сугубо практическими и спортивными.

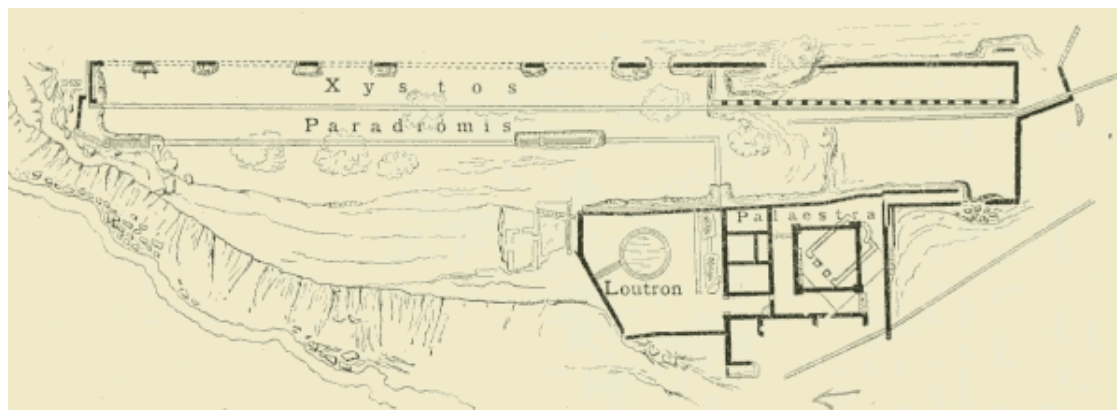

Рис. 184. План гимназия в Дельфах. (ДО НАШЕЙ ЭРЫ).

Гимназия в Дельфах^[822] - хороший пример того, как греки умело приспособляли свои здания к характеру местности (рис. 184). Он расположен немного к юго-западу от участка Аполлона под дорогой, ведущей из Итеи в Арахову, на крутом склоне, который нависает над долиной Плейстуса. Он построен на двух террасах, верхняя из которых образует прямоугольник длиной около 180 метров и глубиной 25 или 30 метров и содержит беговые дорожки, в то время как на нижней террасе находится собственно палестра и бани. Прекрасная подпорная стена, разделяющая две террасы, и другие архитектурные остатки указывают на существование гимназия в начале четвертого века, а большинство раскопанных частей упоминаются в надписи, содержащей официальные счета за ремонт стадиона и гимназия в 258 году до нашей эры.

Верхняя терраса была ограничена сверху внешней стеной гимнастического зала. На ней находилась крытая беговая дорожка шириной 7 метров и двойная крытая дорожка шириной 20 метров. Это $\xi\upsilon\sigma\tau\acute{o}\nu$ и $\pi\alpha\rho\alpha\delta\rho\omicron\mu\acute{\iota}\varsigma$ из надписи. Они отделены друг от друга каменным каналом, который, помимо отвода дождевой воды, обеспечивал водой атлетов во время тренировок. Другой канал, разделивший парадромис на две неравные части, отводил воду из Касталийского ручья в бани на нижней террасе. Ионические колонны, образующие колоннаду ($\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\tau\upsilon\lambda\omicron\varsigma$) ксистоса, плохой и поздней работы, и, похоже, заменили более раннюю дорическую колоннаду. Ни ксистос, ни парадромис не были вымощены; но, как мы узнаем из рассказов об архонстве Диона, они были выкопаны, укатаны и покрыты мелким белым песком. Шесть киров ($\epsilon\lambda\pi\sigma\kappa\alpha\phi\epsilon\acute{\iota}\alpha$) были предоставлены либо для этой работы, либо для использования атлетами.^[823] Длина ксистоса, 180 метров, приблизительно равна длине дельфийского стадиона, которая составляла 177 метров.

На нижней террасе находится неправильное ограждение, образующее бани, и небольшая палестра площадью 32 метра квадратных. Последний состоит из небольшого двора площадью около 14 метров квадратных, окруженного колоннадой ($\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\tau\upsilon\lambda\omicron\varsigma$), на которую выходят несколько комнат с северной и западной сторон. Назначение этих помещений определить невозможно. В надписи упоминаются аподитерион, $\kappa\acute{o}\nu\upsilon\alpha$ и два $\sigma\phi\alpha\iota\rho\iota\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$. Вероятно, $\kappa\acute{o}\nu\upsilon\alpha$ - это другое название скамьи или борцовского ринга, который также называется $\kappa\omicron\nu\acute{\iota}\sigma\tau\rho\alpha$, и если это так, то его можно отождествить с центральным двором.^[824] Борцовский ринг был покрыт мелким песком, и в контракте уместно упоминается "просеивание земли" в кониме ($\tau\acute{\alpha}\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\acute{\alpha}\nu\ \sigma\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$) стоимостью десять драхм. Сферистерии представляли собой комнаты или, возможно, открытые площадки для игры в мяч. В одном из них земля должна была быть вскопана и укатана, затем тщательно выровнена граблями и засыпана черноземом. В сфайристерии также упоминается стена. Среди различных игр с мячом, которые практиковали греки, мы находим упоминание об одной из них, которая заключалась в том, что мяч подпрыгивал на земле или у стены и отбивался плоской стороной ладони, когда он отскакивал. Задача состояла в том, чтобы

как можно больше раз ударить мяч ; тот, кто промахивался первым, назывался ослом и должен был подчиниться любому наказанию, наложенному победителем или "царем", как его называли.^[825] Палестра в Дельфах была недостаточно просторной для игр, в которых мячи бросали с особой жестокостью, но тщательно подготовленный пол и стена вполне могли служить для описанных игр, которые, похоже, были вполне привычными во времена Платона. По мере того как атлетика становилась профессиональной, игра в мяч, по-видимому, становилась все более популярной, и аллея для игры в мяч, вероятно, стала признанной частью палестры. В маленьком частном палестре, принадлежащем "человеку с мелкими амбициями" (μικροφίλοτις) из "Теофраста", есть "арена для борьбы и сферистерий" две части, упомянутые в дельфийской надписи. Александр Македонский особенно любил игру в мяч, а некий Аристоники из Карыста, описанный как его "сфайрист", получил от афинян гражданство и почетную статуя.^[827]

Бани располагались в неправильном ограждении к северу от палестры. Устройство для мытья особенно интересно из-за сходства с тем, что мы видели на вазах. Весь корпус был вскрыт. Восточная сторона его была образована подпорной стеной верхней террасы, и в этой стене была устроена серия фонтанов, в точности похожих на те, что изображены на рис. 180. Вода поступала из канала на верхней террасе и выходила через одиннадцать бронзовых изливов в форме голов животных, расположенных на такой высоте, чтобы удобно было падать на голову и плечи купающихся внизу. Внизу она попадала в одиннадцать бассейнов, которые использовались для мытья в манере, изображенной на вазах, а из бассейнов попадала в большие каменные желоба, по которым она выносилась за пределы здания и падала в Кастальский овраг. В центре корпуса находилась круглая ванна (κολυμβήθρα) диаметром 10 метров и глубиной 1-80 метров, борта которой спускались к центру рядом каменных ступеней. В старом гимнасии не было теплых ванн, но они, по-видимому, были добавлены в римские времена, и их остатки находятся к северу от более старого здания.

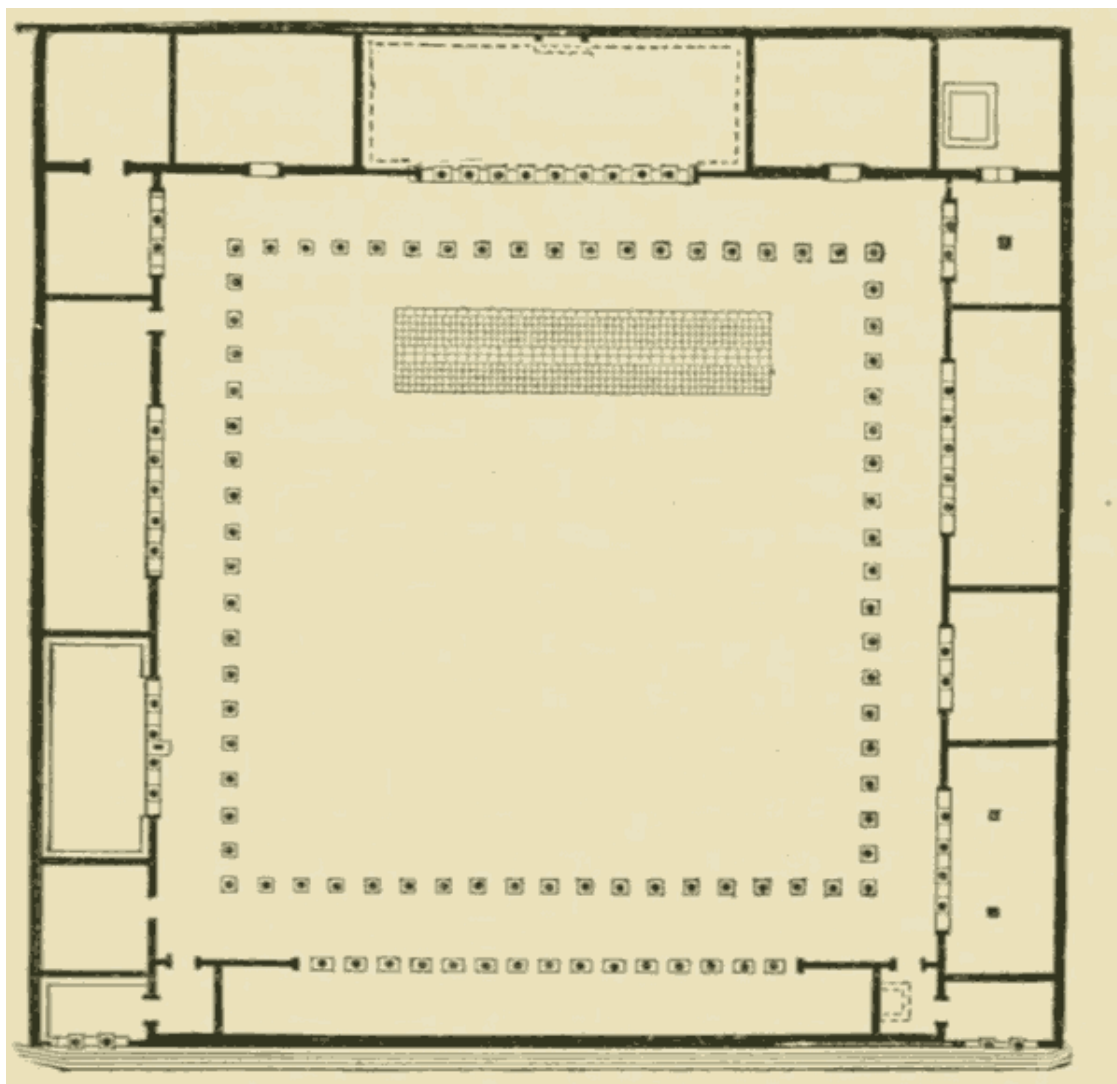

Рис. 185. План палестры в Олимпии.

Гимнасий и палестра в Олимпии^[828] (рис. 185), расположенные на левом берегу Кладея к северо-западу от Альтиса, гораздо более симметричны в плане и более проработаны, чем те, что в Дельфах. Палестра, по-видимому, несколько старше гимнасия и была построена в III веке до н. э. Это здание площадью 66 метров квадратных, окружающее открытый двор площадью 41 метр квадратный, окруженный колоннадой из дорических колонн, на которую выходят многочисленные помещения. Два входа расположены по углам южной стены, а третья дверь в середине северной стены открывает доступ в сам гимнасий. Два главных входа представляют собой вестибюли с колоннами, ведущие в небольшие прихожие, которые выходят на крытую колоннаду. В восточном предбаннике сохранились остатки очага или алтаря. Между двумя прихожими находится длинная узкая комната или галерея, отделенная от колоннады лишь рядом колонн, в которой мы, несомненно, узнаем аподитерион. В северо-восточном углу находится ванная комната, в которой были найдены остатки выложенной кирпичом ванны римского периода площадью 4 метра квадратных и глубиной 1-38 метров. Еще одна ванна находится в соседнем углу гимнасия в том месте, где южный коридор выходит на улицу. В палестре и гимназии нет никаких признаков теплых ванн, которые были столь важной особенностью гимназии, описанной Витрувием. В римские времена теплые ванны были установлены в Олимпии не в палестре, а в отдельном здании на юго-западе. Невозможно определить назначение различных помещений, окружающих площадку. Некоторые из них закрыты дверями и, несомненно, служили для хранения масла, песка и других принадлежностей палестры. Более

крупные помещения открыты настежь. В пяти из комнат сохранились остатки каменных сидений вокруг стен, а пол вымощен бетоном. Такие помещения, должно быть, использовались как экседры или галереи для зрителей, но вряд ли, как иногда утверждают, в качестве лекционных залов для философов и других учителей, которые, несомненно, предпочли бы большую публичность, обеспечиваемую опистодомом храма Зевса или стоаи. Палестра и гимнастический зал в Олимпии, должно быть, были практически предназначены только для состязаний, и тренировки этих состязаний, естественно, привлекали сюда толпы друзей и заинтересованных зрителей. В некоторых помещениях сохранились следы алтарей и оснований статуй. Такие здания всегда находились под покровительством определенных богов и героев. Гермес был в особом смысле покровителем палестры, и в Афинах в его честь проводились фестивали. В Элисе в одном из гимнасиев находились алтари Гераклу Идейскому, Эросу и Антеросу, Деметре и Персефоне, а статуи первых трех были помещены в гимнасий под названием Мальто, который был специально отведен для борцов. Почетные статуи также иногда размещались в гимнасиях, а в Олимпии были таблички со списками олимпийских победителей.

Самой любопытной особенностью палестры в Олимпии является полоса плиточного покрытия вдоль северной стороны площадки. Она имеет длину 24 метра на 5 метров в ширину и состоит из двух полос грубых ребристых плиток шириной 1-60 метров, разделенных полосой гладких плиток шириной 1 метр, а по верхнему краю тротуара проходит двойной ряд таких же плиток. Края этих гладких плиток приподняты так, что образуют непрерывные гребни, идущие по всей длине тротуара. Назначение этого любопытного тротуара неизвестно; он, конечно, не мог быть предназначен для борьбы или для прыжков, как с неосознанным юмором предполагают некоторые ученые писатели. Наиболее правдоподобная гипотеза заключается в том, что он использовался для какой-то неизвестной игры в мяч, и эта гипотеза находит некоторую поддержку в существовании несколько похожей дорожки для боулинга в больших термах в Помпеях, на которой действительно были найдены два больших тяжелых каменных шара. ^[829]

От собственно гимнасия, который находился к северу от палестры, не осталось ничего, кроме частей южной и восточной колоннад. Вся западная сторона была разрушена наводнением Кладаея. Южная колоннада состояла из одного ряда колонн, расположенных параллельно северной стене палестры, с которой она сообщалась через дверь в центре стены. Восточная колоннада, однако, не была непрерывной с восточной стеной палестры, а, чтобы избежать склона горы Кроний, отклонялась так, чтобы образовать слегка острый угол с южной колоннадой. Она имела 210 метров в длину и почти 12 метров в ширину и была разделена на два пути рядом дорических колонн. Аналогичный ряд колонн, образующих западный фронт, начинался только на уровне третьей из центральных колонн с юга и заканчивался третьей колонной с севера. В этих двух точках сохранились следы крепления каменных порогов, подобных тем, что были найдены на стадионе, а расстояние между этими двумя точками, 192-27 метров, в точности соответствует расстоянию Олимпийского стадиона. Эта двойная дорожка была ксисосом, или крытой беговой дорожкой, и спортсмены могли тренироваться на ней в точно таких же условиях, как и на настоящем стадионе. На западной стороне гимнастического зала находились комнаты для проживания спортсменов во время фестиваля, а перед ними, возможно, еще один ксисос. В центре открытой площадки было построено что-то вроде каменной трибуны для зрителей, которую Павсаний называет κρηπίς - термин, который он использует для обозначения рядов каменных ступеней под террасой сокровищницы в Альтисе. Но ни от этого, ни от жилищ атлетов, ни от парадромид или незакрытых дорожек, которые, несомненно, здесь существовали, не осталось и следа.

Гимназии в Эпидавре и на Делосе, очевидно, относятся к одному и тому же периоду и, насколько можно судить по их скудным остаткам, были очень похожи по типу. Они гораздо больше похожи

на здания, описанные римским архитектором Витрувием, жившим во времена Августа, чем на тщательно продуманные гимназии более позднего времени, которые мы находим в Эфесе и Пергаме. Однако они отличаются от витрувианского типа отсутствием горячих ванн. Во времена Лукиана в афинском Ликее, несомненно, была горячая ванна и ванна для окунания, и, возможно, они существовали и в эллинистические времена. Вероятно, такие гимназии, которые были повседневным местом отдыха жителей Афин, больше походили на витрувианский тип, чем гимназии Олимпии и Дельф, которые использовались в основном во время праздников для состязаний. Теперь, когда раскопки открыли нам реальные планы стольких гимназий и палестр, описания Витрувия имеют лишь второстепенное значение, и нет необходимости обсуждать различные реконструкции его планов, которые читатель найдет во всех справочниках. Здесь же достаточно кратко обсудить те части здания, о которых он упоминает, но которые еще не были замечены.

Палестра Витрувия построена по тому же типу, что и палестра в Олимпии: квадратный двор, окруженный колоннадами, на которые выходят различные помещения. С трех сторон колоннады одиночные, а в комнатах установлены скамьи для философов, риторов и литераторов, которые могут сидеть и беседовать друг с другом или читать лекции своим ученикам. Колоннада на четвертой стороне, которая в идеальном палестре обращена к югу, двойная, а комнаты за ней посвящены нуждам тех, кто занимается в палестре. Эти помещения являются усовершенствованием простого аподитериона и ванной комнаты. В центре находится большой зал с сиденьями, называемый эфебейоном,^[830] который, вероятно, служил скорее общей клубной комнатой для эфебеев, чем гардеробной. Для одевания и умывания все предусмотрено в комнатах слева и справа.

Справа находятся элайотесион и ряд помещений, связанных с горячими ваннами. Элайотесион - это комната, где хранилось масло, а также, возможно, где спортсмены и купальщики смазывали себя маслом. Масло использовалось не только перед упражнениями, но и до и после ванны. Требовался большой запас, и, как уже говорилось, не было лучшего способа проявить свою щедрость, чем предоставить масло для использования эфебоями за свой счет. Мы даже слышим о случаях, когда для этой цели оставлялась денежная сумма в качестве пожертвования.^[831] Масло хранилось в амфорах или цистернах. Изображение такого резервуара встречается на погребальной стеле, найденной в Прусе, некоего Диодора, гимнасиарха, который, как мы полагаем, отметил свой срок пребывания в должности тем, что сам предоставил масло (рис. 186). Это большой круглый сосуд, несколько напоминающий купель, стоящий на трех искусно выточенных ножках. По бокам от него висят три ковша (ἀρυτήρες), которые использовались для отмеривания масла. Каждый, возможно, держал кияток, небольшую меру жидкости, равную примерно 1/12 пинты. Спартанская надпись, относящаяся к какому-то атлетическому состязанию, возможно, Леонидее, предписывает, чтобы гимнасиарх ежедневно выдавал по четыре киятока на каждого мужчину, по три на каждого агенея и по два на каждого мальчика.

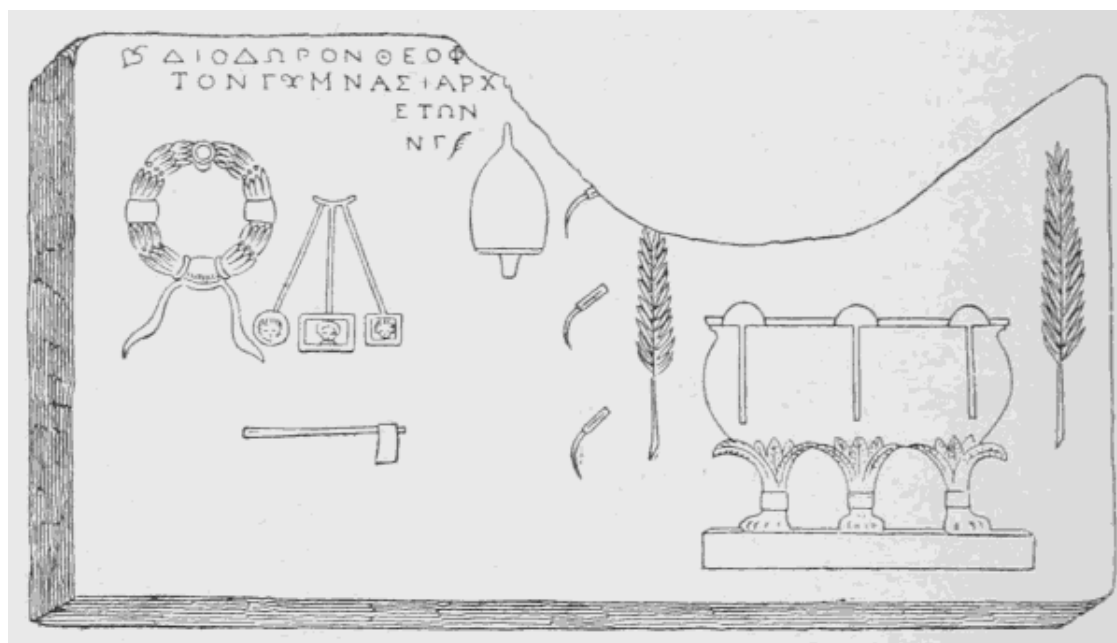

Рис. 186. Стела Диодора. Пруса. (Императорский период.)

Рядом с элайотесионом находится фригидарий, термин, обычно обозначающий холодную ванну, но здесь, очевидно, соответствующий тепидарию римских бань, - помещение с умеренной температурой, подогреваемое при необходимости мангалом, где купальщиков смазывали маслом, скребли и массировали до или после ванны.^[832] Проход отделяет эту комнату от пропнигейона, камеры с горячим воздухом, соединенной с печью, и примыкающей к ней большой сводчатой комнаты для потения (*concamerata sudatio*), в которой находятся ванна с горячей водой (*calda lavatio*) и ванна с горячим воздухом (*laconicum*). Любопытно, что одна из главных частей этих роскошных горячих бань носит название, указывающее на ее спартанское происхождение. Возможно, спартанцы использовали это средство для снижения веса во время тренировок. Воздействие тепла солнечных лучей было признанной частью атлетической подготовки и помогало придать коже насыщенный коричневый оттенок, которым так восхищались греки. Филострат в главе, где он рассматривает этот вопрос, высмеивает использование потогонной ванны (πυριατήριον) и растирание маслом без ванны (ξηραλοιφεῖν) как части ненаучной системы тренировок, принятой спартанцами, целью которой была лишь выработка силы выносливости.^[833]

По другую сторону эфебеона находятся три комнаты: корикейон, конистерийон и холодная баня. Корикийон вряд ли может означать что-либо иное, кроме комнаты коры, или шара для битья. Некоторые авторы возражают против такого толкования на том основании, что корыкос не имел достаточной важности, чтобы иметь комнату, специально отведенную для его использования, и поэтому они предполагают, что корыкос, упоминаемый в этом термине, был не пунш-болом, а корзиной или мешком с веревкой, в котором посетители палестры приносили свой обед. Объяснение гениальное, но вряд ли удовлетворительное. Мяч для битья, как мы видели, был известен уже в пятом веке и изображен на произведениях искусства. Его использовали боксеры и панкратисты, а, как было ясно из первой части этой работы, бокс и панкратион были самыми популярными видами спорта, особенно в эллинистические и римские времена. Поэтому не очевидно, что корыто имело второстепенное значение. Более того, весьма знаменательным совпадением является то, что глава Филострата, описывающая корыто, следует сразу за главой о различных видах кониса, а у Витрувия корыто и конистерийон находятся рядом друг с другом.

Если эта точка зрения верна, то "кониастерион" Витрувия - это, очевидно, пудреница, где атлеты припудривались перед тренировкой. Этот порошок (κόνις), который они использовали, не следует путать со щелоком (κονία), который использовался при стирке для образования мочалки. На самом деле, его действие было прямо противоположным: вместо того чтобы образовывать пену с маслом, он помогал высушить его и таким образом противодействовал чрезмерной скользкости, которую создавало масло. Его воздействие на тело считалось не менее полезным, чем воздействие масла. Он закрывал поры кожи, препятствовал чрезмерному потоотделению и сохранял тело прохладным, защищая его от озноба и делая менее восприимчивым к усталости.^[834] Существовали также особые сорта порошка, которым приписывались особые достоинства.^[835] Один из них, глинистый (πηλώδης), должен был быть особенно очищающим; другой, напоминающий кирпичную пыль (ὀστράκωδης), вызывал потоотделение в пересушенных телах; третий, битуминозный (ἄσφαλτώδης), согревал кожу. Два сорта, черный и желтый, оба земляного характера, особенно ценились за то, что делали тело упругим и гладким; желтый, в частности, придавал коже блеск, который был признаком хорошей тренировки. Порошок хранился в корзинах (σπιρίδες). Филострат описывает, как ее следует наносить: набрасывать гибким запястьем, слегка приоткрыв пальцы, чтобы она сыпалась как мелкая пыль. Но это утонченность для немногих. Обычный юноша довольствовался обычной землей или песком. Лукиан в своем "Анахарсисе" описывает, как юноши во дворе гимнасия собирают песок и перебрасывают его друг другу. Иногда, похоже, землю смешивали с водой в некое подобие грязи, и тогда самым простым занятием было кататься в ней. В империи использовалась специальная мазь (κίρωμα), а термин сегома применялся к части палестры; но сегома относится к Риму, а не к Греции.

Гимназия Витрувия занимает промежуточное положение между истинно греческой гимназией и тем типом, который был распространен при империи. Отличительной чертой последнего является проработка зданий, особенно тех, что связаны с теплыми банями. Поскольку в каждой бане была своя площадка для упражнений, иногда трудно решить, было ли то или иное здание банным заведением или гимнасием. Наиболее известным примером этих поздних гимназий является гимназия в Эфесе, но поскольку ее планы можно найти в каждом учебнике, нет необходимости подробно обсуждать ее. Она состоит из прямоугольного блока зданий размером примерно 80 на 100 метров, стоящего в центре большого огороженного двора. От этого внешнего корпуса осталось очень мало следов, и воображаемое восстановление его дворов, которое обычно воспроизводится, не имеет под собой никакой другой основы, кроме желания ранних археологов выполнить совершенно невозможную задачу - воспроизвести в нем все черты витрувианского гимнасия. Однако центральный блок зданий, который мы можем назвать палестрой, сохранился довольно хорошо, хотя идентификация большинства помещений крайне сомнительна. Его план почти полностью повторяет план более ранней палестры. По трем сторонам интерьера, если не по всем четырем, проходит сводчатая колоннада (*cryptoporticus*), а большой центральный двор почти полностью занят горячими банями и связанными с ними зданиями, причем древний борцовский ринг сократился до узкой полосы вдоль одной стороны.

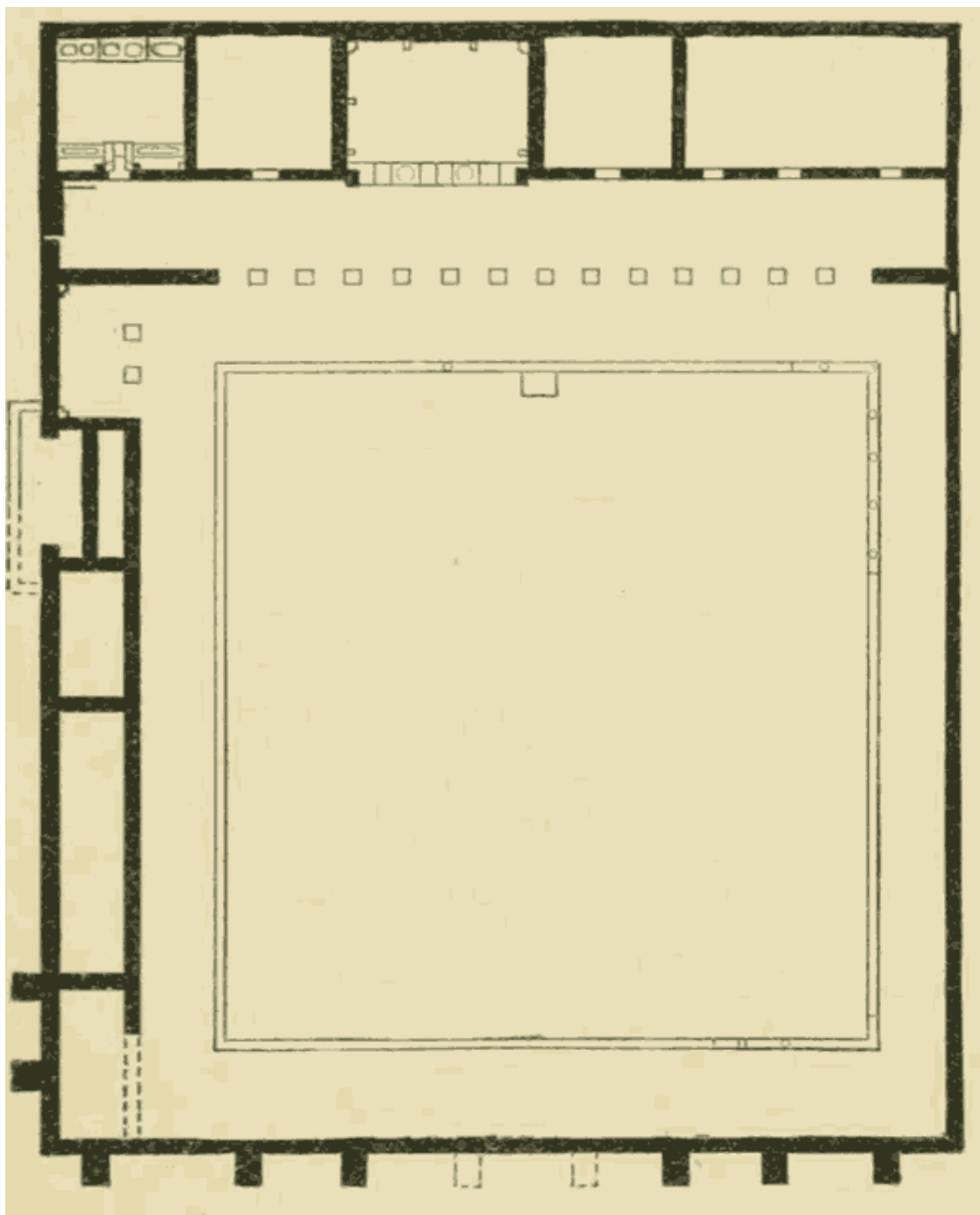

Рис. 187. План нижнего гимнасия, Приена. (Приена, рис. 271.)

Две гимназии, раскопанные немцами в Приене^[836], иллюстрируют ранний и поздний типы. Нижний гимнасий (рис. 187), примыкающий к стадиону у южной стены города, был построен между 130 и 120 гг. до н. э. Он очень похож в плане на витрувианскую палестру, состоящую из площадки площадью около 35 м², окруженной колоннадой. На северной стороне, обращенной к югу, колоннада двойная, как рекомендовал Витрувий. С этой и западной стороны в нее выходит несколько комнат, а с двух других сторон - ни одной. Вход находится в центре западной стороны и выполнен в виде ионического пропиея. К северу от него находится экседра с каменными скамьями, а в северо-западном углу - лутрон или ванная комната, которая прекрасно сохранилась и чрезвычайно интересна. Вдоль северной стороны расположен ряд каменных желобов, в которые стекает вода из ряда львиных голов на высоте около 3 футов от земли (рис. 188). По обе стороны от дверного проема в южной стене сохранились остатки каменных скамей, перед которыми в полу сделаны углубления, так что люди могли сидеть на них и мыть ноги. От горячих

ванн в этом гимнастическом зале не осталось и следа. В центре северной стены находится эфебейон - большое возвышенное помещение, открытое спереди, за исключением двух массивных колонн. Вокруг стен стоят каменные скамьи, верхняя часть которых была украшена сложной композицией из полуколонн и архитравов, по обе стороны от круглой арочной ниши, в которой стояла большая статуя задрاپированного мужчины. Стены и колонны покрыты именами тех, кто пользовался залом, обычно в форме ὁ τόπος Νέστωρος τοῦ Νέστωρος, "место Нестора, сына Нестора". Другой большой зал в северо-восточном углу имеет некоторые следы полок и, возможно, использовался как место для раздевания и оставления одежды. Северная сторона гимнасия вырезана в склоне холма и, очевидно, была двухэтажной. Над эфебеоном, по-видимому, находилось большое квадратное помещение, вырубленное еще дальше в холме. Возможно, в этот верхний этаж был вход с улицы. Эти верхние помещения могли служить классными комнатами. В эллинистические времена гимнасий часто был школой, где тренировали не только тело, но и разум.

Рис. 188. Ванная комната в гимнасии в Приене. (Приена, рис. 278.)

Верхняя гимназия в Приене стояла в центре города. Он был более древним из двух, так как из надписи мы узнаем, что он уже существовал в то время, когда строился нижний гимнасий. В своем первоначальном плане он, по-видимому, был очень похож, но в него было внесено так много изменений, и на этом месте было построено так много новых зданий, что мы не можем быть уверены в его деталях. Несомненно то, что во времена Римской империи здесь были горячие ванны. Об этих банях говорится в интересной надписи, подробно описывающей услуги, оказанные неким Зосимом, жившим, возможно, в I веке до н. э. "Из желания, чтобы каждый молодой человек мог посещать гимназию для развития своего тела, он заставил печь гореть всю зиму."

Зосима, похоже, был энтузиастом в области образования. Он не только обеспечил физическую подготовку и отдых молодежи "боксерским мячом, обручами, а также мячами и оружием", но и предоставил ученикам учителя литературы. Он учредил соревнования во всех достижениях ума и тела и проявил самую щедрую щедрость, предоставив масло и благовония в гимназии и в бане

для всех посетителей празднеств в Приене. Среди состязаний, которые он учредил, были "бой кальмаров" (σκιλλομαχία) и бокс в одежде (ἐν εἵμασι). За первый он давал в качестве приза телку, а каждый удачливый боксер получал золотую филейную часть. Точное значение "боя на филях" неясно; возможно, это было какое-то церемониальное состязание, связанное с поклонением Пану. Ношение одежды в боксе, возможно, было уступкой римскому предубеждению против наготы.

Не менее интересны обширные остатки гимназии в Пергаме, недавно раскопанные немецкими археологами.^[838] Эти остатки относятся в основном ко второму веку н.э., но сохранилось много следов более ранних построек. Построенная первоначально во втором веке до нашей эры или раньше, при первых царях Пергама, гимнасия претерпела различные изменения и перестройки в последующие века и может считаться типичной для гимназий, существовавших в эллинистическое и римское время в этих богатых городах Востока, которые после потери греческой независимости стали главными центрами атлетической деятельности. Как и гимнасий в Дельфах, они свидетельствуют об изобретательности греков в приспособлении своих зданий к условиям местности, а масштабность работ является ярким доказательством богатства Атталиды. Они были построены на серии из трех террас, вырубленных в крутом склоне холма над дорогой, которая вела в верхний город. Самая низкая терраса на западном конце возвышается над дорогой на двенадцать метров, остальные террасы находятся примерно на такой же высоте. Террасы поддерживаются многочисленными подпорными стенами, укрепленными контрфорсами и поперечными стенами, образующими ряд отсеков, заполненных землей и щебнем. Каждая терраса представляла собой отдельный гимнастический зал, предназначенный, соответственно, для занятий мальчиков, эфебов и юношей. Похоже, что первоначально здесь было четыре террасы, что, возможно, соответствует четырем гимнасиям, упомянутым в надписи времен Аттала III.⁽ Во времена Тиберия Пергам обладал пятью гимназиями, а в более поздний период - шестью, но местоположение этих дополнительных гимназий в настоящее время неизвестно. Старшие мужчины, а также иностранцы имели привилегию пользоваться гимнасиями. В надписи в честь Метродора^[840], гимнасиарха, жившего в конце II века до н. э., говорится, что помимо призов для мальчиков и эфебов он тратил значительные суммы на обеспечение "старших мужчин" "всеми необходимым для их здоровья". Щедрость этих гимнасиархов часто упоминается в надписях. По всей видимости, эту должность занимали самые знатные граждане. Общее руководство образованием находилось в руках четырех пайдономов.

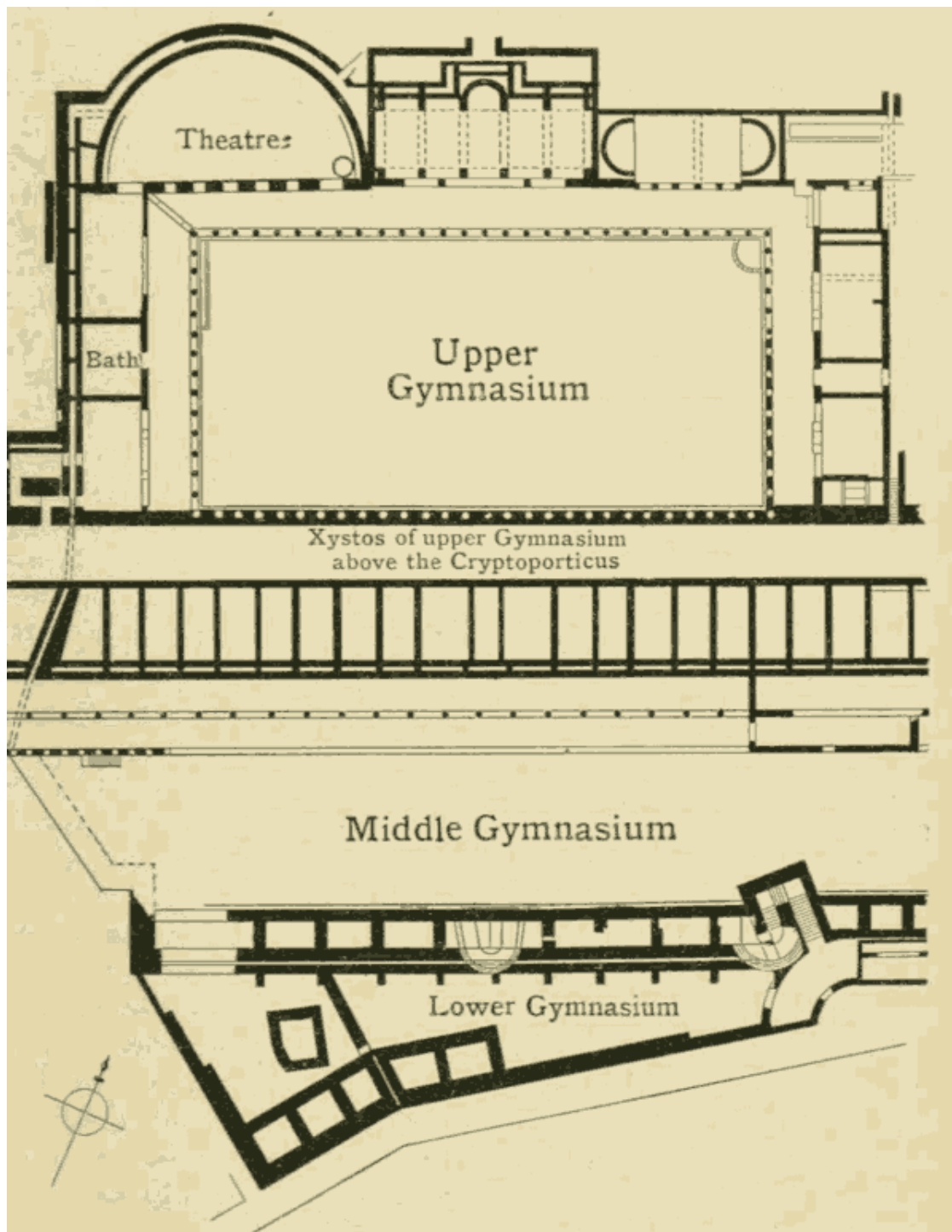

Рис. 189. План гимназии в Пергаме. (Упрощенно из *Ath. Mitth.*)

Общее расположение зданий будет достаточно ясно из прилагаемого плана (рис. 189). Самая нижняя терраса, на которой располагался гимнастический зал для мальчиков, представляет собой узкий треугольник длиной около 80 метров и шириной 25 в самом широком месте, разделенный на две части стеной. Ее северная сторона образована подпорной стеной средней террасы, контрфорсы которой образуют ниши, содержащие длинные каменные основания, на которых были установлены статуи и стелы. Одна из этих стел содержит список мальчиков, перешедших в ряды эфебов. Средняя терраса представляет собой гимнастический зал последнего. Она имеет размеры 150 на 36 метров и содержит в своем восточном конце небольшой коринфский храм, стены которого, похоже, были покрыты списками эфебов. Северная сторона образована длинной двойной колоннадой, а за ней к востоку ряд комнат, одна из которых - экседра, открытая спереди.

Эта двойная колоннада, которая на два метра выше уровня двора, по-видимому, заменила более раннюю одинарную колоннаду.

Верхняя терраса - самая обширная. На ней находится гимнастический зал для юношей, а на востоке - термы или горячие бани. Этот гимнасий по своим размерам отождествляется с тем, что в надписи названо "Панегирическим гимнасием", где, несомненно, проводились общественные праздники и соревнования. Он представлял собой открытую площадку размером 36 на 74 метра, окруженную коринфской колоннадой времен Адриана, которая заменила более раннее дорическое здание. Перед колоннами находятся основания, на которых были установлены статуи. На колоннаду выходило множество комнат, особенно просторными были северные. Один из них, большой зал с апсидой в обоих концах, назван раскопщиками Императорским залом из-за надписи на архитраве: "Императорам и Отечеству". Пол двора не вымощен, но в северо-восточном углу есть небольшая круглая вымостка, которая, возможно, обозначает место расположения умывального фонтана. Вдоль южной стороны гимнасия тянется длинный коридор, выходящий на значительное расстояние за пределы гимнасия по обе стороны и имеющий общую длину 200 метров, который, очевидно, был ксistosом или беговой дорожкой, а за ним находятся около тридцати или более небольших комнат, которые могли служить жильем для участников соревнований. Эти комнаты, должно быть, были поздним дополнением, поскольку в первоначальном здании под полуоткрытым коридором проходил второй сводчатый коридор, окна которого, должно быть, были заблокированы более поздними постройками. Эта крытая беговая дорожка (crypto-porticus), по-видимому, первоначально выходила на четвертую террасу, разделяющую верхнюю и среднюю террасы, северная половина которой впоследствии была занята фундаментом описанных комнат, а южная половина была вырыта, чтобы стать частью новой двойной колоннады средней террасы. С этого момента сводчатый коридор стал бесполезен для спортивных целей. Восточная половина террасы занята термами, подробности которых нас не касаются.

До окончательной публикации результатов раскопок бесполезно пытаться определить назначение различных зданий. Некоторые из них упоминаются в надписях. Диодор, сын Героиды,^[841] знатный гражданин, занимавший должность гимнасиарха около 127 года до н. э., восстановил гимнастический зал юношей и отремонтировал крытую колоннаду, περίπατος, окружавшую суд. Далее, обнаружив, что конистерийон, или пыточная, был совершенно недостоин гимнасия, он за свой счет построил другой с мраморной экседрой перед ним и перестроил из мрамора холодную баню, примыкавшую к нему. Метродор, о котором мы уже упоминали, разместил в ванной комнате несколько общественных бассейнов (ληνοί) и улучшил водоснабжение. Он разместил в сферистериионе два общественных бассейна, описанных как λουτήρας, которые, по-видимому, использовались для хранения масла, а также сделал подходящие условия для безопасного хранения одежды. В знак признания этих даров его статуя была воздвигнута в парадромисе гимнасия.

Атлетика была неотъемлемой частью греческого образования, поэтому гимнасии, естественно, находились под контролем различных магистратов, отвечавших за воспитание и дисциплину молодежи. Титулы и функции этих магистратов, а также должностных лиц, составлявших персонал гимнасий, значительно различались в разные времена и в разных местах, и поэтому различия между ними очень плохо определены. Полностью рассмотреть их в рамках этой книги невозможно, да и нецелесообразно: большинство известных нам подробностей относится к эллинистическому и римскому периодам. Поэтому я ограничусь кратким общим рассказом о наиболее важных из этих должностных лиц, отсылая читателя за более подробными сведениями к специальным работам, посвященным этому вопросу.

Гимnasiарх^[842] первоначально должен был быть магистратом, отвечающим за гимназии, и это может быть только случайностью, что самые ранние чиновники с таким именем, о которых мы знаем, гимнасиархи Афин в V и IV веках, не имели такого общего контроля над гимназиями и были не более чем лампадаркой, ответственными за подготовку команд для различных факельных гонок, которые были одним из любимых развлечений афинского населения. Возможно, причина такого узкого использования термина в том, что со времен Солона дисциплина и воспитание молодежи, а следовательно, и надзор за гимназиями, находились в руках совета из десяти человек, называемых софронистами, а в конце IV века мы видим, что один магистрат, космет, очевидно, взял на себя их функции и осуществлял верховный контроль над эфебиями. Таким образом, в Афинах не было места для специального гимнасиарха, который мы находим во многих греческих государствах, начиная с третьего века, и который, несомненно, должен был существовать гораздо раньше, если мы можем доверять очевидному значению этого титула.

В Афинах гимнасиархия была одной из регулярных лейтургий, или общественных служб, которые требовались от богатых граждан на благо государева народа. В ранние времена обязанностью гимнасиарха была подготовка команды юношей или мальчиков, а иногда и двух команд, для участия в одной из многочисленных факельных гонок. Эти команды представляли различные племена, каждое из которых выбирало определенное количество имен богатых соплеменников и представляло их царю-архонту для окончательного выбора. Выбранный гимнасиарх должен был собрать и обучить команду, найти инструкторов, предоставить масло и факелы, а также оплатить все остальные расходы. Если его команда добивалась успеха, он посвящал богам памятник победы, и в обмен на все его хлопоты его имя фигурировало одно или во главе его эфебей в официальном списке победителей и в записях о победе. Несомненно, он обладал определенной властью над эфебиями своего племени или, по крайней мере, над теми, кто был в его команде, но не имел общего контроля над общественными гимназиями.

В эллинистические и римские времена гимнасиарх выступает как своего рода министр образования, поддерживающий дисциплину среди молодежи, осуществляющий контроль над гимназиями и, как правило, оплачивающий из своего кармана многие расходы. Иногда гимнасиархия остается добровольной службой. Так было в Афинах и во многих других государствах, особенно в Малой Азии во времена империи. Среди выдающихся людей, которые занимали эту должность, мы находим Марка Антония в Афинах и Александрии, Тиберия и Германика в Саламине на Кипре, Тита в Неаполе, Адриана в Элевсисе и, несомненно, Ирода Аттика в Афинах. Обычно эта должность занималась в течение года, но иногда ее добровольно продлевали, а то и оставляли на всю жизнь и передавали от отца к сыну. Мы даже слышим о женщинах, служивших гимнасиархами.

Как правило, в последние три века до н. э. гимнасиархия - это не лейтургия, а общественная магистратура. Гимnasiарх назначается собранием и занимает свой пост в течение одного года. В Сеосе^[843] он должен быть старше тридцати лет. Надпись из Финтии^[844] говорит нам, что он отвечает за эфебей, неотерей и вообще за тех, кто пользуется гимнасием, и за все дела, связанные с гимнасием. Ему помогают подчиненные, иногда гипогимnasiарх, иногда пайдонос, присматривающий за младшими мальчиками, иногда другие гимнасиархи, отвечающие за юношей разного возраста. В Теосе^[845] он отвечает за назначение и оплату гопломахов и инструкторов по владению луком и копьем. Он отвечает за дисциплину молодежи, пресекает беспорядки среди них, следит за их образованием в области литературы, а также атлетики, прежде всего он лично следит за военной подготовкой эфебей и организует соревнования для проверки их эффективности, он поддерживает дисциплину иногда с помощью розги, иногда с помощью штрафов.

Независимо от того, была ли гимнасиархия лейтургией или государственной магистратурой, она требовала значительных расходов. Суммы, выделяемые государством на содержание гимнасий, часто были до смешного недостаточными, и гимнасиарху приходилось пополнять их из собственного кармана; нередко он вообще отказывался от использования государственных денег, обеспечивая все расходы самостоятельно. Главной статьёй расходов было обеспечение маслом. Даже в таком небольшом государстве, как Иасос, поставки масла для одного гимнасия обходились в 450 денариев в месяц.^[846] Во времена империи количество соревнований, а следовательно, и расходы на масло и другие нужды, умножались с необычайной скоростью. В Тавромении число состязаний возросло с двадцати четырех в год в 69 г. н. э. до восьмидесяти одного в 92 г. н. э.^[847] Жертвоприношения, процессии, пиры, призы давали широкий простор для либеральности гимнасиархов, которая часто принимала более постоянную форму в дорогостоящих ремонтах и пристройках к зданиям гимнасий и бань.

Описанных выше гимнасиархов не следует путать с эфебическими гимнасиархами в Афинах - должностными лицами, избираемыми эфебоями из своих рядов. Расходы на обучение в значительной степени несли сами эфебои, и поэтому они, по-видимому, часто избирали в качестве капитанов богатых юношей, готовых полностью или частично покрыть общественные расходы на любой срок от месяца до года.

Фактическими учителями были пайдотрибы и гимнасты. Пайдотриб, как следует из его названия, был учителем мальчиков, который тренировал их тела, как школьный учитель тренировал их умы; гимнаст был тренером атлетов для атлетических состязаний. Таково изначальное различие между ними, и хотя на практике их функции часто пересекались, а у Платона эти термины стали практически синонимами, изначальное различие никогда не исчезало полностью.

Пайдотрибы существовали задолго до гимнастов, ведь атлетические упражнения были частью национального образования задолго до того, как возникла потребность в специализированной атлетической подготовке. Со времен Солона образование находилось в руках пайдотрибаев и школьного учителя.^[848] В большинстве государств образование было добровольным, а пайдотрибаи обычно были частными учителями, получавшими плату за свои услуги. В IV веке плата, по-видимому, составляла мину (около 4 фунтов стерлингов) за весь курс обучения.^[849] Многие из пайдотрибаев имели собственные палестры; в противном случае они должны были водить своих учеников в общественные палестры и гимназии, которые в любом случае использовались для таких занятий, которые требовали больше места, чем можно было найти в обычной палестре.^[850] Помимо тех частных пайдотрибаев, которые брали учеников с семи лет, были и другие, которым государство платило за руководство обучением эфебоев. В Теосе пайдотрибы получали в III веке 500 драхм в год.^[851] Обучение эфебоев было практическим и военным и не имело связи с профессиональной атлетикой, и пайдотрибы регулярно фигурируют в эфебских надписях вплоть до новейших времен.

Таким образом, в ведении пайдотриба находились мальчики с седьмого по двадцатый год жизни. Но обучения, которое он давал, конечно, было недостаточно для тех, кто стремился завоевать призы в великих играх. Для них требовались особые природные способности и особая практика для их развития; а особую практику им обеспечивали гимнасты.^[852] Однако ничто не мешало успешному пайдотрибу, если он обладал необходимыми навыками и знаниями, использовать их для подготовки атлетов. Ведь не каждый мог позволить себе услуги чемпиона-боксера или борца. Кроме того, пайдотрибы могли посвятить себя медицинской гимнастике.^[853] Геродик Селимбрийский, основатель медицинской гимнастики, по преданию, был пайдотрибом, страдавшим от нездоровья, и на личном опыте открыл для себя способы лечения болезней с помощью диеты и физических упражнений. Следовательно, пайдотрибы могли быть и гимнастами. Но такая подготовка и такие знания были вне его компетенции, а в компетенции

сержанта, в обязанности которого входит обучение мальчиков разного возраста определенным движениям и упражнениям. По мере того как атлетика становилась все более профессиональной, а медицинская гимнастика развивалась, разница между пайдотрибами и гимнастами увеличивалась, пока у Галена и Филострата мы не видим, что пайдотрибы подчинены гимнастам, как простой сержант - профессору физической культуры. Гален сравнивает их, соответственно, с поваром и врачом.^[854]

Гимнасты вряд ли могли появиться намного раньше начала пятого века.^[855] Его работа заключалась частично в совершенствовании учеников в том или ином виде атлетики, частично в развитии их силы и подготовке их к надлежащему состоянию. Ранние гимнасты, о которых мы читаем у Пиндара и Вакхилида, посвящали себя в основном практическому обучению. Часто они сами были успешными атлетами, особенно боксерами и борцами, которые, уйдя с соревнований, занялись преподаванием и, несомненно, были богато вознаграждены своими покровителями. Таким был Мелесий, воспитавший тридцать победителей в борьбе и панкратионе;^[856] Иккус из Тарента, победитель в пятиборье в Олимпии в ОI. 76, самый знаменитый тренер своего времени; Дромеус из Стимфала и Пифагор из Самоса, которым приписывали введение мясной диеты. Эти дрессировщики, как и другие учителя, отправлялись туда, где могли найти рынок сбыта. Менандр из Афин обучал Пифея из Эгины побеждать.^[857] Мы ни на секунду не можем предположить, что такие люди опускались до работы обычных платных племен, хотя, как я уже предположил, часто происходило наоборот. Это был век науки, и в руках гимнастаев и пайдотрибаев в середине пятого века возникла новая наука гимнастика, целью которой было не выполнение конкретных упражнений, а выработка определенных физических кондиций (ἔξις),^[858] особенно кондиций, необходимых для атлетического успеха. Его профессора в четвертом веке в обычной речи называются пайдотрибаи, а Исократ^[859] описывает его как отрасль искусства пайдотрибаев, несомненно, потому, что его исповедовали очень многие пайдотрибаи. Новая наука была тесно связана с медициной. Тренер, как и врач, должен был знать диету и влияние на организм различных видов пищи;^[860] он также должен был знать само тело и влияние на него различных упражнений; он также должен был разбираться в человеческом животном и уметь сказать, в каком виде атлетики тот или иной человек имеет больше всего шансов преуспеть, и какая именно форма тренировки ему требуется.^[861] Идеальный гимнаст, по мнению Аристотеля,^[862] должен знать, что является идеально лучшим состоянием для идеально лучшего человека, что является лучшим для среднего человека и что является лучшим для любого конкретного человека. К сожалению, искусство гимнастов почти с самого начала было связано с подготовкой профессиональных атлетов, и состояние, к которому они стремились, было тем искусственным состоянием, которое требовалось для успеха в том или ином виде легкой атлетики. В то же время медицинская гимнастика была испорчена шарлатанством, которое с IV века свирепствовало во всех областях знания.^[863]

Были и другие должностные лица, связанные с гимнасиями. Ксистерх был президентом одной из тех гильдий профессиональных атлетов, которые мы находим при империи. Алейпт - это человек, который смазывал маслом и натирал людей, занимавшихся в гимнасиях. Это было частью работы пайдотрибов или гимнастов, и сомнительно, что для этой цели существовали специальные чиновники. У Аристотеля aleiptes - это просто другое название гимнаста.^[864] В римские времена мы находим рабов (*unctores*), выполняющих эту работу в общественных банях, и, возможно, они существовали и в греческих гимнасиях. Упоминаются также подчиненные чиновники, гипопайдотрибы или помощники, и другие, отвечавшие за палестру и ее содержимое, называемые по-разному: палестрофилаксы, эпимелеты, эпистаты. Кроме них, в эллинистические времена существовали специальные инструкторы для особых упражнений: сфайристы, обучавшие игре в мяч, аконтисты и токсоты, дававшие наставления по использованию копья и лука, а также гоппомахы, дававшие уроки по обращению с оружием.

О специальных тренировках, предписанных атлетам, известно немного, кроме нескольких деталей, касающихся диеты, которые были отмечены в предыдущих главах этой книги, и еще нескольких деталей, отмеченных под специальными упражнениями, с которыми они связаны. Существовали руководства по атлетической подготовке, но все они утрачены, за исключением позднего трактата Филострата, на который мы так часто ссылались. Что касается атлетики как отрасли образования, то мы несколько лучше информированы, и очень поучительно сравнить физическую подготовку, которую давали в пятом и четвертом веках до нашей эры, с системой, описанной Галеном во втором веке нашей эры.

Тренировки более раннего периода основывались на тех атлетических упражнениях, которые во все времена составляли программу греческих атлетических собраний. К ним можно добавить игру в мяч, которую Плавт перечисляет в числе упражнений, составлявших тренировку молодого грека до двадцати лет.^[865] Эти упражнения преподавались постепенно, сначала простые движения или позиции (σχήματα) по отдельности, затем комбинации этих движений, которые требовали большего напряжения.^[866] Многие из этих движений допускали преподавание в классах как упражнения под музыкальный аккомпанемент. Такие упражнения, особенно с алебардами, иногда изображены на вазах.^[867] Различные приемы и броски в борьбе преподавались таким образом, и мы имеем на папирусе Оксирина, на который мы уже ссылались, часть такого урока борьбы.^[868] Танцы могли быть использованы таким же образом: движения борьбы имитировались в танце спартанских мальчиков под названием "гимнастическая пайка"^[869] так же, как движения войны имитировались в Пирре и других военных танцах. В четвертом веке особое внимание уделялось упражнениям военного характера, использованию оружия всех видов и верховой езде, но эти упражнения, должно быть, предназначались в основном для учеников старшего возраста эфебов. Мастерство в различных упражнениях поощрялось многочисленными фестивалями и местными соревнованиями, на которых разыгрывались призы для мальчиков разных возрастов. Подготовка команд для факельных гонок и хоров для танцевальных конкурсов, хотя формально и не являлась частью образования, которое давали пайдоты, должна была обеспечить тем, кто в них участвовал, значительное количество здоровых и приятных упражнений.

Жизнь в этот период проходила в основном на свежем воздухе, а формальные тренировки в палестре дополнялись охотой, плаванием, греблей и другими видами физических упражнений. Города в Греции были небольшими, и охота, как правило, была легкодоступной. В Аттике из-за роста населения и распространения земледелия дичи было мало, поэтому во времена Ксенофонта спорт пришел в упадок, но краснофигурные вазы доказывают его популярность в V веке. Плавание и ныряние были обычными видами отдыха. Каждый грек умел плавать, и не уметь плавать было таким же признаком необразованного человека, как и незнание букв.^[870] Гребля, должно быть, тоже была всеобщим достижением, по крайней мере среди греков, живших у моря; но мы ничего не знаем об обучении гребле или плаванию. Вероятно, греческий мальчик сам учился плавать и грести или перенимал эти навыки у своих товарищей.

Здесь также присутствовал элемент соревнования. В Гермионе мы слышим о соревнованиях по прыжкам в воду (или, возможно, плаванию^[871]), а также о лодочных гонках.^[872] Мы видели, что лодочные гонки проводились на Истмии и на различных афинских праздниках. Во времена Августа на Актийском празднике также проводились лодочные гонки; профессор Перси Гарднер показал, что на монетах Корсиры и Никополья, на которых иногда изображена победоносная галера, есть возможная ссылка на это соревнование. Монеты наводят на мысль о гонке между галерами, подобной той, что описана в "Энеиде", но лодки, использовавшиеся в афинских гонках, скорее всего, были не триремами, а небольшими лодками с одним веслом, тендер-лодками (ὀπλητικά), которые всегда сопровождали флот. Лодка такого типа изображена на стеле эллинистического или римского периода в Афинском музее (рис. 190). Это длинная узкая лодка с

заостренным клювом впереди и изогнутым аппаратом на корме, в ней сидят восемь гребцов. Весла не видны. Мужчины обнажены и сидят непринужденно, а самый маленький из команды - Боу - держит в руках пальмовую ветвь. Число восемь, конечно, чистая случайность. Кокса в лодке нет, но на верхней части стелы стоят три фигуры: в центре - задрапированная фигура, вероятно, гимнасиарха, который снаряжал и обучал команду, слева от него - обнаженный юноша с пальмой, справа - юноша в хламиде, венчающий мужчину в центре. Этих двоих профессор Гарднер отождествляет с гребцом и коком победоносного экипажа.

Рис. 190. Стела с изображением победоносного экипажа. Афины. (Эллинистический период?)

Когда мы приходим к Галену, мы, кажется, переходим из свободной и открытой атмосферы игрового поля и деревни в искусственный воздух городского гимнасиума. Простые упражнения более раннего периода, так неразрывно связанные с жизнью и привычками людей, уступили место научной системе физической подготовки, основанной на обучении многих поколений гимнасистеров. В своем трактате о здоровье^[873] он подробно описывает упражнения, подходящие для юношей в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года. Он выделяет упражнения для ног, рук и туловища. Далее он делит упражнения на те, которые напрягают мышцы и придают им тонус без сильных движений (τὰ εὐτονα), быстрые движения, способствующие активности (τὰ τάχεα), и сильные упражнения (τὰ σφόδρα). В качестве примеров первого класса он называет копание, вождение автомобиля, перенос тяжестей, лазание по канату и упражнения на сопротивление, например, удержание вытянутых рук, когда другой человек пытается их опустить. Среди быстрых упражнений он перечисляет бег, спарринг, использование кортика или боксерского мяча, игру в мяч, катание по земле "в одиночку или с другими", упражнение, похожее на "захват" в футболе, и разнообразные движения ногами и руками. Многие из этих движений хорошо известны в современных физических упражнениях. Так, например, ἐκπλεθρίζειν - это знакомая нам фигура бега, в которой бегун бежит по все уменьшающемуся кругу, пока не дойдет до центра. Другое упражнение (πιτυλίζειν) заключалось в маршировании на носках и одновременном взмахе руками. Упражнения для ног включают в себя прыжки вверх-вниз и поочередное поднятие ног назад и вперед. Упражнения для рук - это обычные движения с гантелями, выполняемые быстро без гантелей, с открытыми или сжатыми руками. Наконец, любое из упражнений первого класса может стать жестоким, если выполнять его быстро и без перерыва, а быстрые упражнения становятся такими, если выполнять их с тяжестями или в тяжелых доспехах. Помимо предписания упражнений, Гален устанавливает подробные правила для времени выполнения упражнений, а также для массажа до и после них. Фактическое обучение этим упражнениям, должно быть, находилось в руках пайдотрибаев, но руководство

тренировками и расположением упражнений, по мнению Галена, - дело гимнаста, который один обладает научными знаниями в области физической подготовки.

Подробности этой подготовки представляют большой интерес для студентов, изучающих образование и гигиену. Действительно, в наших современных системах физического воспитания мало что можно найти такого, что не было бы предвосхищено в греческих медицинских трудах. Мы не знаем, насколько принципы Галена были реализованы на практике, хотя можно предположить, что только в отношении отдельных людей, и что они не имели большого влияния на нацию. Но в этом мы можем быть уверены: физическая культура не сделала и не могла сделать для современников Галена того, что атлетика сделала для их предков. Также физическая культура никогда не сможет занять место наших игр. Ведь в ней отсутствует элемент соревнования, и она не может вдохновлять. Между ними нет никакого антагонизма. Оба они ценны, но сферы их применения различны. Физическая культура - это отрасль образования, очень важная и до сих пор постыдно пренебрегаемая в Англии, и поэтому она должна проводиться в рамках дисциплины: это вопрос принуждения. Легкая атлетика и игры являются или должны быть вопросом свободного выбора, а принуждение, как правило, убивает дух радости, который является их сутью. Физическая культура развивает тело и прививает привычки к дисциплине, но она не может привить те более высокие качества, мужество, выносливость, самообладание, вежливость, качества, которые развиваются в наших собственных играх или в таких мужественных видах спорта, как бокс и борьба, когда они проводятся в истинном духе дружеского соперничества: она не может научить мальчиков "играть в игру" в битве жизни; она никогда не могла вдохновить поэзию Пиндара или искусство Мирона.

БИБЛИОГРАФИЯ

N.B. - Не приводятся ссылки на статьи или разделы, посвященные атлетике или атлетическим праздникам, в следующих справочных изданиях:...

Baumeister, A. Denkmäler des klassischen Altertums.

Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités.

Frazer, J. G. Pausanias.

Iwan von Müller. Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft.

Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie.

Шрайбер-Андерсон. Атлас классической древности.

Смит, В. Словарь древностей.

И т. д. и т. п.

А. АТЛЕТИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ

1. Олимпия.

Олимпия. Die Ergebnisse der von dem deutschen Reich veranstalteten Ausgrabung. Edd. Э. Курциус и Ф. Адлер. Берлин, 1892-1897.

Bötticher, A. Olympia: das Fest und seine Stätte. 2-е изд. Берлин, 1866.

Flash, A. Olympia, in Baumeister's Denkmäler, ii. p. 1053. Мюнхен и Лейпсик, 1887.

Гарднер, П. Олимпия, в Новых главах греческой истории. London, 1892. О древних Олимпийских играх, в Официальном справочнике Олимпийских игр. Лондон, 1908.

Hachtmann, K. Olympia u. seine Festspiele. Gütersloh, 1899.

Krause, J. H. Olympia. Вена, 1838.

С. П. Ламброс и Н. Г. Политис. Οἱ Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες. Афины, 1896.

Леонардос, Б. Ὀλυμπία. Athens, 1901.

West, G. A Dissertation on the Olympick Games, in his translation of The Odes of Pindar. London, 1753.

(b) Хронология и списки победителей

S. Julii Africani Ὀλυμπιάδων ἀναγραφὴ (Eusebii Chronic. (Schoene), i. 193) rec. J. Rutgers. Leyden, 1862.

Diehl, C. Olympische Sieger. *Hermes*, xxxvi. p. 71.

Förster, H. Sieger in den olympischen Spielen. 2 части. Цвиккау, 1891, 1892.

Guttman, W. De Olympionicis apud Minae Philostratum. Бреслау, 1865.

Hyde, W. De Olympionicarum statuis a Pausania commemoratis. Halle, 1903.

Körte, A. Die Entstehung der Olympionikenliste. *Hermes*, xxxix. p. 224.

Mahaffy, J. P. On the Authenticity of the Olympic Register. *J.H.S.* ii. 164.

Robert, C. Die Ordnung der olympischen Spiele und die Sieger der 75-83 Olympiade. *Hermes*, xxxv., 1900. p. 141.

(c) Разное

Dissen, L. De ordine certaminum Olympicorum. Göttingen, 1841.

Dörfeld, W. Alter des Heiligtums von Olympia. *Ath. Mitth.* xxxi. p. 205. Тиринс, Олимпия, Пилос. *Ib.* xxxii. p. 1. Пиза в Олимпии. *Ib.* xxxiii. p. 318. Olympia in prähistorischer Zeit. *Ib.* p. 185.

Дайер, Л. Олимпийские сокровищницы и сокровищницы вообще. *J.H.S.* xxv. p. 294. Детали олимпийских сокровищниц. *Ib.* xxvi. p. 46. Олимпийский театр и битва при Олимпии. *Ib.* xxviii. p. 250. Олимпийский дом-совет и совет. *Harvard Studies in Classical Philology*, xix. p. 1.

Förster, H. De Hellanodicis Olympicis. Leipsic, 1879.

Hermann, G. De Hippodromo Olympico. Leipsic, 1839.

Хольверда, Й. Олимпийские исследования. *Arch. Zeit.*, 1880, pp. 169-172. (1) Die Folgenreihe der Festspiele. (2) Ἐφεδρος и ἐφεδρεία.

Mie, F. Quaestiones agonisticae, imprimis ad Olympia pertinentes. Росток, 1888.

Mommsen, A. Über die Zeit der Olympien. Лейпсик, 1891.

Puchstein, O. Altar des olympischen Zeus. *Jahrb.*, 1896, p. 53.

Robert, C. Sosipolis in Olympia. *Ath. Mitth.*, xviii. p. 37.

Scherer, C. De Olympionicarum statu. Göttingen, 1885.

Schöne, H. Neue Angaben über den Hippodrom zu Olympia. *Jahrb.*, 1897, p. 150.

Weniger, L. Das Hoch Fest des Zeus in Olympia. *Klio*, 1904, p. 125; 1905, pp. 1, 184. Olympische Forschungen. *ib.*, 1906, pp. 1, 259; 1907, p. 145; 1909, p. 291.

Wernicke, K. Olympische Beiträge. *Jahrb.*, 1894, pp. 88, 127, 191; 1897, p. 169. (1) Altäre, (2) Heraion, (3) Proedria u. Hellanodikeon, (4) Gymnasien, (5) Hippodrom, (6) Ostgiebel des Zeustempels.

II. Панэллинские празднества

Corsini, E. Dissertationes IV. agonisticae quibus Olympiorum, Pythiorum, Nemeorum atque Isthmiorum tempus inquiritur ac demonstratur. Флоренция, 1747.

Krause, J. H. Die Pythien, Nemeen und Isthmien. Leipsic, 1841.

Homolle, T. Les Fouilles de Delphes. Париж, в процессе работы.

Droysen, J. G. Die Festzeit der Nemeen. *Hermes*, xiv., 1879, p. 1.

Bury, J. B. Pindar. Немеянские оды. (*Vide Appendix.*) London, 1890.

Джебб, сэр Ричард К. Вакхилид. (*Vide Introduction.*) Cambridge, 1905.

Monceaux, P. Fouilles et recherches archéologiques au sanctuaire des jeux isthmiques. *Gazette archéologique*, 1884, ix. pp. 273-285, 352-365; 1885, x. pp. 205-214, 402-412.

Pomtow. Studien zu den Weihgeschenken und der Topographie von Delphi. *Ath. Mitth.* xxxi. p. 437.

Unger, G. T. Die Zeit der nemeischen Spiele. *Philologus*, xxxiv., 1874, pp. 50-64. Die Winter Nemeen. *ib.* xxxvii., 1877, pp. 524-566. Die Isthmien und Hyacinthien. *ib.* xxxvii., 1877, p. 1.

Villoison. Recherches historiques sur les jeux néméens. (*Hist. de l'Acad. des Inscr. et Belles-Lettres*, xxxviii. p. 29.)

III. Панафиней

Böckh, A. De ludis Panathenaicis. Berlin, 1832.

Michaelis, A. Der Parthenon. Leipsic, 1871.

Mommsen, A. Feste der Stadt Athen. Лейпсик, 1898.

Smith, A. H. Sculptures of the Parthenon (часть каталога скульптур Британского музея).

В. ГРЕЧЕСКАЯ АТЛЕТИКА

(a) Общие сведения

Krause, J. H. Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen. Leipsic, 1841.

Fabri, P. Agonisticon. Lugduni, 1592.

Grasberger, L. Erziehung und Unterricht im klassischen Altertum. Würzburg, 1864.

Jaeger, O. Die Gymnastik der Hellenen. Stuttgart, 1878.

Mercurialis. De arte gymnastica. Venetiis, 1573.

Meursii, J. De ludis Graecorum. Elzevir, 1662.

Paciaudi, P. M. De athletarum κυβιστήσσει in palaestra Graecorum. Рим, 1756.

Филострат. Полную библиографию "*Гимнастика*" см. в издании Ютнера, с. 84.

Darembert, Ch. Philostrate. Traité sur la gymnastique. Paris, 1858.

Kayser, G. L. Philostrati libri de Gymnastica quae supersunt. Heidelberg, 1840. Flavii Philostrati opera. Лейпсик, 1870.

Jüthner, Julius. Philostratos über Gymnastik. Лейпсик и Берлин, 1909.

(b) Специальный

Burette, M. In Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1736. Mémoire pour servir à l'histoire de la sphéristique ou de la paume des anciens, i. p. 153. Mémoires pour servir à l'histoire des athlètes, i. pp. 211, 237, 258. Mémoire pour servir à l'histoire de la lutte des anciens, iii. p. 228. Mémoire pour servir à l'histoire du pugilat des anciens, iii. p. 255. Mémoire pour servir à l'histoire de la course, iii. p. 280. Dissertation sur ce qu'on appelle pentathle, iii. p. 318. Диссертация об упражнении с диском или палетой, iii. p. 330.

Гардинер, Э. Н. Метод решения пятиборья. *J.H.S.* xxiii. p. 54. Заметки о греческих скачках. *Ib.* xxiii. p. 261. Фаиллус и его рекордный прыжок. *Ib.* xxiv. p. 70. Дальнейшие заметки о греческом прыжке. *Ib.* xxiv. p. 179. Борьба, I., II. *Ib.* xxv. pp. 14, 263. Панкратион и борьба. *Ib.* xxvi. p. 4. Метание диска. *Ib.* xxvii. p. 1. Метание копья. *Ib.* xxvii. p. 249.

Ютнер, Юлиус. Antike Turngeräthe. (Halteres, Diskos, Akontion, Himantes.) Vienna, 1896. Также в Pauly-Wissowa, *passim*.

Бокс

Фабретти. Columna Trajani, p. 260. Рим, 1683.

Фрост, К. Т. Греческий бокс. *J.H.S.* xxvi. p. 213.

Hülse. Il Cesto dei pugili antiqui. *Röm. Mitth.* iv. 175.

Дискос

Chryssaphis, J. E. Ἡ Ἑλληνικὴ δισκοβολία in "Bulletin du comité des jeux olympiques", No. 3, p. 59. Афины, 1906.

Kietz, G. Der Diskoswurf bei der Griechen. Agonistische Studien, i. Munich, 1892.

Pernice, E. Zum Diskoswurf. *Jahrb.*, 1908, p. 95.

E. R. The Diskos Thrower. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, New York*, 1908, iii. 2, p. 31.

Робертсон Г. С. О метании диска в "Официальном справочнике Олимпийских игр". Лондон, 1908.

6. Вазы полихромные на нуаровом фоне. Appendice au sujet du discobole. *Gaz. Arch.*, 1888, 291.

Ипподром и др.

Helbig, W. Les Hippeis athéniens. Paris, 1902.

Martin, A. Les Cavaliers athéniens. Paris, 1886. Также в Dar.-Sagl., s.v. Hippodrome.

Pollack, E. Hippodromica. Лейпсик, 1890.

Копье и аментум

Bertrand, A. L'Amentum et la cateia sur line plaque de ceinture en bronze. *Revue arch.*, 1884, 104 f.

Köchly. Opuscula, ii. 351 ff.

Krause, F. Schleudervorrichtungen für Wurf Waffen. *Internationales Archiv*. Leyden, 1902, pp. 121 ff.

Mérimée, P. *Revue arch.*, 1860, 2nd Ed., 210 f.

Прыжок

Кюпперс. *Arch. Anz.*, 1900, 104 ff.

Пиндер, Э. *Arch. Anz.*, 1864, 230 f.

Roulez, M. Mémoire sur une coupe de Vulci. Брюссель, 1842.

Раса в доспехах

Хаузер. Zur Tübinger Bronze, i., ii. *Jahrb.* 2, 1887, p. 95; 1895, p. 182.

De Ridder, A. L'Hoplitodrome de Tübingen. *B.C.H.*, 1897, p. 211.

Группы борцов

Фёрстер. *Jahrb.*, 1898, p. 178; 1901, pp. 49-51.

Перкюзет. *Rev. arch.*, 1903, sér. 1, pp. 396-397.

Пентатлон

Блюмнер. В "Denkmäler" Баумейстера, i. p. 1592.

Böckh, A. Adnotationes criticae, в его издании Пиндара, 1811. Über die kritische Behandlung der pindarischen Gedichte. *Abhandlungen d. Berl. Akad.*, 1822-1823, p. 391.

Faber, Martin. Zum Fünfkampf der Hellenen. *Philologus*, 1891 (L), p. 469.

Fedde, F. Der Fünfkampf der Hellenen. Breslau, 1888. Über den Fünfkampf d. Hell. Leipsic, 1889.

Fennell, C. A. M. The Pentathlon, in his edition of Pindar's Nemean and Isthmian Odes. Cambridge Press, 1883.

Gardner, P. The Pentathlon. *J.H.S.* i. p. 210.

Haggenmüller. Die Aufeinanderfolge der Kämpfe im Pentathlon. Berlin, 1892.

Heinrich, K. E. Über das Pentathlon der Griechen. Würzburg, 1892.

Hermann, G. Commentationes de metris Pindari. Ed. Heyne, iii. 225. De Sogenis Aeginetae victoria quinquertii. Lips., 1822.

Holwerda. Zum Pentathlon. *Arch. Zeit.*, 1881, pp. 205-216.

Legrand, Ph. E. In Dar.-Sagl., s.v. Quinquertium. 1907.

Marquardt, H. Zum Pentathlon der Griechen. Güstrow, 1886.

Myers, E. The Pentathlon. *J.H.S.* ii. p. 217.

Philipp, G. F. De Pentathlo. Berlin, 1827.

Pinder, E. Über den Fünfkampf der Hellenen. Berlin, 1867.

(с) Разное

Basiades, C. De vet. Graecorum gymnastice. Берлин, 1858.

Беккер, В. А. Хариклес. Leipsic, 1840.

Bintz, J. Die Gymnastike d. Hellenen. Gütersloh, 1878.

Egger, J. B. Begriff der Gymnastik bei den alten Philosophen und Medizinern. Freiburg (Switz.), 1903.

Freeman, K. J. Schools of Hellas. Macmillan & Co., 1907.

Gardner, P. Boat-races among the Greeks. *J.H.S.*, ii. p. 90. Лодочные гонки в Афинах. *Ib.* p. 315. Стела в честь победы в лодочных гонках. *Ib.* xi. p. 146.

Girard, P. L'Éducation athénienne. Paris, 1889.

Gutch, C. The Greek Games. Кембридж, 1900.

Joubert, L. De gymnasiis et generibus exercitationum apud antiquos. Sallengre Thes., i.

Jüthner, J. Gymnastisches in Philostrate's Eikones. Eranos Vindob. p. 310. Вена, 1893.

Lindemann, F. De utilitate artis gymnasticae apud Graecos. Zitt., 1841.

Mie, F. Über die διὰ πάντων καὶ ὁ ἐπινίκιος in agonistischen Inschriften. *Ath. Mitth.* xxxiv. p. 1.

Petersen, Chr. Das Gymnasium der Griechen. Hamburg, 1858.

Polke. Artis gymnasticae apud Graecos origo atque indoles. Gleiw., 1851.

Richter, W. Die Spiele der Griechen und Römer. Leipsic, 1840.

Stallbaum, G. De vet. gymnasiolorum disciplina et institutione. Leipsic, 1856, 1858.

Тарбелл, Ф. Б. Пальма победы. *Classical Philology*, iii. p. 264.

Уилкинс, А. С. Римское образование. Cambridge Press, 1905.

P. Wolters. Zu griechischen Agonen. Würzburg, 1901.

С. АТЛЕТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Н.В. - Следующий раздел не претендует на полноту. Ссылки, как правило, слишком разрозненны и фрагментарны, чтобы включать их в библиографию. Много информации можно найти во всех историях и справочниках по атлетическому искусству.

Монеты (для конных типов)

Хилл, Г. Ф. Исторические греческие монеты. Лондон, 1906.

Evans, A. The Horsemen of Tarentum. Лондон, 1889.

Мозаики

Лукас, Ганс. Athleten-Typen. *Jahrb.* xix., 1904, pp. 127-136.

Secchi, P. Musaico antoniniano.

Скульптура .

Furtwängler, A. Die Bedeutung der Gymnastik in der griechischen Kunst. Leipsic, 1905.

Гарднер, П. Апоксиомен Лисиппа. *J.H.S.* xxv. p. 234.

Kalkmann, A. Die Statue von Subiaco. *Jahrb.*, 1895, p. 46.

Патер, Уолтер. The Age of Athletic Prizemen, in Greek Studies. London, 1895.

Waldstein, C. Pythagoras of Rhegium and the Early Athletic Statues. *J.H.S.* i. p. 168; ii. p. 332.

Вазы

Ссылки на наиболее важные атлетические вазы можно найти в нашем списке иллюстраций. Следующий список ограничивается панафинейскими вазами.

Böckh, A. De vasorum Panathenaicorum generibus. Berlin, 1831.

Dickins, G. Panathenaic Amphorae found at Sparta. *B.S.A.* xiii. p. 150.

Хирманс, Т. У. Фрагмент датированной панафинейской амфоры. *Amer. Journ. Archaeology*, 1896, p. 331.

Heinze, F. Eine panathenäische Amphore des akademischen Kunstmuseums zu Bonn. *Bonner Studien R. Kekulé gewidmet.* Berlin, 1890, p. 240.

Hoppin, J. C. A Panathenaic Amphora. *Amer. Journ. Archaeology*, 1906, p. 385.

Pottier, E. Amphora panathénaique. *B.C.H.* vi. p. 168.

Робинсон, Д. М. Фрагмент панафинейской амфоры. *Amer. Journ. of Philology*, 1908, p. 47.

Смит, сэр К. Панафинейские амфоры. *B.S.A.* iii. p. 182.

Stephani. *Compte rendu*, 1876, p. 18.

Тарбелл, Ф. Б. Фрагмент датированной панафинейской амфоры. *Cl. Review*, 1900, p. 474.

Walters, H. B. *History of Ancient Pottery*, ii. p. 388.

Витте, Ж. де. *Annali dell' Istituto*, 1877, p. 294; 1878, p. 276.

КОНЕЦ

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

СПРАВОЧНИКИ ПО АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНОСТЯМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Профессор Перси Гарднер, Litt.D., из Оксфордского университета, и профессор Фрэнсис В. Келси, из Мичиганского университета.

Экстренный переплет 8vo.

ГРЕЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА. Профессор Эрнест А. Гарднер, магистр искусств. Новое издание с приложением. Иллюстрированное. Часть I., 5s. Часть II., 5s. Полное издание в одном томе, 10s.

Приложение отдельно, 1s. нетто.

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ МОНЕТЫ. Г. Ф. Хилл, сотрудник отдела монет Британского музея. Иллюстрированная. 9s.

РИМСКИЕ ПРАЗДНИКИ ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ. В. Уорд Фаулер, М.А. 6s.

СПРАВОЧНИК ПО ГРЕЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИСТОРИИ. А. Н. J. Greenidge, М.А. С картой. 5s.

РАЗРУШЕНИЕ ДРЕВНЕГО РИМА. Очерк истории памятников. Профессор Родольфо Ланчиани. Иллюстрированный. 6s.

РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. А. Н. J. Greenidge, М.А. 10s. 6d.

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГИЯ. Справочник по памятникам ранней церкви. В. Лоури, М.А. Иллюстрированный. 10s. 6d.

ГРАММАТИКА ГРЕЧЕСКОГО ИСКУССТВА. Профессор Перси Гарднер, Litt.D. Иллюстрированная. 7s. 6d.

ЖИЗНЬ В ДРЕВНИХ АФИНАХ. Социальная и общественная жизнь классического афинянина изо дня в день. Профессор Т. Г. Такер, доктор философии. Иллюстрированная. 5s.

ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСКОГО РИМА ОТ КОНСТАНТИНА ДО РЕНЕССАНСА. Профессор Артур Л. Фротингем. Иллюстрированная. 10s. 6d.

ГРЕЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА. Профессор Аллан Маркванд. Иллюстрированная. 10s. net.

ГРЕЧЕСКИЕ АТЛЕТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СПОРТА И ПРАЗДНЕСТВА. Э. Норман Гардинер, М.А. Иллюстрировано.

MACMILLAN AND CO., Ltd., LONDON.

WORKS ON GREEK ANTIQUITIES, Etc.

ОПИСАНИЕ ГРЕЦИИ ПАВСАНИЕМ. Перевод Дж. Г. Фрейзера, доктора философии, с комментариями, иллюстрациями и картами. 6 томов. 8vo. 126s. net.

PAUSANIAS AND OTHER GREEK SKETCHES. By J. G. Frazer, Litt.D. Globe 8vo. 4s. net.

SCULPTURED TOMBS OF HELLAS. Перси Гарднер, доктор философии, иллюстрированный. Super Royal 8vo. 25s. net.

ДРЕВНИЕ АФИНЫ. Ernest Arthur Gardner, M.A. Illustrated. 8vo. 21s. net.

АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ. Профессор Мартин Л. Д'Уге. Иллюстрированный. 8vo. 17s. net.

ЖИЗНЬ В ГОМЕРОВСКИЙ ВЕК. Профессор Томас Дэй Сеймур. Иллюстрировано. 8vo. 17s. net.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ГРЕКОВ И РИМЛЯН. В. Уорд Фаулер, M.A. Crown 8vo. 5s.

SCHOOLS OF HELLAS. An Essay on the Practice and Theory of Ancient Greek Education, 600 to 300 B.C. By Kenneth J. Freeman. Edited by M. J. Rendall. С предисловием А. В. Верралла, доктора философии, с иллюстрациями. 8vo. 4s. net.

ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ ИСТОРИЮ ГРЕЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ. By H. Stuart Jones. Extra Crown 8vo. 7s. net.

Преподобный Дж. П. Махаффи, доктор философии.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГРЕЦИИ ОТ ГОМЕРА ДО МЕНАНДРА. Crown 8vo. 9s.

RAMBLES AND STUDIES IN GREECE. Globe 8vo. 5s. net.

ОБЗОР ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Extra Crown 8vo. 6s.

ГРЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ, ОТ ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА ДО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. Crown 8vo. 12s. 6d.

MACMILLAN AND CO., Ltd., LONDON.

Сноски

1. B.S.A. vii. p. 94; viii. pp. 74, 77; ix. p. 56; x. p. 41. R. M. Burrows, *Discoveries in Crete*, Pl. i.

2. Собственно таурокаθάρια - это подвиг скорее охотничий, чем цирковой, и его следует связывать скорее со сценами паления быков на чашах Вафио, см. E. Gardner, *Greek Sculpture*, p. 61, или с подвигом, известным как βοῦς αἵρεσθαι, изображенным в Tischbein ii. 3, и упоминается в надписях, относящихся к Эфебоям. Единственное известное мне изображение этого вида спорта находится на позднем рельефе из Смирны в Ашмолеанском музее в Оксфорде, № 219. Исполнители представлены преследующими быков верхом на лошадях, прыгающими на их спины и хватающими их за рога, скручивая которые, они бросают их на землю. Греческий бык был явно небольшим животным, но все равно должен был быть грозным противником. Записи гладиаторских представлений служат убедительным доказательством того, что человек с помощью мастерства мог одержать победу над самым сильным животным. Принципы джиу-джитсу могут быть применены против животных так же легко, как и против людей.

3. B.S.A. vii. p. 95, рис. 31; ix. p. 57, рис. 35.

4. *Od.* iv. 626, xvii. 168, 174; *Il.* ii. 774.

5. *Od.* viii. 153 sq. (перевод Бутчера и Ланга).
6. *Od.* viii. 147.
7. *Od.* viii. 100.
8. *Il.* xi. 697, xxiii. 630.
9. *Od.* iv. 341 sq.
10. *Od.* xviii. 15 sq.
11. *Il.* ii. 774.
12. Мюррей, *Саркофаги в Британском музее*, Pl. ii., iii.
13. Athenaeus, pp. 153, 154. Настоящую гопломахию, описанную Гомером и практиковавшуюся, по-видимому, мантинейцами и киренаиками, не следует путать с более поздней, так называемой гопломахией, соревнования по которой проводились в афинских Тесеях между мальчиками всех возрастов, а также мужчинами, и которая регулярно преподавалась в гимназиях чиновниками, известными как гопломахи. Последняя была всего лишь военным обучением владению оружием, и состязания в ней были, вероятно, столь же безобидны, как и современные соревнования по фехтованию. Спартанцы, во всяком случае, считали гопломахию непрактичной и бесполезной для народа воинов, а Платон, хотя и рекомендует вооруженный бой между людьми в тяжелых или легких доспехах как более предпочтительный, чем панкратион, для своего идеального государства, тем не менее, не очень уважает модных в его время выразителей и учителей этого искусства. Платон, *Laches* 182, *Gorg.* 456, *Leg.* 834. Ср. Dar.-Sagl, s.v. "Hoplomachia".
14. *Od.* xxi. 4, 61.
15. *Il.* xi. 385.
16. *Od.* viii. 186 sq.
17. *Il.* v. 302.
18. *Il.* xii. 445.
19. *Il.* xvi. 774. На реконструкции фронтона Эгины, выполненной профессором Фуртвенглером, один из павших воинов держит камень, который собирается бросить. Метание камней руками и с помощью пращи упоминается как часть обучения пельтастов у Платона, *Leg.* 834 A.
20. *Il.* xxiii. 431; но ср. *Od.* viii. 189; *Il.* xxiii. 840.
21. Это толкование καλαῖροψ, а также обсуждение терминов diskos и solos см. далее, с. 313.
22. *Il.* xxiii. 431, 529; xvi. 589.
23. *Od.* vi. 100, viii. 370.
24. *Il.* xviii. 605 (= *Od.* iv. 18).
25. *Il.* xvi. 742, 750.
26. *Il.* xv. 679.

27. Frazer, *Pausanias*, i. 44, 8; Rouse, *Greek Votive Offerings*, pp. 4, 10; Körte, "Die Entstehung der Olympionikenliste," *Hermes*, xxxix., 1904, pp. 224 ff.; Krause, *Die Pythien, Nemeen, und Isthmien*, pp. 9, 112, 171.
28. Dennis, *Cities and Cemeteries of Etruria*, 2nd Ed. i. 374; ii. 323, 330.
29. Фрейзер, *loc. cit.*
30. P. W. Joyce, *Social History of Ireland*, ii. pp. 435 и далее.
31. C.I.G. 1969, ἀγὼν ἐπιτάφιος θεματικός.
32. Berl. Vas. 1665. *Mon. d. I. X.* Pl. iv., v.
33. *Arch. Zeit.*, 1885, Pl. viii. Ваза сейчас находится в Копенгагене. Серебряный кубок, о котором пойдет речь ниже, находится во дворце Уффици и воспроизведен в *Атласе Шрайбера*, xiii. 6, и Ингирами, *Mon. Etr.* iii. 19, 20.
34. Б.М. Вазы, Б. 124.
35. Гесиод, соч. 654.
36. Paus. viii. 4, 5.
37. Пиндар, *Ol.* vii. 77-80.
38. Фрейзер, *Paus.* i. 29, 30.
39. Плут. *Quaest. Symp.* v. 2.
40. Если только мы не примем перевод мистера Майерса из Пиндара, *Ol.* i. 94: "И издалека он созерцает славу Олимпийских игр на курсах, называемых Пелопсом". Большинство современных редакторов переводят κλέος τηλόθεν δέδορκε, "его слава сияет издалека", что, учитывая последующие слова, ἐν δρόμοις Πέλοπος, кажется решительно предпочтительнее, чем делать Пелопса субъектом.
41. Возможно, не случайно, что в наших несовершенных записях об Олимпийских играх самым ранним победителем за пределами Пелопоннеса является Ономаст из Смирны, который в *Ol.* 23 победил в боксе, который, как говорят, был тогда впервые представлен. Считается, что он разработал правила бокса, которые были приняты в Олимпии. В истории греческой атлетики не было более выдающейся семьи, чем Диагорида из Родоса, чьи победы в боксе и панкратионе были увековечены Пиндаром. Значимость бокса на Востоке напоминает нам о минойских временах, и, возможно, традиция сохранилась с тех времен.
42. Paus. iv. 4, 1; iv. 33, 2.
43. Пиндар, *Ol.* i. (перевод Э. Майерса).
44. См. Bötticher, *Olympia*, ch. i.
45. Об истории Олимпии см. Curtius, "Entwurf einer Geschichte von Olympia", in *Ol. Text.* i. pp. 16-68.

46. О культе Пелопса см. Paus. v. 13, 2; Schol. to Pindar, *Ol.* i. 146, 149.
47. Последние раскопки показывают, что это место было заселено еще в доисторические времена. Следы шести зданий были обнаружены под геометрическим слоем; они характеризуются полукруглым апсидальным завершением. *Am. Mitth.* xxxiii. 185; *Year's Work in Classical Studies*, 1908, p. 12.
48. Пиндар, *Ol.* xi. 64.
49. Ср. Louis Dyer, "The Olympian Council House," in *Harvard Classical Studies*, 1908, где можно найти полный отчет об этих пелопоннесских лигах.
50. Paus. v. 20, 1; Plut. *Lycurgus* 1, 1. За участие Клеостена ручается Флегон, *Frag. Hist. Gr.* p. 602, а также в схолии на "Республику" Платона, 465 D. См. Dyer, *l.c.* pp. 40 и далее.
51. Thuc. v. 49; Demosth. *De fals. leg.*, ὑπόθ. p. 335.
52. *Hell.* iii. 2, 31; vii. 4, 28.
53. Hdt. iv. 148.
54. *C.I.G.* 11; Roberts's *Greek Epigraphy*, 291.
55. Paus. v. 6, 7.
56. Paus. v. 16.
57. Paus. i. 44; *Anth. Pal.* App. 272; Thuc. i. 6.
58. Полное обсуждение регистра, его истории и источников см. в Jüthner, *Philostratus*, pp. 60-70.
59. *De Olympionicarum Statuis*, p. 36.
60. Thuc. iii. 8, v. 49; Ditt. *Syll.*, 2nd Ed., 256.
61. *Gym.* 4.
62. Paus. v. 8, 6; viii. 26, 3; Athen. ix. 382 B. Подробности о различных победителях, упомянутых в этой и следующих главах, можно найти под их именами в Krause, *Olympia*, H. Förster, *Olympische Sieger*, и W. Hyde, *De Olympionicarum Statuis*, во всех из которых даны полные ссылки.
63. Paus. v. 2 и 3.
64. Bury, *History of Greece*, p. 110.
65. Пиндар, *Ol.* ix. Датировка Архилоха определяется Гауветом первой половиной седьмого века. *Cl. Rev.* xxi. p. 143.
66. Mimnermus, *Fr.* 9 (Bergk).
67. Аристотель. *Политика*, т. 4.
68. Недавние раскопки в Спарте доказывают, что упадок атлетики совпал с упадком искусства. Мистер Р. М. Докинз в последнем отчете *B.S.A.*, том xiv. стр. 2, пишет: "В каждом случае мы имеем замечательный результат, что лучшие произведения относятся к седьмому

веку, и что шестой уже показывает начало упадка, который так заметен в очень бедном характере находок пятого века".

69. Hyde, *op. cit.* p. 56.

70. Paus. iii. 13, 9.

71. О казначействе в Олимпии см. Louis Dyer, in *J.H.S.* vols. xxv. and xxvi.

72. Легенды, связанные с этими праздниками, собраны в Krause, *Pythien*, а различные статьи о них - в Dar.-Sagl.

73. Победа Хромия из Этны, которую празднует Пиндар, *Nem.* ix., была одержана не в Немее, а в сицилийской Пифии.

74. На существование такого соперничества указывает ссора, о которой пишет Павсаний, ст. 2, 3, по поводу колоссальной статуи, установленной Кипселом в Олимпии, и рассказ Геродота, ix. 81 о распределении персидских трофеев. В Олимпии установлена статуя Зевса высотой в 10 локтей, а статуя Посейдона на перешейке - всего в 7 локтей. Так, Пиндар в "Ол. xiii. 25" молит Зевса не ревновать, если он воспевает хвалу Коринфу.

75. Адаптировано из книги Джебба "*Вакхилиды*".

76. Hdt. ii. 160.

77. Луис Дайер, "Олимпийский совет" в *Harvard Studies*, 1907, p. 36; Paus. vi. 3, 7; *Ol. Ins.* 372-486 *passim*.

78. W. Helbig, *Les Hippeis athéniens*.

79. Пиндар, *Ol.* ix, xiii. etc.

80. Б.М. Бронзов, 135.

81. Hdt. i. 59.

82. Hermipp. *Fr.* 14. История подозрительная, поскольку спартамцам, как говорят, не разрешалось соревноваться в боксе.

83. Hdt. vi. 103.

84. Hdt. ii. 7.

85. В более позднее время драхма была дневным жалованьем моряка, гоплита или ремесленника, а во времена Перикла присяжный получал всего два обола. Во времена Солона, из-за нехватки денег, стоимость драхмы должна была быть значительно выше.

86. О Панафинях см. A. Mommsen, *Feste der Stadt Athen*.

87. Пальмовая ветвь как символ победы появляется не ранее конца пятого века. Г-н Ф. Б. Тарбелл прослеживает ее происхождение до Делоса и объясняет ее популярность восстановлением Делийского фестиваля Афинами в 426 году до н. э. "Пальма победы" в "*Классической филологии*", т. iii. стр. 264 и далее.

88. Paus. vi. 13, 1. Иерон, по-видимому, ошибочно назван Гелоном.

89. Krause, *Olympia*, pp. 195-201.

90. Hdt. v. 47.
91. Плиний, *H. N.* vii. 47. Страбон, vi. 255.
92. Paus. vi. 11, 9; Лукиан, *Deor. Concilium*, 12.
93. Симонид, 163 (Бергк). Цитируется Аристотелем, *Rhet.* i. 7 и 9.
94. Отношение спартанцев к атлетике выражено в поэме Тиртея (Бергк, № 12), в которой он заявляет, что не будет дорожить ни быстротой ног, ни мастерством борьбы, кроме воинской мощи. Позже их презрение к тренировкам и мастерству выродилось в чистую жестокость. Фил. *Gym.* 9 и 58; Плутарх, *Apophthegm. Lac. Var.* 25 (233 E); *Anth. Plan.* i. 1.
95. Paus. vi. 11, 5.
96. Athenaeus, 522, 523.
97. *Gym.* 43.
98. Аэлиан, *V.H.* xii. 22.
99. *Ol. Ins.* 717. Этот камень и камень из Санторина (*I.G.* xiii. 449) обсуждаются в *J.H.S.* xxvii. p. 2.
100. Афинеи, 412 D, E.
101. A. Furtwängler, *Die Bedeutung der Gymnastik in der griechischen Kunst*.
102. x. ll. 21 ff. (Бергк).
103. *Греческая скульптура*, рис. 25; ср. *В.С.Н.*, 1907, p. 187.
104. *Греческая скульптура*, рис. 34, 35, 36.
105. Изящный архаичный бронзовый дискоболос из музея Метрополитен в Нью-Йорке, опубликованный в *Museum Bulletin*, iii. p. 33; см. рис. 83.
106. Такие атрибуты часто встречаются на бронзовых изделиях, см. Pausanias v. 26, 3; 27, 12; vi. 3, 9; 10, 4; 13, 7.
107. Paus. vi. 10, 1-3.
108. Paus. i. 23, 9.
109. Ср. Walter Pater, *Greek Studies*, pp. 281 ff.
110. См. Krause, *Gym.* pp. 943 ff., критику преувеличенного мнения, выдвинутого в "Хариклах" Беккера.
111. Ср. Aristoph. *Nub.* 995-
ἄλλο τε μηδὲν
αἰσχρὸν ποιεῖν, ὃ τι τῆς Αἰδοῦς μέλλει τᾶγα μ' ἀναπλήσειν.
Спартанцы считали Αἰδῶς богиней, Xen. *Symp.* 8, 36.
112. См. далее, рис. 167 и далее.

113. Следующие разделы см. в книге Джебба "*Вакхилиды*", Введение.
114. Пиндар, *N. v.* 49.
115. См. список олимпийских победителей для Ol. 75-83, найденный на папирусе из Оксирина. Grenfell and Hunt, *Ox. Pap.* ii. 222; C. Robert, *Hermes*, xxxv. pp. 141 ff.
116. *N. iii.* 70.
117. *P. ii.* 63.
118. *I. i.* 47 ff.
119. *I. i.* 42, iv. 57, v. 10.
120. Геродот Фиванский, *I. i.*
121. Фрасибул, *P. vi.*; *I. ii.*
122. *Греческая скульптура*, рис. 138. Идентификация этой статуи неясна. Было высказано предположение, что слово "Polyzalos" на основании является прилагательным, и что победа, о которой говорится, принадлежит Аркесиласу из Кириanei. Эта точка зрения была опровергнута в *Ath. Mitth.* xxxiv. А. Д. Кермопулос, который считает, что статуя была обетана Гелоном и фактически установлена Полизалосом.
123. *O. vi.* 9.
124. *I. iv.*, v.; *N. v.*
125. *O. ix.* 100.
126. *O. i.* 56, xiii. 10; *N. i.* 65; *I. iii.* 2.
127. *O. vii.* 44.
128. *P. iv.* 173.
129. *O. vii.* 89; ср. *vi.* 76, где χάρις - это αἰδοία как даритель αἶδως.
130. *O. vii.* 15, 90.
131. *N. ix.* 33.
132. σωφροσύνη не встречается у Пиндара; σωφρων - только дважды: *P. iii.* 63, о Хеироне; *I. vii.* 27, о сыновьях Эака. О значении αἰδώς см. Gilbert Murray, *The Rise of the Greek Epic*, p. 88.
133. *O. xiv.* 5.
134. Аэлиан, *V.H.* ii. 6.
135. *Ol. Ins.* 54.
136. Paus. v. 9, 5.
137. *vi.* 23.
138. Polybius iv. 73.
139. L. Dyer, "The Olympian Theatron" in *J.H.S.* xxviii. p. 265.

140. Л. Дайер, *l.c.*
141. Paus. vi. 20, 14. См. далее, рис. 164.
142. Paus. v. 20, 2; Плиний, *N.H.* xxxv. 54.
143. Эти цифры взяты из списков, приведенных в "*De Olympionicarum Statuis*" Хайда.
144. Первым тренером, о котором мы слышим, является Тисий, который обучал Глаука Кариийского (Филострат, *Гум.* 20). Пиндар упоминает Менандра (*N.* v.; ср. *Vacchylides* xii.), Орсея (*I.* iii.), Иласа (*O.* xi.), Мелесия (*O.* viii.; *N.* iv., vi.).
145. *Симпозиум*, 2, 17.
146. *Мет.* iii. 10, 6; iii. 8, 4; ср. P. Gardner, *Grammar of Greek Art*, p. 17.
147. *Греческая скульптура*, p. 550; и *J.H.S.* 1905, p. 235.
148. *B.M. Vases*, 607. Совершенно иным является тип бегуна на длинные дистанции 611 г. (328 г. до н. э.) и 609 г. (333 г. до н. э.), а также гоплитодрома 608 г. (336 г. до н. э.). См. рис. 51, 58.
149. Paus. vi. 7, 10 τὸν ἐκ τῶν θαλάρων. Диоген. Laert. ἰσχύσι ξηραῖς καὶ πυροῖς. Филострат. *Гум.* 43 αἱ τε μάζαι καὶ τῶν ἄρτων οἱ ἄππιστοι καὶ μὴ ζυμῇται καὶ τῶν κρεῶν τὰ βόειά τε καὶ ταύρεα καὶ τράγεια καὶ δόρκοι. См. Jüthner, *Philostratus*, pp. 268 ff., и Krause, *Гум.* pp. 654 ff.
150. *B.C.H.*, 1899, p. 611. Я принял интерпретацию надписи, данную А. Д. Керамопулосом в *Εφ. Αρχ.*, 1906, p. 167. Вместо имени Εὐδρόμου, совершенно неизвестного героя, от святилища которого не осталось и следа, он читает δρόμου. Он повторяет ошибочное утверждение, сделанное в словарях *Dar.-Sagl.*, *Pauly-Wissowa* и других, о том, что атлетам не разрешалось пить вино. Единственным авторитетом для этого утверждения является единственный отрывок из Галена, *de Salub. vict. rat.*, в котором он говорит, что "после упражнений атлеты пьют не вино, а воду, научившись этому на опыте!". Вопиющий пример абсурда, заполонившего страницы наших словарей!
151. Paus. vi. 7, 3; Diogen. Laert. viii. 13; Плиний, *Hist. Nat.* xxiii. 7.
152. Xen. *Mem.* i. 2, 4; Aristoph. *Pax*, 33, 34; Aristot. *Eth. Nic.* ii. 6, 7. Есть, как борец, - пословица.
153. *Pol.* v. 1339 a. Краузе (*Гум.* p. 645, n. 3), а вслед за ним и другие авторы, дискредитируют это утверждение, не понимая, что Аристотель говорит о профессиональных атлетах. Из восьми приведенных Краузе примеров атлетов, которые одерживали победы и как мальчики, и как мужчины, пять относятся к шестому или началу пятого века, один - позже Аристотеля, один - современник, дата восьмого сомнительна.
154. Корн. Nepos, *Ерат.* 2.
155. *Rep.* iii. 404 A; ср. Arist. *Pol.* 1335 b.
156. Плутарх, *Вит. Александр и Филопозмон.*
157. Galen, *Προτρεπτ. λόγ.* ii. ἡ δὲ τῶν ἀθλητῶν ἐπ' ἄκρον εὐεξία σφαλερά τε καὶ εὐμετάπτωτος. Krause, *Гум.* p. 47, n. 1.
158. *Leg.* 794 ff.
159. *Leg.* 833 и далее.

160. Rep. 406 B; *Protag.* 316 D; Aristot. *Rhet.* i. 5.

Совершенно иной взгляд на Иродика искусно изложен д-ром Ютнером во введении к его "Филострату". Он считает Иродика отцом научной и медицинской гимнастики, применяемой для сохранения здоровья и лечения болезней, и утверждает, что сам Платон горячо признает его заслуги в отрывке из "*Протагора*", где он причисляет его вместе с Гомером, Гесиодом и другими к великим софистам, обольщавшим человечество. Этот отрывок, безусловно, доказывает способности и популярность Геродика, но я не вижу в нем никаких доказательств того, что Платону не была искренне неприятна его система. Самым сильным доказательством ненаучного и бесполезного характера его системы служит ухудшение физического состояния атлетов и всего народа, относящееся к этому периоду.

161. Платон, *лег.* 839 C.

162. Плутарх, *Vita. Alexand.* 35.

163. *Плут*, 1161.

164. Ксен. *Hell.* i. 5, 19; Paus. vi. 7, 4.

165. *Мет.* iii. 12. О противопоставлении ἀθλητής и ἰδιωτής см. *Hieron*, 4, 6; *Мет.* iii. 7, 7.

166. *Nub.* 961-1023; *Ran.* 1086.

167. Таким образом, и в наши дни профессиональные футболисты в основном набираются из сельских районов Шотландии.

168. Платон, *Мено*, 93 D.

169. *Nubes*, passim.

170. *Thuc.* vi. 16, 2. В эпиникионе, написанном Еврипидом, говорится, что он был первым, вторым и третьим. То же самое говорит и Исократ, *de Bigis*, 34.

171. см. далее, рис. 165.

172. Часть надписи была найдена в 1877 году и сейчас находится в музее Спарты. *Tod, Sparta Mus. Cat.* 440. Остальная часть была недавно обнаружена во время раскопок Британской школы и рассматривается в *B.S.A.* xiii. p. 174. Она содержит список побед, одержанных Дамононом и его сыном Энимакратидом в гонках на колесницах, конных и пеших состязаниях на девяти местных праздниках, большинство из которых проходили в Лаконии. Надпись относится к середине или концу V века. Она бросает интересный свет на количество местных праздников в этот период.

173. *Ox. Pap.* ii. 222.

174. Paus. vi. 2, 6.

175. Paus. vi. 18, 4.

176. Paus. v. 21, 5.

177. Paus. v. 21, 5.

178. Paus. vi. 3, 7.

179. Paus. vi. 1, 4.

180. Эти изменения были особенно связаны с афинским Ификратом и Ясоном из Ферей.
181. Принимая списки, приведенные Хайдом, стр. 75-77, мы обнаруживаем, что в период между Ols. 84-106 из 54 статуй 20 были посвящены боксерам, 6 - панкратиастам, 11 - борцам, 7 - бегунам, 2 - пятиборцам и 8 - колесницам или лошадям.
182. Исократ, *Панегирик*, 43 и далее; Лисий, *Олимп*.
183. Thuc. v. 49; ср. viii. 10 из Истмии.
184. Isocrates, *de Bigis*, 32, ὁρῶν τὴν ἐν Ὀλυμπίᾳ πανήγυριν ὑπὸ πάντων ἀνθρώπων ἀγαπωμένην καὶ τοὺς Ἕλληνας ἐπιδείξιν ἐν αὐτῇ ποιοιμένου πλούτου καὶ ῥώμης καὶ παιδείσεως, κτλ.
185. Paus. v. 23, 4.
186. Paus. v. 12, 8; Thuc. v. 47.
187. Thuc. iii. 8 ff.
188. Phil. *Vita. Soph.* i. p. 209.
189. Paus. vi. 17, 7; *Ol. Ins.* 293.
190. Paus. vi. 3, 11; *Anth. Pal.* xiii. 5; Hyde, *Olymp. Stat.* p. 33.
191. Лисий, *Олимпиакос*; Dionys. Hal. *Jud. de Lysia*, p. 519; Diodor. xiv. 109. Похожую историю рассказывает Аэлиан о Фемистокле, который, как говорят, в 476 году убеждал греков не допускать Иерона из Сиракуз к соревнованиям, мотивируя это тем, что он не разделял опасностей Греции. Ael. *V.H.* 9. 5.
192. Исократ, *Панегирикос*.
193. Шлем аргивян (*Ol. Ins.* 250), копья сикионцев, метонов, тарентинцев (*Ins.* 245, 247, 254), аргивян и афинян за Танагрой (Paus. v. 10, 4).
194. Paus. v. 24; *Ol. Ins.* 252.
195. Такой, несомненно, должна была быть статуя Победы Каламиса, установленная мантинейцами. Paus. v. 26, 6.
196. Paus. v. 26, 1.
197. Paus. v. 27, 11; 24, 4.
198. Это были просто состязания в силе легких. Геродор из Мегары, знаменитый трубач, десять раз побеждавший в Олимпии, как говорят, мог дуть в две трубы одновременно с такой силой, что никто не мог стоять поблизости от него. Athen. 10, 7, p. 415.
199. Отсюда термин "Mercatus Olympiacus", Vell. Paterc. i. 8; Cicero, *Tuscul.* v. 3; Krause, *Olympia*, p. 190, n. 2.
200. Лукиан, *Геродот*.
201. Paus. vi. 3, 14.

202. Paus. vi. 18, 2.

203. Polyb. iv. 73.

204. Thuc. v. 31 и 49 .

205. Из Павсания, v. 4, 8 и 27, 11; vi. 2, 8, мы узнаем, что элейцы в ходе этой войны добились решающего успеха в поединке, который произошел в Олимпии, и воздвигли в Алтисе трофей в честь этого. Действительно ли этот успех помешал спартам лишить их председательства на играх, или перед нами элейская версия войны?

206. Ксенофонт, *Ад.* iii. 2, 31.

207. Förster, *Ol. Sieger*.

208. Ксенофонт, *Ад.* iv. 5. 1, 2.

209. Надписи, найденные в Олимпии, иллюстрируют политические отношения этого времени. В *Ol. Ins.* 31 фиванские, сикионские и аргивские благотворители Олимпии названы πρόξενοι аркадян. В *Ol. Ins.* 36, два сицилийца названы πρόοξενοι и θεαροδόκοι пизанцев. Curtius, *Ol. Text*, i. 50.

210. Сравните триумфальную надпись на Софии Мессенской, победившей в тех же событиях около 300 г. до н. э. Paus. vi. 2, 10, и 3, 2.

211. Принятая выше точка зрения принадлежит покойному г-ну Луису Дайеру и подробно рассмотрена им в *J.H.S.* vol. xxviii. pp. 250 ff. Слово θεάτρον здесь используется для обозначения зрительских мест, выходящих на голый северо-восточный угол Альтиса и состоящих из (1) ярусов ступеней у подножия сокровищниц, (2) колоннады и ее продолжения на юг у Элланодицеона.

212. *Ol. Ins.* 260.

213. Квинтилиан метко противопоставляет выпуклые мышцы, "тори", таких атлетов "лакертусу" солдат.

214. Paus. v. 21, 10.

215. Polyb. 27, 7 A.

216. Надпись третьего века из Эпидавра, Dittenb. *Syll.* 2nd Ed., 689, сообщает, что три атлета, стадиодромос, пятиборец и панкратиаст, были оштрафованы на 1000 статеров каждый διὰ τὸ φθείρειν τοὺς ἀγῶνας. Следующая надпись, 690 г., фиксирует аналогичный штраф на некоторых актеров.

217. Roberts and Gardner, *Greek Epigraphy*, ii. p. 145.

218. Roberts and Gardner, *Greek Epigraphy*, ii. 61, p. 162 (= *I.G.* ii. 444); ср. *I.G.* ii. 445, 446. Mommsen, *Feste der Stadt Athens*, pp. 278 ff.

219. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 522, 523, 524, 672, 673, 674.

220. Krause, *Olymp.* p. 215. Диодор и Ульпиан приписывают основание этих игр Архелаю, другой рассказ приписывает это Филиппу II.

221. Xen. *Hell.* vi. 4, 29.

222. Arr. *Anab.* ii. 15.

223. *Ol. Ins.* 276, 277. Другим таким курьером был Дейностен из Спарты, который победил в пешем забеге в *Ol.* 116 и установил рядом со своей статуей столб, указывающий расстояние от Олимпии до Спарты в 630 стадий, а от Спарты до следующего столба (в Амиклах) - 30 стадий. Paus. vi. 16, 8; *Ol. Ins.* 171.

224. Александрийские победы в 272, 256, 240, 228, 212 гг. до н. э. См. Фёрстер, указ. соч.

225. *Ol. Ins.* 294.

226. *Ol. Ins.* 39.

227. В честь этой победы был учрежден новый праздник, Сотерия, который упоминается в различных атлетических надписях того периода.

228. Fränckel, *Antiq. Pergam.* viii. 1, pp. 8, 10.

229. *Ol. Ins.* 308.

230. *Ол. Инс.* 306, 307.

231. Такое утверждение не имеет большого веса. Вполне возможно, что список был перенесен в гимнасий, когда его построили. Подобный список был составлен отцом Парабаллона, чья победа в диаулосе помещена Хайдом между *Ol.* 91-101, когда гимнасия, конечно, еще не существовала.

232. В.С.Н., 1899, pp. 565 ff. Надпись датируется архонством Диона, 258 г. до н.э.

233. Из статуй, которые видел Павсаний, ни одна не может быть намного позже 150 г. до н. э. (см. Hyde, *Olymp. Statues*). Олимпийские надписи показывают, что этот обычай был возрожден в конце I века до н. э. *Ins.* 213, 219, 224, 225 и т. д.

234. Единственная статуя из Сицилии - статуя Гиерона II из Сиракуз.

235. Тацит, *Анналы*, xiv. 20. Об отношении римлян к атлетике см. Wilkins, *Roman Education*, pp. 31-33.

236. *Ol. Ins.* 191-210.

237. Африкан утверждает, что прекращение этих соревнований длилось с *Ol.* 178 до *Ol.* 194, когда гонки на колесницах, после "долгого запрета", были выиграны Германиком. Неточность этого утверждения доказывается обнаружением более ранней надписи, фиксирующей победу Тиберия Клавдия Нерона. *Ol. Ins.* 220-221.

238. Юлий Цезарь, с. 39.

239. Октавиан, ок. 45 г.

240. *Ол. Инс.* 59-141.

241. Удовлетворительного объяснения этому правилу предложено не было. Оно, конечно, не всегда соблюдалось в прежние времена. Например, Ксеномброт, *Ol. Ins.* 170, похоже, ставил портретную статую за одну победу на скачках.

242. Луис Дайер, "Олимпийский дом совета", в *Гарвардских исследованиях*, том xix. стр. 36 и далее.

243. *Ol. Ins.* 56; ср. Mie, *Quaestiones Agonisticae*, p. 43.
244. Krause, *Olympia*, p. 203.
245. *I.G.* xiv. 739, πρωτελληνοδίκης ἐν Ἐφέσῳ καὶ ἐν Σμύρνῃ.
246. Curtius, *Ol. Text*, i. 52; Krause, *Olympia*, p. 207.
247. Суетоний, *Нерон*, с. 23 и далее.
248. Дион Прусский, *Or.* xxxi.
249. *Anth. Pal.* xi. 75. Перевод взят из "Диссертации об Олимпийских играх" в переводе од Пиндара, выполненном Гилбертом Вестом (Лондон, 1753), т. ii. с. 92.
250. *Or.* vii. Διογένης ἡ περὶ ἀρετῆς; *Or.* viii. Διογένης ἡ ἰσθμικός.
251. *Gym.* 45.
252. Paus. v. 21.
253. *Op.* xxix., xxx.
254. Дио Кассий, lii. 30.
255. Суэтоний, *Октавиан*, 45.
256. Krause, *Gym.* p. 131; *I.G.* xiv. 1102-1110.
257. *I.G.* xiv. 1054, 1055.
258. Mie, *Quaestiones Agonisticae*, p. 46.
259. *I.G.* xiv. 746.
260. *Ol. Ins.* 436.
261. *B.S.A.* xii. p. 452.
262. *Historia Numorum*, p. 357.
263. *Ol. Ins.* 150-153.
264. *Ol. Инс.* 225.
265. *I.G.* xiv. 1102-1104.
266. Слово ἀσυνέξωτος напоминает о подвиге Милона и других атлетов, которых никто не мог сдвинуть с места, где они стояли.
267. Таков, как я понимаю, смысл слов μήτ' ἐπεξελθὼν μήτε παραιτησάμενος. Но точное значение этой и следующих фраз μήτε κατὰ χάριν βασιλικὴν ἀγῶνα ἔχων μηδὲ καινὸν ἀγῶνα νεικήσας трудно определить. ἐπεξελθόντα имеет это значение в надписи Иобаччи. Roberts and Gardner, *Epigraphy* ii. 91, l. 92. Антитеза παραιτησάμενος скорее предполагает "стремление к состязанию", например, "охота за горшками".
268. Пиндар, *Ol.* vii., ix.

269. *Ol. Ins.* 54, 436. Обе надписи относятся к концу I в. н. э. В двух более ранних надписях времен Августа (53, 366) сохраняется различие между οἱ Ἕλληνες и ἡ οἰκουμένη.
270. Александрийская Олимпия была основана, вероятно, в 176 г. н. э. Марком Аврелием, *I.G.* xiv. 1102.
271. *I.G.* xiv. 746.
272. πρῶτος τῶν ἀπ' αἰῶνος πικτῶν, *I.G.* iii. 128. Ср. πρῶτοῦ ἐπὶ τῆς οἰκουμένης, *C.I.G.* 2723.
273. *N.H.* vii. 20; ср. ii. 73.
274. *Ol. Ins.* 356.
275. Материал этого раздела взят из отчетов *B.S.A.*, vols. xii., xiii.
276. *B.S.A.* xii. 314.
277. *B.S.A.* xii. 445 и далее. Другой спартанский праздник, упоминаемый в надписях, - Эвриклея, основанная Эвриклом, богатым и влиятельным другом Ирода Великого, *C.I.G.* 1378, 1389.
278. *B.S.A.* x. 63, xii. 212.
279. *B.S.A.* xii. 352, xiii. 182.
280. Вся мозаика опубликована Секки в его *Musaico Antoniniano*, а большая ее часть - в *Denkmäler* Баумейстера, рис. 174.
281. Д-р Ютнер во введении к своему "*Филострату*" показывает, что между врачами и дрессировщиками существовала давняя ссора. Врачи возмущались посягательствами тренеров на свои владения и считали их невежественными и ненаучными шарлатанами.
282. См. Jüthner, *op. cit.* pp. 285 ff.
283. Я рад, что моя оценка Филострата в значительной степени совпадает с оценкой д-ра Ютнера. Филострат, как он показывает, не обладал техническими знаниями в области гимнастики. Он был ритором, писавшим эссе по, очевидно, животрепещущему вопросу, и, подобно современному журналисту, он, естественно, черпал свои знания из одного из многочисленных существовавших технических трактатов по гимнастике, и так же естественно допускал ошибки (*op. cit.* pp. 97-107).
284. Л. Венигер, *Клио*, 1905, с. 1-38.
285. Л. Венигер, *Клио*, 1904, с. 126 и далее.
286. *Ib.* p. 127, n. 1.
287. Цитируется в *Schol.* Пиндар, *Ol.* v. 6.
288. Pindar, *Ol.* v. 6 ὑπὸ βουθυσίαις ἀέθλων τε πεμπταμέροις ἀμίλλαις. Чтение и толкование вызывают много споров. Схолиасты, безусловно, интерпретировали πεμπταμέροις "как продолжающийся пять дней", и даже если чтение πεμπταμέροις верно, появление формы πεμπτάς для πεμπάς, и аналогия с формами ὀγδώκοντα, ἑβδομήκοντα делают это значение по

крайней мере возможным, в то время как есть значительные доказательства против перевода "состязания на пятый день". Mie, *Quaestiones Agonisticae*, p. 29.

289. Schol. Пиндар, *Ol.* v. 8, iii. 33.

290. Schol. vet. Pindar, *Ol.* v. 8 πεμπταμέροις ἀμίλλαις- ἐπεὶ ἐπὶ πέντα ἡμέρας" θύετο αὐτὰ τὰ ἀγώνισματα.

291. v. 9, 3.

292. Эллин. vii. 4.

293. Карл Роберт в *Hermes* xxxv.; К. Гаспар в *Dar.-Sagl.* s.v. "Olympia". У меня было намерение обсудить теорию Роберта в *J.H.S.*, но я обнаружил, что почти все мои возражения против нее были предвосхищены Фредериком Ми в *Philologus*, lx. Теория Ми, в свою очередь, была вытеснена теорией Венигера, которая одна предлагает удовлетворительное объяснение как Ксенофонта, так и Павсания.

294. Теория Роберта о двух благодарственных жертвах, приносимых после пятиборья и конных скачек в 3-й и 5-й дни праздника, является чистой выдумкой и окончательно опровергнута Миэ, *l.c.*

295. *Clio*, 1904, p. 127; Krause, *Olympia*, p. 84.

296. Paus. vi. 15, 5.

297. *Quaest. Symp.* ii. 5.

298. Paus. vi. 13, 3. Тот же порядок дважды принимает Филострат в *Gym.* ch. 4 и 32.

299. Если бы финал скачек на стадионе следовал за долихосом, то забеги, естественно, предшествовали бы ему, чтобы дать участникам отдых между забегами и финалом.

300. Paus. vi. 6, 5; vi. 15, 4.

301. Плут. *Quaest. Symp.* ii. 5, 2; Paus. iii. 14, 3; Phil. *Gym.* 7; Artemidorus, *Oneirocrit.* i. 65.

302. Paus. vi. 24, 1.

303. Лукиан, *Тимон*, 50.

304. Роберт и Ми считают, что короны вручались после каждого события, Венигер - что все они были вручены 16-го числа.

305. Schol. Пиндар, *Ol.* v. 8 τῆς ἐκκαίδεκάτης ἐν ᾗ τὰ ἅλα ἐδίδοτο. Возможно, это перефразировка более раннего схолия на *Ол.* iii. 35 καὶ τῇ ἐκκαίδεκάτῃ γίνεται ἡ κρίσις.

306. Paus. v. 21, 14.

307. Africanus, 6, 67, R.

308. *Imag.* ii. 6. Этот отрывок особенно важен, поскольку на картине изображен сам момент после окончания поединка.

309. У Гомера призы устанавливаются на финише скачек или рядом с рингом и вручаются сразу после этого. Аналогичным образом они изображены на вазах с черными фигурами. Та

же идея навеяна известной эпиграммой на статую Мирона из Лада, *Anth. Pal.* xvi. 54 πηδῆσει τάχα χαλκὸς ἐπὶ στέφος.

310. Венигер, *Клио*, 1905, с. 184-218.

311. Paus. v. 21. 13, 14. Ср. *Ol. Ins.* 56, l. 20-30, правила проведения Августалий в Неаполе, которые были составлены по образцу Олимпийских. Спортсмены должны были сообщить свои имена агонотеям за тридцать дней до начала состязаний; если они не давали полной информации, то на них налагался штраф; если участник состязаний прибывал с опозданием, он должен был сообщить об этом агонотеям, и любой мог подать на него протест; если его признавали виновным, то он лишался права участвовать в состязаниях.

312. Филостр. *Gym.* 11, 18, 54.

313. *Ib.* 25; Paus. vi. 23, 24.

314. *Bum.* Аполл. *Tyan.* v. 43.

315. Paus. v. 16, 8.

316. Утверждение, что они покинули Элиду за месяц до праздника, совершенно не согласуется с рассказом Павсания vi. 23, 24, а также с повествованием в "*De Morte Peregrini*" Лукиана, гл. 31, 32. Действие предыдущих глав происходит в Элисе, где элланодики тренируют атлетов. Из Элиды Лукиан сразу же отправляется на праздник в Олимпию. Возможно, шествие из Элиды в Олимпию происходило 10 или 11 числа месяца.

317. v. 24, 9.

318. Dio Cass. lxxix. 10.

319. Пинд. *Ol.* v. 6; i. 90.

320. Paus. vi. 20, 15; vii. 17, 14.

321. *Anth. Pal.* xi. 16, 33.

322. Филострат. *Им.* ii. 6.

323. Доказательства большинства утверждений, содержащихся в этом параграфе, являются поздними. Его можно найти в Krause, *Olympia*, pp. 138, 139.

324. Цитируется в Julian, p. 318:

Ἄρχει μὲν Ἄγων, τῶν καλλίστων

Ἀθλων ταμίας. καιρὸς δὲ καλεῖ

μηκέτι μέλλειν. ἀλλὰ κλύοντες

τὰν ἀμετέραν κάρυκα βοάν....

Ἴτ' ἐς ἀντίπαλον ἴστασθε κρίσιν

Νίκης δὲ τέλος Ζηνὶ μελήσει.

Аналогичным провозглашением завершилось заседание, см. Лукиан, *Demonax*, 65. Ср. *Clio*, 1904, pp. 141, 142.

325. Лукиан, *Гермотим*. 39.
326. Paus. v. 20, 2.
327. *Arch. Zeit.*, 1853, 52, 3; Gerl. A. V. 274, 1. Cp. Stephani, *O. R. Atlas*, 1874, pl. vii.; Krause, *Olympia*, p. 173.
328. *Ol. Ins.* 54 и примечания к нему.
329. Пиндар, *Ol.* ix. 1, 2.
330. Краузе, *Олимпия*, стр. 180, 181.
331. Псевдо-Андокид, iv. 29, p. 126.
332. *C.I.G.* 1688.
333. *N.H.* xxxv. 58.
334. Пиндар, *φρ.* 83.
335. *B.C.H.* xxiii. p. 613.
336. Список победителей на Пифийских играх приводится в Krause, *Pythien, Nemeen und Isthmien*, pp. 85 и далее. Подробности о стадионе и гимнасии в Дельфах см. ниже, с. 257, 483.
337. *B.C.H.* xxx., 1906, pp. 191-328.
338. Плут. *Quaest. Symp.* ii. 5; Sophocles, *El.* 698.
339. Strabo viii. 6, 20; Aristid. *Isthm.* 45; Дион Прусский, Διοῦ. ἡΐσθμ. и т. д.
340. Unger, *Philologus*, xxxvii. p. 1.
341. xxxiii. 32.
342. Лукиан, *Нерон*, 1.
343. Krause, *op. cit.* p. 209.
344. Полный рассказ об этой надписи приводится в книге Джебба "*Вакхилиды*", pp. 187 и далее.
345. Пиндар, *O.* xiii. 98; *N.* ii. 22.
346. *Ραχ*, 880. В этой пьесе олицетворенная Теория возвращается на землю в поезде Эйрены, но Теория не ограничивается истмийской теорией.
347. Thucyd. viii. 9.
348. Xen. *Ад.* iv. 5.
349. Полибий. ii. 13.
350. Paus. ii. 2, 2.

351. Газ. Арх., 1884, 1885.
352. Лукиан, *Герон*.
353. В.С.Н. xii. 510-528.
354. *Supra*, p. 174.
355. *Supra*, p. 172.
356. Юлиан, *Epist.* 35.
357. *I.G.* iv. 203.
358. Хен. Ад. iv. 5.
359. Вакхилиды i., ii.
360. *Ib.* ix.
361. Пиндар, *I.* i., ii.
362. Paus. vi. 1, 7; 2, 2.
363. Paus. vi. 13, 10.
364. *I.G.* ii. 1367.
365. Hyginus, *Fab.* 165, 173.
366. Плут. *Quaest. Symp.* ii. 4, v. 2, viii. 4.
367. *H.N.* xxxv. 58.
368. Krause, *op. cit.* p. 197.
369. В.М. Cat., *Coins of Corinth*, 509-512, 564, 602, 624; ср. *I.G.* ii. 1320, где мы находим Ἰσθμια, заключенную в венок из сосновых листьев.
370. Чаша, которая является частью сокровищ Берне, хранится в Кабинете медалей в Национальной библиотеке. Le Prevost, *Mém. sur la collection des vases de Bernay*, Pls. viii., ix.; Schreiber, *Atlas*, xxv. 1, 2.
371. Хен. *Hell.* iv. 7, 2; v. 1, 29.
372. Плутарх, *Аратус*, 17.
373. Плутарх, *Филопомен*, 11.
374. Ливий xxvii. 30, xxxiv. 41.
375. Paus. v. 16, 4.
376. Frazer, *Pausanias*, iii. 91.
377. Пиндар, *N.* v., vii.; Вакхилиды, i. xii.
378. Фил. *Gym.* 7; Paus. vi. 16, 4.

379. Атлетический характер Немеи подчеркивается в двенадцатой оде Вакхилида, в которой происхождение панкратиона прослеживается до победы Геракла над Немейским львом.

380. Krause, *op. cit.* p. 147.

381. Следующий раздел взят в основном из книги А. Моммзена "*Feste der Stadt Athen*".

382. O. ix. 89, xiii. 110; I. viii. 79.

383. O. ix.; I. 1.

384. Athen. 495 F.

385. *Vide* p. 296.

386. I.G. ii. 466, 468, 470, 471.

387. I.G. iii. 1160.

388. N. ii. 23.

389. *Op. cit.* p. 153.

390. Например, Priene, *Priene Inschriften*, 5; постановление жителей Приены не позднее 326 г. до н. э. об отправке двух Теороев в Афины с паноплией. Аналогично Колофон 306 г. до н. э., I.G. ii. 164, ii. 5.

391. Suidas, ii. 2, p. 1691.

392. *Перикл*, 13.

393. Schol. to Pindar, P. xii.

394. В.М. Вазы, В. 139, 141; ср. *Berl. Vas.* 1873.

395. iii. 56.

396. I.G. ii. 965.

397. I.G. ii. 2758.

398. Поллукс, iv. 83.

399. Платон, *Rep.* 398-399; Аристотель, *Pol.* 1341 а.

400. I.G. ii. 965; ср. 966-970.

401. Платон, *Leg.* 833 А.

402. Mommsen, p. 83.

403. *Этим. м.*, ἐν'Εχελιδῶν.

404. Б. М., Б. 130.

405. ἄδηφάγος, "едящий досыта", по-видимому, является причудливым синонимом τέλειος, возможно, со специальным указанием на стоимость разведения скаковых лошадей. Для тех, кто знаком с обычным типом лошади, существующим в Греции в наши дни, это слово имеет особое значение. В Тесейской надписи, I.G. ii. 445, λαμπρός имеет аналогичное значение.

406. *I.G.* ii. 968, 969.
407. Mommsen, *op. cit.* p. 89.
408. Беккер, *Анекд.* 426.
409. Б.М. *Путеводитель по Парфенону*, с. 109.
410. vii. 73.
411. *Op. cit.* pp. 102 ff., 121.
412. *I.G.* ii. 1291, 5, 1305b; Xen. *Hipparch.* 3, 11.
413. Lys. 21. 1, 4.
414. Beulé, *L'Acropole d'Athènes*, ii. pl. 4; Schreiber, *Atlas*, xx. 8, 9.
415. Ксеноф. *Quaest. Symp.* iv. 17; Athen. p. 565 F.
416. 'Εφ. Ἀρχ. 1862, Pl. xxix.
417. 1-1/2 котилей за каждое дерево. Эти сведения в основном заимствованы у Аристотеля, Ἀθ. πολιτ. 60.
418. Пиндар, *N.* x. 36.
419. Б.М. *Вазы*, Б. 130.
420. В.М. В. 603; *American Journal of Archaeology*, ii. p. 332, xii. p. 48.
421. Сесил Смит в *B.S.A.* iii. 194 и далее.
422. Сикелос, 5 в., Киттос, 4 в., В.М. В. 604.
423. *Mon. d. I.* X. 48, g. 11.
424. В. 145; Salzmänn, *Nécropole de Camiros*, lvii.
425. Hdt. vi. 129.
426. По обе стороны от Афины находится уменьшенная фигура мужчины, что является самым неортодоксальным дополнением. Надпись отсутствует на большинстве небольших ваз.
427. Сесил Смит в *B.S.A.* iii. 183 и далее.
428. *Ib.* Pl. xvi.
429. Stuart and Revett, *Antiquities of Athens*, iii. 3, p. 20; Schreiber, *Atlas*, xxv. 9.
430. Mommsen, *op. cit.* p. 278 ff.
431. *I.G.* ii. 444-450.
432. Встречаются имена только четырех иностранцев, Mommsen, *op. cit.* p. 295, n. 1; F. Mie in *Ath. Mitth.* xxxiv. p. 1. Мие различает термин ἔκ πάντων, который встречается в атлетических и конных состязаниях и обозначает соревнования, открытые для всех желающих, и термин διὰ πάντων, который встречается только в музыкальных состязаниях и, по-видимому, обозначает

финальное соревнование, в котором участвовали все участники различных музыкальных состязаний.

433. Krause, *Gym.* pp. 131 ff.; *J.H.S.* xxiii. pp. 261 ff.

434. Paus. ii. 27. 5. Стадион Эпидавра - στάδιον οἷ α Ἑλλησι τὰ πολλὰ γῆς χῶμα. Ср. viii. 47. 4, ix. 23. 1, о стадиях Тегеи и Фив. В отличие от этого, в Коринфе он описывается как λίθου λευκοῦ, ii. 1. 7; ср. Дельфы x. 32. 1, и далее.

435. *Ol. Text.* ii. 63 ff.; Frazer, *Pausanias*, iv. 78.

436. Paus. vi. 20, 8.

437. Стадион Пергама, однако, составлял 210 м., согласно Дёрпфельду, стандарт, установленный Филетером, был выше, чем на материке. *Ath. Mitth.* xxxiii. 341.

438. Πρακτικά. 1902, pp. 78-92, Pl. A-D; Frazer, *Pausanias*, v. 576.

439. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., ii. 688.

440. Рисунок из Кодекса Урсиниана в Ватикане, опубликованный в *Röm. Mitth.* 1890, p. 156, Taf. vii., изображает бегунов, стоящих за деревянным барьером.

441. *B.C.H.*, 1899, pp. 601-615.

442. Пиндар, *Pyth.* viii. 19-20, x. 15, xi. 21.

443. *B.C.H.* l.c. p. 611, и выше, p. 126.

444. Павсаний, x. 32, 1.

445. *B.C.H.*, 1899, pp. 564, 613.

446. Frazer, *Pausanias*, ii. 205; Politis в *The Olympic Games* in 1896, pp. 31 ff.

447. Гиппарх. гл. 3.

448. Один из них можно увидеть в музее в Афинах, другой был вновь установлен на стадионе.

449. Wiegand u. Schrader, *Priene*, pp. 258 ff.

450. Шрайбер, *Атлас*, xxvi. 1; Blouet, *Expéd. de Morée*, ii. Pl. xxxix. Утверждается, что стадион относится к третьему веку до нашей эры.

451. Krause, *Gym.* Pl. iv. 5.

452. *Ionian Antiquities of the Dilettanti*, iii. Pl. xxi.

453. *Ib.* ii. Pl. lxxxiv. Дурм, *Baukunst der Griechen*, в своем "Регистре" дает многочисленные ссылки на рассказы ранних путешественников о стадиях в Аезани, Афродисии, Эфесе, Лаодикии, Мессене, Перге, Пессине.

454. *Электра*, 680 и далее.

455. На более ранних чернофигурных вазах финифть представлена треножниками или вазами, установленными в качестве призов (Gerh. A. V. 257), или сиденьями судей, как на вазе Амфиарая (рис. 3).

456. Krause, *Gym.* p. 348.
457. Bacchylides, ix. τετραέλικτον ἐπεὶ κάμψεν δρόμον; Eurip. *Electra*, 825; Pausanias, vi. 16, 4; Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 676.
458. *Leg.* viii. 833, C, D.
459. Павсаний, т. 16, 2.
460. *Ol. Inschr.* 56.
461. Pausanias, vi. 14, 1.
462. *Ib.* 15, 1.
463. Там же. 2, 10.
464. Mie, *Quaestiones Agonisticae*, p. 48; Ditt. *Syll.* 2nd. Ed., 677, 678.
465. Roberts and Gardner, *Greek Epigraphy*, ii. p. 166.
466. *C.I.G.* 1590.
467. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 524.
468. *I.G.* ii. 444.
469. Павсаний, т. 16, 2.
470. В *J.H.S.* xxiii. p. 266 я сам допустил ошибку.
471. Эти цифры взяты из таблиц, приведенных в "*De Olympionicarum Statuis*" Хайда.
472. *I.G.* ii. 965. См. выше, стр. 234.
473. Мистер Р. Э. Макнагтен в очень интересной статье в *Classical Review*, xxi. p. 13, приписывает афинянам деградацию значения всех слов, обозначающих труд, среди которых он приводит ἄθλιος.
474. Вакхилид, ix.
475. Krause, *Gym.* p. 362.
476. Pomtow, *Poetae Lyrici Graeci Minores*, ii. p. 154 βαλβῖδι ποδῶν θέντες πόδα παρ πόδα. Юлиан, 318.
477. Аристофан, *Экв.* 1161.
478. Софокл, *Эл.* 711.
479. *Hdt.* viii. 59.
480. Единственная ваза, которая может представлять такое положение, - это р.-ф. скифос, воспроизведенный в *J.H.S.* xxiii. p. 283. На ней изображен гоплитодромос, наклонившийся вперед, его правая рука опирается на землю. Но следует заметить, что его ноги находятся в обычном положении, на одном уровне со столбом, где должны быть стартовые линии. Напротив него стоит чиновник в позе, показанной на рис. 47, и я теперь склонен думать, что

бегун, обрабатывая старт, перевесился, а чиновник говорит ему, чтобы он вернулся на свою отметку.

481. *J.H.S.* xxiii. pp. 269 и далее.

482. *Jahrb.* 1886, Pl. ix. Ср. Dr. Hauser в *Jahrb.* 1887 и 1895; М. А. де Риддер в *B.C.H.*, 1897; критические замечания о том же в *J.H.S. l.c.*

483. *Bull. Nap. nouv. sér.* vi. 7; *J.H.S. l.c.* p. 270, Fig. 1.

484. Отрывки, относящиеся к ὕσπληξ, собраны мной в *J.H.S.* xxiii. p. 263. К ним можно добавить: Bekker, *Anecd.* 220, 31 βαλβίς. Ξῦλα δύο τῶν δρομέων ἀφ' ὧν σχοινίον τί διατέταται, ὃ καλεῖται βαλβίς, ἵνα ἐνεῦθεν ἐκδράμωσιν οἱ ἀγωνιζόμενοι; Fränckel, *Antiq. Pergam.* viii. 1, p. 8, 10, эпиграмма на победу Аттала в гонках на колесницах; Schol. to Aristoph. *Eq.* 1159 βαλβίς- ἡ ὑπὸ τὴν ὕσπληγα γενομένη γράμμη.

485. *Лизист.* 1000.

486. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 688; Ἐφ. Ἀρχ., 1884, 169.

487. Ликофрон 13 βαλβίδα μηρίνου σχάσας.

488. *J.H.S. l.c.* p. 264.

489. *Anth. Pal.* ix. 557.

490. Schol. to Aristoph. *Eq.* 1159 βαλβίς δὲ καλεῖται τὸ ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ δρόμου κείμενον ἐγκαρσίως ξῦλον, ὃ καὶ ἀφετήριον καλεῖται, ὅπερ μετὰ τὸ ἐτοιμασθῆναι τοὺς δρομέας εἰς τὸ δραμεῖν ἀφαιρούμενοι ἀφίεσαν τρέχειν.

491. Этот способ начертания галстуков для борьбы и бокса описан Лукианом, *Гермотим*, 40.

492. Pausanias, vi. 13, 2. Текст отрывка, к сожалению, испорчен.

493. Страбон, vi. 12.

494. Из пятнадцати таких ваз на одной изображены два бегуна, на трех - три, на трех - пять, а на восьми - четыре. Число четыре более обычно и в изображениях более длинных гонок.

495. Krause, *Gym.* p. 363. *J.H.S. l.c.* p. 262. У Вергилия Нисус сражается с Салием, *Aen.* v. 335; y Статья, vi. 616, Идас хватает Парфенопея за волосы. Более важным является отрывок из Лукиана, *Calumn. non temere cred.* 12 ἀναθλος ἀταγωνιστῆς ἀπογνοῦς τὴν ἐκ τοῦ τάχους ἐλπίδα ἐπὶ τὴν κακοτεχνίαν ἐτράπετο καὶ τοῦτο μόνον ἐξ ἄπαντος σκοπεῖ ὅπως τὸν τρέχοντα ἐπιόχῃ ἢ ἐμποδίσας ἐπιστομεῖ. Ср. Cicero, *de Officiis*, iii. 10.

496. Нет необходимости повторять здесь аргументы, на которых основаны эти выводы. Они полностью изложены в *J.H.S.* xxiii. p. 267.

497. *Gym.* 32 οἷον πτερούμενοι ὑπὸ τῶν χειρῶν. Крылатые фигуры очень часты в раннем греческом искусстве: очень красивое позднее изображение крылатого бегуна встречается на вазе r.-f., опубликованной в *B.C.H.*, 1899, p. 158.

498. *Practical Track and Field Athletics*, by John Graham and Ellery H. Clark (D. Nutt), p. 24. Фотография двух бегунов (Pl. vi.), сделанная во время реального забега, имеет поразительное сходство с изображениями на греческих вазах.
499. *C.R.*, 1876, Pl. i.
500. *Национальный музей*, 761.
501. *Mon. d. I. X.* 48 ч., 15.
502. *Tusc. Disp.* ii. 23.
503. *Anacharsis* 27.
504. Krause, *Gym.* p. 379.
505. Ксен. *Anab.* iv. 8, 27. В надписи Дамонона записаны успехи Дамонона и его сына на местных праздниках. Дамон одержал много побед в стаде и диаулосе; его сын дважды побеждал в стаде, диаулосе и длинной скачке в один и тот же день. Эта надпись - хорошее доказательство атлетических способностей спартанцев в V веке; специализация в атлетике не была популярна в Спарте, *B.S.A.* xiii. 179.
506. *Anth. Plan.* iv. 54; Pausanias, iii. 21.
507. Philostr. *Gym.* 23.
508. Диодор. *Sic.* xiv. 11.
509. Jul. Africanus, *Ol.* 113; *I.G.* iv. 1349.
510. Артемидор. i. 63; Плутарх, *Quaest. Symp.* ii. 5; Pausanias, iii. 14, 3; Philostr. *Gym.* 7; Heliodor. *Aeth.* iv.
511. Полное обсуждение вооруженной гонки см. в *J.H.S.* xxiii. p. 280 и далее. На вазах эта гонка часто связана с боксом и панкратионом, которые, вероятно, предшествовали ей в программе. См. рис. 54, 151.
512. Фил. *Gym.* 8, 24. Я уже отмечал, что Филострат несколько легковверен и склонен принимать на веру сказки, которые вливали в его уши власти в Элисе и других местах. В его время было модно преувеличивать спартанскую суровость греческих атлетов.
513. О Немее см. Филострат, *l.c.*; об Олимпии - Paus. ii. 11, 8; об Афинах - Aristoph. *Av.* 291, и Схолиаст.
514. Paus. v. 12, 8; vi. 10, 4.
515. Hauser, *Jahrb.*, 1895, p. 199.
516. *B.M. Vases*, E. 22; Gerh. A. V. 258, 1.
517. *Theb.* vi. 587.
518. *Av.* 291.
519. *J.H.S. l.c.* pp. 284-287.
520. *J.H.S. l.c.* pp. 282-284. Аргумент, который я привел на основании использования эпитета ποικίλοι в отрывке Филострата, должен быть отменен. Недавнее издание "Гимнастика" д-ра

Ютнера доказывает, что для этого чтения нет авторитета; он сам предлагает *πάλαιοι*. На общих выводах, сделанных в моей статье, это изменение не отразилось.

521. P. 228.

522. Aristophanes, *Ran.* 1087; *Lysistr.* 1002.

523. *I.G.* ii. 444, 446.

524. *Весп.* 1203.

525. *I.G.* 444.

526. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 680.

527. *De Gressu Animal.* p. 709.

528. Арриан, iii. 22.

529. *Gym.* 11.

530. Плиний, *H. N.* xxvi. 13, 83; xxviii. 19, 78. Предполагалось, что селезенка вызывает шов; Plautus, *Merc.* i. 2, 14.

531. *J.H.S.* xxiii. p. 60; Paus. v. 27, 8; vi. 3, 10.

532. *Anacharsis*, 4.

533. *Ер.* xv.

534. *Лусистрата*, 82; ср. Krause, *Gym.* p. 398, n. 11.

535. Аристоф. *Plut.* 1129; Plato, *Symp.* 190 D; ср. Krause, *Gym.* p. 399.

536. См. *J.H.S.* xxiv. pp. 74 ff.

537. *J.H.S.* xxiv. pp. 70 ff., где я показал, что нет различия между *σκάμμα* и *τὰ ἑσκαρμένα*.

538. Феокрит. iv. 10.

539. *Gym.* 55 οὐ γὰρ συγχωροῦσι διαμετρεῖν τὸ πῆδημα ἢν μὴ ἀρτίως ἔχη τοῦ ἔχνου.

540. Все свидетельства о Фалле собраны и обсуждены в *J.H.S.* xxiv. *l.c.*

541. Рис. 65; ср. *J.H.S.* xxiv. p. 186.

542. Это ясно из пословицы *κέκρουκα τὸν βατῆρα*.

543. Возможно, батер изображен на вазе, воспроизведенной Краузе, *Гим.* ix. 23, в виде небольшой приподнятой платформы. Можно отметить, что в этом случае прыжок является стоячим и без алебард.

544. Поллукс, iii. 151. Так называемые измерительные веревки и компасы, как показал Ютнер, были всего лишь боксерскими стрингами и аментами.

545. 'Εφ. Ἀρχ., 1883, 190. Робертс и Гарднер, ii. 391, дают надпись Ἀλ(λ)όμενος νίκησεν Ἐπαίνετος οὐνεκα τοῦδε ἄ.

546. например, *выше*, рис. 22; ср. Jüthner, *Antike Turngeräthe*, pp. 10, 11.

547. *Gym.* 55. Д-р Ютнер в своей "*Antike Turngeräthe*", стр. 11, отождествляет их, как мне кажется, ошибочно, с двумя ранними типами. Трудно понять, как один из этих типов мог упражнять пальцы.

548. "Они облегчают прыжок, служат направляющими для рук и позволяют прыгуну приземляться твердо и ровно".

549. Caelius Aurelianus, *De morb. acut. et chron.* v. 2, 38. Таким страдальцам следует давать "воск для лепки, или *манипулы*, которые атлеты называют халтурами, для держания и передвижения, либо из воска, либо из дерева, сначала с небольшим количеством свинца, затем постепенно увеличивая вес".

550. Плутарх, *De musica*, 1140; Paus. v. 17, 10.

551. О вазовых картинах, изображающих прыгунов в различных позах, см. *J.H.S.* xxiv. pp. 184 и далее.

552. Ингирами, *Mus. Chius.* cxxv.; Krause, ix. c. 25.

553. *J.H.S.* xxiv. p. 187.

554. *J.H.S.* xxvii. p. 260.

555. *J.H.S.* xxiii. p. 288, рис. 15.

556. Мистер Джордж Роудон, который в прошлом был чемпионом по прыжкам в высоту, однажды дал мне следующее описание метода использования гирь в прыжках в высоту: "Прыгун стартует примерно в 14 ярдах от стоек, проходит две трети расстояния короткими, быстрыми шагами, почти не размахивая гирями, после чего делает один или два сравнительно длинных, медленных шага, дважды размахивая колокольчиками вместе, и на втором взмахе отрывается от земли, когда колокольчики оказываются впереди". Обычно используются гантели весом 5 фунтов или даже тяжелее. Разбег для прыжков в длину с такими гирями будет очень похожим, главное отличие в том, что если в прыжках в высоту гири выбрасываются в момент прыжка, то в прыжках в длину они остаются.

557. *J.H.S.* xxiv. pp. 193, 194.

558. *Anth. Pal.* App. 297-

πέντ' ἐπὶ πεντήκοντα πόδας πήδησε Φάϋλλος

δίσκευσεν δ' ἑκατὸν πέντ' ἀπολειπομένων.

Аргумент, приведенный в следующем отрывке, более полно изложен в *J.H.S.* xxiv. pp. 77 ff., где читатель найдет полные ссылки.

559. ἄλλεσθαι ὑπὲρ τὸ σκάμμα. *J.H.S.* l.c. p. 71.

560. In Oribasius, vi. 14. 34, цитируются отрывки из Антиллуса и Галена. Глава Орибасия об упражнениях содержит множество интересных цитат из ранних медицинских писателей.

561. По этому вопросу см. Эрнст Брюкке, "*Человеческая фигура*", перевод Уильяма Андерсона, стр. 115 и далее.

562. По поводу этой главы см. *J.H.S.* xxvii. 1-36, где можно найти полные ссылки; и Jüthner's *Antike Turngeräthe*, pp. 18 ff.

563. Ссылки, собранные Ютнером, стр. 19-21.
564. Dodwell, *Tour through Greece*, 1819, ii. p. 39.
565. *Ol.* x. 72; *Isthm.* i. 23.
566. Cambridge, *Fitzwilliam Museum*, 70, 72; Kavvadias Ἴλυπτά τοῦ Ἐθνικοῦ Μουσ. 93; Salzmänn, *Nécropole de Camiros*, Pl. viii.
567. выше, стр. 183.
568. Ἐχσοῖδα(ς) μ' ἀνέθηκε Διφὸς Φο(ύ)ροιν μεγάλοιο χάλκεον ὃ νίκασε Κεφαλ(λ)ᾶνας μεγαθύμους.
569. Jüthner, pp. 28, 29; рис. 21, 22, 23.
570. Paus. i. 35, 3.
571. Paus. vi. 19, 3.
572. Филострат, *Героика*. стр. 291.
573. *l.c.*
574. *Theb.* vi. 675.
575. *Im.* i. 24 (Бенндорф и Шенкль). Полностью обсуждается в *J.H.S.* xxvii. 9; ср. Jüthner in *Eranos Vindob.* p. 317; Pernice in *Jahrb.*, 1908, p. 95.
576. Ср. Г. С. Робертсон, "О метании дискоболов", в *Официальном справочнике Олимпийских игр*, 1908, с. 79-85.
577. см. с. 261.
578. Это очевидное значение μὴ τέρμα προβάς у Пиндара, *Nem.* vii. 70.
579. В *Jahrb.*, 1908, pp. 95 ff., он перечисляет Gerh. A. V. 22, Naples 3084, *B.M. Vases*, E. 256. На вазе Б.М. мы видим знакомый тип юноши, готовящегося к метанию копья; ваза в Герхе представляет тот же тип, но леворукий, случайно или намеренно; ваза Неаполя столь же убедительна.
580. *Theb.* vi. 679-712.
581. См. Kietz, *Diskoswurf*, Munich, 1892. 6 в *Gaz. Archéolog.* 1888, 291. Jüthner *l.c.* Chryssaphis, *Bulletin du Comité des Jeux Olympiques* 1906, p. 57. Критику этих схем можно найти в *J.H.S.* *l.c.*
582. Полный список ваз и бронз, представляющих эти два типа, приведен в *J.H.S.* *l.c.* pp. 14-24.
583. *J.H.S.* *l.c.* p. 18.
584. № 561.
585. No. 7412. Ср. р.-ф. амфору, Мюнхен, 374, опубликованную в "*Euthymidês*" Хоппина.
586. *Philopseud.* 18.

587. Д-р Ютнер выводит из этих ваз свою теорию *Kreisschwung*, невозможного метода бросания диска путем вращения руки вокруг оси, критика которой *приведена в J.H.S. l.c. p. 33.*
588. Gerh. A. V. 260, Неаполь 3084, *B. M. Vases*, B. 361 (рис. 77), и лекиф в Булони (*J.H.S. l.c. Fig. 22*).
589. *C.I.G. i. 2076.*
590. *Carm. i. 8, 10.*
591. *Анахарсис, 27.*
592. Krause, *Gym. p. 464, n. 9.*
593. Jüthner, *Antike Turngeräthe*, p. 37; *J.H.S. xxvii. pp. 249-273.*
594. *De re equestri*, viii. 10.
595. *Тетралогия*, ii. 4. Пример остроконечного копья показан на рис. 150.
596. *См. далее, с. 358.*
597. Лукиан, *Анахарсис*, 32.
598. Jüthner, *l.c.*, Figs. 34, 35, 36. Ютнер убедительно доказывает, что объекты, изображенные на килике Панаэция и в других местах (рис. 17), - это не компасы, а неправильно нарисованные аменты.
599. Schliemann-Schuchardt (Eng. Trans.), Figs. 284, 285.
600. *Anab. v. 2, 12.*
601. Ditt. *Syll. 2nd Ed.*, ii. 520, 521, 522, 523.
602. Более подробные сведения *см. в J.H.S. xxvii. p. 255.*
603. *Gym. 31*, и примечание Ютнера, p. 249.
604. Легкость греческого копья иллюстрирует Ксенофонт. Во время перехода десяти тысяч через горную территорию Кардуки греки подбирали длинные стрелы противника и, прикрепив к ним ремешки (ἐναγυκλιῶντες), использовали их как копья. С помощью ремешка можно метнуть дротик, слишком легкий для эффективного метания рукой. *Анаб. iv. 2, 28.*
605. *Berlin Vas.*, 1805.
606. *Ol. x. 71.*
607. *Vasen von d. Acrop. 590, Pl. xxvii.*
608. Сеос, Сестос, Самос, Траллы, Лариса. *См. J.H.S. l.c.*, примечания 21 и 53.
609. Дитт. *Syll. 2nd Ed.*, ii. 670, 671.
610. *Nem. vii. 70; Isthm. ii. 35; Pyth. i. 44.*
611. Лукиан, *Анахарсис*, 27.
612. *Meno 93 D; Leg. 834 D.*

613. *Гуппарх*. i. 6; *De re equest.* viii. 10.

614. Collignon, 1478; Millin, i. 45. Обе вазы воспроизведены П. Вольтерсом, *Zu griechischen Agonen* (Würzburg Programm, 1901).

615. Эпиграмма Симонида на Диофона.

Ἴσθμια καὶ Πυθοῖ Διοφῶν ὁ Φίλωνος ἐνίκα

ἄλμα, ποδωκείην, δίσκον, ἄκοντα, πάλην.

Эпиграмма, цитируемая Евстафием, *Il.* Ψ 621, p. 1320-.

ἄλμα ποδῶν δίσκου τε βολῇ καὶ ἄκοντος ἐρωῇ

καὶ δρόμος ἦδε πάλη- μία δ' ἔπλετο πᾶσι τελευτή.

ср. Эпиграмма Луцилия, *Anth. Pal.* xi. 84; Филострат, *Gym.* 3, 11, 31, 55; Артемидор, *Oneir.* i. 55; и многочисленные схолии.

616. Например, об играх при дворе Алкиноя. Никакие аргументы не могут быть основаны на случайном появлении на вазах бокса вместе с некоторыми соревнованиями по пятиборью, например, рис. 150.

617. *Isthm.* i. 26.

618. Три состязания, *B.M. B.* 134. *Arch. Zeit.*, 1881, ix.; дискобол и копье, *B.M. B.* 142, *Mus. Greg.* xliii. 2 b; прыжок и копье, *Мюнхен*, 656; дискобол, *B.M. B.* 136, 602 и т. д.; копье, *B.M.* 605 и т. д.

619. *J.H.S.* xxiii. p. 60.

620. Aristot. *Rhet.* i. 5; ср. Платон, *Amatores* 135 D, E.

621. Phil. *Gym.* 3.

622. К работам, перечисленным мною в *J.H.S.* xxiii. pp. 55 ff., я могу добавить К. Е. Heinrich, *Über das Pentathlon d. Gr.*, Würzburg, 1892; С. А. М. Fennell в *Pindar: Isthm. and Nem. Odes*, 1883; Ph. E. Legrand в *Dar.-Sagl.* s.c. "Quinquertium", 1907.

623. *Bacch.* ix. 30-36 τελευταίας ἀμάρυγμα πάλας; *Hdt.* ix. 33; *Xen. Hellen.* vii. 4. 29.

624. *Vide* p. 120.

625. Ниже приведены порядковые номера, указанные в различных списках:.

1. Симониды	прыжок, бег, дискобол, копье, борьба.
2. Эпиграмма, цитируемая Евстафием	прыжок, дискос, копье, скачки, борьба.
3. Schol. Pind. <i>Isthm.</i> i. 26	
4. Schol. Soph. <i>El.</i> 631	
5. Артемидор, <i>Oneirocrit.</i> i. 55	скачки, дискобол, прыжки, метание копья, борьба.
6. Schol. Платон, <i>Amat.</i> 135 E
(перевернуто)	бег, дискос, прыжок, копье, борьба.
7. Фил. <i>Gym.</i> 3 (перевернуто)	бег, прыжки, метание копья, дискобол, борьба.

8. Schol. Aristid. *Pan.* p. 112

скачки, борьба, дискос, копье, прыжок.

9. Эпиграмма *Anth. Pal.* xi. 84

борьба, бег, дискос, прыжок, копье.

В 6 и 7 порядок текста явно изменен, и поэтому я снова изменил его. № 9 не представляет особой ценности и может быть пропущен.

626. *Vasch.* ix. 30-36; *Pind. Nem.* v. 72; *Isthm.* ii. 30. Эти отрывки и вазы не представляют особой ценности.

627. Система, принятая Бёкхом, Германом и Диссенном.

628. Эту интерпретацию, как я рад обнаружить, принял д-р Ютнер в своем недавнем издании Филострата.

629. Schol. Aristid. *Pan.* p. 112 οὐκ ὅτι πάντως οἱ πένταθλοι πάντα νικῶσιν- ἀρκεῖ γὰρ αὐτοῖς ὅς γ' τῶν ἐπὶ νίκην. *Plut. Symp.* ix. 2 διὸ τοῖς τρισὶ ν ὥσπερ οἱ πένταθλοι περίεστι καὶ νικᾷ.

630. Вакхилиды, л.с.

631. Более полное рассмотрение этого вопроса см. в *J.H.S.* xxiii. p. 63 и Jüthner, *Philostratus*, p. 207. Отрывок, процитированный мной из Филострата на p. 65 n. 47, γυμνάζεται τι τῶν τριῶν, кажется испорченным и не может быть использован как доказательство того, что τριαγμός применяется к трем событиям пятиборья, которые обеспечивали победу, или к трем событиям, свойственным пятиборью, и Ютнер кажется мне правильным в своей критике, что такое использование слова является "mehr als unsicher".

632. В *J.H.S.* xxiii. p. 65 я ошибся, отвергнув этот вывод. Однако я не могу признать доказанным применение этого слова Хольвердой или Генрихом. В частности, Хольверда, как и многие немцы, придает совершенно неоправданное значение борьбе, которая, конечно, не была самым важным из пяти событий.

633. Schol. Пиндар, *Нем.* ст. 49.

634. Аэлиан, *Var. Hist.* ii. 4. Ср. *J.H.S.* xxv. p. 19, n. 27.

635. vi. 4, 2.

636. *J.H.S.* l.c. p. 15. Freeman, *Schools of Hellas*, p. 130.

637. *Ох. Pap.* iii. 466. Полное обсуждение этого вопроса см. в Jüthner, *Philostratus*, p. 26. С папирусом можно сравнить любопытный отрывок в "Асинусе" Лукиана, с. 9, и эпиграмму в *Anth. Pal.* xii. 206. Последняя, как и отрывок Лукиана, вероятно, эротическая. Такое метафорическое использование борцовских терминов - обычное дело. Ср. Аристоф. *Рак* 895, *Ав.* 442, а также выражения ἀνακλινόπαλη, κλινόπαλη.

638. *Ol. Ins.* 225, 226, 54; *Paus.* vi. 1, 2.

639. *Hermotim.* 40.

640. *Ol.* viii. 68; *Pyth.* viii. 81.

641. *Ol. Ins.* 164, 174.

642. *Ib.* 225, 226.
643. *Anth. Pal.* xi. 316.
644. *Paus.* vi. 11, 4.
645. *Ol. Ins.* 153.
646. *Gym.* 11; см. примечание Ютнера, стр. 206.
647. *Aethiop.* iv. 2.
648. Филострат. *Vit. Soph.* 225, возможно, ошибка в σταδαία.
649. *Vide Jüthner, Philostratus*, p. 212.
650. *Ib.* pp. 206, 297. Это место называлось ἀλινθήθρα, *Aristoph. Ran.* 904. Ср. Лукиан, *Анахарсис*, 2, 28, 29.
651. Еврипид, *Вакхиды*, 455.
652. Krause, *Gym.* p. 541, n. 6.
653. *J.H.S.* xxv. 21. Ср. Jüthner, *Philostratus*, p. 212.
654. *Anth. Plan.* iii. 25; *Anth. Pal.* ix. 588. Ср. Аристоф. *Eq.* 571; Aeschylus, *Suppl.* 90.
655. *Anth. Pal.* xi. 316.
656. Агамемнон 63; Персей 914; *Anth. Plan.* iii. 24.
657. Собраны в моей статье о Пентатлоне, *J.H.S.* xxiii. p. 63; ср. xxv. p. 26. Jüthner, *Philostratus*, 207.
658. "Luctator ter abjectus perdidit palmam". Ср. Софокл, *φρ.* 678.
659. *J.H.S.* xxv. 29. где я несколько преуменьшил доказательства спотыкания.
660. 796 A, B, более подробно рассмотренные в указ. соч. с. 27.
661. л. 26, σύμφωνα τῶν δύο πλέων, интерпретацию которого см. в Jüthner, p. 28.
662. *Mus. Greg.* i. 103.
663. Heliodorus, *Aethiop.* x. 31.
664. Гомер, *Ил.* xxiii. 712; Лукиан, *Анахарсис*, 1; Philostrat. *Vit. Soph.* 225.
665. Плутарх, *Symp.* ii. 4, перечисляет в качестве борцовских терминов συστάσεις, παραθέσεις, ἐμβολαί, παρεμβολαί. Ютнер в своем интересном рассказе о папиресе Оксириных, по-видимому, отрицает эту интерпретацию, но не предлагает удовлетворительной альтернативы.
666. На внутренней стороне этого килика повторяется та же группа, но момент не совсем тот же. Кажется, что Церцион пытается отступить.
667. Homolle, *Fouilles de Delphes*, iv. 76.
668. *Анахарсис*, 24.

669. Небольшая статуэтка из слоновой кости с изображением двух борющихся мальчиков, недавно приобретенная Британским музеем, возможно, представляет момент поворота.
670. Dar.-Sagl. 4624.
671. Фил. *Gym.* 35; Xen. *Lac. Rep.* 5, 9; Aristoph. *Eq.* 491.
672. Athenaeus xiii. p. 566.
673. Мюнхен, 3; Gerh. A. V. 114. В *J.H.S.* xxv. Я более подробно рассмотрел поединки Геракла.
674. Шрайбер, *Атлас*, xxiv. 10.
675. *J.H.S.* xxv. p. 280, διαλαμβάνειν, μεσοφέρδειν, μεσοφέρδην, μέσον ἔχειν; διαλαμβάνειν означает обхватить обеими руками талию противника; περιτιθέναι означает скорее обхватить противника одной рукой, как при захвате для удара, но не обязательно подразумевает, что руки сцеплены. См. Jüthner, *Philostratus*, p. 28.
676. См. *J. H. S.* xxv. pp. 281 и далее, а также рис. 18, 19, 20.
677. Ссылки см. в *J. H. S.* p. 283, n. 76.
678. Quintus iv. 215; Nonnus xxxvii. 553-601. Краткие сведения о них см. в *J.H.S.* xxv. p. 25.
679. I. 25 σὺ αὐτὸν μεταβὰς πλέξον- σὺ μεταβαλοῦ.
680. xxiv. 111.
681. *Char.* xxvii.
682. *Φυῖ δε Δελφύς*, iv. 46, 47.
683. *Collection Philip*, Paris, 1905, No. 484; de Ridder, *Collection de Clercy*, Paris, 1905, iii. 253, Pl. xli. 3.
684. *Ocyrus*, 60.
685. *Equites*, 261-3; Demosthenes in *Cononem*, 8. Полное обсуждение этого отрывка и бронзы см. в *J.H.S.* xxv. pp. 289-293.
686. Краузе, *спортзал*. 428.
687. Аэлиан, *Var. Hist.* xi.
688. Евстафий, *Il.* ii. p. 331, 18, 39.
689. Эпиграмма на спартамца Дамагета, *Anth. Plan.* i. 1.
690. *Quaest. Symp.* ii. 5, 2.
691. Мифологические ссылки см. в Krause, pp. 498 ff.
692. Philostr. *Gym.* 9, 12.
693. За более полным изложением этого вопроса читатель отсылается к замечательной главе в "*Antike Turneräthe*" д-ра Ютнера, стр. 66-95, где он найдет полные ссылки как литературные, так и монументальные.

694. Paus. vi. 23, 4; viii. 40, 3. Платон, *Leg.* viii. 830 B.

695. *Ant. Turn.* p. 67.

696. Платон, *Тезетет.* 27. Краузе, стр. 323, различает две игры, одна описывается как διελκυστίнда или διὰ γραμμῆς παίζειν, перетягивание каната между командами, другая называется σκάπερδα или ἐλκυστίнда, игра, в которой два юноши пытались поднять друг друга с земли при помощи веревки, пропущенной через отверстие в столбе. Рулез был первым, кто предложил такое объяснение стрингам, изображенным на вазах. Его объяснение принято в недавней статье о прекрасном килике, изображающем сцены борьбы и бокса, Pl. xxxv. в *Transactions of the University of Pennsylvania*, 1907, p. 140.

697. *Op. cit.* p. 69.

698. *Gym.* 10 ὥπλιστο δὲ ἡ ἀρχαία πυγμὴ τὸν τρόπον τοῦτον- ἐς στρόφιον οἱ τέτταρες τῶν δακτύλων ἐνεβιάζοντο καὶ ὑπερέβαλλον τοῦ στροφίου τοσοῦτον ὅσον, εἰ συνάγοιντο, πύξ εἶναι, συνείχοντο δὲ ὑπὸ σειρᾶς ἣν καθάπερ ἔρεισμα ἐβέβληντο ἐκ τοῦ πήχεος. Ср. Paus. viii. 40, 3.

699. Иногда стринги натягиваются только на руку, иногда только на запястье, иногда они совсем отсутствуют. Вероятно, это объясняется лишь небрежностью, но в некоторых случаях эти линии, которые обычно наносились после завершения работы над остальными частями фигуры, могли просто стереться.

700. Ютнер, рис. 59.

701. Ютнер, рис. 66.

702. Jüthner, p. 79, Figs. 62-64.

703. *Gym.* 10.

704. Плутарх, *Mor.* 825 E.

705. Ютнер, рис. 68. Хельбиг, 619.

706. Ср. *Inscr. v. Priene*, 112, l. 91, где упоминается бокс ἐν εἴμασι.

707. Слово μύρμηκες, употребляемое эпиграмматистами (*Anth. Pal.* xi. 78), по-видимому, является лишь шутивным обозначением этого оружия, но не имеет особого значения.

708. Jüthner, pp. 87 ff., Figs. 69-74; ср. Hans Lucas, *Jahrbuch*, 1904, pp. 127-136.

709. Ютнер, рис. 61, с. 75, 76.

710. R. M. Burrows, *Discoveries in Crete*, p. 35. Что касается спортивного аргумента, то связь, которую профессор Берроуз предлагает между Критом и Центральной Европой и Этрурией, кажется мне совершенно необоснованной.

711. Деннис, *"Города и кладбища Этрурии"*, *passim*.

712. *Тунис*, ii. 30.

713. *Мон. д. I.* XI. Pl. 25.

714. Афиней приводит слова Посейдония о том, что кельты пристрастились к поединкам с применением оружия, нанося друг другу раны и даже убивая. ἐν γὰρ τοῖς ὅπλοις ἀγερθέντες σκίαμαχοῦσι καὶ πρὸς ἀλλήλους ἀκροχειρίζονται, *Athen.* 154 A.

715. *Rambles in Greece*, 2nd Ed., p. 314. Его описание мейлихаев как гирь, удерживаемых в руке и скрепленных ремешками, не имеет под собой никаких оснований.
716. xxii. 93.
717. Дион Хризостом, *Orat.* 29.
718. Jüthner, p. 71.
719. Ср. Рис. 142, 145.
720. Paus. viii. 40, 3.
721. *Gym.* 10, 23.
722. Бенндорф, *Gr. Sic. Vasenb.* xxxi. 2; Gerhard, *A.V.* 177 (= Munich 584); *Le Musée*, ii. p. 276, рис. 24 (б.-ф. ваза в Булони). Другие примеры удара левой рукой: фрагмент в Лувре (Hartwig, *Meisterschalen*, рис. 31); *Mus. Greg.* ii. 17 (очень похоже на В.М. В. 271); Krause, *Gym.* xviii. d. 66 f.; Brussels 336. На вазе Бенндорфа и некоторых других удар кажется несколько направленным вниз, что, вероятно, связано с тем, что противник находится в состоянии падения.
723. *Gorgias*, 516 A; *Protag.* 342 B; ср. Theocritus xxii. 45. Полные ссылки приведены в Krause, *Gym.* pp. 516, 517, и *J.H.S.* xxvi. p. 13.
724. Филострат, *Героика*. 180 τὰ δὲ ὧτα κατεαγῶς ἦν οὐκ ὑπὸ πάλης.
725. *Theb.* vi. 731-825.
726. *Gym.* 34 προσβῆναι ταῖς τῶν ἀντιπάλων κνήμαῖς ἄργοι καὶ εὐάλωτοι τῷ προσβάντι. Ср. с. 11 ὁ πύκτης τρωθήσεται καὶ τρώσει καὶ προσβήσεται ταῖς κνήμαῖς. К προσβῆναι я придал несколько более широкий смысл "наступать" или "вытягиваться", который, несомненно, подразумевается в следующих словах: ὀρμητικώτερον τὸ σχῆμα τοῦ πукτεύοντος ἢν μὴ συμβαίνωσιν οἱ μηροί. Добавление слов ταῖς τῶν ἀντιπάλων κνήμαῖς представляет трудность. Здесь не может быть и речи об "ударе ногой", который, безусловно, не допускался в боксе, и ни одна из ваз, цитируемых Ютнером в его примечании к этому отрывку, не подходит. Эти слова могут означать только "наступление на голени противника". Толчок противника назад таким образом может произойти в "драке", и в этом случае единственным средством защиты является "скольжение". Но эта тактика не особенно эффективна, а в современном боксе толчки не допускаются. У меня есть подозрение, что Филострат был очень смутен в своих представлениях о боксе. Как показал Ютнер в своем недавнем издании, Филострат был ритором, а не практическим спортсменом, и своими атлетическими знаниями он был обязан какому-то техническому трактату по гимнастике, который он не всегда понимал.
727. Вакхилид i.
728. Дион. *Orat.* xxix.; ср. Евстафий. *Il.* Ψ 1322, 1324. Евсевий, *Histor. Syn.* p. 350, цитируется в Krause, p. 510.
729. ii. 25-97.
730. *Symp.* ii. 4.
731. Рис. 133, 141.
732. Павсаний viii. 40.

733. Paus. vi. 9, 6; Пиндар, *Ol.* v. 34 Schol.
734. Krause, p. 517.
735. Fabretti, *De Columna Trajani*, p. 267. Все свидетельства об этих накладках поздние, но сами шапочки относятся к пятому веку до нашей эры.
736. Аристотель, *Nic. Eth.* iii. 1; Платон, *I. Alcib.* 107 E. Дальнейшие ссылки см. в Krause, p. 510, и *J.H.S.* xxvi. p. 14.
737. Платон, *Legg.* viii. 830 C.
738. Paus. vi. 10, 1.
739. *Vide infra*, p. 478.
740. Феокрит, iv. 10.
741. *J.H.S.* xxvi. pp. 4-22.
742. *Im.* ii. 6.
743. Геракл, согласно Вакхилиду, xiii., впервые применил искусство панкратиона против Немейского льва; согласно другой традиции, Тесей применил его против Минотавра.
744. Paus. vi. 6, 5; 15, 5; Artemidor. *Oneir.* i. 64.
745. *Im.* ii. 6.
746. *Aves*, 442; *Pax*, 899.
747. *J.H.S.* xxvi. p. 14.
748. Phil. *Gym.* 36. Я не согласен с разделением текста Ютнером. Он делает рассказ о οἱ ἐν μικρῷ μεγάλῳ началом классификации атлетических видов, которая следует за ним. Кайзер справедливо связал его с рассказом о борьбе и панкратионе, которые предшествовали ему.
749. *Анахарсис*, 1.
750. *J.H.S.* xxv. pp. 283 ff., рис. 19, 20.
751. *Gym.* 36.
752. *Героический*. 53, 54. Слово πτερνίζειν употребляется в LXX. в отношении Иакова, вытесняющего Исава (Быт. xxvii. 36, ср. xxv. 26). *J.H.S.* xxvi. 20.
753. lxxi. 7.
754. *Alc.* 2; *Apophthegm. Lac.* 234 D, 44.
755. xxii. 66.
756. Протреспт. ἐπὶ τέχνας, 36.
757. Лукиан, *Анахары*. 9; Аристоф. *Eq.* 273, 454; Pollux, iii. 150.
758. Paus. vi. 4, 2.
759. *J.H.S.* xxvi. 15.

760. Лукиан, *Анахары*. 31.

761. Из "*Асинуса*" Лукиана мы узнаем, что борьба на коленях (τὰ ἀπὸ γονάτων) систематически преподавалась в палестре. Ср. Aristoph. *Рак*, 895.

762. Legg. 795, 834.

763. *Nem.* iii. 29; *Isthm.* v. 60.

764. *J.H.S.* xxv. 30, xxvi. 19.

765. *Aeth.* x. 31, 32.

766. Фил. *Im.* ii. 6; Paus. viii. 40, 2.

767. Многие из них обсуждаются в моих статьях в *J.H.S.* xxv., xxvi. Ср. Grasberger, 349-374; Krause, 400-438, 534-556.

768. *B.S.A.* xiii. pp. 174 ff.

769. Колесница с четырьмя лошадьми встречается на монетах Агригентума, Камарины, Катаны, Эриксы, Гелы, Гимеры, Леонтины, Панормуса, Сегесты, Сиракуз; колесница с двумя лошадьми - на монетах Мессаны; повозка с мулами - на монетах Региума и Мессаны; многочисленные типы верховой езды - на монетах Тарентума. На ранних монетах Сиракуз на тетрадрахме изображена колесница с четырьмя лошадьми, на дидрахме - всадник, ведущий другую лошадь, на драхме - всадник, а на обеле - колесо колесницы. См. Hill, *Coins of Sicily*, pp. 43-46 и *passim*.

770. Герх. A.V. 267.

771. *Mus. Greg.* ii. xxii. 1 A.

772. В римские времена и стадион, и ипподром сливаются в цирк. Ипподром в Константинополе - чисто римское сооружение и нас не касается, как и ипподром в Пессине (Texier, *Asie Mineure*, Pl. lxii.).

773. Paus. viii. 38, 5; *Expédition en Morée*, ii. p. 37, Pls. xxxiii.

774. Paus. vi. 16, 4; Plut. *Sol.* 23; Photius, p. 296.

775. Paus. vi. 20. Многие детали вызывают много споров. В основном я следовал рассказу А. Мартина в Dar.-Sagl. s.v. "Hippodrome".

776. Цитируется в Dar.-Sagl., s.v. "Olympia", p. 177, n. 5; ср. Frazer, *Pausanias*, v. p. 616, и Schoene в *Jahrb.* xii. p. 150. Выводы Шоне относительно расстояний между скачками кажутся мне совершенно невозможными.

777. Утверждение Мартина, что часть апекса возле основания была открыта, а вершина закрыта, вряд ли подтверждается словами Павсания и кажется неправдоподобным.

778. Алкивиад в один прекрасный день запряг не менее семи собственных колесниц. Thus. vi. 16, 2.

779. Эрвин Поллак, *Гипподромика*. Лейпсик, 1890.

780. Вряд ли это было справедливо, ведь внешние колесницы имели огромное преимущество в старте. Я предполагаю, однако, что колесницы не начинали гонку, пока не

выстраивались в линию, и что цель апсиды была отчасти в том, чтобы облегчить их выстраивание в линию, что нелегко при большом поле.

781. Софокл, Эл. 709.

782. Пиндар, *Ol.* ii. 50, iii. 33, vi. 75; *Pyth.* v. 30. Отрывки, относящиеся к измерениям, собраны в Pollack, *op. cit.* pp. 103 ff.

783. Paus. vi. 13, 9.

784. *J.H.S.* xix. p. 8. *B.M. Guide to Greek and Roman Life*, p. 200.

785. В каталоге этот инструмент описан как καλαῦροψ, но я не могу найти авторитетного подтверждения такому использованию этого слова.

786. Paus. v. 5, 2.

787. Munich, 805; Schreiber, *Atlas*, xxiv. 9.

788. *Всадники Тарентума*, *passim*.

789. Paus. vi. 2, 1.

790. *Оксиринхские папирусы*, ii. 222.

791. Paus. vi. 2, 8.

792. М. А. Бейфилд в *Class. Rev.* xxii. p. 45.

793. Gerh. *A.B.* 267.

794. Hill, *Coins of Sicily*, p. 63.

795. *Od.* iv. 605.

796. Hdt. vi. 126. Ср. Eur. *Андромаха*, 599.

797. Eur. *Hipp.* 229; *Нес.* 207.

798. Paus. v. 15, 8; vi. 21, 2.

799. Аристоф. *Ав.* 141; Антифонт, *Темп.* ii.

800. *Axioch.* 366 C, 367 A.

801. Xen. *Rep. Ath.* 2, 10.

802. Например, Тавреас (Платон, *Charm.* 153), Тимагет (Theocrit. ii. 8), Сибиртий (Plut. *Alcib.* 3), Гиппократ (Plut. *Vit. dec. or.* 837), Тимей и Антигон во втором веке (*I.G.* ii. 444, 445, 446). Ср. Стасеас на Делосе (*B.C.H.*, 1891, p. 255).

803. М. Фужер (*Dar.-Sagl.*, s.v. "Gymnasium") считает самым ранним гимнасием Мессены, который он отождествляет с колоннадой, окружающей сфендон того, что обычно считается стадионом. Идентификация и датировка здания должны рассматриваться как весьма сомнительные в отсутствие более систематических раскопок.

804. ii. 10.
805. Платон, *Эвтидем*.
806. *Phaedr.* 227 A.
807. *Theaetet.* 144 C; Aristoph. *Nub.* 1005.
808. Gerh. A. V. 272, и *выше*, рис. 63, 64.
809. Gerh. A. V. 272, 294.
810. Hartwig, *Meisterschal.* liii.; Freeman, *Schools of Hellas*, Pl. x.
811. Заяц часто предлагался в качестве подарка. Gerh. A. V. 275, 276, 280, 290.
812. Demosth. *in Timocr.* 114.
813. Платон, *Теэтет*. 144 C.
814. *Mus. Greg.* i. 37: Schreiber, *Atlas*, xxiii. 9.
815. Helbig, *Führer*, p. 388.
816. Hdt. iv. 75; Aristoph. *Eq.* 1060; *Nub.* 835, 991, 1045.
817. Платон, *Legg.* vi. 761.
818. Roulez, *Vases peints du Musée de Leyde*, Pl. 19. Похожая сцена в женской бане изображена на амфоре б.-ф. в Берлине 1843 года. См. Шрайбер, *Атлас*, xxi. 9, lvii. 4.
819. Аристоф. *Ran.* 710.
820. Tischbein, i. 58; Schreiber, *Atlas*, xxiii. 3.
821. Dar.-Sagl., Fig. 747; Schreiber, *Atlas*, lvii. 5.
822. Homolle, *B.C.H.*, 1899, pp. 560 ff.
823. Покупка кирки (σκαφεῖον) и валиков (τροχιλεῖαι) для палестры упоминается в Делийских счетах за 279 г. до н.э., *B.C.H.*, 1890, p. 397, ll. 98, 99; ср. p. 488 note 2, о подобных покупках в другие годы.
824. Аналогично в *Ath. Mitth.* v. 232 τὸ πυριατήριον καὶ τὸ κόνισμα; Lebas Waddington, *Inscr. As. Min.* 1112 λουτρῶνα καὶ κόνισμα. Открытая площадка для упражнений была неотъемлемой частью каждой бани. Не следует путать κόνισμα с конистерионом или пудреницей Витрувия.
825. Платон, *Theaet.* 146 A, и Schol. о том же. Игра в прыжки мяча по земле называлась ἀπόρραξις.
826. *Char.* xxi. αὐλίδιον παλαιστριαῖον κόνιν ἔχον καὶ σφαιριστήριον. Эту палестру он предоставляет философам, софистам, мастерам фехтования (ὀπλόμαχοι) и музыкантам для их представлений, на которых он сам появляется довольно поздно, чтобы зрители могли сказать друг другу: "Вот хозяин палестры".
827. *Athen.* i. 34, p. 19 A.
828. *Ol.* Текст. ii. с. 113, 127.

829. Overbeck, *Pompeii*, 4th Ed., p. 219.

830. Для единообразия я сохранил греческое написание названий различных помещений вместо латинских форм, фактически использованных Витрувием.

831. Ссылки на многочисленные надписи, связанные с поставками масла, см. в Dar.-Sagl., s.vv. "Gymnasiarchia", p. 1682, "Gymnasium", p. 1689.

832. В надписях мы находим упоминание о специальном помещении под названием ἄλειπτήριον, которое иногда используется как синоним палестры или гимнасия, так же как οἱ ἄλειφόμεινοι эквивалентно οἱ γυμναζόμενοι. Vide *Hermes*, vii. 42; *C.I.G.* 2782, l. 25; *B.C.H.* xii. p. 326.

833. Phil. *Gym.* 58. Я рад, что объяснение ξηραλοιφεῖν, приведенное выше, которое пришло мне в голову независимо, было предвосхищено и подтверждено Ютнером в его недавнем издании Филострата. Это слово встречается в указе Солона, цитируемом Эсхином. Гален определяет его как натирание чистым маслом, в отличие от χυτλοῦσθαι, натирания маслом, смешанным с водой. Но это различие вряд ли можно приписать Солону или спартамцам. Последние, по-видимому, использовали примитивный вид потоотделения на открытом воздухе (Strabo, iii. 3, 6), и растирание, связанное с таким купанием, вполне можно назвать ξηραλοιφεῖν в отличие от растирания, обычного в других частях Греции, которое было связано с купанием или мытьем в воде. Jüthner, pp. 181, 182.

834. Лукиан, *Анахары*. 2, 29.

835. Philostr. *Gym.* 56.

836. *Priene*, pp. 265 ff.

837. *Priene Inschriften*, 112. Авторы датируют надпись после 84 г. до н. э.

838. *Ath. Mitth.* xxix. pp. 121 ff., xxxii. pp. 190 ff., xxxiii. pp. 327 и далее.

839. *Op. cit.* xxix. p. 158.

840. *Op. cit.* xxxii. p. 273, 10.

841. *Op. cit.* xxxii. p. 257, 8.

842. О Гимnasiархии см. статью Г. Глотца в Dar.-Sagl., где приводится полная библиография по этому вопросу и многочисленные ссылки на надписи. О Гимnasiархии в Афинах см. также *Freeman's Schools of Hellas*, p. 155.

843. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 522.

844. *I. G.* xiv. 256.

845. Ditt. *Syll.* 2nd Ed., 523.

846. Th. Reinach, *Rec. des études gr.* vi. p. 164, n.

847. *I. G.* xiv. 422?

848. Aeschines *in Timarch.* 10; Aristoph. *Nub.* 973; *Eq.* 1238.

849. Афины. 584 С.

850. Антифонт. *Темр.* ii.
851. Дит. *Syll.* 2nd Ed., 523.
852. Исокp. Περὶ ἀντιδόσεως, 181-185.
853. Платон, *Респ.* 406.
854. Philostr. *Gym.* 14; Гален, *De San.* ii. 86, 90.
855. Впервые это слово встречается у Ксенофонта, *Мем.* ii. 1, 20. Но тот факт, что оно не встречается в литературе раньше, не доказывает, что оно не было в употреблении; ведь однокоренные слова γυμνάζομαι и γυμνάσιον были в употреблении гораздо раньше.
856. Пиндар, *Ол.* viii.; *Нем.* iv., vi.
857. Пиндар, *Нем.* v.
858. Ксенофонт, *Мем.* l.c.; Аристотель, *Pol.* 1338 b.
859. l.c.
860. Платон, *Протаг.* 313 E.
861. Платон, *De virtute*, 378 E.; *Amator.* 134 E.
862. *Pol.* 1288 b.
863. Рассказ о пайдотах и гимнастах был написан до того, как я прочитал искушенное обсуждение этой темы Ютнером во введении к его "*Филострату*", но я не вижу причин менять свои взгляды. Ютнер считает гимнаста с самого начала "профессором физической культуры", но сам нечаянно применяет этот термин к пиндаровскому Мелесию (с. 22), который был всего лишь учителем бокса. Далее Ютнер, как мне кажется, сильно переоценивает значение медицинской гимнастики и науки о здоровье, основанной на учении Иродика Селимбрийского.
864. *Nic. Eth.* ii. 6, 7.
865. *Vasch.* iii. 3, 24.
866. Исократ, l.c.
867. Ср. Рис. 65.
868. *Supra*, p. 374.
869. Афины. 631 B.
870. Платон, *Легг.* 689 D.
871. Paus. ii. 35, 1.
872. См. три статьи в *J.H.S.* профессора Перси Гарднера, т. ii. с. 90 и с. 315, т. xi. с. 146.
873. *De San. Tu.* ii. 8-11. Oribasius, vi. 14.

- Примечания транскриптора:

- Пропущенные или неясные знаки препинания были беззвучно исправлены.
- Типографские ошибки исправлялись молча.
- Несогласованное написание и дефисное написание приведены в соответствие только в тех случаях, когда в книге встречается преобладающая форма.
- Сноски собраны в конце текста и снабжены ссылками для удобства пользования.